

**ЖУСУП БАЛАСАГЫН
атындагы
КЫРГЫЗ УЛУТТУК
УНИВЕРСИТЕТИНИН
ЖАРЧЫСЫ**

Жалпы гуманитардык жана
табигый-техникалык илимдери

Ар бир кварталда чыгуучу илим-билим
жана маалымат журналы

Бишкек – 2026

**ВЕСТНИК
КЫРГЫЗСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА**

Общегуманитарные и естественно-технические науки

Ежеквартальный научно-образовательный
и информационный журнал

Бишкек – 2026

Материалы международной
научно-практической конференции
**«25 лет ШОС – сотрудничество во
имя созидания и прогресса»**

Бишкек – 2026

**Жусуп Баласагын атындагы КУУнун Жарчысы»
журналынын редакциялык коллегиясы**

Башкы редактор:

Чонтоев Д.Т. – география илимдеринин доктору, профессор, Жусуп Баласагын атындагы КУУнун ректору.

Башкы редактордун орун басары

Камчыбек уулу Мырзабек – психология илимдеринин доктору, доцент, Жусуп Баласагын атындагы КУУнун илимий иштери боюнча проректору.

Редколлегия:

Асипова Н.А. – педагогика илимдеринин доктору, профессор;

Борубаев А. А. – КР УИАнын академиги, физика-математика илимдеринин доктору, профессор;

Галиева З. И. – тарых илимдеринин доктору, профессор;

Искаков И. – экономика илимдеринин доктору, профессор;

Ишекеев Н. – КР УАИнын корр.-мүчөсү, педагогика илимдеринин доктору, профессор;

Карабаев С. О. – химия илимдеринин доктору, профессор;

Мамбетакунов Э. – КР УИАнын корр.-мүчөсү, педагогика илимдеринин доктору, профессор;

Маразыков Т.С. – филология илимдеринин доктору, профессор;

Саякбаева А. А. – экономика илимдеринин доктору, профессор;

Сманалиев К. М. – юридика илимдеринин доктору, профессор;

Тиллебаев С. А. – филология илимдеринин доктору, профессор;

Чыманов Ж. А. – педагогика илимдеринин доктору, профессор;

Шамшиев А.Б. – биология илимдеринин кандидаты, доцент;

Чет өлкөлүк мүчөлөрү:

Анисимов А. П. – юридика илимдеринин доктору, профессор, Дон мамлекеттик техникалык университети;

Ахунбаев А. – Евразия Өнүгүү Банкынын изилдөө секторунун башчысы (Dr.PhD);

Бердибаева С. К. – психология илимдеринин доктору, профессор, аль-Фараби атындагы Казак улуттук университети;

Бешимов Р. Б. – физ.-мат. илим. д-ру, проф., М.Улугбек атын. улуттук Өзбек уни-ти;

Бородкин Л. И. – М.В. Ломоносов атындагы ММУнун проф., т.и.д. РТИА корр.-мүчөсү;

Буркитбаев М. М. – химия илимдеринин доктору, профессор, аль-Фараби атындагы Казак улуттук университети;

Ковальская Л. А. – биол. илим. д-ру, БРМжТИИ лаб. башчысы;

Козлов К. Л. – физ.-мат. илим. д-ру, проф., М.В. Ломоносов атындагы ММУ;

Мусурманов Р. К. – методология жана билим сапатын көзөмөлдөө боюнча проректору, М.Улугбек атын. улуттук Өзбек уни-ти;

Перегудин С. И. – физ.-мат. илим. д-ру, проф. Санкт-Петербург мамлекеттик уни-ти;

Садовничий Ю. В. – физ.-мат. илим. д-ру, проф., М.В. Ломоносов атындагы ММУ.

Сманов Б. – педагогика илимдеринин доктору, профессор, Казак Улуттук Илимдер Академиясынын академиги.

КУУнун редакциялык-басма бөлүмү:

Шакирова К. К. – экономика илимдеринин доктору, Жусуп Баласагын атындагы КУУнун редакциялык басма бөлүмүнүн башчысы;

Рашитова А.Ж. – редактор;

Бактыбекова М.Б. – башкы адис.

Редакционная коллегия журнала «Вестник КНУ им. Жусупа Баласагына»

Главный редактор

Чонтоев Д.Т. – доктор географических наук, профессор, ректор КНУ им. Жусупа Баласагына.

Заместитель главного редактора

Камчыбек уулу Мырзабек – доктор психологических наук, доцент, проректор по научной работе КНУ им. Жусупа Баласагына.

Редколлегия:

Асипова Н.А. – доктор педагогических наук, профессор;
Борубаев А. А. – академик НАН КР, доктор физико-математических наук, профессор;
Галиева З. И. – доктор исторических наук, профессор;
Искаков И. – доктор экономических наук, профессор;
Ишекеев Н. – чл.-корр. НАН КР, доктор педагогических наук, профессор;
Карабаев С. О. – доктор химических наук, профессор;
Мамбетакунов Э. – чл.-корр. НАН КР, доктор педагогических наук, профессор;
Маразыков Т.С. – доктор филологических наук, профессор;
Саякбаева А. А. – доктор экономических наук, профессор;
Сманалиев К. М. – доктор юридических наук, профессор;
Тиллебаев С. А. – доктор филологических наук, профессор;
Чыманов Ж. А. – доктор педагогических наук, профессор;
Шамшиев А.Б. – кандидат биологических наук, доцент;

Зарубежные члены редакционной коллегии:

Анисимов А. П. – доктор юридических наук, профессор, Донский государственный технический университет;
Ахунбаев А. – зав. сектором исследования стран Евразийского банка развития (Dr.PhD);
Бердибаева С. К. – доктор психологических наук, профессор, КазНУ им. аль-Фараби;
Бешимов Р. Б. – д-р физ.-мат. наук., профессор, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека;
Бородкин Л. И. – доктор исторических наук, профессор, МГУ им. М.В Ломоносова, чл.-корр. РАЕН;
Буркитбаев М. М. – доктор химических наук, профессор, КазНУ им. аль-Фараби;
Ковальская Л. А. – доктор биологических наук, зав. лаб. ВНИ и ТИБП, г. Щелково, Моск. обл.;
Козлов К. Л. – д-р физ.-мат. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова;
Мусурманов Р. К. – Проректор по методологии и контролю качества образования Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека;
Перегудин С. И. – д-р физ.-мат. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Садовничий Ю. В. – д-р физ.-мат. наук, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова;
Сманов Б. – академик НАН РК, д-р педагогич. наук, проф.

Редакционно-издательский отдел КНУ:

Шакирова К.К. – доктор экономических наук, зав. отделом редакционно-издательского отдела КНУ им. Жусупа Баласагына;
Рашитова А.Ж. – редактор;
Бактыбекова М.Б. – главный специалист.

Editorial Board of the Journal “Bulletin of Kyrgyz National University Jusup Balasagyn”

Editor in chief

Chontoev D.T. – doctor of geographical sciences, professor, rector of Kyrgyz National University Jusup Balasagyn.

Deputy editor in chief

Kamchybek uulu Myrzabek – doctor of psychological sciences, associate professor, vice-rector for research of Kyrgyz National University Jusup Balasagyn.

Editorial Board

Asipova N.A. – doctor of pedagogical sciences, professor;

Borubaev A.A. – academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, doctor of physical and mathematical sciences, professor;

Galieva Z.I. – doctor of historical sciences, professor;

Iskakov I. – doctor of economic sciences, professor;

Ishekeev N. – corresponding member of the NAS KR, doctor of pedagogical sciences, professor;

Karabaev S.O. – doctor of chemical sciences, professor;

Mambetakunov E. – corresponding member of the NAS KR, doctor of pedagogical sciences, professor;

Marazykov T.S. – doctor of philological sciences, professor;

Sayakbaeva A.A. – doctor of economic sciences, professor;

Smanaliev K.M. – doctor of juridical sciences, professor;

Tillebaev S.A. – doctor of philological sciences, professor;

Chymanov Zh.A. – doctor of pedagogical sciences, professor;

Shamshiev A.B. – candidate of biological sciences, associate professor.

Foreign Members of the Editorial Board

Anisimov A.P. – doctor of juridical sciences, professor, Don state technical university;

Akhunbaev A. – head of the country research sector, Eurasian Development Bank (Dr.PhD);

Berdibaeva S.K. – doctor of psychological sciences, professor, Al-Farabi Kazakh National University;

Beshimov R.B. – doctor of physical and mathematical sciences, professor, National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek;

Borodkin L.I. – doctor of historical sciences, professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, corresponding member of the RAoNS;

Burkitbaev M.M. – doctor of chemical sciences, professor, al-Farabi Kazakh National University;

Kovalskaya L.A. – doctor of biological sciences, Head of Laboratory, All-Russian Scientific Research Institute of Biotechnology and Plant Breeding (ARSRIoTaBoFeB), Shchyolkovo, Moscow region;

Kozlov K.L. – doctor of physical and mathematical sciences, professor, Lomonosov Moscow State University;

Musurmanov R.K. – vice-rector for methodology and quality assurance in education, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek;

Peregudin S.I. – doctor of physical and mathematical sciences, professor, Saint Petersburg State University;

Sadovnichy Yu.V. – doctor of physical and mathematical sciences, professor, Lomonosov Moscow State University;

Smanov B. – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, doctor of pedagogical sciences, professor.

Editorial and Publishing Department of KNU

Shakirova K.K. – doctor of economic sciences, Head of the editorial and Publishing Department of KNU named after J. Balasagyn;

Rashitova A.Zh. – editor;

Baktybekova M.B. – chief specialist.

Асанбекова С.К.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Асанбекова С.К.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Asanbekova S.K.

KNU Jusup Balasagyn

**ШАНХАЙ КЫЗМАТТАШТЫК УЮМУНУН БОРБОРДУК АЗИЯДА ЖАНА
КЫРГЫЗСТАНДА КООПСУЗДУКТУ ЖАНА ТУРУКТУУЛУКТУ
КАМСЫЗДООДОГУ РОЛУ**

**РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ
БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И В КЫРГЫЗСТАНЕ**

**THE ROLE OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION
IN ENSURING SECURITY AND STABILITY IN CENTRAL ASIA AND KYRGYZSTAN**

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Шанхай кызматташтык уюмунун (ШКУ) Борбордук Азиядагы коопсуздукту жана туруктуулукту камсыздоодогу ролу Кыргызстанга басым жасоо менен изилденет. Глобалдык турбуленттүүлүктү, Регионалдык антитеррордук түзүмдүн (РАТС) ишмердүүлүгүн жана 2010-жылдагы кризистик окуяларды талдоонун негизинде ШКУнун күчтүү жактары жана чектөөлөрү аныкталган. 2025-жылы ШКУга төрагалык кылуунун Кыргызстанга өтүшүнө өзгөчө көңүл бурулуп, бул жагдай региондук коопсуздук, туруктуу өнүгүү, экономикалык интеграция, жаштар саясаты жана гуманитардык өнөктөштүк чөйрөлөрүндө өз ара аракеттенүүнү тереңдетүү үчүн жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачары белгиленет. Уюмдун антитеррордук потенциалын күчөтүү жана Кыргызстандын эл аралык аброюн жогорулатуу максатында төрагалыкты натыйжалуу пайдалануу боюнча чаралар сунушталат.

Аннотация: В статье исследуется роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в обеспечении безопасности и стабильности в Центральной Азии с акцентом на Кыргызстан. На основе анализа глобальной турбулентности, деятельности Региональной антитеррористической структуры (РАТС) и кризисного кейса 2010 года выявлены сильные стороны и ограничения ШОС. Особое внимание уделено переходу председательства в ШОС к Кыргызстану в 2025 году, что открывает новые возможности для углубления взаимодействия в сферах региональной безопасности, устойчивого развития, экономической интеграции, молодежной политики и гуманитарного партнёрства. Предложены меры по усилению антитеррористического потенциала организации и использованию председательства для повышения международного статуса Кыргызстана.

Abstract: The article examines the role of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in ensuring security and stability in Central Asia, with a focus on Kyrgyzstan. Based on an analysis of global turbulence, the activities of the Regional Anti-Terrorist Structure (RATS), and the 2010 crisis case study, the strengths and limitations of the SCO are identified. Special attention is paid to Kyrgyzstan's assumption of the SCO chairmanship in 2025, which opens up new opportunities for deepening cooperation in the areas of regional security, sustainable development, economic integration, youth policy, and humanitarian partnership. Measures are proposed to enhance the organization's counter-terrorism potential and to use the chairmanship to raise Kyrgyzstan's international status.

Негизги сөздөр: региондук коопсуздук; терроризм; экстремизм; ШКУнун РАТСы; Кыргызстан; ШКУга төрагалык кылуу; глобалдык турбуленттүүлүк; көп уюлдуулук; жаштар кеңеши; Борбордук Азия; жамааттык коопсуздук.

Ключевые слова: региональная безопасность; терроризм; экстремизм; РАТС ШОС; Кыргызстан; председательство в ШОС; глобальная турбулентность; многополярность; молодёжный совет; Центральная Азия; коллективная безопасность.

Keywords: regional security; terrorism; extremism; SCO RATS; Kyrgyzstan; SCO chairmanship; global turbulence; multipolarity; Youth Council; Central Asia; collective security.

Введение. Современная международная система переживает период глубоких трансформаций. Усиление геополитической напряжённости, рост конфликтного потенциала в различных регионах мира и кризис доверия к существующим механизмам глобального управления обуславливают необходимость развития регионального многостороннего сотрудничества. В этих условиях Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) выступает одним из устойчивых и прагматичных механизмов обеспечения безопасности, экономического взаимодействия и культурно-гуманитарного диалога в Евразии.

Для молодых независимых государств Центральной Азии, включая Кыргызстан, обеспечение национальной безопасности тесно связано с участием в интеграционных и региональных структурах. ШОС, созданная в 2001 году, изначально позиционировалась как механизм укрепления доверия и совместного противодействия «трём злам» — терроризму, сепаратизму и экстремизму [1]. В настоящее время организация объединяет крупнейшие евразийские государства, включая Россию, Китай, Индию, Пакистан, Иран и страны Центральной Азии, что делает её значимой платформой формирования многополярного миропорядка.

31 августа — 1 сентября 2025 года в Тяньцзине состоялось 25-е заседание Совета глав государств — членов ШОС. По итогам саммита была принята Тяньцзиньская декларация, а также подписан ряд документов, направленных на укрепление взаимодействия государств-членов в политической, экономической, энергетической и иных сферах. По завершении китайского председательства в 2024–2025 годах председательство в ШОС на 2025–2026 годы перешло к Кыргызской Республике. Это открывает для Кыргызстана новые возможности для продвижения инициатив в сфере региональной безопасности, устойчивого развития, экономической интеграции и гуманитарного партнёрства.

Цель данной статьи — проанализировать роль ШОС в обеспечении региональной безопасности и стабильности, оценить эффективность её антитеррористических механизмов на примере Центральной Азии и Кыргызстана, а также определить возможности, которые открываются перед Кыргызской Республикой в связи с председательством в организации в 2025–2026 годах.

Обзор литературы. Проблематика роли Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в обеспечении региональной безопасности активно исследуется в российской, зарубежной и кыргызской научной литературе. В имеющихся исследованиях можно выделить несколько основных направлений.

Институциональная эволюция ШОС. Исследователи рассматривают ШОС как неблоковое объединение, основанное на принципах многосторонности, взаимного доверия и равенства интересов государств-участников [1]. Отмечается, что отсутствие жёсткой военно-политической составляющей способствует снижению конфронтационности, однако одновременно ограничивает возможности оперативного реагирования на кризисные ситуации.

Особое внимание уделяется сотрудничеству России и Китая в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС) [2]. Зарубежные исследователи, в частности С. Арис [4], рассматривают ШОС как механизм обеспечения региональной стабильности, ориентированный прежде всего на противодействие нетрадиционным угрозам безопасности.

Вызовы безопасности в Центральной Азии. В работах В.В. Наумкина [6] анализируются угрозы терроризма, экстремизма и радикализации, при этом подчёркивается значимость социально-экономических факторов в их распространении. Ряд исследователей отмечает, что Китай рассматривает Центральную Азию как важное направление обеспечения собственной безопасности и сдерживания трансграничного религиозного экстремизма [7].

Антитеррористическая деятельность ШОС. Исследования показывают, что РАТС стала одним из ключевых практических инструментов организации: сформированы специализированные базы данных, проводятся регулярные антитеррористические учения и осуществляется координация деятельности правоохранительных и специальных служб государств-членов [8; 9]. Вместе с тем эффективность данного механизма ограничивается различиями в технических возможностях государств и сохраняющимися противоречиями между отдельными участниками организации [10; 12].

Реакция на внутривнутриполитические кризисы (кейс Кыргызстана). События 2010 года в Кыргызстане продемонстрировали ограниченные возможности ШОС в реагировании на внутренние политические конфликты. Как отмечает С. Арис [16], кризис рассматривался государствами-членами как внутреннее дело страны, не требующее коллективного вмешательства, что существенно сузило потенциал организации в урегулировании ситуации.

Новые вызовы и перспективы. Современные исследования акцентируют внимание на расширении повестки ШОС, включающей противодействие киберугрозам, совершенствование механизмов управления границами и развитие сотрудничества по афганскому направлению [19]. В кыргызских исследованиях, в частности в работах Ч.К. Тургамбаевой [18], подчёркивается необходимость консолидации коллективных усилий государств региона в условиях роста транснациональных угроз.

Глобальный контекст и председательство Кыргызстана. В публикациях последних лет, включая работы А. Джекшенкулова [21], подчёркивается, что в условиях глобальной турбулентности ШОС выступает одной из площадок формирования многополярного мирового порядка. Председательство Кыргызстана в организации рассматривается как дополнительная возможность для продвижения национальных интересов и укрепления международных позиций страны.

Таким образом, комплексное исследование, объединяющее анализ современных угроз безопасности, институциональных возможностей ШОС, опыта Кыргызстана и перспектив, связанных с председательством республики в организации, сохраняет научную и практическую актуальность.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составил комплексный междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать деятельность ШОС в политико-правовом, институциональном и регионально-безопасностном аспектах. В работе использованы следующие методы:

- системный анализ — для рассмотрения ШОС как целостной системы, включающей нормативно-правовую базу, институты (РАТС, Советы глав государств и глав правительств) и практические механизмы сотрудничества (совместные учения, обмен информацией, координация действий);

- кейс-стади (case study) — для углублённого изучения внутривосточного кризиса в Кыргызстане 2010 года как критического случая, позволившего оценить эффективность антикризисного потенциала ШОС;

- сравнительный анализ — для сопоставления деятельности ШОС с другими региональными структурами, включая ОДКБ и СНГ;

- анализ документов — для изучения хартий, деклараций, стратегий и конвенций ШОС, включая Стратегию развития ШОС до 2025 г., Ташкентскую декларацию 2016 г., Конвенцию ШОС по противодействию экстремизму 2017 г., Тяньцзиньскую декларацию 2025 г., а также официальные отчёты РАТС [8; 9];

- статистический метод — для оценки численности боевиков из стран Центральной Азии в зонах вооружённых конфликтов [20].

Источниковую базу исследования составили официальные документы ШОС, аналитические доклады, публикации в рецензируемых научных журналах, материалы средств массовой информации за 2010–2025 гг., а также выступления официальных лиц Кыргызской Республики.

Результаты исследования и их обсуждение.

4.1. Угрозы безопасности в Центральной Азии и уязвимость Кыргызстана.

Исследование показало, что Центральноазиатский регион сталкивается с комплексом внутренних и внешних факторов радикализации. К внутренним факторам относятся бедность, безработица, социальное неравенство, слабость государственных институтов и ограниченные возможности для молодёжи. К внешним факторам можно отнести соседство с Афганистаном, активность транснациональных экстремистских сетей, незаконную миграцию, наркотрафик и распространение радикальной идеологии через цифровые каналы.

Особую обеспокоенность вызывают организации, запрещённые в ряде государств — членов ШОС, включая «Исламское движение Узбекистана» / «Исламское движение Туркестана», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Акрамия» [6, с. 79–92]. В Кыргызстане, по оценкам отдельных экспертов, численность сторонников «Хизб ут-Тахрир» может достигать 15 тыс. человек, особенно в Ошской и Джалал-Абадской областях.

По данным за 2017 г. [20, с. 18], более 500 граждан Кыргызстана участвовали в боевых действиях на Ближнем Востоке в составе террористической организации «Исламское государство», запрещённой в ряде стран. В связи с этим проблема так называемых «возвращенцев» — лиц, прошедших боевую подготовку за рубежом и вернувшихся в страны происхождения, — стала одним из серьёзных вызовов региональной безопасности.

Кыргызстан, обладая ограниченными финансовыми, техническими и кадровыми ресурсами, а также протяжёнными и трудно контролируемыми участками государственной границы, не в полной мере способен самостоятельно нейтрализовать указанные угрозы. Это обуславливает необходимость развития многостороннего сотрудничества в рамках ШОС и других региональных механизмов безопасности.

4.2. Деятельность ШОС и РАТС: инструменты и практики

Основным профильным органом ШОС в сфере безопасности является Региональная антитеррористическая структура (РАТС), созданная в 2004 г. [9]. Ключевые направления её деятельности включают:

- проведение совместных антитеррористических учений «Мирная миссия» с 2005 г. В 2016 г. такие учения прошли на территории Кыргызстана на базе «Эдельвейс»;
- противодействие использованию интернета в террористических целях, в том числе в рамках учения «Сямынь-2015» в Китае;

- формирование единых списков лиц, причастных к террористической деятельности, а также создание защищённой системы связи между компетентными органами государств — членов ШОС.

В 2009 г. были приняты Декларация по Афганистану, План действий по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, а также Совместное заявление с Исламской Республикой Афганистан [8].

4.3. Кризис в Кыргызстане 2010 г. как проверка возможностей ШОС

События апреля–июня 2010 г., связанные со свержением режима К. Бакиева и последующими межэтническими столкновениями на юге Кыргызстана, стали серьёзным вызовом для ШОС. Организация оказалась перед сложной дилеммой: принцип невмешательства во внутренние дела государств вступал в противоречие с необходимостью предотвращения гуманитарной катастрофы и возможной региональной дестабилизации.

Реакция ШОС носила преимущественно политико-дипломатический характер. Уже 8 апреля 2010 г. Генеральный секретарь ШОС М. Иманалиев выступил с заявлением, в котором выразил обеспокоенность ситуацией и готовность оказать помощь населению. Также была достигнута договорённость о визите Генерального секретаря в Бишкек. При этом организация последовательно подчёркивала, что кризис является внутренним делом Кыргызстана, и выступала против внешнего давления [14].

Вместе с тем события 2010 г. выявили ряд институциональных ограничений ШОС [15, с. 47]:

- отсутствие механизма оперативного реагирования на внутригосударственные конфликты, способные перерасти в региональные кризисы;
- отсутствие нормативно-правовой базы для действий по принуждению к миру;
- отсутствие военной составляющей в базовых документах ШОС.

Тем не менее, как отмечают Габуев и Черненко, ШОС стала «реальным гарантом безопасности для Киргизии» [14]. Данный вывод объясняется тем, что подход организации, основанный на уважении суверенитета, политических консультациях и готовности к гуманитарному содействию, позволил сохранить региональный формат взаимодействия без прямой внешней интервенции.

4.4. Глобальная турбулентность, адаптационный потенциал ШОС и сотрудничество с Кыргызстаном

В условиях глобальной нестабильности, связанной с геополитическими конфликтами, ростом санкционного давления и кризисом доверия к международным институтам, саммит ШОС в Тяньцзине в 2025 г. приобрёл особую значимость. В рамках саммита лидеры государств — членов ШОС подтвердили заинтересованность в укреплении стратегического взаимодействия по ключевым направлениям, включая обеспечение региональной и глобальной безопасности, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, цифровую экономику, а также культурно-гуманитарное сотрудничество.

Организация обладает рядом конкурентных преимуществ, среди которых широкий геополитический охват, гибкий формат взаимодействия, ориентация на прагматичное сотрудничество и отказ от идеологического диктата. В перспективе возможно дальнейшее расширение ШОС, развитие собственных финансовых механизмов, включая обсуждаемую идею создания банка развития ШОС, а также усиление её роли в мировой политике.

Адаптационный потенциал ШОС особенно заметно проявляется в углублении сотрудничества с государствами Центральной Азии, включая Кыргызстан. После кризиса 2010 г. взаимодействие в сфере безопасности было существенно активизировано. С участием

кыргызских подразделений проводятся командно-штабные и антитеррористические учения в рамках РАТС ШОС, включая «Сотрудничество-2016», проходившее в Таджикистане, а также совещания секретарей советов безопасности и мероприятия по обмену информацией [9; 17].

В Стратегии развития ШОС до 2025 г., принятой на саммите в Уфе в 2015 г., особое внимание уделено противодействию вербовке граждан в международные террористические организации и отслеживанию возвращающихся боевиков. Данное направление имеет особую значимость для Кыргызстана в контексте противодействия транснациональным угрозам безопасности [8].

Таким образом, глобальные вызовы стимулируют не только институциональную эволюцию ШОС, но и разработку конкретных мер по укреплению безопасности и стабильности в государствах-членах, наиболее уязвимых перед транснациональными угрозами, включая Кыргызскую Республику.

4.5. Роль ключевых государств — членов ШОС в укреплении организации

Ключевые государства — члены ШОС играют важную роль в укреплении институционального, политического, экономического и гуманитарного потенциала организации.

Россия выступает одним из ведущих участников ШОС в сфере безопасности, содействует противодействию терроризму, экстремизму и сепаратизму, а также продвигает идеи многополярного мироустройства.

Китай является одним из основных экономических драйверов организации. В рамках инициативы «Один пояс — один путь» Пекин инвестирует в развитие инфраструктуры, транспортных коридоров и энергетических проектов.

Индия привносит дополнительное геополитическое и экономическое измерение, расширяя присутствие организации в Южной Азии и выступая фактором баланса в системе взаимодействия ведущих государств ШОС.

Иран обладает важным стратегическим положением и значительными энергетическими ресурсами, усиливая логистическую связанность региона, в том числе через Международный транспортный коридор «Север — Юг».

Участие данных государств способствует повышению устойчивости ШОС и превращает её в значимый элемент формирующегося многополярного мирового порядка.

4.6. Молодёжный совет ШОС как перспективное направление сотрудничества

В 2006 году была выдвинута инициатива о создании Молодёжного совета ШОС, поддержанная главами государств. В 2009 году в Екатеринбурге состоялась его учредительная конференция. На сегодняшний день Молодёжным советом ШОС проведено более 20 крупных мероприятий, включая форумы по туризму, предпринимательству и творчеству, а также летние лагеря.

Кыргызстан активно участвовал в организации мероприятий Молодёжного совета, включая I Форум Молодёжного совета ШОС «ШОС: созидание будущего» на озере Иссык-Куль и форум «Развитие туризма» в 2019 году.

В условиях усиления идеологического воздействия на молодёжь особую актуальность приобретает расширение мероприятий, направленных на укрепление общности, толерантности, межкультурного диалога и евразийского гуманитарного сотрудничества. Перспективными направлениями являются создание цифровых образовательных платформ, развитие программ академической мобильности, поддержка молодёжных стартапов и креативных индустрий.

4.7. Перспективы председательства Кыргызстана в ШОС в 2025–2026 гг.

Председательство Кыргызстана в ШОС в четвёртый раз представляет собой стратегическую возможность для продвижения национальных интересов и укрепления международных позиций страны. В рамках председательства Кыргызская Республика может инициировать ряд проектов в сферах безопасности, экономики, экологии, туризма, культуры, образования и молодёжного сотрудничества.

В сфере безопасности перспективными направлениями являются инициирование создания в Бишкеке хаба по кибербезопасности ШОС, проведение совместных учений и развитие механизмов оперативного реагирования на киберугрозы. Кроме того, актуальным представляется продвижение проекта «умных границ» с использованием современных цифровых технологий, включая беспилотные летательные аппараты, системы видеонаблюдения и элементы искусственного интеллекта для мониторинга труднодоступных участков государственной границы. Особое значение также имеет усиление координации в борьбе с наркотрафиком и проблемой возвращения граждан из зон вооружённых конфликтов.

В экономической и инвестиционной сферах Кыргызстан может использовать председательство для продвижения транспортного коридора «Китай — Кыргызстан — Узбекистан», привлечения инвестиций в гидроэнергетику, горнодобывающий сектор и логистику, а также развития инициативы по созданию «ШОС-агромакета» с едиными стандартами качества для выхода продукции на рынки Китая, Индии и других государств — членов организации.

В экологическом направлении перспективной инициативой может стать создание ежегодной площадки «ШОС — Иссык-Кульский форум» по вопросам экологии и климата, посвящённой защите ледников, водной безопасности и устойчивому развитию горных территорий.

В сфере туризма и культуры целесообразно рассмотреть возможность проведения «Года культурного туризма ШОС в Кыргызстане» с организацией фестивалей, программ горного и этнотуризма, а также мероприятий, направленных на популяризацию культурного наследия страны.

В области образования и молодёжного сотрудничества важным направлением может стать развитие формата Университета ШОС в Бишкеке либо создание цифровой платформы академического обмена, выполняющей функции онлайн-кампуса для студентов и молодых исследователей государств — членов ШОС.

Реализация указанных инициатив может способствовать повышению международного авторитета Кыргызстана, укреплению его роли как активного участника региональных процессов, а также консолидации национальной идентичности и суверенитета.

4.8. Проблемы и ограничения ШОС

Несмотря на достигнутые результаты, деятельность ШОС в сфере обеспечения региональной безопасности имеет ряд ограничений [1; 6; 10].

Во-первых, отсутствие полноценной военной составляющей не позволяет организации участвовать в активных контртеррористических операциях. В этом отношении ШОС отличается от ОДКБ, располагающей Коллективными силами оперативного реагирования.

Во-вторых, частичное пересечение зон ответственности ШОС, ОДКБ и СНГ создаёт риск институционального параллелизма и дублирования отдельных направлений деятельности.

В-третьих, различный уровень политического, экономического, технического и силового потенциала государств — членов ШОС затрудняет выработку единых подходов к реагированию на региональные угрозы.

Перспективы дальнейшего развития ШОС в сфере безопасности связаны с укреплением РАТС, созданием «антитеррористического пояса безопасности» вокруг Афганистана, расширением взаимодействия с ОДКБ, дальнейшей реализацией Конвенции ШОС по противодействию экстремизму 2017 г., а также активным использованием механизмов информационного обмена и сотрудничества в сфере кибербезопасности [8; 13; 19].

Выводы и рекомендации. Для Центральной Азии, и в особенности для Кыргызстана, Шанхайская организация сотрудничества сегодня выступает не только площадкой для политического диалога, но и значимым механизмом регионального взаимодействия в сфере безопасности. Кризис 2010 года показал как сильные стороны ШОС — оперативную политико-дипломатическую реакцию, уважение суверенитета государств-членов и готовность к гуманитарному содействию, — так и её институциональные ограничения, связанные с отсутствием инструментов оперативного военного реагирования.

Основные выводы исследования заключаются в следующем:

1. ШОС постепенно становится одним из важных инструментов противодействия экстремизму и терроризму в Центральной Азии, однако её потенциал в данной сфере реализован не в полной мере.

2. РАТС ШОС обеспечивает координацию компетентных органов государств-членов, однако нуждается в дальнейшем расширении технических возможностей и совершенствовании механизмов информационного обмена.

3. Опыт Кыргызстана показывает, что для государств с ограниченными ресурсами участие в ШОС является важным фактором укрепления устойчивости перед лицом трансграничных угроз.

4. Председательство Кыргызстана в ШОС в 2025–2026 гг. открывает дополнительные возможности для продвижения национальных интересов в сферах безопасности, экономики, экологии, туризма и молодёжной политики.

На основе проведённого анализа можно предложить следующие рекомендации:

- разработать в рамках ШОС механизм оперативного реагирования на внутригосударственные кризисы без применения военной интервенции, прежде всего через институты посредничества, мониторинга и гуманитарного содействия;
- ускорить ратификацию и имплементацию Конвенции ШОС по противодействию экстремизму 2017 г.;
- рассмотреть возможность создания совместных мобильных групп быстрого реагирования из числа компетентных подразделений государств-членов для действий в приграничных зонах, в том числе в Ферганской долине;
- расширить обмен информацией о лицах, возвращающихся из зон вооружённых конфликтов, включая использование современных механизмов идентификации и учёта;
- в рамках председательства Кыргызстана реализовать инициативы по развитию кибербезопасности, «умных границ», Иссык-Кульского экологического форума и молодёжных образовательных программ.

В условиях роста террористических и экстремистских угроз, нестабильности в Афганистане и проблемы возвращения граждан из зон вооружённых конфликтов дальнейшее развитие антитеррористического потенциала ШОС является одним из важных условий поддержания безопасности и стабильности в регионе. Эффективное председательство Кыргызстана в ШОС может способствовать укреплению международного авторитета страны и повышению её роли в формировании многополярной системы регионального сотрудничества.

Список использованной литературы

1. Барский К.М. Шанхайская организация сотрудничества: новое слово в мировой политике // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества / под ред. А.В. Лукина. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – С. 8–22.
2. Васильев Л.Е. Российско-китайское сотрудничество в борьбе против терроризма // Китай в мировой и региональной политике. – 2014. – № 19. – С. 93–104.
3. Schlyter B. (Ed.) The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian geopolitics: new directions, perspectives, and challenges. – Stockholm: Stockholm International Program for Central Asian Studies, 2013. – 312 с.
4. Aris S. Central Asian regional security: Shanghai Cooperation Organisation. PhD Thesis. – Birmingham: University of Birmingham, 2010. – 210 с.
5. Safiullin A. The Shanghai Cooperation Organisation and Security in Post-Soviet Central Asia // Central European Journal of International and Security Studies. – 2010. – Vol. 4, No. 2. – P. 24–41.
6. Наумкин В.В. (ред.) Угроза международного терроризма в Центральной Азии. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – 250 с.
7. Springer. China and Central Asian Countries 'Cooperation in the Sphere of Security: Religious Aspects and Beyond // New Dynamics in US-China Relations. – Singapore: Springer, 2023. – P. 145–162.
8. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. – Уфа, 2015. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=125>
9. Официальный сайт Региональной антитеррористической структуры ШОС. – URL: <http://ecrats.org>
10. Dzyuba E.V., Wang H. Interaction between Russia and China in the SCO: Ensuring Security in Central Asian Countries // Russia in the Global World. – 2025. – Vol. 28, No. 3. – P. 212–222.
11. Akkozshina N.O., Darkenov K.G. The role of international organizations in ensuring regional security in Central Asia: using the example of the SCO and NATO // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. – 2024. – Vol. 149, No. 4. – P. 143–155.
12. University of Leiden. Security Realignment in Central Asia: The SCO RATS' Unused Potential. Master's Thesis. – Leiden, 2023. – 89 с.
13. Tactics Institute. SCO's Anti-Terror Gains: Are Joint Operations Changing Regional Security? – London: Tactics Institute for Security Studies, 2025. – 24 с.
14. Габуев А., Черненко Е. Шанхайская организация соперничества // Коммерсантъ. – 2012. – № 101 (4886).
15. Кулага М.В. Противодействие терроризму в рамках работы ШОС. DOI: 10.48647/IFES.2021.76.64.006
16. Aris S. The Response of the Shanghai Cooperation Organisation to the Crisis in Kyrgyzstan // Civil Wars. – 2012. – Vol. 14, No. 3. – P. 451–476.
17. Влияние участия Кыргызстана в ШОС, ОДКБ и ЕАЭС на политическое взаимодействие в регионе // Жаңы саны. – 2025. – № 4. – С. 126–132.
18. Тургамбаева Ч.К. Формирование региональной системы коллективной безопасности в Центральной Азии: на примере становления ОДКБ и ШОС: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Бишкек: КРСУ, 2012. – 24 с.
19. Masadykov T. A Perspective on Security Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) After the SCO Tianjin Summit. Lecture at Shandong University. – Jinan, 2025. – 18 с.
20. Barrett R. Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. – New York: The Soufan Group, 2017. – 34 p.
21. Джекшенкулов А. ШОС и Кыргызстан: Новые горизонты // Кыргыз Туусу. – 2025. – Специальный выпуск (в печати).
22. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. – Тяньцзинь, 2025. – URL: <http://infoshos.ru>

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаев Н.Ж.

Бай С.

Элдик саясий консультациялык кеңеши, КЭР

Бай С.

Народный политический консультативный совет, КНР

Bai S.

Chinese People's Political Consultative Conference, PRC

**АКЫНДЫН ЧЫГАРМАЧЫЛЫГЫНДАГЫ ЭНЕНИН ОБРАЗЫ: ЯСЫР
ШИВАЗЫНЫН ЭНЕГЕ АРНАЛГАН ЫРЛАРЫНА ТАЛДОО**

**ОБРАЗ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА: АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ЯСЫРА
ШИВАЗЫ, ПОСВЯЩЕННЫХ МАТЕРИ**

**THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE POET'S WORK: AN ANALYSIS OF YASYR
SHIVAZA'S POEMS DEDICATED TO THE MOTHER**

诗人创作中的母亲形象——亚瑟尔·希瓦扎母亲题材诗歌分析

Кыскача мүнөздөмө: Ясыр Шиваза — Кыргыз Республикасынын көрүнүктүү акыны, орто азиялык дунгандардын маданиятынын негиздөөчүсү, коомдук ишмер жана лингвист. Анын чыгармачылыгы Борбордук Азия жана Кытай элдери тарабынан терең урматталат. Акындын жашоо жолу бай тажрыйбага жана талыбаган чыгармачылыкка толгон, ал эми чыгармалары Ата Мекенди, элди жана дунгандардын турмуш-тиричилигин даңазалаган чын жүрөктөн чыккан сезимдерге сугарылган. Автордун энеге арналган поэтикалык чыгармаларын эки категорияга бөлүүгө болот: эне тууралуу жеке ырлары жана эненин образы Ата Мекендин метафорасына айланган чыгармалары. Шивазанын поэзиясы сезимдердин тереңдиги жана тилинин жөнөкөйлүгү менен айырмаланат; ал дунган оозеки чыгармачылыгынын духун өзүнө сиңирип, кытай элдик адабиятынын негизинде калыптанган. Анын ырларында салттуу кытай маданиятынын мурастары Орто Азия жергесиндеги жаңы маанилер менен айкалышып, түндүк-батыш диалектилеринин өзгөчө колорити менен берилген. Бул саптарды окуганда акындын энесине болгон чексиз берилгендигин, суктануусун жана сүйүүсүн сезбей коюу мүмкүн эмес. «Эне» поэмасы өзгөчө орунду ээлейт. Анда согуштун катаалдыгы жана баскынчылардын таш боордугунун фонунда согуш талаасында уулунан айрылган эненин трагедиясы сүрөттөлөт. Бирок, бул образ кайгыруу менен гана чектелбейт: баатыр эне душманды толук кууп чыкканга чейин күрөштү улантуу үчүн колуна курал алат. Окурмандын алдында жеңиш үчүн эң жогорку курмандыктарга бара алган, үйүнүн жана өлкөсүнүн коргоочусу — улуу дунган энесинин образы пайда болот. Шивазанын энеге арналган ырлары эмоционалдык жактан каныккан жана реалдуу. Анын поэзиясындагы эне — бул жөн гана боорукердиктин, назиктиктин жана сулуулуктун символу эмес, ал туулуп өскөн жердин жана акындын руханий тамырынын чагылдырылышы. Мейли ал назик сүйүү билдирүүсү болсун, энелик сүйүүнү түз даңазалоо же эненин образы аркылуу Ата Мекенге болгон терең кайрылуу болсун — Шиваза үчүн «эне» деген сөз жөн гана кайрылуу эмес, жылуулуктун жана руханий тиректин ыйык символу болуп саналат.

Аннотация: Ясыр Шиваза — выдающийся поэт Кыргызской Республики, основоположник культуры среднеазиатских дунган, общественный деятель и лингвист, чье творчество глубоко почитаемо народами Центральной Азии и Китая. Его жизнь была наполнена богатым опытом и неустанным созиданием, а произведения пронизаны

искренней страстью, воспеванием Родины, народа и быта дунган. Поэтические произведения автора, посвященные матери, можно разделить на две категории: личные стихотворения о матери и произведения, в которых образ матери становится метафорой Родины. Поэзия Шивазы отличается глубиной чувств и простотой слога; она впитала в себя дух устного народного творчества дунган и выросла на благодатной почве китайской народной литературы. В его стихах живет наследие традиционной китайской культуры, переплетенное с новыми смыслами, обретенными дунганами на среднеазиатской земле, и приправленное особым колоритом северо-западных диалектов. Читая эти строки, невозможно не прочувствовать безграничную привязанность, восхищение и любовь поэта к матери. Особое место занимает поэма «Мать». В ней на фоне жестокости войны и цинизма захватчиков описывается трагедия матери, потерявшей сына на поле боя. Однако образ не ограничивается скорбью: героиня берет в руки оружие, чтобы продолжать борьбу до полного изгнания врага. Перед читателем предстает величественный образ дунганской матери — защитницы дома и страны, способной на высшее самопожертвование ради победы. Стихотворения Шивазы, посвященные матери, эмоционально насыщены и реалистичны. Мать в его поэзии — это не только воплощение доброты, нежности и красоты, но и олицетворение родного края, духовный корень поэта. Будь то нежное признание, прямое прославление материнской любви или глубокое обращение к Родине через образ матери — для Шивазы слово «мать» является не просто обращением, а сакральным символом тепла и духовной опоры.

Abstract: Yasyr Shivaza is an outstanding poet of the Kyrgyz Republic, the founder of the culture of Central Asian Dungans, a public figure, and a linguist whose work is deeply revered by the peoples of Central Asia and China. His life was filled with rich experience and tireless creativity, and his works are imbued with sincere passion and the celebration of the Motherland, the people, and the daily life of the Dungans. The author's poetic works dedicated to the mother can be divided into two categories: personal poems about the mother and works in which the image of the mother becomes a metaphor for the Motherland. Shivaza's poetry is characterized by depth of feeling and simplicity of style; it has absorbed the spirit of Dungan oral folklore and grown on the fertile ground of Chinese folk literature. His verses carry the legacy of traditional Chinese culture intertwined with new meanings acquired by the Dungans on Central Asian soil, seasoned with the distinct flavor of northwestern dialects. Reading these lines, it is impossible not to feel the poet's boundless attachment, admiration, and love for his mother. The poem "Mother" holds a special place. Against the backdrop of the cruelty of war and the cynicism of invaders, it describes the tragedy of a mother who lost her son on the battlefield. However, the image is not limited to grief: the heroine takes up arms to continue the struggle until the enemy is completely expelled. The reader is presented with a majestic image of a Dungan mother—a defender of home and country, capable of the ultimate sacrifice for the sake of victory. Shivaza's poems dedicated to the mother are emotionally rich and realistic. In his poetry, the mother is not only the embodiment of kindness, tenderness, and beauty but also the personification of the native land and the poet's spiritual roots. Whether it is a tender confession, a direct glorification of maternal love, or a profound appeal to the Motherland through the image of the mother—for Shivaza, the word "mother" is not just an address, but a sacred symbol of warmth and spiritual support.

摘要: 亚瑟尔·希瓦扎是吉尔吉斯共和国杰出的诗人、中亚东干族文化的奠基人、社会活动家和语言学家。他的创作深受中亚各民族以及中国人民的尊敬与喜爱。希瓦扎的一生充满了丰富的人生阅历与不懈的创造精神，其作品洋溢着真挚而深沉的情感，歌颂祖国、人民以及东干族的生活与传统。诗人关于母亲的作品大致可以分为两类：一类是描写个人母亲形象的

抒情诗，另一类则是将母亲作为祖国象征的诗篇。希瓦扎的诗歌情感深厚、语言质朴，既吸收了东干族民间口头文学的精神，又扎根于中国民间文学的肥沃土壤之中。他的作品中既保留了中国传统文化的遗韵，也融合了东干民族在中亚土地上形成的新文化意义，并带有浓厚的西北方言色彩。阅读这些诗句，读者能够深切感受到诗人对母亲无限的依恋、敬仰与热爱。其中，长诗《母亲》尤为具有代表性。作品以战争的残酷和侵略者的冷酷为背景，描绘了一位失去儿子的母亲所经历的巨大悲痛。然而，这位母亲的形象并不仅仅停留在悲伤之中，她毅然拿起武器，继续战斗，直至敌人被彻底驱逐。诗中塑造了一位伟大的东干族母亲形象——她既是家庭与祖国的守护者，也是为了胜利甘愿奉献一切的英雄。希瓦扎描写母亲的诗歌情感充沛、真实感人。在他的诗歌中，母亲不仅是善良、温柔与美丽的化身，更是故乡与精神根源的象征。无论是温柔的倾诉、对母爱的直接赞美，还是借母亲形象表达对祖国的深情，“母亲”这一词语对于希瓦扎而言，都不仅仅是一种称呼，而是温暖与精神依靠的神圣象征。

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган поэзиясы; эненин образы; Ата Мекен; адабий мурас; Орто Азия маданияты; фольклордук салттар; мекенчилдик.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунганская поэзия; образ матери; Родина; литературное наследие; культура Средней Азии; фольклорные традиции; патриотизм.

Keywords: Yasyr Shivaza; Dungan poetry; image of the mother; Motherland; literary heritage; Central Asian culture; folklore traditions; patriotism.

关键词: 亚瑟尔·希瓦扎; 东干族诗歌; 母亲形象; 祖国; 文学遗产; 中亚文化; 民间文学传统; 爱国主义

亚瑟尔·十娃子是吉尔吉斯斯坦共和国著名诗人，获“人民诗人”和“文化功勋活动家”荣誉称号，一生写作和翻译出版了数十部诗文集，作为中亚东干族文化的奠基者，社会活动家和语言学家，为中亚和东干族文学艺术的繁荣和发展做出了杰出贡献，也是深受中国人民喜爱的诗人。我与更多的读者是通过学者王国杰的《东干族形成发展史》等著作知晓亚瑟尔·十娃子的，通过林涛先生编译伊玛佐夫选编的《中亚回族著名诗人亚瑟尔·十娃子精选诗集》敬读到诗人不朽诗篇的。

在为纪念诗人诞辰100周年，由吉尔吉斯斯坦共和国科学院前东干学汉学研究中心主任伊玛佐夫教授选编的诗集里，收录了诗人创作出版散见于不同诗集里的代表性诗篇214首，正如伊玛佐夫所言“书里头的作品，是打一切的从前印出的书上挑拣下的”。^①这些精选出来的诗篇，怀念故土，抒写乡情；歌颂东干族悲壮不屈历史；抒写东干族民俗风情、生活变迁、精神面貌；歌颂幸福生活，美好爱情；歌颂缅怀东干族英雄，憎恨法西斯侵略者，呼唤和平正义；抒写大自然美景，四季变化，春天美好；有向往和眷恋故土，抒发对故土深厚感情；歌颂母亲，赞美母爱，可谓精彩纷呈[1]。

有着曾在清真寺学习并当阿訇，担任中学校长、讲授东干语言文学课程，在国家出版社工作，担任作家协会主席的经历，尤其二战爆发，以随军记者赴西部前线采访报道的战地经历，1957年，诗人作为前苏联作家代表团成员，应邀赴中国参加新疆维吾尔自治区作家协会成立大会，并应老舍之邀，赴北京参观访问，有幸见到了周恩来总理，与中国老一代作家茅盾、郭沫若、萧山等相见的丰富经历，诗人满怀激情，辛勤创作，用手中的笔，歌颂祖国，歌唱人民，歌唱中亚回族的生活，表达和抒发诗人炽热的思想感情。

在这部精选诗集里，编选了诗人写于不同年代刊发在不同诗集里的6首歌颂赞美母亲的诗篇：《你也出来，阿妈呀……》《母亲呀我的母亲》《我的礼行》《母亲》《好吗，阿妈》《母亲的喜爱》《奥力亚》等。敬读这些诗篇，读者无不感受到诗人对母亲无限的眷恋、赞美歌颂热爱之情。

《你也出来，阿妈——呀……》以牡丹花的盛开，春天的生机盎然，满目青翠和无限美好，诗人在这样的美好季节与氛围里，无不感受到母亲如春天般美好，“春天可到面前哩，就像亲娘”。诗人触景生情，想起当年母亲如春天的花儿，太阳照上去，格外美丽。每到春季，诗人看着盛开的美丽花朵，无不想起母亲，呼唤着母亲的出现，任凭诗人怎么呼唤，母亲总是如娇贵的牡丹花一般，难见其面。在美丽的春天氛围里，诗人睹物思人，深情地呼唤着母亲，深切地思念着母亲 [2]。

《母亲啊，我的母亲》表达了诗人对母亲的无限思念之情，6岁丧母的诗人在母亲的思念铭刻在记忆深处。在诗人的记忆里，母亲有着高大的身躯，对儿子极尽疼爱，甚至母亲呼出的热气“还在我脸上呢，我永不洗”；儿时母亲哄哭闹儿子的声音“还在我耳缝呢，就像春风”。母亲对儿子的疼爱令诗人永远铭记“打七道的山我把你都背过”。诗人以炽热的感情表达着对母亲的爱“我把心都掏出来，能叫你看”。诗人流露着因母亲过世早，而未能尽孝的遗憾：“大花园呢，母亲——啊，你咋没浪？”“我喜爱的母亲啊，你完的早，你咋没等我孝顺，叫太阳照？”对母亲的思念、缅怀，流溢在字里行间 [3]。

在《母亲的喜爱》这首诗里，诗人清晰记忆着儿时的情景：一只刺猬滚到儿子跟前，儿子害怕喊阿妈，母亲用拨火棍拨开刺猬，告诉儿子刺猬既不叮人也不咬人，儿子看母亲在地上笑得如太阳般灿烂。这时候，儿子感到母亲似乎要用伟岸的身躯挡住将要塌下的天，不让儿子受到丝毫伤害。儿子在母亲心目中有分量的分量。诗人通过拨开刺猬这一具体情节感受到，即使天塌下来，都有母亲的呵护，因为眼前的儿子就是母亲的喜爱。

在歌颂、赞美母亲的诗作里，《母亲》是较长的一首，分3章17段68行，在第一章里，诗人抒写了母亲盼望儿子长大的急切心情“盼望着叫儿子长大，舒坦”。等待儿子长大的母亲看到的却是外敌入侵，战争爆发，敌人的飞机像乌鸦乱飞，火光冲天，枪炮声交织。当惨烈的激战过后，曾经繁华的城堡如坟场“小孩子找妈妈哭的伤心”。

在第二章里，诗人抒写战争过后，母亲“跑到城墙根呢把石头枕，跌倒就睡着哩，再没翻身”。在睡梦里，母亲梦见了宁静美丽的城堡，梦见了长流不息，犹如唱着歌的河水，梦见熟睡在床的儿子，在母亲眼里，儿子眉毛长是那么长，那么俊美，乃至“心疼哩还不够，就想吃上”。母亲对儿子的爱是如此刻骨铭心。

第三章占了全诗一半篇幅，抒写母亲梦醒后，看到的惨烈现实：黑云翻滚，枪炮声仍交织着，母亲想起昨天战争的惨烈与今天的现实，“把昨几个记起来浑身打颤”，想起心爱的儿子不由心跳，想起孩子的父亲似在眼前，母亲好不着急，“急的你眼前花，心呢发烧”；母亲看着眼前端端正正站立着的的学生们，好不心疼他们，心跳不由加快，想扑上前认儿子，“再害怕认错哩，你送老命”。母亲终于看见慢慢跌倒，再没动弹的儿子，看见染红地面清泉般流淌的鲜血，母亲对歹毒的敌人发出了诅咒。母亲走上前细看，不由眼前发黑，两腿发软，倒下的正是心爱的儿子，脸色还没有变，只是粘了些泥土。母亲伤心的泪水就像水流，“把儿子抱起来连住心疼”，儿子稚嫩的脸上早已没有了血色，冰如石头。愤怒的母亲拿起枪，犹如猛虎，勇往直前，敌人被赶跑了，城市安静了。

在《母亲》这首诗篇里，抒写了侵略者的凶残不义，战争的残酷无情，心爱的儿子战死疆场，无比悲伤的母亲拿起枪继续战斗，直至赶走侵略者。诗人在抒写战争残酷的同时，抒写了母亲盼望儿子长大成人，毫不犹豫的把儿子送上前线，儿子战死疆场，母亲继续战斗，一位东干族母亲伟岸的身躯，保家卫国，牺牲儿子，大义凛然的高大形象跃然纸上。这是诗人的母亲，也是千千万万个东干儿子共同的母亲 [4]。

《好吗，阿妈》这首诗，以拟人化手法，把祖国比作亲爱的阿妈，深情表达了游子对母亲深情的问候：好吗，阿妈！平安吗顺利吗身体健康吗，盼望阿妈高兴的心情。表达了出门在外的游子，经过一番努力过上美好生活。多年之后终于听到阿妈的音信，知晓阿妈的情况，出门时阿妈还是满头黑发，如今似乎看到了满头白发的阿妈。当得知阿妈正在遭难，敌人像韩信一样围着阿妈，因为阿妈美丽富饶，敌人想得到阿妈蹂躏阿妈，想让阿妈成为奴隶，用阿妈的富饶美丽填满敌人贪婪的深坑。但毕竟，阿妈的儿子们勇猛无比，强过狡猾的敌人，使得敌人胆战心惊，恨不得钻进老鼠洞，只可惜敌人打错了算盘，做错了梦，敌人犹如骑到了老虎背上。诗人呼唤道：亲爱的妈妈，请你放心，儿子没有偷懒，一定要用又快又尖的钢笔，直戳敌人的心脏。这首诗，将儿子对阿妈的赞美，对敌人的憎恨，表现得淋漓尽致。

同样，在《我的礼行》一诗里，诗人自称“打生养下没见你，喜爱母亲”，“你盼望的连父亲常常团圆，可没有快膀子飞过天山”。看似写母亲，实则坦露的是一个离开母亲怀抱，离开故土的游子对母亲对故乡的强烈思念。“我没忘掉，母亲啊，请你放心”。你每时每刻都在诗人的心里，每时每刻都让诗人情牵梦绕。诗人恨不得摘下贵重的星宿，当做礼物，献给母亲。诗人表达的不仅是他个人对母亲对故乡的思念，更是一代代东干人共有的情感共鸣。

从读到的这几首歌颂母亲的诗作看，诗人亚瑟儿·十娃子歌颂母亲的诗篇，可分为直接书写母亲的和将故乡祖国比作母亲两类。前者如《你也出来，阿妈—呀》《母亲》《母亲呀我的母亲》；后者如《好吗，阿妈》《我的礼行》等。诗人感情真挚，笔触质朴，作为语言学家、翻译家的诗人，他的诗作与创作流溢着来自东干族民间口头文学的质朴气息，诗人的创作吸收着中国民间文学肥沃的土壤，顽强的传承着中国传统文化的养分，又流溢着东干族在新的土壤中的新养份，充满着东干族特有的西北方言韵味 [5]。

敬读诗人献给母亲的诗篇，情感是那样真挚浓烈，生动感人，形象是那样逼真传神，诗人笔下的母亲温柔慈祥可爱，诗人或深情告白，或直接赞颂母爱的伟大，或向母亲深情倾诉坦露，或亲切问候，或深情呼唤，或将故乡比作母亲。在诗人的笔下，母亲不仅仅是“称呼”，更是一种温暖的情感符号。在《银川—我爷的城》这首诗里，诗人幻想着故乡还有亲人在等他，“就像想儿的老娘”，把故乡银川比作温柔的母亲。

诗人亚瑟儿·十娃子笔下的母亲，不仅慈祥温柔美丽漂亮，更是故乡与精神根脉的化身。他的诗篇既流溢着东方游子浓浓的思乡情节，又融入前苏联时期革命浪漫主义色彩，有着中亚回族文学的独特风格，这也正是诗作打动和感染读者而得以流传的秘诀所在。

List of used literature

1. Шиваза Я. Голубая река. М., 1958;
2. Шиваза Я. Весенний ветер. Фрунзе, 1960;
3. Шиваза Я. Весенние напевы. Фрунзе, 1974;
4. Шиваза Я. Я сею радость. Фрунзе, 1983.
5. Макеева Ф. Х. Певец весны. Фрунзе, 1979

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Апаева Софья Хусеиновна

**ШКУ АЛКАГЫНДАГЫ БИЛИМ БЕРҮҮ ЖАНА МАДАНИЙ КОММУНИКАЦИЯ
ПЛАТФОРМАЛАРЫНДА СҮЙЛӨӨ ЭТИКЕТИ ЖАНА ИНСАНДЫК
ИДЕНТТҮҮЛҮКТҮН КАЛЫПТАНУУ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ: КЫТАЙ–КЫРГЫЗСТАН
МИСАЛЫНДА**

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА И ЛИЧНОСТНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ
КОММУНИКАЦИОННЫХ ПЛАТФОРМАХ В РАМКАХ ШОС: НА ПРИМЕРЕ
КИТАЯ И КЫРГЫЗСТАНА**

**POLITE LANGUAGE AND IDENTITY CONSTRUCTION ON EDUCATIONAL AND
CULTURAL COMMUNICATION PLATFORMS UNDER THE SCO: THE CASE OF
CHINA AND KYRGYZSTAN**

上合组织背景下教育与文化传播平台中的礼仪语言与身份建构研究——以中国和吉尔吉斯斯坦为例

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөөдө ШКУга мүчө болгон Кытай жана Кыргызстандын билим берүү жана маданий платформалары каралып, санариптик билим берүү чөйрөсүндө сыпайылык стратегияларынын колдонулушу жана алардын инсандык иденттүүлүктү калыптандыруудагы ролу системалуу түрдө талданат. Корпустук талдоо, дискурстук талдоо жана сыпаттамалык статистика ыкмаларынын негизинде ар түрдүү платформаларда сыпайылык стратегияларын колдонууда олуттуу айырмачылыктар бар экени аныкталды: кайрылуулар, ыраазычылык билдирүүлөрү, өтүнүчтөр жана каалоо-тилектер окуу процессинде кеңири колдонулуп, мугалимдин авторитетин сактоо менен бирге студенттердин катышуусун жогорулатат. Жергиликтүү платформаларда тил көбүнчө түз жана маданий өзгөчөлүктөрү айкын болсо, эл аралык платформаларда нейтралдуу жана жогорку деңгээлдеги маданияттар аралык ылайыкташууга ээ болгон тил колдонулат. Изилдөөнүн жыйынтыктары санариптик билим берүү чөйрөсүндө «бет» теориясынын колдонулушун ырастап, маданияттар аралык окуу программаларын иштеп чыгуу, мугалимдерди даярдоо жана маданий коммуникацияны өнүктүрүү үчүн эмпирикалык негиз түзөт. Мындан тышкары, ШКУ өлкөлөрүндөгү билим берүү жана маданий платформалар билим берүүнүн гана эмес, маданияттар аралык сыпайылык жана инсандык иденттүүлүктү калыптандыруунун маанилүү каражаты экендиги белгиленет.

Аннотация: В настоящем исследовании рассматриваются образовательные и культурные платформы Китая и Кыргызстана как двух стран — членов ШОС, а также системно анализируется использование стратегий языковой вежливости в цифровой образовательной среде и их роль в конструировании идентичности. С использованием корпусного анализа, дискурсивного анализа и описательной статистики выявлены

значительные различия в применении стратегий вежливости на разных платформах: обращения, выражения благодарности, просьбы и пожелания часто встречаются в учебном процессе, одновременно поддерживая авторитет преподавателя и повышая вовлечённость студентов. На локальных платформах язык является более прямым и обладает выраженными культурными особенностями, тогда как на международных платформах преобладают нейтральные выражения с высокой межкультурной адаптивностью. Результаты исследования подтверждают применимость теории «лица» в цифровой образовательной среде и предоставляют эмпирическую основу для разработки межкультурных учебных программ, подготовки преподавателей и развития культурной коммуникации. В работе подчёркивается, что образовательные и культурные платформы стран ШОС выполняют не только функцию передачи знаний, но и являются важным инструментом межкультурной вежливости и конструирования идентичности.

Abstract: This study investigates the educational and cultural platforms of China and Kyrgyzstan as two SCO member states, systematically analyzing the use of politeness strategies in digital educational environments and their role in identity construction. Through corpus analysis, discourse analysis, and descriptive statistics, the study identifies significant differences in the use of politeness strategies across various platforms: forms of address, expressions of gratitude, requests, and well-wishes frequently appear in the learning process, both maintaining teacher authority and enhancing student engagement. Local platforms tend to use more direct language with distinct cultural features, while international platforms adopt neutral expressions with strong cross-cultural adaptability. The findings validate the applicability of face theory in digital education and provide an empirical basis for cross-cultural curriculum design, teacher training, and the development of cultural communication. This study emphasizes that educational and cultural platforms in SCO countries serve not only as means of knowledge transmission but also as important instruments of cross-cultural politeness and identity construction.

摘要：本文以上合组织成员国中国和吉尔吉斯斯坦的教育与文化平台为研究对象，系统分析了礼仪语言在数字教育环境中的使用及其身份建构功能。通过语料分析、话语分析和描述性统计，研究发现，不同平台间礼仪语言使用存在显著差异：称呼、感谢、请求和祝愿表达在课程中频繁出现，既维护了教师权威，也增强了学生参与感；本地平台语言更直接、文化特征明显，而国际平台语言中性、跨文化适应性强。研究结果验证了面子理论在数字教育环境中的适用性，并为跨文化课程设计、教师培训及文化传播提供实证参考。本文强调，教育与文化平台在上合组织国家间的交流中，不仅承担知识传递功能，更是跨文化礼仪和身份建构的重要载体。

Негизги сөздөр: ШКУ; билим берүү платформалары; маданий коммуникация; сыпайылык стратегиялары; инсандык иденттүүлүк.

Ключевые слова: ШОС; образовательные платформы; культурная коммуникация; стратегии вежливости; конструирование идентичности.

Keywords: SCO; educational platforms; cultural communication; politeness strategies; identity construction.

关键词：上合组织；教育平台；文化传播；礼貌策略；身份建构。

上合组织（Shanghai Cooperation Organization, SCO）自成立以来，在推动区域政治稳定、经济合作与文化交流方面发挥了重要作用[1]。随着数字技术的发展与教育全球化进程

的加速，教育与文化传播平台逐渐成为成员国之间知识共享与文化互动的重要载体。这类平台不仅承担知识传递功能，同时也构建了跨文化交际空间，使语言行为成为文化认同与社会关系建构的重要媒介。

在跨文化教育语境中，语言不仅用于信息交换，更承载着社会规范与文化价值。其中，礼仪语言（*politeness language*）作为一种具有高度社会语用功能的语言形式，在课堂互动中尤为突出。教师与学生通过称呼、请求、感谢及祝愿等语言策略维持课堂秩序、表达尊重关系，并在互动过程中不断协商彼此的身份定位。尤其是在数字教育环境中，语言互动不再局限于传统课堂，而是扩展至在线课程平台、远程教学系统以及混合式教学环境。这种变化使礼仪语言的使用呈现出新的特点：一方面需要适应多语言、多文化学习者的交际需求，另一方面又需维持教学权威与课堂规范。

中国与吉尔吉斯斯坦作为上合组织重要成员国，在教育合作与语言教学方面具有密切互动关系。近年来，汉语教育在吉尔吉斯斯坦高校及孔子学院体系中不断发展，同时也伴随着跨文化交际研究的深入。这些教学实践为研究礼仪语言在真实课堂语境中的使用提供了丰富语料基础。

已有研究表明，礼貌语言在课堂中的使用不仅影响交际效果，还直接参与身份建构过程[2]。教师通过语言策略强化权威身份，学生通过礼貌回应构建学习者身份，从而形成稳定的课堂互动结构。然而，现有研究多集中于单一语言或单一文化背景，对上合组织框架下跨文化数字教育平台的系统性研究仍相对不足。

基于此，本文以上合组织背景下中国与吉尔吉斯斯坦教育与文化传播平台为研究对象，重点分析礼仪语言在不同教学情境中的使用特征及其身份建构功能。研究不仅关注语言形式层面的差异，还深入探讨其背后的语用机制与文化逻辑。

本文旨在回答以下三个核心问题：

第一，不同教育与文化传播平台中礼仪语言的主要使用模式是什么？

第二，在跨文化教学环境与本地教学环境中，礼仪语言的使用存在哪些差异？

第三，礼仪语言如何在课堂互动中参与身份建构过程？

通过对这些问题的分析，本文希望从语用学与跨文化交际视角出发，揭示数字教育环境中语言使用的深层机制，同时为上合组织国家教育合作与跨文化课程设计提供理论支持与实践参考。

礼仪语言作为语用学与跨文化交际研究的重要组成部分，一直是语言学研究中的核心议题之一。其研究最早可追溯至 Brown 与 Levinson 提出的“面子理论”（*Politeness Theory*）。该理论认为，交际行为本质上涉及对“面子”（*face*）的维护，包括积极面子（*positive face*）与消极面子（*negative face*）[1]。在这一框架下，礼貌语言被视为调节社会关系、减少冲突风险的重要策略。

在教育语境中，礼貌语言的作用尤为突出。教师与学生之间的互动并不仅仅是信息传递过程，更是权力关系与社会身份不断协商的过程[2]。研究表明，教师通过使用礼貌性称呼、指令缓和表达以及祝愿语等语言形式，可以有效构建课堂权威，同时减少学生的心理压力。

随着跨文化交际研究的发展，学者逐渐关注不同文化背景下礼貌语言使用的差异。Hall 提出“高语境文化”与“低语境文化”理论，指出不同文化在语言表达的直接性与隐含性方

面存在显著差异。在高语境文化中，语言往往依赖语境与共享知识，而在低语境文化中，表达更为直接与明确[3]。

进一步研究发现，不同教育环境中的礼貌策略也呈现出明显差异。例如，在国际在线教育平台中，教师更倾向于使用标准化、中性化的礼貌表达，以适应多文化学习者的需求；而在本地化教学环境中，礼貌语言则更具文化特定性，体现出语言与身份的紧密关联[2]。

近年来，随着数字教育的发展，礼貌语言研究逐渐从传统课堂扩展至在线教育与混合式学习环境。数字平台中的课堂互动呈现出“弱现场性”特征，即互动不再完全依赖面对面交流，而是通过文本、视频与评论系统完成。这种变化使礼貌语言的功能更加复杂，不仅用于维护课堂关系，还参与构建虚拟学习共同体。

在身份建构理论方面，语言被视为社会身份的重要标记工具。Bucholtz 与 Hall 提出，身份并非固定实体，而是在话语实践中不断生成与协商的过程[2]。在课堂语境中，教师与学生的身份正是在语言互动中不断被确认与重构的。礼貌语言在这一过程中起到关键作用，它不仅反映社会关系，还主动塑造社会身份结构。

基于上述研究现状可以看出，礼貌语言研究已经从单纯的语言形式分析，逐步扩展到跨文化交际、身份建构以及数字教育语境等多个维度。然而，在上合组织背景下，特别是中国—吉尔吉斯斯坦教育与文化传播平台这一特定语境中，礼貌语言的系统性研究仍有待深化。因此，本文将在前人研究基础上，结合语料分析与话语分析方法，对不同教育平台中的礼貌语言使用进行跨文化比较研究，以揭示其在身份建构过程中的具体作用机制。

研究方法 本研究采用定量与定性相结合的混合研究方法（mixed-method approach），以语料库语言学（Corpus Linguistics）与话语分析（Discourse Analysis）为主要理论与方法支撑框架，系统分析上合组织背景下中国与吉尔吉斯斯坦教育与文化传播平台中的礼仪语言使用特征及其身份建构功能。

研究整体设计遵循“语料收集—分类标注—量化统计—话语解释—跨平台对比”的分析路径，兼顾语言形式与语用功能两个层面，既关注语言出现的频率分布，也关注其在具体交际语境中的社会意义。

本研究的核心目标是揭示：（1）礼仪语言在跨文化教育平台中的使用模式；（2）不同教学环境中语言策略的差异性；（3）礼仪语言在身份建构中的语用机制。

本研究语料主要来源于中国与吉尔吉斯斯坦教育合作背景下的汉语教学课堂及相关数字教育平台。语料包括中国高校汉语国际教育课程课堂互动记录、吉尔吉斯斯坦高校汉语专业课程课堂记录、中吉合作项目在线教学平台中的师生互动文本，以及课程作业反馈、课堂讨论和教学辅助材料。

（1）中国侧教育语境

包括中国高校及孔子学院汉语教学课堂语料，主要涵盖综合汉语、汉语作为第二语言教学课堂互动记录及教师反馈文本等。

（2）吉尔吉斯斯坦本地高校语境

包括吉尔吉斯斯坦高校汉语专业课程教学语料，涵盖商务汉语课程、口语训练课程及课堂问答互动记录等。

（3）跨文化混合教学语境

包括中吉合作教育项目中的在线教学平台互动语料，以及混合语言教学（汉语与俄语/吉语辅助）课堂记录等，用于分析跨文化交际环境中的礼貌策略变化。

此外，本研究语料收集时间主要集中于 2023—2024 年。为保证语料的代表性，研究选取综合汉语、商务汉语和口语训练等不同课程类型，同时兼顾线下课堂、线上课堂及混合式教学等不同教学模式。所有语料均经过匿名化处理，仅用于学术研究。

语料构建与整理 本研究构建了一个小型专门语料库，用于分析中国与吉尔吉斯斯坦跨文化教育环境中的礼仪语言使用特征。语料来源涵盖课堂互动、教学反馈及在线教育平台等多种真实教学场景，时间范围为 2023—2024 年。

语料在收集后经过统一整理与标准化处理，包括文本去重、格式统一（UTF-8 编码）、语句切分及双语对照标注等步骤，以确保数据的可分析性与一致性。

最终形成的结构化语料数据库规模如下：课堂互动语料：约 45,000–60,000 词;教学反馈语料：约 12,000 词;课堂讨论语料：约 18,000 词; 视频转写语料：约 20,000 词。

所有语料均进行匿名化处理，仅用于学术研究，不涉及任何个人隐私信息。

礼仪语言分类体系 本研究基于 Brown & Levinson（1987）面子理论，并结合跨文化课堂语境，将礼仪语言划分为四类基本类型[1]。

表 1 礼仪语言分类

类别	典型表达	功能说明
称呼类（Address Forms）	老师好 / 您好 / Агай	建立身份关系与启动课堂互动，确认交际角色
请求类（Request Strategies）	能否请您解释一下 / 可以再说一遍吗	表达学习需求，实现信息获取与互动参与
感谢类（Gratitude Expressions）	谢谢 / 非常感谢 / Рахмат	维护课堂礼貌关系，体现对权威与帮助的认可
祝愿类（Well-wishing Expressions）	祝学习顺利 / Ийгилик каалайм	用于课堂收束与情感维系，强化社会关系延续

注：分类依据本研究自建跨文化课堂语料库（中文、俄语、吉尔吉斯语共 442 条互动记录），通过人工标注礼仪语言类型并结合语用功能整理而成。

研究方法

本研究采用三种互补性分析方法：

语料分析（Corpus Analysis）

对不同礼仪语言类别的出现频率、分布比例及跨平台差异进行统计，揭示语言使用的量化特征。

话语分析（Discourse Analysis）

分析礼仪语言在具体课堂语境中的功能，包括教师权威建构、学生身份定位、课堂互动结构调整以及跨文化适应策略，强调语言“意义生成过程”。

描述性统计（Descriptive Statistics）

对不同平台与课程类型中的礼仪语言比例进行分析，对比其分布特征，为跨平台差异解释提供量化依据。

礼仪语言在课堂互动中通过面子维护机制影响身份建构，

表 2 礼仪语言类型分布情况

礼仪语言类别	出现次数	占比 (%)
称呼语	168	38.0
感谢语	112	25.4
请求语	98	22.2
祝愿语	64	14.4
合计	442	100

注：数据来源于本研究自建跨文化课堂互动语料库（共 442 条记录），所有语料均经过人工标注与统计分析处理。

编码与可靠性控制 为保证研究结果的科学性与可重复性，本研究采用双编码员（double coding）机制：

两名研究人员独立进行语料标注

对礼仪语言类别进行交叉比对

对分歧部分进行协商修订

最终一致性系数达到 95%以上

此外，本研究建立统一编码手册（coding scheme），明确各类礼仪语言的判定标准，以减少主观误差。

研究可信度与伦理控制 为确保研究的学术规范性，本研究在数据使用过程中遵循以下原则：

所有语料均来源于公开教学或匿名化处理材料

不涉及个人隐私信息

所有教学数据均进行去标识化处理

遵循教育研究伦理规范

同时，通过多来源语料交叉验证，提高研究结论的外部有效性（external validity）。

综上，本研究通过构建小型跨文化语料库，结合语料分析、话语分析与统计方法，从语言形式与社会功能两个维度系统考察礼仪语言在上合组织教育与文化传播平台中的使用情况。

该方法体系具有以下特点：

跨文化适配性强;定量与定性结合;可重复性高;适用于数字教育语境.

因此，本研究不仅为礼仪语言研究提供方法论支持，也为跨文化教育语料分析提供可操作性框架。

礼仪语言总体分布特征 通过对中国—吉尔吉斯斯坦跨文化课堂语料的统计分析，可以发现礼仪语言在课堂互动中呈现出相对稳定且结构化的分布特征。称呼语、请求语、感谢语与祝愿语构成课堂礼仪语言的四个核心类别，覆盖了课堂主要互动环节。

从总体分布来看，称呼语占比最高，表明课堂互动首先通过身份确认机制建立交际框架。这一现象与 Goffman（1967）关于“互动秩序（interaction order）”的观点一致，即社会交往首先依赖身份定位来启动互动。例如“老师好 / Арай”“您好”等表达主要出现在课堂开场阶段，构成典型的礼貌性启动结构。

请求语与感谢语主要分布在课堂互动与反馈阶段，其中请求语反映学生在学习过程中的信息获取需求，而感谢语则体现对教师权威与课堂秩序的认同。这一现象与 Leech（2014）的礼貌原则相一致，即语言使用在交际中具有维持社会和谐关系的功能。

祝愿语虽然占比相对较低，但主要集中于课堂结束或阶段性总结环节，具有明显的仪式性与情感维系功能，如“祝学习顺利 / Ийгилик каалайм”，体现教育语境中的关系延续机制。

总体而言，礼仪语言不仅承担基本交际功能，还构成课堂互动结构的重要组织部分，其分布模式反映出课堂交际的阶段性结构特征。

表 3 不同教学语境中礼仪语言使用特征（%）

不同教学语境中礼仪语言的分布差异如表 3 所示。

礼仪语言类别	中国课堂	吉尔吉斯斯坦课堂	中吉合作课堂
称呼语	40.2	36.5	37.1
感谢语	24.6	21.8	28.9
请求语	21.3	30.4	23.6
祝愿语	13.9	11.3	10.4

注：数据来源于本研究自建跨文化课堂语料库，包括中国课堂、吉尔吉斯斯坦课堂及中吉合作课堂语料。各语料经统一标注与标准化处理后，计算各类礼仪语言的相对频率（%），以保证不同语境间数据的可比性。

不同教学语境中的使用差异 本研究进一步发现，不同教育语境对礼仪语言的使用模式具有显著影响，主要体现在跨文化教学语境与本地教学语境之间的差异。

在跨文化教学语境（如孔子学院及中吉合作课堂）中，礼仪语言呈现出明显的中性化与标准化特征。教师倾向使用结构简单、语义明确的表达方式，如“请回答”“谢谢大家”等。这种语言策略体现出 Hampel & Stickler（2015）所提出的在线与跨文化教学中的“降低认知负荷原则”，其核心目的在于减少语言理解障碍，提高跨文化课堂的交互效率。

相比之下，在本地教学语境中，礼仪语言更具文化嵌入性（cultural embedding）。例如吉尔吉斯语问候语“Саламатсызбы Агай”的使用频率明显较高。这类表达不仅具有交际功能，还体现 Hall（1976）所提出的“高语境文化”特征，即语言意义在很大程度上依赖于文化背景与共享社会认知。

从语用功能来看，这一差异表明礼仪语言在不同教学环境中同时具有两种互补功能：一方面是工具性功能，即服务于课堂互动与教学组织；另一方面是文化性功能，即参与身份认同与社会关系建构。这一发现与 Leech（2014）的礼貌原则相一致，即礼貌策略不仅用于信息传递，更用于维持社会关系的和谐性[3]。

因此，可以认为，在跨文化数字教育环境中，礼仪语言的选择本质上是一种“语境适配策略（contextual adaptation strategy）”，其具体形式取决于教学目标、学习者语言背景以及文化语境的复杂交互。

礼仪语言与身份建构机制 从身份建构视角来看，礼仪语言不仅是一种交际工具，更是课堂互动中社会身份生成与调节的重要机制（Bucholtz & Hall, 2005）。在中国—吉尔吉斯斯坦跨文化课堂语境中，教师与学生的身份并非固定不变，而是在具体话语实践中不断被协商与建构。

在课堂互动中，教师主要通过称呼语与指令性礼貌表达构建“权威型与引导型双重身份”。例如“请同学们注意”“谢谢大家配合”等表达，一方面维持课堂秩序，另一方面弱化指令的直接性，从而实现权威与亲和之间的平衡。这一现象与 Goffman (1967) 的“面子管理”理论相一致，即个体在互动中通过语言策略维护社会关系的稳定性。

学生则主要通过请求语与感谢语构建“合作型学习者身份”。例如“能否再解释一次？”“谢谢老师”等表达，不仅体现礼貌性，也反映学生对课堂结构与教师角色的认可。这种语言行为体现出身份的“互动性生成特征”，即学习者身份是在持续的语言互动中逐步确立的。

从跨文化角度来看，不同教学语境中的身份建构方式存在差异。在跨文化课堂中，教师倾向使用标准化、低文化负载的表达，以降低理解难度；而在本地课堂中，语言表达更具文化嵌入性，身份关系也更依赖文化规范进行调节。这一差异进一步说明，礼仪语言在跨文化教育环境中同时承担“交际调节功能”与“身份建构功能”。

因此，可以认为，礼仪语言在课堂互动中不仅调节人际关系，还通过持续的话语实践参与教师与学生身份的动态建构过程。

进一步分析显示，课程类型对礼仪语言使用具有显著调节作用。

在口语类课程中，由于强调互动性与即时反馈，请求类表达频率明显提高，例如“请再说一遍”“可以慢一点吗”等。这类表达体现出学习者在语言习得过程中的依赖性与互动需求。

在商务汉语或书面表达类课程中，感谢类表达占比更高，例如“谢谢老师指导”“非常感谢您的修改意见”。这说明正式教学环境中更强调礼貌规范与书面交际策略。

祝愿类表达则主要集中在课程结束阶段或阶段性学习总结中，具有仪式化与情感维系功能。这一结果说明：礼仪语言分布不仅受文化影响，也受“教学任务结构”影响。从跨文化语用学角度来看，不同教学环境中的礼仪语言体现出明显的适应策略差异。

在跨文化教学语境中，语言策略呈现出“弱文化负载 (low cultural load)”特征，即尽量减少文化特定表达，增强通用性。这种策略有助于降低误解风险，提高课堂效率。

而在本地教学语境中，则呈现“强文化负载 (high cultural load)”特征，即保留民族语言表达形式，使语言不仅用于沟通，同时用于文化传递。

这种差异说明，在上合组织背景下：教育语言不仅是工具系统，也是文化协商系统。

综合语料分析与话语分析结果，可以总结以下三个核心发现：

第一，礼仪语言在跨文化课堂中具有高频出现特征，并构成课堂互动结构的重要组成部分。

第二，不同教学语境对礼仪语言具有显著影响，跨文化课堂倾向中性化表达，本地课堂倾向文化嵌入表达。

第三，礼仪语言在身份建构中发挥核心作用，通过语言互动实现教师权威与学生身份的动态协商。

本研究以上合组织背景下中国与吉尔吉斯斯坦教育与文化传播平台为研究对象，系统考察了跨文化数字教育语境中礼仪语言的使用特征及其在身份建构中的作用机制。通过语料分析、话语分析与描述性统计相结合的方法，研究从语言形式分布与语用功能两个层面，对课堂互动中的礼仪语言进行了系统分析。

研究结果表明，礼仪语言在跨文化课堂中具有高度结构化特征，主要表现为称呼、请求、感谢与祝愿四类表达的稳定分布。这些语言形式不仅构成课堂互动的基本交际单位，同时在教学过程中发挥维持课堂秩序与调节社会关系的重要作用。

从功能层面来看，礼仪语言在课堂中体现出明显的双重属性：一方面，教师通过礼貌称呼与规范性表达强化课堂权威结构，确保教学秩序的稳定运行；另一方面，学生通过请求与感谢等表达参与课堂互动，逐步建构其“学习者身份”。这一过程表明，礼仪语言不仅是交际工具，更是一种社会身份建构机制。

研究进一步发现，不同教学语境与课程类型对礼仪语言使用具有显著影响。在跨文化教学环境中，语言表达趋向中性化与标准化，以降低不同文化背景学习者之间的理解障碍；而在本地教学语境中，礼仪语言则更多保留文化特定形式，从而强化学习者对本土文化的认同。此外，不同课程类型在互动结构上的差异，也直接影响礼仪语言的分布模式，口语课程更强调互动性表达，而书面课程则更注重规范性礼貌表达。

从理论角度来看，本研究进一步验证了 Brown 与 Levinson（1987）提出的面子理论在数字化跨文化教育环境中的适用性。礼仪语言通过“面子维护机制”在课堂互动中调节权力关系与社会距离，使教师与学生之间形成动态平衡的互动结构。同时，本研究也拓展了身份建构理论在教育语境中的应用，表明语言不仅反映身份，更参与身份的生成过程。

在方法层面，本研究通过语料分析与话语分析相结合的方式，构建了适用于跨文化教育平台的礼仪语言分析框架，增强了研究的系统性与可重复性，为后续相关研究提供了方法参考。

本研究的学术贡献主要体现在以下三个方面：

第一，理论贡献：

拓展了面子理论在上合组织跨文化数字教育语境中的适用范围，深化了礼仪语言与身份建构之间的互动机制研究。

第二，方法贡献：

构建了基于语料分析与话语分析结合的跨文化礼仪语言研究路径，为教育语言学与语用学研究提供可操作方法框架。

第三，实践贡献：

为跨文化课程设计、教师培训及教育平台优化提供实证依据，对提升上合组织国家教育交流与文化传播具有现实意义。

研究展望 尽管本研究取得了一定成果，但仍存在一定局限性，未来可从以下几个方面进一步拓展：

首先，应扩大语料来源范围，引入更多上合组织成员国的教育平台与多语课堂语料，以提高研究结论的普适性与跨区域解释力。

其次，可进一步深入分析不同文化背景学习者在礼仪语言理解与使用上的差异，探讨其对课堂参与度与身份认同形成的影响机制。

再次，未来研究可结合数字教育技术的发展，重点关注平台交互设计（如在线评论、即时反馈机制等）对礼仪语言使用模式的影响。

最后，在跨语言研究方面，可进一步考察多语环境下礼仪语言的迁移与适应机制，从而丰富跨文化语用学与教育语言学的理论体系。

综上所述，礼仪语言在跨文化数字教育环境中不仅是课堂互动的重要语言工具，更是身份建构与文化传播的关键机制。在上合组织教育合作背景下，不同文化语境通过礼仪语言的差异化使用，实现了教学功能与文化意义之间的动态平衡。本研究的发现不仅丰富了跨文化语用学与教育语言学的理论体系，也为未来跨文化教育实践提供了重要参考。

参考文献

1. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press.
2. Goffman, E. (1967). Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. Anchor Books.
3. Leech, G. N. (2014). The Pragmatics of Politeness. Oxford University Press.
4. Thomas, J. (1995). Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. Longman.
5. Bucholtz, M., & Hall, K. (2005). Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach. Discourse Studies, 7(4–5), 585–614.
6. Hampel, R., & Stickler, U. (2015). Developing online language teaching: Research-based pedagogies and reflective practices. Palgrave Macmillan.
7. Anderson, T. (2008). The Theory and Practice of Online Learning. AU Press.
8. Hall, E. T. (1976). Beyond Culture. Anchor Books.
9. Walsh, S. (2011). Exploring Classroom Discourse: Language in Action. Routledge.
10. Seedhouse, P. (2004). The Interactional Architecture of the Language Classroom. Blackwell.

Рецензент: доктор филологических наук Нарынбаева Б.Б.

УДК 338.2: 502.131.1(575.2)

Би Г., Ван Б., Ван И, Ван И., Адамкулова Ч.У.¹

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Би Г., Ван Б., Ван И, Ван И., Адамкулова Ч.У.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Bi G., Wang B., Wang Y., Wang Y., Adamkulova Ch.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6580-3478>¹

**КЫТАЙДЫН ЖАШЫЛ ЭКОНОМИКА ДОЛБООРЛОРУН БАШКАРУУСУНУН
ИЙГИЛИК ФАКТОРЛОРУН ТАЛДОО: САЯСАТКА, РЫНОККО ЖАНА
ТЕХНОЛОГИЯГА НЕГИЗДЕЛГЕН СИНЕРГЕТИКАЛЫК КӨЗ КАРАШ**

**АНАЛИЗ ФАКТОРОВ УСПЕХА В УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТАМИ «ЗЕЛЕННОЙ»
ЭКОНОМИКИ КИТАЯ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОЛИТИКЕ, РЫНКУ И
ТЕХНОЛОГИЯМ**

**ANALYZING THE SUCCESS FACTORS OF GREEN ECONOMY PROJECT
MANAGEMENT IN CHINA: A POLICY, MARKET, AND TECHNOLOGY
COORDINATION PERSPECTIVE**

Кыскача мүнөздөмө: Кытай жашыл экономика долбоорлорунда, айрыкча кайра жаралуучу энергия булактарында жана жаңы энергиялык унааларда (NEV) укмуштуудай ийгиликтерге жетишип, өзүн жашыл трансформациялоо боюнча дүйнөлүк лидер катары көрсөттү. Бул изилдөөдө жогорудан төмөн карай саясатты иштеп чыгуу, масштабдуу рынок экосистемалары жана технологиялык инновация системалары 2015-жылдан 2025-жылга чейин Кытайдын жашыл өнүгүүсүн комплекстүү карап чыгуу аркылуу жашыл долбоорлорду натыйжалуу башкарууга кандайча мүмкүндүк берери талданат. Саясатты талдоону, кейс-

стадилерди жана эмпирикалык маалыматтарды айкалыштырган аралаш ыкмаларды колдонуу менен биз Кытайдын структуралык тоскоолдуктарды жеңүү жана долбоордун натыйжаларын оптималдаштыруу боюнча мамилесин карап чыгабыз. Жыйынтыктар саясат инструменттеринин, рыноктук күчтөрдүн жана технологиялык инновациялардын ортосундагы стратегиялык синергия Кытайдын жашыл прогрессинде маанилүү роль ойногонун көрсөтүп турат. 2024-жылга чейин Кытайдын кайра жаралуучу энергия кубаттуулугу жалпы электр энергиясын орнотуунун болжол менен 50% түзгөн, ал эми ЖЭУ сатуу 12,8659 миллион бирдикке жетип, ички рыноктун үлүшүнүн 40% дан ашыгын ээлеген. Макалада ошондой эле бул моделди ишке ашырууда кездешкен көйгөйлөр талкууланып, Кытайдын тажрыйбасын кайталоого умтулган башка өлкөлөр үчүн алардын өзгөчө шарттарына ылайыкташтырылган саясаттык сунуштар берилет. Бул изилдөө ар кандай институционалдык контексттерге ылайыкташтырыла турган интеграцияланган алкакты сунуштоо менен жашыл долбоорлорду башкарууну теориялык жактан түшүнүүгө салым кошот.

Аннотация: Китай добился замечательных успехов в реализации проектов в области «зеленой» экономики, особенно в сфере возобновляемых источников энергии и новых энергетических транспортных средств (NEV), закрепив за собой статус мирового лидера в области «зеленой» трансформации. В данном исследовании анализируется, как нисходящая политика, рыночные экосистемы, ориентированные на масштаб, и системы технологических инноваций в совокупности обеспечивают эффективное управление «зелеными» проектами, на основе всестороннего обзора «зеленого» развития Китая в период с 2015 по 2025 год. Используя смешанный подход, сочетающий анализ политики, тематические исследования и эмпирические данные, мы исследуем подход Китая к преодолению структурных барьеров и оптимизации результатов проектов. Результаты показывают, что стратегическая синергия между политическими инструментами, рыночными силами и технологическими инновациями сыграла важную роль в прогрессе Китая в области экологичности. К 2024 году мощность возобновляемых источников энергии в Китае составила примерно 50 % от общей установленной мощности, а продажи новых энергетически эффективных автомобилей достигли 12,8659 млн единиц, заняв более 40 % внутреннего рынка. В статье также обсуждаются проблемы реализации и даются рекомендации по политике для других стран, стремящихся повторить модель Китая, с акцентом на адаптацию к конкретным условиям. Исследование вносит вклад в теоретическое понимание управления экологическими проектами, предлагая интегрированную структуру, которая может быть адаптирована к различным институциональным контекстам.

Abstract: China has achieved remarkable success in green economy projects, particularly in renewable energy and new energy vehicles (NEVs), establishing itself as a global leader in green transformation. This study analyzes how top-down policy design, scale-driven market ecosystems, and technology innovation systems collectively enable effective green project management through a comprehensive review of China's green development from 2015 to 2025. Using a mixed-methods approach that combines policy analysis, case studies, and empirical data, we examine China's approach to overcoming structural barriers and optimizing project outcomes. The findings reveal that the strategic synergy between policy instruments, market forces, and technological innovation has been instrumental in China's green progress. By 2024, China's renewable energy capacity accounted for approximately 50% of its total power installation, while NEV sales reached 12.8659 million units, capturing over 40% of the domestic market share. This article also discusses the implementation challenges and provides policy recommendations for other economies seeking to replicate China's model, emphasizing context-specific adaptations. The research contributes to the theoretical

understanding of green project management by proposing an integrated framework that can be adapted across different institutional contexts.

Негизги сөздөр: жашыл долбоорлорду башкаруу; саясат-рынок-технология синергиясы; кайра жаралуучу энергия; жаңы энергетикалык унаалар (NEV); айланма экономика; туруктуу өтүү; Кытайдын жашыл экономикасы; ийгиликтин маанилүү факторлору.

Ключевые слова: управление зелеными проектами; синергия политики, рынка и технологий; возобновляемые источники энергии; транспортные средства на новых источниках энергии (NEV); циркулярная экономика; устойчивый переход; зеленая экономика Китая; критические факторы успеха.

Keywords: green project management; policy-market-technology synergy; renewable energy; new energy vehicles (NEV); circular economy; sustainable transition; China's green economy; critical success factors.

China's green economy transition has become a global benchmark for sustainable development, with the country achieving unprecedented milestones in renewable energy deployment and clean technology adoption. By 2024, China's renewable energy installed capacity accounted for approximately half of its total power installation, while NEV sales reached 12.8659 million units, capturing over two-fifths of the domestic market share. These macro-level achievements are underpinned by thousands of successfully managed green projects, ranging from continental-scale photovoltaic installations in the Gobi Desert to nationwide smart-charging networks and zero-carbon industrial parks.

The accelerated pace of China's green transformation raises a critical question: What explains the effectiveness of China's green economy project management model? While existing literature often attributes China's success to state-led policies or market size alone, this study argues that China's effectiveness stems from a tripartite synergy of policy, market, and technology—a self-reinforcing system that enables rapid iteration, risk mitigation, and scalability. This research aims to dissect the mechanisms behind this synergy through empirical evidence and case studies, addressing a significant gap in the sustainable development literature regarding how emerging economies can effectively manage complex green transitions [1].

The analysis employs a comprehensive methodology including policy document analysis of China's Five-Year Plans and green development strategies, empirical data collection from statistical yearbooks and industry reports, case studies of representative green projects in renewable energy and NEVs, and comparative analysis to identify transferable lessons. The study period primarily focuses on 2015-2025, covering the implementation of the 13th and 14th Five-Year Plans when China's green economy initiatives dramatically accelerated.

The conceptual foundation for understanding China's success in green economy project management lies in the synergistic interaction between policy, market, and technology domains. This triple-helix model creates a self-reinforcing system where each element strengthens the others, generating positive feedback loops that accelerate green transition. The framework builds on and extends the Critical Success Factors approach identified in green building literature, adapting it to the broader context of green economy projects while incorporating China's distinctive institutional characteristics [2].

In this conceptual model, policy interventions create the initial conditions for market formation and technology development through strategic direction-setting, regulatory frameworks, and fiscal incentives. The market dimension responds to these signals by reallocating resources, achieving

economies of scale, and driving down costs through competition, while simultaneously creating demand pull for green technologies. The technology innovation component provides the necessary solutions and continuous improvement to meet policy targets and market demands, while also reshaping both policy and market landscapes through technological advancements. This dynamic interplay creates what we term the "Green Virtuous Cycle"—a feedback system where progress in one dimension reinforces and accelerates progress in the others [3].

The framework aligns with but significantly expands upon previous research on Critical Success Factors for green projects. While earlier studies have identified factors like "top management support," "effective planning and control," and "clear scope and priorities of stakeholders" as crucial for green building projects, our model contextualizes these factors within China's distinctive governance structure and scale advantages. For instance, what appears as "top management support" manifests as high-level political commitment in China's context, exemplified by the "Dual Carbon" goals that provide unambiguous strategic direction.

China's green project success is fundamentally rooted in its multilayered policy framework, which creates a favorable environment for the initiation, development, and maturation of green initiatives through multiple mechanisms. The architecture of China's green policy system combines top-level strategic planning with adaptive implementation mechanisms that allow for learning and course correction [4].

The centerpiece of China's green policy framework is the system of Five-Year Plans, which provide both direction and accountability. The 14th Five-Year Plan set binding targets including a 13.5% reduction in GDP energy intensity and an 18% cut in CO₂ emissions per unit of GDP. These national objectives are systematically disaggregated through a top-down pressure transmission mechanism, ensuring green principles are integrated throughout the project lifecycle from initiation to completion. This approach creates a coordinated framework where various governmental levels and departments align their efforts toward common green development goals.

China employs a diverse set of policy tools including subsidies, tax incentives, mandatory standards, and green finance to create initial markets and mitigate investment risks for green projects. A prime example is the NEV purchase subsidy policy, which evolved from universal subsidies to precision support for key technologies such as driving range and energy density, followed by phased subsidy reduction to guide the industry's transition from policy-driven to market-driven. This learning and adaptive capacity enables policies to be continuously optimized based on market feedback and technological advancements, preventing resource misallocation.

China's policy execution combines top-level design with local experimentation. While the central government sets overarching goals, local governments are encouraged to develop differentiated implementation pathways. For example, in their 2025 work reports, over half of China's provinces outlined specific priorities for NEV development with coastal provinces like Guangdong aiming to consolidate and expand their leading advantage in the NEV industry, while southwestern regions like Chongqing focused on building infrastructure for convenient ultra-fast charging. This approach of uniform objectives with diversified implementation ensures national strategy execution while stimulating local creativity and initiative.

China's massive domestic market size acts as a catalyst for rapid technological iteration and cost reduction, while intense market competition has cultivated the world's most complete industrial chain ecosystem. The market dimension provides the economic foundation that translates policy direction and technological potential into tangible project outcomes.

Large-scale domestic demand has spawned complete industrial chains, driving down costs dramatically across green technologies. In the solar PV sector, component costs have decreased by over

80% in the past decade. In the NEV sector, fierce competition has not only produced industry giants like BYD but also nurtured a complete industrial ecosystem spanning from batteries to intelligent driving systems. The cluster effect in regions like the Yangtze River Delta for NEVs and the Pearl River Delta for photovoltaics not only reduces production costs but, more importantly, accelerates knowledge diffusion and technological innovation through proximity and competition [5, p.100].

China has built a multi-tiered green financial system encompassing green credit, green bonds, and green funds, providing ample funding for green projects. By the end of 2024, China's outstanding green loans in local and foreign currencies reached 35.75 trillion RMB, a year-on-year increase of 25.1%. The National Green Development Fund has leveraged billions of yuan in private capital for mega-projects, while carbon finance initiatives including Green Certificate trading have created innovative mechanisms to integrate renewable energy with EV charging infrastructure. This diversification of financing channels effectively lowers capital costs for green projects and attracts more private capital participation.

Growing public environmental awareness has popularized green consumption concepts, creating sustained market pull for green products and services. Ant Group's Low-Carbon Planet mini-program scientifically quantified users' low-carbon behaviors and assigned them value, attracting over one million Shenzhen residents to participate within a year and exploring a sustainable development model from "everyone can reduce carbon" to "everyone carbon inclusive." Corporate champions like BYD and CATL drive supply-chain innovation, while extended producer responsibility programs boost circularity in sectors from electronics to vehicles.

China's green technology innovation follows a dual track of independent R&D and digested absorption/re-innovation, demonstrating exceptional system integration and optimization capabilities at the project level. The technology dimension provides the practical means to achieve policy objectives and meet market demands efficiently.

China combines independent R&D with international technology absorption to accelerate its green technology advancement. In the NEV sector, companies like CATL have made breakthroughs in solid-state batteries through substantial R&D investments, while simultaneously benefiting from knowledge spillovers through joint ventures with international players like Tesla. The Green Technology Innovation System explicitly prioritizes breakthroughs in renewables, hydrogen, and carbon capture, utilization, and storage technologies. Jinko Solar's approach of exploring one generation, developing one generation, and mass-producing one generation has enabled it to break world records for N-type TOPCon cell efficiency six consecutive times over two years [6, p.113].

Digital technology is deeply integrated into green project management and operations, creating significant efficiency gains. State Grid's New Energy Cloud platform has reduced project approval times by 30% through digitalization of processes. Artificial intelligence and Internet of Things applications in agricultural projects like Jieruin's smart orchards have optimized water and energy use in eco-forming projects. Ant Group's green computing technology has enabled intelligent scheduling and optimization within its server clusters, saving over 43,807 MWh of electricity in 2021 alone and establishing a benchmark for energy conservation and emissions reduction in data centers across various industries.

Chinese green projects increasingly adopt integrated solutions that combine multiple objectives within a single project, creating synergies and maximizing resource efficiency. The Qinghai Talatan PV Park combines photovoltaic power generation with ecological animal husbandry, realizing a composite utilization model of double-sided power generation above panels, double-layer ecology below panels, and low-carbon industries between panels. Similarly, Elion Resources Group has developed an integrated model in the Kubuqi Desert that combines desert control, wind and solar

power generation, energy storage development, and hydrogen equipment manufacturing, increasing vegetation coverage from less than 3% to 65% in the core desert management area. Vehicle battery recycling networks and automotive extended producer responsibility initiatives represent further applications of circular economy technologies that maximize resource efficiency [7, p.210].

The new energy vehicle sector exemplifies the powerful synergy between policy, market, and technology in China's green project management. The sector's development demonstrates how strategic alignment across these three dimensions can produce transformative results.

China's NEV sector benefited from a carefully sequenced policy approach that evolved from direct subsidies to more sophisticated market-based mechanisms. Initial purchase subsidies created the early market, followed by the dual-credit system that mandated NEV production quotas for automakers. These policies were complemented by local implementation including license plate restrictions in major cities that favored NEVs and public procurement programs that expanded the market. The phased reduction of subsidies and their eventual replacement with the dual-credit system created a smooth transition from policy dependence to market competitiveness.

Market forces responded to these policy signals with massive investments in production capacity and technology development. China's NEV production grew from approximately 500,000 units in 2015 to over 12.8 million units in 2024, representing a twenty-five-fold increase in less than a decade. Intensive competition among hundreds of EV manufacturers drove rapid improvements in battery technology, with energy density increasing from 120 Wh/kg in 2015 to 350 Wh/kg in 2024 while costs decreased by over 80%. The emergence of industrial clusters in regions like the Yangtze River Delta created complete supply chains that further reduced costs and accelerated innovation.

Technological advancements in battery chemistry, motor efficiency, and charging infrastructure addressed key barriers to adoption. Chinese companies like CATL developed lithium iron phosphate batteries that offered better safety and lower cost, while BYD's blade battery technology improved space utilization and safety. The development of battery swapping stations by companies like Nio addressed charging time concerns, while ultra-fast charging technology reduced charging times to under 15 minutes. Digital integration through smartphone apps for charging station location, reservation, and payment significantly enhanced user convenience [8, p.103].

In the renewable energy sector, China has demonstrated similar synergies between policy, market, and technology. The renewable portfolio standards and feed-in tariffs created guaranteed markets for wind and solar power, while the massive scale of deployment enabled continuous technology improvement and cost reduction. Digitalization of renewable project management through platforms like State Grid's New Energy Cloud has optimized grid integration and operation. The case of China's world-leading position in both solar panel production and installation illustrates how policy direction, market scale, and technological innovation can combine to achieve global leadership in green sectors.

Despite its remarkable successes, China's green project management model faces several persistent challenges that could impede further progress. Understanding these challenges is essential for both China's continued advancement and for other countries seeking to learn from China's experience.

Regional imbalances in green development present a significant challenge, with coastal provinces generally outperforming inland regions in green project implementation. Data fragmentation and inconsistent carbon accounting across sectors complicate the measurement and verification of emissions reductions. Technological dependencies persist in critical areas such as high-efficiency solar cell manufacturing equipment and specialized materials for batteries, though domestic substitution is advancing rapidly. The financial sustainability of green projects remains a concern as subsidies are phased out, requiring new business models to ensure commercial viability [9, p.141].

For other economies seeking to replicate elements of China's success, several lessons emerge from China's experience. The importance of adaptive governance that blends top-down targets with local experimentation appears crucial, as exemplified by the European Union's Green Deal which combines EU-level targets with member state implementation plans. The strategic use of public procurement to bootstrap markets for green technologies, as seen in India's NEV subsidies and bus procurement programs, represents another transferable approach. The integration of industrial policy with circular economy standards, similar to Vietnam's extended producer responsibility laws, offers a pathway to combine economic development with environmental sustainability.

The applicability of China's model varies significantly across country contexts. For large economies with substantial domestic markets, replicating China's scale-based approach may be feasible, though challenging. For smaller economies, regional cooperation and specialization offer alternative pathways to achieve scale economies. The specific sequencing of policy interventions—beginning with creating market certainty, then building domestic capacity, and finally fostering international competitiveness—provides a potentially valuable template for other latecomers to green industrialization.

China's green project success hinges on dynamic policy-market-technology coordination that creates synergistic effects greater than the sum of its parts. Strategic foresight embodied in long-term goals like the Dual Carbon targets, massive market mobilization through industrial policies and financial incentives, and technology leapfrogging through substantial R&D investments and digital integration have collectively addressed what might otherwise appear as insurmountable sustainability challenges.

This study has demonstrated how the tripartite framework of policy, market, and technology coordination operates in practice through case studies of China's NEV and renewable energy sectors. The framework helps explain why China has succeeded in green project management where other countries with similar policy ambitions or market size have achieved less impact. The synergistic density—the degree of interconnection and mutual reinforcement among the three dimensions—appears particularly high in China's context, creating favorable project ecosystem conditions [10, p.123].

While contextual factors including China's governance model, scale advantages, and stage of development limit direct replication of its approach, the tripartite framework offers a transferrable model for balancing growth and decarbonization. Future research could productively focus on quantifying synergy effects through more precise metrics, comparing China's approach with other major economies' green industrialization strategies, and examining how digital technologies are reshaping green project management practices globally. As climate urgency increases, understanding and adapting successful elements of China's green project management approach becomes increasingly important for global sustainability efforts.

List of used literature

1. National Development and Reform Commission (NDRC). China's Policies and Actions for Addressing Climate Change. Beijing: NDRC. (2023).
2. International Energy Agency. Renewables 2024: Analysis and Forecast to 2029. Paris: IEA Publications. (2024).
3. International Renewable Energy Agency. Renewable Energy Statistics 2024. Abu Dhabi: IRENA. (2024).
4. International Energy Agency. Global EV Outlook 2024. Paris: IEA Publications. (2024).
5. Chen, Y., & Lin, Z. Green Industrial Policy and Sustainable Development in China. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, (2024). 52, 100-115.

6. Zhang, H., & Wang, L. The Role of Policy in China's Renewable Energy Development. *Energy Policy*, (2024). 185, 113-125.
7. Liu, X., & Yang, J. Technological Innovation and Cost Reduction in China's Solar Industry. *Nature Energy*, (2024). 9(3), 210-225.
8. Wang, K., & Li, M. The Development of New Energy Vehicles in China: Policies, Markets, and Technologies. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, (2024). 128, 103-118.
9. Zhao, X., & Wu, L. Green Finance and Sustainable Development in China. *Journal of Cleaner Production*, (2024). 435, 140-155.
10. Zhou, Y., & Zhang, R. Digital Transformation and Green Development in China. *Technological Forecasting and Social Change*, (2024). 200, 123-135.

Рецензент: PhD Имашова Айсулу Абдыкуловна

УДК 331.5: 004.8: 656

Ван Б., Ли И., Сяо Ф., Цюй И., Мамбетакунов Э.М.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван Б., Ли И., Сяо Ф., Цюй И., Мамбетакунов Э.М.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang B., Li Y., Xiao F., Qu Y., Mambetakunov E.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1473-9390>¹

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН ЛОГИСТИКАЛЫК ТАРМАКТЫН ЖУМУШ МЕНЕН КАМСЫЗ КЫЛУУ СТРУКТУРАСЫНА ТААСИРИ ЖӨНҮНДӨ ЭМПИРИКАЛЫК ИЗИЛДӨӨ

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СТРУКТУРУ ЗАНЯТОСТИ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ AN EMPIRICAL STUDY ON THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE EMPLOYMENT STRUCTURE OF THE LOGISTICS INDUSTRY

Кыскача мүнөздөмө: Жасалма интеллект (ЖИ) технологиясынын толкуну дүйнөнү каптап жатат, жана реалдуу экономиканын өнүгүүсүн колдогон негизги тармак катары, логистика тармагы бул терең өзгөрүүнүн оор жүгүн биринчилерден болуп көтөрөт. Бул иш ИИ технологиясын колдонуу менен логистика тармагынын жумуш менен камсыз кылуу структурасынын таасирине жана кайра түзүлүшүнө басым жасалат. Изилдөө көрсөткөндөй, логистикалык тармакка ИИнин кириши жалпы жумуштуулуктун кескин кыскарышына алып келген эмес, бирок жалпысынан алда канча чоң структуралык өзгөрүүлөргө алып келди. Процедуралык жана кайталануучу эмгек менен мүнөздөлгөн орто квалификациялуу жумуштардын кеңири масштабдагы кыскарышы кескин карама-каршылыкта турат жана жогорку квалификациялуу билимге негизделген кызматтарга, жогорку ийкемдүүлүккө жана жогорку өз ара аракеттенүүгө ээ төмөн квалификациялуу кызмат орундарына суроо-талап бир эле учурда өсүп, олуттуу "жумуш менен камсыз кылуу поляризациясы" мүнөздөмөлөрүн көрсөтүүдө. Ошол эле учурда, бүтүндөй тармактын квалификацияга болгон суроо-талабы системалык түрдө

жогорулатууда жана санариптик сабаттуулук жана адам-машина кызматташтыгы атаандаштыктын негизги мүмкүнчүлүктөрү болуп калды. Эмпирикалык изилдөөлөрдүн жыйынтыктарына таянып, бул макалада интеллектуалдык доор шартында реалдуу сектордун сапаттуу жана ар тараптуу өнүгүшүн камсыз кылууга багытталган системалуу аракеттер стратегиясы сунушталат. Аталган стратегия макросаясаттын багыттарынан башталып, корпоративдик стратегия деңгээлине өтүп, андан соң жеке адистик ишмердүүлүктү өнүктүрүүгө чейин камтылып, практикалык колдонууга негиз боло турган сунуштарды берет.

Аннотация: Волна технологий искусственного интеллекта (ИИ) охватила весь мир и в первую очередь в материальном секторе произошли глубокие изменения, которые стали основой для развития реальной экономики. Эта статья фокусируется на потрясениях и восстановлениях, вызванных применением технологии ии для создания структуры занятости в материальном секторе. Исследования показали, что проникновение ии в физический сектор не привело к резкому сокращению числа рабочих мест, однако структурные изменения, вызванные этим, были гораздо более значительными, чем совокупный эффект. В основе этого показателя говорится о том, что в значительной степени сокращается количество квалифицированных рабочих мест, характерных для процессуальных, повторяющихся трудов, в то время как резко контрастирует с этим тот факт, что высококвалифицированные, интеллектуальные рабочие места, которые развиваются параллельно с высоким спросом на услуги с высокой гибкостью и высокой инклюзивностью, характеризуются «поляризацией» рабочих мест. В то же самое время потребность в навыках во всей отрасли систематически растет, и цифровое мастерство и способность работать с людьми и машиной становятся основными конкурентоспособными. Основываясь на эмпирических открытиях, в этой статье предлагается систематическая стратегия реагирования, начиная с направления макрополитики, перехода к корпоративной стратегии и развития индивидуальной профессиональной деятельности, с тем чтобы обеспечить справочное обеспечение высококачественного и всеобъемлющего развития материального сектора в интеллектуальную эпоху.

Abstract: The wave of artificial intelligence (AI) technology is sweeping across the globe. As a fundamental industry supporting the development of the real economy, the logistics industry is the first to undergo this profound transformation. This article focuses on the impact and reshaping of AI technology application on the employment structure of the logistics industry. The research shows that the penetration of AI in the logistics industry has not led to a sharp contraction in the total employment, but the structural changes it has triggered are far more significant than the total effect. The core manifestation is: the large-scale reduction of mid-skilled positions characterized by procedural and repetitive labor, while in sharp contrast, the demand for high-skilled knowledge-based positions and low-skilled service positions with high flexibility and interaction has grown simultaneously, presenting a significant "employment polarization" feature. At the same time, the skill requirements across the entire industry are undergoing systematic upgrading, and digital literacy and human-machine collaboration capabilities have become core competitiveness. Based on the empirical findings, this article proposes systematic response strategies from three dimensions: macro policy guidance, enterprise strategic transformation, and individual career development, with the aim of providing reference for promoting the high-quality and inclusive development of the logistics industry in the intelligent era.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; логистикалык өнөр жай; жумуш менен камсыз кылуу түзүмү; жөндөмдөрдүн поляризациясы; санариптик трансформация; адам капиталын жаңылоо.

Ключевые слова: искусственный интеллект; логистическая отрасль; структура занятости; поляризация навыков; цифровая трансформация; обновление человеческого капитала.

Keywords: artificial intelligence; logistics industry; employment structure; skill polarization; digital transformation; upgrading of human capital.

1. Introduction: The Employment Landscape of the Logistics Industry under Technological Transformation

The logistics industry is a crucial link in the smooth circulation of the national economy. [1] In the era of digital economy, artificial intelligence technologies represented by machine learning, robots and big data have moved from concept verification to the stage of large-scale application, deeply integrating into the entire logistics chain including warehousing, transportation, distribution and management. From the AGV robots that shuttle back and forth in the "unmanned warehouse", to the autonomous driving technology that emerges in the trunk transportation, and to the intelligent scheduling system that optimizes routes, AI is enhancing industry efficiency and reshaping the industrial ecosystem with unprecedented strength.

On the other side of efficiency improvement lies the widespread concern in society about technological unemployment. However, historical experience shows that the employment effect of technological revolutions cannot be simply explained by the simplistic "substitution" or "creation" dichotomy. The logistics industry, as a frontier sector with both labor-intensive and technology-intensive characteristics, has become an excellent sample for observing this issue. This study aims to go beyond the debate on macro totals and deeply analyze how AI restructures the job composition and skill requirements within the logistics industry, and answers the following core questions: Has AI eliminated jobs, or has it changed the form of jobs? What new qualities will future logistics talents need to possess?

2. Mechanism Analysis: The Dual Forces of AI in Reshaping Employment

The impact of AI on employment in the logistics industry is a vivid manifestation of the "destructive creation" process. It is achieved through the interplay of two core forces:

2.1 Substitution effect: The "precise erosion" of programmed positions

The core advantage of AI lies in its ability to handle large amounts of data and perform standardized tasks. Therefore, its substitution effect precisely targets those positions with highly procedural and codifiable work content. For instance, the widespread use of intelligent sorting robots has led to a significant reduction in the demand for traditional manual sorters; [2] automated vertical storage warehouses have greatly reduced the reliance on warehouse handlers and inventory counters; and tasks such as clearly defined document processing and customer service inquiries are also being rapidly taken over by robotic process automation (RPA) and intelligent customer service systems. This effect has concentratedly impacted the traditional mid-skilled positions in the logistics industry, constituting the main pressure source for the adjustment of employment structure.

2.2 Creation Effect: "New Positions" Generated by New Business Models

Parallel to technological substitution, there is a greater emphasis on the creation of diverse job positions. This is mainly manifested in three aspects:

The "research and operation" layer of new technologies: The introduction of AI systems has directly created new high-skilled positions such as algorithm engineers, data scientists, AI system operation engineers, and intelligent device management specialists.

The "Management and Collaboration" layer of human-machine collaboration: The intelligent environment is not "unmanned", but rather requires human management and collaboration. For instance, roles such as drone/car dispatchers, intelligent warehouse system administrators, and automated route planners have emerged. They act as the "interpreters" and "commanders" between humans and AI systems, and belong to the emerging mid-to-high skill positions.

The "service and extension" layer of business expansion and model innovation: The cost reduction and efficiency improvement brought about by AI has expanded the overall scale of the logistics market and given rise to high-end services such as cold chain logistics and precise time-sensitive delivery. This continues to support the demand for low-skilled positions, such as couriers and porters.[3] More importantly, in complex scenarios like the "last mile", service positions that require high interpersonal interaction, flexible adaptation, and emotional labor have become even more valuable because technology cannot fully replace them.

3.Core finding: The three main characteristics of structural change

Based on the analysis of industry data, enterprise cases and recruitment trends, this study has identified three core characteristics of the structural changes in employment in the logistics industry under the influence of AI:

Discovery 1: The total employment volume remains resilient, but the internal composition undergoes a "restructuring".

The data shows that although the application rate of AI is increasing rapidly, in the logistics industry, especially in sub-sectors such as express delivery and e-commerce logistics, the total employment volume still maintains a steady growth. This confirms the "compensation effect" of technological progress - the improvement in efficiency stimulates consumption and business volume, thereby creating new employment demands. However, beneath the "calm waters" of the job market, there are "undercurrents" in the composition of jobs. The former main employment sector - medium-skilled operational positions is shrinking, while the "two poles" of high-skilled and low-skilled positions are continuously expanding.

Discovery 2: "Employment Polarization" has become the most prominent structural feature.

This study has confirmed that the logistics industry is clearly exhibiting a "job polarization" phenomenon similar to that of the labor markets in developed countries. [4] Specifically, the high-skilled segment continues to expand: enterprises are in desperate need of professionals with skills in AI, big data, cloud computing, etc., and the salary growth and recruitment difficulty of these positions remain high. The medium-skilled segment has significantly narrowed: this is the most affected area. A large number of routines, predictable physical and cognitive tasks have been automated, resulting in a significant decrease in the proportion of related positions, forming a "sinkhole" on the employment map. The low-skilled segment remains stable: service positions that rely on situational adaptability, unstructured manual work, and face-to-face communication, due to their difficulty in being replicated by algorithms and machines, show strong employment resilience.

Discovery 3: Skill requirements have undergone a comprehensive upgrade, and digital literacy has become the "new threshold".

The application of AI is systematically raising the skill benchmark across the entire industry. This is not only reflected in the technical requirements for highly skilled personnel, but more profoundly in the digital literacy requirements for all positions. For a typical warehouse manager, in the past, they might only need to be familiar with the storage locations and ledgers. Now, they need to be able to operate the warehouse management system (WMS), understand the basic working logic of AGV robots, and be able to handle system alerts. This "skill dispersion effect" means that even basic positions, workers lacking basic digital skills will face the risk of being marginalized.

4.Empirical perspective: Support from data and cases

To quantify this trend, we conducted a survey of representative logistics enterprises and analyzed the data from public recruitment, and found that:

The "AI capital investment intensity" of enterprises has a significant negative correlation with the proportion of skilled employees within the company. [5] At the same time, this investment intensity has a significant positive correlation with the proportion of highly skilled employees and the frequency of keywords such as "Python", "Data Analysis", and "AI Operations" appearing in job recruitment information. The demand fluctuations for low-skilled positions are more closely related to peak periods of e-commerce business (such as "Double Eleven"), and there is no significant

negative correlation with the level of AI application. Even with the growth in business volume, the demand remains resilient.

A case of a leading e-commerce logistics company is particularly representative: After building Asia's first fully-integrated intelligent logistics base, the company reduced the number of workers in the sorting process by 70%, but at the same time, it created over 300 new technical positions related to data, algorithms, and maintenance of automated equipment, and provided comprehensive system operation training to the remaining operational staff.

5. Conclusion and multi-dimensional countermeasure suggestions

5.1 Research conclusion

This study reveals that artificial intelligence is undergoing a profound "creative reshaping" of the employment structure in the logistics industry. The core impact is not an absolute reduction in the number of jobs, but a systematic replacement of job types. "Employment polarization" and "skill upgrading" are the two key aspects of this process. The future logistics labor market will be a "sling-shaped" structure: one end is composed of highly skilled talents driving technological innovation, the other end is composed of grassroots workers providing flexible services, while the traditional middle-level positions will undergo significant transformation or disappearance.

5.2 Systematic response strategy

In the face of this irreversible trend, it is necessary for the government, enterprises and individuals to work together to establish a forward-looking and inclusive response system.

5.2.1 At the government level: Establish a supporting framework to facilitate a smooth transition

Strengthen macro guidance and early warning: Incorporate employment impact assessment into industrial policies, establish mechanisms for predicting and releasing industry skill demands, and guide the rational allocation of educational resources.

Improve the lifelong vocational skills training system: Vigorously promote "digital skills literacy" and "skill improvement programs". Public employment service resources should be allocated in favor of mid-skilled workers facing transformation pressures, helping them migrate to the two ends of the industrial chain.

Optimize the social security safety net: Improve the unemployment insurance system, explore social security policies that are suitable for flexible employment and new forms of employment, and provide a safety net for workers during structural adjustments.

5.2.2 At the enterprise level: Take the initiative in formulating strategic plans and invest in human capital.

Formulate forward-looking human resource planning: Place the talent strategy at the core of the enterprise's digital transformation, predict the job and skill requirements for the next 3-5 years, and make advance preparations and arrangements for talent.

Optimize organizational design and workflow: Actively design a new "human-machine collaboration" working model, allowing human employees to focus on more valuable activities such as creation, decision-making, communication, and handling anomalies.

Increase internal skills investment: Treat employees as the most important assets. Establish an enterprise university or collaborate with training institutions to systematically retrain and enhance the skills of existing employees. This is not only a social responsibility but also a key to ensuring the future competitiveness of the enterprise.

5.2.3 At the practitioner level: Embrace lifelong learning and cultivate core advantages

Establish a dynamic career development perspective: Abandon the old notion of "one position for life", actively keep track of industry technological trends, and view learning as a continuous investment in the workplace.

Focus on transferable skills and "human traits": While mastering the necessary digital tools, consciously cultivate critical thinking, complex problem-solving abilities, creativity, empathy, and communication skills - these are precisely the core values that distinguish humans from machines in the AI era.

List of used literature

1. Wang Hongxia. Research on the Path and Countermeasures for High-Quality Development of Logistics Industry in Hebei Province [D]. Hebei University of Science and Technology, 2024. DOI: 10.27107/d.cnki.ghbku.2024.001057.
2. Wang Xiaoyang. Research on the Measurement and Enhancement Path of High-Quality Development Level of Logistics Industry in the Eastern Coastal Economic Belt [D]. Hunan University of Technology, 2024. DOI: 10.27730/d.cnki.ghngy.2024.000747.
3. Han Minchun, Qiao Gang. The Impact of Industrial Robot Application on Employment in China's Manufacturing Industry: Empirical Evidence from the Industry Level [J]. Modern Management, 2020, 40(02): 88-92. DOI: 10.19634/j.cnki.11-1403/c.2020.02.020.
4. Liu Li. The Evolution of Labor Employment Structure in the Logistics Industry from the Perspective of Technological Progress: Based on Empirical Evidence from China's Listed Logistics Enterprises [J]. Commercial Economics Research, 2021(21): 110-113.
5. Wang Qiuxia. Research on the Issues and Countermeasures of Rural Labor Force Transfer and Employment in Linqu County [D]. South China University of Technology, 2023. DOI: 10.27710/d.cnki.gznmc.2023.000846.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаева Ирина Борисовна

УДК 339.7: 336.74

Ван И., Ли Л., Сяо Ц., Чжан Ю., Мамбетакунов Э.М.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван И., Ли Л., Сяо Ц., Чжан Ю., Мамбетакунов Э.М.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang Y, Li L., Xiao F., Zhang Y., Mambetkunov E.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1473-9390>¹

**ӨНҮГҮП КЕЛЕ ЖАТКАН ЭКОНОМИКАСЫ БАР ӨЛКӨЛӨРДӨ ВАЛЮТАЛЫК-
КАРЖЫЛЫК КЫЗМАТТАШУУНУН МЕХАНИЗМДЕРИН ИЗИЛДӨӨ:
МОТИВАЦИЯСЫ, ЫКМАЛАРЫ ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК ЭКОНОМИКАЛЫК
КЕСЕПЕТТЕРИ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В СТРАНАХ С РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКОЙ:
МОТИВАЦИЯ, ПОДХОДЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

**RESEARCH ON MONETARY AND FINANCIAL COOPERATION MECHANISMS IN
EMERGING ECONOMIES: MOTIVATIONS, PATHWAYS AND INTERNATIONAL
ECONOMIC EFFECTS**

Кыскача мүнөздөмө: Салттуу эл аралык экономикалык башкаруу системасы, айрыкча долларга негизделген эл аралык валюталык режим, глобалдык кризистерди чечүүдө олуттуу ички кемчиликтерди көрсөтүүдө. Бул көрүнүштү Триффин дилеммасынын заманбап көрүнүшү катары мүнөздөөгө болот. Барган сайын таасири күчөп жаткан өнүгүп келе жаткан экономикалар үчүн учурдагы системага ашыкча көз карандылык алардын экономикалык коопсуздугу жана туруктуу өнүгүүсү үчүн системдик тобокелдиктерди жаратат. Бул макалада өнүгүп келе жаткан рыноктук экономикасы бар өлкөлөрдүн ички валюталык жана каржылык кызматташууну тереңдетүү аркылуу глобалдык экономикалык башкаруудагы өз ордун

өзгөртүүгө багытталган стратегиялык жолдору жана экономикалык кесепеттери системалуу түрдө изилденет. Алгач мындай кызматташтыкты стимулдаштырган ички жана тышкы факторлор талданат, анын ичинде АКШ долларына ашыкча көз карандылыкты азайтуу, тышкы каржылык соккуларга туруктуулукту күчөтүү жана ички региондук соода менен инвестицияларга болгон өсүп жаткан суроо-талапты канааттандыруу маселелери каралат. Андан соң макалада аналитикалык алкак түзүлүп, кызматташтыктын учурдагы жолдору үч негизги түргө бөлүнөт: кризистерден куткаруу жана ликвиддүүлүктү колдоо механизмдери (мисалы, БРИКСтин резервдик механизмдери жөнүндө макулдашуу), улуттук валюталарда эсептешүү жана валюталык своп тармактарын өнүктүрүү, ошондой эле өнүгүү каржылоо институттарынын (мисалы, Жаңы өнүктүрүү банкы жана Азия инфраструктуралык инвестициялар банкы) салттуу эл аралык каржы архитектурасына тийгизген «толуктоочу жана альтернативалуу» таасири. Изилдөөлөр көрсөткөндөй, бул кызматташтык механизмдери жамааттык каржылык туруктуулукту чыңдоо, каржылоонун альтернативдүү каналдарын түзүү жана улуттук валюталардын интернационалдашуусун акырындык менен илгерилетүү аркылуу өнүгүп келе жаткан экономикалардын эл аралык экономикалык иштерде өз үнүн угузуу жана чечим кабыл алууга таасир этүү мүмкүнчүлүгүн олуттуу күчөтөт. Бирок кызматташтык процесси өнүгүү деңгээлиндеги ички айырмачылыктар, геосаясий кийлигишүү жана рынок тарабынан кабыл алуу сыяктуу бир катар көйгөйлөргө туш болууда. Макалада кыска мөөнөттүү келечекте өнүгүп келе жаткан экономикалардын валюталык жана каржылык кызматташуусу азыркы системаны түп-тамырынан өзгөртө албаса да, акырындык менен жүргүзүлүүчү реформаларды системалык интеграция менен айкалыштыруу аркылуу кыйла көп түрдүү жана туруктуу эл аралык валюталык тартипти түзүүгө маанилүү түрткү берери белгиленет. Бул кызматташтык аталган өлкөлөрдүн эл аралык аренадагы ролун кыйла жогорулатууга мүмкүндүк берген негизги таяныч болуп калды.

Аннотация: Традиционная система международного экономического управления, в частности долларовый международный валютный режим, демонстрирует значительные внутренние недостатки при решении глобальных кризисов — явление, которое можно охарактеризовать как современную версию дилеммы Триффина. Для все более заметных стран с развивающейся экономикой чрезмерная зависимость от существующей системы создает системные риски для их экономической безопасности и устойчивого развития. В данной статье систематически исследуются стратегические пути и экономические последствия для стран с формирующейся рыночной экономикой, направленные на изменение их положения в глобальном экономическом управлении путем углубления внутреннего валютного и финансового сотрудничества. Сначала анализируются внутренние и внешние факторы, стимулирующие такое сотрудничество между странами с формирующейся рыночной экономикой, в том числе снижение чрезмерной зависимости от доллара США, укрепление устойчивости к внешним финансовым потрясениям и удовлетворение растущего спроса на внутрирегиональную торговлю и инвестиции. Затем в документе создается аналитическая структура, в которой существующие пути сотрудничества подразделяются на три основных типа: механизмы спасения от кризисов и поддержки ликвидности (такие как Соглашение о резервном механизме БРИКС), развитие сетей расчетов в национальной валюте и валютных свопов, а также «дополнительные и альтернативные» эффекты развивающихся институтов финансирования развития (таких как Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) на традиционную международную финансовую архитектуру. Исследования показывают, что эти механизмы сотрудничества существенно усиливают голос и способность развивающихся экономик влиять на принятие решений в международных

экономических делах за счет укрепления коллективной финансовой устойчивости, предоставления альтернативных каналов финансирования и постепенного продвижения интернационализации местных валют. Однако процесс сотрудничества сталкивается с рядом проблем, включая внутренние различия в уровне развития, геополитическое вмешательство и принятие рынком. В данной статье делается вывод о том, что, хотя в краткосрочной перспективе денежно-финансовое сотрудничество стран с формирующейся экономикой не способно перевернуть существующую систему, оно дает важный импульс для построения более разнообразного и стабильного международного валютного порядка путем сочетания постепенных реформ и системной интеграции. Это сотрудничество стало основной опорой, позволяющей этим странам играть более значительную роль на международной арене.

Abstract: The traditional international economic governance system, particularly the dollar-centric international monetary regime, exhibits pronounced endogenous flaws when addressing global crises—a phenomenon encapsulated as a contemporary iteration of the Triffin dilemma. For increasingly prominent emerging economies, excessive reliance on the prevailing system poses systemic risks to their economic security and sustainable development. This paper systematically explores the strategic pathways and economic implications for emerging economies to reshape their standing in global economic governance through deepening internal monetary and financial cooperation. It first dissects the internal and external drivers propelling such cooperation among emerging economies, including reducing excessive reliance on the US dollar, bolstering resilience against external financial shocks, and serving the expanding demands of intra-regional trade and investment. Subsequently, the paper constructs an analytical framework categorizing existing cooperation pathways into three main types: crisis rescue and liquidity support mechanisms (such as the BRICS Contingent Reserve Arrangement), domestic currency settlement and currency swap network development, and the ‘supplementary and alternative’ effects of emerging development finance institutions (such as the New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank) on the traditional international financial architecture. Research indicates that these cooperative mechanisms substantially enhance emerging economies' voice and rule-making capacity in international economic affairs by strengthening collective financial resilience, providing alternative financing channels, and progressively advancing local currency internationalization. However, the cooperative process faces challenges including internal developmental disparities, geopolitical interference, and market acceptance. This paper concludes that while unable to overturn the existing system in the short term, emerging economies' monetary and financial cooperation is providing crucial impetus for constructing a more diverse and stable international monetary order through a combination of incremental reform and systemic embedding. This cooperation has become a core pillar enabling these economies to play a greater international role.

Негизги сөздөр: өнүгүп келе жаткан экономикалар; акча-кредиттик кызматташтык; доллардан чыгуу; эл аралык акча системасы; БРИКС мамлекеттери; эл аралык экономикалык башкаруу.

Ключевые слова: развивающиеся экономики; валютное и финансовое сотрудничество; дедолларизация; международная валютная система; страны БРИКС; международное экономическое управление.

Keywords: emerging economies; monetary and financial cooperation; de-dollarisation; international monetary system; BRICS nations; international economic governance.

I. Introduction

Over the past two decades, emerging economies have steadily increased their share of global GDP, yet their influence within the international financial system has long remained disproportionate to their economic contributions. During the 2008 global financial crisis and the 2020 COVID-19 pandemic, the Federal Reserve's policy of shifting crisis costs globally through unlimited quantitative easing exposed the fragility and inequity of an international monetary system centred on a single sovereign currency [1]. For emerging economies holding substantial dollar-denominated assets and exhibiting high dollarisation in trade and financing, the spillover effects of US monetary policy pose severe challenges to financial stability.

This structural contradiction gives rise to a central question: how can emerging economies, through collective action, reduce their systemic dependence on the current framework and pursue financial influence commensurate with their economic strength? Unlike studies focusing on trade and value chains, this paper concentrates on the deeper, more strategic dimension of monetary and financial cooperation. Cooperation among emerging economies has transcended mere policy coordination, advancing towards the establishment of institutionalised, substantive financial safety nets and investment-financing platforms. Systematically evaluating the motivations, pathways, and effects of these cooperative mechanisms holds crucial theoretical value and practical significance for understanding how emerging economies are transitioning from 'governed entities' to 'participants in governance' and even 'co-creators of rules'.

II. Core Motivations Driving Emerging Economies' Monetary and Financial Cooperation

The impetus for emerging economies' commitment to monetary and financial cooperation stems from both the avoidance of tangible risks and the pursuit of strategic opportunities, which can be summarised in three key points:

First, reducing 'excessive dependence' on the US dollar to safeguard domestic financial security. The 'dollar trap' represents a shared predicament for many emerging economies. On one hand, their substantial foreign exchange reserves are predominantly held in US dollar assets, exposing them to risks stemming from US inflation and potential debt defaults. On the other, cross-border trade and borrowing by domestic enterprises are largely denominated in US dollars, rendering them highly vulnerable to capital outflows and exchange rate volatility triggered by tightening US monetary policy [4]. By promoting local currency settlements and establishing regional financial safety nets, the aim is to fundamentally reduce dependence on US dollar liquidity, thereby enhancing macroeconomic autonomy and resilience.

Second, an intrinsic necessity for addressing global crises. The global financial crisis and COVID-19 pandemic demonstrated that under extreme stress, global US dollar liquidity can abruptly dry up, while traditional rescue mechanisms like the International Monetary Fund (IMF) often impose stringent austerity conditions. This has prompted emerging economies to recognise the necessity of establishing a timelier and more self-serving collective financial self-rescue mechanism. The creation of the BRICS Contingent Reserve Arrangement (CRA) was precisely intended to provide a short-term liquidity support tool without harsh political conditions when members face balance of payments difficulties [5].

Thirdly, serving the deepening of real economic cooperation within the region. As trade and investment ties within emerging markets grow increasingly interdependent, demand for efficient, low-cost financial services denominated in local currencies has surged. Continued reliance on third-party currencies (such as the US dollar) for settlements not only incurs additional exchange costs but

also lengthens payment chains, heightening transaction risks and complexity. Consequently, constructing an efficient local currency payment and settlement system is an imperative requirement for reducing transaction costs and advancing the deepening of regional economic integration [3].

III. Primary Pathways and Mechanisms for Monetary and Financial Cooperation Among Emerging Economies

In practice, monetary and financial cooperation among emerging economies exhibits multi-tiered and multi-channel characteristics, with primary pathways categorised as follows:

1. Crisis Assistance and Liquidity Support Mechanisms: The BRICS Contingent Reserve Arrangement (CRA) as an example

The CRA represents the most emblematic cooperative achievement among emerging economies in the realm of financial safety nets. Together with the Chiang Mai Initiative Multilateralisation (CMIM), it constitutes a vital supplement to the global financial safety net centred on the IMF. The CRA's core function is to provide liquidity support through currency swaps when member countries face balance of payments pressures. Its strategic significance lies in:

(1) Symbolic significance: It marks the first institutional declaration of major emerging economies' political will and capacity for collective self-rescue independent of Western-dominated institutions.

(2) Insurance function: Despite limited actual utilisation, the CRA's very existence instils market confidence, acting as a 'firewall' to stabilise expectations.

(3) Reform leverage: The CRA's operational practice has accumulated experience for emerging economies in participating in global financial governance reforms, enhancing their collective bargaining power in dialogues with the IMF [8].

2. Domestic Currency Settlement and Currency Swap Network Development

This represents the most direct and fundamental operational level of 'de-dollarisation'. Forms of cooperation include:

(1) Bilateral Domestic Currency Settlement Agreements: China has signed such agreements with numerous emerging economies and resource-rich nations including Russia, Brazil, and Saudi Arabia, encouraging direct pricing and settlement in domestic currencies for bilateral trade to bypass the US dollar.

(2) Expanded currency swap networks: Centred on the People's Bank of China, bilateral local currency swap agreements have been established with over 30 national and regional central banks. These arrangements not only facilitate trade settlements but also serve as vital liquidity channels during financial market turbulence (as exemplified by the stability support function within the swap agreement with Argentina).

(3) Regional payment system integration: Examples include Russia's Financial Information Transmission System (SPFS) and China's Cross-border Interbank Payment System (CIPS), designed to reduce reliance on the Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT) and provide foundational infrastructure support for domestic currency settlements.

3. The 'Complementary and Substitutive' Effects of Emerging Multilateral Development Finance Institutions

Emerging multilateral development banks, exemplified by the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the New Development Bank (NDB, also known as the BRICS Bank), represent an advanced form of institutionalised cooperation. They exert profound influence on the existing system:

(1) Providing alternative financing channels: Focusing on long-neglected infrastructure development and sustainable projects in emerging markets and developing countries, they offer financing options distinct from the World Bank and Asian Development Bank, with greater flexibility and adaptability in project standards and lending conditions [2].

(2) Promoting local currency financing: The New Development Bank explicitly prioritises localised financing as a strategic focus, issuing bonds denominated in local currencies within its member countries' markets and channelling funds towards domestic projects. This model effectively mitigates exchange rate risks while fostering the development of local capital markets.

(3) Innovation in rules and governance: These institutions have pioneered governance structures—such as the AIIB's absence of a resident board of executive directors—reflecting emerging economies' pursuit of more efficient and democratic governance models for international financial institutions.

IV. Assessment of the International Economic Impact of Cooperative Mechanisms

The advancement of the aforementioned cooperative pathways is generating positive economic and strategic effects across multiple dimensions:

Firstly, it has significantly enhanced collective financial resilience. The CRA, together with an extensive network of currency swap arrangements, forms a 'cushion' that provides participating countries with greater policy space and tool options when facing external financial shocks, thereby reducing both the probability and intensity of regional financial crises.

Secondly, it progressively advances the diversification of the international monetary system. While the US dollar's dominance remains unshakeable in the short term, currencies such as the renminbi and Indian rupee are steadily expanding their usage in regional trade and investment. This strategy of 'micro-breakthroughs and regional integration' is quietly reshaping the landscape of international currency usage, laying the groundwork for the eventual formation of a multipolar monetary system [1]. Thirdly, it has elevated the institutional voice of emerging economies within global economic governance. The successful operation of the New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank demonstrates emerging economies' capacity to establish and manage high-standard international financial institutions. This constitutes not merely a functional supplement to the existing system, but a form of 'discourse practice'—by providing global public goods, emerging economies have gained credibility and influence, thereby securing a more advantageous position in negotiations to reform traditional institutions such as the World Bank and IMF [6].

V. Challenges and Future Prospects

Despite notable achievements, monetary and financial cooperation among emerging economies faces significant challenges:

- Internal heterogeneity and coordination difficulties: Substantial disparities in economic structures, political systems, and geo-strategic interests among nations hinder consensus on critical issues such as the degree of decoupling from the CRA and IMF, or coordination of domestic currency exchange rates.

· Geopolitical interference: Major reserve currency issuers will inevitably perceive such cooperation as a challenge to their core interests, potentially employing political and economic means to obstruct and divide efforts.

· Market Path Dependence and Inertia: The US dollar's substantial advantages in network effects, market depth, and liquidity create insufficient intrinsic incentives for businesses and investors to shift towards local currency settlements. Cultivating market acceptance remains a protracted process.

Looking ahead, monetary and financial cooperation among emerging economies should adopt a more pragmatic and incremental strategy:

(1) Prioritise functional orientation and pragmatic cooperation: Deepen collaboration in areas with high consensus and strong utility (e.g., infrastructure financing, green finance), building consensus through tangible outcomes.

(2) Promote mechanism integration and connectivity: Explore more organic integration between the CRA, various swap agreements, and the functions of emerging development banks to construct a more internally cohesive and broadly inclusive 'financial cooperation ecosystem for emerging economies.

(3) Upholding principles of openness and inclusivity: While safeguarding core interests, pursue joint financing and knowledge-sharing collaborations with existing international financial institutions. Adopting the stance of a 'systemic reformer' rather than an 'outsider disruptor' will more effectively advance incremental transformation within the global governance framework.

VI. Conclusion

This paper demonstrates that monetary and financial cooperation represents a crucial and increasingly deepening strategic pathway for emerging economies to elevate their international economic standing and influence. This cooperation constitutes not a simplistic challenge to the existing global financial system, but rather a systematic construction grounded in shared interests and practical necessities. By establishing multi-tiered cooperative mechanisms spanning crisis resolution to development financing, and from payment settlements to market regulations, emerging economies are progressively accumulating institutional power. This effectively enhances the efficacy of collective action while bolstering individual economic security.

The long-term impact of this process lies not in immediately supplanting the US dollar or overturning the Bretton Woods system, but in offering the international community a stable, diverse, and more inclusive alternative through sustained institutional innovation and functional expansion. It signifies emerging economies' evolution from passive rule-takers to active co-shapers of rules and significant providers of global public goods. This role transformation will profoundly impact their own sustainable development while injecting decisive emerging forces into the trajectory of 21st-century global economic and financial order [8].

List of used literature

1. Eichengreen, B. Globalizing Capital: A History of the International Monetary System (3rd ed.). Princeton University Press. (2019).

2. Humphrey, C. Challenging Global Governance: The Impact of the AIIB and NDB on International Development Finance. Global Policy, (2022). 13(3), 321-333.

3. Li Yang. Building China's International Financial Centres Amidst Global Financial Transformation. *International Economic Review*, (2022). (4), 9-25.
4. Wang Xin. Reflections on China's Participation in International Financial Governance in the New Era. *International Finance Research*, (2021). (1), 3-11.
5. Xu Qiyuan, Yang Panpan. Currency Cooperation Among Emerging Economies: A Study Based on Bilateral Local Currency Settlement Agreements. *World Economy*, (2020).43(8), 3-27.
6. Cohen, B. J. *Currency Statecraft: Monetary Rivalry and Geopolitical Ambition*. University of Chicago Press. (2018).
7. Lin, L. F., & Shi, Y. R. The BRICS Contingency Reserve Arrangement: Operational Mechanisms, Challenges and Prospects. *Asia-Pacific Economic Review*, (2021). (5), 45–53+150.
8. Kirton, J. J. The BRICS in the Global Monetary and Financial System. In J. J. Kirton & M. Larionova (Eds.), *BRICS and the Global Financial Order*. Routledge. (2019). (pp. 15-38).

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Назарматова Бурул Мукашовна

УДК 005.334: 004.9

Ван И., Ли М., Тэн Л., Чжао Ч., Кожомкулова Д.Н.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван И., Ли М., Тэн Л., Чжао Ч., Кожомкулова Д.Н.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang Y., Li M., Teng L., Zhao Z., Kozhomkulova D.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0206-4203>¹

**КРИЗИС ДОЛБООРЛОРУН БАШКАРУУДАГЫ САНАРИПТИК БУЗУУ:
КУРАЛДАРДЫ КЕҢЕЙТҮҮ ЖАНА ТЕХНИКАЛЫК КОЛДОО СТРАТЕГИЯЛАРЫ
БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ**

**ЦИФРОВОЙ ПРОРЫВ В УПРАВЛЕНИИ КРИЗИСНЫМИ ПРОЕКТАМИ:
ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИНСТРУМЕНТОВ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ**

**DIGITAL BREAKTHROUGH IN CRISIS PROJECT MANAGEMENT: A STUDY ON
TOOL EMPOWERMENT AND TECHNOLOGY SUPPORT STRATEGIES**

Кыскача мүнөздөмө: Өзгөчө кырдаалдардын улам-улам кайталанып турушу шартында кризистик долбоорлор «жогорку белгисиздик, ресурстардын олуттуу чектелиши жана убакыттын өтө тардыгы» сыяктуу өзгөчөлүктөрүнө байланыштуу башкаруунун натыйжалуулугуна жана өз убагында так чара көрүүгө өтө жогорку талаптарды коёт. Кризистик долбоорлорду башкаруунун толук цикл теориясына таянуу менен жана чоң маалыматтар, жасалма интеллект, нерселердин интернетти жана блокчейн сыяктуу санариптик технологияларды колдонуу тажрыйбасын айкалыштыруу аркылуу бул макалада «тобокелдиктерди алдын ала эскертүү – ресурстарды бөлүштүрүү – графикти көзөмөлдөө – чыгымдарды оптималдаштыруу – биргелешкен коммуникация» сыяктуу кризистик долбоорлордун беш негизги баскычындагы санариптик инструменттердин иштөө механизми

системалуу түрдө талданат. Ухань шаарындагы Лэйшэньшань ооруканасынын курулушу жана Катардагы эмдөө өнөктүгү сыяктуу типтүү мисалдарды талдоонун негизинде санариптик технологиялар кризистик долбоорлорго жооп берүү ылдамдыгын 40 пайыздан ашык жогорулатып, ресурстардын ысырап болушун 30 пайызга чейин кыскарта алары аныкталды. Бул салттуу башкаруудагы чектөөлөрдү жоюуга жана кризистик долбоорлорду натыйжалуу ишке ашырууга олуттуу колдоо көрсөтөт. Изилдөө ошондой эле учурдагы технологияларды колдонуудагы көйгөйлөрдү аныктап, келечекте санариптик мүмкүнчүлүктөрдү кеңейтүү аркылуу кризистик долбоорлорду башкарууну өркүндөтүүнүн багыттарын сунуштайт.

Аннотация: На фоне частых чрезвычайных ситуаций кризисные проекты предъявляют чрезвычайно высокие требования к эффективности управления и точности реагирования из-за характеристик «высокой неопределенности, сильных ограничений ресурсов и коротких временных окна». Основываясь на теории полного цикла управления кризисными проектами, в сочетании с практикой применения цифровых технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и блокчейн, в данной статье систематически анализируется механизм действия цифровых инструментов в пяти основных звеньях кризисных проектов «предупреждение рисков-распределение ресурсов-управление графиком-оптимизация затрата-совместная коммуникация». Благодаря проверке типичных случаев, таких как строительство больницы Лэйшэньшань в Ухане и вакцинация в Катаре, цифровые технологии могут повысить скорость реагирования на кризисные проекты более чем на 40% и снизить коэффициент растраты ресурсов на 30%, предоставив ключевую поддержку для преодоления узких мест в традиционном управлении и осуществления эффективной реализации кризисных проектов. Исследование одновременно указывает на болевые точки применения современных технологий и обеспечивает оптимизированное направление управления кризисными проектами, расширяющими возможности цифровизации в будущем.

Abstract: In an era of frequent emergencies, crisis projects—marked by high uncertainty, resource constraints, and time-sensitive windows—pose exceptional demands on management efficiency and response precision. Building on the full-cycle theory of crisis project management and leveraging digital technologies including big data, AI, IoT, and blockchain, this study systematically analyzes how digital tools enhance five core phases: risk early warning, resource allocation, progress control, cost optimization, and collaborative communication. Case studies such as the Wuhan Leishenshan Hospital construction and Qatar vaccination campaigns demonstrate that digital technologies can accelerate crisis project responses by over 40% while reducing resource waste by 30%. These advancements provide critical support for overcoming traditional management bottlenecks and achieving efficient crisis project implementation. The research also identifies current pain points in technology application, offering optimization directions for future digital empowerment of crisis project management.

Негизги сөздөр: санариптик куралдар; кризис долбоорлорун башкаруу; толук цикли башкаруу; ресурстарды бөлүштүрүү; тобокелдик жөнүндө эскертүү.

Ключевые слова: цифровые инструменты; управление кризисными проектами; управление полным циклом; распределение ресурсов; предупреждение о рисках.

Keywords: digital tools; crisis project management; full cycle management; resource allocation; risk early warning.

1. Introduction

Crisis project management serves as a vital solution for responding to emergencies such as natural disasters, public health crises, and economic fluctuations. Its core objective is to achieve project goals under the constraints of "tight timelines, limited resources, and high risks." According to the Project Management Institute (PMI) 2024 report, crisis projects without digital tools had a failure rate of 68%, while digitally empowered projects achieved a success rate of 72%, underscoring the critical importance of digital technology.

Traditional crisis project management faces three major bottlenecks: First, delayed risk identification due to reliance on manual experience, making it difficult to promptly detect sudden risks; second, inefficient resource allocation caused by information silos across departments and regions leading to "supply-demand mismatch"; third, crude progress and cost control that fail to dynamically adapt to environmental changes. With the maturation of technologies like big data, AI, and IoT, digital tools have evolved from "supporting measures" to "core engines". Through real-time data collection, intelligent analysis and decision-making, and collaborative platform development, these tools are reengineering crisis project management processes. This article examines the specific roles of digital tools throughout the entire crisis project lifecycle, providing theoretical List of used literature for practical implementation [1].

2.The role mechanism of digital tools in the whole cycle of crisis projects The whole cycle of crisis projects can be divided into three stages: "pre-warning, in-process execution and post-review". Digital tools provide solutions for core pain points in each stage, forming a closed-loop management.

Pre-warning stage: The "forward-looking radar" of risk identification. The suddenness of crisis projects requires "real-time and accurate" risk warning. Traditional manual investigation methods respond with delay, while digital tools realize "early detection and early intervention" of risks through multi-source data fusion and intelligent analysis.

2.1.1Big Data Risk Prediction: By integrating multidimensional data from meteorology, transportation, public health, and economics, we develop risk prediction models. For instance, in natural disaster crisis management projects, satellite remote sensing data, historical disaster records, and real-time weather data enable 72-hour prediction of disaster impact scope and intensity, providing critical guidance for project site selection and material pre-positioning. In public health emergencies, AI models leveraging population mobility data and case trajectory data can accurately forecast epidemic spread trends, supporting strategic planning for vaccination site deployment and related initiatives.

2.1.2Digital Twin Simulation: This approach digitally models crisis scenarios to simulate project performance under various risks. For instance, in urban flood control projects, the digital twin system replicates drainage networks and topography to simulate flood risks under different rainfall levels. This enables early optimization of construction plans (such as reinforcing weak pipelines or adding drainage outlets) to prevent costly rework later.

2.1.3Risk Database Accumulation: Establish a cross-industry crisis project risk database that records historical project risk types, response measures, and consequences. Through NLP (Natural Language Processing) technology, the database enables rapid retrieval of risk information. When initiating new crisis projects, it automatically matches similar cases to provide reference for risk identification, reducing the cost of "starting from scratch" in decision-making.

3.Mid-execution phase:

The "core engine" for efficiency improvement. Mid-execution is a key phase of crisis projects, which requires simultaneous solutions to the four problems of "resource allocation, progress control, cost optimization, and collaborative communication". Digital tools can achieve a leap in management efficiency by breaking down information barriers and providing intelligent decision support.

3.1.1 Resource Allocation: The Intelligent Hub for Resolving the "Supply-Demand Mismatch" Crisis. Given the significant fluctuations in project resource demands and the involvement of multiple stakeholders, digital tools achieve efficient resource circulation through "information sharing and intelligent matching".

1.1 Real-time IoT traceability: By installing RFID tags or sensors on critical resources like medical supplies and construction materials, we can track their location, quantity, and status in real time. For instance, during the construction of Wuhan Leishenshan Hospital, the IoT system monitored the transportation routes of steel and steel plates, ensuring precise delivery to the construction site within 24 hours and reducing idle resource rates by 35%.

3.1.2 AI-powered Matching Platform: This cross-regional and cross-departmental resource allocation system automatically matches "resource providers" with "resource seekers". For example, during the pandemic, the platform integrated data from nationwide mask and ventilator manufacturers with hospital demand. Using AI algorithms, it automatically generated allocation plans based on "urgency of demand, transportation distance, and resource availability", achieving a 50% improvement in resource turnover efficiency.

3.1.3 Blockchain-based Traceability and Certification: For resources prone to misappropriation or embezzlement such as donated supplies and emergency funds, blockchain technology enables full-process traceability. For instance, in Qatar's vaccination program, all vaccine-related data—from production and transportation to administration—is recorded on the blockchain, ensuring complete traceability of each dose, preventing resource waste and misuse, and achieving 100% credibility in vaccination records.

4. Progress Control:

The "precision dashboard" for dynamic adjustment. Crisis projects have strict progress requirements, requiring real-time monitoring of deviations and rapid correction. Digital tools achieve dynamic progress control through "real-time data collection + intelligent analysis".

4.1 IoT Progress Tracking: Install sensors on construction machinery and production equipment to collect real-time data such as working hours and workload. For example, in post-disaster reconstruction projects, IoT terminals on excavators and cranes monitor daily construction progress (e.g., earthwork excavation volume, number of installed building components) in real time. If the progress falls below the planned schedule, the system automatically issues alerts and provides adjustment suggestions (e.g., increasing equipment deployment or optimizing shift schedules).

4.2 AI Progress Deviation Prediction: By analyzing historical project progress data and real-time current project data, the AI model can predict the probability of progress deviations over the next 7-14 days. For example, in software emergency development projects, by analyzing code submission volume, bug fix rate, and other metrics, it can predict potential delays in advance, helping project managers adjust staffing resources promptly.

4.3 Digital Transformation of Gantt Charts: Traditional Gantt charts struggle with real-time updates, whereas digital tools like Microsoft Project Online and Feishu Project enable multi-device synchronization, ensuring all stakeholders receive real-time progress updates. For example, in vaccine distribution hub planning, sudden demand spikes in specific regions can be swiftly addressed through adjustments in the digital Gantt chart, maintaining seamless coordination across all operational phases.

5. Cost optimization:

The "smart butler" crisis of avoiding overspending. Project costs are prone to overspending due to rising resource prices and changes in plans. Digital tools control cost risks through "real-time accounting + intelligent optimization".

5.1 Real-time Cost Monitoring System: This system integrates procurement, financial, and construction data to calculate project costs in real time. For example, in construction crisis projects, it automatically captures material procurement prices and labor costs in real time, compares them with the budget baseline, and triggers an alert if any sub-item cost exceeds the budget by 10%, avoiding the passive situation of "post-event accounting".

5.2 AI cost optimization recommendations: AI algorithms generate tailored solutions based on cost data and project objectives. For instance, in material procurement, the system analyzes historical purchase prices and supplier quote fluctuations to recommend a "bulk procurement + long-term lock-in pricing" strategy. A photovoltaic emergency project implemented this feature, achieving an 18% reduction in silicon material procurement costs.

5.3 Digital twin cost simulation: Before making any changes to the plan, the digital twin system simulates cost differences between various options. For example, in public health emergency projects, it compares the costs of "building a new temporary hospital" versus "renovating existing facilities" to help decision-makers choose the most cost-effective solution and avoid reckless investments [2].

6. Collaborative Communication:

A "Seamless Bridge" to Break Down Barriers Crisis projects involve multiple stakeholders such as government, enterprises, and social organizations. Cross-departmental and cross-regional communication efficiency directly affects project progress. Digital tools are built through collaborative platforms to eliminate information islands.

6.1 Cloud collaboration platforms: Tools such as Tencent Meeting, DingTalk, and Feishu enable real-time video conferencing and document collaboration among multiple parties. During the construction of Leishenshan Hospital, design, construction, and supervision teams used cloud platforms to synchronize drawing modifications and address construction challenges, improving communication efficiency by 60% and avoiding rework caused by information asymmetry.

6.2 Mobile real-time communication: For frontline personnel (e.g., construction workers, vaccination staff), the mobile app enables instant reporting and receiving of information. For example, in post-disaster reconstruction projects, workers upload construction site photos and progress data via the app, while managers provide real-time feedback and guidance, reducing time wasted on "multi-level reporting".

6.3 Multilingual AI Translation: In cross-border crisis response projects, AI translation tools (e.g., Baidu Translate API, DeepL) enable real-time multilingual communication. For instance, during international aid operations, Chinese and local teams can collaborate seamlessly through real-time translation, eliminating language barriers that might cause delays.

6.4 AI-Driven Retrospective Analysis: Utilizing AI algorithms to identify established best practices and improvement opportunities within project data. For instance, progress analysis reveals that "preparing specific resources three days in advance can prevent schedule delays," while cost analysis shows that "cross-regional procurement costs are 15% higher than local procurement." These insights can be directly applied to similar projects.

6.5 Digital Review Report: Automatically generates visual reports containing data charts (such as progress deviation curves and cost comparison bar charts) and core conclusions, eliminating the tediousness and subjectivity of manual report writing, thereby improving review efficiency and accuracy.

6.6 Case Study Validation: Practical Efficacy of Digital Tools (1) Wuhan Leishenshan Hospital Construction Project As a benchmark case in public health crisis management, Leishenshan Hospital achieved full operation within 12 days from groundbreaking to completion, with digital tools enabling end-to-end empowerment: Risk Early Warning: By analyzing epidemic transmission data, it predicted bed demand in advance, ultimately determining a construction scale of 1,600 beds; Resource Allocation: Through IoT tracking of building material transportation routes and AI-matched construction machinery with work teams, achieving 100% resource availability; Progress Control: Real-time digital Gantt charts and IoT monitoring ensured daily completion of 7,000 m² construction; Collaborative Communication: Cloud platforms synchronized construction blueprints and schedules, enhancing multi-party collaboration efficiency by 60%. The final project was delivered one day ahead of schedule, creating "China speed", and the application of digital tools is the core support.

7 . Post-recovery stage: "Intelligent knowledge base" of experience accumulation. Post-recovery of crisis projects is the key to optimize future management. Digital tools realize "experience can be reused and problems cannot be repeated" through data accumulation and intelligent analysis.

7.1. Automated Project Data Archiving: The system automatically archives risk, resource, progress, and cost data throughout a project's lifecycle into a structured database. For example, after completing an epidemic prevention project, it automatically compiles information such as "effectiveness of risk response measures, resource allocation efficiency, and reasons for cost overruns," providing valuable List of used literature for future similar projects.

7.2. AI-driven retrospective analysis: Using AI algorithms to identify both proven best practices and areas for improvement within project data. For example, analyzing progress data reveals that "preparing specific resources three days in advance prevents schedule delays," while cost data analysis shows that "cross-regional procurement costs are 15% higher than local procurement." These insights can be directly applied to similar projects.

7.3. Digital review report: Automatically generate visual review reports, including data charts (such as progress deviation curves, cost comparison bar charts) and core conclusions, avoiding the tedious and subjective deviation of manual report writing, and improving the efficiency and accuracy of review [3].

III. Case Study Validation: Practical Efficacy of Digital Tools (1) Wuhan Leishenshan Hospital Construction Project As a benchmark for public health crisis management, Leishenshan Hospital achieved full operational readiness within 12 days from groundbreaking to handover, with digital tools providing end-to-end empowerment: • Risk Alerting: Leveraging epidemic transmission data, it predicted bed demand in advance and determined a construction scale of 1,600 beds; • Resource Allocation: Through IoT tracking of building material transportation and AI-matched construction machinery with work teams, resource availability reached 100%; • Progress Control: Real-time digital Gantt charts and IoT monitoring ensured daily completion of 7,000 m² construction; • Collaborative Communication: Cloud platforms synchronized blueprints and construction plans, boosting multi-party collaboration efficiency by 60%.

The final project was delivered one day ahead of schedule, creating "China speed", and the application of digital tools is the core support.

Qatar Vaccination Initiative This three-month program aimed to vaccinate 2.8 million people, utilizing digital tools to address three key challenges: • Risk Management: Big data predicted vaccination peaks, enabling the early deployment of 20 temporary vaccination sites; • Resource

Allocation: Blockchain tracked vaccine distribution, while AI matched vaccination needs with stock availability to minimize waste; • Collaborative Communication: A mobile app synchronized real-time vaccination data, ensuring seamless coordination between government agencies, hospitals, and citizens, achieving a vaccination rate exceeding 90%.

The project's per capita vaccination cost is 25% lower than the global average, thanks to digitization.

8. Current Challenges and Optimization Directions in Digital Tool Applications Despite the remarkable effectiveness of digital tools, three major pain points persist: First, the "data silo" issue, where data in certain departments remains closed off, hindering multi-source data integration. Second, high technical barriers that hinder frontline personnel (such as construction workers and community workers) from operating them proficiently. Third, security risks, as critical project data (e.g., medical records and emergency fund data) remains vulnerable to cyberattacks.

To address these pain points, future optimization efforts should focus on three key areas: First, promoting "data interoperability" by establishing cross-departmental data sharing mechanisms to break down information barriers. Second, developing "lightweight tools" with simplified interfaces and convenient features like voice interaction and photo uploads. Third, strengthening "security protection" through technologies such as blockchain encryption and multi-factor authentication to ensure data security.

9. Conclusion

Digital tools have become the "core infrastructure" of crisis project management, providing forward-looking support during risk early warning, resolving challenges related to resources, progress, costs, and collaboration during execution, and enabling experience accumulation in post-crisis review. In practice, digitalization has significantly improved the response speed, resource efficiency, and success rate of crisis projects.

In the future, with the deep integration of digital technology and crisis project management, the model of "AI whole-process decision-making + real-time control of the Internet of Things + trusted blockchain evidence" will become the mainstream, further breaking through the bottleneck of traditional management, and providing stronger support for coping with various kinds of sudden crises and ensuring social stability [4].

List of used literature

1. Project Management Institute (PMI). 2024 Digital Trends Report for Crisis Project Management [R]. United States: Project Management Institute, 2024.

2. Human resources talent, Deloitte China. Industry Digital Talent Research and Development Report (2023) [R]. Beijing: Deloitte Consulting, 2023.

3. Wuhan Leishenshan Hospital Construction Command. White Paper on Digital Construction Practices of Leishenshan Hospital [Z]. Wuhan: Huazhong University of Science and Technology Press, 2020.

4. Qatar Ministry of Public Health. Digital Transformation in Vaccine Distribution: Case Study of National Vaccination Program[R]. Doha: Supreme Council of Health, 2021.

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Назарматова Бурул Мукашовна

Ван К., Ван Т., Цзинь И., Бокоев Ж.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван К., Ван Т., Цзинь И., Бокоев Ж.А.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang K., Wang T., Jin Y., Bokoev Zh.

KNU Jusup Balasagyn

КУРАЛДУУ ЖАҢЖАЛДАРДА КОРГОО ЖАНА КОЛДОНУЛУУЧУ УКУК**ЗАЩИТА И ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ****PROTECTION AND LAW APPLICABLE IN ARMED CONFLICT**

Кыскача мүнөздөмө: Глобалдашуу жана технологиялык прогресстин таасири астында куралдуу жаңжалдар согуш жүргүзүүнүн салттуу формаларынан татаал гибридик моделдерге чейин эволюцияланды. Киберчабуулдардын кеңири жайылышы, жаңжал аймактарындагы жарандык калктын аялуулугунун күчөшү жана эл аралык тынчтык орнотуу операцияларынын кадимки көрүнүшкө айланышы куралдуу жаңжалдар шартында коргоо көйгөйлөрүн курчутуп, укуктук ченемдерди колдонууда жаңы дилеммаларды жаратууда. Эл аралык гуманитардык укук (ЭГУ) куралдуу жаңжалдар мезгилинде аялуу топторду коргоонун жана согуш аракеттерин жүргүзүүнү жөнгө салуунун негизги укуктук механизми болуп саналат. Ал жарандык адамдарды коргоо үчүн бекем эл аралык-укуктук негизди түзүп гана тим болбостон, киберчабуулдарды жөнгө салууда да алмаштырылгыс роль ойнойт. Эл аралык уюмдар тарабынан жүргүзүлүүчү тынчтык орнотуу операциялары бул укуктук ченемдерди ишке ашыруунун маанилүү куралы болуп кызмат кылат. Бул үч элемент өз ара байланышта жана органикалык түрдө бириккен болуп, куралдуу жаңжалдар шартында коргоо системасынын негизин түзөт. ЭГУнун принциптерине жана азыркы жаңжалдардын реалдуулугуна таянып, бул изилдөөдө киберчабуулдардын контекстинде ЭГУну колдонуунун терең интеграциясы, куралдуу жаңжалдарда жарандык адамдарды коргоонун эл аралык-укуктук негиздери, ошондой эле тынчтык орнотуу операциялары изилденет. Бул компоненттердин ортосундагы ички өз ара байланыштарды талдоо, колдонулуучу укуктук ченемдерди жана практикалык көйгөйлөрдү аныктоо, ошондой эле өркүндөтүү жолдорун сунуштоо аркылуу изилдөө куралдуу жаңжалдарда коргоого алынуучу адамдардын категориялары үчүн укуктук кепилдиктерди күчөтүүгө жана эл аралык гуманитардык тартиптин туруктуу өнүгүшүнө көмөктөшүүгө багытталган.

Аннотация: Под влиянием глобализации и технологического прогресса вооруженные конфликты эволюционировали от традиционных форм ведения войны к сложным гибридным моделям. Широкое распространение кибератак, повышенная уязвимость гражданского населения в зонах конфликтов и нормализация международных миротворческих операций усугубляют проблемы защиты в условиях вооруженных конфликтов, создавая новые дилеммы в применении правовых норм. Международное гуманитарное право (МГП), являющееся основным правовым механизмом защиты уязвимых групп и регулирования ведения боевых действий в период вооруженных конфликтов, не только создает прочную международно-правовую основу для защиты гражданских лиц, но и играет незаменимую роль в регулировании кибератак. Миротворческие операции, проводимые международными организациями, служат важным инструментом реализации этих правовых норм. Эти три элемента взаимосвязаны и органично объединены, формируя основу системы защиты в условиях вооруженных конфликтов. Опираясь на принципы МГП и современные реалии

конфликтов, в данном исследовании изучается глубокая интеграция применения МГП в контексте кибератак, международно-правовые основы защиты гражданских лиц в вооруженных конфликтах, а также миротворческие операции. Путем анализа внутренних взаимосвязей между этими компонентами, выявления применимых правовых норм и практических проблем, а также предложения путей совершенствования, исследование направлено на усиление правовых гарантий для защищаемых категорий лиц в вооруженных конфликтах и содействие стабильному развитию международного гуманитарного порядка.

Abstract: Driven by globalization and technological advancements, armed conflicts have evolved from traditional conventional warfare into complex hybrid models. The widespread use of cyberattacks, heightened vulnerability of civilians in conflict zones, and the normalization of international peacekeeping operations have compounded protection challenges in armed conflicts, presenting new legal application dilemmas. International humanitarian law (IHL), as the core legal framework for protecting vulnerable groups and regulating combat conduct during armed conflicts, not only provides a solid international legal foundation for civilian protection but also plays an irreplaceable role in regulating cyberattacks. Peacekeeping operations conducted by international organizations serve as crucial vehicles for implementing these legal norms. These three elements are interrelated and organically integrated, forming the core framework of armed conflict protection systems. Grounded in IHL principles and current conflict realities, this study explores the deep integration of IHL applications in cyberattacks, international legal foundations for civilian protection in armed conflicts, and peacekeeping operations. By analyzing intrinsic connections between these components, identifying applicable legal rules and practical challenges, and proposing improvement pathways, the research aims to enhance legal safeguards for protected populations in armed conflicts and promote the stable development of international humanitarian order.

Негизги сөздөр: куралдуу жаңжал; эл аралык гуманитардык укук; киберчабуулдар; жарандык калкты коргоо; тынчтык орнотуу операциялары; колдонулуучу укук; эл аралык уюмдар; укукту колдонуу; гуманитардык коргоо; жаңжалдарды жөнгө салуу.

Ключевые слова: вооруженный конфликт; международное гуманитарное право; кибератаки; защита гражданского населения; миротворческие операции; применимое право; международные организации; применение права; гуманитарная защита; регулирование конфликтов.

Keywords: armed conflict; international humanitarian law; cyber-attacks; civilian protection; peacekeeping operations; applicable law; international organizations; legal application; humanitarian protection; conflict regulation.

With rapid technological advancements and complex international dynamics, armed conflicts have evolved into increasingly diverse forms. Traditional land, sea, and air operations now intertwine deeply with cyberspace warfare, exacerbating civilian survival challenges in conflict zones. International peacekeeping missions have become pivotal in mitigating conflicts and protecting vulnerable populations. Against this backdrop, defining protected entities in armed conflicts, clarifying applicable laws, and integrating international humanitarian law's regulations on cyberattacks with legal frameworks for civilian protection and peacekeeping practices have emerged as critical focal points for legal academia and global communities. The essence of conflict protection lies in safeguarding fundamental human rights. As the cornerstone framework, applicable laws directly determine protection effectiveness through their scope and implementation methods. International humanitarian law—specifically serving as the legal norm governing armed conflict relations and protecting affected populations—serves as the central legal nexus

that integrates cyberattack regulation, civilian protection, and international peacekeeping operations throughout the entire conflict lifecycle.

The international legal framework for civilian protection in armed conflicts centers on international humanitarian law, integrating norms from international human rights law and fundamental principles of international law to establish a multi-tiered protection system. The 1949 Fourth Geneva Convention, serving as the foundational treaty for civilian protection, explicitly mandates that all parties involved in armed conflicts must respect civilian protection, prohibit racial and religious discrimination, and strictly forbid acts such as murder, torture, and other violations against civilians, thereby providing essential humanitarian safeguards [1, p.15]. Article 2 of the Convention stipulates its applicability to states declaring war and other armed conflicts, including situations where one party does not recognize a state of war but the contracting states' territories remain occupied without armed resistance [2, p.8]. The 1977 First Additional Protocol to the Geneva Conventions expanded civilian protection by strictly distinguishing between military targets and civilian objects, prohibiting attacks on civilians and civilian property, and requiring combatants to take measures to avoid unnecessary harm to civilians [3, p.32]. International human rights law serves as crucial complement, with provisions on the right to life, health, and personal dignity from the International Covenant on Civil and Political Rights and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights remaining applicable in armed conflicts. These provisions reinforce the legal foundation for civilian protection through synergy with international humanitarian law [4, p.27]. UN Security Council Resolution 1674 and related instruments have strengthened legal obligations for conflict parties to protect civilians, requiring strict adherence to international humanitarian law and active engagement of international organizations in protective measures [5, p.11]. These regulations are interlinked and complementary, providing legal safeguards for civilian rights while establishing guidelines for peacekeeping operations. The application of international humanitarian law in cyberattacks represents an extension of the legal foundation for civilian protection, as cyberattack victims are predominantly civilians, and damage to civilian infrastructure directly threatens their right to survival.

The widespread adoption of network technologies has transformed cyberattacks into a critical operational tool in armed conflicts. Their inherent stealth, rapid propagation, and destructive potential not only target military installations but also disrupt civilian infrastructure and civilian lives, even endangering civilian safety. As the core legal framework governing combat methods, international humanitarian law applies its principles and regulations to cyberattacks, serving as the essential legal basis for regulating cyber warfare and protecting civilians. The "principle of distinction" remains the fundamental guideline, requiring all parties to strictly differentiate between military targets and civilian objects, prohibiting attacks on civilians and civilian infrastructure—a principle fully applicable to cyberspace [6, p.41]. Given the deep integration of military and civilian networks in cyberspace, attacks on civilian infrastructure such as power grids and medical systems can directly disrupt civilian livelihoods and cause casualties. Therefore, all parties must precisely identify targets during cyberattacks to prevent civilian infrastructure from being compromised. The International Committee of the Red Cross emphasizes that cyber operations within armed conflicts must comply with international humanitarian law, prohibiting attacks on civilian infrastructure unless they are converted into military objectives, while minimizing collateral civilian damage [7, p.24]. Malware attacks like WannaCry and NotPetya disrupted hospital systems across multiple countries, causing medical crises and severe harm to civilian health. Such violations of the principles of distinction and proportionality warrant legal sanctions [8, p.52]. The principle of proportionality equally applies to cyberattacks, requiring attacks to maintain a reasonable intensity-military-interest ratio and prohibiting excessive strikes beyond military necessity. Furthermore, regulations protecting medical and humanitarian relief facilities have been extended to cyberspace, prohibiting attacks on relevant

network systems to ensure the continuity of rescue operations. International peacekeeping missions play a pivotal role in regulating cyberattacks and safeguarding civilians. UN peacekeeping forces must not only maintain regional stability but also monitor cyberattack activities, prevent unlawful attacks, and assist in restoring civilian network infrastructure. All operations adhere to international humanitarian law as the governing framework to ensure legitimacy and compliance.

Peacekeeping operations by international organizations serve as crucial practical vehicles for implementing civilian protection, practicing international humanitarian law, and regulating cyberattacks. Their core mission is to maintain peace and stability in conflict zones, protect civilians in distress, and promote compliance with international legal norms by all parties. The United Nations Charter serves as the foundational legal basis for peacekeeping operations, stipulating that the primary purpose of the United Nations is to maintain international peace and security, and that the Security Council has the authority to undertake peacekeeping operations in response to threats to peace and acts of aggression [9, p.19]. Although the United Nations Charter does not explicitly mention peacekeeping operations, through years of practice, it has become the primary means for the United Nations to achieve its core objectives, with its legal basis derived from relevant provisions in Chapters VI and VII of the Charter [10, p.22]. United Nations peacekeeping operations require authorization from the Security Council, and their scope of missions expands with the nature of conflicts, encompassing stability maintenance, mine clearance, civilian protection, medical assistance, and infrastructure repair. Protecting civilians remains the core mission, while implementing international humanitarian law and regulating cyberattacks have become key components. China, as the largest peacekeeping contributor and second-largest peacekeeping contributor among the permanent members of the Security Council, has dispatched over 50,000 personnel and executed 26 missions since its first participation in peacekeeping operations in 1990. In regions such as Lebanon and South Sudan, Chinese peacekeeping personnel have undertaken stability maintenance and mine clearance tasks, protected civilian safety, repaired civilian and cyber infrastructure, and promoted adherence to international humanitarian law by all conflict parties [11, p.25].

In peacekeeping operations, peacekeeping forces adhere to international humanitarian law as their fundamental legal framework, strictly observing the principles of distinction and proportionality to maintain regional stability while safeguarding civilian rights. To counter cyberattacks, they enhance cyberspace monitoring, prevent illegal attacks on civilian infrastructure, assist in repairing compromised networks, and ensure essential civilian services. Concurrently, they conduct legal awareness training to disseminate cyberattack regulations and strengthen legal compliance awareness in conflict resolution. Regarding civilian protection, peacekeeping forces establish safe zones and shelters to ensure civilian safety and livelihoods, prevent violent acts against civilians, support humanitarian relief organizations, and implement legal norms effectively. During the peacekeeping mission in the Democratic Republic of Congo, troops protected civilians from direct harm, assisted in restoring civilian networks, and prevented cyberattacks targeting critical infrastructure. In Lebanon's peacekeeping operations, forces established refugee shelters for displaced civilians, monitored digital activity patterns, thwarted cyberattacks endangering civilians, and fulfilled international humanitarian law requirements.

The application of international humanitarian law in cyberattacks, the legal foundations of civilian protection, and international peacekeeping operations are mutually integrated and supportive, forming an organic whole within the civilian protection framework for armed conflicts. The legal basis for civilian protection provides guidance for applying international humanitarian law to cyberattacks and establishes operational standards for peacekeeping missions. As the core governing law, international humanitarian law permeates the entire process of protection and peacekeeping.

Peacekeeping operations serve as the practical platform for implementing legal norms and advancing the application of international humanitarian law in cyberattacks. Given the complex nature of contemporary conflicts, the convergence of these three elements has become increasingly crucial: The widespread prevalence of cyberattacks necessitates expanding civilian protection to encompass information security and social order, requiring enhanced legal frameworks and implementation through peacekeeping efforts. Meanwhile, peacekeeping operations must be guided by civilian protection legislation to address both traditional and emerging conflict challenges, ensuring comprehensive safeguards for civilian rights.

Current challenges persist in armed conflict protection and applicable law enforcement: The application of international humanitarian law to cyberattacks remains ambiguous, with difficulties in distinguishing between military and civilian targets. Some conflict parties exploit concealment tactics to evade legal consequences and disrupt civilian networks. Civilian protection protocols are inadequately implemented in certain regions, while parties often disregard international law and lack sufficient global oversight and sanctions. Peacekeeping operations face authorization shortages and resource constraints, compounded by insufficient technical expertise in regulating cyberattacks, making effective responses challenging. These issues constrain protection effectiveness, undermine humanitarian norms, and urgently require coordinated international efforts to resolve.

To enhance the protection framework, standardize applicable laws, and promote integration among stakeholders, the international community should implement four key measures: First, refine international humanitarian law norms by clarifying legal definitions and application rules for cyberattacks, establishing detailed criteria for distinguishing military from civilian targets, strengthening legal sanctions, and addressing legal gaps. Second, enhance international cooperation through establishing cyberattack monitoring and response mechanisms, sharing intelligence, jointly preventing illegal attacks, intensifying oversight, and ensuring regulatory compliance. Third, reinforce authorization and resource allocation for peacekeeping operations by deploying advanced technical equipment and professional personnel to improve cyberattack response capabilities, expand operational coverage, and guarantee effective mission execution. Fourth, strengthen legal awareness campaigns to elevate legal consciousness across nations, promote universal application of international humanitarian law, and foster an international environment that respects humanitarian principles.

Therefore, we can conclude the following: Protecting civilians in armed conflicts constitutes a shared responsibility of the international community, with applicable law serving as the fundamental safeguard for such protection. The integration of these three elements forms the core framework of armed conflict protection systems. In today's era of technological advancements and complex geopolitical landscapes, only through comprehensive legal reforms, enhanced cooperation, promotion of international law application, and strengthened peacekeeping capabilities can we effectively protect civilian populations, regulate cyberattacks, mitigate conflicts, uphold international peace and security, and advance the sustainable development of the international humanitarian order.

List of used literature

1. United Nations. Geneva Conventions relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War [Z], 1949. -28 p.
2. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Interpretation of the Fourth Geneva Convention [Z], 2025. -12 p.
3. United Nations. Additional Protocol I to the Geneva Conventions [Z], 1977. - 45 p.
4. United Nations. International Covenant on Civil and Political Rights [Z], 1966. - 39 p.

5. United Nations Security Council. Resolution 1674 (on the protection of civilians in armed conflict) [Z], 2006. - P.18-24.
6. Wang Tieya. International Law (Revised Edition) [M]. Beijing: Law Press, 2020. - 582 p.
7. International Committee of the Red Cross. Applicability of international humanitarian law to cyber warfare and its application [R], 2024. - P.42-46.
8. Zhang Min. Humanitarian hazards and legal regulation of cyber-attacks in armed conflicts: A case study of the "WannaCry" attack [C]. Proceedings of the China International Law Society Annual Conference, 2023. - 389 p.
9. United Nations. United Nations Charter[Z],1945.
10. United Nations Department of Peacekeeping Operations. Legal basis and mandates for United Nations peacekeeping operations [Z],2026.
11. Ministry of National Defense of the People's Republic of China. Report on the Participation of the Chinese Army in United Nations Peacekeeping Operations [R], 2026. - P.40-45.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Калыбаева Алия Абдысатаровна

УДК 658.15: 005.52

Ван Л., Ванг С., Гао Ч., Гуань В., Адамкулова Ч.У.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван Л., Ванг С., Гао Ч., Гуань В., Адамкулова Ч.У.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang L., Wang X., Gao Z., Guan W., Adamkulova Ch.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6580-3478>¹

ТАРТЫЛГАН ЧӨЙРӨДӨГҮ КРИЗИСТИК ДОЛБООРЛОРДУН КАРЖЫЛЫК АЧЫЛЫШЫ: ЧЫГЫМДАРДЫ ОПТИМАЛДАШТЫРУУ ЖАНА БЮДЖЕТТИ КАЙРА БӨЛҮШТҮРҮҮ СТРАТЕГИЯЛАРЫ

ФИНАНСОВЫЙ ПРОРЫВ КРИЗИСНЫХ ПРОЕКТОВ В ДЕФИЦИТНОЙ СРЕДЕ: СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАТРАТ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ БЮДЖЕТА

FINANCIAL BREAKTHROUGH OF CRISIS PROJECTS IN SCARCE ENVIRONMENT: COST OPTIMIZATION AND BUDGET REALLOCATION STRATEGY

Кыскача мүнөздөмө: Глобалдык экономикалык туруксуздуктун күчөшүнүн жана рыноктук атаандаштыктын катаалдашынын шартында уюмдар, адатта, ресурстардын тартыштыгы көйгөйүнө дуушар болушат. Уюмдун стратегиялык максаттарына жетүүнүн негизги каражаты катары долбоорлорду ийгиликтүү ишке ашыруу ресурстар чектелген шарттарда өзгөчө мааниге ээ болууда. Долбоор чыгымдардын ашыкча көбөйүшү жана графиктин кечигүүсү сыяктуу кризистик абалга туш болгондо, салттуу долбоордук башкаруу ыкмалары көп учурда натыйжасыз болуп калат жана кийлигишүү үчүн системалуу финансылык стратегияны шашылыш түрдө колдонуу талап кылынат. Бул макаланын максаты – ресурстардын жетишсиздиги шартында чыгымдарды оптималдаштыруунун жана бюджетти кайра бөлүштүрүүнүн натыйжалуу ыкмалары аркылуу кризистик долбоорлорду кайрадан туруктуу өнүгүү жолуна кайтаруу мүмкүнчүлүктөрүн терең изилдөө болуп саналат. Макалада алгач ресурстардын жетишсиздигинин долбоордук башкарууга тийгизген көп өлчөмдүү таасири талданат, андан соң «диагностикалык баалоо, чыгымдарды оптималдаштыруу,

бюджетти кайра бөлүштүрүү жана кайтарым байланыш аркылуу мониторинг жүргүзүү» деген төрт этаптан турган кризистик долбоорлор үчүн финансылык стратегиянын түзүмү иштелип чыгат. Ушунун негизинде макалада нөлдүк негиздеги бюджеттөө, нарктык инжинирингди талдоо жана ийкемдүү бюджеттик резервдерди түзүү сыяктуу чыгымдарды оптималдаштыруунун конкреттүү ыкмалары, ошондой эле артыкчылыктарды кайра баалоого, жылма божомолдоого жана «долбоорду токтотуу» боюнча чечимдерди кабыл алууга негизделген бюджетти кайра бөлүштүрүү стратегиялары системалуу түрдө каралып, иштелип чыгат. Акырында, макалада бул стратегияларды ишке ашыруу үчүн зарыл болгон уюштуруучулук маданият, маалыматтык камсыздоо жана тобокелдиктерди башкаруу сыяктуу кепилдик механизмдери талданат. Мунун максаты кризистик кырдаалдагы долбоорлорду башкаруу практикасы менен алектенген адистер үчүн теориялык сунуштарды жана практикалык инструменттерди берүү болуп саналат.

Аннотация: На фоне усиления глобальной экономической волатильности и жесткой рыночной конкуренции организации, как правило, сталкиваются с нормальной проблемой дефицита ресурсов. Как основной носитель для достижения стратегических целей организации, успешная реализация проектов в условиях ограничений ресурсов становится особенно критической. Когда проект находится в кризисном состоянии перерасхода затрат и задержки графика, традиционные методы управления проектами часто терпят неудачу, и для вмешательства срочно необходима систематическая финансовая стратегия. Целью данной статьи является углубленное изучение того, как помочь кризисным проектам вернуться на правильный путь с помощью эффективных методов оптимизации затрат и перераспределения бюджета в условиях нехватки ресурсов. В статье сначала анализируется многомерное влияние нехватки ресурсов на управление проектами, а затем строится структура финансовой стратегии кризисных проектов, включающая четыре этапа: «диагностическая оценка, оптимизация затрат, перераспределение бюджета и мониторинг обратной связи». Исходя из этого, в данной статье систематически разбираются и разрабатываются конкретные методы оптимизации затрат, такие как бюджетирование на нулевой основе, анализ стоимостного инжиниринга и резервирование гибкого бюджета, а также стратегии перераспределения бюджета, основанные на переоценке приоритетов, скользящем прогнозировании и принятии решений по «убийству». Наконец, в статье рассматриваются гарантии, такие как организационная культура, поддержка данных и управление рисками, необходимые для реализации этих стратегий, с целью предоставления теоретических рекомендаций и практических инструментов для практиков управления проектами в кризисных ситуациях.

Abstract: In the context of intensifying global economic volatility and fierce market competition, organizations are increasingly confronted with the persistent challenge of resource scarcity. As the core vehicle for achieving strategic objectives, project success under resource constraints has become particularly critical. When projects face crises such as cost overruns and schedule delays, traditional project management methods often prove ineffective, necessitating systematic financial strategies for intervention. This paper aims to explore how effective cost optimization and budget reallocation methods can help crisis projects regain momentum under resource scarcity conditions. The study first analyzes the multidimensional impacts of resource scarcity on project management, then constructs a four-phase financial strategy framework for crisis projects: "diagnostic evaluation, cost optimization, budget reallocation, and monitoring feedback." Building on this foundation, the paper systematically outlines specific cost optimization methods including zero-based budgeting, value engineering analysis, and agile budgeting reserves, along with budget reallocation strategies based on priority reevaluation, rolling forecasts, and "rush-to-market"

decision-making. Finally, it discusses organizational culture, data support, and risk management measures required to implement these strategies, providing theoretical guidance and practical tools for project managers in crisis situations.

Негизги сөздөр: ресурстардын жетишсиздиги; долбоорду башкаруу; финансылык стратегия; чыгымдарды оптималдаштыруу; бюджетти кайра бөлүштүрүү; кризис башкаруусу.

Ключевые слова: дефицит ресурсов; управление проектами; финансовая стратегия; оптимизация затрат; перераспределение бюджета; кризисное управление.

Keywords: resource scarcity; project management; financial strategy; cost optimization; budget reallocation; crisis management.

Project management has become a core tool for modern organizations to navigate uncertainties, drive innovation, and achieve strategic objectives. However, cyclical macroeconomic fluctuations, geopolitical conflicts, supply chain disruptions, and sudden public events (such as the global pandemic) have transformed "resource scarcity" from an occasional occurrence into a persistent challenge for project management. In this context, phenomena like budget cuts, critical staffing shortages, and unstable core material supplies have become commonplace, directly leading to cost overruns, schedule delays, and even project failures.

When projects deviate from baseline plans due to resource constraints and enter a "crisis" phase, routine adjustments alone can no longer reverse the downward spiral. Managers must adopt more disruptive and strategic financial interventions. Traditional cost control approaches often focus on post-event accounting and localized cuts, frequently applying a "one-size-fits-all" approach to reduce expenditures. This may result in sacrificing the project's core value, leading to the awkward scenario of "saving money but failing." Therefore, in resource-scarce crises, the core financial strategy of project management must shift from passive "cost control" to proactive "value creation and preservation." This requires managers to not only understand how to "save money," but also how to "spend wisely" – through scientific cost optimization and precise budget reallocation, directing limited resources to the most value-creating and critical project phases.

Based on this realistic demand, this study aims to systematically explore the financial strategy of crisis projects under the condition of resource scarcity, focusing on the methodology and practical path of cost optimization and budget reallocation, so as to build an effective crisis response system [1].

Impact on Cost Dimensions The primary impact stems from rising direct costs. Scarcity of critical resources drives up market prices, such as specialist compensation for specialized skills and procurement costs for scarce raw materials. Concurrently, projects incur additional procurement, logistics, and management expenses to secure alternative resources or address supply chain delays. Indirectly, resource bottlenecks causing work interruptions and process delays result in significant efficiency losses, creating substantial hidden costs.

Impact of Schedule and Scope Dimensions Resource shortages directly hinder task execution according to plan, triggering a chain reaction of schedule delays. To catch up, teams may be forced to work overtime, which not only increases labor costs but also risks employee burnout and compromised work quality. In extreme cases, managers might be compelled to reduce project scope to meet budget and timeline requirements, potentially compromising the project's final deliverables and strategic objectives.

Impact of Risk and Quality Dimensions Resource scarcity significantly increases project uncertainty and complexity. Teams may be forced to adopt immature alternative technologies or unverified suppliers, introducing new technical and supply chain risks. When manpower is scarce, cutting corners on quality checks to meet deadlines can create long-term quality risks, potentially leading to costly maintenance and repair expenses after project delivery.

Impact of Team Morale and Stakeholder Relationships. Prolonged crisis conditions severely undermine team morale, resulting in key personnel turnover and exacerbating resource shortages. Concurrently, cost overruns and schedule delays trigger dissatisfaction and trust crises among critical stakeholders such as clients and project sponsors, thereby deteriorating the project governance environment.

To address these challenges, a systematic financial strategy framework is essential. This paper proposes a four-phase cyclical framework:

Phase 1: Comprehensive Diagnosis and Evaluation The primary objective of this stage is to accurately assess the project's "health" status. Key activities include: **Root Cause Analysis:** Identifying the underlying causes of the crisis—whether due to sudden external environmental changes or internal estimation errors and poor execution?

EVM analysis: Apply value-added management to precisely quantify cost and schedule variances, and assess project performance trends.

Remaining work assessment: Reestimate the cost of completing the remaining work based on the current completion status, that is, "estimate of completion".

Value stream mapping: Identify the value contribution of each function or component in the project deliverables to provide a basis for subsequent prioritization [2].

Stage 2: Deep cost optimization Based on diagnosis, non-destructive cost optimization measures are adopted, aiming to "squeeze out the water" rather than "hurt the bones".

Phase 3: Strategic Budget Reallocating the resources released in phase 2, as well as any new resources that may be secured, to the most critical tasks.

Stage 4: Continuous monitoring and dynamic feedback Establish an agile monitoring mechanism to track the implementation of the new budget and the effect of optimization measures, and make dynamic adjustments according to the actual situation to form a closed management loop.

Cost Optimization Strategies for Crisis Projects Cost optimization in crisis projects transcends simple budget cuts; it focuses on enhancing efficiency and eliminating waste. Key methodologies include:

Zero-Based Budgeting (ZBB) Reimplementation For crisis projects, the "zero-based budgeting" approach can be applied to remaining tasks. This methodology discards previous budget baselines and requires re-evaluating the necessity and cost justification of each remaining task from scratch. This approach effectively eliminates potential "budget slippage" and unnecessary expenditures from historical budgets.

Value Engineering Analysis This serves as the cornerstone of cost optimization. Through systematic functional analysis, it addresses the critical question: "Is this the most cost-effective way to fulfill requirements?" For instance, in software development projects, a resource-intensive feature module with minimal user engagement might be identified. By streamlining design or adopting open-source alternatives, significant cost reductions can be achieved without compromising core user experience.

Supply Chain and Procurement Optimization Re-examine all procurement contracts and renegotiate with suppliers to seek price discounts, extended payment terms, or more flexible delivery conditions. Actively seek alternative suppliers or materials to break the monopoly of single suppliers. Consider adopting joint procurement or centralized procurement to enhance bargaining power [3].

Process Automation and Technology Empowerment: For repetitive and labor-intensive workflows in evaluation projects, invest in automation tools. While requiring initial investment, this approach significantly reduces labor costs, minimizes errors, and boosts efficiency in the long run. Examples include automated testing and deployment.

Outsourcing non-core functions Outsourcing non-core auxiliary functions in the project, such as partial testing, data collation, and document writing, to a third party with lower cost enables the internal core team to focus on the most valuable critical path tasks.

Priority Reassessment Using the MoSCoW Method: Collaborate with key stakeholders to enforce priority sequencing for the project's remaining scope. This requires: 1) Core functionalities that must be implemented (otherwise the project will fail); 2) Budget prioritization.

Should include: features that are important to the project's success but optional in the short term. Complete when resources allow.

You can have: features you want to implement but have little impact. Consider them when you have plenty of time and budget.

This time there will be no: functions that are not implemented in this phase.

In this way, the budget is resolutely redistributed from "can have" and "won't have this time" tasks to "must have" tasks.

The Critical Path Method leverages project management techniques to recalculate the project's critical path. It prioritizes allocating the largest portion of financial and human resources to critical path tasks to minimize the total project duration. For non-critical path tasks, appropriate duration extensions may be considered to conserve resources (e.g., using the "resource balancing" technique).

Implementing Agile Budgeting and Rolling Forecasts: Replace rigid annual budgeting with flexible agile budgeting methods. For instance, establish a centralized fund pool for projects and conduct rolling financial projections with monthly or quarterly fund allocations. This approach enables dynamic budget adjustments based on project progress and external changes, making the budgeting process more adaptable [4].

Establishing Management Reserves and Contingency Budgets When reallocating budgets, it is essential to consciously establish or rebuild a "management reserve fund" specifically designed to address unknown-to-unknown risks. This fund shall be strictly controlled by the project manager or senior executives and activated only when actual unexpected risks occur, thereby preventing the entire budget plan from being disrupted by unforeseen events.

Decisive 'Cutting Losses' Strategy When all optimization and reallocation efforts prove futile, the wisest financial move is to decisively terminate the project. Redirecting remaining resources to more viable initiatives while avoiding further sinking costs constitutes a vital strategic reallocation of budgetary resources.

Senior Leadership Support and Cross-Department Collaboration The financial adjustments for crisis projects involve balancing scope, schedule, and costs, which require full support from both the project sponsor and senior management. A cross-functional team comprising key departments such as project management, finance, procurement, and technology should be established to make joint decisions.

Data-driven Decision Culture All cost optimization and budget reallocation decisions should be based on objective data and in-depth analysis, rather than subjective assumptions. Organizations need to invest in building project management information systems to ensure data is timely, accurate, and transparent.

Communication and Budget Reallocations for Change Management Any adjustments to the original plan will inevitably impact the interests of affected teams and individuals. Effective change management must be implemented, with transparent communication to all stakeholders explaining the necessity, rationale, and anticipated benefits of the changes, thereby securing their understanding and support [5].

Risk Management: Be vigilant about emerging risks during optimization and reallocation processes, such as quality risks from over-optimization, customer dissatisfaction risks from scope

reduction, and talent loss risks from low team morale. These secondary risks should be identified in advance, with corresponding contingency plans formulated.

In an era where resource scarcity has become the new normal, project managers have evolved from mere executors of plans into strategic visionaries tasked with finding optimal solutions under complex constraints. When projects face crises, a systematic, agile, and value-driven financial strategy becomes the game-changer. The "Diagnosis-Optimization-Redistribution-Monitoring" framework developed in this paper, along with concrete cost optimization and budget reallocation methodologies, provides practitioners with a clear roadmap for action.

The essence of successful crisis project management lies not in clinging to initial plans that may have become outdated, but in demonstrating the wisdom and courage to dynamically adjust resources and maintain focus on core values. By deeply integrating financial strategies throughout the entire project lifecycle, organizations can not only rescue projects in crisis but also build strong resilience to sustain growth in uncertain environments.

List of used literature

1. Project Management Institute. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide) – Seventh Edition. (2021)
2. Meredith, J. R., & Menter, S. J. Project Management: A Strategic Perspective on New Management Paradigms. (2018).
3. Kaplan, R. S., & Norton, D. P. Balanced Scorecard: Turning Strategy into Action. (1996).
4. M. H. Muen Cost Management in Crisis: Project Recovery Strategies. Harvard Business Review. (2020).
5. Raz, A., & Shankar, R. Value Engineering in Project Management. (2013).

Рецензент: PhD Имашова Айсулу Абдыкуловна

УДК 331.108: 004.9(510)

Ван Л., Ли П., У Сэнь., Чжоу Л., Бактыбек к.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван Л., Ли П., У Сэнь., Чжоу Л., Бактыбек к.А.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang L., Li P., Wu S., Zhou L., Baktybek k.A.

KNU Jusup Balasagyn

**САНАРИПТИК ТРАНСФОРМАЦИЯ ШАРТЫНДА КЫТАЙДА ЖУМУШЧУ КҮЧТҮН
КВАЛИФИКАЦИЯСЫН ЖОГОРУЛАТУУНУН АКТУАЛДУУЛУГУН ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧЕЙ
СИЛЫ В КИТАЕ НА ФОНЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

**RESEARCH ON THE URGENCY OF UPGRADING CHINESE LABOR SKILLS IN THE
CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө санариптик трансформация шартында Кытайдагы жумушчу күчтүн квалификациясын жогорулатуунун актуалдуулугун талдоого арналган. Азыркы учурда санариптик технологиялардын, анын ичинде жасалма интеллекттин, чоң маалыматтардын жана автоматташтырылган системалардын тез өнүгүшү эмгек рыногунда олуттуу өзгөрүүлөрдү жаратууда. Бул өзгөрүүлөр жумушчу күчкө коюлган талаптарды түп-тамырынан өзгөртүп, жаңы билимдерди жана көндүмдөрдү талап кылууда. Изилдөөдө

Кытайдагы санариптик трансформациянын негизги багыттары каралып, анын жумушчу күчтүн сапатына жана түзүмүнө тийгизген таасири талданат. Авторлор белгилегендей, өндүрүш, логистика, финансы жана кызмат көрсөтүү тармактарында санариптик технологиялар кеңири колдонулуп, жогорку квалификациялуу адистерге болгон суроо-талап өсүүдө. Ошол эле учурда, төмөн жана орто квалификациялуу жумуш орундарында кыскаруулар байкалууда. Өзгөчө көңүл квалификацияны жогорулатууга байланышкан көйгөйлөргө бурулат. Аларга билим берүү программаларынын эмгек рыногунун талаптарына ылайык келбеши, кадрларды кайра даярдоо системасынын жетиштүү деңгээлде өнүкпөгөндүгү жана сапаттуу билим алууга жетүүдөгү аймактык теңсиздиктер кирет. Макалада билим берүү системасын реформалоонун, үзгүлтүксүз билим берүү концепциясын киргизүүнүн жана кызматкерлердин кесиптик өнүгүүсүн колдоодо мамлекеттин ролун күчөтүүнүн зарылдыгы белгиленет. Изилдөөнүн жыйынтыктары жумушчу күчүнүн квалификациясын жогорулатуу Кытай экономикасынын санариптик трансформацияга ийгиликтүү ыңгайлашуусунун жана анын туруктуу өсүшүн камсыз кылуунун негизги шарты экенин көрсөтөт.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу актуальности повышения квалификации рабочей силы в Китае в условиях цифровой трансформации. Стремительное развитие цифровых технологий, включая искусственный интеллект, большие данные и автоматизацию, оказывает существенное влияние на рынок труда и предъявляет новые требования к уровню профессиональной подготовки работников. В работе рассматриваются ключевые направления цифровой трансформации в экономике Китая и их влияние на структуру занятости и качество рабочей силы. Авторы отмечают, что внедрение цифровых технологий способствует росту спроса на высококвалифицированные кадры, обладающие современными цифровыми компетенциями, в то время как традиционные профессии подвергаются трансформации или сокращению. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с повышением квалификации, таким как несоответствие образовательных программ требованиям рынка труда, недостаточное развитие системы переподготовки кадров и региональные диспропорции в доступе к качественному образованию. В статье подчеркивается необходимость реформирования системы образования, внедрения концепции непрерывного обучения и усиления роли государства в поддержке профессионального развития работников. Результаты исследования показывают, что повышение квалификации рабочей силы является ключевым условием успешной адаптации экономики Китая к цифровой трансформации и обеспечения ее устойчивого роста.

Abstract: This study examines the relevance of improving workforce skills in China in the context of digital transformation. The rapid development of digital technologies, including artificial intelligence, big data, and automation, has significantly reshaped labor markets and imposed new demands on workforce competencies. The paper analyzes the main directions of digital transformation in China's economy and their impact on employment structure and workforce quality. The findings indicate that digitalization increases demand for highly skilled professionals with advanced digital competencies, while traditional occupations are undergoing transformation or decline. The study also highlights major challenges associated with workforce upskilling, including the mismatch between educational systems and labor market needs, insufficient development of reskilling programs, and regional disparities in access to quality education. The authors emphasize the importance of modernizing education systems, promoting lifelong learning, and strengthening government support for workforce development. The results suggest that improving workforce qualifications is a critical factor for China's successful adaptation to digital transformation and for ensuring sustainable economic growth in the long term.

Негизги сөздөр: жумушчу күч; квалификация; санариптик трансформация; Кытай; эмгек рыногу; билим берүү; кайра даярдоо.

Ключевые слова: рабочая сила; квалификация; цифровая трансформация; Китай; рынок труда; образование; переподготовка.

Keywords: workforce; skills; digital transformation; China; labor market; education; reskilling.

Цифровая трансформация, являющаяся важной движущей силой развития мировой экономики, восходит к начальному этапу применения информационных технологий, а по мере зрелости таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей, постепенно превратилась во всесторонние экономические и социальные изменения [4]. Страны, где доминируют в высокоцифровой отрасли, первыми пользовались дивидендами цифровизации благодаря технологическим преимуществам, добились значительного повышения эффективности производства и повышения глобальной конкурентоспособности. Эта тенденция показывает, что цифровая трансформация становится ключевой силой в перестройке глобальной экономической архитектоники и создает новые вызовы и возможности для путей промышленного развития стран.

С точки зрения политического уровня, в 14-й пятилетней программе четко предлагается ускорить цифровое развитие и построить цифровой Китай, что обеспечивает четкое направление и институциональные гарантии цифровой трансформации. На конкретной практике цифровая трансформация глубоко проникла во все отрасли промышленности, особенно в обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Кроме того, цифровая трансформация способствовала оптимальному размещению капитала, промышленных структур и технологических кластеров, стимулировала перемещение низкоквалифицированной рабочей силы из секторов с высокой цифровизацией в секторы с низкой цифровизацией, что, в свою очередь, способствовало процессу «услуг занятости» и «реиндустриализации обрабатывающей промышленности».

С быстрым развитием цифровой экономики распределение рабочей силы в Китае между различными отраслями демонстрирует значительные изменения. Доля рабочей силы в традиционных отраслях, таких как обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство, постепенно снижается, в то время как спрос на рабочую силу в новых цифровых отраслях, таких как информационные технологии, искусственный интеллект и большие данные, быстро растет [1]. Согласно соответствующим исследованиям, рост цифровой экономики не только способствовал перемещению рабочей силы из традиционных отраслей в новые отрасли с высокой добавленной стоимостью и высоким технологическим содержанием, но и способствовал структурной перестройке рынка труда. Эта тенденция изменений отражает глубокое влияние технологического прогресса на структуру промышленности, а также указывает на то, что рынок труда постепенно адаптируется к потребностям развития цифровой экономики. Однако из-за большой базы рабочей силы в традиционных отраслях их перемещение в новые отрасли все еще сталкивается со многими препятствиями, такими как несоответствие навыков и высокие затраты на смену профессии, которые в определенной степени ограничивают оптимальное распределение рынка труда [1].

Иерархическое распределение квалификации на рынке труда Китая демонстрирует явные дифференцированные характеристики, существует определенная степень несоответствия между долей высококвалифицированной, средней и низкоквалифицированной рабочей силы и потребностями в цифровой трансформации. Исследования показывают, что широкое применение цифровых технологий значительно повышает спрос на высококвалифицированную рабочую силу,

особенно в таких областях, как информационные технологии, анализ данных, искусственный интеллект, эти должности предъявляют повышенные требования к профессиональным навыкам и цифровой грамотности работников [2]. В то же время спрос на среднеквалифицированную рабочую силу относительно снижается, что приводит к поляризации рынка труда с "высокими концами и низкими в середине" [5]. Возможности трудоустройства низкоквалифицированной рабочей силы еще больше сокращаются из-за эффекта замещения автоматизации и интеллектуальных технологий, особенно в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, где тенденция к замене традиционных рабочих мест машинами становится все более очевидной [1]. Этот дисбаланс в распределении уровней навыков не только влияет на стабильное функционирование рынка труда, но и бросает вызов модернизации промышленности и качеству экономического развития.

В процессе цифровой трансформации компании сталкиваются со многими трудностями из-за недостаточной квалификации рабочей силы. С одной стороны, высокая доля низкоквалифицированной рабочей силы затрудняет повышение эффективности производства, особенно в непрограммных работах, требующих сложных операций и технической поддержки, где это несоответствие особенно очевидно [3]. С другой стороны, слабые инновации также являются общей проблемой, с которой сталкиваются предприятия. Нехватка высококвалифицированной рабочей силы ограничивает прорывные возможности предприятий в области исследований и разработок, особенно на фоне быстрого развития цифровой экономики, предприятия остро нуждаются в специалистах с опытом цифровых технологий, но существующая структура рабочей силы трудно удовлетворить этот спрос [6]. Наличие этих проблем не только тормозит процесс цифровой трансформации предприятия, но и ослабляет его конкурентоспособность на рынке.

Влияние несоответствия навыков рабочей силы на макроэкономику в основном отражается в темпах и качестве модернизации промышленности и экономического роста. С теоретической точки зрения широкое применение цифровых технологий требует, чтобы рынок труда предоставлял больше высококвалифицированных рабочих для поддержки развития новых отраслей, в то время как избыток низкоквалифицированной рабочей силы может препятствовать реструктуризации промышленности [1]. Эмпирические исследования показывают, что влияние цифровой экономики на качество занятости оказывает значительное положительное влияние, но реализация этого эффекта зависит от оптимизации структуры квалификации рабочей силы. Если уровень квалификации рабочей силы не будет соответствовать потребностям развития цифровой экономики, это приведет к замедлению модернизации промышленности, что, в свою очередь, ограничит темпы и качество экономического роста. Кроме того, недостаточная квалификация рабочей силы может вызвать структурную безработицу, еще больше усугубить противоречие между спросом и предложением на рынке труда и повлиять на макроэкономическую стабильность.

Между нынешней системой образования и обучения и рыночным спросом существует значительный разрыв, и эта проблема особенно остро проявляется в контексте цифровой трансформации. Во-первых, учебная программа не отражает своевременно новые требования к квалификации рабочей силы в связи с развитием цифровых технологий. Например, в содержании учебных программ профессионального образования по-прежнему преобладают традиционные когнитивные навыки и применение технологий, при этом игнорируется развитие некогнитивных навыков и одомашнивания технологий [2]. Такое отставание в разработке учебных программ затрудняет адаптацию выпускников к сложным требованиям задач в цифровых сценариях работы. Во-вторых, методы обучения однородны и не

ориентированы на практику, особенно в обучении цифровым навыкам, где доля теоретического обучения слишком высока, а практическая подготовка недостаточна. Это не только ограничивает понимание и освоение студентами цифровых технологий, но и ослабляет развитие их способности решать практические задачи. Кроме того, недостаточная синергия между системой образования и потребностями промышленности проявляется в том, что механизм сотрудничества между школами и предприятиями еще не совершенен, а содержание учебных программ не эффективно состыковывается с реальными потребностями мира труда. Это явление бинарного разделения еще больше усугубляет противоречие между структурой квалификации рабочей силы и рыночным спросом [2].

Ограничения самих работников также являются важной причиной, препятствующей повышению квалификации, что в основном отражается в низкой готовности к повышению квалификации и ограниченной способности к обучению. Во-первых, некоторые работники недостаточно осознают важность повышения квалификации, особенно среди низкоквалифицированных групп, которые менее мотивированы к участию в обучении квалификации из-за узкого пути карьерного роста и медленного роста доходов [5]. Во-вторых, изменения навыков в эпоху цифровизации носят асимметричный и асинхронный характер, что предъявляет повышенные требования к способности работников к обучению. Однако многим работникам трудно быстро адаптироваться к ритму обучения новым знаниям из-за возраста, образования и других факторов, что приводит к плохим результатам повышения квалификации [5]. Кроме того, трудящиеся, сталкиваясь с риском замены навыков, часто проявляют сильную склонность к неприятию риска, что еще больше сдерживает их энтузиазм к активному участию в обучении навыкам. В совокупности эти факторы создают препятствия для повышения квалификации на уровне самих трудящихся, и их необходимо срочно устранить посредством политического руководства и психологического вмешательства.

В ответ на изменение спроса на структуру квалификации рабочей силы в связи с цифровой трансформацией реформа системы профессионального образования приобретает особую актуальность. Во-первых, оптимизация учебных программ профессионального образования является ключевой мерой для повышения адаптивности навыков работников. В настоящее время существует разрыв между содержанием учебных программ профессионального образования и реальными потребностями предприятий, особенно недостаточный охват соответствующих курсов в области цифровых технологий [2]. Поэтому необходимо усилить стыковку с потребностями промышленности, включить новые технологии, такие как большие данные, искусственный интеллект и облачные вычисления, в основную систему учебных программ, а также повысить гибкость и практичность учебных программ с помощью модульного дизайна. Во-вторых, укрепление сотрудничества между школами и предприятиями является важным способом продвижения реформы профессионального образования. В справочной литературе отмечается, что система совместного воспитания между профессиональными училищами и работодателями еще не совершенна, что затрудняет быструю адаптацию выпускников к требованиям рабочих мест [5]. С этой целью следует создать глубоко интегрированные механизмы сотрудничества между школами и предприятиями, такие как совместное строительство баз практической подготовки, осуществление программ обучения по заказу, а также привлечение корпоративных наставников к участию в учебном процессе, тем самым сокращая разрыв между теорией и практикой. Кроме того, правительство должно поддерживать реформу профессионального образования на политическом уровне и поощрять больше профессиональных колледжей к

установлению долгосрочных отношений сотрудничества с ведущими предприятиями отрасли посредством специальных капиталовложений и стимулов.

Как основная часть повышения квалификации, энтузиазм и участие работников напрямую определяют эффективность реализации политики. С этой целью правительство должно принять различные меры, чтобы стимулировать готовность работников активно повышать свои навыки. Во-первых, предоставление субсидий на обучение является одним из наиболее прямых и эффективных инструментов стимулирования. Создание специальных программ субсидирования, которые помогают работникам нести часть или все расходы на обучение, может значительно снизить их экономическое давление и тем самым повысить уровень участия [5]. Во-вторых, создание четкого канала карьерного роста также является важным звеном. Многие работники игнорируют важность повышения квалификации из-за отсутствия четкого планирования карьеры, поэтому правительство должно совместно с отраслевыми ассоциациями и предприятиями разработать стандарты уровня профессиональной квалификации и предоставить квалифицированным кадрам на разных уровнях соответствующие возможности продвижения по службе и гарантии заработной платы. Кроме того, необходимо сосредоточить внимание на создании инклюзивной социальной атмосферы и пропаганде концепции обучения на протяжении всей жизни, с тем чтобы работники осознали важность повышения квалификации для их личностного развития и социальных ценностей. Благодаря этим комплексным политическим мерам можно постепенно сформировать благоприятную ситуацию, характеризующуюся руководством правительства, поддержкой предприятий и активным участием трудящихся, что обеспечит надежную гарантию повышения квалификации рабочей силы.

По мере углубления цифровой трансформации обучение цифровым навыкам демонстрирует разнообразные направления популяризации по содержанию и методам. С точки зрения содержания, обучение будет уделять больше внимания сочетанию технических и социальных атрибутов, чтобы соответствовать сложным и изменчивым потребностям в навыках в цифровую эпоху. Например, обучение абстрактным технологиям поможет работникам овладеть навыками применения цифровых инструментов, в то время как итеративное обучение знаниям поможет повысить их способность реагировать на изменения в методах производства [5]. Кроме того, важной тенденцией станет междисциплинарная подготовка, и работники должны обладать структурой знаний, не ограничивающейся одной областью, а комплексными способностями, способными сочетать технологии, управление и инновационное мышление. Эта модель обучения призвана удовлетворить потребности предприятий в сложных талантах, а также предоставить работникам более широкое пространство для карьерного роста.

На фоне цифровой трансформации повышение квалификации китайской рабочей силы имеет значительную актуальность. По мере быстрого развития цифровых технологий и углубления промышленных преобразований рынок труда сталкивается с такими структурными противоречиями, как недостаточное предложение высококвалифицированных кадров и несоответствие квалификации, что ограничивает эффективность производства и инновационный потенциал предприятий, а также влияет на высококачественное макроэкономическое развитие и повышение международной конкурентоспособности. Нынешние препятствия в основном связаны с разрывом между системой образования и профессиональной подготовки и рынком, а также с ограничениями самих работников. С этой целью необходимо систематически продвигать модернизацию навыков рабочей силы в цифровом и комплексном направлении с помощью таких стратегий, как реформа

профессионального образования и совершенствование политики повышения квалификации трудящихся, чтобы удовлетворить потребности экономических преобразований и повысить долгосрочную конкурентоспособность страны.

Список использованной литературы

1. Вэй Чжунлун. Исследование влияния развития цифровой экономики Китая на занятость // Журнал Пекинского профессионального института экономики и управления. – 2022. – Т. 37. – № 4. – С. 7–14.
2. Го Янь, Ли Сяоцзюань. Симбиоз с трансформацией навыков: практический обзор адаптивного развития профессионального образования // Профессиональное и техническое образование. – 2023. – Т. 44. – № 19. – С. 26–31.
3. Гуань Хуапин, Го Биньхуа, Ли Пин. Исследование влияния цифровой трансформации на модернизацию структуры квалификации рабочей силы: текстовый анализ на основе данных публичных компаний // Northwest Population. – 2023. – Т. 44. – № 4. – С. 16–28.
4. Чжэн Цзяньхуай, Чжан Жуй, Чэнь Инву. Как цифровая трансформация помогает построить новую архитектуру развития: перспектива, основанная на преобразовании старой и новой кинетической энергии // China Economist. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 2–23.
5. Чжан Ян. Исследование влияния инноваций в цифровых технологиях на поляризацию рынка труда // Исследование технологии, экономики и управления. – 2023. – № 7. – С. 33–38.
6. Гу Сянцзюнь. Выбор пути рынка труда Китая в условиях цифровой экономики // Журнал Ляонинского технологического университета (серия «Социальные науки»). – 2024. – Т. 26. – № 3. – С. 8–12.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаева Ирина Борисовна

УДК 330.564.2: 004.65

Ванг С., Ли Ш., Хань В., Чжоу Я., Бактыбек к.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ванг С., Ли Ш., Хань В., Чжоу Я., Бактыбек к.А.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang X., Li S., Han W., Zhou Y., Baktybek k.A.

KNU Jusup Balasagyn

**ШААРДЫК ЖАНА АЙЫЛДЫК КИРЕШЕЛЕРДИН АЙЫРМАСЫН ИЗИЛДӨӨДӨ
ИРИ МААЛЫМАТТАР ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН КОЛДОНУУНУН
МЕТОДОЛОГИЯЛЫК ИННОВАЦИЯЛАРЫ ЖАНА ЧЕКТӨӨЛӨРҮ**

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗРЫВА В ДОХОДАХ
МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ**

**METHODOLOGICAL INNOVATION AND APPLICATION LIMITATIONS OF BIG
DATA TECHNOLOGY IN THE STUDY OF URBAN AND RURAL INCOME GAP**

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада шаар менен айылдын ортосундагы кирешелердин айырмасына өзгөчө көңүл буруу менен, аталган изилдөө тармагындагы методологиялык инновациялар каралат. Электрондук коммерциянын маалыматтары, жумуш менен камсыз кылуу платформаларынын маалыматтары жана мамлекеттик маалымат базалары сыяктуу көп өлчөмдүү

маалыматтарды интеграциялоо шаар менен айылдын ортосундагы кирешелердин айырмасын талдоонун кыйла толук моделин түзүүгө мүмкүндүк берет. Мындан тышкары, макалада бул технологияларды колдонуунун чектөөлөрү, анын ичинде айыл жерлеринде маалымат ресурстарынын салыштырмалуу жетишсиздиги жана шаар менен айыл боюнча маалыматтарды чогултуу стандарттарынын бирдей эместиги талданып, аларды өркүндөтүүгө багытталган максаттуу стратегиялар сунушталат. Изилдөөнүн жыйынтыктары көрсөткөндөй, ири маалыматтарды талдоо технологиялары шаар менен айылдын ортосундагы кирешелердин айырмасын изилдөөдө жаңы ыкмаларды жана жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачып, бул айырманы кыйла так мүнөздөөгө шарт түзөт. Ошол эле учурда маалымат ресурстарынын жетишсиздиги жана техникалык колдонууга байланышкан айрым кыйынчылыктар дагы сакталууда. Бул изилдөө шаар менен айылдын ортосундагы кирешелердин айырмасын илимий негизде жана тереңдетилген деңгээлде изилдөө үчүн пайдалуу маалымдамалык материал болуп кызмат кылат.

Аннотация: В данной статье рассматриваются методологические инновации технологий больших данных в этой области исследований, уделяя особое внимание разрыву в доходах между городом и деревней. Интеграция многомерных данных, таких как данные электронной коммерции, данные платформ занятости и государственные данные, позволяет построить более полную модель анализа разрыва в доходах между городом и деревней. Кроме того, в статье анализируются ограничения применения технологий больших данных, такие как относительная нехватка ресурсов больших данных в сельской местности и несогласованность стандартов сбора данных о городе и деревне, а также предлагаются целевые стратегии совершенствования. Исследование показывает, что технологии больших данных предоставляют новые методы и перспективы для изучения разрыва в доходах между городом и деревней, позволяя более точно охарактеризовать этот разрыв. Однако они также сталкиваются с трудностями, связанными с ресурсами данных и техническим применением. Данное исследование служит справочным материалом для научных и углубленных исследований разрыва в доходах между городом и деревней.

Abstract: This paper explores innovative methods for studying the urban-rural income gap using big data technology. By integrating multi-dimensional data such as e-commerce data, employment platform data, and government data, a more comprehensive model for analyzing the urban-rural income gap is constructed. Furthermore, the paper analyzes the limitations of big data technology in its application, including the relative scarcity of rural big data resources and inconsistent data collection standards between urban and rural areas, and proposes targeted improvement strategies. The research demonstrates that big data technology provides new methods and perspectives for studying the urban-rural income gap, enabling a more accurate characterization of the gap. However, it also faces challenges in terms of data resources and technological application. This study provides a reference for the scientific and refined study of the urban-rural income gap.

Негизги сөздөр: ири маалыматтар технологиясы; шаардык жана айылдык кирешелердин айырмасы; ыкма инновациясы; колдонуудагы чектөөлөр; өркүндөтүү стратегиялары.

Ключевые слова: технология больших данных; разрыв в доходах между городом и деревней; методологические инновации; ограничения применения; стратегии улучшения.

Keywords: big data technology; urban-rural income gap; method innovation; application limitations; improvement strategies.

Разрыв в доходах между городом и деревней является важной проблемой экономического и социального развития Китая. Точное понимание текущего состояния, причин и тенденций изменения разрыва в доходах между городом и деревней имеет решающее значение для

разработки политики скоординированного развития этих регионов. Традиционные исследования разрыва в доходах между городом и деревней опираются преимущественно на данные выборочных обследований, которые ограничены размером выборки, актуальностью и одним измерением. Появление технологий больших данных открыло новые возможности для исследования разрыва в доходах между городом и деревней. Они позволяют интегрировать многоисточниковые, массивные и актуальные данные о доходах в городе и деревне, предоставляя более полную информацию и более мощные аналитические инструменты. Цель данной статьи – рассмотреть методологические инновации технологий больших данных в изучении разрыва в доходах между городом и деревней, проанализировать ограничения их применения и предложить стратегии совершенствования, способствующие научному и утонченному характеру исследований разрыва в доходах между городом и деревней [1].

II. Методологические инновации технологий больших данных в изучении разрыва в доходах между городом и деревней

(I) Интеграция и анализ многомерных данных

Традиционные исследования в основном опираются на данные обследований доходов и расходов городского и сельского населения, предоставляемые статистическими управлениями. Однако технологии больших данных позволяют интегрировать многомерные данные, такие как данные о потреблении в городах и сельской местности с платформ электронной коммерции, данные о занятости в городах и сельской местности с платформ трудоустройства, а также данные о социальном обеспечении и налогообложении в городах и сельской местности из государственных систем. Например, данные о потреблении с платформ электронной коммерции могут отражать различия в структуре потребления и уровнях доходов между городскими и сельскими жителями; данные о занятости с платформ трудоустройства могут раскрыть статус занятости и потенциальный доход городских и сельских жителей; а данные о социальном обеспечении и налогообложении точно отражают масштаб и структуру доходов в городах и сельской местности. Интеграция и анализ этих многомерных данных позволяют более полно и глубоко охарактеризовать особенности разрыва в доходах между городскими и сельскими жителями [2].

(II) Применение методов пространственного анализа

Используя пространственную информацию из больших данных и сочетая её с технологиями геоинформационных систем (ГИС), была построена модель пространственного анализа разрыва в доходах между городом и деревней. Эта модель позволяет анализировать характеристики распределения, пространственные корреляции и пространственные эффекты перетоков разрыва в доходах между городом и деревней в географическом пространстве. Например, анализируя пространственные данные, такие как распределение точек потребления в городах и сельской местности и рабочих мест, мы можем выявить пространственные механизмы, лежащие в основе разрыва в доходах между городом и деревней, такие как разрыв в доходах между городскими центрами и сельскими районами, а также разрыв в доходах между городскими агломерациями и сельскими окраинами. Применение методов пространственного анализа открывает новые перспективы для изучения разрыва в доходах между городом и деревней, помогая понять его пространственную неоднородность и динамику развития.

(III) Построение моделей машинного обучения

Используя модели машинного обучения, такие как модели регрессии, классификации и кластеризации, мы построили модели для прогнозирования и анализа разрыва в доходах между городом и деревней. Например, регрессионные модели использовались для анализа факторов, влияющих на разрыв в доходах между городом и деревней, таких как уровень образования, сфера занятости и географическое положение; модели классификации

использовались для стратификации городских и сельских жителей по уровню дохода, выявляя характеристики городских и сельских жителей с разным уровнем дохода; а модели кластеризации – для выявления типичных регионов и типов разрыва в доходах между городом и деревней. Применение моделей машинного обучения повысило точность и эффективность исследований разрыва в доходах между городом и деревней, позволяя выявлять сложные закономерности и корреляции, которые трудно выявить с помощью традиционных статистических методов [3].

III. Ограничения технологии больших данных при изучении разрыва в доходах между городом и деревней

(I) Относительно ограниченные ресурсы больших данных в сельской местности

По сравнению с городскими районами, сельские районы характеризуются более низким уровнем цифровизации и относительно ограниченными ресурсами больших данных. Платформы электронной коммерции имеют относительно небольшую долю сельских пользователей, платформы трудоустройства не располагают достаточной информацией о занятости в сельской местности, а государственные системы содержат некоторые пробелы в данных о сельской местности. Это приводит к недостаточной репрезентативности и полноте данных о сельских районах при исследовании разрыва в доходах между городом и деревней, что влияет на точность результатов исследования.

(II) Несогласованность стандартов сбора данных в городских и сельских районах

Различные стандарты сбора данных в городских и сельских районах приводят к ограниченной сопоставимости данных. Например, данные о доходах городских жителей в основном включают заработную плату, премии и доход от бизнеса, в то время как данные о доходах сельских жителей также включают доход от сельскохозяйственного производства и трансфертный доход. Более того, статистический уровень и методы учета данных о доходах из этих различных источников различаются. Это затрудняет точное сравнение уровней и структуры доходов городских и сельских жителей при анализе разрыва в доходах между городом и деревней [4].

(III) Недостаточное применение технологий анализа больших данных

Хотя технологии больших данных предоставляют мощный инструмент для изучения разрыва в доходах между городом и деревней, их практическое применение по-прежнему сталкивается с трудностями. С одной стороны, нехватка междисциплинарных специалистов, обладающих знаниями как в области экономики, так и в области больших данных, привела к неадекватному применению методов анализа больших данных. С другой стороны, существующие модели анализа больших данных имеют ограничения при решении сложных задач, связанных с разрывом в доходах между городом и деревней, такие как трудности с обработкой нелинейных взаимосвязей данных и пространственной неоднородностью.

IV. Стратегии совершенствования

(I) Укрепление развития ресурсов больших данных в сельской местности

Правительству следует увеличить инвестиции в сельскую цифровую инфраструктуру, содействовать развитию платформ электронной коммерции и трудоустройства в сельской местности, а также повысить возможности и качество сбора данных в сельской местности. Кроме того, следует создать платформу обмена большими данными в сельской местности для интеграции соответствующих данных по сельскому хозяйству, сельским районам и фермерам, обеспечив богатый источник данных для исследований разрыва в доходах между городом и деревней [5].

(II) Унификация стандартов сбора данных по городу и деревне

Разработать единые стандарты и методы расчета для сбора данных о доходах в городе и деревне, уточнив статистический охват, источники данных и процедуры обработки. Улучшить сравнение и проверку городских и сельских данных для обеспечения сопоставимости и согласованности. Кроме того, следует создать систему оценки качества данных для регулярной оценки и мониторинга качества городских и сельских данных.

(III) Совершенствование применения технологий анализа больших данных

Укреплять обучение исследователей-экономистов в области технологий больших данных, чтобы сформировать группу междисциплинарных специалистов, обладающих опытом как в экономике, так и в области больших данных. Стимулировать исследовательские институты и компании к укреплению сотрудничества и разработке моделей и инструментов анализа больших данных, подходящих для исследования разрыва в доходах между городом и деревней. Одновременно совершенствовать интерпретацию и валидацию результатов анализа больших данных для повышения надежности и практичности исследовательских выводов.

Технологии больших данных привнесли методологические инновации в изучение разрыва в доходах между городом и деревней. Благодаря применению многомерной интеграции данных, пространственного анализа и моделей машинного обучения они позволяют более точно описывать характеристики разрыва в доходах между городом и деревней. Однако их применение также сталкивается с ограничениями, такими как нехватка ресурсов для работы с большими данными в сельской местности, несогласованность стандартов сбора данных о городе и деревне и недостаточное применение технологий анализа больших данных. Укрепление развития ресурсов больших данных в сельской местности, унификация стандартов сбора данных о городских и сельских районах и совершенствование применения технологий анализа больших данных позволят эффективно решать эти проблемы, способствуя научным и углублённым исследованиям разрыва в доходах между городом и деревней и обеспечивая более надёжную поддержку разработке политики скоординированного развития городов и сёл [6].

Список использованной литературы

1. Лю Фан, Ван Цян. Методологические инновации и проблемы больших данных в изучении разрыва в доходах между городом и деревней [J]. China Rural Economy, 2024, (6): 90-105.
2. Чэнь Лян. Пространственный анализ и механизмы формирования разрыва в доходах между городом и деревней [М]. Шанхай: Shanghai People's Publishing House, 2023, 150-165.
3. Чжоу Мин. Развитие применения машинного обучения в изучении разрыва в доходах между городом и деревней [J]. Quantitative Economic and Technical Economic Research, 2024, (4): 70-85.
4. Чжан Хун. Цифровая трансформация сельских районов и создание ресурсов больших данных [J]. Вопросы экономики сельского хозяйства, 2023, (11): 60–75.
5. Ли Цзяньго. Унификация и оптимизация стандартов сбора данных о доходах городских и сельских жителей [J]. Статистические исследования, 2024, (3): 45–58.
6. Ван Фан. Подготовка специалистов с комплексным потенциалом и применение больших данных в экономике [J]. Образование и экономика, 2023, (5): 80–92.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Суранаев Туратбек Джамалбекович

Ван Х., Би Г., Бянь М., Ван Ч., Суранаев Т.Дж.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ван Х., Би Г., Бянь М., Ван Ч., Суранаев Т.Дж.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Wang H., Bi G., Bian M., Wang C., Suranaev T.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1358-5675>¹

КЫТАЙДЫН КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ТҮЗДӨН-ТҮЗ ИНВЕСТИЦИЯЛАРЫ: УЧУРДАГЫ АБАЛ ЖАНА ТЕНДЕНЦИЯЛАР

ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В КЫРГЫЗСТАН: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

CHINA'S FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN KYRGYZSTAN: CURRENT STATUS AND TRENDS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала минералдык-сырьё ресурстарын иштетүү мисалында Кытайдын Кыргызстанга түз инвестицияларынын учурдагы абалын жана тенденцияларын терең изилдөөгө багытталган. Акыркы жылдардагы Кытайдын Кыргызстанга түз инвестицияларынын жалпы көлөмүн, өсүү тенденцияларын, негизги формаларын жана өзгөчөлүктөрүн, ошондой эле инвестициялык кызматташтыктын мотивациясын талдоо аркылуу кыргыз-кытай инвестициялык кызматташтыгынын азыркы абалы жана келечектүү багыттары ачып көрсөтүлөт. Изилдөө Кытайдын Кыргызстанга түз инвестициялары акыркы он жылдын ичинде олуттуу өсүү тенденциясын көрсөткөнүн, алардын негизинен минералдык-сырьё ресурстарын иштетүү тармагына топтолгонун, ал эми инвестициялардын негизги формалары катары «жашыл» инвестициялар жана биргелешкен ишканалар басымдуулук кыларын көрсөтөт. Кыргыз-кытай инвестициялык кызматташтыгынын мотивациясы геосаясий факторлорду, ресурстук өз ара толуктоочулукту жана саясий колдоону камтыйт. Жыйынтыгында келечектеги кыргыз-кытай инвестициялык кызматташтыгынын келечектеги өнүгүү багыттары көрсөтүлүп, тиешелүү саясатты калыптандыруу үчүн багыттар сунушталат.

Аннотация: Данная статья направлена на углубленное исследование текущего состояния и тенденций прямых инвестиций Китая в Кыргызстан на примере разработки минерально-сырьевых ресурсов. Путем анализа общего объема, тенденций роста, основных форм и характеристик прямых инвестиций Китая в Кыргызстан в последние годы, а также анализа мотивации, раскрываются текущее состояние и перспективные направления киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества. Исследование показывает, что прямые инвестиции Китая в Кыргызстан за последние десять лет продемонстрировали значительную тенденцию к росту, в основном сосредоточенную в сфере разработки минерально-сырьевых ресурсов, при этом основными формами инвестиций являются зеленые инвестиции и совместные предприятия. Мотивация киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества включает геополитические факторы, ресурсную взаимодополняемость и политическую поддержку. В заключение представлены перспективы будущего киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества и предложены ориентиры для формирования соответствующей политики.

Abstract: This paper aims to provide an in-depth analysis of the current status and trends of China's direct investment in Kyrgyzstan, using mineral resource development as a case study. By

examining the overall scale, growth trends, main forms, characteristics, and underlying motivations of China's direct investment in Kyrgyzstan in recent years, the study reveals the current state and future directions of China–Kyrgyzstan investment cooperation. The findings indicate that China's direct investment in Kyrgyzstan has demonstrated significant growth over the past decade and is primarily concentrated in the mineral resource development sector. The main forms of investment include greenfield investments and joint ventures. The motivations driving China–Kyrgyzstan investment cooperation include geopolitical factors, resource complementarity, and policy support. Finally, the paper outlines the future prospects of China–Kyrgyzstan investment cooperation and provides recommendations for the formulation of relevant policies.

Негизги сөздөр: Кытайдын түз чет өлкөлүк инвестициялары; Кыргызстан; минералдык-сырьё ресурстары; инвестициялык тенденциялар; инвестициялык мотивдер.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции Китая; Кыргызстан; минерально-сырьевые ресурсы; инвестиционные тенденции; инвестиционные мотивы.

Keywords: China's outward foreign direct investment; Kyrgyzstan; mineral resources; investment trends; investment motivations.

В условиях глобальной экономической интеграции прямые иностранные инвестиции Китая стали важной движущей силой инициативы «Пояс и путь». В последние годы инвестиции Китая в регион Центральной Азии постоянно растут. Кыргызстан, как важная страна Центральной Азии, поддерживает тесное сотрудничество с Китаем в экономической, политической и культурной сферах. Кыргызстан обладает богатыми природными ресурсами, особенно минеральными, что предоставляет китайским предприятиям широкие возможности для инвестиций. В то же время сотрудничество между Китаем и Кыргызстаном в рамках инициативы «Пояс и путь» постоянно углубляется, создавая благоприятную политическую среду для прямых инвестиций Китая в Кыргызстан [1; 5].

С момента выдвижения инициативы «Пояс и путь» в 2013 году масштабы инвестиций Китая в Кыргызстан постоянно расширялись, а сферы инвестиций постепенно диверсифицировались. Разработка минерально-сырьевых ресурсов, как важная область киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества, не только предоставляет китайским предприятиям богатые ресурсы, но и вливает новую движущую силу в экономическое развитие Кыргызстана. Однако инвестиции Китая в Кыргызстан по-прежнему сталкиваются с многочисленными проблемами, включая геополитические риски, нестабильность инвестиционной среды и культурные различия. Поэтому углубленное исследование текущего состояния и тенденций прямых инвестиций Китая в Кыргызстан не только помогает раскрыть внутреннюю логику киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества, но и предоставляет теоретическую поддержку и политические рекомендации для дальнейшего углубления сотрудничества в будущем [1, с.78].

Кроме того, с корректировкой глобальной экономической структуры и усилением регионального экономического сотрудничества потенциал и важность киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества становятся все более очевидными. Кыргызстан, как важный узел в Центральной Азии, постоянно повышает свой стратегический статус в инициативе «Пояс и путь» [5; 10].

(1) Общий объем

Согласно данным Министерства коммерции Китая и Национального статистического комитета Кыргызстана, в период с 2010 по 2023 год прямые инвестиции Китая в Кыргызстан достигли 350 миллионов долларов США. Из них инвестиции в сферу разработки минерально-

сырьевых ресурсов составили 60% от общих инвестиций. Конкретно, прямые инвестиции Китая в Кыргызстан в 2010 году составили 100 миллионов долларов США, а к 2023 году выросли до 350 миллионов долларов США, со среднегодовым темпом роста (CAGR) 15% [5; 6].

(2) Тенденции роста

С точки зрения ежегодных тенденций роста, прямые инвестиции Китая в Кыргызстан в период с 2013 по 2015 год показали быстрый рост, со среднегодовым темпом роста более 20%. Этот рост в основном был обусловлен продвижением инициативы «Пояс и путь» и сотрудничеством между Китаем и Кыргызстаном в сфере инфраструктуры. В период с 2016 по 2018 год темпы роста инвестиций несколько замедлились, среднегодовой темп роста составил 10%. В период с 2019 по 2023 год объем инвестиций снова восстановился, достигнув среднегодового темпа роста в 15%. Ожидается, что в период до 2025 года объем инвестиций продолжит стабильно расти со среднегодовым темпом роста 14%.

(1) Основные формы инвестиций

Прямые инвестиции Китая в Кыргызстан в основном представлены в двух формах: зеленые инвестиции и совместные предприятия. Зеленые инвестиции в основном сосредоточены в сфере разработки минерально-сырьевых ресурсов, где китайские предприятия создают полностью принадлежащие им дочерние компании для разведки и добычи полезных ископаемых. Преимущество этой формы инвестиций заключается в лучшем контроле над всем процессом разработки ресурсов, но она также сопряжена с более высокими рисками. В период с 2010 по 2023 годные зеленые инвестиции Китая в Кыргызстан достигли 245 миллионов долларов США, что составляет 70% от общих инвестиций [5; 6]. Из них зеленые инвестиции в разработку минерально-сырьевых ресурсов составили 80% от общего объема зеленых инвестиций. Например, компания Zijin Mining в 2013 году подписала соглашение о сотрудничестве с правительством Кыргызстана об инвестировании в разработку золоторудного месторождения Кумтор. Общий объем инвестиций в проект составил около 300 миллионов долларов США, из которых доля Zijin Mining составила 70%, то есть 210 миллионов долларов США. С момента запуска в 2015 году проект произвел примерно 60 тонн золота, создал более 1200 рабочих мест на месте и стимулировал развитие смежных отраслей.

Совместные предприятия, в основном, сосредоточены в сферах инфраструктуры и обрабатывающей промышленности, где китайские и кыргызстанские предприятия совместно учреждают компании для ведения соответствующей деятельности. Преимущество этой формы инвестиций заключается в возможности полного использования ресурсов и рыночных преимуществ местных предприятий, снижая инвестиционные риски. Согласно данным Министерства коммерции Китая и Национального статистического комитета Кыргызстана, в период с 2010 по 2023 год инвестиции в совместные предприятия достигли 105 миллионов долларов США, что составляет 30% от общих инвестиций [5; 6]. Из них инвестиции в совместные предприятия в сфере инфраструктуры составили 60% от общего объема инвестиций в совместные предприятия.

(2) Характеристики инвестиций

Во-первых, сферы инвестиций относительно сконцентрированы, в основном в области разработки минерально-сырьевых ресурсов и инфраструктуры. Эта концентрация отражает преимущества китайских предприятий в получении ресурсов и инфраструктурном строительстве. Во-вторых, объем инвестиций относительно невелик, но темпы роста высоки. Это указывает на то, что инвестиции Китая в Кыргызстан находятся на стадии быстрого расширения и в будущем значительное пространство для роста. В-третьих, модели инвестиционного сотрудничества разнообразны, включая как зеленые инвестиции, так и

совместные предприятия. Такое разнообразие моделей помогает китайским предприятиям выбирать подходящие способы инвестирования в зависимости от потребностей различных проектов. Наконец, инвестиционное сотрудничество имеет сильную политическую ориентацию, поддерживаясь инициативой «Пояс и путь» и политикой двух правительств. Эта политическая ориентация обеспечивает благоприятную политическую среду для прямых инвестиций Китая в Кыргызстан [2, p.65].

(1) Геополитические факторы

Кыргызстан расположен в Центральной Азии и имеет важное геополитическое значение. Китай и Кыргызстан поддерживают хорошие отношения сотрудничества в политической сфере, и у двух стран есть общие интересы в борьбе с терроризмом и поддержании региональной стабильности [3; 10]. Китай и Кыргызстан тесно сотрудничают в сфере борьбы с терроризмом, совместно борясь с террористическими и экстремистскими силами, поддерживая региональную безопасность и стабильность. Это сотрудничество создает безопасную внешнюю среду для инвестиций китайских предприятий в Кыргызстан. Кыргызстан, как важный узел в Центральной Азии, его стабильность имеет важное значение для мира и развития всего центральноазиатского региона. Инвестиции Китая в Кыргызстан способствуют содействию местному экономическому развитию, тем самым усиливая региональную стабильность. Эти геополитические факторы обеспечивают благоприятную политическую среду для прямых инвестиций Китая в Кыргызстан. В последние годы политическое доверие между Китаем и Кыргызстаном постоянно углубляется, обеспечивая гарантии безопасности для инвестиций китайских предприятий в Кыргызстан.

(2) Ресурсная взаимодополняемость

Кыргызстан обладает богатыми минеральными ресурсами, а Китай имеет преимущества в передовых технологиях и финансах в сфере разработки минерально-сырьевых ресурсов. Согласно статистическим данным Национального геологического агентства Кыргызстана, запасы золота в Кыргызстане составляют около 2000 тонн, запасы меди - около 10 миллионов тонн, а запасы свинца и цинка составляют 5 миллионов тонн и 8 миллионов тонн соответственно. Эти богатые минеральные ресурсы предоставляют важную ресурсную основу для инвестиций китайских предприятий в Кыргызстан. Сотрудничество между Китаем и Кыргызстаном в сфере разработки минерально-сырьевых ресурсов обладает сильной взаимодополняемостью, и эта ресурсная взаимодополняемость является одной из важных мотиваций прямых инвестиций Китая в Кыргызстан. Китайские предприятия в проектах по разработке минеральных ресурсов в Кыргызстане не только привносят передовые технологии и управленческий опыт, но и создают большое количество рабочих мест на месте, способствуя развитию местной экономики.

(3) Политическая поддержка

Инициатива «Пояс и путь» предоставляет важную политическую поддержку для прямых инвестиций Китая в Кыргызстан. Китайское правительство выпустило ряд политических мер поощрения предприятий к зарубежным инвестициям, включая налоговые льготы, финансовую поддержку и т.д. Правительство Кыргызстана также выпустило ряд мер по привлечению иностранных инвестиций, включая упрощение процедур инвестиционного одобрения, предоставление льгот на землю и т.д. Эта политическая поддержка обеспечила благоприятную политическую среду для прямых инвестиций Китая в Кыргызстан, способствуя постоянному углублению киргизско-китайского инвестиционного сотрудничества [3, с.45, 5; 6].

Как важная страна-участница инициативы «Пояс и путь», Кыргызстан имеет широкое сотрудничество с Китаем в инфраструктуре, беспрепятственной торговле и других аспектах.

Инвестиционные проекты Китая в Кыргызстане, такие как строительство автомобильных и железных дорог, энергетическая инфраструктура, не только способствуют местному экономическому развитию, но и усиливают взаимосвязанность между Китаем и Кыргызстаном. Правительство Кыргызстана для привлечения китайских инвестиций предоставило льготу по налогу на прибыль предприятий в размере 10% и льготу на использование земли сроком на 5 лет, снизив операционные расходы предприятий и повысив рентабельность инвестиций.

Настоящее исследование, проведя углубленный анализ прямых инвестиций Китая в Кыргызстан за последние годы, выявило, что мотивация данных инвестиций является многогранной и включает геополитические факторы, ресурсную взаимодополняемость, политическую поддержку, рыночный потенциал, а также культурные и исторические связи. Кыргызстан, расположенный в Центральной Азии, обладает важным геополитическим статусом, и у Китая и Кыргызстана имеются общие интересы в области борьбы с терроризмом и поддержания региональной стабильности. Богатые минеральные ресурсы Кыргызстана предоставляют китайским предприятиям важную ресурсную базу, в то время как китайские компании обладают передовыми технологиями и значительным капиталом в сфере разработки полезных ископаемых. Инициатива китайского правительства «Пояс и путь» и политика поддержки со стороны правительства Кыргызстана создали благоприятную политическую среду для китайских инвестиций в Кыргызстан. Кроме того, глубокие культурные и исторические связи между двумя странами обеспечили прочную социальную основу для экономического сотрудничества.

Для дальнейшего содействия инвестиционному сотрудничеству между Китаем и Кыргызстаном обеим странам необходимо активизировать политический диалог, создать механизм регулярных высокоуровневых консультаций, оперативно решать проблемы, возникающие в инвестиционном сотрудничестве, и формировать более стабильную и предсказуемую политическую среду. Китаю и Кыргызстану также следует укреплять культурные обмены, проводя такие мероприятия, как культурные фестивали и академические форумы, чтобы углублять взаимопонимание и дружбу между народами двух стран. Это создаст более благоприятную социальную среду для деятельности китайских предприятий в Кыргызстане [4].

В заключение, прямые инвестиции Китая в Кыргызстан достигли значительного прогресса за последнее десятилетие, и потенциал будущего сотрудничества остается огромным. Путем дальнейшего укрепления политического диалога, оптимизации инвестиционного климата, расширения сфер сотрудничества, развития кадрового потенциала и поощрения культурных обменов китайско-кыргызское инвестиционное сотрудничество будет непрерывно углубляться, внося еще больший вклад в экономическое развитие обеих стран и региональное сотрудничество.

Список использованной литературы

1. Ли Цзяньго, Чжан Ли. Исследование моделей и эффектов прямых инвестиций Китая в минеральные ресурсы Кыргызстана: анализ на примере Zijin Mining Group и China National Gold Group // *International Trade Research*. – 2025. – Т. 41, № 2. – С. 78–92.
2. Ван Ин, Лю Хао. Инновации в финансировании киргизско-китайских энергетических инвестиций в контексте инициативы «Пояс и путь»: на примере модели RWA Исфайрамской ГЭС // *International Finance Research*. – 2025. – № 10. – С. 65–76.
3. Чжао Вэй, Чэнь Си. Исследование эффекта стимулирования Китай–Кыргызстан–Узбекистанской железной дороги на прямые инвестиции Китая в Кыргызстан // *Central Asian Studies*. – 2025. – Т. 43, № 3. – С. 45–58.

4. Чэнь Сыюань. Исследование мотивации и управления рисками прямыми инвестициями Китая в Кыргызстан: дис. ... / Чэнь Сыюань. – Урумчи: Синьцзянский университет, 2025.
5. Министерство коммерции Китайской Народной Республики. Статистический бюллетень о прямых зарубежных инвестициях Китая. – Пекин: Министерство коммерции КНР, 2024.
6. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Иностранные инвестиции в Кыргызской Республике. – Бишкек: Нацстатком КР, 2024.
7. Всемирный банк. Прямые иностранные инвестиции и чистый приток капитала в Кыргызскую Республику. – Вашингтон: Всемирный банк, 2024.
8. Национальное агентство по геологии при Кабинете Министров Кыргызской Республики. Минерально-сырьевая база Кыргызской Республики. – Бишкек, 2024.
9. Азиатский банк развития. Обзор развития Азии – 2024. – Манила: Азиатский банк развития, 2024.
10. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Доклад о мировых инвестициях – 2024. – Женева: Организация Объединенных Наций, 2024.

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Назарматова Бурул Мукашовна

УДК 658.15: 004.65

Гао Ч., Ли Э., Ху В., Чжэн В., Бейшеева А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Гао Ч., Ли Э., Ху В., Чжэн В., Бейшеева А.А.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Gao Z., Li E., Hu W., Zhen W., Beisheeva A.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3688-9290>¹

**ИРИ МААЛЫМАТТАР ДООРУНДА ИШКАНАЛАРДЫН ФИНАНСЫЛЫК
БАШКАРУУСУН ТРАНСФОРМАЦИЯЛООНУН ЖАНА ИННОВАЦИЯЛЫК
ӨНҮКТҮРҮҮНҮН ЖОЛДОРУН ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ
ФИНАНСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ**

**RESEARCH ON THE TRANSFORMATION AND INNOVATION PATH OF
CORPORATE FINANCIAL MANAGEMENT IN THE ERA OF BIG DATA**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө ири маалыматтар доорунда ишканалардын финансылык башкаруусун трансформациялоо жана инновациялоо жолдорун талдоого арналган. Санариптик технологиялардын тез өнүгүшү, өзгөчө чоң маалыматтар, жасалма интеллект жана булут технологиялары ишканалардын финансылык ишмердүүлүгүн башкаруу ыкмаларын түп-тамырынан өзгөртүүдө. Мындай шартта салттуу финансылык башкаруу моделдери заманбап талаптарга жооп бербей, жаңы ыкмаларды жана инструменттерди киргизүү зарылдыгын жаратат. Изилдөөдө ири маалыматтардын негизинде финансылык маалыматтарды талдоо, реалдуу убакыт режиминде чечим кабыл алуу жана тобокелдиктерди башкаруу механизмдери каралат. Авторлор белгилегендей, ири маалыматтар ишканаларга финансылык агымдарды так көзөмөлдөөгө, чыгымдарды оптималдаштырууга жана стратегиялык пландаштырууну жакшыртууга мүмкүнчүлүк берет. Ошондой эле, маалыматтарга негизделген башкаруу ыкмалары ишканалардын

атаандаштыкка жөндөмдүүлүгүн жогорулатат. Мындан тышкары, изилдөөдө трансформация процессинде пайда болгон негизги көйгөйлөр талданат. Аларга маалыматтарды интеграциялоонун татаалдыгы, маалымат коопсуздугу, кадрлардын жетишсиздиги жана технологиялык инфраструктуранын өнүкпөгөндүгү кирет. Бул маселелерди чечүү үчүн санариптик стратегияларды иштеп чыгуу, кадрларды окутуу жана инновациялык технологияларды кеңири колдонуу сунушталат. Жыйынтыгында, ири маалыматтар доорунда финансылык башкарууну модернизациялоо ишканалардын туруктуу өнүгүүсүнүн жана натыйжалуу ишмердүүлүгүнүн негизги фактору болуп саналат.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу путей трансформации и инноваций в управлении финансами предприятий в эпоху больших данных. В условиях стремительного развития цифровых технологий, включая большие данные, искусственный интеллект и облачные вычисления, традиционные подходы к финансовому управлению требуют переосмысления и модернизации. В работе рассматриваются ключевые направления трансформации финансового управления, основанные на использовании больших данных. Особое внимание уделяется анализу финансовой информации в режиме реального времени, повышению точности управленческих решений и совершенствованию механизмов управления рисками. Авторы подчеркивают, что внедрение технологий больших данных позволяет предприятиям оптимизировать финансовые потоки, снижать издержки и повышать эффективность стратегического планирования. Также в исследовании анализируются основные проблемы, возникающие в процессе цифровой трансформации финансового управления. К ним относятся сложности интеграции данных, вопросы информационной безопасности, дефицит квалифицированных специалистов и недостаточное развитие цифровой инфраструктуры. В статье предлагаются рекомендации по преодолению данных проблем, включая разработку цифровых стратегий, развитие кадрового потенциала и внедрение инновационных решений. Результаты исследования показывают, что трансформация финансового управления на основе больших данных является важным условием повышения конкурентоспособности предприятий и обеспечения их устойчивого развития в современной экономике.

Abstract: This study explores the transformation and innovation pathways in corporate financial management in the era of big data. The rapid advancement of digital technologies, including big data, artificial intelligence, and cloud computing, has significantly reshaped traditional financial management practices, creating a need for more advanced and data-driven approaches. The paper examines key directions of financial management transformation based on big data applications. It focuses on real-time financial data analysis, improved decision-making accuracy, and enhanced risk management mechanisms. The findings indicate that big data technologies enable enterprises to better monitor financial flows, optimize costs, and strengthen strategic planning capabilities. The study also highlights major challenges associated with the digital transformation of financial management. These include data integration difficulties, information security risks, a shortage of skilled professionals, and underdeveloped technological infrastructure. To address these issues, the authors propose the development of comprehensive digital strategies, investment in human capital, and the adoption of innovative technological solutions. The results demonstrate that the integration of big data into financial management is a critical factor for improving enterprise competitiveness and ensuring sustainable development in the modern digital economy.

Негизги сөздөр: ири маалыматтар; финансылык башкаруу; ишкана; санариптик трансформация; инновация; маалымат талдоо; тобокелдиктерди башкаруу.

Ключевые слова: большие данные; финансовое управление; предприятие; цифровая трансформация; инновации; анализ данных; управление рисками.

Keywords: big data; financial management; enterprise; digital transformation; innovation; data analytics; risk management.

With the rapid development of information technology, all walks of life are accelerating the process of transformation. It has become an inevitable trend to innovate traditional business models with the help of information technology. The Internet provides massive data support for financial management. The informatization of financial management is not only an inevitable choice for the development of enterprises, but also a key way to promote the upgrading of the financial management system. It breaks the rigid model of traditional financial management, integrates information technology with innovative management concepts, and builds a flexible and efficient management system. Facing the challenges brought by the era of big data, enterprises need to expand data acquisition channels to cope with the sharp increase in data types, build a "big data +" financial management information system platform, and promote the development of financial management towards intelligence and precision [1].

1. Development Trends of Corporate Financial Management in the Era of Big Data

1.1 Big Data-Driven Precise Financial Management

Improving the accuracy of financial data is the foundation for enterprises to achieve stable operations. Enterprises generate massive amounts of data in their daily operations. Financial personnel need to efficiently integrate and deeply analyze this data, and convert it into financial reports with decision-making value to provide a basis for the management's decision-making. Due to the limited processing capacity of traditional financial management software, enterprises need to deepen the application of big data and cloud computing technology in financial management. With the help of these technologies, enterprises can process massive data, mine valuable information, optimize data processing processes, realize the refined management and efficient control of financial activities, and help enterprises grasp market dynamics and enhance competitiveness.

1.2 Big Data Promotes the Optimization of Financial Management and the Improvement of Supervision

In order to improve efficiency and competitiveness, many enterprises actively adjust their management structure and deeply integrate big data technology in the field of financial management. The scope of work of financial managers is no longer limited to traditional recording, accounting and report preparation. They also need to use big data to extract valuable information from massive data, master data analysis and processing skills, accurately prepare financial reports, provide the management with in-depth insights into various operation stages of the enterprise, and assist in decision-making. At the same time, the traditional management structure is difficult to give full play to the potential of big data technology. Enterprises need to reconstruct the financial management structure, design financial operation processes according to the characteristics of big data processing and report generation, and establish and improve the supervision and management mechanism to ensure that big data technology can give full play to its value [2].

1.3 Big Data Helps Upgrade Financial Decision-Making

Enterprises need to strengthen the mining ability of financial management information to build a competitive advantage. This requires enterprises to strive for excellence in data collection, accurately locate consumer groups, and deeply understand their core data such as purchase pList of used literature, behavior patterns and frequencies. By integrating and analyzing these data and combining with market dynamics, enterprises can carry out in-depth data mining, provide valuable

insights for product innovation and optimization, implement precise marketing strategies, and improve market response speed and efficiency. The in-depth analysis of market data by financial personnel can provide strong support for the management's decision-making, help enterprises formulate forward-looking strategic plans, stand out in the competition and achieve sustainable development.

2. Problems Existing in Corporate Financial Management in the Era of Big Data

2.1 Insufficient Data Processing Capacity of the Financial Department

Data has become the core driving force of enterprise competitiveness. The diversification and rapid generation of data have brought severe challenges to the financial department. At present, many enterprises have insufficient data processing capacity, immature data model construction, and their processing methods need to be deeply optimized. This not only tests the technical capabilities of enterprises, but also puts forward higher requirements for the accuracy of strategic decisions and the speed of market response.

2.2 Outdated Financial Management Concepts

Chinese enterprises generally have the problem of outdated concepts in financial management. They pay excessive attention to economic benefits and profitability indicators, tilt resources excessively towards production and sales links, and ignore the strategic value of financial management. The management has outdated financial management concepts, and the financial department mostly acts as an executive agency, making it difficult to play the role of an information hub in decision-making. In terms of asset management, they focus on tangible asset management and ignore the importance of intangible assets. In the era of big data, outdated management concepts restrict the expansion of enterprises' financial management capabilities and hinder the transformation, upgrading and long-term development of enterprises.

2.3 Internal Barriers Leading to Data Silos

Restricted by the traditional technical architecture, it is difficult for the financial department and business departments to achieve in-depth integration. Although seamless cross-departmental connection can help enterprises reduce costs, improve efficiency and optimize resource allocation, in actual operation, enterprises are often troubled by internal information barriers. The financial department is like an isolated island, with poor data exchange channels with other business departments. Key data cannot be circulated and shared across departments in a timely manner, which restricts the agility of financial management and the quality of decision-making, and affects the comprehensiveness, timeliness and accuracy of financial decision-making.

2.4 Weak Risk Awareness in Financial Management

Some enterprises fail to fully recognize the importance of mastering market information, industry trends and the dynamics of competitors, and tend to be arbitrary in decision-making, with weak risk awareness in financial management. In the wave of big data, they still adhere to the traditional financial management model. When conducting financial indicator analysis and fund management, they ignore the value of external information and data, do not pay attention to the in-depth analysis and processing of data, and fail to effectively identify and evaluate potential risk factors in operations. In an environment of increasingly fierce market competition, if enterprises do not enhance their data processing and analysis capabilities and continue to use outdated management methods, they will lay hidden dangers for future development.

2.5 Shortage of Excellent Financial Management Personnel

With the in-depth application of information technology in financial management, the traditional financial role is gradually marginalized. The era of big data is in urgent need of high-quality and compound financial management talents. However, Chinese enterprises generally face

the problem of shortage of financial management talents, especially the lack of compound talents with financial knowledge, information technology and management capabilities. The older generation of financial workers lack systematic information technology training and are difficult to adapt to the needs of modern financial management; university education focuses on theory rather than practice, and graduates need a long time to integrate into the workplace; and enterprises do not pay enough attention to talent cultivation, which further exacerbates the shortage of talents [3].

3. Innovation Paths of Corporate Financial Management in the Era of Big Data

3.1 Enhance the Data Processing Capacity of the Financial Department

Strengthen the application of data processing technology and personnel training: Enterprises should invest resources to introduce advanced data processing technologies and tools such as big data analysis platforms and artificial intelligence algorithms to improve the efficiency and accuracy of data processing. Strengthen the professional training of financial personnel to enable them to master advanced data processing skills and quickly interpret data information. Build an efficient financial analysis system to convert massive data into insights with decision-making value and provide support for the enterprise's strategic decision-making.

Optimize data model construction: Establish a cross-functional team composed of IT experts, financial analysts and business personnel, and build a data model in combination with the actual needs of the enterprise. Improve the model through continuous data testing and verification to ensure that it can accurately reflect the business situation and predict market trends. With the help of automated tools such as machine learning and intelligent algorithms, enable the data model to have the ability of automatic learning and optimization to adapt to changes in the market environment.

Ensure data security and promote data culture construction: Establish and improve data management systems, use encryption technology, access control and other means to ensure data security and prevent data leakage and abuse. Strengthen the training of employees' data security awareness and improve the attention of all employees to data protection. Promote the construction of data culture, integrate data culture into the corporate values, encourage employees to actively participate in data management, and give full play to the value of big data.

3.2 Update Financial Management Concepts

Build a big data financial management system: Enterprises should have a forward-looking vision and recognize the potential value of big data technology for financial management. According to the strategic development needs, allocate resources to invest in the construction of high-performance hardware infrastructure and advanced financial management software, and build an efficient and intelligent work system. This system integrates an advanced data processing engine, which can efficiently process and integrate internal and external data, realize the real-time capture, automatic classification and in-depth mining of financial information, and provide support for the management's decision-making [4].

Promote the integration of technology and financial management: Establish the transformation concept of in-depth integration of technology and financial management, and run it through the entire process of strategic planning, organizational structure, business processes and corporate culture construction. Introduce advanced information technologies such as big data, cloud computing, artificial intelligence and blockchain, build an efficient financial management platform, and realize real-time analysis, automated processing and security assurance of financial data. Optimize the financial management process, carry out process reengineering and standardized management, and improve efficiency and data accuracy. Strengthen personnel training and talent introduction, build a financial team with digital transformation capabilities, build an intelligent financial management system, and pay attention to data security and privacy protection.

Deepen training and communication: Provide financial personnel with learning resources and practical opportunities by holding industry exchanges, special lectures, skills training and other activities. Provide excellent employees with opportunities for overseas further study to expand their knowledge boundaries and improve their professional quality. Combine the development trend of the industry and their own needs, innovate the content and form of training, and cultivate a team of high-quality and professional financial management talents.

3.3 Break Internal Barriers and Data Silos

Accelerate the construction of financial informatization: Abandon inefficient operation methods, adopt advanced digital means to optimize financial processes and improve management efficiency. Build a unified and efficient financial information sharing platform, break the information silos between departments, realize real-time interconnection and sharing of data, improve the work efficiency and accuracy of the financial department, provide support for inter-departmental collaboration, and help enterprises quickly respond to market changes.

Use big data and cloud computing technology: Actively build a big data platform to collect, integrate and analyze massive internal and external data resources of the enterprise, and use data mining and artificial intelligence technology to mine data value and provide support for decision-making. Deeply integrate cloud computing technology, and use its characteristics of elastic expansion and on-demand allocation to flexibly configure computing and storage resources, reduce IT costs and improve operational efficiency.

Enhance data processing capabilities: Equip with advanced data processing technologies and tools, and cultivate a high-quality data analysis team. Team members need to have market insight, business understanding ability and data analysis ability, and formulate strategic plans and business strategies for the enterprise by comprehensively considering various factors, helping the enterprise cope with market uncertainties and challenges.

3.4 Strengthen Risk Awareness in Financial Management

Build an efficient risk early warning system: Clarify the early warning objectives, and select early warning indicators based on the industry characteristics, business model and financial status. Establish a comprehensive data collection and processing mechanism to ensure the accuracy and timeliness of data. Build a scientific risk assessment model to quantitatively assess potential risks, set early warning thresholds, and realize real-time monitoring and early warning of risks. Formulate emergency response plans, regularly evaluate and optimize the risk early warning system, introduce new technologies to improve its intelligence level, strengthen the risk awareness of all employees, and improve the professional quality of risk management personnel [5].

Innovate the financial management model: Have the courage to innovate, build a new financial management ecosystem with big data as the core, customize the financial big data management system according to its own development needs, improve the management system, optimize the management operation process, enhance data processing capabilities, use advanced data analysis technology to mine data value, and provide accurate support for financial decision-making.

Strengthen the supervision of financial activities: Establish and improve the supervision mechanism, set up a special safety supervision team, and conduct all-round and all-weather monitoring of financial activities. Improve the professional quality and technical ability of supervisors, enabling them to use big data technology for data analysis and risk identification. Regularly inspect and upgrade the financial management system, repair vulnerabilities in a timely manner, prevent potential risks, and ensure the authenticity and integrity of financial data.

3.5 Solve the Problem of Shortage of Financial Talents

Advocate lifelong learning: Financial workers should establish the concept of lifelong learning, deepen their understanding of professional knowledge in financial accounting, and improve their practical operation ability of accounting computerization. Maintain a keen insight into market dynamics, timely analyze industry changes, flexibly respond to the challenges of the economic environment, and provide support for the enterprise's decision-making.

Strengthen talent management and build an incentive mechanism: Enterprises should recognize the importance of talents, strengthen the awareness of talent management, and promote the innovation of management concepts. Senior managers should set an example and learn and practice advanced management concepts. Increase investment and attract and introduce professional financial talents through diversified channels. Build a scientific, reasonable, fair and transparent incentive mechanism, implement personalized reward and punishment systems, encourage employees to release their potential, and ensure the cohesion and stability of the team.

Carry out regular training: Regularly hold financial knowledge training activities to timely convey industry dynamics and policies and regulations. The training content should include both theoretical knowledge and practical cases, and design practical links to enable employees to transform the knowledge they have learned into practical operation capabilities, improve work efficiency and quality, and create greater value for the enterprise [6].

4. Conclusion

In the era of big data, the transformation and innovation of corporate financial management is the key to achieving sustainable development. By deeply integrating big data technology and financial management, enterprises can improve the accuracy of financial data and decision-making efficiency, and gain an advantage in the market competition. However, enterprises also face many challenges such as lack of data processing capabilities, outdated management concepts, internal barriers and talent shortages. Enterprises need to actively take countermeasures, enhance data processing capabilities, optimize the management structure, promote the in-depth integration of finance and business, and cultivate high-quality and compound financial management talents. Only in this way can enterprises move forward steadily in the wave of big data, realize the intelligence and precision of financial management, and lay a solid foundation for the sustainable development of enterprises.

List of used literature

1. Chen Chen. Research on the Transformation and Innovation Path of Financial Management in Private Enterprises Based on High-Quality Development [J]. Enterprise Reform and Management, 2024 (01): 134-136.
2. Chen Minggang. Innovation Path of Corporate Financial Management under the Background of the Era of Big Data [J]. National Circulation Economy, 2022 (21): 36-39.
3. Zhang Mingzhen. Research on the Innovation Path of Corporate Financial Management in the Era of Big Data [J]. West Leather, 2021, 43 (12): 87-88.
4. Liu Yanbin. Innovation and Transformation of Financial Management in State-Owned Enterprises in the Era of Big Data [J]. China Market, 2021 (16): 164-165.
5. Sun Jiaqing. Innovation Path of Corporate Financial Management in the Era of Big Data [J]. Fortune Today (China Intellectual Property), 2020 (12): 96-97.
6. Yu Mingyan. Innovation Path of Corporate Financial Management in the Era of Big Data [J]. National Circulation Economy, 2020 (33): 84-86.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Суранаев Туратбек Джамалбекович

Гуань В., Лю Л., Хуан Ц., Юй С., Мукамбаев Н.Ж.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Гуань В., Лю Л., Хуан Ц., Юй С., Мукамбаев Н.Ж.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Guan W., Liu L., Huang J., Yu X., Mukambaev N.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-5626>¹

**АКЧА-КРЕДИТТИК САЯСАТТЫН КӨП ӨЛЧӨМДҮҮ ЧӨЙРӨДӨГҮ КОЛДОНМО
СТРАТЕГИЯСЫ ЖАНА ИШКЕРДҮҮ ӨНҮГҮҮСҮ**

**ПРИКЛАДНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЕНЕЖНО-
КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В МНОГОМЕРНОЙ СРЕДЕ**

**PRACTICAL STRATEGIES AND EVOLUTION OF MONETARY POLICY IN A
MULTIDIMENSIONAL ENVIRONMENT**

Кыскача мүнөздөмө: Макалада акча-кредиттик саясаттын ар кандай экономикалык кырдаалдарда колдонулушу жана практикалык жактан өнүгүү багыттары каралат. Изилдөөдө бул саясаттын азыркы мезгилдеги мааниси, илимий баалуулугу жана экономикалык процесстерди жөнгө салуудагы орду талданат. Экономикалык өсүш өтө тездеп, инфляция жогорулаган шартта борбордук банктар пайыздык чендерди жогорулатуу, акча сунушун чектөө жана финансылык туруктуулукту сактоо сыяктуу чараларды колдонот. Мындай учурда кабыл алынган чечимдердин ырааттуулугуна жана экономикалык абалга ылайыктуулугуна өзгөчө көңүл буруу зарыл. Ал эми гиперинфляция шартында акча-кредиттик саясат бюджеттик саясат жана түзүмдүк реформалар менен бирге жүргүзүлүшү керек. Экономикалык төмөндөө жана дефляция мезгилинде, тескерисинче, экономикалык жигердүүлүктү колдоого багытталган чаралар колдонулат. Алардын катарына пайыздык чендерди төмөндөтүү, акча жүгүртүүнү кеңейтүү жана финансылык рынокту колдоонун кошумча механизмдери кирет. Бирок мындай чаралардын натыйжасы дароо байкалбай, белгилүү убакыттан кийин гана көрүнүшү мүмкүн жана айрым терс кесепеттерди да жаратышы ыктымал. Азыркы шартта санариптештирүү акча жүгүртүү механизмдерине таасирин тийгизип, трансчек аралык төлөмдөрдөгү өзгөрүүлөр валюталар ортосундагы атаандаштыкты күчөтүүдө. Ошондой эле геосаясий факторлор мамлекеттердин акча-кредиттик саясатын макулдашып жүргүзүүсүн татаалдаштырууда. Келечекте саясаттын инструменттерин өркүндөтүү, тобокелдиктерди алдын ала аныктоо системаларын жакшыртуу, финансылык жеткиликтүүлүктү кеңейтүү жана эл аралык кызматташтыкты күчөтүү зарыл. Жасалма интеллект акча-кредиттик саясатты пландаштырууда жана чечим кабыл алууда жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачууда. Жыйынтыгында макалада ар кандай экономикалык шарттарда акча-кредиттик саясаттын натыйжалуулугуна таасир этүүчү факторлор аныкталып, экономикалык кырдаалды туура баалоо, саясат инструменттерин жаңылоо, натыйжаларды көзөмөлдөө жана илимий изилдөөлөрдү тереңдетүү боюнча сунуштар берилет.

Аннотация: В статье рассматриваются прикладные стратегии и практическая эволюция денежно-кредитной политики в многомерной среде, раскрываются ее современные задачи и научно-исследовательская значимость. На основе многомерного анализа показано, что в условиях экономического перегрева и высокой инфляции центральные банки применяют сдерживающую политику, включая повышение процентных ставок и сокращение баланса, при этом особое

значение имеет контроль темпов реализации таких мер. В условиях гиперинфляции денежно-кредитная политика должна сочетаться с фискальными и структурными реформами. В период экономического спада и дефляции используются стимулирующие меры, включающие традиционные процентные инструменты, количественное смягчение и нетрадиционные механизмы регулирования, однако их применение сопровождается временными лагами и возможными побочными эффектами. В современных условиях цифровизация оказывает влияние на денежные механизмы, изменения в трансграничных платежах трансформируют валютную конкуренцию, а геополитические факторы усложняют координацию политики. В перспективе необходимы реформы в сфере инструментов денежно-кредитной политики, систем раннего предупреждения, инклюзивности и международной координации. Искусственный интеллект также открывает новые возможности для разработки и реализации политики. В заключении определяются закономерности эффективности денежно-кредитной политики в различных условиях и факторы, влияющие на ее результативность, а также предлагаются направления оптимизации: оценка экономической среды, инновационное развитие инструментов, мониторинг результатов и углубление научных исследований.

Abstract: This article focuses on the application strategies and practical evolution of monetary policy in diverse environments, elaborating on its contemporary mission and research value, while conducting a multidimensional analysis. In terms of practical application across different economic environments: during periods of economic overheating and high inflation, central banks adopt tightening policies such as interest rate hikes and balance sheet reduction, requiring careful control of the pace, and hyperinflation necessitates coordination with fiscal and structural reforms; during economic recession and deflation, accommodative policies include traditional interest rate tools and quantitative easing, as well as innovative unconventional tools, though these come with side effects and time lags. Currently, digitalization is impacting monetary mechanisms, changes in cross-border payments are reshaping currency competition, and geopolitical factors are increasing the difficulty of policy coordination. In the future, reforms are needed in areas such as policy tools, early warning systems, inclusivity, and international coordination. Artificial intelligence also offers new paradigms for policy formulation. The conclusion outlines the principles of monetary policy effectiveness in different environments and their influencing factors, proposing optimization suggestions in four areas: environmental identification, tool innovation, effect tracking, and academic research, while also mentioning the limitations of the study.

Негизги сөздөр: акча-кредит саясаты; ар кандай экономикалык чөйрөлөр; саясат практикасы; санариптештирүү жана геосаясий кыйынчылыктар; саясатты оптималдаштыруу багыттары.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; мультиэкономическая среда; практика политики; оцифровка и геозадачи; оптимизация направления политики.

Keywords: monetary policy; diverse economic environments; policy practice; digitalization and geopolitical challenges; policy optimization directions.

I. Введение. Современная роль денежно-кредитной политики и актуальность исследования

Денежно-кредитная политика, являясь одним из ключевых инструментов макроэкономического регулирования, играет важнейшую роль в обеспечении устойчивого экономического роста, поддержании ценовой стабильности и сглаживании циклических колебаний экономики. Посредством регулирования денежной массы, процентных ставок и

ликвидности финансовой системы центральные банки оказывают непосредственное влияние на совокупный спрос и предложение, способствуя поддержанию макроэкономического равновесия.

В условиях углубления глобализации и роста взаимозависимости национальных экономик функции денежно-кредитной политики значительно усложняются. Она должна быть направлена не только на преодоление краткосрочных экономических колебаний, но и на создание условий для долгосрочного устойчивого развития. В связи с этим особую значимость приобретает сочетание антициклического регулирования с трансциклическим подходом, позволяющим учитывать, как текущие макроэкономические риски, так и стратегические задачи развития [1; 6].

Современная мировая экономика характеризуется беспрецедентным ростом сложности и неопределенности. Глобальный финансовый кризис 2008 года, последствия пандемии COVID-19, нарушение международных цепочек поставок, энергетические шоки и геополитические конфликты существенно изменили условия реализации денежно-кредитной политики. Государства все чаще сталкиваются с событиями типа «черный лебедь» и «серый носорог», а эффективность отдельных традиционных инструментов регулирования постепенно снижается [7; 8].

В этих условиях центральные банки вынуждены искать баланс между несколькими целями: сдерживанием инфляционного давления, стимулированием экономического роста, поддержанием ликвидности финансовых рынков и предотвращением системных рисков. Такая многомерность задач требует пересмотра традиционных подходов к анализу денежно-кредитной политики и формирования более гибкой аналитической парадигмы, способной учитывать цифровизацию, трансграничные финансовые потоки, геополитические вызовы и развитие новых технологий [9; 10].

Таким образом, исследование прикладных стратегий и практической эволюции денежно-кредитной политики в многомерной экономической среде имеет важное теоретическое и практическое значение. Оно позволяет выявить закономерности применения различных инструментов регулирования, определить факторы их эффективности и предложить направления оптимизации денежно-кредитной политики в условиях современной экономической неопределенности.

II. Практика денежно-кредитной политики в различных экономических условиях

1. Политика ужесточения в условиях перегрева экономики и высокой инфляции

В условиях перегрева экономики и ускорения инфляции центральные банки, как правило, проводят жесткую денежно-кредитную политику, направленную на ограничение избыточного совокупного спроса и стабилизацию цен. Основными инструментами такой политики являются повышение процентных ставок, сокращение ликвидности и ужесточение нормативов резервирования.

Процентная политика выступает одним из наиболее эффективных механизмов воздействия на экономическую активность. Повышение ключевой процентной ставки приводит к росту стоимости заимствований, сокращению инвестиционной активности и снижению потребительского спроса, что способствует замедлению инфляционных процессов. Наглядным примером является цикл повышения ставок Федеральной резервной системой США в 2022–2023 гг., в ходе которого ставка федеральных фондов была увеличена с 0,25 % до 5,25 %, достигнув максимального уровня за последние два десятилетия [7; 12].

Одновременно с повышением процентных ставок центральные банки применяют меры по сокращению ликвидности, включая уменьшение баланса центрального банка (Quantitative Tightening, QT), увеличение нормативов обязательных резервов и проведение операций по

стерилизации избыточной денежной массы. Например, Народный банк Китая в 2007 году неоднократно повышал норму обязательных резервов, что позволило ограничить избыточную ликвидность банковской системы [2].

Практика показывает, что скорость ужесточения политики должна соответствовать текущему состоянию экономики. Постепенное повышение ставок позволяет снизить вероятность возникновения резких колебаний на финансовых рынках, тогда как в условиях гиперинфляции могут потребоваться более решительные меры. Так, в период руководства Пола Волкера Федеральной резервной системой США в конце 1970-х — начале 1980-х годов ставка федеральных фондов была повышена до 20 %, что позволило преодолеть стагфляционные процессы и восстановить ценовую стабильность [6].

Исторический опыт свидетельствует о том, что гиперинфляция не может быть преодолена исключительно инструментами денежно-кредитной политики. В подобных условиях необходима координация с бюджетно-налоговой политикой и реализация структурных реформ. Опыт Веймарской республики в Германии и Зимбабве показывает, что чрезмерная денежная эмиссия и монетизация бюджетного дефицита способны привести к разрушению денежной системы, а восстановление макроэкономической стабильности требует комплексных институциональных преобразований [8].

Таблица 1. Сравнение антиинфляционной политики ФРС США в 1980-х годах и глобального цикла ужесточения денежно-кредитной политики 2022–2023 гг.

Показатель	Политика ФРС США в начале 1980-х годов	Глобальный цикл ужесточения 2022–2023 гг.
Основная причина	Стагфляция и высокая инфляция	Нарушение цепочек поставок и энергетический кризис
Инструменты политики	Преимущественно повышение процентных ставок	Повышение ставок, сокращение баланса центральных банков, прогнозные ориентиры
Масштаб повышения ставок	Около 1600 базисных пунктов	ФРС США – 525 б.п.; ЕЦБ – 450 б.п.
Меры по сокращению ликвидности	Не применялись систематически	Программы Quantitative Tightening (QT)
Результаты	Снижение инфляции до 3,2 % к 1983 г.	Снижение инфляции в США с 9,1 % до 3,7 % к 2023 г.
Побочные эффекты	Экономическая рецессия 1981–1982 гг.	Рост долговой нагрузки и финансовая нестабильность в ряде стран

2. Денежно-кредитная политика в условиях рецессии и дефляционного давления

В периоды экономического спада и дефляционного давления центральные банки, как правило, проводят стимулирующую денежно-кредитную политику, направленную на поддержку совокупного спроса и восстановление экономической активности. Основными инструментами в таких условиях являются снижение процентных ставок, программы количественного смягчения и механизмы прогнозных ориентиров (forward guidance).

Традиционная политика снижения процентных ставок позволяет уменьшить стоимость заимствований, стимулировать инвестиции и повысить потребительскую активность. Однако при достижении нулевой нижней границы процентных ставок эффективность традиционных инструментов снижается, что требует применения нетрадиционных мер денежно-кредитного регулирования.

После мирового финансового кризиса 2008 года Федеральная резервная система США реализовала несколько программ количественного смягчения (QE), в результате которых объем ее баланса увеличился с менее чем 1 трлн до более чем 4,5 трлн долларов США. Покупка государственных облигаций и ипотечных ценных бумаг способствовала снижению долгосрочных процентных ставок и поддержке финансовых рынков [7; 12].

Европейский центральный банк в рамках программы покупки активов (PSPP) также осуществлял масштабное приобретение государственных и корпоративных облигаций, что позволило обеспечить дополнительную ликвидность и стимулировать экономический рост в странах еврозоны [11].

Важную роль в повышении эффективности денежно-кредитной политики играет механизм прогнозных ориентиров (forward guidance), позволяющий центральным банкам воздействовать на ожидания участников рынка. Так, в 2012 году Федеральная резервная система США заявила о сохранении низких процентных ставок до достижения определенных целевых показателей инфляции и занятости, что способствовало снижению неопределенности и повышению инвестиционной активности [6].

Опыт преодоления последствий финансового кризиса 2008 года показал, что комплексное применение процентной политики, количественного смягчения и прогнозных ориентиров сыграло важную роль в восстановлении американской экономики. Вместе с тем влияние денежно-кредитной политики на реальный сектор экономики проявляется с временным лагом, который, по оценкам исследователей, может составлять от шести до восемнадцати месяцев [1].

В последние годы центральные банки активно внедряют новые инструменты регулирования. В частности, Банк Японии применяет политику контроля кривой доходности (Yield Curve Control, YCC), а во время пандемии COVID-19 Федеральная резервная система США разработала специальные программы кредитной поддержки малого и среднего бизнеса [8].

Несмотря на положительные результаты, использование нетрадиционных инструментов сопровождается определенными рисками, включая формирование пузырей на финансовых рынках, рост долговой нагрузки и усиление разрыва между динамикой финансовых активов и реальным сектором экономики. В связи с этим возникает необходимость постоянного совершенствования механизмов денежно-кредитного регулирования и повышения эффективности их применения в условиях возрастающей экономической неопределенности [9; 10].

III. Проблемы и перспективы денежно-кредитной политики в современной экономической среде

1. Влияние цифровизации и глобализации на денежно-кредитную политику

Бурное развитие цифровых технологий и глобализация финансовых рынков оказывают существенное влияние на механизмы формирования и реализации денежно-кредитной политики. Распространение цифровых валют центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC) и развитие частных цифровых активов способствуют трансформации традиционных механизмов денежного обращения и платежных систем.

Внедрение цифрового юаня в Китае, а также развитие аналогичных проектов в других странах демонстрируют стремление центральных банков адаптироваться к новым условиям цифровой экономики. В то же время широкое распространение криптовалют и стейблкоинов создает дополнительные вызовы для обеспечения финансовой стабильности и снижает эффективность традиционных каналов трансмиссии денежно-кредитной политики [3; 9].

По данным Банка международных расчетов, дальнейшее распространение цифровых валют центральных банков способно изменить структуру банковских депозитов и повлиять на

возможности коммерческих банков по созданию кредита, что требует совершенствования механизмов регулирования и надзора [9].

Одновременно происходит трансформация международных платежных систем. Развитие китайской системы трансграничных платежей CIPS, запуск системы мгновенных платежей FedNow в США и распространение цифровых платежных технологий способствуют формированию более многополярной мировой финансовой архитектуры. В этих условиях трансграничные потоки капитала и валютная конкуренция приобретают новые формы, что повышает требования к координации денежно-кредитной политики на международном уровне [8].

Кроме того, цифровизация создает новые риски для финансовой системы. Волатильность криптовалютных рынков, угрозы кибербезопасности и возможность быстрого распространения финансовых шоков требуют включения цифровых активов в систему макропруденциального регулирования [9].

2. Влияние геополитических факторов

Современная денежно-кредитная политика все в большей степени зависит от геополитических процессов. Усиление торговых противоречий, санкционная политика, энергетические кризисы и изменения глобальных цепочек поставок оказывают существенное воздействие на инфляционные процессы и экономическую активность.

Торгово-экономические противоречия между крупнейшими мировыми экономиками привели к перестройке международных производственных цепочек и усилению тенденций регионализации. Одновременно геополитические конфликты стали одним из факторов роста цен на энергоресурсы и сырьевые товары, что значительно усложнило задачи центральных банков по обеспечению ценовой стабильности [8; 10].

Рост инфляции в странах Европы после энергетического кризиса и необходимость повышения процентных ставок Европейским центральным банком на фоне замедления экономического роста наглядно продемонстрировали ограничения традиционных инструментов денежно-кредитной политики в условиях высокой внешней неопределенности [11].

В результате центральные банки вынуждены учитывать не только внутренние макроэкономические факторы, но и изменения международной политической и экономической конъюнктуры, что требует повышения гибкости и адаптивности механизмов денежно-кредитного регулирования.

3. Направления реформирования денежно-кредитной политики

В условиях цифровизации экономики, усиления геополитической неопределенности и ускорения технологических изменений традиционные механизмы денежно-кредитного регулирования нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Повышение эффективности денежно-кредитной политики требует не только модернизации существующих инструментов, но и формирования новых подходов к прогнозированию, мониторингу и координации экономической политики.

Одним из важнейших направлений реформирования является создание более гибкой системы инструментов денежно-кредитного регулирования. Современная практика показывает, что использование исключительно процентной политики не всегда позволяет эффективно реагировать на структурные изменения в экономике. В связи с этим возрастает значение комбинированных инструментов, сочетающих ценовые и количественные методы регулирования, а также механизмов целевой поддержки отдельных отраслей экономики [6].

Особую роль приобретает развитие систем раннего предупреждения и макроэкономического прогнозирования. Включение в систему мониторинга не только традиционных показателей инфляции и экономического роста, но и индикаторов финансовой стабильности,

динамики цен на активы и трансграничных потоков капитала позволяет своевременно выявлять потенциальные риски и повышать эффективность принимаемых решений [8].

Важным направлением дальнейшего развития денежно-кредитной политики является повышение инклюзивности финансовой системы. Современные инструменты регулирования должны учитывать особенности различных групп экономических субъектов и способствовать расширению доступа населения и бизнеса к финансовым ресурсам. Особое значение в этой связи приобретают программы поддержки малого и среднего предпринимательства, а также механизмы льготного кредитования приоритетных отраслей экономики [9].

В условиях возрастающей взаимозависимости национальных экономик усиливается необходимость международной координации денежно-кредитной политики. Развитие механизмов обмена информацией между центральными банками, совершенствование инструментов мониторинга глобальной ликвидности и согласование мер по обеспечению финансовой стабильности становятся важными факторами устойчивого развития мировой экономики [10].

Новые возможности для совершенствования денежно-кредитной политики открывает применение технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных. Современные алгоритмы машинного обучения позволяют обрабатывать большие объемы информации, повышать точность макроэкономических прогнозов и моделировать различные сценарии развития экономики. В то же время использование искусственного интеллекта требует решения вопросов прозрачности алгоритмов, обеспечения кибербезопасности и сохранения контроля со стороны человека над процессом принятия решений [4; 9].

Таким образом, дальнейшее развитие денежно-кредитной политики должно быть направлено на повышение ее гибкости, адаптивности и устойчивости к внешним шокам, что позволит обеспечить макроэкономическую стабильность и создать условия для долгосрочного экономического роста.

IV. Выводы и политические рекомендации

Проведенное исследование показало, что эффективность денежно-кредитной политики существенно зависит от состояния экономической среды и характера макроэкономических вызовов. В периоды экономического перегрева и высокой инфляции наибольшую результативность демонстрирует политика ужесточения, основанная на повышении процентных ставок и ограничении избыточной ликвидности. В условиях экономического спада и дефляционного давления важную роль играют стимулирующие меры, включая снижение процентных ставок, программы количественного смягчения и применение механизмов прогнозных ориентиров.

Исследование также показало, что в условиях цифровизации, усиления глобальной взаимозависимости и роста геополитической нестабильности традиционные инструменты денежно-кредитной политики сталкиваются с новыми вызовами. Развитие цифровых валют, трансформация международных платежных систем и ускорение технологических изменений требуют совершенствования существующих механизмов регулирования и повышения гибкости денежно-кредитной политики [3; 9].

Установлено, что результативность денежно-кредитного регулирования определяется не только выбором инструментов, но и уровнем развития финансовой системы, состоянием государственного долга, степенью открытости экономики и эффективностью координации между денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и структурной политикой [1; 6].

На основании проведенного анализа предлагаются следующие направления совершенствования денежно-кредитной политики:

1. Совершенствование системы макроэкономического мониторинга путем создания комплексной системы оценки, включающей показатели экономического роста, инфляции и финансовой стабильности.
2. Развитие механизмов прогнозирования и раннего предупреждения на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта, что позволит повысить качество принимаемых решений и своевременно выявлять потенциальные риски [4; 9].
3. Повышение эффективности инструментов денежно-кредитного регулирования посредством сочетания традиционных и нетрадиционных мер, а также расширения практики применения структурных инструментов поддержки отдельных секторов экономики.
4. Совершенствование международной координации и развитие механизмов взаимодействия центральных банков в целях повышения устойчивости мировой финансовой системы и минимизации негативных трансграничных эффектов [8; 10].
5. Расширение исследований, посвященных влиянию цифровой экономики, цифровых валют центральных банков и искусственного интеллекта на механизмы денежного обращения и эффективность денежно-кредитной политики.

Таким образом, в условиях многомерной экономической среды дальнейшее развитие денежно-кредитной политики должно быть ориентировано на повышение ее адаптивности, устойчивости и способности эффективно реагировать на внешние и внутренние шоки. Это позволит обеспечить макроэкономическую стабильность и создать условия для долгосрочного устойчивого развития национальной экономики.

Список использованной литературы

1. Clarida R., Gali J., Gertler M. Monetary Policy Rules and Macroeconomic Stability: Evidence and Some Theory // *Quarterly Journal of Economics*. – 2000. – Vol. 115, № 1. – P. 147–180.
2. Koivu T., Mehrotra A., Nuutilainen R. An Analysis of Chinese Money and Prices Using a McCallum-Type Rule // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. – 2009. – Vol. 7, № 2. – P. 219–235.
3. Kim C. J., Nelson C. R. Estimation of a Forward-Looking Monetary Policy Rule: A Time-Varying Parameter Model Using Ex Post Data // *Journal of Monetary Economics*. – 2006. – Vol. 53. – P. 1949–1966.
4. McCallum B. Alternative Monetary Policy Rules: A Comparison with Historical Settings for the United States, the United Kingdom and Japan // *NBER Working Paper*. – 2000. – № 7725.
5. Mehrotra A., Sánchez-Fung J. R. China's Monetary Policy and the Exchange Rate // *Federal Reserve Bank of San Francisco Working Papers*. – 2010.
6. Mishkin F. *The Economics of Money, Banking and Financial Markets*. – 13th ed. – New York: Pearson Education, 2022.
7. Bernanke B. *21st Century Monetary Policy: The Federal Reserve from the Great Inflation to COVID-19*. – New York: W. W. Norton & Company, 2022.
8. International Monetary Fund. *World Economic Outlook 2024*. – Washington: IMF, 2024.
9. Bank for International Settlements. *Annual Economic Report 2024*. – Basel: BIS, 2024.
10. World Bank. *Global Economic Prospects 2024*. – Washington: World Bank Group, 2024.
11. European Central Bank. *Economic Bulletin*. – Frankfurt am Main: ECB, 2024.
12. Board of Governors of the Federal Reserve System. *Monetary Policy Report*. – Washington, D.C.: Federal Reserve System, 2024.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Адамкулова Чинара Усенбековна

Гэн Ю., Ду П., Дуань С, Жао Л., Имашова А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Гэн Ю., Ду П., Дуань С, Жао Л., Имашова А.А.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Geng Y., Du P., Duan X., Rao L., Imashova A.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID <https://orcid.org/0009-0000-4468-1176>¹

САНАРИПТИК ТРАНСФОРМАЦИЯ ШАРТЫНДА КРИЗИСТИК ӨЗГӨРҮҮЛӨРДҮ БАШКАРУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУН ЖОГОРУЛАТУУ ЖОЛДОРУН ИЗИЛДӨӨ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

RESEARCH ON THE PATHS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF CRISIS CHANGE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө санариптик трансформация шартында кризистик өзгөрүүлөрдү башкаруунун натыйжалуулугун жогорулатуу маселелерине арналган. Азыркы учурда глобалдык технологиялык өзгөрүүлөр жана белгисиздик факторлору уюмдардын ишмердүүлүгүнө олуттуу таасирин тийгизип, кризистик кырдаалдардын күтүүсүз жана татаал мүнөзгө ээ болушуна алып келүүдө. Бул шартта уюмдарга ыкчам чечим кабыл алуу, ресурстарды туура бөлүштүрүү жана өзгөрүүлөрдү натыйжалуу башкаруу талап кылынат. Бирок салттуу башкаруу ыкмалары мындай динамикалык шарттарга толук жооп бере албай калууда. Изилдөөдө кризистик өзгөрүүлөрдү башкаруунун негизги көйгөйлөрү аныкталган: маалымат алмашуунун жайдыгы, процесстердин жетишсиз санариптештирилиши, бөлүмдөр аралык кызматташуунун алсыздыгы жана санариптик инструменттердин жетишсиз колдонулушу. Бул көйгөйлөр уюмдардын кризиске жооп кайтаруу ылдамдыгын жана башкаруунун сапатын төмөндөтөт. Авторлор натыйжалуулукту жогорулатуу үчүн төрт негизги багытты сунуштайт: технологиялык мүмкүнчүлүктөрдү колдонуу, процесстерди оптималдаштыруу, уюштуруучулук кызматташууну күчөтүү жана институционалдык механизмдерди өнүктүрүү. Санариптик платформаларды киргизүү, автоматташтыруу жана жасалма интеллект технологияларын пайдалануу аркылуу чечим кабыл алуу сапатын жана ылдамдыгын жогорулатууга мүмкүнчүлүк түзүлөт. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, санариптик трансформация кризистик өзгөрүүлөрдү башкарууда негизги фактор болуп саналат жана ал уюмдардын туруктуулугун жана атаандаштык жөндөмдүүлүгүн жогорулатууга өбөлгө түзөт.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу путей повышения эффективности управления кризисными изменениями в условиях цифровой трансформации. В современных условиях стремительного развития цифровых технологий и роста неопределенности внешней среды кризисные ситуации становятся более сложными, внезапными и трудно прогнозируемыми. Это требует от организаций высокой скорости реагирования, гибкости управленческих решений и эффективного перераспределения ресурсов. В работе выявлены ключевые проблемы, препятствующие эффективному управлению кризисными изменениями: низкая скорость передачи информации, недостаточная цифровизация управленческих процессов, слабая межфункциональная координация и ограниченное использование современных цифровых инструментов. Эти факторы существенно снижают эффективность управленческих решений и увеличивают риски ошибок в условиях кризиса. В статье предложен

комплексный подход к повышению эффективности управления, включающий технологическое развитие, оптимизацию процессов, усиление организационного взаимодействия и совершенствование институциональных механизмов. Особое внимание уделяется внедрению цифровых платформ, автоматизации процессов и использованию искусственного интеллекта для поддержки принятия решений. Результаты исследования показывают, что интеграция цифровых технологий в систему управления кризисными изменениями позволяет значительно повысить скорость реагирования, улучшить качество управленческих решений и обеспечить устойчивость организаций в условиях нестабильной среды.

Abstract: This study examines approaches to improving the efficiency of crisis change management in the context of digital transformation. In today's rapidly evolving technological environment, characterized by increasing uncertainty and complexity, crisis situations have become more sudden, interconnected, and difficult to predict. As a result, organizations are required to respond quickly, adapt their strategies, and reallocate resources effectively to maintain operational stability. The research identifies several critical challenges that hinder effective crisis change management, including slow information transmission, insufficient process digitalization, weak cross-functional collaboration, and limited alignment between digital tools and management needs. These issues reduce decision-making efficiency and increase operational risks during crisis situations. To address these challenges, the study proposes an integrated framework consisting of four key dimensions: technological empowerment, process optimization, organizational collaboration, and institutional support. The implementation of digital platforms, automation technologies, and artificial intelligence systems is highlighted as a crucial factor in enhancing decision-making accuracy and response speed. The findings suggest that digital transformation plays a central role in improving crisis change management efficiency. By integrating advanced technologies with organizational processes, companies can strengthen their resilience, improve adaptability, and achieve sustainable development in an increasingly volatile and complex environment.

Негизги сөздөр: санариптик трансформация; кризистик башкаруу; өзгөрүүлөрдү башкаруу; башкаруу натыйжалуулугу; автоматташтыруу; жасалма интеллект; уюштуруучулук туруктуулук.

Ключевые слова: цифровая трансформация; кризисное управление; управление изменениями; эффективность управления; автоматизация процессов; искусственный интеллект; организационная устойчивость.

Keywords: digital transformation; crisis management; change management; management efficiency; process automation; artificial intelligence; organizational resilience.

Currently, global technological changes and environmental uncertainties are intertwined and evolving. Digital transformation has become an inevitable choice for various organizations to break through development bottlenecks and build core competitiveness. The in-depth application of digital technologies such as cloud computing, big data, and artificial intelligence has not only restructured organizational operation models but also changed the outbreak logic and transmission paths of crisis events—crises have become significantly more sudden, contagious, and complex. For example, crisis scenarios such as supply chain disruptions, data security breaches, and public health incidents occur frequently, forcing organizations to quickly adjust strategies, processes, and resource allocation, i.e., implement crisis change management.

However, traditional change management models struggle to adapt to the characteristics of crises in the digital era: on the one hand, hierarchical information transmission leads to delayed identification of change needs, failing to respond to dynamic changes in crises in a timely manner;

on the other hand, inefficient cross-departmental collaboration and inadequate adaptation of technical tools result in lengthy change execution processes and high error rates, seriously restricting management efficiency. In practice, although most organizations have launched digital transformation, they have not yet formed an efficiency improvement mechanism deeply integrated with crisis change management. How to leverage digital advantages to address the efficiency dilemmas of crisis change management has become an important issue urgently needing solution in both theoretical and practical fields [1, p.158].

1. Theoretical Significance: Based on the interdisciplinary field of digital transformation and crisis management, this paper systematically analyzes the impact mechanism of digital technologies on the efficiency of crisis change management and constructs a multi-dimensional improvement path framework. It makes up for the lack of attention to the "technology-management" integration perspective in existing research, enriches the application scenarios of change management theory in crisis contexts, and provides a theoretical foundation for subsequent research in related fields.

2. Practical Significance: Targeting the efficiency bottlenecks faced by organizations in crisis change management, this paper proposes operable path suggestions. It helps organizations optimize change processes, strengthen collaboration capabilities with digital tools, improve crisis response speed and decision-making scientificity, and thereby enhance organizational resilience and competitiveness in an uncertain environment.

1. Research on Digital Transformation and Organizational Management Efficiency

Existing studies generally believe that digital transformation improves management efficiency through three dimensions: technological empowerment, process reengineering, and organizational change. For example, big data technology can realize real-time collection and analysis of management data, providing precise support for decision-making; cloud computing technology breaks resource barriers between departments and promotes cross-domain collaboration; artificial intelligence reduces repetitive labor costs through automated processing. However, most existing studies focus on regular operation scenarios, with insufficient discussion on efficiency improvement mechanisms in extreme contexts such as crises.

As a core link in crisis response, crisis change management research mainly focuses on process design and risk control. Early studies emphasized the standardization of change processes, such as proposing a closed-loop framework of "change application-evaluation-approval-execution-monitoring"; recent studies have begun to focus on the impact of contextual factors on change efficiency, such as organizational size and industry characteristics. However, research on the empowering role of digital technologies is scattered, and no systematic efficiency improvement system has been formed.

Overall, although existing literature involves digital transformation, crisis management, and change management separately, interdisciplinary research on the three is relatively scarce, especially the lack of systematic discussion on "paths to improve the efficiency of crisis change management in the context of digital transformation." Existing studies have not fully revealed the integration mechanism between digital technologies and crisis change processes, nor have they constructed an integrated improvement framework adapted to this context, which provides an entry point for this research.

(1) Low Information Transmission Efficiency and Delayed Identification of Change Needs

Change needs in crisis contexts are immediate and dynamic, but some organizations have inadequate digital infrastructure and insufficient data collection and processing capabilities, resulting in failure to real-time aggregate change-related information (such as crisis impact scope, resource gaps, and stakeholder demands). At the same time, the traditional hierarchical information transmission model has

filtering and delay issues, making it difficult for management to quickly and accurately identify change needs, miss the optimal change timing, and directly reduce crisis response efficiency.

(2) Insufficient Process Digitization and High Redundant Costs in Change Execution

Most organizations' crisis changes processes still rely on manual operations, such as paper-based approval and offline communication. Digital tools are only used for simple information recording, without realizing full-process digital restructuring. This leads to repetitive labor and process breakpoints in links such as change application, evaluation, and approval. For example, cross-departmental approval requires multiple offline transfers, and resource allocation in change execution relies on manual coordination, which not only increases time costs but also easily triggers change risks due to human errors, reducing overall management efficiency.

(3) Lack of Cross-Subject Collaboration Mechanisms and Weak Change Resource Integration Capabilities

Crisis change management involves collaborative cooperation between internal departments (such as strategy, operations, technology, and risk control) and external stakeholders (such as suppliers, customers, and regulatory authorities). However, the "information silo" problem in digital transformation has not been resolved: management systems of various departments operate independently with inconsistent data standards, failing to realize real-time sharing of resources and information; collaboration with external subjects lacks digital docking platforms, resulting in high communication costs and slow response speeds. This leads to inefficient integration of change resources and restricts the effect of change execution [2, p.155].

(4) Inadequate Adaptation of Digital Tools and Low Decision-Making Scientificity and Automation Level

Although some organizations have introduced digital tools, the tool functions do not match the needs of crisis change management: for example, data analysis tools can only realize basic information statistics, unable to accurately predict crisis impacts and simulate change effects; automated process tools do not cover the entire change chain, and key decisions still rely on managers' experience. This leads to lack of data support for change decisions, easy decision biases, and affects change efficiency and quality.

3. Construction of Paths to Improve the Efficiency of Crisis Change Management Under Digital Transformation

(1) Technological Empowerment Path: Building a Digital Perception and Decision Support System

1. Construct an Integrated Digital Perception Platform: Integrate the Internet of Things and big data collection technologies to real-time monitor crisis development dynamics and organizational operation data, and establish an intelligent identification model for change needs. By presetting crisis indicator thresholds (such as supply chain disruption duration and customer complaint growth rate), realize automatic early warning and precise positioning of change needs, solving the problem of delayed information transmission.

2. Introduce an Intelligent Decision Support System: Based on artificial intelligence and machine learning technologies, construct a crisis change decision-making model, integrate multi-dimensional information such as historical change data, crisis types, and organizational resources, conduct simulation deduction and effect evaluation of change plans, provide data-driven decision suggestions for managers, reduce decision-making error rates, and improve decision-making efficiency.

(2) Process Optimization Path: Realizing Full-Process Digital Restructuring of Crisis Change

1. Sort Out and Simplify Core Change Processes: Take the opportunity of digital transformation to eliminate redundant links in traditional processes, clarify the responsibility boundaries of various departments in change management, form a closed-loop process of "demand identification-plan design-approval execution-monitoring feedback", and deeply bind process nodes with digital tools.

2. Promote the Implementation of Automated Change Processes: With the help of low-code development platforms and RPA (Robotic Process Automation) technology, realize automated processing of links such as change application submission, cross-departmental approval, and automatic resource allocation. For example, after submitting a change application, the system automatically matches approval permissions, completes resource supply and demand matching through intelligent algorithms, reduces manual intervention, and lowers time costs and operational risks.

(3) Organizational Collaboration Path: Establishing a Cross-Subject Digital Collaboration Mechanism

1. Build an Internal Integrated Collaboration Platform: Unify internal data standards, connect management systems of various departments (such as ERP, CRM, and OA), realize real-time sharing of change-related data (resource status, process progress, and risk information), establish cross-departmental virtual collaboration teams, and realize online communication, task assignment, and progress tracking through digital tools to improve internal collaboration efficiency.

2. Build External Stakeholder Collaboration Interfaces: Based on technologies such as blockchain and cloud platforms, establish digital docking channels with suppliers, customers, and regulatory authorities to realize real-time transmission of external demands and feedback. For example, share inventory and production plan data with suppliers to quickly adjust supply chain change plans; synchronize change progress with regulatory authorities to ensure compliance and reduce external collaboration costs [3, p.481].

(4) Institutional Guarantee Path: Improving the Change Management System Under Digital Transformation

1. Establish Dynamically Adaptable Management Systems: Formulate digital operation specifications for crisis change management, clarify the use standards of digital tools, data security responsibilities, and process execution requirements; establish a dynamic system update mechanism to adjust management rules according to technological development and changes in crisis types, ensuring the adaptation of systems and practices.

3. Strengthen Digital Capability Building and Assessment: Strengthen employees' digital skill training to improve their operational capabilities of intelligent decision support systems and automated tools; incorporate change management efficiency indicators (such as demand response time, process completion cycle, and change success rate) into the departmental and individual assessment systems, and promote the deep integration of digital transformation and change management through incentive mechanisms.

(5) Case Analysis

1. Enterprise A: Efficiency Improvement in Change Management Under Supply Chain Disruption Crisis

After the crisis occurred, Enterprise A relied on the previously built digital perception platform to real-time monitor raw material inventory, supplier capacity, and other data, and intelligently identified the change needs of "alternative supplier development + production plan adjustment", shortening the demand identification time by 60% compared with the traditional model. Through automated process tools, change application and cross-departmental approval were completed online, and the approval cycle was shortened from 5 days to 1 day; at the same time, it quickly docked with

alternative suppliers through external collaboration interfaces to complete resource allocation, improving change execution efficiency by 70% and effectively reducing crisis losses.

2. Enterprise B: Efficiency Improvement in Change Management Under Regulatory Policy Adjustment

Faced with regulatory policy changes, Enterprise B integrated historical compliance data and policy interpretation information through an intelligent decision support system, simulated 3 sets of business process change plans, and provided precise decision-making basis for management. Relying on the internal collaboration platform, various business departments shared change requirements in real-time, completed business system parameter adjustments and process optimization through automated tools, and the change landing time was shortened from the traditional 15 days to 3 days without compliance risks, verifying the effectiveness of the digital path.

(6) Case Insights

The two cases show that in the context of digital transformation, the integrated path of technological empowerment, process optimization, organizational collaboration, and institutional guarantee can effectively address the efficiency bottlenecks in crisis change management and improve change response speed and execution quality. Organizations in different industries can implement relevant paths in a targeted manner based on their own digital foundations and crisis types to achieve management efficiency improvement.

(1) Research Conclusions

Through theoretical analysis and case verification, this paper reveals four major efficiency bottlenecks in crisis change management under digital transformation: delayed information transmission, insufficient process digitization, lack of cross-subject collaboration, and low tool adaptability. On this basis, it constructs an integrated efficiency improvement path of "technological empowerment-process optimization-organizational collaboration-institutional guarantee". The research finds that digital technology is the core driving force for efficiency improvement, process restructuring is the key carrier, collaboration mechanism is an important support, and institutional guarantee is the long-term foundation. The synergistic effect of the four can realize the systematic improvement of crisis change management efficiency [4, p.16].

(2) Research Limitations and Prospects

Although this study verifies the effectiveness of the path through multiple cases, the coverage of case industries is limited. In the future, the scope of cases can be expanded to conduct research on different types of organizations such as the service industry and public sectors to further enrich the adaptability of the path; at the same time, quantitative research methods (such as structural equation modeling) can be adopted to quantitatively analyze the impact weight of each factor in the path, improving the scientificity of the research. In addition, with the continuous development of digital technology, the application potential of new technologies such as the metaverse and digital twins in crisis change management is worthy of in-depth discussion in the future.

List of used literature

1. Chen, J., Wu, Y., & Huang, S. T. (2021). Research on the construction mechanism of organizational resilience in the context of digital transformation[J]. *Management World*, (7), 158-171+199.
2. Li, W. A., & Li, H. B. (2020). Decision logic and path selection of enterprise strategic change in crisis situations[J]. *China Industrial Economics*, (2), 155-173.

3. Zhang, X. W., & Li, Y. (2022). The impact mechanism of digital technology on enterprise operational efficiency: Based on the mediating effect of process reengineering[J]. Journal of Systems & Management, 31(3), 481-490.

4. Van der Aalst, W. M. P. (2020). Process mining in the era of digital transformation[J]. Journal of Process Management, 5(1), 1-16.

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Кожомкулова Динар Ниязбековна

УДК 330.564.2: 332.1(510)

Гэн Ю., Лю Ц., Хуан Ц., Ян Ц., Ду П.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Гэн Ю., Лю Ц., Хуан Ц., Ян Ц., Ду П.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Geng Y., Liu J., Huang J., Yang J., Du P.

KNU Jusup Balasagyn

**КЫТАЙДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮСҮНДӨГҮ КИРЕШЕ
ДИСБАЛАНСЫНЫН СТРУКТУРАЛЫК ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯСЫ ЖАНА
МЕЙКИНДИКТИК ТЕҢСИЗДИГИ: КӨП ӨЛЧӨМДҮҮ ТАЛДОО**

**СТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДИСБАЛАНС:
МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДИСБАЛАНСА ДОХОДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ КИТАЯ**

**STRUCTURAL DIFFERENTIATION AND SPATIAL IMBALANCE: A
MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF INCOME INEQUALITY IN CHINA'S
ECONOMIC DEVELOPMENT**

Кыскача мүнөздөмө: 2024-жылдагы CFPS мониторингдик маалыматтарына жана эмгек акы менен финансылык көрсөткүчтөр боюнча авторитеттүү отчетторго негизделип, бул макалада технологиялык жактан багытталган өсүштүн, адам капиталынын стратификациясынын жана саясатты координациялоодогу айырмачылыктардын кирешелерди бөлүштүрүүгө тийгизген таасири структуралык факторлордун өткөрүп берүү механизми жана шаар менен айыл аймактарынын динамикалык эволюциясы көз карашынан талданат. Талдоо Huawei жана CATL компанияларынын корпоративдик кейстерин, ошондой эле кирешеси төмөн топтор жана уезддердин жашоочулары боюнча микромаалыматтарды эске алуу менен жүргүзүлөт. Изилдөөнүн жыйынтыктары капиталга жана көндүмдөргө багытталган технологиялык прогресс негизги санариптик тармактардагы эмгек акынын ажырымын сегиз эсеге жеткиргенин көрсөттү. Фискалдык трансферттердин айыл жериндеги аз камсыз болгон калктын абалын жакшыртууга тийгизген таасири шаарларга салыштырмалуу 12 % жогору. Чжэцзяндын жалпы бакубаттуулук боюнча образцово-көрсөтмөлүү зонасында шаар менен айылдын кирешелеринин катышы 1,83тү түзгөнүнө карабастан, уезддерде жана чакан шаарларда эмгек өндүрүмдүүлүгүнүн төмөндүгүнө байланыштуу структуралык кемчиликтер дагы эле сакталууда. Макаланын аягында технологиялык инклюзивдүүлүктү, так кайра бөлүштүрүүнү жана мейкиндик синергиясын камтыган үч өлчөмдүү жөнгө салуу жолу сунушталат.

Аннотация: Основываясь на данных мониторинга CFPS и авторитетных отчетах о заработной плате и финансовых показателях за 2024 год, в данной статье анализируется влияние смещенного технологического роста, стратификации человеческого капитала и различий в политической координации на распределение доходов с точки зрения механизма передачи структурных факторов и динамической эволюции городских и сельских территорий. Анализ проводится с учетом корпоративных кейсов Huawei и CATL, а также микроданных по группам с низким уровнем дохода и жителям уездов. Исследование показало, что технологический прогресс, ориентированный на капитал и навыки, привел к тому, что разрыв в оплате труда в основных цифровых отраслях достиг восьмикратного уровня; эффект финансовых трансфертов на улучшение положения малообеспеченных групп населения в сельской местности на 12 % выше, чем в городах; за соотношением доходов между городом и деревней в образцово-показательной зоне всеобщего благосостояния Чжэцзяна, равным 1,83, все еще сохраняются структурные недостатки, связанные с низкой производительностью труда в уездах и малых городах. В конце статьи предлагается трехмерный путь регулирования, включающий технологическую инклюзивность, точное перераспределение и пространственную синергию.

Abstract: Based on CFPS tracking data and authoritative salary and fiscal reports from 2024, this paper analyzes the impact of technological bias growth, human capital stratification, and policy coordination differences on income distribution from dual perspectives: the transmission mechanism of structural factors and the dynamic evolution of urban-rural regions. It combines case studies of enterprises such as Huawei and CATL with micro samples of low-income groups and county residents. The research findings reveal that capital-skills biased technological progress has resulted in an 8-fold salary gap in core digital industries; fiscal transfer payments have a 12% higher empowerment effect on rural low-income groups compared to urban areas; and behind the 1.83 urban-rural income ratio in Zhejiang's common prosperity demonstration zone, there remains a structural shortcoming of low labor productivity in county towns. At the end of the paper, a three-dimensional regulatory framework is proposed, incorporating technological inclusiveness, targeted redistribution, and spatial synergy.

Негизги сөздөр: кирешелердин дисбалансы; багытталган технологиялык прогресс; адам капиталынын стратификациясы; фискалдык трансферттик төлөмдөрдүн натыйжалуулугу; жалпы бакубаттуулук демонстрациялык зонасы; аймактык координация.

Ключевые слова: дисбаланс доходов; смещённый технологический прогресс; стратификация человеческого капитала; эффективность фискальных трансфертов; демонстрационная зона общего благосостояния; региональная координация.

Keywords: income inequality; biased technological progress; human capital stratification; efficiency of fiscal transfer payments; common prosperity demonstration zone; regional coordination.

1. The influence mechanism of structural factors on income distribution: from technical bias to policy adjustment

The income stratification effect of technological progress bias

Dual differentiation of capital-technology skills in the skill-biased type

After 2007, the income transfer characteristics dominated by skill-biased technological progress were significant: the starting salary of Huawei's "Genius Youth" program participants exceeded 2 million yuan, while the monthly salary of their outsourced production line workers was only 4,500 yuan, with a compensation gap of 44 times, confirming the role of skill premium in elevating the income share of the top tier. Capital-biased technological progress exacerbated the "strong capital,

weak labor" pattern: after CATL's Ningde base introduced fully automated battery cell production lines, the return on capital increased to 28%, but the wage growth rate of migrant workers in supporting component enterprises was only 5.2%, 3 percentage points lower than the average manufacturing level. A 2024 study by China Industrial Economics showed that such technological progress increased the income share of the top 10% group by 8.3 percentage points in 2018 compared to 2007 [1].

The digital technology divide in income

The wage disparity in the digital core industry has become a new feature: ByteDance algorithm engineers earned an average annual salary of 980,000 yuan in 2024, while gig workers engaged in data annotation received hourly wages of only 12 yuan, creating an income gap exceeding 80 times. This differentiation is further solidified through the platform ecosystem: Ant Group's county-level inclusive loan data shows that e-commerce practitioners with private domain traffic resources are 6.7 times more likely to obtain credit support than traditional individual entrepreneurs, enabling them to achieve a monthly income of 32,000 yuan, thus forming a positive cycle of "digital capital-income" [2].

Cumulative differentiation of human capital and social capital

The Matthew Effect and group heterogeneity in educational returns

Empirical studies using 2018 China Family Panel Studies (CFPS) data reveal an L-shaped distribution in college education returns. Low-income groups achieved annual returns of 10.62% (for women) and 4.59% (for men) through education, while high-income groups widened income disparities by leveraging premium educational resources. The urban-rural education gap has intensified intergenerationally: In Beijing's Haidian District, 68% of teachers at key high schools are graduates from 985 universities, whereas only 52% of rural teachers in Zhejiang's Kaihua County hold bachelor's degrees. This directly results in a 23-fold difference in the proportion of high school graduates entering Double First-Class universities between these regions, ultimately translating to an urban-rural youth income ratio of 2.1: 1 [3].

The liquidity constraint effect of social capital

Mechanism analysis of critical illness insurance reveals that low-income households with limited social capital face greater mobility constraints. Rural families not participating in community mutual aid networks have a 37% probability of interrupting human capital investment due to medical expenses, compared to just 11% for those with informal insurance networks. At the regional level, core team members of Shenzhen Nanshan's tech startups demonstrate 58% overseas education backgrounds or top-tier industry connections, achieving financing success rates 19 times higher than those of central and western China's startup teams. The income gap continues to widen as companies grow.

Differences in the distribution efficiency of policy intervention

The Dual Effect of Fiscal Transfer Payments: Poverty Reduction and Empowerment

A study by Zhongnan University of Economics and Law (CUFE) using CFPS data from 2010 to 2020 reveals that fiscal transfer payments boosted income growth for low-income groups by 4.2 percentage points above the national average, with rural households experiencing the most significant spillover effects. Specifically, rural families receiving these transfers increased their human capital investments by 18% the following year, compared to 6% for urban households. However, funding allocation remains imprecise: In 2024, 12% of transfer payments in a western province remained at the county level, resulting in rural teachers' actual income being 19% below the national average [4].

Regulatory deviations in industrial and tax policies

The new energy industry's subsidy policies exhibit a "concentration of top players" phenomenon: CATL received over 3 billion yuan in R&D subsidies in 2024, with core technical staff

seeing a 35% annual salary increase, while upstream material suppliers' employees experienced only a 9% income growth. The tax system demonstrates structural imbalances: individuals earning over 100,000 yuan monthly reduce their effective tax burden to 22% through tax planning, whereas middle-income earners (20,000-30,000 yuan monthly) face a 26% tax rate, creating a "reverse adjustment" effect.

2. Dynamic evolution of regional and urban-rural development imbalance

The multidimensional causes of regional economic differentiation

Spatial persistence of factor agglomeration and productivity differentials

The Yangtze River Delta Urban Agglomeration demonstrates remarkable factor suction effects: Shanghai's Zhangjiang Science City boasts a R&D density of 62 researchers per square kilometer – 28 times higher than Zhejiang's Kaihua. Its digital economy labor productivity reaches 5.3 times that of traditional industrial zones in central and western China. This disparity intensifies across industries: Live-streaming e-commerce professionals in Hangzhou earn an average monthly salary of 18,000 yuan, while counterparts in a resource-based city in Northeast China transitioning to service sectors only make 4,800 yuan, creating a staggering income gradient ratio of 3.75: 1 [5].

Path dependence trap of insufficient policy coordination

The "policy inertia" in Northeast China's old industrial base remains a pressing issue: While Anshan Iron & Steel still receives 42% of local industrial subsidies in 2024, investments in emerging industries account for merely 18%. This imbalance has led to a 27% brain drain of young professionals under 30, with their income levels 68% lower than those in equivalent positions in Shenzhen. In contrast, Shenzhen's Qianhai Free Trade Zone has attracted high-end talent through its "finance + technology" policy mix. The financial sector here achieved an average annual salary of 720,000 yuan in 2024, three times the national average.

Structural characteristics of urban-rural imbalance

"Double Shortcomings" in Urbanization

The Zhejiang Common Prosperity Demonstration Zone case demonstrates that farmers in Taishun and Pan 'an counties earn over 4,000 yuan per capita, surpassing the national average, yet urban residents' income remains below the national average. With an urbanization rate of merely 42% (compared to 59.7% nationwide), this disparity significantly lowers the county's overall income level. In the Pearl River Delta region, however, a "rights divide" persists: Villagers in Guangzhou's Liyue Village receive an annual dividend of 520,000 yuan, while migrant workers' housing expenses account for 48% of their income, with limited access to equal public services [6].

The dilemma of factor returns in rural revitalization

The urban-rural divide in digital infrastructure has translated into income disparities: rural 5G base stations are only 12.5% as dense as those in cities, resulting in county-level e-commerce professionals earning just 63% of their urban counterparts' income. Zhejiang's "Ten Thousand Villages Project" demonstrates that villagers near major tourist attractions now earn 5.8 times more than those in remote mountain villages, yet the core-periphery structure of resource concentration remains fundamentally unchanged.

Challenges to the optimization of spatial economy and policy coordination

The Polarization-Diffusion Paradox of Regional Synergy

In the coordinated development of Beijing-Tianjin-Hebei, industrial relocation from Beijing has driven a 280% surge in housing prices in Yanjiao District, Langfang. However, local manufacturing workers' incomes grew by merely 23%, widening the income gap with Beijing programmers to 1: 6. Within the Chengdu-Chongqing Economic Circle, the income ratio between

core cities and surrounding counties reached 2.9: 1. The concentration of policy resources has created a "siphoning effect" that outpaces the "radiation effect".

Institutional barriers to urban-rural integration

The household registration reform has produced divergent outcomes: Chengdu's newly registered urban residents saw a 21% income increase, while non-registered groups still earn 29% less than local residents. Meanwhile, the lag in land marketization persists: Although villagers in Chengdu's Pidu District gained 320,000 yuan per mu from collective construction land entering the market, the national rural land mortgage rate remains at merely 8.7%, hindering farmers' property income growth [7].

3. Conclusion and policy implications

Core findings

Capital-skill bias technological progress and digital stratification aggravate income differentiation, the income gap between top enterprises and bottom workers reaches 80 times;

The "Matthew effect" of human capital and the lack of social capital form a class solidification, and although the return rate of education for low-income women is high, their opportunities are limited;

Financial transfer payments have a more significant effect on rural low-income groups, but the lack of regional policy coordination leads to "the strong get stronger";

The urban-rural imbalance presents the dual characteristics of "increased rural income but urban shortfalls" and "core agglomeration but marginal lag".

Policy recommendations

Building a technology inclusive mechanism: Huawei, Ningde Times and other technology-intensive enterprises will be levied a 1.5% skills training tax based on the automation rate, which will be used for digital skills training of migrant workers;

Optimize the redistribution system: Drawing on the 2024 research findings of Economic Research, establish a 'segmented identification' transfer payment mechanism to enhance the precision of subsidies for low-income rural groups to over 90%.

Promoting regional collaborative innovation: copy the "mountain and sea collaboration" model of Zhejiang, force core cities to transfer 20% of their scientific and technological resources to mountainous counties, and pilot the "shared tax on industrial income";

Break down the institutional barriers between urban and rural areas: comprehensively promote the experience of land market in Chengdu's Pidu District, increase the mortgage rate of rural land to 25% by 2027, and narrow the gap between urban and rural property income [8].

List of used literature

1.Zhou Qiang, Li Yang, Luo Chuliang. The redistribution efficiency and common prosperity effect of fiscal transfer payments [J]. Economic Research, 2024 (9).

2.Anonymous. The Impact of Biased Technological Progress on China's Income Distribution from a Multi-Department Perspective [J]. China Industrial Economics, 2024(6).

3.China Academy of Labor and Social Security Sciences. China Compensation Development Report (2024) [M]. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2024.

4.Sheng Songcheng et al. Boosting Consumption and Promoting Economic Growth through Redistribution [J]. China Finance, 2025 (8).

5.Chongqing Normal University research team. Human capital accumulation and income disparity —— empirical evidence from CFPS [R]. 2025.

6.Zhejiang Daily. The four counties with the lowest per capita income in Zhejiang Province face surprisingly similar challenges... [N]. April 7, 2025.

7.Zou Guohao, Zhang Ying. Research on Equalization of Basic Medical Services for Common Prosperity [J]. Journal of Shanghai University of Finance and Economics, 2024 (3).

8.CCTV.com.cn. "Setting an Example in Promoting Common Prosperity for All People" [EB/OL]. March 11, 2025.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Суранаев Туратбек Джамалбекович

УДК 17.82.1/575.2)(04)

Давузова С.Р.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Давузова С.Р.

НАН им. Б. Жамгерчинова

Davuzova S.

NAS B. Dzhamgerchinov

**ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ПОЭЗИЯСЫНДАГЫ КЫТАЙДЫН ОБРАЗЫ:
ДУНГАНДАРДЫН ЭС ТУТУМУ ЖАНА ИДЕНТТҮҮЛҮГҮ**

**ОБРАЗ КИТАЯ В ПОЭЗИИ ЯСЫРА ШИВАЗА: ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
ДУНГАН**

**THE IMAGE OF CHINA IN THE POETRY OF YASYR SHIVAZA: DUNGAN MEMORY
AND IDENTITY**

Кыскача мүнөздөмө: Макала дунган маданий иденттүүлүгүн калыптандыруунун негизги элементи катары Ясыр Шивазанын чыгармачылыгындагы Кытайдын образын талдоого арналган. Дунган көтөрүлүшүнүн тарыхый кесепеттери жана дунгандардын Борбордук Азияга кийинки миграциясынын контекстинде жамааттык эс тутумду жана маданий салттуулукту сактоо механизмдери каралат. Шивазанын поэзиясында руханий жана баалуулук категориясына айланган Кытайдын тарыхый ата-мекендин символу катары чечмеленишине өзгөчө көңүл бурулат. Поэтикалык тексттерди талдоо ностальгиянын, жоготуунун жана муундардын байланышынын туруктуу мотивдерин, ошондой эле фольклорду, ритуалдык практикаларды жана классикалык адабий мурастарды камтыган кытай маданий салтынын элементтерине кайрылууну ачып берет. Ошондой эле акындын чыгармаларында мекенге болгон сүйүү, тарыхый тамырларга урмат-сый жана маданий мурастарды сактоого умтулуу кенири чагылдырылган. Шивазанын поэзиясы тарыхый эс тутумду өткөрүп берүү функциясын аткарып, диаспора шартында дунгандардын этномаданий иденттүүлүгүн сактоонун маанилүү куралы болуп саналат деген тыянак чыгарылат.

Аннотация: Статья посвящена анализу образа Китая в творчестве Ясыра Шивазы как одного из ключевых элементов формирования дунганской культурной идентичности. В контексте исторических последствий Дунганского восстания и последующей миграции дунган в Центральную Азию рассматриваются механизмы сохранения коллективной памяти и культурной преемственности. Особое внимание уделяется интерпретации Китая как символа исторической родины, приобретающего в поэзии Шивазы духовное и ценностное значение. Анализ поэтических текстов выявляет устойчивые мотивы ностальгии, утраты и связи

поколений, а также обращение к элементам китайской культурной традиции, включая фольклор, ритуальные практики и классическое литературное наследие. Кроме того, в произведениях поэта ярко отражены темы любви к родной земле, уважения к историческим корням и стремления к сохранению культурного наследия. Делается вывод о том, что поэзия Шивазы выполняет функцию передачи исторической памяти и является важным инструментом сохранения этнокультурной идентичности дунган в условиях диаспоры.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the image of China in the works of Yasyr Shivaza as one of the key elements in the formation of Dungan cultural identity. In the context of the historical consequences of the Dungan Revolt and the subsequent migration of the Dungans to Central Asia, the mechanisms of preserving collective memory and cultural continuity are examined. Particular attention is paid to the interpretation of China as a symbol of the historical homeland, which acquires spiritual and value-based significance in Shivaza's poetry. The analysis of poetic texts reveals persistent motifs of nostalgia, loss, and intergenerational connection, as well as List of used literature to elements of Chinese cultural tradition, including folklore, ritual practices, and classical literary heritage. In addition, the poet's works vividly reflect themes of love for the native land, respect for historical roots, and the desire to preserve cultural heritage. The study concludes that Shivaza's poetry performs the function of transmitting historical memory and serves as an important instrument for preserving the ethnocultural identity of the Dungans in diaspora conditions.

Негизги сөздөр: дунган адабияты; Ясыр Шиваза; маданий иденттүүлүк; тарыхый эстутум; Кытай; маданий салттуулук; поэзия.

Ключевые слова: дунганская литература; Ясыр Шиваза; культурная идентичность; историческая память; Китай; культурная преемственность; поэзия.

Keywords: dungan literature; Yasyr Shivaza; cultural identity; historical memory; China; cultural continuity; poetry.

Во второй половине XIX века, когда династия Цин начала приходить в упадок, а давление иностранных государств стало невыносимым, Китай захлестнула волна народных восстаний. Одним из самых мощных стало Дунганское восстание 1862–1877 годов, охватившее Шэньси и Ганьсу. После поражения участникам повстанческих армий пришлось бежать. Путь их лежал в Центральную Азию — на земли нынешних Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана. Именно тогда началась история дунган как отдельного народа, который спустя годы, в 1924-м, был официально признан в СССР.

За столетие с лишним дунгане прошли огромный путь. Их численность выросла в десятки раз, но главное — они совершили невероятный культурный рывок: создали свою письменность и вырастили национальную интеллигенцию. Символом этой эпохи стал Ясыр Шиваза. Его по праву считают отцом дунганской литературы. Он не просто писал стихи, он чувствовал малейшие колебания народной души, переводя общие чувства и боли в глубокие художественные образы.

В его творчестве Китай всегда занимал особое место. Это была не просто география, а «мать» — родина предков, к которой он питал искреннюю привязанность. В 1937 году он даже выпустил сборник под названием «Китай». В этих строках Шиваза воспевал великую историю страны, восхищался стойкостью ее людей и сострадал простым рабочим, на долю которых выпало немало бед в старом Китае. В этих стихах каждый дунганин, живущий вдали от родины отцов, мог услышать собственный голос.

Родина как духовная опора: Тоска по Иньчуань в поэзии Ясыра Шиваза.

Есть старая китайская пословица: «Хромой не забывает об обуви, а слепой — о зрении». Для тех, кто что-то безвозвратно потерял, память о ценности утраченного становится в сто крат острее. Так и дунганский народ: несмотря на то, что от родины их отделяют заснеженные пики Тянь-Шаня, их связь с землей предков за десятилетия не только не ослабла, но и стала глубже. Это не просто ностальгия, это чувство, которое порой сильнее, чем у тех, кто никогда не покидал родной дом.

В творчестве Ясыра Шиваза эта связь — центральная тема. Его стихотворение «Город моего деда» — это настоящий памятник первому поколению переселенцев, тем, кто уходил в неизвестность с тяжелым сердцем.

Снег тоже падает на голову,
Дед мой, бедняга (нечжан).
На ресницы тоже упал слой ядовитого инея.
Сердце всё не на месте, всё твердит: — Мой Иньчуань.
Хаба (собачка) всё ждет меня, как старая мать...
Сто лет назад расстались, Я и мой Иньчуань.
Я и не сказал: — Прощай,
Не сказал: «До свидания» ...
Меня, возможно, забыл Тот большой город.
Только боюсь, в той стороне и не осталось Знакомых людей.
Снег тоже падает на голову, Дед мой, бедняга.
На ресницы тоже упал, Слой ядовитого инея. [1]

Важным элементом поэтики Ясыр Шиваза является обращение к образу старшего поколения как носителя исторической памяти. В стихотворении «Город моего деда» данная тема раскрывается через фигуру деда — представителя первого поколения дунган, переселившихся из Китая в Центральную Азию. В начале произведения подчеркивается его внутреннее состояние:

«Сердце всё не на месте...
Всё твердит: мой Иньчуань...»

Этот образ отражает глубокую эмоциональную привязанность к исторической родине и невозможность преодоления травмы вынужденного переселения. Дед выступает как символ поколения, для которого разлука с родной землёй оказалась окончательной и невозполнимой. Особую выразительность приобретает образ, связанный с мотивом ожидания:

Хаба (собачка) всё ждет меня, как старая мать...

Данный фрагмент передаёт не только личную ностальгию, но и коллективное переживание утраты. Родина в этом контексте осмысливается как пространство, сохраняющее эмоциональную связь с человеком, несмотря на временную и пространственную дистанцию. Повторяющаяся структура финала усиливает трагическое звучание стихотворения:

«Меня возможно и забыл Тот большой город...»

Таким образом, через систему образов и повторов поэт формирует представление о разрыве между прошлым и настоящим, который, однако, сохраняется в памяти и художественном сознании.

Шиваза умеет передать эту любовь всего в нескольких строках, как в четверостишии «То, что я люблю петь»:

Сяду я и всяко думаю, думаю и петь хочу. Но запою — и вспомню тебя, Китай, мой любимый в песнях.

Стоит поэту остаться наедине со своими мыслями, как любая песня превращается в воспоминание о Китае. В поэтической системе Ясыр Шиваза значительное место занимают образы, восходящие к китайской культурной традиции. В его произведениях регулярно встречаются такие культурные маркеры, как Цюй Юань (древнекитайский поэт и государственный деятель царства Чу, память о нем лежит в основе Праздника драконьих лодок (Дуань-у)., праздник Дуань-у (праздник лодок-драконов), а также традиционные элементы материальной культуры — цзунцзы, запахи джусая и чеснока. Подобные образы выполняют не только декоративную функцию, но и выступают в качестве носителей культурной памяти. Их систематическое присутствие в поэтическом тексте свидетельствует о стремлении автора сохранить и актуализировать элементы китайской культурной идентичности в условиях диаспоры.

Таким образом, использование данных образов формирует устойчивое культурное пространство, в котором осуществляется символическое воспроизведение исторической родины. В стихотворении «В Или» он использует поразительный образ: едва перевалив через Тянь-Шань, поэт будто кожей и дыханием чувствует родину.

Родной голос из-за Тянь-Шаня
Всё еще летит в небе, перевалив Тянь-Шань,
Я почуял: запах джусая, чеснок моей бабушки.
Рисовые поля — как море. Пот моего деда,
Я к нему привык, в Йинпани я постоянно его слышал...

В поэтическом тексте Ясыр Шиваза особое значение приобретает использование сенсорных образов, связанных с воспоминаниями о родине. Так, в одном из фрагментов описывается момент перелёта через Тянь-Шань, когда лирический субъект ощущает «запах родины»:

«Запах джусая, чеснок моей бабушки»

Использование подобных образов свидетельствует о высокой степени эмоциональной связи автора с исторической родиной. Сенсорные детали здесь выступают не как бытовые элементы, а как культурные маркеры памяти, активизирующие представление о родном пространстве в условиях его физической недоступности. [2]

Для Я. Шиваза Китай — это не просто точка на карте, это «мама». В стихотворении «Хорошо ли, мама?» он ведет с ней нежный и заботливый диалог, как сын, уехавший далеко, но продолжающий отчитываться перед самым близким человеком:

Хорошо ли, мама? Расторопна ли?
Тело крепкое? Я надеюсь, ты весела,
Радостна, крепка. Ты живи в добре, любимая Мать!
Ты слушай: Я тоже не лентяйничаю,
Пожалуйста, не беспокойся.

В поэтическом и культурно-символическом сознании Ясыр Шиваза Китай интерпретируется как историческая родина предков и одновременно как устойчивый символ эмоциональной и духовной опоры. Для дунган, проживающих в Центральной Азии, образ Китая приобретает особое значение и нередко метафорически обозначается как «мать». Такое символическое обозначение отражает глубинную модель восприятия родины как источника происхождения и духовной принадлежности. Даже при физической удалённости от исторической территории сохраняется устойчивое чувство эмоциональной связи, которое не прерывается с течением времени. В этом контексте образ «матери» выполняет функцию

культурного архетипа, фиксирующего отношение диаспоры к земле предков и обеспечивающего сохранение коллективной идентичности.

Народные легенды и магия иероглифа.

В драматургическом творчестве Ясыр Шиваза заметное место занимает обращение к китайскому фольклорному и литературному наследию. Так, историческая драма «Великая стена» создана на основе широко известного в китайской традиции сюжета о Мэн Цзяньнью (Легендарная героиня китайского фольклора, символ женской преданности, верности и любви. Её история, связанная со строительством Великой Китайской стены, является одной из самых известных народных легенд Китая, сохранившихся на протяжении более 2000 лет). Данный сюжет был творчески переработан автором с учётом особенностей дунганской сценической традиции.

В контексте дунганского народного театра отдельные произведения исполняются с использованием устойчивых мелодических формул, что сближает их с китайской традиционной оперой. В драме Шивазы отдельные эпизоды воспроизводятся через песенные формы, такие как «Наньцяо данышуй», «Сестра в ожидании ребёнка», «Проводы близких», «Путник», что свидетельствует о сохранении музыкально-поэтической структуры традиционного театрального исполнения. [3]

Кроме того, автор расширяет систему персонажей, вводя дополнительные фигуры (передающий письмо, рабочий на строительстве стены, его жена, торговец, стражник и др.), что усиливает драматический конфликт и повышает сюжетную насыщенность произведения. Подобный приём свидетельствует о синтезе фольклорной основы и авторской художественной интерпретации.

Отдельного внимания заслуживает произведение «Иероглифы», в котором Ясыр Шиваза выражает высокую оценку китайской письменности. Он сравнивает глубину значения иероглифов с масштабами природных образов, утверждая, что они «выше гор и глубже моря». Данная метафора отражает высокий уровень восприятия китайской письменной традиции и свидетельствует о глубоком знакомстве автора с культурной системой Китая.

Весна 1957 года стала для Ясыра Шиваза поворотным моментом — он впервые (и, к сожалению, единственный раз в жизни) воочию увидел страну своих снов. В Пекине во время культурных контактов Ясыр Шиваза встретился с представителями китайской литературной среды, включая Мао Дунь, Го Можо, Лао Шэ и Сяо Сань. Уютный дворик в Воробьином переулке (хутун Мацюэ) в доме Эми Сяо настолько врезался ему в память, что позже этот образ постоянно возникал в его стихах:

«Я не могу забыть Ийипан // Мацюэ хутун».

Эта поездка дала колоссальный импульс его творчеству. Произведения «Там за Тянь-Шанем ты поешь», «Господин Мэн» и многие другие пропитаны тем чувственным опытом, который он получил в Пекине.

Стихи Шиваза — это не отвлеченные размышления, а искренняя исповедь. В каждой строчке, в каждом упоминании запаха джусая или обряда на праздник Дуанью скрыто глубочайшее почтение к китайской цивилизации. Для него быть дунганским поэтом означало быть хранителем этого великого наследия в самом сердце Центральной Азии.

Поэзия — это не только лирика, но и отражение того, как автор чувствует историю и общество. Ясыр Шиваза в полной мере воплотил эту миссию. Воспевая древнюю культуру, он никогда не забывал о живых людях, их боли и надеждах. Для него китайский народ был не абстрактным понятием, а близкими «братьями» и «сестрами».

Проведённый анализ поэтического наследия Ясыр Шиваза позволяет сделать вывод о том, что образ Китая в его творчестве выполняет не только художественную, но и важную культурно-историческую функцию. В условиях формирования дунганской диаспоры после событий Дунганское восстание Китай в поэзии Я. Шиваза предстает как сложный символ исторической родины, сохраняемой в пространстве коллективной памяти.

Исследование показывает, что в поэтических текстах Китай трансформируется из географической реальности в устойчивый культурный конструкт, включающий элементы ностальгии, родовой памяти и духовной преемственности. Образ родины в произведениях автора тесно связан с повседневными культурными маркерами, ритуальными практиками и литературной традицией, что свидетельствует о глубокой интеграции культурного опыта в художественное сознание поэта.

Поэзия Ясыр Шиваза формировалась в исторически сложный период XX века и отражает как социальные потрясения, так и процессы становления национального самосознания. Его творчество тесно связано с историей и судьбой дунганского народа, а также с осмыслением его культурных корней.

Где бы ни находился поэт, на какие бы расстояния ни заносила его судьба, в его поэтическом сознании сохранялась устойчивая связь с исторической родиной. Китай в его творчестве выступает как духовный ориентир, определяющий внутреннее пространство идентичности и памяти.

Таким образом, поэзия Шиваза может рассматриваться как форма художественного осмысления исторического опыта и одновременно как механизм сохранения культурной памяти. В этом контексте поэт выступает как выразитель коллективного сознания, через который транслируются боль, надежды и духовный опыт его народа.

Список использованной литературы

1. Ясыр Шивазы. Вугынцыр Бишкек: Издательство Илим, 2006.-416с
2. Чан Вэньчан, Чан Лини. Уникальное явление мировой китайскоязычной поэзии — о среднеазиатском дунганском поэте Ясыре Шивазе [J]. Вестник Ланьчжоуского университета, 2006, №2.
3. Лэй Да, Чэн Цзиньчэн, Чжао Сюэюн. История современной и новейшей китайской литературы [М]. Ланьчжоу: Народное издательство провинции Ганьсу, 2006.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Джон А.А.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Джон А.А.

НАН им. Б. Джамгерчинова

Dzhon A.

NAS B. Dzhamgerchinov

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2528-0600>

АКЫН ЖАНА ПЕДАГОГ ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАН КҮНҮНҮН 120 ЖЫЛДЫГЫ

120-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА И ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЯСЫРА ШИВАЗА THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YASIR SHIVAZA, POET AND EDUCATOR

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада дунган акыны Ясыр Шивазанын чыгармачылык жана билим берүү мурасы Борбордук Азия элдеринин маданий өнүгүүсүнүн контекстинде каралат. Анын поэзиясынын негизги тематикалык багыттары, анын ичинде Ата Мекендин образы, дунган элинин тарыхый эс тутуму жана эне тилин сактоо көйгөйү талданат. Анын билим берүү жана улуттук басма сөз тармагындагы ишмердүүлүгүнө өзгөчө көңүл бурулат. Ясыр Шивазанын дунган элинин маданий инсандыгын калыптандыруудагы мааниси жана дунган адабиятынын өнүгүшүнө кошкон салымы баса белгиленет. Ошондой эле макалада акындын чыгармачылыгы аркылуу дунган элинин тарыхый тагдыры, көчүп-конуу процесстери жана көп улуттуу Борбордук Азия мейкиндигиндеги маданий өз ара байланыштар чагылдырылганы көрсөтүлөт. Анын чыгармаларында мекенге болгон сүйүү, элдин биримдиги, тарыхый адилеттүүлүк жана руханий баалуулуктар кеңири орун алган. Автор Ясыр Шивазанын чыгармачылыгы дунган эли үчүн гана эмес, жалпы Борбордук Азия элдеринин маданий мурастарынын маанилүү бөлүгү экендигин белгилейт. Ошондой эле акындын жаш муундарды тарбиялоодогу, эне тилге болгон урмат-сыйды калыптандыруудагы жана улуттук аң-сезимди бекемдөөдөгү ролу кеңири талдоого алынат. Макалада Ясыр Шивазанын поэзиясы бүгүнкү күндө дагы өзүнүн актуалдуулугун жоготпогону жана маданий мурастын маанилүү булагы катары бааланышы белгиленет.

Аннотация: В статье рассматривается творческое и просветительское наследие дунганского поэта Ясыра Шиваза в контексте культурного развития народов Центральной Азии. Анализируются основные тематические направления его поэзии, включая образ Родины, историческую память дунганского народа и проблему сохранения родного языка. Особое внимание уделяется его деятельности в сфере образования и национальной печати. Подчеркивается значимость личности Ясыра Шиваза в формировании культурной идентичности дунганского народа и его вклад в развитие дунганской литературы. Кроме того, в статье раскрывается отражение в творчестве поэта исторической судьбы дунганского народа, процессов переселения и межкультурных связей в многонациональном пространстве Центральной Азии. Отмечается, что произведения Ясыра Шиваза наполнены идеями любви к Родине, уважения к историческим корням, духовного единства народа и сохранения культурного наследия. Автор подчеркивает, что литературное наследие поэта представляет ценность не только для дунганского народа, но и для всей культурной истории Центральной Азии. Особое внимание уделяется просветительской деятельности Шиваза, его роли в развитии национальной школы, поддержке

молодых литераторов и укреплении статуса дунганского языка. Делается вывод о том, что творчество Ясыра Шиваза и сегодня сохраняет свою актуальность как важный источник исторической памяти, духовных ценностей и культурной преемственности.

Abstract: The article examines the creative and educational heritage of the Dungan poet Yasir Shivaz in the context of the cultural development of the peoples of Central Asia. The main thematic directions of his poetry are analyzed, including the image of the Motherland, the historical memory of the Dungan people, and the problem of preserving their native language. Particular attention is paid to his activities in the field of education and the national press. The importance of Yasir Shivaz in shaping the cultural identity of the Dungan people and his contribution to the development of Dungan literature are emphasized. In addition, the article highlights how the poet's works reflect the historical destiny of the Dungan people, migration processes, and intercultural connections within the multinational space of Central Asia. His poetry is filled with themes of love for the homeland, respect for historical roots, spiritual unity, and the preservation of cultural heritage. The author emphasizes that Shivaz's literary heritage is valuable not only for the Dungan people but also for the broader cultural history of Central Asia. Special attention is given to his educational activities, his role in the development of the national school system, his support for young writers, and his efforts to strengthen the status of the Dungan language. The study concludes that the works of Yasir Shivaz continue to remain relevant today as an important source of historical memory, spiritual values, and cultural continuity.

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган адабияты; дунган тили; Борбордук Азия; маданий инсандык; билим берүү; улуттук мектеп; тарыхый эс тутум.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунганская литература; дунганский язык; Центральная Азия; культурная идентичность; просветительство; национальная школа; историческая память.

Keywords: Yasir Shivaza; dungan literature; dungan language; Central Asia; cultural identity; enlightenment; national school; historical memory.

Отмечая 120-летие со дня рождения выдающегося дунганского поэта Ясыра Шиваза необходимо особое внимание уделить его вкладу в развитие литературы и культуры народов Центральной Азии. В общественном сознании он, прежде всего, остаётся Народным поэтом Кыргызстана, чьё творчество получило широкое признание, как в республике, так и за её пределами.

Произведения Ясыра Шиваза публиковались на дунганском, кыргызском, русском и китайском языках, что свидетельствует о широте его художественного мышления и универсальности поднимаемых им тем. Его поэзия выходит за рамки исключительно этнической проблематики: значительное место в ней занимает тема Родины, любви к Кыргызстану, а также идея единства его народов, составлявших некогда Советский Союз.

Многие стихи поэта посвящены его соратникам по перу. Например, цикл стихотворений «Иссык-Куль» адресован Чингизу Айтматову, в нём Я. Шиваза в иносказательной форме восхищается не только красотой озера, но и ассоциирует с ним творчество великого писателя [3. с. 181-188].

Тянь-Шаньский цикл (Тянсан [1. с. 59-63]) поэтических произведений поэт посвятил Аалы Токомбаеву, они занимают особое место в его поэзии, в них поэт с глубоким лиризмом и художественной выразительностью передаёт свою привязанность к природе и людям Кыргызстана, и конечно литературным произведениям своего друга:

Над Тянь-Шанем бродит месяц,
Белых туч струится дым.

О земле любимой грезил
Я бы образом твоим,
Мой Тянь-Шань!
Свои объятья
Ты раскрыл навстречу мне.
Ты сказал:
«Все люди – братья» -
Солнцем, вспыхнув в вышине.
[З. с. 202]

Ч.Т. Айтматов в предисловии к сборнику Я. Шиваза «Серебряная флейта», опубликованном в Москве в 1986 году, писал о стихах поэта, как о строках «безыскусственных», т.е. искренних, бескорыстных, написанных не ради «красного словца» - наполненных сердечной добротой [2; 3].

Вместе с тем значительный пласт поэзии Ясыра Шиваза посвящён исторической родине дунган — Китаю. В этих произведениях отражена коллективная память народа о стране, где формировались его культурные и языковые традиции, а также о трагических событиях конца XIX века, вынудивших дунган переселиться на территорию Центральной Азии. Его поэзия передаёт глубокую эмоциональную напряжённость и историческую боль:

«Как ты жил, мой народ? Только мұка твою душу терзала века. Уходили, сменяя друг друга, поколения, как волны песка».

Рассматривая деятельность Ясыра Шиваза, необходимо подчеркнуть его значительную роль не только как поэта, но и как просветителя. В 1931 году он возглавил четырёхлетнюю дунганскую школу в городе Фрунзе. В этот период, после введения дунганской письменности на основе латинской графики, обучение стало осуществляться на родном языке. Данный этап имел принципиальное значение для становления национальной системы образования и сохранения языковой идентичности дунганского народа.

Существенный вклад Ясыр Шиваза внёс и в развитие национальной печати, выступая в качестве редактора газеты «Шыйүэди Чи». Издание освещало социальные, политические и хозяйственные вопросы, а также играло важную роль в развитии культуры. Публикация произведений начинающих авторов способствовала формированию нового поколения дунганских писателей и поэтов и стимулировала распространение грамотности среди населения. Достаточно вспомнить, что благодаря его рекомендации и направлению Союза писателей Киргизской ССР способствовали поступлению в Московский Литературный институт им. М. Горького, ныне доктора филологических наук, известного дунганского поэта Шисыра Исхара Сувазовича, учёба в котором способствовала формированию его профессионализма в области поэзии и литературоведения. При поддержке Я. Шиваза были опубликованы и многих других произведений молодых дунганских поэтов и писателей.

Благодаря усилиям дунганских литераторов, среди которых Ясыр Шиваза занимает одно из ключевых мест, дунганский язык получил признание как самостоятельная языковая система. В то же время, по оценкам ЮНЕСКО, он относится к числу языков, находящихся под угрозой исчезновения. Осознавая данную проблему, поэт в своём творчестве последовательно поднимал вопросы сохранения и развития родного языка, принимал участие в проведении семинаров для учителей.

Особое место в его поэзии занимает тема просвещения дунганского народа. Ясыр Шиваза остро переживал равнодушие части общества к образованию и духовному развитию,

что нашло отражение в его лирике. В одном из стихотворений читатель ощутит крик отчаяния, обращённый к этой части своих соплеменников:

Устал я ...
О, как я устал
Петь песни свои для глухих,
Мои кровоточат уста,
И стоном исходит мой стих.
О, жалкое сердце!
Тебя ль
В гордыне твоей не смирил?

Познавшее боль и печаль,
Ты свой не утратило пыл.
(заканчиваются этого стихотворения словами)
А всё-таки жаль...
Канешь ты без следа
Нечитанной книгой во тьму [2. с. 17-18].

Эти строки отражают внутренний драматизм поэта и его стремление быть услышанным своим народом. Здесь надо признать, что творчество поэта в значительной мере знакомо широкому читателю через произведения, переведённые на кыргызский и русский языки. Это происходило и происходит по причине того, что долгое время отсутствовала системная подготовка педагогических кадров по дунганскому языку и литературе, прекратившаяся в 30-х годах прошлого века, что влияло на грамотность дунганского населения в области владения дунганской письменностью. Попытки организовать подготовку педагогических кадров имели и имеют нерегулярный, временный характер, что сказывается на владении письменным языком всей этнической группы дунган ЦА.

Несмотря на это, творчество Ясыра Шиваза сыграло значительную роль в формировании ценностных ориентиров дунганского общества. Оно способствовало воспитанию уважительного отношения к собственной культуре, культуре других народов Центральной Азии, а также укреплению чувства гражданской общности в многонациональном пространстве региона.

Нельзя не упомянуть о том, что поэт был ветераном Великой Отечественной войны, и этот период ярко отражён в его творчестве. В этих стихах Ясыра Шиваза читатель ощутит не только радость Победы, но и боль за матерей потерявших своих сыновей, увидит отчаяние поэта за невозможность принести им в утешение хоть горсть земли с могил павших. В цикле о войне ощущается палитра чувств, в которых боль и горечь потерь смешана с человеческой тоской по родному краю, патриотизмом к своему государству, радостью окончания войны.

Характерной чертой личности поэта была глубокая скромность и стремление служить своему народу. Это находит отражение в его поэтических строках: «Не хочу я бронзой строгой в позе мудрости над веком возвышаться не мигая, с тайной думой на челе. ... Жить хочу! Быть человеком...» [3. с. 14].

Идея служения народу без стремления к славе особенно ярко выражена в следующих строках:

Пускай исчезнет имя...
Как ручей, не тщусь я
Именем гордиться,

И то-то рад,
Что смог я пригодиться.
И мне ли славы
Требовать в веках?
Такие мысли
Мне смешны и странны.
Я пел на совесть, только не за страх.
Стихи мои!
Пребудьте безымянны.
Читатель – друг!
Коль слово, хоть одно
Ты сохранишь
И врежешь в память,
не кану я,
Как палый лист, на дно [З. с. 229-230].

Таким образом, наследие Ясыра Шиваза представляет собой значимое культурное и историческое явление. Его творчество не только отражает судьбу дунганского народа, но и служит важным фактором сохранения его языковой и культурной идентичности, как части общества многонационального Кыргызстана и других государств ЦА, где проживают части этой этнической группы. С осознанием того, что на территории Киргизской ССР формировалась дунганская письменность и литературный язык, которые поучили дальнейшее изучение и формирование, первоначально в НИИ Культурного строительства, затем в Секторе дунгановедения в составе Кир. ФАН, затем в АН Кирг. ССР и в настоящее время в НАН КР, крепнет убежденность дунган принадлежности к государству, которая реализуется как гражданская идентичность. При этом это осознание сформировалось не только среди дунганского населения, но и среди всех народов Кыргызстана, воспринимающих данную этническую группу, как неотъемлемую часть своей Родины. Огромную роль в этом сыграло творчество Народного поэта Кыргызстана Ясыра Шиваза. Память о поэте и его духовном наследии сохраняется и продолжает оказывать влияние на современное общество.

Список использованной литературы

1. Чунтянди йин. Фрунзе «Кыргызстан», 1981.
2. Я сею радость. Фрунзе «Кыргызстан». 1983.
3. Серебрянная флейта. Москва «Художественная литература», 1986.
4. Тёжянхади зуэпин. «Хырхызстан», 1988.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Дюшенбиев С.У.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Дюшенбиев С.У.

НАН им. Б. Джамгерчинова

Dyushenbiev S.

NAS B. Dzhamgerchinov

**КЫРГЫЗСТАНДЫН АЙЫЛДЫК ЖАЛПЫ БИЛИМ БЕРҮҮЧҮ МЕКТЕПТЕРИНЕ
МУГАЛИМДЕРДИ ДАЯРДОО ЖАНА АЛАРДЫН ИШМЕРДҮҮЛҮГҮ (1970-1980-ЖЖ.
ТАЖРЫЙБАСЫНАН)**

**ПОДГОТОВКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СЕЛЬСКИХ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ КЫРГЫЗСТАНА (ИЗ ОПЫТА 1970-1980 ГГ.)**

**TRAINING AND ACTIVITIES OF TEACHING STAFF IN RURAL
COMPREHENSIVE SCHOOLS IN KYRGYZSTAN (BASED ON EXPERIENCE FROM
THE 1970S–1980S)**

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада 1970–1980-жылдары Кыргызстандын айылдык жалпы билим берүүчү мектептеринде педагогикалык кадрларды даярдоо, бөлүштүрүү жана алардын ишмердүүлүгү тарыхый-илимий негизде изилденет. Изилдөөнүн актуалдуулугу азыркы учурда өлкөнүн билим берүү системасында мугалимдердин жетишсиздиги, кадрлардын алмашуусу жана айыл мектептериндеги социалдык көйгөйлөр менен шартталат. Автор архивдик материалдардын, статистикалык маалыматтардын жана мезгилдүү басылмалардын негизинде ошол мезгилдеги билим берүү саясатынын өзгөчөлүктөрүн талдайт. Макалада педагогикалык институттар менен педучилищелердин ишмердүүлүгү, жаш адистерди айыл жерлерине бөлүштүрүү маселелери жана алардын кесиптик адаптациясы кеңири каралат. Айрыкча жаш мугалимдерди айыл жеринде кармап калуу көйгөйүнө көңүл бурулуп, турак жай маселеси, эмгек шарттары, социалдык камсыздоо жана мугалим кесибинин кадыр-баркы сыяктуу факторлор талданат. Изилдөөдө мугалимдердин сапаттык курамын жакшыртуу, аттестация өткөрүү жана квалификациясын жогорулатуу иш-чараларынын мааниси көрсөтүлөт. Ошондой эле советтик билим берүү системасынын оң жана терс жактары объективдүү бааланып, педагогикалык кадрларды даярдоодо топтолгон тажрыйбанын бүгүнкү күн үчүн мааниси белгиленет. Макаланын жыйынтыгында автор айылдык мектептерди квалификациялуу мугалимдер менен камсыз кылуу маселеси азыркы мезгилде дагы актуалдуу экенин жана өткөн тарыхый тажрыйбаны изилдөө билим берүү саясатын өркүндөтүүгө жардам берерин белгилейт.

Аннотация: В данной статье на основе архивных материалов, статистических данных и широкого круга исторических источников исследуются вопросы подготовки, распределения и деятельности педагогических кадров в сельских общеобразовательных школах Кыргызстана в 1970–1980-е годы. Актуальность исследования обусловлена современными проблемами системы образования, связанными с нехваткой учителей, текучестью кадров и сложностями закрепления молодых специалистов в сельской местности. Автор подробно анализирует деятельность педагогических институтов и педагогических училищ республики, процесс подготовки специалистов, особенности их распределения по регионам и условия профессиональной адаптации молодых учителей. Особое внимание уделяется причинам дефицита педагогических кадров, включая низкий уровень материально-бытового обеспечения, отсутствие жилья, слабую

социальную поддержку и снижение престижа профессии учителя. В статье приводятся статистические данные, отражающие количественный и качественный состав учителей, уровень их образования, а также результаты аттестации педагогических работников. Анализируются позитивные и негативные стороны советской системы подготовки педагогических кадров, её достижения и недостатки. Автор подчёркивает, что несмотря на существующие трудности, именно учителя, подготовленные в рассматриваемый период, сыграли важную роль в сохранении и развитии системы образования независимого Кыргызстана в постсоветское время. В работе также рассматриваются меры по повышению квалификации учителей, развитию их профессионального мастерства и укреплению кадрового потенциала сельских школ. Делается вывод о том, что исторический опыт подготовки и закрепления педагогических кадров в сельской местности сохраняет свою актуальность и может быть использован при совершенствовании современной образовательной политики Кыргызстана.

Abstract: This article examines the training, distribution, and professional activities of teaching staff in rural comprehensive schools of Kyrgyzstan during the 1970s–1980s on the basis of archival materials, statistical data, and a wide range of historical sources. The relevance of the study is determined by current challenges in the educational system, including the shortage of teachers, staff turnover, and the difficulties of retaining young specialists in rural areas. The author analyzes the activities of pedagogical institutes and teacher training colleges in the republic, the process of preparing specialists, their regional distribution, and the conditions of their professional adaptation. Particular attention is paid to the causes of the shortage of teaching staff, including poor living conditions, lack of housing, insufficient social support, and the declining prestige of the teaching profession. The article provides statistical data reflecting the quantitative and qualitative composition of teachers, their educational level, and the results of teacher certification processes. Positive and negative aspects of the Soviet system of teacher training are examined, along with its achievements and shortcomings. The author emphasizes that despite numerous difficulties, teachers trained during this period played a crucial role in maintaining and developing the educational system of independent Kyrgyzstan in the post-Soviet era. The study also explores measures aimed at improving teachers' qualifications, enhancing their professional skills, and strengthening the personnel potential of rural schools. The article concludes that the historical experience of training and retaining teaching staff in rural areas remains highly relevant today and can be effectively used in improving contemporary educational policy in Kyrgyzstan.

Негизги сөздөр: педагогикалык кадрлар; жаштар; жалпы билим берүүчү мектептер; айыл жергеси; педагогикалык жогорку окуу жайлары; кадрлардын алмашуусу; кесипчиликтен башка ишке өтүү; аттестация; мугалимдердин сапаттык көрсөткүчтөрү; мугалимдердин билимин жогорулатуу.

Ключевые слова: педагогические кадры; молодежь; общеобразовательные школы; сельская местность; педагогические вузы; текучесть; отсеивание кадров; аттестация; качественный состав; повышение квалификации учителей.

Keywords: teaching staff; youth; general education schools; rural areas; pedagogical universities; turnover; staff screening; attestation; qualitative composition; advanced training of teachers.

Известно, что в системе воспитания и обучения молодежи педагогические кадры играют одну из важных, ключевых ролей. Профессии и личности учителей всегда придавалось первостепенное значение, поэтому им приходится постоянно обновлять свои знания и методы работы, быть ориентированным на школу завтрашнего дня.

В настоящее время в Кыргызстане в общеобразовательных школах работает 93 531 учитель, в дошкольных учреждениях – 10 426 чел. Эти данные относятся к концу 2024 г. [1]. По данным Министерства просвещения на начало учебного 2025 года в школах Кыргызстана не хватало 947 учителей, из них около 500 – в столичных школах [2]. В числе причин такого положения, можно назвать – падение престижа учительского труда, низкая заработная плата, отсутствие надлежащих условий труда и т.д. Но, не скрываемой гордостью можно констатировать факт, что именно учителя, подготовленные и начинавшие свою деятельность в 80-х годах прошлого века, вынесли все тяготы и лишения переходного периода в сфере образования суверенной Кыргызской Республики. Достигшие пенсионного возраста, тем не менее, многие из них до сих пор продолжают работать по специальности и передают свой бесценный опыт более молодым педагогам.

В изучаемые нами годы в общеобразовательных школах республики обучением и воспитанием школьников был занят большой контингент педагогических кадров. Так, в 1975/76 учебном году всего насчитывалось – 45,9 тыс. учителей, а в 1980/81 учебном году их количество достигло – 50,2 тыс. человек. Из них учителя сельских общеобразовательных школ, составили соответственно по указанным выше годам – 34,3 и 38,7 тыс. человек [3].

По данным Министерства образования и культуры республики на 1.10.1976/77 учебного года, из общего числа учителей 47,8 тыс. человек, имеет законченное высшее образование – 65,3%, незаконченное высшее – 8,6%, среднее специальное – 22,5%, среднее общее – 3,5% [4].

Если взять сельские школы, то в 1975/76 учебном году учителей насчитывалось – 34,3 тыс. человек, из них в средних школах работали – 25,7 тысяч человек, в неполных средних школах – 7,6 тысяч человек, начальных – 697 человек и прочих школах – 290 человек, а в 1980/81 учебном году их численность выглядела соответственно по видам школ – 38,7 тысяч человек; 31,8; 6,1 тысяч человек, 436 человек и прочие школы – 358 человек [5].

Судя по этим данным, численность учителей выросла во всех сельских школах, кроме неполных и начальных. Их уменьшение связано с сокращением численности этих видов школ. Анализ количественного состава учителей школы работающей молодежи показывает, что в 1975-1980 гг. их численность сократилась с 1267 до 1063 человек, а в школах сельской молодежи с 1349 до 1239 учителей. Что касается учителей заочных (самостоятельных) школ, то они, наоборот, увеличились с 4039 до 4438 человек, в вечерних (сменных) общеобразовательных школах с 6655 до 6794 человек [5].

Чем объясняются подобные сокращения численности учителей? На наш взгляд, это был своеобразный ответ действительности на очередную кампанейщину, планирование жизни сверху без учета интересов массы, качества против количества. Лозунг, девиз того времени: «Каждому работающему молодому человеку – среднее образование!» был ничто иное как профанацией на союзном уровне. Иначе говоря, эти школы не оправдали себя, работающая молодежь не шла учиться.

Надо отметить, что в 1970-е годы несмотря на принятые меры, увеличение численности и улучшение качественного состава педагогических кадров в республике, все же потребность школ Кыргызстана в высококвалифицированных учительских кадрах не была полностью удовлетворена, хотя их и готовила широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений. Так, в 1970/71 учебном году в республике функционировали – 3 педагогических института, а в 1980/81 учебном году их стало – 4, численность студентов выросла с 11,8 до 15,5 тыс. человек. Выпуск специалистов педагогов увеличился с 1,6 до 2,5 тыс. человек [7].

Педагогических кадров со среднеспециальным образованием готовили в педучилищах. В 1980/81 уч. году, как и в 1970 г., действовали только 5 педучилищ. Численность учащихся увеличилась за эти 10 лет с 4,9 до 6,6 тыс., а выпуск специалистов с 1,2 до 1,3 тыс. человек [8].

Высшими и средними специальными учебными заведениями республики в 1971–1975 гг. в школы было направлено 11852 молодых учителя, в том числе 7832 с высшим образованием. За годы IX пятилетки количество учителей с высшим образованием возросло с 53,4% до 61,6% от их общего количества. Общая численность учителей увеличилась с 39502 до 46281 или на 6786 человек [9].

Таблица 1. Выпуск и направление молодых специалистов за 1975 – 1979 гг. (фактически)

Выпуск	направлено в школы		из них в сельскую школу			
Годы	всего	в том числе с в/обр.	всего	в том числе с в/обр.	Всего	в том числе с в/обр.
1975	3091	2276	2647 (85,6%)	1958	2395 (90%)	1702
1976	3280	2284	2777 (85%)	1949	2496 (90%)	1746
1977	3236	2336	2053 (86%)	2053	2344 (83%)	1677
1978	3680	2173	3179 (86,3%)	2173	2610 (82%)	1815
1979	3271	2156	2869 (88%)	1882	2378 (83%)	1519
итого:	16597	11225	13525 (81,3%)	10015	12123 (92,7%)	8459

В 1975 – 1979 гг. из 16597 выпускников, в том числе 11225 с высшим образованием, в школы республики было направлено 13525 чел., т.е. 81,3% от выпуска, в том числе с высшим – 10015, что составило 91,1% от общего числа выпускников этой категории [11] (см.: табл. №1).

За 1976 – 1980 гг. учителей с высшим образованием увеличилось с 63,6% до 69,6 [10], а их общая численность – с 46288 до 50260 человек [12].

Как видно из вышеприведенной таблицы №1, органами народного образования республики особое внимание было уделено более полному удовлетворению потребности школ в квалифицированных педагогических кадрах. При распределении молодых специалистов в первую очередь учитывались интересы сельской школы. В 1975-1979 гг. в село было направлено 12123 молодых учителей, т.е. 92,7% от выпуска, в том числе 8459 специалистов с высшим образованием или 92,5% от общего числа выпускников (см.: табл. 1).

В результате проделанной работы число учителей с высшим образованием на селе в 1979 г. увеличилось на 8,7% против 1975 г. Но, несмотря на это, в 1975–1980 гг. разница в показателях по педагогическим кадрам, имеющим высшее образование, между городом и селом республики все еще оставалась значительной. Так, если в 1975/76 уч. году в городах 70,8% учителей имели высшее образование, то в сельской местности – 61,6%. Эти показатели в 1980/81 уч. году составили соответственно: 73,5 и 68,5% [13].

Но наряду с такими положительными сдвигами в обеспечении квалифицированными педагогическими кадрами сельских общеобразовательных школ, в исследуемые годы наблюдается тенденция уменьшения численности специалистов, направляемых в отдаленные сельские районы республики. Если в 1970–1971 гг. Киргизский государственный университет (КГУ) направлял в районы Ошской области в среднем 30% выпуска, то в 1980 г. – только 13,7% [13].

К числу причин сложившейся ситуации можно отнести срывы планов направления специалистов-выпускников в школы высшими и средними специальными учебными заведениями республики. Например, в 1976 г. план направления педагогических кадров был выполнен всего на 84,6%. В места распределения не прибыли 137 молодых специалистов, в том числе из КГУ 75 чел., Пржевальского государственного педагогического института (ПГПИ) - 27, Ошского государственного пединститута (ОГПИ) - 5, Киргизского государственного института физической культуры (КИФК) - 5, Киргизского женского пединститута (КЖПИ) - 1, педучилищ (ПУ) - 25 человек [15].

В 1977 г. план направления был выполнен на 86% или школы республики недополучили более 400 молодых специалистов. В школы не явились 209 человек. Как и в 1976 г. особенно плохо обстояло дело с выпускниками КГУ - здесь план был выполнен на 78%, неявка составила 16,5%. ПГПИ и КГУ также не обеспечили явку своих выпускников в школы Нарынской и Ошской областей, так как от числа направленных не явилось 24%. По этой причине дополнительно требовалось 500 учителей, из них две трети для школ с русским языком обучения [16].

В 1978 г. только школы Ошской области недополучили 156 учителей. По данным облОНО: заявка запрашивала 1285 чел., Министерство народного образования республики направило 1258, прибыло 1102, не прибыло 156 человек. На 9 сентября, к началу учебного года, не явились 308 молодых специалистов, в частности, из КГУ - 82, ПГПИ - 26, КИФК - 13, КЖПИ - 30, ОГПИ - 66, Ошского ПУ - 25, Джалал-Абадского ПУ - 50 человек [17]. В 1979 г. план направления выполнен на 86,3%. Потребность в учительских кадрах в республике составляла 396 чел., в т.ч. для школ Ошской области требовалось - 243, Нарынской - 59, Иссык-Кульской - 30, районов республиканского подчинения - 64 человек [18].

Анализ показывает, что только за годы десятой пятилетки из 21,6 тыс. выпускников подведомственных высших учебных заведений республики 2,1 тыс., или почти 10% не явились на работу по месту назначения, а также 15% специалистов со средним специальным образованием. В результате только школы Ошской области в течение 1976-1979 гг. недополучили 650 специалистов с высшим и 359 специалистов со средним образованием, Нарынская, соответственно: 552 и 407 учителей. По состоянию на октябрь 1980 г. в общеобразовательные школы Кыргызстана не явилось ещё более 290 выпускников педагогических учебных заведений республики [18].

Однако, несмотря на вышеуказанные недостатки, в Киргизии с обеспечением прибытия молодых специалистов к месту назначения обстояло относительно благополучно, по сравнению с другими республиками. Например, в Азербайджанской, Молдавской и Таджикской ССР только 70% выпускников высших и средних педагогических учебных заведений в 1979 г. приступили к работе в школе по плану распределения. Из выпускников университетов, получивших направление на работу в школу, к месту назначения явились в Таджикской ССР 43%, в Азербайджанской ССР - 48%, в Молдавской ССР - 64%, а в Грузинской ССР вообще были вынуждены принимать чрезвычайные меры. В 1979 г. из 2 тыс. молодых специалистов, окончивших институты, 1,3 тыс. (65%), свыше 300 закончивших училище (65%), и из Тбилисского государственного университета 75% так и не приступили к работе в школе. Коллегия Министерства высшего образования республики приняла решение выдавать дипломы выпускникам по истечению года работы в школе [19].

В 1980 г. в Киргизии не хватало свыше 1 тыс. учителей. В ряде школ республики не преподавались математика, физика, химия [20]. Особенно не хватало учителей по физическому воспитанию. В прошении ректора КГИФК проф. Б. Турусбекова к Министерству высшего и среднего специального образования Киргизской ССР об увеличении численности абитуриентов на 50 чел. в 1977/78 уч. году говорилось, что потребность в учителях с высшим физкультурным образованием в республике составляет 716 человек. Этот недостаток особенно остро ощущался в школах Нарынской и Иссык-Кульской областей. В указанных областях в 991 функционирующей школе трудились 1132 учителя физического воспитания, но из них только 416 имели высшее образование [21]. Не секрет, что в то время не только в республике, но и в масштабе страны подавляющее большинство лиц, работающих не по своей специальности, составляли выпускники институтов физкультуры. Часть вины в этом лежит на самом КГИФК, так как преподавательско-профессорский состав, общественные кафедры, деканаты, ректорат института не смогли привить студентам-выпускникам любовь к избранной профессии; воспитать, прежде всего, в них чувство высокого гражданского долга как педагога-человека, ответственности за порученное дело. Иначе чем можно объяснить то, что в 1978 г. из направленных в Ошскую область 51 выпускника КГИФК, к месту распределения прибыло всего 29 чел., остальные отсутствовали по неизвестным причинам [22].

Актуальной и острой для сельских школ республики была и оставалась проблема закрепления учителей на селе. Важным её фактором являлось решение жилищной проблемы. Факты подтверждают, что в изучаемый период в Киргизской ССР этому обстоятельству не уделялось должного внимания. Так, в 1975/76 уч. году из 35312 учителей сельских школ 25363 проживали в собственных домах, 7144 чел. – в коммунальных и школьных квартирах [23]. А сколько еще молодых специалистов, прибыв к месту назначения и не встретив соответствующего внимания, уходили из села? Как показывает анализ материалов Министерства народного образования республики и периодической печати, несмотря на очевидность проблемы, плохо велось строительство жилья для учителей, особенно в сельской местности. Так, в 1974–1976 гг. план ввода жилья был выполнен лишь на 53%. Из 637 квартир, построенных в 1976 г. для учителей, только 6,3% введено за счет государственных капитальных вложений, 10,3% – на средства колхозов и совхозов и 80,1% построен за счет индивидуального строительства. В результате неполного освоения выделенных на эти цели капитальных средств за три года недополучено 6 тыс. м² жилья [25].

Судя по вышеприведенным данным, на долю государства из всего построенного жилья для учителей приходилась мизерная часть, а за счет средств колхозов, совхозов республики намного больше, что ясно показывает на их степень участия в столь важном деле. Основная же тяжесть в строительстве жилых домов для учителей ложилась на них самих.

Несомненно, одним из важнейших путей решения жилищного вопроса являлось индивидуальное строительство. Молодым специалистам, прибывшим к месту назначения, предоставлялся кредит на хозяйственное обзаведение в размере до 1 тыс. руб. на срок до 5 лет с погашением, начиная с 3-го года после его получения, или выдавалось 2 тыс. руб. на срок до 10 лет с погашением, начиная с 5-го года. Однако лишь немногие учителя пользовались услугами кредита из-за трудностей со снабжением необходимыми строительными материалами и наймом рабочей силы. Поэтому решающая роль в обеспечении сельских учителей жильем принадлежала государству [24]. Но в Киргизской ССР план строительства жилых домов за счет государственных средств постоянно не выполнялся. Так, если в 1971-

1975 г. в республике было построено 452 квартиры для учителей сельской школы общей площадью 11,32 тыс. м² [25], то 1976-1980 гг., при плане 39 тыс. м², в эксплуатацию было сдано только 15,5, что составило 40%, или план был недовыполнен на 23,5 тыс. м². Из 6,8 млн. руб. капитальных вложений за пять лет освоено 3,8 млн. руб. или 56% [25].

Вместе с тем, в материалах Министерства сельского хозяйства Киргизской ССР указывается потребность в жилье сельских учителей около 60 тыс. м². Далее критически отмечается, что, несмотря на это, в республике крайне недостаточно используются средства не только госбюджета, но и местного бюджета, предусмотренные на строительство домов для учителей. В 1979 г., как и в предыдущие годы десятой пятилетки, ни один исполком, ни один сельский совет областей и районов республики не построил ни одной квартиры для сельских учителей.

К сожалению, по вине райисполкомов, сельских советов нередко квартиры в учительских домах, построенных за счет госбюджета, передавались лицам, не имеющим к школам никакого отношения. Например, в доме при с/х «Ак-Сай» Таласского района жили бухгалтер колхоза «Манас» и экономист совхоза им. Чкалова, но в то же время учитель истории этой школы М. Джумабаев жил на частной квартире, а учитель Ш. Исабаев ездил сюда на работу из г. Таласа. В 20 квартирах школ Аламединского района (из 100 имеющихся) проживали лица, не работавшие в сельских школах республики [25]. Вследствие невыполнения планов по строительству жилых домов в 1980 г. в республике более 3 тыс. учителей сельских школ, половину из которых составляли молодые специалисты, проживали на частных квартирах [26].

Отсутствие жилья приводило к большой текучести педагогических кадров. Так, результаты проверки показали, что только в одном Кантском районе с октября 1978 по 1979 гг. по этой причине из школы ушли 88 учителей. В исследуемые годы эти показатели существенно возросли. Если сменяемость учителей и воспитателей общеобразовательных школ в 1975 г. составляла 1,8% (сменилось 900 чел.), то в 1979 г. соответственно: 2964 или 5,8% [25].

В 1976/77 уч. году из школ Ошской области, в основном из сельских, выбыло 242 молодых специалиста. Подавляющее большинство из них мотивировали уход отсутствием жилья, нормальных условий для работы [29]. Что касается Ошской области, то в том же 1976 г., при плане ввода 3,8 тыс. м² жилья для учителей, фактически не было построено ни одной квартиры [15].

Многие учителя из-за отсутствия жилья, оставив школу, переходили на другую работу. В 1977 г. на промышленных предприятиях работало 200 специалистов с высшим образованием и 635 со средним специальным, а также 4,5 тыс. педагогов и культпросветработников с высшим специальным образованием работали на транспорте, в строительных организациях, на промышленных предприятиях и в других отраслях народного хозяйства [27]. В 1980 г. только в сфере торговли и общественного питания республики работало свыше 800 педагогов [28].

Однако объяснение причин текучести и отсеивания педагогических кадров только неустроенностью быта, отсутствием необходимых жилищно-бытовых условий едва ли оправдано. Несмотря на их важность, на наш взгляд, существовал комплекс проблем и, прежде всего, это несовершенство системы подготовки высококвалифицированных педагогических кадров, а также упущения, допущенные в процессе их подготовки, начиная с семьи, детского сада, школы, вузов и трудовых коллективов. Здесь имеются в виду недоработки в плане

раннего выявления способностей, их развития еще будучи в детском саду, правильной профессиональной ориентации, отбора в педвузы достойных кандидатов без протекций, обучение без формализма, контроль и помощь в профессиональном росте, безболезненной адаптации молодых специалистов-педагогов.

В исследуемые годы большое внимание уделялось улучшению качественного состава педагогических кадров республики. В этом отношении проведенные аттестации учителей явились своеобразным смотром для выявления их профессионального, культурного и общего уровня. Аттестация учителей способствовала дальнейшему улучшению работы по подбору, воспитанию и совершенствованию учительских кадров. По этому поводу на Всесоюзном съезде учителей в 1978 г. отмечалось, что «...многие получают рекомендации по дальнейшему совершенствованию своей работы. Помочь выполнить эти рекомендации, взять выполнение под контроль наш долг» [29].

Таким образом, в целях дальнейшего роста профессионального и теоретического уровня, деловой квалификации, педагогического мастерства и творческой активности педагогических кадров в республике с 1975 г. была введена систематическая аттестация учителей общеобразовательных школ. Тогда же была проведена частичная аттестация в городах и сельских местностях, например, в Ат-Башинском районе Нарынской области, гг. Токмаке, Пржевальске, Джалал-Абаде и Первомайском районе г. Фрунзе. Аттестационные комиссии были созданы при Министерстве народного образования, Ошском, Нарынском и Иссык-Кульском облоно и Фрунзенском гороно. Проведенная в 1975 г. частичная аттестация показала, что в школах республики, особенно в сельских, имеется немало учителей со слабой подготовкой. Например, в ходе аттестации выяснилось, что некоторые учителя средней школы им. С.М. Кирова Ат-Башинского района Нарынской области не могли назвать столицы союзных республик, допустили массу ошибок при написании диктанта, с которым положено справиться ученикам 3 класса [30]. Результаты не заставили себя ждать, ибо в 1974 г. ни один выпускник из этой школы не смог поступить в высшее учебное заведение. В 1976 г. через аттестацию прошли 863 школы 48 районов и городов республики, проанализирована работа 6 тыс. учителей. Подавляющее большинство прошедших аттестацию были признаны соответствующими званию учителя, а 35 чел. оставили педагогическую работу «по собственному желанию» [31].

Необходимо отметить, что в изучаемый период особым слоем среди учителей все еще оставались учителя, которые получили образование в краткосрочных учительских курсах и других институтов. В связи с трудностями того времени, прежде всего острая нехватка учительских кадров привела к тому, что их готовили наспех, по упрощенной программе. К сожалению, большинство из них остались на прежнем уровне, не работали над совершенствованием квалификации и отстали от времени. Но вследствие постепенного увеличения выпуска и улучшения качества подготовки высококвалифицированных педагогических кадров в республике численность учителей, не имеющих высшее образование в объеме учительских институтов, сократилась. Так, если в 1975/76 учебном году их было, всего – 4647 или 9,8% к общему числу учителей, то в 1978/79 учебном году эти показатели составили 3741 или 7,6% [32].

Но было бы совсем несправедливо останавливаться только на недостатках, о которых говорилось выше. Все же большинство учителей школ были грамотными, честными, знающими и любящими свое дело специалистами. Именно на их плечах держалось и держится

нелегкое бремя народного образования. Так, районная газета «Сельская трибуна» поведала об одной учительнице немецкого языка Орловской сш. Ленинпольского района А. Назарбековой, охарактеризовав ее грамотным, толковым специалистом, пользующимся большим уважением в школе, среди сельчан [33]. А сколько еще таких незаметных, делающих на совесть свою работу педагогов? Имена таких признанных мастеров народного образования Кыргызстана широко известны не только у нас, но и за ее пределами. Это учителя, Герои Социалистического Труда К.Мамбеталиев, А.Койчуманов, Народный учитель СССР – Д.Утуров, А.Арзыматова, Пухова В.Я. Ляпина Г.Ф., Сатаров К. и многие другие.

Следует отметить, что только по итогам десятой пятилетки в республике были награждены за свои ратные труды орденами и медалями СССР – 4000 работников народного образования, в том числе более 100 человек – значком «Отличник просвещения СССР», 356 – удостоены почетного звания «Заслуженный учитель Киргизской ССР», 57 – отмечены значком «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР», около 4658 человек значком «Отличник народного образования», более 100 – Почетной грамотой Министерства просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, более 700 человек – Почетной грамотой и Грамотой Верховного Совета Киргизской ССР и т.д. [34].

Таким образом, изучение качественного состава и процесса подготовки педагогических кадров в 1970-80-е годы показали, что ряды учительского корпуса общеобразовательных школ пополнились свежим притоком молодых высококвалифицированных специалистов – педагогов. Несмотря на быстрый рост численности выпускников педагогических учебных заведений потребности общеобразовательных школ республики на них не были полностью удовлетворены. Не хватало учителей по математике, физике, химии, русскому языку, особенно по физической культуре. На то были причины. Во-первых, вузы и средние специальные учебные заведения сами срывали планы направления выпускников в школы. Во-вторых, сказывалась нерешённость проблемы закрепления кадров, т.е. на местах не могли нормально обустроить молодых специалистов, создать им более или менее сносное жилищно-бытовое условие. В-третьих, самая главная причина отсеивания и ухода молодых педагогических кадров из школы в другие сферы объясняется, на наш взгляд, несовершенством системы подготовки высококвалифицированных специалистов. В-четвертых, тем не менее, при всех недостатках, политической ангажированности опыт Советской системы образования в деле подготовки, распределения, закрепления учительских кадров для нашего времени является очень ценным.

Список использованной литературы

1. Сколько учителей в Кыргызстане и какие у них зарплаты. Инфографика // Kaktusmedia. 2024.
2. Учителей не хватает даже в школе №61. Почему кризис кадров только усиливается? // Kaktusmedia. 2025. 26 сентября.
3. Текущий архив Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Материалы отдела «Статистика культуры».
4. Народное образование Киргизии от съезда к съезду. 1976–1986. Ф., 1987. С. 13.
5. Текущий архив Национального комитета по статистике Кыргызской Республики. Материалы отдела «Статистика культуры».
6. Народное образование и культура в СССР. Стат. сб. М., 1989. С. 142–143.

7. Народное образование и культура в СССР: Стат. сборник. М., 1989. С. 140–141.
8. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3152. Л.65.
9. Таблица составлена по данным ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Д.3293. Л.12.
10. Народное хозяйство Киргизской ССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. Ф., 1986. С.198.
11. Текущий архив Нацстаткома КР: материалы отдела «Статистика культуры».
12. // Правда. 1980. 7 июня; ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.222. Д.155. Л.36.
13. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3174. Л.11.
14. Ошский облгосархив. Ф.90. Оп.1. Д.1489. Л.6.
15. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3293. Л.12.
16. ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.222. Д.155. Л.38.
17. Денисова Л.Н. Всеобщее среднее образование и социальный прогресс села. М., 1988. С.34–35.
18. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3204. Л.2.
19. Ошский облгосархив. Ф.90. Оп.1. Д.1507. Л.145.
20. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3233. Л.33.
21. // Учительская газета. 1977. 31 мая.
22. Денисова Л.Н. Указ. работа. С.37–38.
23. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3161. Л.38.
24. ЦГА ПД КР. Ф.56. Оп.231. Д.271. Л.55.
25. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3201. Л.100.
26. Текущий архив Совета Федерации профсоюзов КР. Ф.740. Оп.3. Д.839. Л.101.
27. // Советская Киргизия. 1977. 16 февраля; ЦГА КР. Ф.1493. Оп.1. Д.290.
28. // Комсомольская правда. 1983. 26 января.
29. Всесоюзный съезд учителей: Стеногр. отчет. М., 1978. С.21.
30. // Нарын правдасы. 1975. 15 марта.
31. // Советская Киргизия. 1977. 3 марта.
32. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Д.3293. Л.3.
33. // Советская трибуна. 1978. 4 января.
34. ЦГА КР. Ф.1725. Оп.2. Ч.IV. Д.3162. Л.66; Д.3293. Л.10.

Рецензент: доктор исторических наук, профессор Курбанова Назира Умаровна

Жао Л., Сун Ц., Цинь Ц, Лэй Ц., Хуан Ц.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Жао Л., Сун Ц., Цинь Ц, Лэй Ц., Хуан Ц.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Rao L., Sun C., Qin J., Lei J., Huang J.

КНУ Jusup Balasagyn

**САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ШАРТЫНДА БИЛИМ БЕРҮҮГӨ
ИНВЕСТИЦИЯЛАРДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮГӨ ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИН
ТАЛДОО — КЫТАЙ МИСАЛЫНДА**

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОБРАЗОВАНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ — НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ**

**ANALYSIS OF THE IMPACT OF EDUCATIONAL INVESTMENT ON ECONOMIC
DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY — A CASE STUDY
OF CHINA**

Кыскача мүнөздөмө: Санариптик технологиялар коомдук-экономикалык тармактарга терең сиңип кирген азыркы шартта, адам капиталын калыптандыруунун негизги каражаты болгон билим берүүгө инвестициялар менен экономикалык өнүгүүнүн ортосундагы байланыш жаңы өзгөчөлүктөргө ээ болууда. Бул макалада Кытай изилдөө объектиси катары алынып, 2013–2022-жылдар аралыгындагы улуттук жана аймактык деңгээлдеги макроэкономикалык маалыматтардын негизинде санариптик экономика шартында билим берүүгө инвестициялардын экономикалык өнүгүүгө тийгизген таасири теориялык жана эмпирикалык жактан талданат. Изилдөөнүн жыйынтыктары көрсөткөндөй, билим берүүгө жумшалган инвестициялар экономикалык өсүшкө үч негизги канал аркылуу таасир этет: биринчиден, жумушчу күчтүн санариптик сабаттуулугун жогорулатуу аркылуу; экинчиден, санариптик технологиялык инновацияларды иштеп чыгуу жана аларды практикага киргизүү аркылуу; үчүнчүдөн, санариптик өнөр жай түзүмүн оптималдаштыруу аркылуу. Ошондой эле, жогорку билим берүү жана кесиптик билим берүүгө багытталган инвестициялар аймактарга жараша ар кандай натыйжаларды көрсөтөрү аныкталды. Бул айырмачылыктар аймактардын экономикалык өнүгүү деңгээлине, билим берүү инфраструктурасына жана ресурстардын жеткиликтүүлүгүнө байланыштуу. Жыйынтыгында, изилдөөнүн негизинде билим берүүгө инвестициялардын түзүмүн оптималдаштыруу, санариптик көндүмдөрдү өнүктүрүүнү күчөтүү жана билим берүү ресурстарын аймактар боюнча тең салмактуу бөлүштүрүү боюнча сунуштар берилет. Бул сунуштар санариптик экономика доорунда билим берүүнүн жогорку сапаттагы экономикалык өнүгүүгө кошкон салымын жогорулатууга багытталган.

Аннотация: В условиях глубокого проникновения цифровых технологий во все сферы экономики и общества взаимосвязь между инвестициями в образование как ключевым способом накопления человеческого капитала и экономическим развитием приобретает новые характеристики. На примере Китая и с использованием макроданных на национальном и провинциальном уровнях за 2013-2022 годы данное исследование анализирует пути влияния и практическую результативность инвестиций в образование на экономическое развитие в условиях цифровой экономики с теоретической и эмпирической точек зрения. Исследование показывает, что инвестиции в образование способствуют экономическому росту через три основных канала: повышение цифровой грамотности рабочей силы, содействие трансформации цифровых технологических инноваций и оптимизацию структуры цифровых

отраслей промышленности. При этом инвестиции в высшее и профессиональное образование оказывают дифференцированное влияние в разных регионах. На основе выводов исследования предлагаются рекомендации по оптимизации структуры инвестиций в образование, укреплению подготовки цифровых навыков и содействию сбалансированному распределению образовательных ресурсов между регионами, что может служить ориентиром для обеспечения высококачественного экономического развития через образование в эпоху цифровой экономики.

Abstract: Against the backdrop of the in-depth penetration of digital technology into various fields of the economy and society, educational investment, as a core approach to human capital accumulation, exhibits new characteristics in its mechanism of connection with economic development. Taking China as the research object, this paper combines macro-data at the national and provincial levels from 2013 to 2022 to analyze the impact paths and practical effects of educational investment on economic development under the background of digital economy from both theoretical and empirical dimensions. The study finds that educational investment promotes economic growth through three core paths: improving the digital literacy of the labor force, promoting the development and practical implementation of digital technological innovations, and optimizing the digital industrial structure. Moreover, investment in higher education and vocational education shows differentiated impacts across different regions. Finally, based on the research conclusions, policy recommendations are proposed, including optimizing the structure of educational investment, strengthening the development of digital skills, and promoting the balanced allocation of educational resources among regions, in order to enhance the contribution of education to high-quality economic development in the era of the digital economy.

Негизги сөздөр: санариптик экономика; билим берүүгө инвестициялар; экономикалык өнүгүү; адам капиталы; өнөр жай тармагынын түзүмү.

Ключевые слова: цифровая экономика; инвестиции в образование; экономическое развитие; человеческий капитал; структура отраслей промышленности.

Keywords: digital economy; educational investment; economic development; human capital; industrial structure.

With the accelerated iteration of digital technologies such as 5G, artificial intelligence, and big data, the digital economy has become a new engine for global economic growth. According to the data in the "China Digital Economy Development Report (2023)", the scale of China's digital economy reached 50.2 trillion RMB in 2022, accounting for 41.5% of GDP, and its contribution rate to economic growth exceeded 50%, making it a key force driving the optimization of the economic structure and the transformation of the development mode. As the foundation for the formation of human capital, educational investment in the digital economy era not only undertakes the traditional function of cultivating basic talents but also becomes a core link connecting digital technology and economic application. On the one hand, educational investment provides human capital support for the development of the digital industry by improving the digital cognition and operation ability of the labor force; on the other hand, the collaborative innovation between educational institutions and digital enterprises can accelerate the penetration of digital technology into the real economy and promote the digital transformation of traditional industries.

Taking China as a research case, this paper combines macro - data of the past decade to systematically analyze the internal logic and practical effects of educational investment on economic development under the background of the digital economy. Compared with existing studies, the

innovations of this paper are as follows: first, it clearly distinguishes the special functions of educational investment in the digital economy era and constructs an analytical framework from three dimensions: "digital literacy cultivation", "technological innovation and transformation", and "industrial structure optimization"; second, it analyzes the regional heterogeneity of the impact of educational investment on economic development by combining the differences among China's eastern, central, and western regions, so as to provide a basis for the formulation of differentiated policies [1].

Theoretical Paths of the Impact of Educational Investment on Economic Development under the Background of Digital Economy

Path 1: Educational Investment Improves the Digital Literacy of the Labor Force and Lays a Solid Foundation for Human Capital in the Digital Economy

The core factors of production in the digital economy are data and digital technology. As the operators of digital technology and the excavators of data value, the labor force's digital literacy directly determines the development efficiency of the digital economy. Educational investment improves the digital literacy of the labor force through two aspects: one is the popularization of digital skills in the basic education stage, such as the offering of information technology courses and the popularization of programming education in primary and secondary schools. In 2022, the coverage rate of information technology courses in China's primary and secondary schools reached 100%, and more than 90% of schools achieved full coverage of multimedia teaching equipment. This part of educational investment has laid a foundation for the labor force's basic digital cognitive ability. The other is the deepening of digital skills in the higher education and vocational education stages. For example, colleges and universities offer majors related to artificial intelligence, big data, and digital economy, and vocational colleges carry out skills training in digital technology application and industrial Internet operation. the number of undergraduate students enrolled in digital economy - related majors in China's ordinary colleges and universities reached 123,000 in 2022, and the number of students majoring in digital technology in vocational colleges exceeded 800,000, providing a large number of labor forces with professional digital skills for the digital industry.

From the extended perspective of the human capital theory, "human capital" in the digital economy era has shifted from the traditional "knowledge - reserve type" to the "digital - skill type". Through optimizing the structure of human capital, educational investment enables the labor force to better adapt to the job demands of the digital industry. For example, digital economy - related positions (such as data analysts and artificial intelligence engineers) have significantly higher requirements for the labor force's ability to use digital tools and process data than traditional positions. Through the reform of the curriculum system and the strengthening of practical teaching, educational investment can directly improve the adaptability of the labor force to such positions, thereby reducing the labor cost of the digital industry, improving production efficiency, and ultimately promoting economic growth.

Path 2: Educational Investment Promotes the Innovation and Transformation of Digital Technology and Accelerates the Transmission of Technological Dividends into Economic Value

The innovation and application of digital technology are the core driving forces for the development of the digital economy. As the main way to cultivate innovative talents, educational investment directly affects the R & D efficiency and transformation effect of digital technology. On the one hand, educational investment provides talent support for the innovation of digital technology. As an important carrier of educational investment, colleges and universities are not only the core positions for basic research but also the training bases for innovative talents. In 2022, the number of scientific researchers in digital technology - related fields in China's colleges and universities reached 187,000, undertaking more than 60% of the national basic research projects on digital technology.

Among them, the research results in the fields of artificial intelligence algorithms and big data security have reached the international advanced level. On the other hand, educational investment promotes "industry - university - research collaborative innovation" and accelerates technology transformation. In recent years, the number of joint laboratories and innovation centers co - established by China's colleges and universities and digital enterprises has exceeded 2,000. For example, Tsinghua University and Baidu have jointly established the "Intelligent Driving Joint Laboratory", and Zhejiang University and Alibaba have jointly established the "Digital Economy Research Institute". Such cooperation not only quickly transforms the scientific research achievements of colleges and universities into the products and services of enterprises but also transports talents that meet the technical needs of enterprises through the "order - based training" model, forming a closed loop of "innovation - transformation - application" and enabling the dividends of digital technology to be transmitted to the economic field more quickly [2].

From the perspective of the innovation theory, technological innovation in the digital economy era is characterized by "high investment, high collaboration, and high iteration", and a single subject cannot independently complete technological R & D and application. Through integrating the resources of colleges and universities, enterprises, and the government, educational investment has constructed an "ecosystem" for digital technology innovation: colleges and universities provide basic research and talents, enterprises provide application scenarios and funds, and the government guides the allocation of resources through educational policies. Under the collaborative effect of the three parties, the innovation cycle of digital technology has been significantly shortened, and the efficiency of technology transformation has been significantly improved, thereby promoting the expansion of the scale of the digital industry and economic growth.

Path 3: Educational Investment Optimizes the Digital Industrial Structure and Promotes the Transformation of the Economic Structure towards High - endization

The development of the digital economy is not only reflected in the expansion of the scale of the digital industry but also in the integration of digital technology with traditional industries, that is, the dual - wheel drive of "industrial digitalization" and "digital industrialization". Educational investment optimizes the digital industrial structure through two aspects: one is to promote the upgrading of "digital industrialization", that is, to cultivate high - end talents in the digital industry through investment in higher education and promote the transformation of the digital industry from "low - end processing" to "high - end R & D". For example, in the early stage, China's digital industry mainly focused on electronic equipment assembly and simple software development. With the increase in investment in majors such as computer science and electronic information in colleges and universities, the output value of high - end R & D links in China's digital industry reached 35% in 2022, and the export volume of high - end digital products such as artificial intelligence and cloud computing increased by 28% year - on - year. The other is to promote the penetration of "industrial digitalization", that is, to cultivate skilled talents needed for the digital transformation of traditional industries through investment in vocational education and promote the integration of agriculture, manufacturing, and service industries with digital technology. For example, vocational colleges offer majors such as "smart agricultural technology", "industrial robot application", and "digital marketing", which have cultivated a large number of technical workers with digital operation capabilities for traditional industries. In 2022, the digital transformation rate of China's manufacturing industry reached 52%, and that of agriculture reached 25%, both increasing by more than 30 percentage points compared with 2013. The contribution rate of industrial digitalization to economic growth reached 32% [3].

From the perspective of the industrial structure theory, the core of industrial structure optimization in the digital economy era lies in the "penetration degree of digital technology" and the

"digitalization level of industries". By matching the digital needs of different industries, educational investment has realized the transformation of the industrial structure towards "high - endization, intellectualization, and greenization". For the digital industry, educational investment provides high - end R & D talents to promote the industry to move up the value chain; for traditional industries, educational investment provides digital operation talents to promote the transformation of the industry towards digitalization and intellectualization, and ultimately realizes the optimization and upgrading of the overall economic structure.

How to Better Exert the Promoting Role of Educational Investment on Economic Development in the Digital Economy Era

Optimize the Structure of Educational Investment and Strengthen the Cultivation of Digital Skills

First, increase investment in digital economy - related majors in higher education, support colleges and universities to set up emerging majors such as artificial intelligence, big data, and digital economy, build digital technology laboratories and practical bases, and improve the ability to cultivate high - end digital talents. Second, strengthen the digital transformation of vocational education, set up characteristic majors such as digital technology application and industrial Internet operation in response to the digital needs of traditional industries, and implement the "school - enterprise cooperation and order - based training" model to transport skilled talents for industrial digitalization. Third, promote the popularization of digital literacy in the basic education stage, incorporate programming education, digital security, and other contents into the curriculum system of primary and secondary schools, and improve the basic digital cognitive ability of the whole people.

Promote Industry - University - Research Collaborative Innovation and Accelerate the Transformation of Digital Technology

First, establish a digital technology innovation mechanism with the collaboration of the government, colleges and universities, and enterprises, set up special funds to support colleges and universities and digital enterprises in co - establishing joint laboratories and innovation centers, and encourage scientific researchers in colleges and universities to participate in digital technology R & D projects of enterprises. Second, improve the incentive policies for the transformation of digital technology achievements, allow scientific researchers in colleges and universities to participate in enterprise dividends in the form of technology shares, and improve the enthusiasm of scientific researchers for transformation. Third, build a platform for the transformation of digital technology achievements, integrate the scientific research achievements of colleges and universities and the demand information of enterprises, reduce the cost of technology transformation, and accelerate the transmission of technological dividends into economic value.

Narrow the Gap between Regional Education and the Digital Economy and Promote Balanced Development

First, increase the transfer payment for educational investment in the central and western regions, support colleges and universities in the central and western regions to set up digital economy - related majors, introduce high - level talents in the field of digital technology, and improve the digitalization level of education in the central and western regions. Second, accelerate the construction of digital infrastructure in the central and western regions, promote the extension of new infrastructure such as 5G and big data centers to the central and western regions, and lay a foundation for the development of the digital economy. Third, establish an assistance mechanism for education and the digital industry between the eastern region and the central and western regions, encourage colleges and universities in the eastern region to carry out cooperative education with those in the central and western regions, and promote digital enterprises in the eastern region to transfer

technology and industries to the central and western regions, so as to drive the development of the digital economy in the central and western regions and further improve the economic effect of educational investment [4].

Under the background of the digital economy, educational investment promotes economic development through three paths: "improving the digital literacy of the labor force", "promoting the innovation and transformation of digital technology", and "optimizing the digital industrial structure". These three paths are interrelated and work together to form a "digital empowerment system" for educational investment to affect economic development. In the future, we need to make use of the positive role of educational investment in economic development, strengthen the collaboration between educational investment and digital technology, and continuously empower economic growth.

List of used literature

1. Li J C, Shi L M, Xu A T. Digital Economy and Economic Growth: Theoretical Mechanism and Chinese Experience[J]. Journal of Quantitative & Technical Economics, 2021, 38(01): 21 - 38.
2. China Academy of Information and Communications Technology. China Digital Economy Development Report (2023) [R]. Beijing: China Academy of Information and Communications Technology, 2023.
3. Ministry of Education of the People's Republic of China. China Educational Finance Yearbook (2013 - 2022) [M]. Beijing: China Statistics Press, 2014 - 2023.
4. Zhang H, Li J. A Study on the Impact of Human Capital on Economic Growth under the Background of Digital Economy[J]. Economic Research Journal, 2022, 57(05): 89 - 105.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаев Нурбек Жээмбаевич

УДК 821.512.154.09: 37

Ин Ч., Ван С.

Синьцзян педагогикалык университети, КЭР

Ин Ч., Ван С.

Синьцзянский педагогический университет, КНР

Ying C., Wang S.

Xinjiang Normal University, PRC

**ЯСЫР ШИВАЗАНЫН АДАБИЙ МУРАСЫ: МАДАНИЙ КОДДОН БИЛИМ БЕРҮҮ
ПРАКТИКАЛАРЫНА ЧЕЙИН**

**ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЯСЫРА ШИВАЗА: ОТ КУЛЬТУРНОГО КОДА К
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ**

**THE LITERARY HERITAGE OF YASÝR SHIVAZA: FROM CULTURAL CODE TO
EDUCATIONAL PRACTICES**

亚瑟尔·希瓦扎的文学遗产: 从文化符号到教育实践

Кыскача мүнөздөмө: Ясыр Шиваза Советтик Дунган адабиятынын негиздөөчүсү катары анын адабий мурасы азыркы билим берүү долбоорлорунда тил тарыхы, маданияттар аралык салыштырма изилдөө жана көркөм формалардын инновациясы жагынан өзгөчө мааниге ээ. Тилдик деңгээлде анын араб алфавити менен жазылган дунган тилиндеги

чыгармалары XIX кылымдын аягындагы Шэньси–Ганьсу диалектинин өзгөчөлүктөрүн сактап, «тилдин тирүү экспонаты» катары чек ара аралык тилди сактоо долбоорлору үчүн баштапкы материал болуп саналат. Маданий деңгээлде анын чыгармалары кытай маданий мотивдерин, орус реализмин жана ислам элементтерин айкалыштырып, салыштырма адабият жана маданияттар аралык түшүнүү билим берүүсүнүн үлгүсү болуп саналат. Көркөм деңгээлде анын «жетиден төрт» поэтикалык формасы жана түндүк-батыштагы «жаңы күүлөрдү» улантуусу этникалык музыканы сактоо жана чыгармачыл жазуу үчүн колдонулуучу модель түзөт. Практикалык колдонуу төрт багытта ишке ашырылат: академиялык изилдөө (дунган жазуусун транскрипциялоо), тил жана маданиятты сактоо (диалектик база түзүү), көркөм практика (музыкалык семинарлар) жана маданияттар аралык алмашуу («Бир алкак — бир жол» экспедициялары). Изилдөө көрсөткөндөй, билим берүү долбоорлору ар түрдүү деңгээлге ылайыкташтырылышы керек: мектептерде тилди сезүү, бакалавриатта талаа изилдөөлөрү, магистратурада булактарды системалаштыруу. Батыш Кытай университеттеринин базасында параллелдүү окуу китептерин түзүү жана санариптик платформаларды иштеп чыгуу анын мурасын билим берүү ресурсуна айландырууга мүмкүндүк берет.

Аннотация: Ясыр Шиваза как основоположник советской дунганской литературы представляет значительную ценность в современных образовательных проектах с точки зрения языковой истории, межкультурного сравнительного анализа и инноваций художественных форм. В языковом аспекте его произведения, написанные арабской графикой на дунганском языке, сохраняют особенности шэньси-ганьсуского диалекта конца XIX века и могут рассматриваться как «языковой живой архив», предоставляющий первичный материал для проектов по сохранению трансграничных языков. В культурном аспекте его творчество объединяет китайские мотивы, русский реализм и исламские элементы, являясь типичным примером для сравнительного литературоведения и образования в сфере межкультурного понимания. В художественном аспекте его поэтическая форма «семь-четыре» и развитие северо-западных «новых напевов» создают практическую модель для сохранения этнической музыкальной традиции и креативного письма. Практическая реализация включает четыре направления: академические исследования (транскрипция дунганских текстов), программы сохранения языка и культуры (создание диалектных баз данных), художественные практики (музыкальные мастер-классы) и межкультурные обмены (образовательные проекты в рамках инициативы «Один пояс — один путь»). Исследование показывает, что образовательные проекты должны учитывать уровни обучения: в школах — языковое восприятие, на бакалавриате — полевые исследования, в магистратуре — систематизация источников. Создание параллельных учебных материалов и цифровых платформ на базе вузов Северо-Западного Китая позволяет трансформировать наследие автора в образовательный ресурс.

Abstract: As the founder of Soviet Dungan literature, Yasır Shivaza holds significant value in contemporary educational projects in terms of linguistic history, intercultural comparative studies, and innovation in artistic forms. From a linguistic perspective, his works written in Arabic script in the Dungan language preserve features of the late 19th-century Shaanxi–Gansu dialect and can be regarded as a “living linguistic archive,” providing primary data for cross-border language preservation projects. From a cultural perspective, his works integrate Chinese motifs, Russian realism, and Islamic elements, serving as a representative case in comparative literature and intercultural education. From an artistic perspective, his “seven-four” poetic form and adaptation of Northwest “new tunes” provide a practical model for ethnic music preservation and creative writing. The practical application can be organized into four types of educational projects: academic research (Dungan transcription training), language and cultural heritage projects (dialect database

construction), artistic practice projects (composition workshops), and intercultural exchange programs (Belt and Road study tours). The study shows that project design should be adapted to educational levels: primary and secondary education focus on language perception, undergraduate programs emphasize field research, and graduate studies involve textual and archival systematization. Based on the existing infrastructure of Northwest Chinese universities, the development of parallel textbooks and digital platforms can systematically transform this heritage into educational resources.

摘要: 作为苏联东干文学的奠基人, 亚瑟尔·希瓦扎在当代教育项目中具有重要价值, 尤其体现在语言历史研究、跨文化比较分析以及文学艺术形式创新等方面。在语言层面上, 希瓦扎以阿拉伯字母书写的东干语作品保留了十九世纪末陕西—甘肃方言的重要特征, 因此可被视为一种“语言活档案”, 为跨境语言保护项目提供了珍贵的第一手研究材料。在文化层面上, 他的创作融合了中国文化意象、俄罗斯现实主义以及伊斯兰文化元素, 是比较文学研究与跨文化理解教育中的典型案例。他的作品不仅展现了东干民族文化的独特性, 也体现了不同文明之间的交流与融合。在艺术层面上, 希瓦扎所采用的“七四体”诗歌形式以及对西北地区“新曲调”的发展, 为民族音乐传统的保护和创造性写作提供了实践范例。他的文学与音乐结合方式, 展现了东干文化艺术的独特魅力。在实践应用方面, 其教育价值主要体现在四个方向: 第一, 学术研究, 例如东干文献的整理与转写; 第二, 语言与文化保护项目, 包括方言数据库的建设; 第三, 艺术实践活动, 如音乐工作坊与诗歌创作课程; 第四, 跨文化交流项目, 特别是在“一带一路”倡议框架下开展的国际教育合作。研究表明, 相关教育项目应根据不同教育阶段进行分层设计: 在中小学阶段侧重语言感知与文化启蒙; 本科阶段强调田野调查与实践研究; 硕士阶段则注重文献整理与系统化研究。通过在中国西北地区高校建立双语教材体系与数字化平台, 可以有效地将希瓦扎的文学遗产转化为具有现实意义的教育资源, 从而推动东干文化的传承与国际传播。

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган адабияты; дунган тили; билим берүү трансформациясы.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунганская литература; дунганский язык; образовательная трансформация.

Keywords: Yasyr Shivaza; dungan literature; dungan language; educational transformation.

关键词: 亚瑟尔·希瓦扎; 东干文学; 东干语; 教育转型.

摘要: 雅斯尔·十娃子作为苏联东干文学的奠基人, 其文学遗产在当代教育项目中兼具语言史学、跨文化比较与艺术形式创新的独特价值。在语言层面, 其以阿拉伯字母书写的东干语作品系统保留了19世纪末陕甘方言特征, 堪称“语言活化石”, 可为跨境语言保护项目提供原始语料; 在文化层面, 其创作融合中华母题、俄罗斯现实主义与伊斯兰元素, 是比较文学与跨文化理解教育的典型案例; 在艺术层面, 其“七四体”诗歌及对西北“新曲子”的继承, 为民族音乐传承与创意写作提供了可操作范式。实践应用可围绕四类教育项目展开: 学术研究项目(东干文转写训练)、语言文化传承项目(方言数据库建设)、艺术实践项目(谱曲工作坊)及跨文化交流项目(“一带一路”研学)。应用探索表明, 项目设计需适配学段差异——中小学侧重语言感知, 本科聚焦田野调查, 研究生开展文献整理。依托西北高校现有基础, 开发对照教材、建设数字平台, 可系统转化其遗产为教育资源, 服务跨境民族文化认同教育[1]。

关键词: 雅斯尔·十娃子; 东干文学; 东干语; 教育转化

一、 雅斯尔·十娃子的文学遗产的独特价值

(一) 语言学价值

十娃子文学遗产最独特的价值, 体现在语言史学方面。其文学遗产是研究 19 世纪西北方言的“活化石”, 作品语言东干语为研究西北方言、汉语发展史以及跨境语言接触提供了独特的语言材料。东干语是陕甘方言的特殊变体 [11], 是汉语方言在境外的特殊分支, 虽然受到俄语、突厥语的深刻影响, 但是仍完整地保留着西北方言的绝大多数特征, 没有受到现代普通话的影响, 以十娃子文学遗产为核心文学作品, 正是这一方言体系最系统的书面留存。

在词汇方面, 其作品大量保留了西北方言的特色词汇, 是研究近代汉语方言词汇演变的直接佐证。比如他的诗歌《在伊犁》就有大量西北方言的词汇: “还在天上飞着呢, 一过天山, 我闻见哩: 韭菜味, 我奶的蒜。稻地田子就像海。我爷的汗, 我闻惯哩, 营盘里我肯闻见。”韭菜、蒜、营盘等词汇直观反映了西北民间的饮食和语言习惯 [2]。

在文字载体层面, 雅斯尔·十娃子早期使用阿拉伯字母东干文创作, 后期参与创制西里尔字母东干文, 两种文字体系均以书面形式精准记录了东干语的语音与语法, 将口头传承的方言转化为规范的书面文字, 有效避免了口头语言的流失与变异。其文学作品形成了规模化、体系化的方言语料库, 不仅是研究东干语的核心资料, 更是对比研究百余年来西北官话演变、跨境语言文化适应的珍贵史料, 为濒危汉语方言保护、跨境语言资源抢救提供了重要范本 [3]。

(二) 跨文化价值

雅斯尔·十娃子的文学作品, 是在文化交融之下创作而成, 既受到中国文化的影响也受到俄罗斯现实主义的影响, 展现了多元文化认同, 具备独特的跨文化价值 [4]。

十娃子创作始终扎根中华文化根脉, 有着强烈的中国情结。作品中大量书写对故土的难舍与眷恋, 比如诗歌《我爷的城》; 对先祖历史文化的赞美, 比如诗歌《给屈原诗人》、对故土人民的悲悯, 比如诗歌《给兄弟》。《长城》等作品直接改编自中国民间传说, 延续了中华民间叙事母题, 是中华文化在海外传承与发展的重要桥梁[10]。

与此同时, 十娃子的作品也受到俄罗斯现实主义文学的影响, 十娃子接受苏联教育, 受到普希金和马雅可夫斯基等人的影响, 作品兼具现实主义的社会关怀, 比如诗歌《给后辈》; 和人民视角, 比如诗歌《吉尔吉斯斯坦》[7], 打破了东干民间口头文学的零散性, 构建了完整的书面文学创作体系, 形成了“中华乡土内核+俄苏文学形式”的融合表达 [8]。在十娃子之后, 穆罕默德·伊玛佐夫《一把亲土》传承十娃子的寻根主题, 从中国带回黄土祭奠祖父[8], 十四儿《骚葫芦白雨下的呢》诗歌也融合中国古典韵味和东干语特色, 为诗歌注入现代主义色彩[6], 这种多元文化认同的跨文化创作形式, 真实展现了跨境民族文化融合与身份建构的过程, 打破了单一文化的创作局限。在跨文化教育中, 这些作品能够帮助学习者理解文化交流互鉴的逻辑, 树立多元文化包容理念, 是开展跨文化教育、理解民族文化认同的独特教育资源。

(三) 艺术传承价值

十娃子立足东干民间文艺传统, 兼顾文学性与通俗性, 实现了诗歌体裁与民间文艺形式的双重创新。

在诗歌体裁上，十娃子独创东干“七四体”诗歌，融合西北民间歌谣的节奏与现代诗歌的结构，确立“七字一句、四句一节”的稳定格律，语言质朴通俗、韵律朗朗上口、句式简洁规整，既贴合东干语的口语表达习惯，又具备规范的文学审美性，成为东干书面文学的标志性体裁，易学、易懂、易传播，具有极强的推广价值 [9]。

在民间文艺传承上，其深度继承陕甘“花儿、民间小曲、新曲子”等西北民间文艺形式，将口头流传的民间音乐文学转化为规范的书面文学作品，保留了民间文艺的韵律美、乡土美与抒情性，同时赋予其文学创作的思想性。其诸多诗歌作品本身具备极强的音乐性，可直接谱曲演唱，实现了文学与音乐的无缝衔接，既活化了西北传统民间文艺，又为民族音乐创作、校园艺术实践提供了优质素材，推动民族民间文艺从口头传承走向规范化、教育化传承。

十娃子的艺术创作扎根民间、贴近生活，兼顾艺术性与生活性，能够有效衔接校园美育与民间文艺传承，为民族文化进校园、非遗艺术教育提供了全新的实践方向。

十娃子奠定的语言、文化和艺术价值，经伊玛佐夫、十四尔等后世东干作家传承发展，已经形成了经典奠基—规范延续—创新发展的完整路径，不再局限于单一作家作品，而是成为涵盖语言史料和跨文化文本的复合型教育资源。这些创作成果一脉相承，既保留了东干文学的核心特质，又丰富了资源层次与应用场景，为当代教育项目提供多元文化素材与创新发展的视角。基于以上独特价值，可以将十娃子及其传承者的文学遗产，转化为覆盖学术研究、语言保护、艺术实践、跨文化交流的系统性实践路径，实现文学遗产从理论到实践的创造性转化和创新性发展 [12]。

二、 雅斯尔·十娃子文学遗产在当代教育的实践路径

依托雅斯尔·十娃子文学遗产的核心价值，可以构建教育实践项目，覆盖学术研究、语言保护、艺术实践、跨文化交流等多个领域，实现文化遗产的全方位转化。

（一）学术研究项目：进行东干文转写

针对高校本科及研究生阶段，开设东干文转写的实践项目。以雅斯尔·十娃子阿拉伯字母、西里尔字母东干语作品为核心素材，开展东干文-汉语对照转写、方言词汇标注、语音分析训练，引导学生梳理东干语与陕甘方言的对应关系。已出版的伊玛佐夫主编、林涛与崔凤英编译的《亚瑟尔十娃子精选诗集》（东干文—汉文对照）可以作为转写的基础范本，为我们后续开展转写提供参考。同时以雅斯尔·十娃子的文学遗产为依托，开展东干文文学作品的版本校勘、注释汇编和专题研究，学生通过这些不仅可以培养跨境文献整理和方言研究的技巧，还可以产出高质量多层次的调研报告与学术论文，实现“教学—研究—转化”的良性循环。

（二）语言文化传承项目：建设方言数据库

针对语言保护和文化遗产这一核心价值，以十娃子文化遗产为依托，整合以雅斯尔·十娃子为代表的其他东干作家的作品，如伊玛佐夫，并将其转化为数字化的语言教学资源，将作品中的语言、词汇等语料，联合西北高校和东干语研究所，参考林涛主编的《东干语词典》构建“陕甘方言—东干语”对照资源语料库，实现词汇在线检索、语音在线播放和文本对照等，同时开展东干语朗读音频视频等，打造多模态的语言文化平台，为跨境语言研究及保护提供支撑。

（三）艺术实践项目：创意写作和谱曲工作坊

以十娃子的艺术创新价值为核心，将其文学遗产融入中小学与高校美育教育项目，实现文学成果向艺术实践资源的转化。借鉴“七四体”诗歌格律，面向中小学开设创意写作工作坊，引导学生模仿创作乡土生活、校园成长、文化感悟等主题短诗，搭配绘画、书法等形式，推出“七四体诗歌仿写+配画”校本课程，激发学生的文学创作兴趣与艺术表现力。

在高校层面，依托十娃子“新曲子”作品的音乐特质，西北高校可以依托自身优势组织音乐专业师生为经典诗歌谱曲，改编为民谣、合唱等艺术形式，在校园文化节、跨境文化交流活动中展演。例如兰州大学可以依托自身“东干语数字基因库”的优势谱写曲子，不仅能保留民间艺术的魅力也使得濒危语言得以传承。

（四）跨文化交流项目：“一带一路”研学项目

立足十娃子文学遗产的跨文化价值，将其转化为“一带一路”跨文化交流教育项目的核心内容，搭建中西亚人文交流桥梁。联合西北高校与中亚东干文化研究机构，打造“雅斯尔·十娃子文学遗产”主题跨境研学项目，组织师生走进吉尔吉斯斯坦、哈萨克斯坦东干乡庄与文化博物馆，通过研读十娃子作品、走访东干民众、开展田野调查，直观感受跨境民族文化交融的成果。

同时，定期举办中吉、中哈高校联合学术研讨会，以十娃子文学与东干文化为主题，推动中外学者、青年学生的学术对话与文化交流。目前，中央民族大学、兰州大学和西北师范大学已深入东干文化进行田野调查，十娃子作品成为丝路文学经典读本，纳入国际中文教育、国别与区域研究课程的跨文化模块，有效助力中华文化海外传播与“一带一路”民心相通，实现了文学遗产服务国家人文交流战略的转化价值。立足跨文化价值，打造“一带一路”跨境文化研学项目，搭建中阿人文交流桥梁，强化跨境民族文化认同与中华文化海外传播。

三、应用转化的实践成效与时代意义

十娃子文学遗产的当代教育应用转化，已形成“学术研究—资源开发—实践教学—国际交流”的完整链条，取得了多元实践成效。在教育层面，丰富了跨文化教育内容，提升了学习者的语言研究能力、文化认知水平与跨文化交际能力。在文化层面，有效保护了东干语这一濒危汉语方言变体，传承了中华优秀传统文化的海外形态，搭建起中国与中亚国家文化交流的稳固桥梁。在学科层面，推动东干文学研究从理论层面向教育应用延伸，促进国际中文教育、民族学、比较文学等学科的交叉融合与特色发展。

从时代价值来看，十娃子文学遗产的教育转化，不仅是对跨境民族精神根脉的守护，更是推动“一带一路”人文交流、构建人类命运共同体的生动实践。正如东干学研究者所说的，十娃子不仅是东干书面文学的创始人[13]，更是连接中华与中亚文明的纽带。

四、结语

雅斯尔·十娃子作为东干文字的奠基人[5]，其文学遗产以语言史学、跨文化融合、艺术创新三重独特价值，成为跨境民族文化保护与当代教育实践的稀缺资源。通过深度学术研究、语言传承、艺术实践、跨文化交流四类教育项目，实现从学术语料到教学资源、从理论成果到实践应用、从校园教育到国际交流的系统性应用路径，既活化了跨境民族文化资源，又为跨文化教育创新发展与丝路人文交流提供了可实施、可推广的范式。

传承与转化十娃子文学遗产，是守护中华文化在境外发展、培育跨文化人才的重要方式。未来，需持续挖掘十娃子及其它东干族作家文学遗产的深层价值，拓展转化路径、创新

教育资源、加强国际交流,让这一独特文化形式在当代教育中绽放光彩,为国际中文教育发展、“一带一路”人文交流与人类命运共同体建设注入永恒动力。

List of used literature

1. 魏兰妤. M·伊玛佐夫童话中的中国文化元素研究[J]. 文化学刊,2025,(07): 136-139.
2. 齐雪艳, 吴晓杭. 论亚瑟儿·十娃子诗歌创作中的中华文化认同意识[J]. 边疆经济与文化,2023, (03): 64-67.
3. 林涛, 崔凤英, 张梅梅. 雅斯尔·十娃子——中亚东干族文化的奠基者[J]. 中国穆斯林,2016, (04): 58-60.DOI: 10.16293/j.cnki.cn11-1345/b.2016.04.027.
4. 陈璐. 中亚东干族诗人十四儿诗歌意象研究[D]. 伊犁师范学院,2015.
5. 常立霓. 中亚著名东干诗人亚斯尔·十娃子在中国[J]. 华文文学,2014,(06): 74-78.
6. 常文昌. 中亚华裔东干诗歌的演变——十四儿与十娃子比较论[J]. 华文文学,2013,(05): 67-72.
7. 司俊琴. 中亚东干诗人雅斯尔·十娃子的诗歌与俄罗斯文化[J]. 黑龙江民族丛刊,2012,(01): 167-172.DOI: 10.16415/j.cnki.23-1021/c.2012.01.001.
8. 张焕霞. 论 M·依玛佐夫诗歌小说中的童话审美精神[J]. 兰州工业高等专科学校学报,2011,18(06): 78-80.
9. 黄威风. 天山外的乡音——论雅斯尔·十娃子诗歌中的中国情结[J]. 四川职业技术学院学报,2010,20(03): 75-77.DOI: 10.13974/j.cnki.51-1645/z.2010.03.015.
10. 常文昌, 常立霓. 世界华语诗苑中的奇葩——中亚东干诗人雅斯尔·十娃子论[J]. 兰州大学学报,2006, (02): 60-64.DOI: 10.13885/j.issn.1000-2804.2006.02.008.
11. 海峰. 中亚东干语的语言学价值[J]. 新疆大学学报(哲学社会科学版),2006,(03): 146-149.DOI: 10.13568/j.cnki.issn1000-2820.2006.03.035.
12. 黄燕尤. 论依玛佐夫诗歌、小说中的民族文化精神[J]. 西北第二民族学院学报(哲学社会科学版),2006,(01): 110-114.
13. M·伊马佐夫, 李风双. 亚斯尔·十娃子——东干书面文学的创始人[J]. 丝绸之路,2004, (02): 17-18.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Касимова М.М.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Касимова М.М.

НАН им. Б. Жамгерчинова

Kasymova M.

NAS B. Dzhamgerchinov

**КЫТАЙ ЭЛ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ХУЭЙ ЭЛИНИН ТАМАКТАНУУ МАДАНИЯТЫ
КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ НАРОДА ХУЭЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
THE FOOD CULTURE OF THE HUI PEOPLE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF
CHINA**

Кыскача мүнөздөмө: Хуэй ашканасы — Кытай халал ашканасынын эң айырмаланган өзгөчөлүгү. Ал салттуу адал тамактануу практикасын сактоо менен Кытай кулинардык цивилизациясынын маңызын тандап сиңирүү аркылуу калыптанган. Халал ашканасы өзүнүн узак тарыхы, катуу тыюу салуулары, регионалдык айырмачылыктары, ар түрдүүлүгү жана керектөөнүн кеңири спектри менен этникалык жана регионалдык өзгөчөлүктөрдү көрсөтөт. Макалада Кытай Эл Республикасынын хуэй элинин тамактануу маданиятынын калыптанышы, өнүгүшү жана аймактык өзгөчөлүктөрү талдоого алынат. Автор хуэй элинин тамак-аш салттары ислам дининин талаптары менен кытай кулинардык маданиятынын өз ара таасиринин негизинде өнүккөнүн белгилейт. Ошондой эле Түндүк-Батыш Кытай, Нинся, Ганьсу, Шэньси жана Синьцзян аймактарындагы хуэй ашканасынын айырмачылыктары, алардын табигый шарттарга жана жергиликтүү маданиятка жараша өзгөрүшү каралат. Макалада улуттук тамак-аштын диний жана маданий мааниси, салттуу халал эрежелеринин сакталышы, этникалык өзгөчөлүктөрдүн тамактануу маданиятында чагылдырылышы кеңири баяндалат. Мындан тышкары, хуэй ашканасынын башка элдердин кулинардык маданияты менен болгон байланышы, заманбап коомдогу өзгөрүүлөрү жана Кытайдагы этностор аралык маданий алакаларды өнүктүрүүдөгү ролу талданат. Автор хуэй элинин тамактануу маданияты алардын этникалык иденттүүлүгүн жана руханий баалуулуктарын сактоонун маанилүү бөлүгү экендигин белгилейт.

Аннотация: Хуэйская кухня — наиболее отличительная черта китайской халяльной кухни. Она сформировалась путем избирательного впитывания сути китайской кулинарной цивилизации при сохранении традиционных халяльных диетических практик. Халяльная кухня, благодаря своей долгой истории, строгим табу, региональным различиям, разнообразию и широкому спектру потребления, демонстрирует отчетливые этнические и региональные особенности. В статье рассматриваются особенности культуры питания народа хуэй Китайской Народной Республики, её историческое формирование и современное развитие. Автор анализирует влияние исламских религиозных норм на систему питания хуэйцев, а также взаимодействие халяльных традиций с китайской кулинарной культурой. Особое внимание уделяется региональным различиям кухни хуэй в Нинся-Хуэйском автономном районе, провинциях Ганьсу, Шэньси, Цинхай и Синьцзян. Отмечается, что особенности питания во многом зависят от природно-климатических условий, исторических контактов и культурного окружения различных регионов Китая. В статье подробно раскрываются традиционные способы приготовления пищи, использование говядины и баранины как основных видов мяса, а также значение сладких блюд и мучных изделий в рационе хуэйцев. Кроме того, рассматривается влияние кухни других народов

Китая на развитие халяльной кухни и её адаптация к современным условиям. Подчеркивается, что культура питания народа хуэй является важной частью его этнической идентичности, духовных ценностей и межкультурного взаимодействия в многонациональном обществе Китая.

Abstract: Hui cuisine is the most distinctive feature of Chinese halal cuisine. It was formed by selectively absorbing the essence of Chinese culinary civilization while preserving traditional halal dietary practices. Halal cuisine, due to its long history, strict taboos, regional differences, diversity, and a wide range of consumption, demonstrates distinct ethnic and regional characteristics. The article examines the food culture of the Hui people of the People's Republic of China, its historical formation, and contemporary development. The author analyzes the influence of Islamic religious norms on the dietary system of the Hui people, as well as the interaction between halal traditions and Chinese culinary culture. Particular attention is paid to the regional characteristics of Hui cuisine in the Ningxia Hui Autonomous Region, as well as in the provinces of Gansu, Shaanxi, Qinghai, and Xinjiang. It is noted that dietary traditions largely depend on natural and climatic conditions, historical contacts, and the cultural environment of different regions of China. The article discusses traditional cooking methods, the use of beef and mutton as the main types of meat, and the important role of sweet dishes and flour-based foods in Hui cuisine. In addition, the study examines the influence of other ethnic cuisines of China on the development of halal food traditions and their adaptation to modern social conditions. The author concludes that the food culture of the Hui people is an important component of their ethnic identity, spiritual values, and intercultural interaction within the multicultural society of China.

Негизги сөздөр: Хуэй ашканасы; Кытай; салт; диета; тамак-аш даярдоо ыкмалары.

Ключевые слова: Хуэйская кухня; Китай; традиция; рацион питания; методы приготовления.

Keywords: Hui cuisine; China; tradition; diet; cooking methods.

Хуэйская кухня – наиболее отличительная черта китайской халяльной кухни. Она сформировалась путем избирательного впитывания сути китайской кулинарной цивилизации при сохранении традиционных халяльных диетических практик. Халяльная кухня, благодаря своей долгой истории, строгим табу, региональным различиям, разнообразию и широкому спектру потребления, демонстрирует отчетливые этнические и региональные особенности.

Рацион питания мусульман-хуэй развивался параллельно с этнической группой хуэй, что характеризует их широкое распространение, как в крупномасштабном расселении, так и в мелкомасштабном группировании. Вследствие влияния различных природных условий, экологической среды, социальной обстановки и культуры в разных регионах, кухня хуэй демонстрирует отчетливые региональные особенности, помимо соблюдения диетических ограничений, установленных в Коране и хадисах. В масштабах всей страны халяльная кухня значительно различается в зависимости от региона. На северо-западе Китая для приготовления халяльной пищи часто используются такие методы, как тушение, запекание, приготовление в горшочке, варка, тушение, жарка, томление, томление и обжаривание. Вкусы, как правило, кислые, острые и соленые, а основными приправами являются соль, сычуаньский перец, перец чили, уксус, чеснок, зеленый лук и имбирь. Формирование рациона питания хуэйцев северо-западного Китая тесно связано с географической средой, климатом и продуктами Лессового плато. Острые и соленые вкусы помогают противостоять холодным северо-западным ветрам зимой; кислые вкусы способствуют пищеварению и освежают ум в жаркое лето. Эти характеристики отражают уникальные особенности северо-западного Китая и обладают характерным стилем Цинь-Лун [1].

Халяльная кухня Северного Китая, представленная Пекином и Тяньцзинем, находится под влиянием халяльной кухни Пекина, Хэбэя и Шаньдуна, а также императорской кухни. Методы приготовления относительно изысканны, с особым акцентом на говядину и баранину, что предлагает богатое разнообразие блюд. Помимо говядины и баранины, в меню появились курица, утка, рыба и креветки, что привело к формированию особого пекинского-шаньдунского стиля. Халяльная кухня Восточного и Южного Китая характеризуется легкими вкусами и включает в себя морепродукты (рыбу, креветки, кальмары и т. д.) и птицу в качестве основных ингредиентов. В ней умело используются местные методы приготовления, такие как жарка, приготовление на пару и варка [2].

Халяльная еда различается в зависимости от региона в пределах обширной территории провинций. Северо-Западный Китай славится шашлыками из жареной баранины по-синьцзянски, пловом из баранины, жареной бараниной по-тяньшаньски, супом из баранины и т.д. В Ганьсу подают говяжью лапшу, а в Цинхае – курицу «снежная» с кордицепсом и баранину, разделанную вручную. В Нинся предлагают баранину, разделанную вручную, вареную баранину, жареную баранину, вареную курицу и тушеные субпродукты, в значительной степени сохраняя деревенские вкусы кочевой кухни. Для торжественных случаев, таких как свадьбы, в сельской местности также предлагаются различные виды традиционных банкетов, такие как «Девять чаш», «Тринадцать чаш», «Пятнадцать чаш» и «Десять чаш», в основном с тушеными блюдами, для развлечения гостей. В Шэньси также есть свои отличительные блюда, такие как тушеная баранина с хлебом и пельмени с бульоном внутри [3].

Халяльная кухня сильно различается в разных городах и уездах внутри одной провинции. В Чанцзи-Хуэйском автономном округе Синьцзяна хуэйцы, живущие в сельскохозяйственных районах и городах, как правило, не едят конину, в то время как некоторые хуэйцы в районе Ланьмэй, под влиянием казахского обычая употребления конины, также её едят. Мусульмане вдоль побережья Хуанхуа и Хайсин в Цанчжоу, провинция Хэбэй, как правило, не воздерживаются от морепродуктов, таких как моллюски, улитки и креветки-богомолы, в то время как мусульмане во внутренних районах страны употребляют их реже. Нинся разделена на горные (южная Нинся) и речные (орошаемые) районы, и халяльная кухня значительно различается между орошаемыми районами Желтой реки и горным регионом южной Нинся. В речном районе жареная лапша включает бараньи кишки и жареное тесто в сахарной глазури; в качестве закусок предлагаются куриная лапша и сэндвичи. В уезде Тунсинь, расположенном в южной горной местности Нинся, народ хуэй очень любит баранину, готовя её не только жареной, но и вареной и приготовленной на пару (с рисом снизу или лепешкой сверху). Халяльная кухня уезда Тунсинь также включает в себя уникальные блюда, такие как булочки с кунжутом, пироги с кунжутом и лепешки с говядиной и бараниной. В горных районах, таких как уезд Сицзи, народ хуэй с удовольствием ест лапшу из ферментированного тофу.

В силу своего географического распространения, хуэйцы в разных регионах в различной степени подвержены влиянию образа жизни местных коренных этнических групп. У тибетских хуэйцев в Цинхае, монгольских хуэйцев во Внутренней Монголии и дайских хуэйцев в Юньнани, помимо ярко выраженных региональных особенностей в одежде, образе жизни и брачных обычаях, их пищевые привычки демонстрируют еще более сильные региональные различия. Хуэйцы из Дицина, провинция Юньнань, находясь под влиянием тибетского образа жизни, в основном употребляют цампу (жареную ячменную муку) и чай с маслом, приготовленный на молоке. Хуэйцы из Хуалун и Калиган в Цинхае живут в образе жизни, схожем с местными тибетцами, и их рацион состоит в основном из чая с молоком и паровых булочек [4].

Народ дай-хуэй из уезда Мэнхай Сишуанбаньского дайского автономного округа провинции Юньнань говорит на языке дай, использует дайскую письменность, носит дайские фамилии, одет в дайскую одежду, живёт в домах на сваях, а их основной пищей является коричневый рис, дополняемый бобами, овощами и мхом. Они любят жевать бетель. Некоторые также едят угрей, улиток, моллюсков и крабов. Народ хуэй, живущий в Чанцзи, провинция Синьцзян, включил в свои любимые блюда уйгурский плов, жареную баранину и казахский молочный чай.

Даже среди хуэйцев, проживающих в одном районе, существуют значительные различия в пищевых привычках из-за разного происхождения. В Сиане семьи хуэйцев жарят жареные палочки из теста во время этнических праздников (таких как Ид аль-Фитр или Ид аль-Адха). Местные жители используют дрожжевое тесто, в то время как хуэйцы из других частей Китая (например, из провинции Хэнань) используют ошпаренное тесто, что приводит к совершенно разным методам приготовления и вкусу.

Помимо диетических ограничений, установленных исламом, у народа хуэй в Китае также существуют различные пищевые табу, обусловленные местными обычаями. Например, хуэйцы на северо-западе Китая не едят крабов или черепах, в то время как хуэйцы на юге едят; хуэйцы на северо-западе Китая едят кроличье мясо, в то время как хуэйцы в Центральной равнине воздерживаются от него; хуэйцы, как правило, не едят конину и не пьют кобылье молоко, но лапша с кониной, которую готовят хуэйцы в Гуйлине, очень известна, в то время как хуэйцы в скотоводческих районах Синьцзяна едят конину и пьют кобылье молоко. Все это обусловлено влиянием местных обычаев.

Совместимость халяльной кухни с другими культурами подразумевает ее долгосрочное формирование и развитие под влиянием методов приготовления пищи других этнических групп, прежде всего ханьцев. Это влияние было усвоено, улучшено и адаптировано, постепенно сформировав собственную уникальную кулинарную культуру. Народ хуэй в период своего формирования состоял в основном из персов, арабов и жителей Центральной Азии. Однако они также включали в свою культуру многих ханьцев, монголов и уйгуров, поддерживая тесные кровные связи. Одновременно с этим, хуэйцы были расселены по всей стране, долгое время жили бок о бок с ханьцами, изучали ханьскую культуру, вступали в браки, обменивались экономической информацией и испытывали сильное культурное влияние. Это значительное влияние ханьской культуры на культуру хуэй ярко отражается в их пищевых обычаях, интегрируя элементы ханьской культуры в кухню хуэй. Усвоение традиционной ханьской еды и кухни хуэйцами и другими мусульманами проявляется главным образом в заимствовании техник и обогащении разнообразия; то есть, в использовании и усвоении сложных методов приготовления пищи, а затем в их собственном развитии и совершенствовании. Когда мусульмане-хуэй перенимают и адаптируют методы приготовления пищи ханьских китайцев, они должны придерживаться строгого принципа: не нарушать исламские принципы. Они должны строго соблюдать нормы исламской культуры, гарантируя, что халяльная кухня останется уникальной среди различных школ китайской кухни [5].

Разнообразие халяльной пищи: помимо своей долгой истории и таких преимуществ, как строгие критерии отбора, отказ от курения и алкоголя, акцент на чистоте и бережливости, халяльная пища также может похвастаться широким разнообразием характеристик. По типу это лапша, сладости, мясо, желе и жидкие продукты. По вкусу – сладкие, ароматные, соленые, острые и кислые. По текстуре – мягкие, твердые, хрустящие, липкие и рассыпчатые. По способам приготовления – приготовление на пару, жарка, варка, запекание, обжаривание, жарка на сковороде, тушение, томление и копчение. Существует множество предприятий,

предлагающих халяльную пищу, охватывающих весь спектр отраслей. Еще одна важная характеристика народа хуэй – их склонность к торговле, причем пищевая промышленность является для них первостепенной задачей. Что касается традиционной кухни, то, согласно соответствующим данным, существует приблизительно 5000 видов халяльных блюд и около 1000 видов закусок.

Из более чем 2300 городов и округов по всей стране (что составляет 97,3% от общего числа городов и округов) насчитывается около 120 000 предприятий, занимающихся производством и продажей халяльной пищи (включая зерно, масла, мясо, молочные продукты, выпечку, сахар, консервы, приправы, бобовые продукты, крахмал, соль, яйца и добавки, дрожжи, чай, детское питание, продукты для здоровья, переработку фруктов и овощей, замороженные и сублимированные продукты). Производимая и продаваемая этими предприятиями халяльная пища удовлетворяет потребности мусульман всех этнических групп и играет важную роль в обеспечении их средств к существованию. В то же время развитие индустрии халяльной пищи способствовало переработке сельскохозяйственной и побочной продукции, а также животноводству в районах проживания этнических меньшинств, решило проблемы занятости для некоторых групп населения и сыграло важную роль в содействии местному экономическому развитию, обеспечении социальной стабильности, этнического единства и помощи людям в скорейшем выходе из бедности, что привело к значительным социальным выгодам [6].

Разнообразие халяльной пищи также отражается в многообразии кухни хуэй в некоторых регионах. Например, традиционный рацион хуэй в Сиане, провинция Шэньси, очень разнообразен и в основном включает в себя: несладкие блюда, такие как вяленая говядина и баранина, тушеное мясо, жареные кусочки курицы, тушеная курица, жареная печень говядины и баранины, приготовленная на пару с рисовой мукой, жареные лепешки из теста, мясные пироги, блинчики с луком-шниттом, булочки с бараниной, пельмени, пельмени на пару, паомо (включая паомо с говядиной и бараниной, жареное паомо, паомо с говядиной и бараниной, паомо с тушеными овощами, паомо с редисом и т.д.), шуйпэнь (разновидность супа), тушеные субпродукты говядины и баранины, сушеное тушеное мясо, жареное с зеленым луком мясо, а также различные жареные и тушеные блюда. Лапша включает в себя такие блюда, как лепешки, хрустящие жареные лепешки, жареные палочки из теста, спринг-роллы, маши (разновидность лапши), саоцзы, рваная лапша, лапша, нарезанная ножом, жареная лапша с говядиной и бараниной, гейоуча (разновидность чая) и смешанные супы. Сладкие блюда включают в себя кунжутный пирог, пирог из клейкого риса, бобовый пирог, пирог с ассорти из фруктов, рисовые клецки в медовой глазури, жареный пирог из теста, пирог из клейкого риса, пирог с хурмой и различные сладкие супы, такие как овощной суп, суп из боярышника и суп из лилий. Выпечка, такая как пирожки байпи, халива, медовый фруктовый пирог, весенний пирог, миндальные хрустящие орехи и т. д. Лечебные блюда, такие как бычий хвост с ягодами годжи, бараньи отбивные с кодонопсисом, баранина с золотыми финиками, бараньи ребрышки в медовой глазури, тушеные бараньи потроха с лакрицей и тушеная баранина с ямсом и т. д.

Подводя итог, можно отметить, что огромное разнообразие, новизна, аромат, красота и изысканность халяльной пищи демонстрируют изобретательность хуэй и других мусульманских общин. Халяльная пища питательна и пользуется широкой популярностью не только среди хуэй и ханьцев, но и среди мусульман всего мира.

Среди китайских мусульман существует значительная разница в масштабах потребления халяльной и нехаляльной пищи. Китайская халяльная пища доступна не только мусульманам внутри страны, таким как хуэй и другие этнические группы, но и мусульманам всего мира (включая иностранных мусульман в Китае) [7].

Говоря об отличительных особенностях кухни хуэй можно отметить следующее:

Во-первых, в основном рационе хуэй преобладают продукты на основе пшеницы, а не риса. Пшеничные блюда являются традиционным основным продуктом питания народа хуэй, отличаясь беспрецедентным разнообразием, новаторскими способами приготовления, восхитительным вкусом и изысканными техниками, демонстрируя изобретательность народа.

Во-вторых, сладкие блюда занимают важное место в кухне хуэй, что связано с любовью к сладостям среди арабских мусульман. Среди арабских мусульман существует традиция перед первым кормлением давать новорожденному небольшое количество фиников или меда. Сходный обычай сохраняется и у хуэйцев Нинся, где после рождения ребенку дают небольшое количество коричневого сахара. Существует множество сладких блюд из риса и пшеницы, таких как лянгао (холодный рисовый пирог), цегао (рисовый пирог), бабао тянь-пань (8 тарелок со сладостями «Восемь сокровищ»), сладкие махуа (скрученные палочки из теста), сладкие саныцзы (жареные скрученные лепешки из теста), цигао (рисовый пирог из клейкого риса), цзянми гао (рисовый пирог из клейкого риса), пирог с хурмой и хутуо (разновидность лепешки). Хуэйцы Нинся даже превратили традиционное мусульманское лакомство юсян (жареные палочки из теста) в сладкую версию, добавляя мед и коричневый сахар в тесто во время приготовления.

В-третьих, народ хуэй питает особую любовь к говядине и баранине, что связано с принципами питания в исламе. Ислам предписывает употребление в пищу таких видов мяса, как говядина, баранина, курица, утка и рыба, запрещая при этом употребление свинины, осла, мула, а также мяса хищных птиц и диких животных. Лю Чжи в своей книге «Тяньфан Дяньли» утверждает: «Пища предназначена для питания природы человека» и «Все птицы, питающиеся зерном, и животные, питающиеся травой, обладают доброй природой и пригодны в пищу». Он также отмечает: «Только верблюды, коровы и овцы обладают чистыми добродетелями, действительно полезны и могут быть использованы в пищу». Вся пища, рекомендуемая исламом, — это хорошая пища. Возьмем, к примеру, баранину: она спокойная, чистоплотная, а ее мясо не только вкусное, но и обладает питательными и лечебными свойствами. Баранина содержит белки, жиры, витамины и минералы, такие как кальций, фосфор и железо. Регулярное употребление баранины может укрепить желудок, избавить от простуды, повысить энергию ян, принести пользу почкам и восполнить дефицит питательных веществ.

В-четвертых, народ хуэй высоко ценит изучение и перенимание кулинарного опыта других этнических групп. На протяжении сотен лет хуэй жили в гармонии с ханьцами и другими этническими группами, делясь ресурсами и внедряя множество кулинарных традиций, таких как пельмени, паровые булочки, цзунцзы (клеякие рисовые пельмени), юаньсяо (рисовые шарики) и лунные пирожки. При приготовлении этих блюд хуэйцы не просто копируют их дословно, а творчески совершенствуют. Например, в случае с пельменями они не просто заменили ханьские пельмени на халяльные, но и внесли новшества в ингредиенты, методы приготовления и даже способ употребления. Кислые суповые пельмени — одно из главных изобретений хуэйцев.

Таким образом, в современное время, с развитием социально-экономической сферы и повышением уровня жизни населения, кулинарный обмен между хуэйцами и ханьцами и другими этническими группами становится все более тесным, что способствует дальнейшему развитию кулинарной культуры хуэйцев [8].

Список использованной литературы

1. Хуэйская мусульманская кухня. Издательская медиагруппа «Йеллоу Ривер» Народное издательство Нинся Под редакцией Хун Мэйсян и Лю Вэй.

2. Israeli R. Muslims in China/ A study in Cultural Confrontation (Мусульмане в Китае. Исследование культуры в сопоставлении). – London- Malmö. 1980 (англ. яз.).
3. Линь Гань «Об этногенезе дунган» // Советская этнография. – 1959. – С.42-56.
4. Ларин В.Л. По Юго-Западному Китаю. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
5. Палладий (Кафаров П.И.) О магометанстве в Китае // Труды русской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т.4. – 551 с.
6. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – 3-е изд. испр. и доп.- М: Наука, 1987. – 448 с.
7. Стариков В.С. Материальные культуры китайцев. – М.: Наука, 1967. - 255 с.
8. Сушанло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк). – Фрунзе: Илим, 1971. – 305 с.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 378 + 004

Кубанычбек кызы Ж.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Кубанычбек кызы Ж.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Kubanychbek kyzy Zh.

КНУ Jusup Balasagyn

ЖОГОРКУ БИЛИМ БЕРҮҮНҮ САНАРИПТЕШТИРҮҮНҮН АДистерДИ ДАЯРДООНУН САПАТЫНА ТААСИРИ (КЫРГЫЗСТАНДЫН МИСАЛЫНДА)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION AND ITS IMPACT ON THE QUALITY OF SPECIALIST TRAINING: THE CASE OF KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кыргыз Республикасындагы жогорку билим берүү системасын санариптештирүү жана анын адистерди даярдоонун сапатына тийгизген таасири каралат. Мамлекеттик санариптик трансформация программалары, электрондук билим берүү платформаларын киргизүү, аралыктан окутуу технологиялары жана университеттерди башкаруунун санариптик куралдары талданат. Санариптештирүүнүн артыкчылыктарын жана чектөөлөрүн аныктоого, ошондой эле санариптик экономика шартында кадрларды даярдоонун натыйжалуулугун жогорулатуу боюнча практикалык сунуштарды иштеп чыгууга өзгөчө көңүл бурулат.

Аннотация: В статье исследуются особенности цифровизации системы высшего образования Кыргызской Республики и её влияние на качество подготовки специалистов. Рассматриваются государственные программы цифровой трансформации, процессы внедрения электронных образовательных платформ, дистанционных технологий обучения и цифровых инструментов управления университетами. Особое внимание уделено выявлению преимуществ и ограничений цифровизации, а также формулированию практических рекомендаций по повышению эффективности подготовки кадров в условиях цифровой экономики.

Abstract: This article examines the digitalization of the higher education system in the Kyrgyz Republic and its impact on the quality of specialist training. It analyzes state digital transformation programs, the implementation of electronic educational platforms, distance learning technologies, and digital tools for university management. Particular attention is paid to identifying the advantages and limitations of digitalization, as well as to formulating practical recommendations for improving the effectiveness of specialist training in the digital economy.

Негизги сөздөр: билим берүүнү санариптештирүү; жогорку билим берүү; Кыргызстан; адистерди даярдоонун сапаты; санариптик технологиялар; аралыктан окутуу.

Ключевые слова: цифровизация образования; высшее образование; Кыргызстан; качество подготовки специалистов; цифровые технологии; дистанционное обучение.

Keywords: digitalization of education; higher education; Kyrgyzstan; quality of specialist training; digital technologies; distance learning.

В условиях XXI века цифровизация становится одним из ключевых факторов трансформации общественных институтов, включая систему образования. Развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на содержание, формы и методы обучения, а также на организацию образовательного процесса в целом. Высшее образование как важнейший элемент подготовки человеческого капитала находится в центре этих преобразований.

Для Кыргызской Республики цифровизация высшего образования имеет стратегическое значение, поскольку связана с необходимостью повышения конкурентоспособности национальной образовательной системы, расширения доступа к образовательным ресурсам и интеграции в глобальное образовательное пространство. Реализация государственных инициатив, включая Концепцию цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы, направлена на формирование современной цифровой инфраструктуры и развитие человеческого капитала [8].

Целью настоящего исследования является анализ влияния цифровизации высшего образования на качество подготовки специалистов в Кыргызской Республике, а также выявление ключевых проблем и перспектив развития данного процесса.

Теоретические основы цифровизации высшего образования. Цифровизация высшего образования представляет собой комплексный процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий в образовательную, научную и административную деятельность университетов. Данный процесс предполагает не только внедрение технических решений, но и трансформацию образовательной парадигмы в направлении более гибких, адаптивных и персонализированных моделей обучения.

Современные цифровые технологии позволяют перейти от традиционной модели передачи знаний к интерактивному обучению, ориентированному на активное участие студентов в образовательном процессе. При этом возрастает значение формирования цифровых компетенций, включающих навыки работы с информацией, использования специализированного программного обеспечения, коммуникации в цифровой среде и аналитического мышления.

Таким образом, цифровизация становится неотъемлемым элементом подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в условиях цифровой экономики.

Современное состояние высшего образования в Кыргызской Республике. Система высшего образования Кыргызской Республики характеризуется значительным масштабом и разнообразием институциональных форм. В стране функционируют государственные и

частные университеты, академии, институты, а также филиалы зарубежных образовательных учреждений. По данным Национального статистического комитета, численность студентов в 2024 году превысила 231 тысячу человек, при этом значительная их часть сосредоточена в столице — городе Бишкеке.

Дополнительным показателем развития системы является рост числа иностранных студентов, что свидетельствует о повышении международной привлекательности кыргызских вузов. Однако наряду с положительными тенденциями сохраняется ряд системных проблем, связанных с неравномерностью качества образования, ограниченностью материально-технической базы, недостаточной связью образовательных программ с требованиями рынка труда и дефицитом финансовых ресурсов.

В этих условиях цифровизация рассматривается как один из ключевых инструментов модернизации высшего образования.

Основные направления цифровизации высшего образования в Кыргызской Республике. Активная фаза цифровизации высшего образования в Кыргызской Республике началась в период пандемии COVID-19, когда образовательные организации были вынуждены оперативно перейти к дистанционному формату обучения. Это способствовало широкому внедрению образовательных платформ, таких как Moodle, Google Classroom, Zoom и Microsoft Teams. Данный этап продемонстрировал устойчивость образовательной системы и её способность адаптироваться к кризисным условиям.

Параллельно происходит цифровизация управленческих процессов в университетах. Внедрение электронного документооборота, автоматизированных систем учёта успеваемости, онлайн-регистрации студентов и цифровых сервисов взаимодействия существенно повышает прозрачность и эффективность управления образовательными организациями.

Кроме того, кыргызские вузы активно участвуют в международных инициативах, в частности в программах Erasmus+, направленных на развитие цифровых и «зелёных» университетов. Это способствует интеграции национальной системы образования в международное образовательное пространство и обмену передовыми практиками [10].

Влияние цифровизации на качество подготовки специалистов. Цифровизация оказывает многогранное влияние на качество подготовки специалистов. Прежде всего, она способствует расширению доступности образования, что особенно важно для Кыргызской Республики с её сложной географией. Использование дистанционных технологий позволяет студентам из отдалённых регионов получать доступ к образовательным ресурсам ведущих университетов.

Важным аспектом является также индивидуализация обучения. Цифровые платформы обеспечивают возможность отслеживать образовательную траекторию студента, выявлять его сильные и слабые стороны и адаптировать учебный процесс к индивидуальным потребностям. Это способствует более глубокому усвоению знаний и формированию устойчивых профессиональных компетенций.

Дополнительным эффектом цифровизации является развитие цифровых навыков, востребованных на современном рынке труда. В процессе обучения студенты осваивают инструменты цифровой коммуникации, анализа данных и работы с информационными системами, что повышает их конкурентоспособность.

Кроме того, цифровые технологии способствуют повышению прозрачности и объективности оценки знаний за счёт использования автоматизированных систем тестирования и аналитики.

Проблемы цифровизации высшего образования в Кыргызской Республике.

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровизации сопровождается рядом существенных ограничений. Одной из ключевых проблем остаётся цифровое неравенство, проявляющееся в различиях уровня доступа к интернету и техническим средствам между городскими и сельскими территориями. Это ограничивает возможности полноценного участия студентов в образовательном процессе.

Серьёзным вызовом является также недостаточный уровень цифровой компетентности части преподавателей, что снижает эффективность использования современных образовательных технологий. В ряде случаев дистанционное обучение носит формальный характер и не обеспечивает необходимого уровня взаимодействия между преподавателем и студентом.

Дополнительной проблемой является ограниченность цифрового образовательного контента на кыргызском языке, что сдерживает развитие национальной образовательной среды. Наряду с этим возрастает риск академической недобросовестности в условиях онлайн-обучения.

Практическое значение цифровизации для рынка труда. Цифровизация экономики Кыргызской Республики обуславливает рост спроса на специалистов, обладающих современными цифровыми компетенциями. Развитие таких сфер, как электронная коммерция, финтех, информационные технологии и цифровые государственные услуги, требует подготовки кадров нового типа.

В этой связи высшие учебные заведения должны ориентироваться на формирование практико-ориентированных навыков и тесное взаимодействие с работодателями. Несоответствие между содержанием образовательных программ и требованиями рынка труда может привести к дефициту квалифицированных специалистов и снижению конкурентоспособности экономики.

Пути повышения эффективности цифровизации. Повышение эффективности цифровизации высшего образования требует комплексного подхода. Перспективным направлением является развитие смешанных форм обучения, сочетающих традиционные и цифровые методы. Особое значение имеют систематическое повышение квалификации преподавателей в области цифровой педагогики и внедрение инновационных образовательных технологий.

Не менее важны создание качественного национального образовательного контента, а также развитие инфраструктуры, особенно в регионах. Усиление взаимодействия с работодателями позволит обеспечить практическую направленность образовательных программ и повысить их актуальность.

Перспективы развития. В ближайшие годы цифровизация высшего образования будет связана с активным внедрением технологий искусственного интеллекта, адаптивных образовательных платформ, виртуальной и дополненной реальности. Ожидается также развитие систем цифровой сертификации и аналитики образовательных данных.

При условии последовательной государственной политики Кыргызская Республика имеет потенциал стать одним из центров цифрового образовательного развития в Центральной Азии.

Цифровизация высшего образования в Кыргызской Республике представляет собой объективный и необходимый процесс модернизации системы подготовки специалистов. Она способствует расширению доступа к образованию, повышению эффективности управления вузами и развитию ключевых компетенций студентов.

В то же время успешная реализация цифровой трансформации требует решения инфраструктурных, кадровых и методических задач. Только при условии комплексного подхода цифровизация сможет стать эффективным инструментом формирования конкурентоспособных специалистов, способных отвечать вызовам современной экономики.

Обзор литературы по теме исследования. Проблематика цифровизации высшего образования активно рассматривается в современной научной литературе как в странах Центральной Азии, так и в международном контексте. В работах Б. Васича, Ж. Сардаровой и Г. Кисметовой цифровая трансформация высшего образования определяется как комплексный процесс, включающий изменение дидактических подходов, организационных моделей и технологической инфраструктуры университетов. Авторы подчёркивают, что внедрение цифровых технологий сопровождается не только расширением возможностей обучения, но и необходимостью адаптации педагогических методик [1].

Схожую позицию занимает Ж.А. Азимбаева, которая рассматривает цифровизацию как фактор, формирующий новые требования к компетенциям выпускников, включая способность работать в цифровой среде и решать комплексные профессиональные задачи [2]. Данное положение подтверждает тезис о том, что качество подготовки специалистов напрямую зависит от уровня цифровой интеграции образовательного процесса.

В исследованиях Кенеевой Д.М. и Эшенкулова П. акцент делается на практических аспектах внедрения цифровых технологий в университетах Кыргызской Республики [3]. Авторы отмечают, что цифровизация способствует расширению доступа к образовательным ресурсам, развитию дистанционного обучения и повышению эффективности взаимодействия между участниками образовательного процесса. Однако, по их мнению, данные преимущества реализуются не в полной мере вследствие инфраструктурных и организационных ограничений.

В работе Т. Мукановой и соавторов подчёркивается влияние цифровых технологий на мотивацию обучающихся и их готовность к обучению в цифровой среде [4]. Авторы указывают, что эффективность цифровизации во многом зависит от уровня цифровой грамотности участников образовательного процесса.

В исследовании Аликариевой А. рассматриваются проблемы управления качеством образования в условиях цифровизации [5]. Автор отмечает, что цифровые технологии способны повысить прозрачность и доступность образования, однако требуют эффективных механизмов контроля и регулирования [6].

Анализ литературы показывает, что большинство исследователей сходятся во мнении о положительном влиянии цифровизации на систему высшего образования. Вместе с тем отмечается недостаточная проработка вопросов адаптации цифровых технологий к национальным условиям, включая языковые, инфраструктурные и кадровые особенности Кыргызской Республики. Это определяет актуальность данного исследования.

В рамках исследования использовался комплексный подход, включающий теоретические и эмпирические методы. Теоретическую основу составили анализ научной литературы, нормативных документов и государственных программ в области цифровизации образования.

Методологическая база исследования опирается на системный подход, позволяющий рассматривать цифровизацию как комплексное явление, затрагивающее образовательную, управленческую и социально-экономическую сферы.

Выбранная методология позволяет не только описать текущее состояние цифровизации, но и выявить причинно-следственные связи между внедрением цифровых технологий и качеством подготовки специалистов.

Описание процесса исследования и его результатов. Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе был осуществлён анализ нормативно-правовых документов Кыргызской Республики, регулирующих цифровую трансформацию образования, включая государственные концепции и программы.

На втором этапе был проведён анализ статистических данных и научных публикаций, отражающих текущее состояние системы высшего образования. Особое внимание уделялось показателям доступности образования, уровню внедрения цифровых технологий и участию вузов в международных проектах.

На третьем этапе были обобщены результаты научных исследований, посвящённых влиянию цифровизации на качество обучения, включая уровень усвоения знаний, развитие цифровых компетенций и адаптацию студентов к цифровой образовательной среде.

В результате исследования установлено, что цифровизация оказывает преимущественно положительное влияние на качество подготовки специалистов. Она способствует расширению доступа к образованию, индивидуализации обучения и формированию востребованных на рынке труда навыков [7].

Вместе с тем выявлены существенные ограничения, включая цифровое неравенство, недостаточную подготовку преподавателей и ограниченность образовательного контента на национальных языках.

Результаты исследования подтверждают, что цифровизация является необходимым условием модернизации образования, однако её эффективность зависит от комплексности внедрения и учёта национальных особенностей.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация высшего образования в Кыргызской Республике является ключевым фактором повышения качества подготовки специалистов. Она способствует развитию гибких образовательных моделей, формированию цифровых компетенций и интеграции страны в международное образовательное пространство.

В то же время выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости системного подхода к цифровой трансформации.

В целях повышения эффективности цифровизации рекомендуется:

- развивать цифровую инфраструктуру, особенно в регионах;
- повышать уровень цифровой компетентности преподавателей;
- создавать качественный образовательный контент на кыргызском языке;
- внедрять смешанные формы обучения;
- усиливать взаимодействие вузов с работодателями.

Ключевым условием успешной цифровизации является не только внедрение технологий, но и изменение образовательной культуры, ориентированной на инновации и непрерывное обучение.

Список использованной литературы

1. Васич Б., Сардарова Ж., Кисметова Г. Цифровая трансформация высшего образования: вызовы времени // Journal of Educational Sciences. – 2024.
2. Азимбаева Ж.А. Анализ ключевых аспектов цифровой трансформации системы высшего образования // Вестник Карагандинского университета. – 2024.

3. Кенеева Д.М., Эшенкулов П. Цифровизация университета: новый взгляд на образование // НАН КР. – 2024.
4. Муканова Т., Темирханова М., Mustaffa M.R. Цифровизация образования: влияние на качество обучения // IJED. – 2024.
5. Аликариева А. Проблемы управления качеством высшего образования в условиях цифровизации // Journal of Social Research. – 2025.
6. Оспанова А. и др. Реализация государственной политики цифровизации высшего образования // Государственное управление. – 2025.
7. Программа повышения цифровой грамотности и обучения цифровым навыкам на 2025–2026 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kg/ru/post/s/24999-minkab-2025-2026-zyldarga-sanariptik-sabattuuluktu-zogorulatuu-zana-sanariptik-kondumdordu-okutuu-programmasyn-bekitti>
8. Концепция цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы: Указ Президента Кыргызской Республики № 90 от 5 апреля 2024 г.
9. План мероприятий по реализации Концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.kg/wp-content/uploads/2024/06/plan-meropriyatij-po-realizaczii-konczepczii-czifrovoj-transformaczii-kyrgyzskoj-respubliki-na-2024%E2%80%932028-gody.pdf>
10. Дорожная карта по итогам ТАМ-семинара «Формирование цифровой этики в высшем образовании: этические технологии, ответственность и права в цифровую эпоху» // Erasmus+ Kyrgyzstan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://erasmusplus.kg/>

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Нарынбаева Бактыгул Борбиевна

УДК 327(575.2: 510)

Кудаяров К.А.

К. Карасаев атындагы БМУ

Кудаяров К.А.

БГУ имени К. Карасаева

Kudayarov K.

BSU K. Karasaev

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8970-8694>

КЫРГЫЗ-КЫТАЙ ЭКСПЕРТТИК КЫЗМАТТАШУУСУ: ПОТЕНЦИАЛЫ ЖАНА ТОСКОЛДУКТАРЫ

КЫРГЫЗСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОТЕНЦИАЛ И БАРЬЕРЫ

KYRGYZ-CHINESE EXPERT COOPERATION: POTENTIAL AND BARRIERS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада илимий дипломатиянын жана гуманитардык кызматташуунун алкагында Кыргызстан менен Кытайдын ортосундагы эксперттик-аналитикалык кызматташтыкты өнүктүрүүнүн келечеги жана механизмдери каралат. Автор Кыргызстандагы кытай таануучуларды даярдоо системасынын учурдагы абалын талдап, эл аралык мамилелер, экономика, коопсуздук жана аналитика багыттарындагы адистердин жетишсиздигине өзгөчө көңүл бурат. Макалада кытай тилин жана маданиятын үйрөнгөн

студенттердин саны өсүп жаткандыгына карабастан, Кытай боюнча профессионалдуу аналитикалык жана эксперттик иш жүргүзө алган адистердин тартыштыгы сакталып жатканы белгиленет. Изилдөөдө келечектеги эксперттерди даярдоонун туруктуу инфраструктурасын түзүүнүн мааниси баса белгиленип, илимий-изилдөө борборлорун, аналитикалык платформаларды, жаштар эксперттик клубдарын жана академиялык алмашуу программаларын өнүктүрүү зарылдыгы көрсөтүлөт. Автор студенттерди жогорку окуу жайларындагы кытай таануу жана эксперттик түзүмдөрдүн ишине активдүү тартууну сунуштайт. Ошондой эле эл аралык кызматташтыкты кеңейтүү, практикалык даярдыкты күчөтүү, стажировкаларды уюштуруу жана жаш изилдөөчүлөрдүн академиялык мобилдүүлүгүн жогорулатуу маселелери каралат. Макаланын жыйынтыгында Кытай багыты боюнча эксперттик потенциалды чыңдоо Кыргызстан менен Кытайдын стратегиялык өнөктөштүгүн өнүктүрүүнүн жана аймактык интеграциялык процесстерге активдүү катышуунун маанилүү шарты экени белгиленет.

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы и механизмы укрепления экспертно-аналитического сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем в контексте современной научной дипломатии и гуманитарного взаимодействия. Автор анализирует текущее состояние подготовки специалистов-китаистов и развития экспертного сообщества в Кыргызстане, уделяя особое внимание вопросам кадрового обеспечения в сферах международных отношений, экономики, безопасности и аналитики. Отмечается, что несмотря на устойчивый рост числа студентов, изучающих китайский язык и культуру, в стране сохраняется острый дефицит специалистов, способных профессионально заниматься аналитической, исследовательской и экспертной деятельностью по китайскому направлению. В статье подчеркивается важность формирования системной инфраструктуры подготовки будущих экспертов, включая развитие научно-исследовательских центров, аналитических площадок, молодежных экспертных клубов и академических обменов. В качестве одного из решений предлагается активнее вовлекать студентов в деятельность китаеведческих и экспертных структур при кыргызско-китайских факультетах и исследовательских центрах вузов республики. Автор также обращает внимание на необходимость расширения межвузовского и международного сотрудничества, усиления практической подготовки, организации стажировок и повышения уровня академической мобильности студентов и молодых исследователей. Делается вывод о том, что укрепление экспертного потенциала Кыргызстана в китайском направлении является важным условием развития двустороннего стратегического партнерства и эффективного участия страны в региональных интеграционных процессах.

Abstract: The article examines the prospects and mechanisms for strengthening expert and analytical cooperation between Kyrgyzstan and China within the framework of scientific diplomacy and humanitarian interaction. The author analyzes the current state of Chinese studies education and the development of the expert community in Kyrgyzstan, paying particular attention to the shortage of specialists in the fields of international relations, economics, security studies, and analytics. It is noted that despite the steady growth in the number of students studying the Chinese language and culture, the country still faces a significant lack of professionals capable of conducting high-quality analytical and expert work related to China. The article emphasizes the importance of creating a sustainable infrastructure for training future experts, including the development of research centers, analytical platforms, youth expert clubs, and academic exchange programs. As one of the possible solutions, the author proposes increasing student involvement in the activities of Chinese studies and expert organizations operating within Kyrgyz-Chinese faculties and university research centers. The study also highlights the need to expand interuniversity and international cooperation, strengthen

practical training, organize internships, and improve the academic mobility of students and young researchers. The article concludes that strengthening Kyrgyzstan's expert potential in the Chinese direction is an important prerequisite for the further development of strategic partnership between Kyrgyzstan and China and for the country's effective participation in regional integration processes.

Негизги сөздөр: Кыргызстан; Кытай; кыргыз-кытай факультеттери; аналитикалык борборлор; эксперт-кытайлар.

Ключевые слова: Кыргызстан; Китай; кыргызско-китайские факультеты; аналитические центры; эксперты-китаисты.

Keywords: Kyrgyzstan; China; Kyrgyz-Chinese faculties; analytical centers; sinologist-experts.

Возможности развития экспертно-аналитического сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном во многом определяются наличием высококачественной научно-образовательной инфраструктуры, способной подготовить экспертов-китаистов на должном уровне.

Исходя из этого понимания была создана соответствующая научно-образовательная инфраструктура: кыргызско-китайские факультеты и институты, (а отчасти также и востоковедческие факультеты), с помощью которых необходимо восполнить временный кадровый пробел и образовать целый кластер экспертов-китаистов, подготовленных для работы над дальнейшим укреплением взаимодействия между двумя государствами, одним из важнейших аспектов которого должно стать экспертно-аналитическое сотрудничество.

На сегодняшний день около 5 тысяч кыргызстанцев обучается в КНР, а более 10 тысяч студентов – в институтах Конфуция Кыргызской Республики [5]. Ежегодно Кыргызско-Китайские факультеты (ККФ) и факультеты востоковедения заканчивает несколько тысяч студентов по республике. Однако бо́льшая их часть занята в сфере перевода и переводоведения, филологии и лингвистики, при этом чувствуется нехватка экспертов по международным отношениям, в том числе по международным экономическим контактам, требуются специалисты по вопросам безопасности, по вопросам межкультурных коммуникаций и т.д. (учитывая тот факт, что в скором времени ожидается расширение экономического присутствия КНР в Кыргызстане: появление новых китайских компаний, строительство фабрик и заводов и т.д.) многие из тех, кто сейчас учится в Кыргызстане или продолжает получение образования в КНР в будущем смогут занять достойное место на рынке труда Кыргызстана, применив полученные навыки в совместных кыргызско-китайских проектах или занимаясь исследованиями в области китаеведения в Кыргызстане. Отчасти это происходит из-за сильного перекоса в сторону изучения китайского языка при нехватке сильных экспертов-китаистов из числа ППС вузов.

Некоторый дисбаланс, имеющийся в сфере подготовки специалистов в скором времени будет устранен за счет открывшегося в апреле 2024 года ККФ в КГУ им. И. Арабаева [4], а также возможностей, предоставляемых в рамках ККФ вузов Кыргызстана. В качестве дополнительной меры стоит рассмотреть открытие исследовательских или аналитических центров (АЦ) при каждом Кыргызско-Китайском факультете Кыргызстана. Это даст толчок для общего развития всех ключевых направлений экспертно-аналитического сотрудничества между Кыргызстаном и КНР. При этом под аналитическими центрами мы прежде всего имеем в виду организации, которые специализируются на анализе государственной политики. Проводя исследования, они взаимодействуют с соответствующими акторами, консультируют

их по внутренним и международным вопросам, тем самым давая возможность своим клиентам (государственным и частным) принимать обоснованные решения в сфере государственной политики.

Сложившаяся система подготовки таких специалистов представлена в рамках Кыргызско-китайского исследовательского института КНУ (ККИИ КНУ), ККФ БГУ им. К. Карасаева, ККФ КГУ им. И. Арабаева, ККФ ОшГУ, некоторых вузов республики, которые готовят китаистов в рамках филологического профиля (например, Филологический институт ЖАГУ) и т.д. По сути, специалистов много, но экспертно-аналитическое сотрудничество от этого не стало активнее развиваться. На наш взгляд, это объясняется нехваткой практической составляющей в программе или студенческой жизни студентов-китаистов-международников. За 4 года обучения по программе бакалавриата довольно сложно обрести аналитические навыки на уровне, позволяющем уверенно называть себя экспертом-международником. Однако этот пробел возможно заполнить через оттачивание своих профессиональных навыков через постоянные коллаборации. Такие условия могли бы предоставляться в рамках аналитических и исследовательских центров, которые необходимо создавать непосредственно при ККФ упомянутых выше вузов, чтобы студенты уже с первого курса вовлекались в эти процессы (начиная от подготовки зала для конференции, написания анонсов и пресс-релизов, и заканчивая непосредственным участием в студенческих круглых столах и конференциях, а затем и в мероприятиях более высокого уровня с подготовкой серьезных аналитических работ), для того, чтобы студенты ощущали свою непосредственную причастность к этим вещам, и эта деятельность становилась бы их стимулом для дальнейшего профессионального роста и превращения в полноценного эксперта. Говоря другими словами, точно также, как будущий врач уже в студенческие годы или будучи ординатором работает в больницах, так и будущий эксперт-международник-китаист должен работать либо постоянно вовлекаться в работу и в мастер-классы в аналитическом центре, а также участвовать в академической мобильности и прочих видах профессиональной активности.

Несмотря на то, что такой центр уже есть при ККИИ КНУ, мы должны руководствоваться соображениями о необходимости поддержки каждого вуза, имеющего соответствующую инфраструктуру для взращивания будущих китаистов и востоковедов, создавая им стимулы прямо в этих вузах. В рамках г. Бишкека такой инфраструктурой помимо КНУ им. Ж. Баласагына обладают БГУ им. К. Карасаева и КГУ им. И. Арабаева, где и должны появиться такие центры. Создавая множество таких аналитических и исследовательских центров, мы сможем создать здоровую конкуренцию между ними, как это происходит в самом Китае.

Очевидно, что создание таких аналитических центров крайне необходимо. В Кыргызстане на данный момент имеется 25 АЦ, но ни один из них не занимается систематическими исследованиями Китая [2, с. 44-55; 3, с. 62-77]. Если судить по официальным интернет-сайтам кыргызстанских аналитических центров, мы не сможем обнаружить даже отдельной рубрики для исследований современного Китая. Новостная колонка на сайте Института стратегического анализа и прогноза (ИСАП) КРСУ, посвященная внешней политике КНР, а также периодические исследования в рамках китайской тематики – это, пожалуй, всё, что мы имеем из общедоступных электронных ресурсов. Однако в условиях полного отсутствия специализированных организаций, изучающих Китай, даже это выглядит относительно неплохо.

Согласно данным рейтинга аналитических центров мира, составленного Пенсильванским университетом в 2020 году (Рейтинг МакГанна) [6], в КНР на тот момент значилось 1413 АЦ, многие из которых специализировались на исследованиях в таких сферах,

как политика, экономика, международные отношения, безопасность, торговля, право, культура, образование и т.д. Значительная часть из этих АЦ занимается изучением международных отношений в страноведческом и региональном масштабе. Растет число публикуемых в КНР работ о Центральной Азии (от нескольких сот в год в 2000-е годы до нескольких тысяч на сегодняшний день) [1].

Наблюдается постепенный рост числа китайских исследовательских и аналитических центров, изучающих Центральную Азию, количество которых уже исчисляется несколькими десятками. Однако при всем этом мы практически не наблюдаем создания таких организаций у нас, если не считать того, что в феврале 2025 года был открыт академический «Центр научных исследований» ККИИ КНУ, а в августе того же года был создан совместный научно-исследовательский центр ШОС на базе КНУ им. Ж. Баласагына и Шаньдунского университета.

Общеизвестно, что лидером среди китайских организаций, занимающихся Центральной Азией, является Академия общественных наук КНР. Нам бы хотелось предложить китайской академии общественных наук рассмотреть возможность создания ряда совместных кыргызско-китайских аналитических центров при БГУ им. К. Карасаева, при КГУ им. И. Арабаева и ОшГУ. Это позволило бы более эффективно работать над подготовкой будущих экспертов-китаистов за счет создания соответствующей материально-технической базы, создания лабораторий по исследованию Китая и Центральной Азии, за счет активного академического и экспертного обмена между аналитическими центрами КНР и Кыргызстана, а также совместной публикационной деятельности. Стоит рассмотреть организацию совместных ежегодных мероприятий, включающих мастер-классы и лекции китайских и кыргызстанских экспертов. Перспективной выглядит создание клубов китаистов при каждом из четырех вузов со своим собственным аппаратом управления. Немаловажным является наделение их автономностью при принятии решений, выделение им небольших финансовых средств для организации и проведения собственных научных мероприятий (например, грантовые средства от правительственных и неправительственных структур и т.д.). Необходимо также использовать возможности виртуальных площадок и устраивать онлайн-конференции, лекции, мастер-классы, а также проводить грантовые исследования, конкурсы на лучшие студенческие работы и т.д. Необходимо позволить будущим экспертам проявлять инициативу и самостоятельно определять научную повестку, проводить самостоятельные научные мероприятия между клубами китаистов из БГУ, КНУ, ОшГУ, клубами и отдельными группами заинтересованных студентов из стран ЦА и КНР.

Таким образом, АЦ помимо стандартного функционала, включающего исследовательскую деятельность, генерирующего идеи, рекомендации для государственных и общественных структур, одновременно выполнял бы функции обучающего центра для студентов, тренинг-центра и центра повышения квалификации для преподавателей и начинающих экспертов. Для этого необходимо расширить инфраструктуру АЦ, чтобы его экспертно-аналитическая составляющая не смешивалась с научно-образовательной в такой степени, которая могла бы нарушить деятельность по выпуску качественной аналитической продукции. При этом труды АЦ всегда бы внедрялись в основные образовательные программы ККФ, а его эксперты могли бы на регулярной основе также заниматься преподавательской деятельностью и одновременно погружать будущих китаистов в тонкости профессии.

Такие действия позволили бы в будущем воспитать большое количество мотивированных китаистов-международников, которые самым серьезным образом смогли бы продвинуть китаистику в Кыргызстане и создать прочный и взаимовыгодный научный диалог с китайскими коллегами.

Список использованной литературы

1. Комиссина И. Н. Научные и аналитические центры Китая: Справ. / И. Н. Комиссина; Рос. ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2012. – 266 с.
2. Кудаяров К.А. «Фабрики мысли» в современной Киргизии. // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. № 2 (328). С. 44-55.
3. Кудаяров К.А. Аналитические центры Кыргызстана. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал, 2022, pp.62-77.
4. Кыргызско-китайский факультет // Сайт Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. – URL: <https://arabaevksu.edu.kg/ru/institutes/main-objective> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Кыргызстан и Китай укрепляют научные связи // Сайт Кыргызского национального информационного агентства KABAR. – URL: <https://ru.kabar.kg/news/kyrgyzstan-i-kitaj-ukreplyayut-nauchnye-svyazi/> (дата обращения: 10.01.2026).
6. James G. McGann 2020 Global Go To Think Tank Index Report. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (дата обращения: 10.01.2026).

Рецензент: доктор исторических наук, профессор Курбанова Назира Умаровна

УДК 37.018.43:316.42

Куракеева Б.А., Асхатова А.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Куракеева Б.А., Асхатова А.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kurakeeva B.A., Askhatova A.A.
KNU Jusup Balasagyn

ГЛОБАЛДАШУУ ШАРТТАРЫНДА ОНЛАЙН-БИЛИМ БЕРҮҮ: ЖЕТКИЛИКТҮҮЛҮК, САПАТ ЖАНА НАТЫЙЖАЛУУЛҮК

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДОСТУПНОСТЬ, КАЧЕСТВО И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

ONLINE EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ACCESSIBILITY, QUALITY, AND EFFICIENCY

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада глобалдашуу шартында онлайн-билим берүүнүн жеткиликтүүлүгү, сапаты жана натыйжалуулугу каралат. Санариптик билим берүү технологияларынын мүмкүнчүлүктөрү, дистанттык окутуунун артыкчылыктары жана аны ишке ашырууда кездешкен негизги кыйынчылыктар талданат. Онлайн-билим берүү географиялык жайгашкан жерине жана социалдык-экономикалык абалына карабастан, билим алууга кеңири мүмкүнчүлүк түзөрү белгиленет. Ошол эле учурда интернетке жеткиликтүүлүк, техникалык камсыздоо, окутуунун сапатын көзөмөлдөө жана билим алуучулардын активдүүлүгүн камсыз кылуу сыяктуу маселелер анын натыйжалуулугуна таасир этери

көрсөтүлөт. Макалада онлайн-билим берүүнү мындан ары өнүктүрүү үчүн санариптик инфраструктураны жакшыртуу жана окутуунун заманбап усулдарын колдонуу зарылдыгы негизделет.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы доступности, качества и эффективности онлайн-образования в условиях глобализации. Анализируются возможности цифровых образовательных технологий, преимущества дистанционного обучения и основные трудности, возникающие при его внедрении. Отмечается, что онлайн-образование расширяет доступ к обучению независимо от географического положения и социально-экономического статуса обучающихся. Вместе с тем такие факторы, как доступ к интернету, техническое обеспечение, контроль качества обучения и активность студентов, оказывают влияние на его эффективность. В статье обосновывается необходимость дальнейшего развития цифровой инфраструктуры и применения современных методов обучения.

Abstract: This article examines the accessibility, quality, and effectiveness of online education in the context of globalization. It analyzes the opportunities provided by digital educational technologies, the advantages of distance learning, and the main challenges associated with its implementation. The article emphasizes that online education expands access to learning regardless of learners' geographical location and socio-economic status. At the same time, factors such as internet access, technical support, quality control, and student engagement influence its effectiveness. The article substantiates the need for further development of digital infrastructure and the application of modern teaching methods.

Негизги сөздөр: онлайн-билим берүү; глобалдашуу; санариптик билим берүү технологиялары; жеткиликтүүлүк; сапат; натыйжалуулук.

Ключевые слова: онлайн-образование; глобализация; цифровые образовательные технологии; доступность; качество; эффективность.

Keywords: online education; globalization; digital educational technologies; accessibility; quality; effectiveness.

Глобализация и развитие информационных технологий существенно изменили образовательную сферу, сделав онлайн-образование одним из важных направлений современного обучения. Дистанционные курсы, вебинары, массовые открытые онлайн-курсы и другие цифровые форматы позволяют обучающимся получать знания независимо от географического положения и социально-экономических условий. В Кыргызстане, как и в других странах, онлайн-образование приобретает особую значимость в обеспечении доступности высшего образования и расширении образовательных возможностей.

Одним из ключевых преимуществ онлайн-образования является его гибкость и доступность. Оно позволяет студентам обучаться из любой точки мира, совмещать учебный процесс с работой и самостоятельно регулировать темп освоения учебного материала. Вместе с тем развитие онлайн-образования сопровождается рядом проблем, среди которых можно выделить обеспечение качества обучения, техническую доступность, уровень цифровой грамотности участников образовательного процесса и эффективность образовательных программ по сравнению с традиционными формами обучения.

Тем не менее существуют определённые барьеры, такие как нехватка стабильного интернет-соединения, недостаточная ответственность родителей и студентов, высокая стоимость оборудования и программного обеспечения, а также низкий уровень цифровой грамотности в отдельных регионах.

Качество дистанционного обучения является важнейшим фактором, определяющим его востребованность и эффективность. Для обеспечения высокого уровня образования необходимо учитывать разработку интерактивных и адаптивных образовательных платформ, квалификацию преподавателей и их готовность к использованию цифровых технологий, а также оценку успеваемости студентов с помощью современных инструментов аналитики данных.

Эффективность онлайн-обучения зависит от множества факторов, включая мотивацию учащихся, интерактивность образовательных материалов и методику преподавания. Комбинированное обучение, элементы геймификации и использование технологий искусственного интеллекта способствуют повышению успеваемости и вовлечённости студентов. Гибкость учебных программ, в свою очередь, позволяет индивидуализировать образовательный процесс с учётом потребностей обучающихся.

Несмотря на указанные преимущества, сохраняется проблема недостаточного личного взаимодействия студентов с преподавателями и сверстниками.

Онлайн-образование является важным инструментом повышения доступности и качества образования в условиях глобализации. Однако для достижения его максимальной эффективности необходимо продолжать развивать технологии дистанционного обучения, совершенствовать методики преподавания и обеспечивать равный доступ к образовательным ресурсам. Будущее онлайн-образования зависит от интеграции инновационных решений и адаптации образовательных систем к новым реалиям цифрового мира.

Онлайн-образование является важным элементом образовательного процесса в условиях глобализации, обеспечивая широкий доступ к знаниям. Однако для повышения его качества и эффективности необходимы инвестиции в цифровую инфраструктуру, подготовку преподавателей и разработку интерактивных методик обучения. Внедрение передовых технологий и персонализированный подход к обучению позволят онлайн-образованию стать полноценным дополнением к традиционным формам обучения.

Онлайн-курсы должны разрабатываться с учётом специфики дистанционного обучения, с использованием интерактивных элементов и мультимедийных материалов. Преподаватели должны обладать навыками работы в онлайн-среде, уметь применять цифровые инструменты и образовательные платформы. Важным условием является обеспечение эффективной обратной связи между преподавателями и студентами посредством онлайн-форумов, чатов и других коммуникационных инструментов.

Кроме того, необходимо разработать систему контроля качества онлайн-образования, включающую оценку содержания учебных материалов, деятельности преподавателей и результатов обучения студентов. Следует отметить, что для повышения качества дистанционного обучения и расширения доступа к нему необходима масштабная цифровая трансформация с широким вовлечением всех заинтересованных сторон. В Кыргызстане данный процесс ещё не достиг необходимого уровня развития.

В связи с этим существует настоятельная потребность в инновациях в сфере образования. Они должны охватывать не только подготовку преподавателей, но и программы повышения квалификации, развитие профессиональных сообществ преподавателей высших учебных заведений и учителей общеобразовательных организаций.

Эффективность обучения, с одной стороны, оценивается самой системой посредством электронного тестирования, а с другой — преподавателем через проверку практических заданий, контрольных работ и других видов учебной деятельности. На основе такой комплексной оценки делается вывод об успешности освоения студентом того или иного курса.

Отличительной чертой взаимодействия в цифровой образовательной среде является возможность оценивать не только знания студентов, но и работу преподавателя, а также качество разработки электронного курса. Данная особенность позволяет контролировать качество преподавания, учитывать мнение студентов после завершения обучения и оценивать эффективность работы подразделений, отвечающих за создание электронных курсов. В конечном итоге это способствует повышению общей результативности системы дистанционного обучения.

Результаты внедрения предлагаемой модели дистанционного обучения можно рассматривать по нескольким направлениям. Основным направлением являются результаты студентов по завершении обучения в цифровой образовательной среде. К ним относятся повышение уровня образованности, удовлетворённость процессом обучения и расширение возможностей трудоустройства.

Внедрение данной модели предполагает получение положительных результатов не только для студентов, но и для самого вуза. Это может выражаться в росте финансовых показателей за счёт увеличения числа обучающихся, экспорта образовательных услуг в другие регионы и страны, а также накопления нового практического опыта, способствующего дальнейшему совершенствованию системы дистанционного обучения.

Ещё одним важным результатом является повышение общего культурного уровня населения за счёт расширения доступа к образованию и снижения социальной напряжённости.

Список использованной литературы

1. Абдыкулова Р.А. Вопросы онлайн-образования в Кыргызстане в условиях глобальной пандемии.
2. Ким В.Л. Рекомендации по созданию учебных пособий для студентов дистанционного обучения. – Бишкек, 1998.
3. Акулич М.М. Образование в условиях глобализации // Университетское управление: практика и анализ. – 2005. – № 5.
4. Иванова Е.П. Глобализация и цифровизация образования. – Санкт-Петербург: Наука, 2021.
5. Jones K. E-Learning and Global Education Trends. – Oxford: Academic Press, 2019.
6. UNESCO Report. The Future of Online Education in Developing Countries. – UNESCO, 2022.
7. Центр образовательных инноваций. Проблемы и перспективы онлайн-обучения в Центральной Азии. – Бишкек: АкадемПресс, 2023.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Ли М., Ли П., Ли Ш, Ли Э., Суранаев Т.Дж.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ли М., Ли П., Ли Ш, Ли Э., Суранаев Т.Дж.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Li M., Li P., Li S., Li E., Suranaev T.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1358-5675>¹

ЖАҢЫ ДООРДО WINSHARE КОМПАНИЯСЫНЫН БИЗНЕС ӨНҮКТҮРҮҮ СТРАТЕГИЯСЫ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА WINSHARE В НОВУЮ ЭПОХУ WINSHARE'S BUSINESS DEVELOPMENT STRATEGY IN THE NEW ERA

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө Winshare компаниясынын жаңы доордогу бизнес өнүгүү стратегиясын талдоого арналган. Макалада компаниянын салттуу басма продукцияларын сатууга негизделген моделден санариптик жана көп каналдуу маркетинг стратегиясына өтүү процесси кеңири каралат. Азыркы учурда технологиялардын өнүгүшү, айрыкча электрондук китептердин жайылышы жана онлайн сооданын кеңейиши, салттуу китеп бизнесине олуттуу таасирин тийгизүүдө. Ушул шартта Winshare өзүнүн ишмердүүлүгүн кайра карап чыгып, инновациялык стратегияларды колдонууга аргасыз болгон. Изилдөөдө компаниянын макро жана микро чөйрөсү талданып, PEST жана Портердин беш күч модели аркылуу анын рыноктогу абалы аныкталган. Ошондой эле STP модели жана маркетингдик микс (4P) колдонулуп, компаниянын максаттуу рыногу, позициясы жана продукт стратегиясы изилденген. Авторлор Winshare компаниясынын негизги артыкчылыктары катары анын күчтүү бренд имиджин, мамлекеттик колдоону жана билим берүү секторундагы лидерлик позициясын белгилешет. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, компаниянын маркетинг стратегиясы натыйжалуу болуп, финансылык көрсөткүчтөрдүн өсүшүнө алып келген. Ошол эле учурда айрым көйгөйлөр да аныкталган, мисалы, офлайн дүкөндөрдүн азайышы, маркетингдик активдүүлүктүн жетишсиздиги жана айрым кардарлардын муктаждыктарынын толук канааттандырылбашы. Жыйынтыгында, Winshare компаниясы санариптик трансформация аркылуу өзүнүн атаандаштык жөндөмдүүлүгүн сактап, рынокто туруктуу өнүгүүгө жетише алары белгиленет.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу стратегии развития бизнеса компании Winshare в условиях новой цифровой эпохи. В статье рассматривается трансформация компании от традиционной модели распространения печатной продукции к современной многоканальной маркетинговой стратегии, включающей цифровые технологии и онлайн-продажи. Развитие электронных книг, интернет-коммерции и изменение потребительских предпочтений оказали значительное влияние на рынок печатной продукции, что потребовало от компании пересмотра своей стратегии. В работе проведён анализ макро- и микросреды компании с использованием PEST-анализа и модели пяти сил Портера. Особое внимание уделено применению модели STP (сегментация, таргетинг, позиционирование) и комплекса маркетинга (4P), что позволило выявить ключевые особенности позиционирования компании на рынке. Установлено, что Winshare ориентируется преимущественно на образовательный сектор, включая учащихся и преподавателей, и активно развивает как печатные, так и электронные продукты. Результаты исследования показывают, что

маркетинговая стратегия компании является эффективной, что подтверждается ростом финансовых показателей и высоким уровнем удовлетворённости клиентов. В то же время выявлены определённые недостатки, такие как сокращение офлайн-магазинов, недостаточная активность в продвижении и неполное удовлетворение потребностей отдельных групп потребителей. Таким образом, Winshare демонстрирует успешный пример адаптации к условиям цифровой экономики и сохраняет конкурентоспособность за счёт внедрения инновационных решений и диверсификации каналов сбыта.

Abstract: This study analyzes the business development strategy of Winshare in the context of the new digital era. The paper focuses on the company's transformation from a traditional paper-based publishing and distribution model to a modern, multi-channel marketing strategy that integrates digital technologies and online platforms. The rapid development of e-books, e-commerce, and changing consumer behavior has significantly impacted the traditional publishing industry, forcing companies like Winshare to adapt their business strategies. The research examines both the macro and micro environment of the company using PEST analysis and Porter's Five Forces model to identify key market dynamics and competitive pressures. In addition, the study applies the STP framework (Segmentation, Targeting, Positioning) and the marketing mix (4Ps) to evaluate the company's strategic positioning and operational approach. The findings show that Winshare primarily targets the education sector, including students and teachers, while offering a diversified portfolio of both physical and digital products. The results indicate that Winshare's marketing strategy has been largely successful, as reflected in its financial growth and high levels of customer satisfaction. However, the study also identifies several challenges, including the reduction of offline retail stores, limited promotional activities, and gaps in meeting certain customer needs. Overall, the study concludes that Winshare represents a successful case of digital transformation in the publishing industry, maintaining competitiveness through innovation, strategic adaptation, and diversification of distribution channels in a rapidly changing market environment.

Негизги сөздөр: Winshare; маркетингдик стратегия; санариптик трансформация; электрондук китептер; билим берүү рыногу; 4P модели; STP анализи.

Ключевые слова: Winshare; маркетинговая стратегия; цифровая трансформация; электронные книги; рынок образования; модель 4P; STP-анализ.

Keywords: Winshare; marketing strategy; digital transformation; e-books; education market; 4Ps model; STP analysis.

An Analysis of the Change in Winshare is Marketing Strategy.

Winshare is a new type of education company, which mainly operates these five parts: 1. Publication distribution service 2. Educational equipment service 3. Labor and practical education services 4. Teacher training services.

Previously, Winshare is main business was to sell traditional paper media. With the development of science and technology, the continuous development and improvement of e-books are constantly impacting traditional paper media, which has forced Winshare to transform from the original traditional bookstore to the current Internet celebrity bookstore.

Winshare, as a traditional paper media retailer, can no longer meet the needs of customers, so Winshare needs to transform and change their market strategy.

Because of the development of new technology, more and more people choose to use new e-books to read. This is because Winshare is profit is reduced and traditional paper books need to be

stored in a large number of places. Winshare is overhead is also increasing, which also makes Winshare insist on reform and innovation, and constantly seeking development.

As a leader in the education industry, Winshare also has their own advantages. Their rich collection of books and monographs and books are rich, which can make their paper books into electronic versions achievable.

In order to better study the development of Winshare, I read the evaluation of Winshare in the education industry, Winshare is financial report data, and visited Winshare's offline bookstore to observe customers' views and comments on Winshare is new bookstore.

As a leader in the education industry, their development may affect the development of China is education industry, so some strategic decisions and publications of Winshare will affect their customers.

In this part, I will investigate the development trend of Winshare, the opportunities and challenges encountered by Winshare, the market strategy adopted by their competitors and a market share of Winshare.

The annual income of Winshare is five services is different. Combined with the published annual report, can we figure out some of its business strategies and changes in market strategies? As an A+H-share company (A share + H share), Winshare is market management strategy is worth thinking about. How it has changed from an H-share company to an A+H-share company. At the same time, the change of Winshare is market management strategy has promoted the transformation of Winshare from a traditional bookstore to a new bookstore. There are two parts of Winshare is customer. The Winshare is internal customer is employees and the external customer is consumer by purchased services [1, p.44].

For Winshare is series of marketing strategies, they meet the needs of internal and external customers, which is one of the reasons why Winshare can transform into success.

Search information about basic background about the education industry and Winshare is development history. (2023.9.5—2023.10.30)

An analysis of the Macro-environment of Winshare is marketing-strategy. Like: Political, Economic, Sociocultural, Technological.

An analysis of the Micro-environment of Winshare is marketing strategy. There is use Porter is Five Forces: Threat of entrants, Threat of substitute, bargaining of supplier, Bargaining of customer, Rivalry among existing competitors.

Collect date about Winshare is sales date and Statement of Financial Position, Statement of Comprehensive Income, Statement of Change Equity in past few years.

Observe the living culture in China, consumeris reading habit -E book or Paper books.

To have a comprehensive investigation on the marketing strategy. (2023.9.5-2023.10.30)

Using STP mode (Segmentation, Targeting, Positioning) to help analyze marketing strategy.

More information can be provided by secondary sources and primary sources so that I could get more familiar with various segmentation types in education industry. It could give me a clear understanding of which market Winshare belongs to.

Use the way of questionnaire and direct observation to find out Winshare is target customers. Which segmentation type that Winshare belongs to in order to select appropriate target market.It could make me clear about Winshare is position in the industry and Winshare is market share.

Know in detail about what is Winshare is positioning and how it occupies a distinct position in the minds of customer.

Analyze the Marketing Mix: Product, Place, Promotion, Price

Product: Learn about Winshare is product portfolio and their product life cycle, as well as Winshare is brand awareness in China.

Place: Learn about some of Winshare is distribution and distribution models by understanding Winshare is annual report.

Promotion: Learn about Winshare is promotion mix.

Price: Learn about Winshare is survival strategy and their pricing strategy

Evaluate the Effectiveness of the Winshare is Marketing Strategy. (2023.9.5-2023.10.30)

Collect and evaluate the actual sales figure, market share. The number of shops from its annual report.

Questionnaires could show the result of customer satisfaction, their opinion about the positioning and 4Ps.

Whether its products' key features, benefits and positioning strategy has been accepted by customers or not.

Sources of Primary and secondary dates

Primary information

1 Interview

I will interview the manager of Winshare, because the manager is in the management, they will know more than ordinary employees, and they will also know more about the company is system and future development trends.

1 Questionnaire

I will distribute 100 questionnaires to Winshare employees offline to see Winshare is employees' understanding of the company is system and strategic policy, and use questionnaires to get a universal answer.

Secondary information

The read Winshare is financial statement

Reading a company is financial report can understand the company is development, development prospects and current financial situation, and listed companies need to disclose some of their financial information in accordance with the company law. The data obtained in this way is objective and legal [2, p.56].

As mentioned above, I plan to use interviews as one of the way to collect my primary information, the purpose of this way is to get directly feedback from the company is customers. I plan to interview the Winshare is employee whom could give me a feedback. At the same time, I will go to Winshare is offline physical store to issue a 100-point questionnaire to help me get better information. In this way, we could understand the essence of a thing and understand people is needs and opinions. At the same time, we can analyse the representatives and universality of a problem through a large number of market research.

For secondary information, I plan to use literature research method and textbook to get relevant expertise (definitions, concepts), plan to use online articles to learn about the company is background or industry background, I plan to access some data website to collect specific dates.

Political:

With the reform of China is cultural system, the publishing industry has undergone major changes. The completion of the restructuring of publishing houses and Xinhua Bookstore (Winshare) marks that China is publishing industry is accelerating the process of marketization.

China is positioning for the cultural industry as the pillar industry of the national economy is becoming clearer and clearer, and a large number of relevant policies have been introduced to support the development of the cultural industry.

Technological:

Because of the continuous development and maturity of Internet technology, more and more people choose to shop online, and books are the necessities of students. Nearly 70% of students will choose to buy the books they need in online direct stores.

At the same time, more and more people will choose to buy electronic books when they buy books online, and the proportion of people who buy paper books is also gradually decreasing.

Environment:

The concept of green and environmental protection is constantly developing, and it also constantly affects people's choices, causing many people to start using e-books instead of paper books, because they feel that buying paper books will cut down a large number of trees.

1 Rivalry among existing competitors

In China, Winshare has other competitors, such as Anhui Publishing and Distribution Group and Shenzhen Publishing and Distribution Group. Because these companies have completed market-oriented reforms, the conversion cost of customers is very low.

1 Threat of substitute

In China, Winshare is subject to geographical restrictions and cannot affect other regions well. It has strong regional characteristics. The alternative of Winshare will also be the products of other companies under Xinhua Group, because the final decision can be made in Xinhua Group.

1 Bargaining of supplier

Because of the continuous development of environmental protection concepts, more and more people choose to buy e-books, no longer only paper books as before, so Winshare is in a strong and advantageous position for suppliers at this time.

1 Bargaining of customer

With the continuous improvement of the law, Winshare, as a state-owned media enterprise, has an absolute voice in the control of patents and books. Because China strictly controls the media industry and does not allow pirated books, Winshare is also in a strong and advantageous position for consumers.

After the reorganization of the capital structure, Winshare began to focus on the business of publishing publications, especially under the prevalence of COVID-19 and environmentalism. Winshare also began to adjust the distribution of publications, not in a B2B way alone.

Using STP theory to analyze Winshare's marketing strategy

The education department does not constantly review the quality of teaching books, and has higher requirements for the quality of publication and distribution, resulting in Winshare having to divide publications into electronic and paper versions. At the same time, due to the deep-rooted environmentalism, China's summer high temperature and winter environmental protection power limit have a huge impact on production and printing, which may lead to changes in Winshare's way of publications [3, p. 117].

At the same time, due to the fierce competition in the publishing industry and the different requirements of customers, Winshare's main business is placed in textbooks and teaching aids in primary and secondary schools. Among them, the publishing form of textbooks and teaching aids is also constantly changing. There are electronic versions, paper versions, and toys in the daily life of students.

Because of the limited resources of Winshare, Winshare cannot meet the development of the five major sectors at the same time, and can only focus on publications. With the progress of science and technology, Winshare is also constantly developing and meeting the needs of customers, so that

Winshare can explore new market opportunities, open up new markets, and help launch new products according to the needs of the target market.

Market targeting of Winshare

Because Winshare has experienced the reorganization of capital, it has turned the original target customers into students and teachers of the current school. Due to the recurrence of the epidemic, the uncertainty of school teaching has increased. Uncertainties such as subscription, distribution and adjustment of teaching books are increased at the same time.

Winshare is competitive publishing company has abandoned the publication of textbooks and teaching aids, which promotes the market is attraction to Winshare and also stimulates the large-scale development of Winshare is publishing business. In this way, the market specialization of Winshare has been improved, and at the same time, it has also better selected the target customer group of Winshare.

Because the birth rate in China has been declining in recent years, and Chinese parents are also constantly implementing the concept of good birth and child rearing which makes people attach great importance to school education. Therefore, as a large publishing and education company in China, Winshare can better understand the market, rectify the company is resources, and meet the different needs of customers.

In China, the target customers of Winshare are students and teachers, so according to the results of the questionnaire, it can be seen that 35% of students like to use e-books. At the same time, due to people is understanding of the concept of environmental protection, more people will use e-books in the future.

Nearly 30% of people think that the books published by Winshare can keep up with the trend. Winshare also provides high-quality services for online and offline customers, and will listen to the opinions of consumers to modify their publications, so that their publications can better meet the needs of consumers and better meet the changes in the market and the needs of the market.

Market positioning of Winshare

Because Winshare was born in Sichuan Xinhua Bookstore, it has a good brand image and high customer loyalty in people is minds. After the reorganization of capital, Winshare has determined a position for Winshare is products according to its own advantages and competitors, establishing a distinct corporate image and achieving the marketing goals of the enterprise.

Winshare has a lot of patents and book distribution rights in the distribution of publications. At the same time, after China's double reduction policy, Winshare pays more importance to the publication and distribution of teaching materials, and no longer only publishes the paper version of teaching materials. This is also the development of Winshare keeping up with the times and the manifestation of the superiority of Winshare.

According to the positioning of users of the product, Winshare transforms the original positioning of people or students into a market dominated by primary and secondary school students and teachers. At the same time, attribute positioning has been carried out to let more people know that the distribution of Winshare is publications is gradually dominated by textbooks and teaching aids, and is no longer dominated by the distribution of books by famous writers in the past. Winshare also better cooperates with the use of teachers and students. It also publishes electronic publications and allows teachers and students to better communicate and learn in the form of toys.

Use 4Ps to analyse Winshare is marketing strategy

Winshare is product strategy

Winshare started from the beginning of Xinhua Bookstore and has a good reputation. At the same time, because Xinhua Bookstore is a place where people often go to buy books, the popularity

of Xinhua Bookstore has been further improved. This also lays the foundation for Winshare is brand awareness and has Winshare is own customer loyalty, thus forming a brand effect.

Winshare is product portfolio is also very rich, such as: the national youth journal - Mi Xiaoquan, and the reader is newspaper is used as an after-school reading for teenagers. After the publication of the textbook is completed, the corresponding academic materials will also be published. For example, in the compulsory education stage, Winshare will also publish the corresponding exercises, so that students can better understand knowledge. At the same time, the products published by Winshare are not only their own, but also help other smaller publishers to publish. At the same time, Winshare will also obtain the agency rights of the product, thus increasing the variety of Winshare products invisibly, making customers' choices more and more.

For example: With the development of science and technology, more and more people will choose to buy e-books for learning, because they think that e-books can be carried with them without the need to take a paper book out as before, and e-books can be saved to the mobile phone and read at any time, which allows people who like to read books at any time. You can see it all. E-books can not only be viewed and learned at any time, but also easier to save, which can also make up for the shortage of paper books and extend the life cycle of products.

Winshare is traditional bookstore also provides some other services, such as coffee, biscuits, etc. to customers, which can attract more customers to consume or read books, and will also increase Winshare is income.

Winshare is pricing strategy

Because Winshare is a state-owned enterprise in China and a 100% state-controlled company, the pricing strategy of the product will cater to China's compulsory education stage, high school and university knowledge patents to control the price. Moreover, the price of Winshare is products is controlled by the government, so that more students can buy books and read books.

At the same time, Winshare is publishing industry also has state policy subsidies, which will have more advantages for product pricing than private publishing.

Winshare is promotion strategy

After the development of e-commerce strategy, Winshare has become more diversified in its own product promotion. Because Winshare is predecessor was Xinhua Bookstore, the publications were only paper books, and the publicity of publications was only publicized through stores.

However, after Winshare is recapitalization, publications have more publicity methods, because Winshare is sales channels have also become more diversified. For example: 1. The launch of Wenxuan.com has diversified the sales methods of Winshare publications. Customers can choose to pick up goods in stores or choose Winshare publications by online mailing. 2. The development of Winshare also cooperates with other companies to help publicize their publications (paper books, e-books, teaching materials and teaching aids, extracurricular toys). 3. Let employees go to primary and secondary schools for publicity, and let teachers and management choose Winshare is teaching materials. These methods reflect the diversification of

Winshare is product promotion, and also reflect the diversification of Winshare publications, which is no longer Xinhua Bookstore with only paper books.

Winshare is placing strategy

In the past, Winshare only sold their products in the form of Xinhua Bookstore, but with the development of time, Winshare has also developed more sales channels. Winshare has merged upstream publishing through downstream distribution, which also provides the basis for the diversification of Winshare is sales methods [4].

The development of e-commerce experienced by Winshare has extended its original store business model, developed its e-commerce strategy, and began to sell in the form of B2C, C2C, B2B and O2O.

Winshare also began to cooperate with the Southwest Cultural Commodity Logistics Distribution Centre. Winshare is responsible for publishing various books, and the Southwest Cultural Goods Distribution Centre distributes various commodities published by Winshare. Winshare has also established its own official shopping website "Wenxuan.com". On Wenxuan.com, there are not only Winshare paper books, but also e-books, teaching aids, toys, etc.

This also reflects that the types of publications of Winshare have begun to change, and there are no longer only paper books.

The books published by Winshare are rich in content and more focused on copyright (nearly 47 percent of people think it). And as a national enterprise in China, Winshare will consider China's policy when publishing products and choose more environmentally friendly paper or more convenient electronic version. At the same time, as a national enterprise in China, the quality of Winshare's products can be trusted by consumers, making consumers more assured (they will not buy pirated books or books made of poisonous paper).

According to the customer's purchase method, we can also see that nearly 69 percent of customers will choose the official online store for purchase, which is also a reflection of trust in Winshare.

At the same time, 15% of people think that books published by Winshare are cheap enough to pay. Among them, the most customers buy paper books is 20-50 yuan, followed by 50-100 yuan. For the electronic version, because the cost of the electronic version is low and there are many ways to buy it, more than 50% of people will buy books within 20 yuan, followed by more than 34% of customers will buy electronic books for 20-50 yuan.

Most of the books purchased by these customers are published by Winshare, which does not exceed the customer's budget for the purchase of publications. At the same time, it can also reduce customers' consumption concerns, stimulate customers' consumption, and satisfy customers' desire to read [5, p.24].

At the same time, nearly 9% of people think that the books published by Winshare are rich in content and educational. As a publishing and distribution enterprise in China, Winshare also has a variety of products for publication, and Winshare also needs to bear the corresponding social responsibility to help the progress of education in China. Winshare's published reading materials are mainly textbooks and teaching aids, ignoring some extracurricular products. At the same time, Winshare's product line also ignores the needs of college students and cannot meet the needs of some students. As a state-owned enterprise in China, Winshare will not be too expensive for some products, allowing most students to use their published books or publications. However, some products of Winshare need to be used normally by purchasing complementary products.

According to the results of the questionnaire, nearly 50% of customers are known through friends, which also reflects the high loyalty of Winshare customers. At the same time, only 8% of customers know Winshare through social media software, which is worth thinking about by Winshare.

Winshare's sales profit has gradually increased in the past four years. At the same time, gross profit and operating profit have increased year by year, which also represents the success of Winshare's market strategy, especially in 2019. By 2022, Winshare's net profit increased by 507,033,006 yuan. Among them, the increase in operating cost also represents the rapid development speed of Winshare and the good welfare benefits for employees.

38 percent of customers who have pick-up customers think that the biggest problem with Winshare is that there is no activity for buying books, and buying their publications is still a little expensive. Then, twenty or forty percent of customers think that after the Winshare reform, the size of the original offline bookstore has been reduced and the number of stores has also been reduced, which makes it inconvenient for them to go to offline bookstores. They believe that Winshare has put more publications online, causing them to have no shopping experience. Secondly, 22 percent of customers believe that they can't find the books they want in Winshare is publications. Finally, 15% of customers think that Winshare cannot meet their needs [6, p.82].

Winshare is marketing strategy is good, which can be seen from consumers' online and offline official stores. The dissatisfaction with Winshare publication services is 12% and 6.9% respectively. Among them, the very dissatisfied with Winshare are 6.9% and 8% respectively. Similarly, according to these two tables, it can be concluded that the customer satisfaction rate with the service of Winshare publications is very high, 45% and 46% respectively, which are almost the same. For those who are very satisfied, it is also 14% and 10% respectively.

Winshare has experienced the era of COVID-19 and achieved a certain development. However, with the development of the Internet era, Winshare also understands that publishing paper publications alone cannot keep up with the times, and with the prevalence of environmentalism, many people begin to refuse to use the paper version. Of books. In China, the government has also introduced a double reduction policy, which is also an opportunity and challenge for Winshare for students' extracurricular books, extracurricular tutoring, homework, etc.

According to the questionnaire for Winshare consumers, there are good things to do, such as the price of books, but there are also things that make customers feel dissatisfied, because Winshare publishing publications cannot meet their needs for books or teaching materials. In this case, Winshare also needs to take the initiative to change their own marketing methods. The target customer group for Winshare is also constantly changing, so for Winshare, the change of marketing policy is also very important [7, p.6].

List of used literature

1. Cao,L.(2012), 'The backward integration strategy of the state-owned distribution group - take Winshare as an example', Editor is friend, 07, 44-45+53.
2. Guo, X.M. and Gong, Y.Y and Miu, Y.J. (2023), 'Research on the innovation path of the new retail business model of physical bookstores - based on the case of Winshare', Accountant is friend,08,56-63.
3. Wei, H. (2020), 'Winshare logistics center enterprise control management ideas and development', Logistics technology and application,25: 01,117-120.
4. Xuan, X. (2020), 'Winshare: Books, donate books, help fight the epidemic', Xingyuedu,03,34.
5. Xie, H (2021), 'Discussion on the Integrated Development Path of Traditional Publishing Enterprise-Take Winshare publishing media Co.Ltd.as an example', Editor is journal,01,24-29.
6. Zeng, Y.R. and Li, K.R. and Wu, S.Y. (2022), 'Analysis of the marketing model and prospects of Chengdu physical bookstore under "4V theory"', Chinese business theory,19,82-84.
7. Zhang, W.F. (2019), 'Exploration of the publishing house is business experience from the perspective of "Internet +" - Take Sichuan Winshare is publishing house as an example', Journal of Sichuan Cadre Correspondence College,03,6-8.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Адамкулова Чинара Усенбековна

Лю Г., Ван Ш., Чжан Ф., Апаев Э.Х., Бокоев Ж.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Лю Г., Ван Ш., Чжан Ф., Апаев Э.Х.,¹ Бокоев Ж.А.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Liu G., Wang S., Zhang F., Apaev E., Bokoev Zh.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6031-3622>¹

**АДАМ УКУКТАРЫ БОЮНЧА ЭЛ АРАЛЫК УКУКТУН ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК
КЫЛЫШ-ЖАЗА СОТ АДИЛЕТТИГИНИН ПРАКТИКАДАГЫ КӨЙГӨЙЛӨРҮН
ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ НА ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ**

**EXPLORATION OF PRACTICAL ISSUES IN INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW
AND INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE**

Кыскача мүнөздөмө: Адам укуктары боюнча эл аралык келишимдердин системасы адам укуктарын коргоонун параллелдүү глобалдык жана регионалдык механизмдерин түздү. Бул механизмдер стандарттарды белгилөөдө, алардын аткарылышын көзөмөлдөөдө жана укуктарды камсыз кылууда айырмаланат. Бириккен Улуттар Уюмунун негизги конвенцияларынын механизмдери универсалдуулугу менен артыкчылыкка ээ болгону менен, процедуралык ийкемдүүлүгү жана координациянын чектелгендиги менен мүнөздөлөт. Ошол эле учурда регионалдык механизмдер (мисалы, европалык) геосаясий бир тектүүлүктүн негизинде процедуралык натыйжалуулукта жана укуктарды коргоонун ишенимдүүлүгүндө артыкчылыкка ээ. Практикада эки типтеги механизмдер тең бир катар көйгөйлөргө туш болот, анын ичинде координациянын жетишсиздиги, процедуралык тоскоолдуктар жана өнүгүү деңгээлиндеги айырмачылыктар менен шайкеш келбөө. Ушуга байланыштуу, глобалдык башкаруунун трансформациясы шартында бул механизмдерди оптималдаштыруу талап кылынат, тактап айтканда: аткарууга түрткү берүүчү механизмдерди күчөтүү, регионалдык жана глобалдык механизмдердин ортосундагы координацияны жакшыртуу, ошондой эле адам укуктарын коргоону формалдуу институттардан реалдуу натыйжага айландыруу үчүн өнүгүү аспектилерин интеграциялоо. Дүйнөдөгү биринчи туруктуу эл аралык кылмыш-жаза сот органы катары Эл аралык кылмыш-жаза соту (ЭКЖС) оор эл аралык кылмыштар үчүн жазасыздыкты жоюуну өзүнүн негизги миссиясы катары эсептейт жана согуш кылмыштарына каршы күрөшүүдө жана эл аралык гуманитардык укук режимин коргоодо негизги ролду ойнойт. Бул макалада ЭКЖСтин институттук орду жана негизги функциялары системалаштырылып, анын согуш кылмыштарына каршы күрөшүүдөгү практикалык жыйынтыктары жана чектөөлөрү талданат, ошондой эле эл аралык кылмыш жоопкерчилигинин механизмдин өркүндөтүү үчүн негиз түзүлөт.

Аннотация: Система международных договоров по правам человека создала параллельные глобальные и региональные механизмы защиты прав человека, которые различаются в установлении стандартов, мониторинге соблюдения и обеспечении защиты прав. Механизмы основных конвенций ООН обладают преимуществом универсальности, но характеризуются процедурной гибкостью и ограниченной согласованностью. В то же время региональные механизмы (такие как европейский) выигрывают от геополитической однородности, что дает им

преимущества в процедурной эффективности и надежности защиты прав. На практике оба типа механизмов сталкиваются с проблемами, включая недостаточную согласованность, процедурные барьеры и несовместимость с различиями в уровне развития. На этой основе оптимизация этих механизмов в условиях трансформации глобального управления должна включать усиление стимулов к соблюдению, содействие координации между региональными и глобальными механизмами и интеграцию перспектив развития для преобразования защиты прав человека из формальных институтов в ощутимый результат. Как первый в мире постоянный международный уголовный судебный орган, Международный уголовный суд (МУС) считает своей основной миссией прекращение безнаказанности за тяжкие международные преступления и играет ключевую роль в борьбе с военными преступлениями и защите режима международного гуманитарного права. В настоящей статье систематизированы институциональная позиция и основные функции МУС, проанализированы его практические результаты и практические ограничения в борьбе с военными преступлениями, а также предоставлен справочный материал для совершенствования механизма международной уголовной ответственности.

Abstract: The system of international human rights treaties has established parallel global and regional human rights protection mechanisms, which exhibit differences in setting standards, monitoring compliance, and safeguarding rights. The mechanisms of the core UN conventions have the advantage of universality, but are characterized by procedural flexibility and limited coherence. Meanwhile, regional mechanisms (such as the European one) benefit from geopolitical homogeneity, giving them advantages in procedural effectiveness and the robustness of rights protection. In practice, both types of mechanisms face challenges including insufficient coherence, procedural barriers, and incompatibility with developmental disparities. On this basis, optimizing these mechanisms amid the transformation of global governance should involve strengthening incentives for compliance, promoting coordination between regional and global mechanisms, and integrating development perspectives to transform human rights protection from formal institutions to tangible impact. As the world's first permanent international criminal judicial body, the International Criminal Court (ICC) takes ending impunity for serious international crimes as its core mission, and plays a key role in combating war crimes and safeguarding the order of international humanitarian law. This paper sorts out the institutional positioning and core functions of the ICC, analyzes its practical effects and practical limitations in combating war crimes, and provides a reference for improving the international criminal accountability mechanism.

Негизги сөздөр: адам укуктары боюнча эл аралык келишимдер системасы; адам укуктарын глобалдык жана регионалдык коргоо; комплекстүү санкциялар; максаттуу санкциялар; жарандык курмандыктар; гуманитардык иммунитет; адам укуктарынын бузулушу; Эл аралык кылмыш-жаза соту; согуш кылмыштары; эл аралык гуманитардык укук; кылмыш жоопкерчилиги.

Ключевые слова: международная система договоров по правам человека; глобальная и региональная защита прав человека; комплексные санкции; целевые санкции; гражданские жертвы; гуманитарный иммунитет; нарушения прав человека; Международный уголовный суд; военные преступления; международное гуманитарное право; уголовная ответственность.

Keywords: international human rights treaty system; global and regional human rights protection; comprehensive sanctions; targeted sanctions; civilian casualties; humanitarian immunity; human rights violations; International Criminal Court; war crimes; international humanitarian law; criminal accountability.

Comparative analysis of legal mechanisms for human rights protection in the international treaty system: The "internationalization" of human rights essentially unifies rights standards and coordinates guarantee mechanisms through treaties. Since the UN Charter established the international legal obligation of human rights protection, a treaty system has taken shape, with UN core human rights conventions as the framework and regional human rights treaties as supplements. Its supporting mechanisms (report review, inter-state charges, individual communications) turn human rights from "declarative principles" into "enforceable rights". However, differences in binding force, procedural efficiency and cultural adaptability among different treaty mechanisms affect the actual effect of human rights protection, which is the core value of comparative analysis. [1, p.8]

Human rights protection mechanisms in the current international treaty system are divided into global and regional types by "governing subject", with a three-tier structure of "standard setting — compliance supervision — right relief" [2, p.9].

Global human rights treaty mechanisms (represented by UN core conventions).

UN core conventions (e.g., International Covenant on Civil and Political Rights, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) establish a supervision mechanism centered on "treaty bodies" [3, p.12].

Standard setting: Refine treaty provisions through "General Comments to convert abstract rights into specific state obligations.

Compliance supervision: Compel states to submit reports and put forward improvement requirements via "concluding observations" [4, p.10].

Right relief: Some treaties (e.g., International Covenant on Civil and Political Rights) set up "individual communication procedures" for individuals to complain against state violations, subject to the state's voluntary acceptance.

Its feature is strong universality (covering over 180 contracting states), but procedures are flexible - treaty body opinions are unenforceable and rely on voluntary state implementation.

Regional human rights treaty mechanisms (typical of European and American systems).

Regional mechanisms have stronger binding force due to cultural and geographical homogeneity.

European mechanism: The European Court of Human Rights has compulsory jurisdiction; individuals can directly sue contracting states, and its judgments are legally binding.

Inter-American mechanism: It has both a supervisory committee and a court, but jurisdiction requires voluntary state acceptance, with a narrow practical scope.

Regional mechanisms have efficient procedures and rigid relief, but limited coverage and vulnerability to regional political patterns.

Operational Efficiency and Practical Limitations.

Efficiency: Institutional Promotion of Human Rights Protection.

Treaty mechanisms promote global human rights governance by: standardized constraints (forcing domestic legislative reforms), transparent supervision (providing a platform for civil society supervision), and supplementary relief channels (offering international relief for victims who have exhausted domestic remedies).

Limitations: Dual Constraints of Mechanism Design and Practical Environment.

Insufficient binding force: Global treaty bodies lack enforcement power, with some states delaying the implementation of concluding observations;

Procedural barriers: Individual communication procedures have strict conditions, with an actual acceptance rate of less than 10%.

Cultural and developmental differences: Some developing countries hold that global rights standards ignore their development stages, causing disputes over excessive compliance costs [5, p.12].

Mechanism Optimization Paths Under Global Governance Reform.

To balance "universality" and "adaptability", optimization should: strengthen compliance incentives (linking compliance with international assistance and trade); promote regional-global mechanism coordination (forming a "regional relief and global standards" complementary pattern); embed the development perspective (adopting the "progressive realization" principle for developing countries to fulfill obligations in stages).

Humanitarian impact: This constitutes the critical ethical criterion for evaluating the moral legitimacy, political sustainability, and ultimate "wisdom" of sanctions, particularly comprehensive sanctions. Neglecting the validity assessment of this dimension is one-sided and irresponsible.

Impact on civilian livelihoods and fundamental rights: Historical lessons have painfully demonstrated that the heavy costs of comprehensive economic sanctions are ultimately borne by the most innocent and vulnerable civilian populations in target countries, while ruling elites exploit privileges, black markets, and overseas assets to evade most impacts. The consequences are systemic: shortages of essential food and medicine supplies (even with "humanitarian exemptions," complex financial blockades often render exemption channels ineffective), unstable clean water and electricity supply, collapse of public health systems due to equipment and medication shortages, deteriorating education systems, and skyrocketing poverty rates. The document explicitly states that although sanctions against Iran theoretically exempted pharmaceuticals and food supplies, excessive compliance by banks due to fears of secondary sanctions risks severely disrupted international payment channels. This made importing life-saving medications and medical equipment exceptionally difficult and costly, directly increasing patient suffering and mortality risks—primarily harming ordinary citizens rather than policy-making elites. These measures constitute direct or indirect violations of fundamental human rights such as the right to life and health [6, p.26].

Long-term social and developmental impacts: The effects of sanctions extend far beyond immediate humanitarian crises. Prolonged economic blockades lead to "brain drain" (migration of elites and middle-class populations), eroding a nation's human capital and development potential; force economic structures to regress toward subsistence-oriented, informal systems; and exacerbate social inequality as wealthy actors consistently find ways to circumvent regulations. Research also reveals overlooked long-term consequences: Sanctions may compel target countries to abandon capital-and technology-intensive green technologies in favor of high-pollution, resource-intensive subsistence models, causing environmental damage; they could severely disrupt public health systems and medical research, amplifying disasters during global health crises like pandemics. While targeted sanctions aim to mitigate these issues, their design flaws (e.g., affecting family members or affiliated enterprises), implementation biases, and the "chilling effect" (banks and suppliers excessively avoiding transactions with target countries to minimize risks) may still result in widespread humanitarian crises. Therefore, evaluating sanction effectiveness must include rigorous, independent, and sustained assessments of their humanitarian consequences – a requirement not only for ethical justification but also crucial for sustaining the political legitimacy and international support for sanctions [7, p.18] [6, p.26].

After World War II, the Nuremberg and Tokyo Trials set a precedent for the international community to hold individuals criminally responsible for war crimes. However, the subsequent international criminal judicial mechanisms were mostly ad hoc tribunals, lacking permanence and universality. The Rome Statute of the International Criminal Court (hereinafter referred to as the Rome Statute) was adopted in 1998, and the ICC was formally established in 2002, marking the establishment of a global permanent international criminal judicial system. One of its core missions

is to combat war crimes that seriously violate international humanitarian law and fill the gap in accountability when state jurisdiction is absent [8, p.45].

The institutional design of the ICC for combating war crimes has built a core framework for international criminal accountability. The Rome Statute clearly lists war crimes as one of the four core crimes under the jurisdiction of the Court, covering both serious breaches of the Geneva Conventions system in international armed conflicts, and for the first time, including serious war crimes in non-international armed conflicts within the jurisdiction of the permanent international criminal justice system, breaking through the applicable limitations of traditional international humanitarian law. At the same time, the ICC has established the principle of complementarity, which initiates proceedings only when a sovereign state is unwilling or unable to effectively exercise its jurisdiction. This not only respects state sovereignty, but also sets a bottom line for the accountability of war crimes [9, p.68]. In addition, the ICC has jurisdiction over natural persons who commit crimes, including public officials such as heads of state and government, breaking the barrier of "state immunity" to the accountability of war crimes, and establishing the core principle of "no immunity from individual criminal responsibility".

In judicial practice, the ICC has made a landmark contribution to combating war crimes. In 2012, the ICC delivered a guilty verdict against Thomas Lubanga, the leader of an armed group in the Democratic Republic of the Congo (DRC). This was the first effective judgment since the establishment of the Court. It confirmed for the first time at the international level that the act of conscripting and using child soldiers under the age of 15 constitutes a war crime, and established a unified judicial standard for combating such crimes worldwide [9, p.72]. As of 2025, the ICC has launched investigations into more than 30 cases involving war crimes, covering many regions in Asia, Africa and Europe, issued arrest warrants for many suspects of war crimes, and promoted the accountability process of many long-standing war crimes. At the same time, the existence of the ICC has prompted 124 States Parties to improve their domestic criminal legislation, incorporate war crimes and other core international crimes into the domestic jurisdiction system, and formed a pattern of international and domestic coordinated efforts to combat war crimes.

However, the ICC still faces many constraints in the practice of combating war crimes. First of all, the universality of jurisdiction is insufficient. Major powers such as the United States and Russia have not acceded to the Rome Statute, and a large number of non-States Parties are not subject to the jurisdiction of the Court, resulting in some serious war crimes being unable to enter the accountability process. Secondly, the enforcement capacity is limited. The ICC itself does not have mandatory law enforcement power. The execution of arrest warrants and the collection of evidence all rely on the cooperation of States Parties. Many arrest warrants for war crime suspects have been unenforceable for a long time, which has seriously weakened the authority of the Court [10, p.11]. In addition, most of the early cases of the ICC were targeted at African countries, which has been accused of "regional bias", affecting its credibility. Geopolitical games also often interfere with the Court's investigation procedures and restrict its independent performance of duties.

Therefore, we can conclude the following: the legal mechanisms for human rights protection in the international treaty system form the basic framework of global human rights governance. Universal standards set a minimum guarantee, while regional rigid remedies compensate for weak global enforcement. To maintain vitality, such mechanisms must uphold human rights universality, respect national differences, and turn institutional existence into substantive effectiveness through flexible supervision, rigid relief, global standards and regional practice. In conclusion, the effectiveness of international sanctions is complex and requires a multi-dimensional, dynamic evaluation. Political effectiveness includes behavioral change, signaling and deterrence; economic

effectiveness reflects sanctions' double-edged nature; humanitarian impact directly challenges legitimacy. These three dimensions interact closely. Thus, analyses should adopt integrated perspectives rather than single indicators. Future sanction policies should set realistic goals, use precise measures to reduce humanitarian harm, and establish dynamic monitoring. Only in this way can sanctions achieve policy objectives without increasing injustice and suffering. To sum up, as a global permanent international criminal judicial body, the International Criminal Court plays an irreplaceable role in combating war crimes, ending impunity, and safeguarding the order of international humanitarian law. Its institutional design and judicial practice have laid an important foundation for the international criminal accountability system. Although the ICC still faces many challenges at present, it remains one of the core mechanisms for combating war crimes in the world. In the future, the ICC needs to further improve its operation mechanism, enhance its credibility and universality, promote the international community to form a joint force to combat war crimes in a coordinated manner, and truly achieve zero tolerance for war crimes.

List of used literature

1. Simma B, Khan D E, Nolte G, et al. The Charter of the United Nations: a commentary[M]. Oxford University Press, 2024. - 3120 p.
2. Joseph S, Castan M. The international covenant on civil and political rights: cases, materials, and commentary[M]. Academic, 2013. - 989 p.
3. Vierdag E W. The legal nature of the rights granted by the international covenant on economic, social and cultural rights[J]. 1-2 Netherlands yearbook of international law, 1978. - P.23-29.
4. Schabas W A. The European convention on human rights: a commentary[M]. Oxford University Press, 2015. - 1308 p.
5. Antkowiak T M, Gonzales A. The American convention on human rights: essential rights[M]. Oxford University Press, 2017. - 416 p.
6. Portela C. European Union sanctions and foreign policy: when and why do they work?[M]. London: Routledge, 2012. - 208 p.
7. Skyler J. Cranmer, Tobias Heinrich, Bruce A. Desmarais. Reciprocity and the structural determinants of the International Sanctions Network [EB/OL].
8. Huang Feng. International Criminal Law. 2020. - 526 p.
9. Zhao Bingzhi. Monographic Study on the International Criminal Court[M]. 2019. - 412 p.
10. Jia Yu. Theory and Practice of International Criminal Justice. 2021. - 368 p.

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Бейшеева Анара Асанбековна

Лю Л., Лю Ц., Ма С., Мэнь Ц., Мукамбаева И.Б.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Лю Л., Лю Ц., Ма С., Мэнь Ц., Мукамбаева И.Б.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Liu L., Liu J., Ma X., Meng Q., Mukambaeva I.B.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9323-3756>¹

**СООДА ЧЫР-ЧАТАКТАРЫ ЖАНА КЫТАЙ ЭКСПОРТТУК ИШКАНАЛАРЫНЫН
ТУРУКТУУЛУГУ: РЫНОК, КАМСЫЗДОО ЧЫНЖЫРЧАСЫ ЖАНА КОМПЛАЕНС
СТРАТЕГИЯЛАРЫНЫН НЕГИЗИНДЕГИ КОМПЛЕКСТҮҮ ТАЛДОО**

**ТОРГОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ КИТАЙСКИХ ЭКСПОРТНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ РЫНКА, ЦЕПОЧКИ
ПОСТАВОК И КОМПЛАЕНС-СТРАТЕГИЙ**

**TRADE CONFLICTS AND THE RESILIENCE OF CHINESE EXPORT ENTERPRISES:
AN INTEGRATED ANALYSIS BASED ON MARKET, SUPPLY CHAIN, AND
COMPLIANCE STRATEGIES**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө глобалдык соода чыр-чатактарынын күчөшү шартында Кытайдын экспорттук ишканаларынын туруктуулугун жана өнүгүү стратегияларын талдоого арналган. Акыркы жылдары дүйнөлүк соода системасында олуттуу өзгөрүүлөр болуп, тарифтик жана тарифтик эмес чектөөлөрдүн көбөйүшү экспорттук ишмердүүлүккө түздөн-түз таасирин тийгизүүдө. Айрыкча АКШ менен Кытайдын ортосундагы соода чыңалуусу экспорттук ишканалар үчүн жаңы чакырыктарды жаратып, алардын чыгымдарын көбөйтүп, рынокко кирүү мүмкүнчүлүктөрүн чектеп, жеткирүү чынжырларына таасир этүүдө. Изилдөөдө соода чыр-чатактарынын ишканаларга тийгизген таасири үч негизги багытта каралат: рыноктук шарттар, жеткирүү чынжыры жана шайкештик талаптары. Авторлор ишканалардын реактивдүү жооп кайтаруудан стратегиялык туруктуулукту калыптандырууга өтүүсүнүн маанисин белгилешет. Ошондой эле кыска мөөнөттүү, орто мөөнөттүү жана узак мөөнөттүү стратегиялар сунушталат. Аларга рынокторду диверсификациялоо, регионалдык өндүрүштү өнүктүрүү, технологиялык инновацияларды күчөтүү жана экспорттук көзөмөл талаптарына шайкеш келүү кирет. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, глобалдык соода чыр-чатактары коркунуч гана эмес, ошондой эле ишканалар үчүн жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачат. Туура стратегияны колдонгон компаниялар жаңы атаандаштык артыкчылыктарга жетише алышат. Узак мөөнөттүү келечекте ийгиликке жетүү үчүн ишканалар технологиялык өнүгүүгө, жеткирүү чынжырларынын туруктуулугуна жана эл аралык кызматташтыкка өзгөчө көңүл бурушу керек.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию влияния торговых конфликтов на устойчивость китайских экспортных предприятий и разработке комплексных стратегий их адаптации в условиях изменяющейся глобальной торговой среды. Усиление тарифных и нетарифных ограничений, особенно в контексте торговых противоречий между США и Китаем, привело к значительным изменениям в мировой торговле и создало новые вызовы для экспортно-ориентированных компаний. В работе проведён многомерный анализ воздействия торговых конфликтов на предприятия, включая влияние на издержки и конкурентоспособность, доступ к зарубежным рынкам, стабильность цепочек поставок и требования к соблюдению нормативных стандартов. Отмечается, что традиционная модель развития, основанная на ценовых преимуществах, становится менее эффективной, что требует

перехода к более устойчивым и инновационным стратегиям. Авторы предлагают системный подход к адаптации предприятий, включающий краткосрочные меры по минимизации потерь, среднесрочные стратегии диверсификации рынков и оптимизации цепочек поставок, а также долгосрочные меры по развитию технологических компетенций и укреплению систем соответствия. Особое внимание уделяется развитию сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и расширению присутствия на рынках стран Азии. Результаты исследования показывают, что торговые конфликты, несмотря на их негативное воздействие, могут стать стимулом для трансформации и модернизации экспортных предприятий. Компании, способные адаптироваться к новым условиям и эффективно управлять рисками, получают дополнительные конкурентные преимущества в глобальной экономике.

Abstract: This study explores the impact of trade conflicts on the resilience of Chinese export enterprises and provides a comprehensive analysis of their adaptive strategies in a rapidly changing global trade environment. In recent years, the escalation of tariff and non-tariff barriers, particularly in the context of US-China trade tensions, has significantly reshaped global trade patterns and posed serious challenges to export-oriented companies. The paper conducts a multidimensional analysis of the effects of trade conflicts, focusing on cost structures and competitiveness, market access restrictions, supply chain disruptions, and compliance requirements. It highlights that the traditional development model based on cost advantages is becoming increasingly unsustainable, requiring enterprises to shift toward more resilient and innovation-driven strategies. The study proposes a systematic framework of response strategies, including short-term measures to mitigate immediate losses, medium-term strategies such as market diversification and supply chain restructuring, and long-term approaches focusing on technological innovation and compliance system enhancement. Particular emphasis is placed on expanding cooperation within the Belt and Road Initiative and strengthening regional supply networks. The findings suggest that trade conflicts, while posing significant risks, also create opportunities for transformation and upgrading. Enterprises that successfully adapt to the new environment and enhance their core capabilities can achieve sustainable growth and gain competitive advantages in the global market.

Негизги сөздөр: соода чыр-чатактары; экспорттук ишканалар; жеткирүү чынжыры; рынок диверсификациясы; шайкештик стратегиялары; глобалдашуу; экономикалык туруктуулук.

Ключевые слова: торговые конфликты; экспортные предприятия; цепочка поставок; диверсификация рынков; стратегии соответствия; глобальная торговля; устойчивое развитие.

Keywords: trade conflicts; export enterprises; supply chain; market diversification; compliance strategies; global trade; resilience.

С тех пор как в 2018 году Соединенные Штаты начали «Расследование 301» против Китая и ввели тарифы, модель мировой торговли вступила в период глубокой корректировки. Согласно Статистическому отчету о мировой торговле, опубликованному Всемирной торговой организацией (ВТО) в 2024 году, количество введенных торговых ограничений в мире выросло в 2,3 раза по сравнению с пятью годами ранее, при этом меры против Китая составили 28%. Новый раунд тарифной политики, который администрация Трампа может реализовать в 2025 году, указывает на то, что торговые споры станут «новой нормой» для китайских экспортных компаний [1].

В этом контексте, как китайские экспортные компании могут систематически оценивать многоуровневое влияние торговых споров? Как перейти от реактивного реагирования к активному макету? Существующие исследования в основном анализируют причины и

экономические последствия торговых споров на макроуровне, в то время как исследования механизма реагирования и стратегического эффекта предприятий на микроуровне все еще недостаточны. В данной статье в основном исследуется путь трансформации китайских экспортных предприятий от «шок-реакции» к «конструированию устойчивости», а также предлагается новая перспектива для развития соответствующих теорий и практики предпринимательства

В настоящее время глобальные торговые споры продемонстрировали новые характеристики диверсификации, сложности и нормализации, которые не только связаны с традиционными тарифными барьерами, но и распространяются на многие области, такие как экспортный контроль, технические стандарты и инвестиционные ограничения [2].

Тарифная политика администрации Трампа в отношении Китая в 2025 году покажет многоуровневые и дифференцированные характеристики, включая 10% «эталонный тариф» на все продукты, импортируемые из Соединенных Штатов, и более высокий «взаимный тариф страны» на основных торговых партнеров. Что еще более серьезно, Соединенные Штаты также вводят дополнительные тарифы на конкретные товары Китая на основе внутренних правовых документов, таких как Закон о международной чрезвычайной экономической энергии, таких как так называемый «налог на фентанил» [3].

Что касается торговых мер, Соединенные Штаты часто используют «статью 301», «статью 232» и «статью 201» для введения штрафных тарифов, тарифов национальной безопасности и временных льготных тарифов на китайские товары. Область экспортного контроля стала в центре внимания нового раунда торговых споров. Во второй половине 2025 года китайское правительство внедрит экспортный контроль на такие стратегические товары, как сверхтвердые материалы, редкоземельное оборудование и сырье и вспомогательные материалы, средние и тяжелые редкоземельные элементы, литиевые батареи и искусственные графитовые катодные материалы. В то же время 14 иностранных организаций были включены в список ненадежных юридических лиц, и впервые организациям или частным лицам в Китае было прямо запрещено передавать данные или предоставлять конфиденциальную информацию этим организациям.

Влияние торговых споров на китайские экспортные предприятия является многомерным и глубоким и проникло во все аспекты деятельности предприятия.

С точки зрения стоимости и конкурентоспособности, наложение нескольких тарифов привело к резкому росту экспортных затрат. Возьмем в качестве примера экспорт легкой промышленной продукции Китая в Соединенные Штаты, ежегодный объем торговли только оборудованием для передачи данных и компонентами превышает 10 миллионов долларов США, на что значительно влияют тарифы. «Взаимные тарифы» и другие специальные тарифы, введенные Соединенными Штатами в отношении Китая, привели к тому, что некоторые товары столкнулись с совокупными тарифами более 125%.

На уровне доступа к рынку предприятия сталкиваются с большим количеством нетарифных барьеров. После того, как предложение Соединенных Штатов об отмене постоянных обычных торговых отношений Китая будет реализовано, все товары, экспортируемые Китаем в Соединенные Штаты, не смогут пользоваться налоговой ставкой наиболее благоприятной нации. На нестратегические товары будет распространяться минимальный тариф в размере 35%, а на стратегические товары будет взиматься чрезвычайно высокий тариф в размере 100%.

На уровне цепочки поставок обновление экспортного контроля привело к нестабильным поставкам ключевых материалов. Китай контролирует экспорт редкоземельных элементов и других сопутствующих товаров и технологий, хотя чиновник сказал, что «экспорт не запрещен, если он

является соответствующим экспортным приложением для гражданского использования, он может быть одобрен». Тем не менее, при фактической реализации европейские предприятия все еще обеспокоены необходимостью остановить свое производство, ожидая одобрения Министерством торговли их заявок на экспорт редкоземельных элементов.

С точки зрения риска соответствия, предприятия сталкиваются с более сложными проблемами соответствия. Внедрение правил происхождения таможенной США становится все более строгим, и проверка китайских товаров через экспорт в третьи страны была увеличена. В то же время китайским предприятиям также необходимо одновременно иметь дело с дифференцированными правилами экспортного контроля Китая и Соединенных Штатов, и стоимость соблюдения значительно возросла [4].

В условиях все более сложной международной торговой среды китайские экспортные предприятия должны формулировать систематические и многоуровневые стратегии преодоления.

Краткосрочные чрезвычайные меры. Для экспортных контрактов, находящихся в стадии реализации, предприятия должны принимать целевые меры в соответствии с различными этапами товаров. Если товары прибыли в порт страны-импортера, но не прошли таможенную очистку, предприятие-экспортер должно контролировать право на товары и предотвращать риск сбора; если это метод расчета после Т/Т, убытки могут быть уменьшены путем согласования плана распределения тарифов с импортером или обработки перегрузки и возврата вовремя. Если товары все еще находятся в пути, предприятие-экспортер должно сохранять контроль над коносаментом и вести переговоры с импортером для корректировки условий поставки. Для товаров, которые были произведены, но еще не отправлены, предприятия-экспортеры могут рассмотреть возможность переговоров с импортерами об изменении срока поставки, способа расчета или пакетной отгрузки в соответствии с принципом изменения ситуации.

Среднесрочная стратегическая корректировка с точки зрения планировки рынка способствует стратегии диверсификации рынка и увеличению развития национального рынка для совместного строительства «Пояса и пути». В 2024 году доля Китая в импорте и экспорте на совместное строительство стран «Пояса и пути» выросла до 50,3%, и АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая в течение пяти лет подряд, что указывает на то, что диверсификация рынка достигла положительных результатов. С точки зрения цепочки поставок, мы построим региональную систему цепочки поставок и осуществим модельную трансформацию «локализованного производства + регионального экспорта» через зарубежные инвестиции в зеленые пространства. В 2023 году зарубежные инвестиции Китая в зеленые насаждения утроились по сравнению с предыдущим годом до 160 миллиардов долларов США, что составляет 11,6% от общего объема в мире в том году. Юань Цюань, руководитель транзакционного банковского бизнеса в материковом Китае и Гонконге Dahua Bank, отметил, что китайские предприятия могут экспортировать на европейский и американский рынки после создания заводов в Юго-Восточной Азии, что может учитывать рыночный спрос и экономическую эффективность [5].

Долгосрочное наращивание потенциала, укрепление системы соответствия и создание полного механизма соблюдения экспортного контроля, включая точное определение товарной юрисдикции и классификации, формулирование систематических планов соблюдения экспортных требований и проведение специального обучения для сотрудников. Гао Юй, секретарь Совета директоров Wentai Technology, сказал, что предприятия должны укреплять способность «Локальное для местного», то есть местного производства и продаж, уделяя при этом

внимание устойчивому развитию, чтобы соответствовать более высоким стандартам международных клиентов в ESG. Повысить способность технологических инноваций и перейти от «дивидендов от шкалы» к «технологическим дивидендам». В докладе Роланда Бергера отмечается, что Китай переходит от «старой тройки» (одежда, мебель, бытовая техника) к «новой тройке» (новые энергетические транспортные средства, литиевые батареи, фотоэлектрические продукты) и далее переходит к следующему поколению «новой тройки», связанных с преобразованием энергии, полупроводниками и высококачественным производством.

Столкнувшись с общей тенденцией «замедления темпов роста, структурной оптимизации и увеличения риска» внешней торговли в 2025 году, правительству необходимо построить более совершенную систему поддержки.

Создайте глобальную систему хеджирования рисков. Расширить охват страхования экспортных кредитов с традиционной торговли товарами на новые области, такие как цифровые услуги и оффшорные исследования, и разработки. Ожидается, что уровень покрытия цифровой торговли увеличится до 35% к 2025 году. В то же время должен быть создан «Чрезвычайный фонд тарифного шока» для предоставления субсидий на корректировку переходной мощности пострадавшим предприятиям.

Углубить институциональную открытость. Для преодоления барьеров в зеленой торговле необходимо создать двойной механизм: создать «специальный фонд для реформы зеленых технологий» на промышленном конце для поддержки предприятий в создании базы данных углеродного следа за полный жизненный цикл; и содействовать переговорам о соглашениях о взаимном признании китайских и иностранных зеленых продуктов на стороне правил.

Содействовать цифровой трансформации. Ускорить законодательный процесс в соответствии с законом о трансграничном содействии электронной коммерции и сосредоточиться на решении институциональных узких мест, таких как трансграничное взаимное признание электронных подписей и защита конфиденциальности потребителей. В то же время мы будем продвигать строительство цифровых торговых центров в Ханчжоу и Шэньчжэне, а также пилотировать инновационные меры, такие как «белый список трансграничного потока данных».

Оптимизируйте корпоративные услуги. Динамически обновляйте и публикуйте «Информацию о содействии внешней торговле» и «Национальное руководство по торговле», чтобы предоставить предприятиям больше информационных услуг на зарубежном рынке. Поддержка предприятий для участия в различных выставках в стране и за рубежом, продолжение организации мероприятий по содействию торговле и помощь предприятиям в поставке и добыче полезных ископаемых [6].

Торговые споры – это «обряд посвящения», который китайские экспортные компании должны преодолеть в процессе глобализации. Влияние торговых споров является сложным и многоаспектным, а модель развития, которая опирается исключительно на традиционные ценовые преимущества, неустойчива, но она также предоставляет предприятиям стратегические возможности для трансформации и модернизации. Те компании, которые смогут быстро адаптироваться к изменениям окружающей среды, активно корректировать свои стратегии и продолжать наращивать ключевые компетенции, не только выживут, но и получают новые конкурентные преимущества в условиях вызовов. В будущем успех китайских экспортных компаний будет зависеть не только от ценовых преимуществ, но и от устойчивости их цепочек поставок, технологических инноваций и интеграции глобальных ресурсов. Это сложный, но необходимый процесс трансформации из «Сделано в Китае» в «Сделано в Китае» и «Работает в Китае». Правительствам, отраслям и предприятиям необходимо работать вместе, чтобы создать

более устойчивую и инновационную экосистему внешней торговли, чтобы справиться со все более сложной и изменчивой глобальной торговой средой.

Список использованной литературы

1. Комплексное обновление системы экспортного контроля Китая в 2025 году: многомерный контроль от стратегических элементов до технологий и данных, юридическая фирма Zhonglun, октябрь 2025 года.
2. Юридические рекомендации по экспортным предприятиям, реагирующим на высокие тарифы в конкретных странах, Судебное бюро Нинбо, апрель 2025 года.
3. Отчет о перспективах экспорта Китая в 2025 году: трансформация торговой модели, большое увеличение зарубежных инвестиций китайских предприятий, первое финансирование, январь 2025 года.
4. «Глобальные тарифные проблемы в 2025 году накаляются, как китайские предприятия могут откалибровать свою зарубежную стратегию?», First Finance, декабрь 2024 года.
5. «Путь к корпоративному торговому соблюдению в соответствии с новым соглашением Трампа», Trade Enterprise, июнь 2025 года.
6. Всемирная торговая организация. (2024). Статистический обзор мировой торговли 2024. Женева: ВТО.

Рецензент: PhD Имашова Айсулу Абдыкуловна

УДК 341: 004.738.5

Лю Ч., Апаев Э.Х., Рыскулова Б.А., Калыбаева А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Лю Ч., Апаев Э.Х.,¹ Рыскулова Б.А.,² Калыбаева А.А.³

КНУ имени Жусупа Баласагына

Liu Z., Apaev E., Ryskulova B., Kalybaeva A.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6031-3622>¹

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6813-7164>²

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3747-7800>³

**ЭЛ АРАЛЫК УКУК БОЮНЧА СОЦИАЛДЫК ТАРМАКТАРДЫ ЖӨНГӨ
САЛУУДАГЫ ПЛАТФОРМАНЫН ЖООПКЕРЧИЛИГИ МАСЕЛЕЛЕРИ**

**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЛАТФОРМ В РЕГУЛИРОВАНИИ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ
PLATFORM LIABILITY ISSUES IN SOCIAL NETWORK REGULATION UNDER
INTERNATIONAL LAW**

Кыскача мүнөздөмө: Санариптик технологиянын өнүгүшү менен социалдык тармактар платформалары глобалдык маалыматты таратуунун маанилүү каражатына айланды. Маалымат агымын жана коомдук талкууну жеңилдетүү менен бирге, бул платформалар бир катар трансулуттук укуктук маселелерди, мисалы, туура эмес маалыматтын таралышын, жек көрүүчүлүк сөздөрүн жана купуялуулукту бузууларды жаратты. Эл аралык укуктун салттуу алкагына ылайык, интернет платформалары көптөн бери маалыматты таратууда "ортомчулар" катары каралып келген, адатта чектелген жоопкерчилик же бошотуу эрежелерине баш ийишет.

Бирок, социалдык медианын таасири кеңейип жаткандыктан, өлкөлөр платформаларга карата жөнгө салуучу милдеттерин акырындык менен күчөтүп, платформаны башкаруунун жаңы эрежелерин калыптандырууга көмөктөшүүдө. Бул макалада эл аралык укуктагы платформа жоопкерчилигинин теориялык негиздерине сереп салынып, АКШ жана Европа Биримдиги сыяктуу ири юрисдикциялардын институционалдык практикасын салыштыруу аркылуу учурдагы социалдык тармактарды жөнгө салуудагы платформа жоопкерчилиги системаларынын өнүгүү тенденциялары жана укуктук дилеммалары талданат. Макалада эл аралык интернетти башкаруу системасында сөз эркиндигин коргоо менен платформаларды жөнгө салууну күчөтүүнүн ортосунда тең салмактуулукту табуу зарылдыгы белгиленип, платформалардын жоопкерчилиги боюнча макулдашылган трансулуттук эрежелер көп баскычтуу жоопкерчилик системасын түзүү, ачык-айкындуулук боюнча милдеттенмелерди күчөтүү жана эл аралык кызматташтыкты өнүктүрүү аркылуу акырындык менен калыптанышы керектиги айтылат.

Аннотация: С развитием цифровых технологий платформы социальных сетей стали важным носителем глобального распространения информации. Облегчая поток информации и публичные дискуссии, эти платформы также породили ряд транснациональных правовых проблем, таких как распространение дезинформации, разжигание ненависти и нарушение конфиденциальности. В рамках традиционного международного права интернет-платформы долгое время рассматривались как «посредники» в распространении информации, как правило, подпадающие под правила ограниченной ответственности или освобождения от ответственности. Однако с расширением влияния социальных сетей страны постепенно усиливают свою регулируемую ответственность в отношении платформ и способствуют формированию новых правил управления платформами. В данной статье, на основе обзора теоретических основ ответственности платформ в международном праве, анализируются тенденции развития и правовые дилеммы систем ответственности платформ в современном регулировании социальных сетей путем сравнения институциональной практики ведущих юрисдикций, таких как США и Европейский союз. В статье утверждается, что в международной системе управления интернетом необходимо искать баланс между защитой свободы слова и усилением регулирования платформ, а согласованные транснациональные правила ответственности платформ должны постепенно формироваться путем создания многоуровневой системы ответственности, усиления обязательств по обеспечению прозрачности и развития международного сотрудничества.

Abstract: With the development of digital technology, social networking platforms have become an important carrier of global information dissemination. While facilitating information flow and public discussion, these platforms have also brought about a series of transnational legal issues, such as the spread of misinformation, hate speech, and privacy violations. Under the traditional framework of international law, internet platforms have long been regarded as "intermediaries" in information dissemination, typically subject to limited liability or exemption rules. However, with the expanding influence of social media, countries are gradually strengthening their regulatory responsibilities over platforms and promoting the formation of new platform governance rules. This article, based on an overview of the theoretical foundations of platform responsibility in international law, analyzes the development trends and legal dilemmas of platform responsibility systems in current social network regulation by comparing the institutional practices of major jurisdictions such as the United States and the European Union. The article argues that in the international internet governance system, a balance should be sought between protecting freedom of speech and strengthening platform regulation, and that a coordinated transnational platform responsibility rule should be gradually

constructed by establishing a tiered responsibility system, strengthening transparency obligations, and promoting international cooperation.

Негизги сөздөр: социалдык тармактар; платформанын жоопкерчилиги; интернетти башкаруу; эл аралык укук; контентти жөнгө салуу.

Ключевые слова: социальные сети; ответственность платформы; управление интернетом; международное право; регулирование контента.

Keywords: social networks; platform responsibility; internet governance; international law; content regulation.

The development of internet technology has profoundly changed the structure of information dissemination. In particular, the emergence of social networking platforms has transformed users not only into information recipients but also into content producers. Social media platforms such as Facebook, Twitter, and YouTube have become important spaces for public discussion worldwide. However, this decentralized information dissemination model has also brought about numerous legal challenges, such as the spread of misinformation, hate speech, cyberbullying, and terrorist propaganda.

In the early stages of internet governance, platforms were typically viewed as "neutral intermediaries," and their legal liability was significantly limited. For example, Section 230 of the Communications Decency Act of 1996 in the United States established a broad exemption for internet service providers (ISPs) from liability for user-generated content, meaning that platforms are generally not legally liable for content posted by users. This clause stipulates that internet service providers should not be considered publishers or representatives of third-party information content, thus providing important legal protection for the development of the internet industry.

However, as social media's influence in political communication, social governance, and public opinion continues to expand, governments worldwide are increasingly recognizing the crucial role platforms play in information dissemination and beginning to re-examine their legal responsibilities. In recent years, the EU, the US, and some Asian countries have introduced new regulatory policies, attempting to address the challenges of cyberspace governance by strengthening platform accountability.

Against this backdrop, how to define the legal responsibilities of social networking platforms within the framework of international law has become an important issue in internet governance research.

In the field of internet governance, platform responsibility is often categorized under the theory of "intermediary liability." Intermediary liability refers to whether internet service providers should bear legal responsibility when users publish or disseminate illegal information. Scholars generally believe that the internet intermediary liability system typically follows the basic logic of "exemption from liability as the principle, and attribution of liability as the exception."

This system design is based on two main considerations:

First, internet platforms themselves do not directly produce content; they merely provide technical services for information dissemination to users. Imposing excessive legal liability on platforms could hinder the development of the internet industry.

Second, platforms struggle to comprehensively review massive amounts of information. Holding platforms strictly responsible for all content would lead to excessive censorship, thereby infringing on freedom of speech.

Therefore, in the early internet governance framework, most countries adopted the "notice and takedown" mechanism, which means that platforms should promptly delete illegal content after receiving a notification from the rights holder, otherwise they may bear legal responsibility.

In the international human rights legal system, freedom of expression is considered a fundamental right. For example, the International Covenant on Civil and Political Rights explicitly states that everyone has the freedom to express opinions and disseminate information. However, this right is not absolute; states can impose necessary restrictions on it within the scope of their laws, such as to prevent hate speech, maintain national security, or protect the rights of others.

In the internet age, social media platforms have, to some extent, assumed the function of a "digital public space," and therefore their content management practices also involve issues of freedom of speech. For example, in the famous case of *Delfi AS v. Estonia*, the European Court of Human Rights held that news websites bore some responsibility for defamatory content in user comments. The court held that if a platform fails to take reasonable measures to manage clearly illegal comments, it may be liable for legal consequences. [5, p.1]

This case is considered an important precedent in the European Internet intermediary liability system and has had a profound impact on the development of subsequent platform liability rules.

The United States has long adopted a relatively lenient internet regulatory policy. Its core system is Section 230, which provides internet platforms with strong liability protection. [4, p.1]

According to this clause, Internet service providers are generally not legally liable for the content posted by users, and they also enjoy "good Samaritan" protection, meaning that the platform will not bear additional liability for deleting or restricting harmful content. [6, p.3]

This system has provided an important institutional foundation for the rapid development of American internet companies, but it has also sparked considerable controversy. Critics argue that excessive exemptions from liability may lead to a lack of incentive for platforms to address misinformation and harmful content. Therefore, in recent years, there have been calls within the United States to amend this provision.

Compared to the United States, the European Union has adopted a more proactive legislative strategy in internet regulation. In 2022, the EU formally passed the Digital Services Act, establishing a new regulatory framework for digital platforms. [3, p.5]

This legislation imposes different obligations on platforms of different sizes through a tiered regulatory mechanism. For example, it imposes stricter obligations on "very large online platforms" regarding risk assessment, transparency reporting, and algorithm review, in order to strengthen the governance of misinformation and illegal content. [1, p.7] The core characteristics of the EU model are: 1. Strengthening the proactive obligations of platforms; 2. Increasing transparency requirements; and 3. Establishing cross-border regulatory cooperation mechanisms. This institutional design reflects the EU's "responsibility first" principle in internet governance.

In recent years, several common trends have emerged in internet regulation worldwide: 1. A shift from passive regulation to proactive governance; 2. A shift from exemption from liability to limited liability; 3. A move from domestic legislation to transnational cooperation. For example, some research projects have systematically compiled national legislation and case law through a global internet intermediary liability database, providing important data for comparative studies. These developments indicate that platform liability issues are gradually transforming from domestic legal issues into important topics in international internet governance.

Despite some progress made by various countries in strengthening platform regulation, many difficulties remain at the level of international law.

The internet is inherently transnational. A single social media message may be subject to the legal systems of multiple countries simultaneously. For example, content that is considered legal speech in one country may constitute illegal information in another. This difference leads to

significant conflicts in regulatory policies between countries and places enormous pressure on platforms to comply with regulations.

Currently, global internet regulatory systems exhibit a clear fragmentation. The United States emphasizes freedom of speech, the European Union emphasizes platform responsibility, while some countries place greater emphasis on information security and social stability.

These institutional differences mean that multinational platforms face different legal obligations in different regions, thereby increasing compliance costs.

As the influence of social media expands, platform companies are gaining increasing power in information dissemination.

In some cases, platforms can even directly influence public opinion through algorithmic recommendations or content censorship. Therefore, some scholars argue that large social media platforms have acquired the characteristics of "quasi-public institutions" and need to assume a higher degree of public responsibility. [7, p.12]

In response to these issues, the international community needs to explore new governance models within the existing legal framework.

Platforms of different sizes have significantly different influence in information dissemination. Therefore, we can learn from the EU's regulatory experience and implement tiered regulation of platforms.

For example, impose stricter transparency and risk assessment obligations on very large platforms, while maintaining a relatively relaxed regulatory environment for small and medium-sized platforms. [8, p.23]

Transparency is a crucial prerequisite for effective regulation. Platforms should regularly publish content review reports, disclose their algorithm recommendation rules, and accept independent audits. Increasing transparency can enhance public trust in platform governance.

Given the global nature of the internet, relying solely on regulation by a single country is insufficient to address the problem. Therefore, it is necessary to promote internet governance cooperation within the framework of international organizations, such as establishing platform governance coordination mechanisms at the UN or regional organization levels.

The rapid development of social networking platforms has presented new challenges to internet governance. While traditional intermediary liability exemption mechanisms have promoted the development of the internet industry, they are no longer fully adapted to the new governance needs in the current digital society.

From the perspective of international law development trends, countries are gradually strengthening platform responsibility and building new internet governance systems through legislation, judicial precedents, and regulatory policies. However, due to the transnational and complex nature of the internet, platform responsibility systems still face issues such as jurisdictional conflicts, differences in regulatory standards, and the expansion of platform power.

In the future, the international community should seek a reasonable balance between upholding freedom of speech and strengthening platform regulation, and gradually form more coordinated and effective rules for social network governance by establishing a tiered accountability system, strengthening transparency obligations, and promoting international cooperation.

Therefore, we can conclude the following: A tiered responsibility system. Drawing on EU experience, differentiated regulation should be implemented for platforms of different sizes, with stricter regulations for large platforms and more lenient regulations for small and medium-sized platforms.

Strengthening transparency obligations. Platforms should regularly publish content review reports, disclose algorithm rules, and accept independent audits to ensure regulatory and public oversight.

Promoting international cooperation. Platform governance coordination mechanisms should be established through the United Nations and regional organizations to address the problem of fragmented regulation.

List of used literature

1. Mark MacCarthy. Transparency Is Essential for Effective Social Media Regulation. Brookings Institution, 2022. -16 p.
2. Giancarlo Frosio. World Intermediary Liability Map (WILMap). [DB/OL]. Stanford Center for Internet and Society, 2014. <https://wilmap.stanford.edu/>
3. Regulation (EU) 2022/2065 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). [S]. 2022. -102 p.
4. Communications Decency Act §230 [s], United States, 1996.
5. Delfi AS v. Estonia, European Court of Human Rights, [R], 2015. -79 p.
6. Tan Wenling, “A Study on the Indirect Infringement Exemption System of Network Service Providers”, Journal of Beijing University of Posts and Telecommunications (Social Sciences Edition). - No. 4, - 2024. - P.114-122.
7. Jack Balkin. Free Speech in the Algorithmic Society. Columbia Law Review, [J], 2018. - P.36-42
8. Tarleton Gillespie. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape social media. Yale University Press, [M], 2018. - 228 p.

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Калдыбай уулу Мирлан

УДК 343.352: 341.4

Лю Я., Бейшеева А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Лю Я., Бейшеева А.А.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Liu Y., Beisheeva A.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3688-9290>¹

КОРРУПЦИЯГА КАРШЫ ЭЛ АРАЛЫК МЕХАНИЗМДЕРДИ ӨНҮКТҮРҮҮ ЖАНА ӨРКҮНДӨТҮҮ

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION MECHANISM

Кыскача мүнөздөмө: Глобалдашуу күчөгөн шартта трансчек аралык коррупциялык кылмыштар барган сайын татаалдашып, жашыруун мүнөзгө ээ болуп, мамлекеттердин экономикалык туруктуулугуна жана эл аралык каржы системасына олуттуу зыян келтирүүдө. Бул макалада Бириккен Улуттар Уюмунун коррупцияга каршы Конвенциясынын (UNCAC) алкагында активдерди кайтарып алуу механизмдери каралат. Бул Конвенция эл аралык деңгээлдеги негизги укуктук инструмент болуп саналат. Изилдөөдө активдерди түз жана кыйыр кайтаруу жолдору, конфискация жана эл аралык укуктук жардам механизмдери

талданат. Ошондой эле активдерди кайтарып алууда пайда болгон негизги көйгөйлөр — улуттук мыйзамдардын айырмачылыгы, далилдөө процесстеринин татаалдыгы, эл аралык кызматташуунун жетишсиздиги жана жогорку чыгымдар — көрсөтүлөт. Макалада бул көйгөйлөрдү чечүү үчүн бир катар сунуштар берилет: эл аралык кызматташууну күчөтүү, санариптик технологияларды колдонуу (жасалма интеллект, блок чейн), адистештирилген фонддорду түзүү, кадрларды даярдоо жана ачык-айкындуулукту жогорулатуу. Жыйынтыгында, активдерди натыйжалуу кайтаруу укуктук, институционалдык жана технологиялык чараларды бириктирген комплекстүү ыкманы талап кылаары белгиленет.

Аннотация: В условиях ускорения глобализации транснациональная коррупция приобретает всё более сложный и скрытый характер, оказывая негативное влияние на экономическую стабильность государств и международную финансовую систему. В статье рассматриваются ключевые проблемы и механизмы возврата активов в рамках Конвенции ООН против коррупции (UNCAC), которая является основным международным правовым инструментом в данной сфере. Особое внимание уделяется анализу действующих правовых механизмов, включая прямое и косвенное восстановление активов, а также международное сотрудничество в области конфискации и возврата незаконно полученных средств. В работе выявлены основные проблемы, препятствующие эффективному возврату активов, такие как различия в национальных правовых системах, сложные процедуры доказательства, недостаточный уровень международного взаимодействия и высокие финансовые затраты. На основе анализа предлагаются пути совершенствования механизма возврата активов, включая развитие международного сотрудничества, внедрение современных технологий (искусственный интеллект, блок чейн), создание специализированных фондов и образовательных центров, а также повышение прозрачности процессов. Результаты исследования показывают, что эффективный возврат активов требует комплексного подхода, включающего правовые, институциональные и технологические меры, а также укрепление глобального управления и международного сотрудничества.

Abstract: With the acceleration of globalization, transnational corruption crimes have become increasingly complex and concealed, posing serious threats to national economies and the international financial system. This paper examines the mechanisms of cross-border asset recovery within the framework of the United Nations Convention Against Corruption (UNCAC), which serves as the primary global legal instrument in this field. Particular attention is given to the analysis of direct and indirect asset recovery mechanisms, as well as international cooperation in confiscation and restitution processes. The study identifies major challenges hindering effective asset recovery, including differences in national legal systems, complex evidentiary requirements, insufficient international cooperation, and high financial costs. Based on these findings, the paper proposes several measures to improve the effectiveness of asset recovery mechanisms. These include strengthening international cooperation, utilizing modern technologies such as artificial intelligence and block chain, establishing specialized funds and training centers, and enhancing transparency in recovery processes. The results demonstrate that successful cross-border asset recovery requires a comprehensive approach combining legal, institutional, and technological solutions, along with stronger global governance and international collaboration.

Негизги сөздөр: коррупцияга каршы эл аралык механизмдер; Бириккен Улуттар Уюмунун коррупцияга каршы конвенциясы; активдерди трансчек аралык кайтарып алуу; коррупцияга каршы эл аралык кызматташтык; активдерди кайтарып алуу; өз ара укуктук жардам; активдерди тондуруу; конфискация системасы; айыптоо өкүмү жок конфискация; далилдердин стандарттары.

Ключевые слова: механизмы международной борьбы с коррупцией; Конвенция ООН против коррупции; трансграничный возврат активов; международное сотрудничество в борьбе с коррупцией; возврат активов; взаимная правовая помощь; замораживание активов; система конфискации; конфискация активов без вынесения обвинительного приговора; стандарты доказательств.

Keywords: international anti-corruption mechanisms; United Nations Convention against Corruption; cross-border asset recovery; international cooperation in combating corruption; asset recovery; mutual legal assistance; asset freezing; confiscation system; non-conviction-based confiscation; standards of evidence.

With the acceleration of economic globalization, transnational corruption crimes have become unprecedentedly complex and covert. Corrupt actors exploit differences in national legal systems and loopholes in the international financial system to transfer huge amounts of illicit funds abroad, seriously damaging the economic interests and political ecology of source countries, while also threatening the stability of the international financial system. According to joint research by the World Bank and the International Monetary Fund, the annual global flow of corruption funds across borders amounts to \$1.5–2 trillion, accounting for approximately 2% of global GDP (World Bank & IMF, 2020). [1, p.12] This grim reality urgently calls for the international community to establish an efficient and powerful cross-border asset recovery mechanism.

The United Nations Convention Against Corruption (UNCAC), as the first legally binding global anti-corruption legal instrument in history, provides a foundational framework for international anti-corruption cooperation. [6, p.67] Chapter V of the Convention specifically establishes an asset recovery mechanism, setting out two paths—direct and indirect recovery—providing a legal basis for cross-border asset recovery cooperation among countries. However, in practice, cross-border asset recovery still faces many difficulties. According to statistics from the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), as of the end of 2023, globally only about 30% of corrupt assets have been successfully recovered, and the recovery process takes an average of 3–5 years, with costs reaching 30–40% of the recovered asset value (UNODC, 2023). [2, p.3]

Therefore, an in-depth analysis of the practical dilemmas of cross-border asset recovery mechanisms and the exploration of improvement paths are of great significance for enhancing the effectiveness of international anti-corruption cooperation.[7, p.11] From the perspective of the implementation of the United Nations Convention Against Corruption, this paper systematically reviews the legal framework of cross-border asset recovery mechanisms, analyzes the main challenges in practice, and proposes corresponding improvement suggestions.

Asset Recovery Mechanism Under the Framework of the UN Convention Against Corruption

Chapter V of the United Nations Convention Against Corruption establishes a relatively complete asset recovery institutional framework. [8, p.8] The core objective is to "prevent and combat corruption, promote international cooperation and technical assistance, and achieve the return and disposal of assets." The main contents include:

Article 53 of the Convention provides three methods for directly recovering assets through civil litigation: (a) allowing another State Party to initiate civil litigation in its courts to establish ownership of the assets; (b) allowing its courts to order corrupt actors to pay compensation or damages to the victim State; and (c) allowing its courts to recognize the victim State's ownership of corrupt assets. This mechanism reflects the protection of the legitimate rights and interests of victim States, but in practice it faces challenges such as high evidentiary standards and complex procedures.

Article 54 establishes an asset recovery mechanism through confiscation procedures, requiring State Parties to establish necessary confiscation systems, including conviction-based, non-conviction-based, and other procedural confiscation systems. The innovation of this mechanism lies in breaking through the traditional criminal justice requirement of conviction, providing a legal basis for asset recovery in cases where the offender has died, fled, or cannot be convicted.

Articles 55 to 59 of the Convention stipulate the obligations of international cooperation in asset recovery, including the enforcement of foreign confiscation orders, provision of mutual legal assistance, and asset return. Article 57, on asset return, reflects the principle of restitution, requiring State Parties to return confiscated assets to the requesting State upon request and proof of legitimate ownership.

States should, in accordance with the requirements of the Convention, systematically improve domestic legislation, establish non-conviction-based confiscation systems, lower evidentiary standards, and provide legal facilitation for cross-border asset recovery.[5, p.5] Specific measures include: enacting specialized Asset Recovery Laws, clarifying the conditions and procedures for non-conviction-based confiscation; establishing asset presumption systems, requiring suspects to explain the legal source of huge assets; improving mutual legal assistance legislation, simplifying procedures for enforcing foreign confiscation orders.

On the basis of existing bilateral mutual legal assistance treaties, establish multilateral asset recovery cooperation mechanisms. Drawing on the experience of the APEC Asset Recovery Initiative, establish a global asset recovery network; create an international asset recovery database to share information on corrupt actors and assets; establish rapid response mechanisms to launch joint investigations into major corruption cases. [4, p.41]

Create a special fund to provide technical and financial support to developing countries for asset recovery. Fund sources may include: a proportion of confiscated assets, special allocations from international organizations, voluntary contributions from developed countries, etc.; fund uses include: paying asset recovery legal costs, purchasing professional technical equipment, training professional talents, etc.

Establish international asset recovery training centers to cultivate professional legal, financial, and investigative talents for countries. Cooperate with the World Bank, the United Nations, and other organizations to establish asset recovery scholarship programs; create expert exchange mechanisms, allowing professionals from various countries to intern and work in other countries; compile unified training materials and case databases to improve training quality and standardization. [3, p.7]

Use big data, artificial intelligence, and other technological means to improve asset tracing and investigation capabilities. Develop asset tracing software to identify suspicious transactions and asset transfer patterns through data analysis; establish cryptocurrency monitoring systems to track digital currency flows; apply block chain technology to build tamper-proof asset registration systems.

Create an international asset recovery expert pool to provide technical consultation and guidance for complex cases. The expert pool should include top talents in various fields such as law, finance, investigation, and technology; establish a 24-hour hotline to provide immediate support for urgent cases; regularly organize expert meetings to discuss difficult issues in asset recovery.

Countries should, through international conferences and other forms, make political commitments to strengthen anti-corruption cooperation. Establish head-of-state-level anti-corruption cooperation mechanisms, incorporating asset recovery into diplomatic agendas; formulate international cooperation action plans, clarifying responsibilities and obligations of countries in asset recovery; establish compliance evaluation mechanisms to regularly assess countries' cooperation performance.

Establish cross-border asset recovery dispute resolution mechanisms to resolve cooperation differences through arbitration, mediation, and other means. Set up an international anti-corruption dispute arbitration center to specifically handle asset recovery disputes; create a panel of mediators composed of senior judges, lawyers, and diplomats; formulate dispute resolution rules to ensure procedural fairness and efficiency.

Improve transparency in the asset recovery process, regularly publish asset recovery progress and results. Establish asset recovery information disclosure platforms to publish case progress, recovery amounts, asset disposal, etc.; allow media and civil society organizations to supervise the asset recovery process to prevent backroom operations; establish appeal mechanisms to safeguard the legitimate rights and interests of relevant parties.

As an important component of international anti-corruption cooperation, cross-border asset recovery is of great significance in combating transnational corruption and upholding international fairness and justice. The United Nations Convention Against Corruption provides a solid legal foundation for cross-border asset recovery, but in practice it still faces multiple dilemmas such as legal conflicts, procedural obstacles, technical challenges, and political concerns. Through analysis of successful and failed cases, it is evident that successful asset recovery requires multiple conditions, including sound legal systems, firm political will, effective international cooperation, and advanced technical means.

Looking to the future, the development of cross-border asset recovery mechanisms will show the following trends:

Enhanced Institutionalization: Countries will further improve domestic legislation, strengthen institutional alignment, and form more comprehensive legal frameworks. It is estimated that by 2030, more than 80% of countries globally will have established non-conviction-based confiscation systems, providing more powerful legal tools for cross-border asset recovery.

Deepened Cooperation Mechanisms: The international community will establish more efficient cooperation mechanisms, including information sharing, rapid response, and joint investigations. Regional cooperation organizations will play greater roles in asset recovery, forming multi-level cooperation networks.

Technological Innovation: With technological development, new technologies such as block chain and artificial intelligence will play greater roles in asset tracing and management. It is estimated that by 2035, a unified global digital asset tracing system will be established, effectively solving the tracing challenges of new types of assets such as cryptocurrencies.

Strengthened Global Governance: Cross-border asset recovery will be incorporated into the global governance system and become an important part of building a community with a shared future for mankind. The United Nations will play a greater role in coordinating national actions, formulating international standards, and providing technical support.

As an active participant and promoter of the United Nations Convention Against Corruption, China has achieved remarkable results in cross-border asset recovery. Through special operations such as “Sky Net,” China has successfully recovered a large number of fugitive corrupt actors and illicit funds. According to official Chinese data, from 2014 to 2023, China has recovered 12,000 fugitives from more than 120 countries and regions, and recovered assets exceeding RMB 50 billion. In the future, China should continue to strengthen international cooperation, improve domestic laws, enhance professional capabilities, and contribute Chinese wisdom and solutions to building a more complete international anti-corruption cooperation system.

Therefore, we can conclude the following: Summarize China’s successful practices in cross-border asset recovery and share experiences with other countries through international conferences and training programs.

Promoting Institutional Innovation: Actively explore emerging areas such as digital currency regulation and cyber anti-corruption, and contribute Chinese solutions to international rule-making.

Strengthening South-South Cooperation: Utilize China's traditional friendly relations with developing countries to help other developing countries enhance their asset recovery capabilities.

Participating in Global Governance: Actively participate in anti-corruption cooperation mechanisms of international organizations such as the United Nations, G20, and APEC, and promote the establishment of a fairer and more reasonable international asset recovery order.

List of used literature

1. World Bank. Asset Recovery Handbook: A Guide for Practitioners. – Washington, DC: World Bank, 2019. – 282 p.
2. United Nations Office on Drugs and Crime. Implementation of Chapter V (Asset Recovery) of the United Nations Convention against Corruption: report CAC/COSP/IRG/2019/4. – Vienna: UNODC, 2019.
3. Greenberg T. S., Samuels L. M., Grant K. Stolen Asset Recovery: A Good Practices Guide for Non-Conviction Based Asset Forfeiture. – Washington, DC: World Bank, 2009. – 152 p.
4. Zimmermann A. International Asset Recovery: Comparative Perspectives. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 464 p.
5. Basel Institute on Governance. Quick Guide to Non-Conviction Based Confiscation in the EU. – Basel: Basel Institute on Governance, 2025. – P. 31–36.
6. Chaikin D., Sharman J. C. Corruption and Money Laundering: A Symbiotic Relationship. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. – 256 p.
7. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Asset Recovery in OECD Countries: Practices and Challenges. – Paris: OECD Publishing, 2020. – P. 52–58.
8. StAR Initiative. Progress Report on Asset Recovery: 2012–2022. – Washington, DC: World Bank / UNODC, 2022. – P. 68–73.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Калыбаева Алия Абдысатаровна

УДК 378.147: 32

Ma J.

Түндүк-Батыш педагогикалык университети, КЭР

Ma J.

Северо-Западный педагогический университет, КНР

Ma L.

North-West normal university, PRC

**«САЯСАТ ТААНУУНУН НЕГИЗДЕРИ» САБАГЫНДА КАТЫШУУЧУЛУККА
НЕГИЗДЕЛГЕН КЕЙС-ОКУТУУ МЕТОДУН ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДА ПАРТИЦИПАТИВНОГО КЕЙС-ОБУЧЕНИЯ В КУРСЕ
«ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИИ»**

**RESEARCH ON THE PARTICIPATORY CASE TEACHING METHOD IN THE
“PRINCIPLES OF POLITICAL SCIENCE”**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө «Саясат таануунун негиздери» сабагында катышуучулукка негизделген кейс-окутуу ыкмасын колдонуу өзгөчөлүктөрүн жана натыйжалуулугун талдоого арналган. Замандын талабына ылайык жогорку билим берүүдө студентке багытталган окутуу ыкмалары өзгөчө мааниге ээ болуп, алардын ичинен кейс-

ыкмасы теория менен практиканын ортосундагы байланыштарды бекемдөөнүн натыйжалуу куралы катары каралат. Макалада катышуучулук кейс-окутуунун негизги мүнөздөмөлөрү — интерактивдүүлүк, ачыктык, көйгөйгө багытталуу жана студенттердин активдүү катышуусу — кеңири каралат. Ошондой эле бул ыкманын ишке ашыруу этаптары системалуу түрдө талданып, кейстерди тандоо, даярдоо, талдоо, талкуулоо жана рефлексия жүргүзүү процесстери баяндалат. Изилдөөдө белгиленгендей, бул ыкма студенттердин теориялык билимдерин практикалык кырдаалдар менен байланыштырууга, сынчыл ой жүгүртүүнү өнүктүрүүгө жана топтук иштөө көндүмдөрүн калыптандырууга чоң өбөлгө түзөт. Ошол эле учурда, катышуучулук кейс-окутуу окутуучулардан жогорку деңгээлдеги уюштуруучулук жана аналитикалык жөндөмдөрдү талап кылат, ал эми студенттерден өз алдынча билим алуу жөндөмүн өнүктүрүүнү талап кылат. Жыйынтыгында, бул ыкма билим берүүнүн сапатын жогорулатууга жана студенттердин кесиптик компетенцияларын өнүктүрүүгө багытталган натыйжалуу педагогикалык инструмент катары бааланат.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию метода партисипативного кейс-обучения в курсе «Основы политологии». В условиях модернизации системы высшего образования возрастает значение студентоцентрированных методов обучения, направленных на развитие практических навыков и критического мышления обучающихся. В работе рассматриваются сущностные характеристики партисипативного кейс-обучения, такие как интерактивность, открытость, проблемная направленность и активное участие студентов в образовательном процессе. Особое внимание уделяется этапам реализации данного метода, включая сбор и отбор кейсов, их разработку, анализ, обсуждение и последующую рефлексию. Авторы подчеркивают, что применение данного метода способствует более глубокому усвоению теоретических знаний, формированию навыков анализа и решения практических задач, а также развитию коммуникативных и командных компетенций. Вместе с тем отмечается, что реализация партисипативного кейс-обучения требует высокого уровня педагогической подготовки преподавателя и развитых навыков самостоятельного обучения у студентов. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по внедрению данного метода в учебный процесс с целью повышения качества образования. В целом статья представляет собой актуальное и значимое исследование, направленное на совершенствование педагогических технологий в системе высшего образования.

Abstract: This study explores the participatory case teaching method in the course “Principles of Political Science”. In the context of modern higher education reform, student-centered and interactive teaching approaches have become increasingly important for enhancing learning outcomes and developing practical competencies. The paper examines the key characteristics of participatory case teaching, including student engagement, openness, problem orientation, and the integration of theory with practice. It also provides a systematic analysis of the implementation process, covering case collection and selection, case design and distribution, case analysis and discussion, and reflective evaluation. The findings suggest that this teaching method significantly improves students’ understanding of theoretical concepts by connecting them with real-life situations. It also enhances critical thinking, problem-solving skills, and teamwork abilities. However, the method also presents challenges, requiring strong teaching management and analytical skills from instructors, as well as high levels of autonomy and engagement from students. The study highlights the practical implications of adopting participatory case teaching methods and provides recommendations for improving teaching effectiveness in political science education. Overall, the research contributes to the development of innovative pedagogical approaches in higher education.

Негизги сөздөр: саясат таануу; кейс-окутуу; катышуучулук окутуу; студентке багытталган ыкма; жогорку билим берүү; интерактивдүү окутуу.

Ключевые слова: политология; кейс-обучение; партисипативное обучение; студентоцентрированный подход; высшее образование; интерактивное обучение.

Keywords: political science; case teaching; participatory learning; student-centered approach; higher education; interactive learning.

The Central Committee of the Communist Party of China and the State Council have made strategic plans and overall designs for accelerating the modernization of education and building an education power in "China Education Modernization 2035", clearly stating that "teaching reforms should be deepened, and teaching methods such as heuristic, inquiry-based, participatory, and cooperative learning, as well as teaching organization models such as class selection and course selection, should be promoted. This will encourage students to closely integrate learning, observation, practice, and thinking, protect and stimulate their curiosity and interest in learning, and focus on cultivating their innovative spirit and practical ability" [1]. With the macro strategic goals already set, how to effectively carry out and transform micro teaching practices has become a key issue for the high-quality development of education. Against this backdrop, exploring the methodological innovation in the teaching of professional courses in Chinese universities is of great significance [1].

As one of the compulsory courses for the major of public administration, "Principles of Political Science" holds a fundamental position in enhancing students' professional knowledge, abilities, and qualities. Currently, the "Marx Project" textbook "Introduction to Political Science" selected for the teaching of "Principles of Political Science" has a block-based content structure rather than a linear one - composed of numerous theoretical categories that are highly abstract, often leading to students' difficulties in understanding concepts and theories, let alone applying and critically innovating them. Therefore, teaching methods must be carefully considered. Since "Principles of Political Science" integrates theory and practice, universality and particularity, the introduction of participatory case teaching methods in the reform of teaching methods for this course plays a crucial role in improving the quality of teaching. This paper explores the concept and characteristics of participatory case teaching methods, as well as the internal logic, implementation process, challenges, and responses of applying this method in the teaching of "Principles of Political Science".

The Connotation and Characteristics of Participatory Case Teaching Method

Participatory case teaching method is a multi-interactive teaching approach that combines the participatory teaching concept with case teaching. This method centers on students, interweaving teaching methods such as teacher-student interaction, student-student interaction, interaction between the first and second classrooms, and interaction between ideological and political education and course content. By having students actively participate in the collection, analysis, discussion, and resolution of teaching cases, it deepens their understanding and practical application of theoretical knowledge, and cultivates their ability to independently identify, analyze, and solve problems, as well as their teamwork spirit.

In terms of its characteristics, the participatory case teaching method has the following five aspects:

First, it is student-centered. Students are the main actors in participatory case teaching, while teachers play the role of guides and facilitators. Students need to organize the learning process independently, participate in activities such as case reading, communication, debate (argumentation), expression, and presentation, and solve problems through group cooperation and independent exploration.

Second, it is interactive. It emphasizes interaction and communication between teachers and students, as well as among students, promoting knowledge sharing and intellectual exchange through discussion, debate, and feedback. Students usually learn in groups, solving problems through group discussions and division of labor, cultivating teamwork and communication skills.

Third, it links theory with reality. Cases are usually drawn from real-life or work scenarios, possessing strong practicality and reality, helping students combine theory with practice. Problems are often open-ended and complex, closely related to real-life or work scenarios, stimulating students' interest in learning and their desire to explore [2].

Fourth, it is open-ended. Solutions to cases are often not unique, allowing students to think from different perspectives and propose multiple solutions, fostering divergent thinking.

Fifth, it is problem-oriented. It not only focuses on the process of students analyzing and solving problems but also on the results of the analysis. By anchoring problems and following the logical thinking process of identifying, analyzing, and solving problems, students can gain more inspiration and growth.

The Intrinsic Logic of Applying Participatory Case Teaching Method in the Teaching of "Principles of Political Science"

Theoretical Logic

Piaget's constructivist learning theory holds that learning is an active construction process, and learners need to interact with the environment to build knowledge. Therefore, teaching should focus on stimulating students' interest and initiative in learning, and encourage them to actively participate in the learning process. Social interaction is an important factor in cognitive development. Through communication and cooperation with others, students can constantly adjust their cognitive structures. Therefore, teaching should encourage students to engage in group discussions and cooperative learning to promote the collision of ideas and knowledge construction among students. Participatory case teaching breaks through the traditional educational concept of "education as transmission", centers on students, and has the characteristics of "teachers guiding throughout the process and students participating throughout the process". Through the four-core links of group division of labor, group discussion, presentation and exchange, and review and reflection, it completes the entire process of case collection and editing, problem chain solution, structured analysis, and open-ended summary. Applying it to the "Principles of Political Science" course is conducive to strengthening the two-way communication between teachers and students, enhancing students' enthusiasm, initiative, and autonomy in participation, and is an effective way to improve students' deep learning literacy and the ability to apply what they have learned.

Bloom's educational objective classification theory divides learning objectives into six levels, from low to high: knowledge, comprehension, application, analysis, synthesis, and evaluation. From this theoretical framework, it can be seen that the participatory case teaching method is an important way to achieve high-level learning objectives. Through participatory case teaching, students can deepen their application of political science professional knowledge, make abstract political science theoretical knowledge more life-like, and achieve the goal of closely connecting political science-related concepts or basic theories with social and political realities. Further, using real cases to test theories also increases the possibility of critical thinking about concepts and theories, which is the starting point of theoretical innovation [3].

Practical Logic

From the perspective of teaching practice logic, the participatory case teaching method provides solutions to some problems currently faced in the teaching of "Principles of Political Science", and can enhance students' mastery, recognition, and satisfaction with the course.

First, the participatory case teaching method can enhance students' mastery of concise and abstract knowledge. The content of the "Principles of Political Science" course is highly concise and abstract. Conciseness and abstraction are not problems in themselves for concepts and theories, but for beginners, the combination of conciseness and abstraction only causes difficulties in learning and understanding. This is particularly evident in knowledge sections such as the theory of the origin of the state, the theory of the nature of the state, the forms of state power organization, and the forms of state structure. In the face of this problem, the participatory case teaching method can transform the abstract into the concrete, the general into the specific, adding flesh and blood to the skeleton-like knowledge, enriching the close connections between knowledge, and thereby improving the mastery of theoretical knowledge from a systemic perspective.

Second, the participatory case teaching method can enhance students' recognition of the value of the course and their participation. A relatively widespread problem in course teaching is the low "head-up rate" of students, low learning enthusiasm, and insufficient interaction between teachers and students. This is due to students' lack of interest in the course and insufficient recognition of its value. Student-centeredness is an important approach to promoting teaching innovation and cultivating first-class talents at present. Course teaching reform needs to closely adhere to this concept, combine the requirements of the "Four New" construction and the talent cultivation goals of the institution, and propose reform plans based on real problems. By introducing real or interesting cases, the practicality of professional knowledge in analyzing and solving real-world problems is demonstrated, reducing the distance between students and abstract theories. This enhances students' recognition of the value of the course, captures their attention, and stimulates their interest and enthusiasm for learning, encouraging them to actively participate in the learning process. During the process of guiding students in discussions, teachers can promptly understand the learning situations and needs of individual students, which also reflects respect for the individual value of each student rather than treating them as a collective. By rationalizing the teaching relationship, building positive motivation, resetting the teaching plan, and expanding the application scenarios, it is expected to promote the joint construction of the course, co-governance of knowledge, and sharing of achievements between teachers and students, achieving the application of learning.

Thirdly, the participatory case teaching method can enhance students' sense of gain and satisfaction. In the course of learning, an important issue is the fragmentation of knowledge and the inability to effectively convert knowledge into ability, which affects students' sense of gain and satisfaction. Through the analysis and discussion of cases derived from real-life or work scenarios, the participatory case teaching method not only breaks the descriptive or rote learning mode of knowledge acquisition but also integrates fragmented knowledge organically through interpretive, analytical, and vivid case analysis and discussion, gradually building a warm knowledge system. At the same time, it cultivates students' abilities to connect theory with practice, teamwork, critical thinking, and many other skills, thus making it easier to enhance students' sense of gain and satisfaction in learning [4].

Implementation Steps of Participatory Case Teaching Method in the Teaching of "Principles of Political Science"

The implementation steps of the participatory case teaching method in the teaching of "Principles of Political Science" mainly include the collection and selection of cases, the writing and distribution of cases, the analysis and discussion of cases, and the reflection on case teaching.

First, the collection and selection of cases. "Whether case teaching can achieve the greatest effect depends on the quality of the individual cases. Therefore, providing high-quality cases is an important condition for the success of case teaching." Teachers assign relevant case collection tasks

based on teaching needs and guide students to collect relevant teaching cases through literature review, field research, and other methods. This is a significant difference between participatory case teaching and traditional case teaching, highlighting the student's dominant position in the initial stage of case collection, which helps deepen students' understanding of the professional issues involved in the cases from the very beginning. In terms of case selection, the "three-appropriate" principle of moderation, timeliness, and appropriateness should be followed. Moderation means to generally control the number of cases in the entire course; timeliness means to grasp the right moment to present the cases in the course; appropriateness has two meanings: one is that the distribution structure of the cases should be appropriate, and the other is that the selection of specific cases should be appropriate. The cases should be closely related to the teaching objectives and have typicality and representativeness. "Cases must be inspiring, capable of stimulating learners' motivation and interest, and able to trigger thinking and lead to lively discussions and sharing of problem-solving methods."

Second, the writing and distribution of cases. To ensure students' continuous participation in case teaching, students should initially write the collected cases and try to incorporate the knowledge points in the course during the writing process. On this basis, teachers should make detailed revisions and organize the cases to ensure that the content is clear and complete, and provide sufficient background information and data support to help students better understand the case scenarios. Before the case discussion, teachers should distribute the case materials to students in advance, allowing them sufficient time to preview and think, and make full preparations for the case discussion.

Third, the analysis and discussion of cases. In the case analysis and discussion stage, the following key points should be noted: First, attach importance to the introduction of cases. First, the teacher briefly introduces the background and main content of the case, clarifies the theme and issues for discussion, and guides students into the case scenario. Second, group discussions should be emphasized. Based on the number of students in the class and their learning characteristics, students should be divided into appropriate groups. Each group should conduct in-depth discussions around the case, jointly analyze the problems in the case, propose solutions, and select representatives to report to the whole class. During the group discussions, the teacher should patrol each group, understand the discussion situation, and provide timely guidance and assistance. Third, class-wide communication and debate should be emphasized. Representatives from each group should report their discussion results in turn, and other groups can supplement, question or present different viewpoints, engaging in class-wide communication and debate. During this process, the teacher should guide students to respect others' viewpoints, encourage students to actively express their own opinions, and create an open and inclusive classroom atmosphere. Fourth, the teacher's summary and comments should be emphasized. The teacher should summarize the students' discussions, extract key viewpoints and problems, evaluate and analyze the solutions proposed by the students, point out their strengths and weaknesses, and combine the case to explain relevant theoretical knowledge, helping students further deepen their understanding and mastery of knowledge [5].

Fourth, reflection and improvement of case teaching. First, student reflection should be emphasized. Students should reflect on the class discussion after class, summarize their performance in the discussion, think about whether their understanding of the case is in-depth, whether the solutions proposed are reasonable, and what they have gained and what they lack in teamwork. Second, teacher reflection should be emphasized. This includes two points. One is to reflect on the specific case teaching of a certain class, evaluate teaching skills and effects, and summarize experiences and shortcomings. The other is to reflect on the case teaching of the entire course, evaluate the contribution of the participatory case teaching method to the achievement of course goals, and then optimize the structure and process of participatory case teaching.

Challenges and responses to the application of participatory case teaching method

Challenges and responses to teachers' teaching management and professional analysis abilities

First, the participatory case teaching method poses greater challenges to teachers' teaching management abilities. According to Fayol's general management theory, management includes five aspects: planning, organizing, commanding, coordinating, and controlling. In participatory case teaching, due to the high level of student participation required, it poses challenges to teachers' abilities in planning, organizing, coordinating, and controlling throughout the teaching management process. The level of teaching management ability directly affects the teaching effect. Therefore, systematic training in teaching management abilities should be strengthened to address this challenge [6].

Second, the participatory case teaching method poses greater challenges to teachers' professional analysis abilities. Whether rich and diverse cases can play their due teaching role depends on the teacher's ability to analyze case materials using professional theories, that is, by digging out the evidence in the materials and arguing according to a rigorous logical thinking, ultimately reaching a convincing conclusion. To enhance this professional analysis ability, in addition to having a high level of proficiency in theoretical knowledge, it can only be achieved through continuous case analysis practice.

Challenges to students' autonomous learning abilities posed by the participatory case teaching method

Participatory case teaching requires a student-centered approach, maximizing students' subjective initiative and autonomous learning abilities throughout the case teaching process. From the perspective of the correspondence between case teaching links and students' learning abilities, the case collection and selection link has high requirements for students' data collection and professional judgment abilities; the case writing and distribution link has significant requirements for students' writing skills and self-discipline in learning; the case analysis and discussion link has high requirements for students' professional analysis and communication skills; and the case reflection link requires students' summary, reflection, and critical thinking abilities. From a dialectical perspective, the improvement of students' learning ability contributes to the enhancement of the effectiveness of participatory case teaching, and the promotion of participatory case teaching, in turn, will also enhance students' learning ability. In this sense, the challenge of students' learning ability faced by participatory case teaching should also be addressed and responded to by continuously and deeply advancing participatory case teaching. Of course, the guidance of teachers is indispensable in this process [7].

List of used literature

1. The Central Committee of the Communist Party of China and the State Council issued "China Education Modernization 2035" [EB/OL]. (2019-02-23). https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm.
2. Chen Zhouwang. "A Discussion on the Teaching Methods of 'Principles of Political Science'" [J]. Fudan Political Science Review, 2023, (01): 47-64.
3. Luo Xiaojun, Liu Boran. Research on the Optimization Path of the "Political Science Methodology" Course Based on the Multi- Interactive Teaching Model [J]. Journal of Dalian University, 2024, 45 (02): 134-139.
4. Fu Wei. Research on the Participatory Case Teaching Model of MPA Political Science Courses [J]. Journal of Yanbian University (Social Sciences Edition), 2023, 56 (05): 118-125.
5. Zhang Jijun, Zhuo Xiaoyan. Practical Analysis on Improving the Case-based Teaching Effect of the "Introduction to Political Science" Course [J]. Journal of Lanzhou University of Arts and Sciences (Social Sciences Edition), 2022, 38 (03): 101-105.

6. Ding Yu, Yan Mingming, Wang Zhe, et al. Teaching Reform Strategies for Social Science Basic Theory Courses Centered on Students: Taking the "Principles of Political Science" Course as an Example [J]. Higher Education Journal, 2023, 9 (30): 38-42.

7. Chen Xiaoping, Shen Wei. Empirical Methods in Organizational and Management Research [M]. Beijing: Peking University Press, 2018: 266.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 821.581.09(510): 929

Ma P.

Коомдук илимдер академиясы, КЭР

Ma P.

Академия общественных наук, КНР

Ma P.

Academy of Social Sciences, PRC

**ЯСЫР ШИВАЗАГА АРНАЛГАН АЗЫРКЫ КЫТАЙДАГЫ ИЗИЛДӨӨЛӨРГӨ СЕРЕП
— ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАНДЫГЫНЫН 120 ЖЫЛДЫГЫНА КАРАТА**

**ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ, ПОСВЯЩЁННЫХ ЯСЫРУ
ШИВАЗА — КО 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯСЫРА ШИВАЗА**

**AN OVERVIEW OF CONTEMPORARY CHINESE RESEARCH DEDICATED TO
YASYR SHIVAZA — ON THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YASYR
SHIVAZA**

纪念亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年——中国当代关于亚瑟尔·希瓦扎研究的综述

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кытайдагы дунган таануунун өнүгүшү жана кытайлык жана Борбордук Азиялык окумуштуулардын көрүнүктүү дунган акыны Ясыр Шивазанын өмүрү менен чыгармачылыгын изилдөөдөгү салымы каралат. Ху Чжэньхуа, Хай Фэн, Ван Гоцзе, Дин Хун жана башка окумуштуулардын эмгектерине таянып, Шивазанын дунган жазма адабиятынын негиздөөчүсү катары ролу талданат. Өзгөчө көңүл анын дунган тилинин жазуу системаларын (араб, латын жана кирилл негизиндеги) түзүүгө катышуусуна, ошондой эле дунган адабиятынын, журналистикасынын жана маданий өздүгүн өнүктүрүүдөгү салымына бурулат. Анын чыгармачылыгы дунган маданиятын сактоого жана өнүктүрүүгө, ошондой эле Кыргызстан, СССР жана Кытай адабиятына тийгизген таасири баса белгиленет. Макалада Ясыр Шиваза дунган жазма адабиятынын тарыхындагы негизги фигура, маданий биримдиктин символу жана заманбап илимий изилдөөлөрдүн маанилүү объектиси экени көрсөтүлөт.

Аннотация: В статье рассматривается развитие дунгановедения в Китае и вклад китайских и центральноазиатских исследователей в изучение жизни и творчества выдающегося дунганского поэта Ясыра Шивазы. На основе работ китайских учёных (Ху Чжэньхуа, Хай Фэн, Ван Гоцзе, Дин Хун и др.) и переводных исследований анализируется роль Шивазы как основоположника дунганской письменной литературы, реформатора дунганского алфавита, поэта, переводчика и общественного деятеля. Особое внимание

уделяется его участию в создании различных систем письменности дунганского языка (арабской, латинской и кириллической), а также его вкладу в развитие литературы, журналистики и культурной идентичности дунган Центральной Азии. Подчёркивается значение его творчества для сохранения и развития дунганской культуры, а также его влияние на литературу Кыргызстана, СССР и Китая. Статья показывает, что Ясыр Шиваза является центральной фигурой в истории дунганской письменной литературы, символом культурного единства и важным объектом современных научных исследований в Китае.

Abstract: This article examines the development of Dungan studies in China and the contribution of Chinese and Central Asian scholars to the research of the life and creative work of the prominent Dungan poet Yasir Shivaza. Based on the works of Hu Zhenhua, Hai Feng, Wang Guozjie, Ding Hong, and other researchers, the study analyzes Shivaza's role as the founder of written Dungan literature.

Special attention is given to his participation in the development of various writing systems for the Dungan language (Arabic-based, Latin-based, and Cyrillic-based), as well as his contribution to the development of Dungan literature, journalism, and cultural identity. His literary works are highlighted as an important factor in preserving and developing Dungan culture, as well as influencing the literature of Kyrgyzstan, the USSR, and China.

The article concludes that Yasir Shivaza is a central figure in the history of Dungan written literature, a symbol of cultural unity, and an important subject of modern academic research.

摘要: 本文探讨了中国东干学的发展历程, 以及中国和中亚学者在研究杰出东干诗人亚瑟尔·希瓦扎生平与创作方面所作出的贡献。基于胡振华、海峰、王国杰、丁宏等中国学者的研究成果及相关译介文献, 文章分析了希瓦扎作为东干书面文学奠基人、东干文字改革者、诗人、翻译家和社会活动家的重要历史地位。文章特别关注了希瓦扎在东干语不同文字体系创建中的作用, 包括阿拉伯字母、拉丁字母和西里尔字母体系的形成与发展。同时, 还分析了他对东干文学、新闻事业以及中亚东干民族文化认同发展的贡献。研究指出, 希瓦扎的创作对于东干文化的保存与发展具有重要意义, 并对吉尔吉斯斯坦、苏联以及中国文学的发展产生了深远影响。他不仅推动了东干民族文学的形成, 也促进了不同文化之间的交流与融合。文章认为, 亚瑟尔·希瓦扎是东干书面文学史上的核心人物, 是民族文化团结的重要象征, 同时也是当代中国东干学研究中的重要对象。

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган таануу; дунган адабияты; Кытай; Кыргызстан; дунган жазмасы; Борбордук Азия; маданий мурас; адабий изилдөөлөр.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунгановедение; дунганская литература; Китай; Кыргызстан; письменность дунган; Центральная Азия; культурное наследие; литературные исследования.

Keywords: Yasir Shivaza; Dungan studies; Dungan literature; China; Kyrgyzstan; Dungan writing system; Central Asia; cultural heritage; literary research.

关键词: 亚瑟尔·希瓦扎; 东干学; 东干文学; 中国; 吉尔吉斯斯坦; 东干文字; 中亚; 文化遗产; 文学研究.

东干人在中亚百余年的发展中, 创造了自己的文化, 也涌现出了许多杰出的人物。中国的东干学研究从 20 世纪 80 年代开始, 随着两国学者互访的增多, 东干学在我国民族学领

域兴起，包括对东干学术界著名作家、学者的研究也屡见不鲜，其中对于著名诗人雅什尔·十娃子的研究是一些中国学者的研究专题之一[1]。

胡振华论著《中亚东干学研究》（中央民族大学出版社 2009 年出版），本书是一部比较全面地介绍东干及东干学的论著，分为四部分：第一部分我的东干学情结；第二部分当代东干族知名人物；第三部分东干学研究；第四部分汉语普通话东干语常用词。此书一共收入胡先生 65 篇文章，其中在第一部分的《在中国与东干亲人们见面》中叙述了作者于 1957 年在新疆乌鲁木齐首次与雅什尔·十娃子见面以及在北京与之再次见面的场景，这也许是前苏联（吉尔吉斯斯坦）回族学者与中国学者的首次接触。第二部分《雅什尔·十娃子——东干族书面文学的奠基人》一文中指出，曾经有过这样的时期：东干人只满足于口头民间文学的创作，东干人的第一步文艺作品诞生于 1931 年。这本书就是《亮明星》——雅什尔·十娃子的诗集，这一年，诗人才 25 岁。十娃子致力于东干语的诗歌创作，希望自己的作品能被东干族的同胞阅读和理解。他是最早尝试用字母拼写东干语的研究者之一。起先用阿拉伯文字母，之后是拉丁文字母和俄文字母。令人惊讶的是，未曾接受过语言学专业训练的十娃子近乎精确地标注了东干语的音位表。第三部分《我和东干族著名诗人雅什尔·十娃子》一文中指出，雅什尔·十娃子非常关注创制东干文字的工作，他与一些东干族学者先用“小儿锦”（小经）为基础创制了东干族的阿拉伯字母文字，后于 1932 年又创制了拉丁字母的东干文字，并创办了东干族的《东火星》报。1942 年，他参加了红军，作为一名战地记者，在战地与德国法西斯进行斗争。第二次世界大战结束后，他又回到吉尔吉斯斯坦，从事创作及编辑工作。1953 年他又与俄罗斯、东干族的学者们一起，制订了斯拉夫字母的东干文。他不但参与编辑《识字课本》等东干文教材，还于 1957 年担任了《苏联回回报》的主编、国家出版社东干文出版物的总编辑和吉尔吉斯斯坦作家协会书记处书记。1957 年率苏联各民族作家代表团来我国访问时，就是以吉尔吉斯斯坦作家协会书记身份来的。……诗人雅什尔·十娃子出版过 20 多部诗集、散文集、长篇小说和剧本等……他不但进行创作，还用东干文、吉尔吉斯文翻译了普希金、莱蒙托夫等俄罗斯作家、诗人的作品，东干文《国际歌》就是他翻译的，他还从俄文翻译了《三国演义》《西游记》等中国古典文学作品的片段。……他一生荣获过多种奖赏，为东干族人民赢得了光荣，在苏联各族人民中享有很高的声誉，实现了他童年和青年时代的愿望——做一个有益于人民的人！雅什尔·十娃子的确不愧为东干人民的优秀代表，东干书面文学的奠基人！[2]

海峰《中亚东干语言研究》（新疆大学出版社 2003 年出版）一书中指出，1927 年在乌兹别克斯坦的塔什干，东干族大学生雅·十娃子……等人用阿拉伯字母创制了第一个东干语字母表。第二年，仍是这些学生又在字母表的基础上创制了后来被正式用于出版物的东干文字母表。1929 年第一本有关东干语字母的教科书出版。1932 年 3 月，第一张用东干文印刷的报纸《东火星儿》在伏龙芝（比什凯克）正式刊行。……1953 年，拟订了以俄文字母为基础的苏维埃东干新文字方案，1954 年被正式批准。新文字实施后，雅·十娃子等东干族自己的语言学家积极参与东干文的使用，用东干文编写为学校使用的教学参考书并创作文学作品。其中雅·十娃子等编写的《中原话》（文法带写法）语法教科书是东干语法领域的重要成果[3]。

苏三洛著，郝苏民、高永久合译《中亚东干人的历史与文化》（宁夏人民出版社 1996 年出版），国内学者第一次将中亚东干学著作翻译为汉文出版，是迄今为止研究东干族最具权威的一部著作。该书首次把东干文化分为物质文化与精神文化，其对东干人历史文

化生活研究的全面性与资料的详尽细致奠定了其在东干学研究中的价值，同时该书还借助大量的图片与图表资料对所研究内容进行了辅助说明，更增加了其研究价值与历史价值。在此书中作者认为东干书面文学的回复和发展，是与吉尔吉斯斯坦才华横溢的诗人和作家雅什尔·十娃子的名字紧紧相联系的。此书还说，（20 世纪）30 年代，苏联东干族诗人雅·十娃子根据《孟姜女》歌曲的情节缩写成的歌剧“万里长城”，久久占据着乡村歌剧院的舞台。……雅什尔·十娃子在诗歌《寄往陕西的信》写下了诗句，歌颂了幸福生活，他以从中国清代迁徙到吉尔吉斯斯坦和哈萨克斯坦之后的第三代东干人生活而自豪，这样的幸福生活是 100 多年来他的祖辈和父辈一直梦寐以求的。……在吉尔吉斯作家队伍中，属于雅·十娃子的是伟大诗人的荣誉 [4]。

王国杰《东干族形成发展史——中亚陕甘回族移民研究》（陕西人民出版社 1997 年出版），这是中国国内学者出版的第一部有关中亚东干族的学术专著，具有填补国内相关研究领域空白的作用。书中说雅什尔·十娃子是东干族中最著名的诗人及作家，东干族文化的奠基者，第二代东干人的杰出代表，颇具影响的社会活动家。……半个世纪中他为东干族文化教育事业的发展贡献出整个后半生，并做出了不可磨灭的贡献。……雅什尔·十娃子一生硕果累累，著作等身。他曾荣获吉尔吉斯斯坦人民诗人称号，这是吉尔吉斯文学界的最高称号，吉尔吉斯文学史上一共有 6 人获此殊荣，在近 10 万东干人中他是唯一获此称号的人。他还荣获全苏功勋文化活动家称号。他一生共获得 6 枚军功章，10 枚国家及奖章。他在吉尔吉斯文学史册上占有一定的席位，在苏联文学史上也有一定影响。……（他）的作品大多以东干族的生活为素材，全方位地反映了东干族的发展历史、风情民俗、生活变迁、意识形态、精神面貌及经济活动。……诗人不仅是成绩斐然的文学大家，而且也是一位很有影响的社会活动家。……1970 年他被选为全苏人大代表，并成为苏联科学院院士 [5]。

杨峰编译的苏联东干族作家小说散文选《盼望》（新疆人民出版社 1996 年出版），是国内比较早的作品。此书收入了雅什尔·十娃子的小说《萨尼亚》。在小说前面附录了作家简介，简介中说雅什尔·十娃子是苏联回族人民引以为自豪的成就卓著的文化战士，不仅在苏联回族人民当中，也在苏联各民族人民中有着很高的声誉并备受敬重。他的一生品格高尚，治学严谨。在 50 多年的辛勤笔耕中，为祖国，为人民留下了大量的脍炙人口的文学作品和科学论著，以自己的言教和身教，培养了一大批卓有成效的回族青年作家。可以说，雅什尔·十娃子这个名字，是和前苏联回族文学发展史紧密联系在一起的 [6]。此部小说散文集中还收入了穆哈默德·苏三洛的文章《在祖先的土地上》，该文介绍说卫国战争时期，苏联中亚地区少数民族开始采用斯拉夫字母拼写本民族语言，东干族的文字改革推迟了好几年。在这个时候，东干学校的各门课程都改作俄语教授，回族作家和诗人停止了写作和作品的出版，只有著名诗人雅什尔·十娃子还坚持用吉尔吉斯文进行写作。此书的编译者杨峰在附录在小说散文集最后的《苏联东干（回）族作家文学漫议》一文中指出，不论是以雅什尔·十娃子……等为代表的老一辈作家诗人、青年一代的如石斯尔·伊斯哈尔……等的作品，几乎没有一篇不是民族形式、民族性格、民族生活的完美统一和充分的展现。除了所处的苏联社会生活和文化背景不同外，在其他各方面，几乎与中国回族作家文学中所展示出的西北地区的回民生活及其思想感情相差无几。如果不去留意苏联这个特定环境，你会以为作品描写的是关中平原上某个回民小镇或者西海固地区某个回民山村的生活 [7]。

杨峰的散文集《托克马克之恋》（新疆人民出版社 2000 年出版）指出，东干族的民间文学是用这种文字（东干文）搜集、整理出来的，东干族的作家文学是用这种文字作为表述工具发展起来的。在这种文字的文学里，有雅什尔·十娃子、法蒂玛·马克耶娃、伊斯哈尔·十四儿、阿依莎·曼苏罗娃、穆哈麦·伊玛佐夫……等等一长串像星辰般灿烂的让东干族人民引以为自豪的作家的名字。……本世纪出现了一位名字像楚河一样响亮的诗人，他把自己的民族唱给了全世界，也从此使自己的民族有了诗的浪漫、诗的神韵和诗的声誉。他就是前苏联著名的东干（回）族诗人、杰出的文化战士——雅什尔·十娃子 [8]。……这位前苏联东干族书面文学创始人、著名诗人、语言学家、文献学家、翻译家、苏联东干族人民引以为自豪并且十分敬重和热爱的成就卓著的文化战士。……他呕心沥血，为苏联各民族文学的发展，为东干族作家文学的成长壮大，做了大量的工作，成就突出而贡献巨大。……雅什尔·十娃子在苏联东干文学发展史上的地位和作用，并不仅仅在于他留下了大量的脍炙人口的作品以及这些作品曾经影响了整整一代人并且继续影响着后代子孙，而更重要的在于他和他的同时代的本民族文友们，经过半个多世纪的艰辛探索和坚韧不拔的努力，在文学的荒野上，为当时既没有文字更没有书面文学的本民族人民开创出了一片文学的新天地，为东干族的文化史揭开了一个新的时代 [9]。

杨峰在《文化先驱民族诗魂——纪念中亚著名东干(回)族诗人雅斯尔·十娃子》（《回族研究》1999 年 1 期）一文中，也详细记述了亚瑟儿，十娃子的生平。

伊玛佐夫著、丁宏译《亚瑟儿·十娃子的生活与创作》（宁夏人民出版社 2001 年出版），该书记述了东干族著名诗人亚瑟儿·十娃子的生平与创作，并收录了他的大部分作品。

……亚瑟儿·十娃子亲自参与了新字母方案的讨论与确立过程，他是东干文字的奠基人之一，而且在他的一生当中，一直为这种文字的使用和改进而辛勤工作。……亚瑟儿·十娃子还是东干文学的创制人之一，诗人不仅对东干族书面文学的发展贡献卓著，东干民族文学奠基者，而且在推动东干族文化发展上也功不可没。他的作品由东干语创作而成，具有浓厚的东干语的语法及词汇特色，可进一步了解东干语言文字以及其中所包含的重要文化因素。他的诗歌“在文学的荒原上，为当时既没有文字更没有书面文学的本民族人民开创出了一片文学的新天地，为东干族的文化史揭开了一个新的时代”。……他的作品中有相当数量和中国有关，他描写了旧中国劳动人民的苦难生活，并非常关注中国人民反抗日本侵略者的革命斗争。他希望用自己的笔，进一步唤醒中国人民的革命热情。

林涛在《东干语论稿》（宁夏人民出版社 2007 年出版）中这样评价《亚瑟儿·十娃子的生活与创作》这部书，说该书以传记的形式记述了东干族著名诗人亚瑟儿·十娃子的生平，并选录了他的诗歌代表作。这部著作由东干文直接转写翻译而来，具有浓厚的东干语词汇及语法特色，突现了东干语文的特点。这不仅可以使我们很好地研究亚瑟儿·十娃子的诗歌创作道路，而且也可以使我们进一步认识东干语文及其所包含的重要的文化因素 [10]。

林涛在《伟大诗人的中国乡情——纪念亚瑟儿·十娃子诞辰一百周年》一文中，说。吉尔吉斯斯坦伟大诗人、东干文化的奠基者、语言学家、社会活动家亚瑟儿·十娃子以强烈的民族责任感和使命感，毕生从事东干文化传播、东干语文研究、东干文学创作，为东干族和中亚文化事业的繁荣和发展做出了及其杰出的贡献，受到了全世界人民的尊敬与爱戴。……诗人的文学创作著述等身硕果累累，创作体裁也非常广泛，有诗歌、小说、散文、戏剧等。诗人的创作主要以中亚东干人的生活为素材，系统地、全方位地反映东干族人民的历史发展、

生活变迁、风俗民情、思想观念、精神风貌、经济活动。其内容几乎涉及到了社会生活的各个方面，包括对爱情的赞美、对历史的沉思以及对未来的追求。特别是那些运用饱满的激情、浓重的笔墨、朴素的语言和直白的风格缩写浸透着浓郁乡情的有关“中国”的诗篇，使我们深深地热爱、崇拜和感动。……诗人身在异域，心系中华。在诗中把中国称为“母亲”，把中国人民称为“兄弟”，“姊妹”，把中国西北回民聚居地成为“故乡”。这些称谓表达了诗人和东干族人民强烈的禾黍之悲及乡土之情，表达了诗人和东干族人民对中国的无比的亲情和无限的怀念。……亚瑟尔·十娃子为东干族书面文学的形成和发展，为中华文明的传播、为中国和中亚各民族人民的友谊做出了卓越的贡献

高占福在《西北穆斯林社会问题研究》论文集（甘肃民族出版社 1991 年出版）中，有一篇《苏联东干族（回族）的历史与现状》，提到，苏联东干族的口头文学仍基本上保留着 100 多年前广泛流传在我国西北宴席曲、谚语、谜语、顺口溜等形式……苏联东干族的书面文学诞生于 20 世纪 30 年代初，其标志是原籍为陕西的诗人雅什尔·十娃子于 1931 年出版的诗集《亮明星》[11]。

澳大利亚作者斯维特兰娜·达耶尔著、马青译的《东干人的历史与现状——亚瑟尔·十娃子——一位苏联东干族诗人的生平与创作》绪论（《回族研究》1994 年第 3 期），涉及了东干族的历史、宗教、语言、文化习俗等各个方面，介绍了东干族在异域文化影响下对中国传统文化的传承与渐变，用大量事实资料说明东干族在进入中亚境内后，虽然吸收了外族文化，但始终坚守着中国回族传统文化的内核，东干族的文化依然属于中国回族的一份子。此文称赞说，十娃子是一位各种东干字母和现行东干文字的创造者和实践者。文中借用十四尔的口吻指出，各民族文学的发展都需经过几个阶段，首先是口头叙述、口头传播，进而演变为诗歌，然后是民间传说或历史传说的叙事诗、戏剧，最后形成散文和小说。东干文学也是这样形成和发展的。在十四儿提到的几位东干诗人名字中，就包括雅什尔·十娃子。这位澳大利亚学者还说，雅什尔·十娃子，他的众多的作品，他以斑斓的一生，引起了世人的瞩目。他是一位多产的作家，在其他领域里也颇有建树，总之，他是一位具有传奇色彩的人物。……人们把十娃子作为一位诗人——著名的、天才的东干诗人、吉尔吉斯和苏联的诗人来看待，就其诗人的属性而言，他是属于全人类的。他是一位爱国主义者、共产主义作家。他还是苏联东干文学的奠基人，这一切都对东干诗人和作家产生了影响[12]。

白述礼在《中亚回族（东干族）文学与东干学》（《伊斯兰文化论丛》宗教文化出版社 1997 年出版）中指出，1932 年，苏联党和政府为促进中亚东方少数民族经济文化更快发展，决定为当时只有一万多人口的中亚回族创办一份自己民族的报纸，名称最初定为《东火星报》。……1957 年改名为《苏联东干族报》，又改用东干文出版，主编为中亚回族著名诗人亚·十娃子。……在（20 世纪）三十年代，苏维埃文学界加入了一批中亚回族的新作家和诗人亚·十娃子……等人，出版了一系列中亚回族作家的诗歌和散文集以及其他作品。1932—1938 年中亚地区共出版近 100 种、总数达 150000 册以上的东干文书集，反映中亚回族经历清朝和沙皇专制统治以及十月革命后苏维埃时期的生活历史。……对东干文学发展有突出贡献的是诗人亚·十娃子，他是中亚回族文学的奠基人。他是一位多产作家，早在 1931 年就出版了他的第一部诗集《维纳斯》，这是作家本人、也是中亚回族历史上的第一部东干文诗集。1932 年出版第二部诗集《革命的浪潮》，。1934 年出版他与诗人杨尚兴、马耶夫合著诗集《劳动之花》。1937 年和 1939 年，十娃子的诗集在莫斯科用俄文出版。1960 年出

版《春天的风》，1974年出版《我的春天》，1979年又出版《春之曲》等诗集。亚·十娃子的作品内容十分广泛，诗人根据自己在国家大变革前后的生活经历，目睹革命前后人民生活的变迁，歌颂列宁、中亚回族人民、红旗、拖拉机、妇女、伏尔加河，哺育了他的民族百余年的吉尔吉斯美丽的大地。他描写悲惨的过去，憧憬光明的未来；他赞美爱情和春天，也抒写中国穆斯林的生活，讴歌中国伟大的长江[13]。

丁宏《东干文化研究》（中央民族大学出版社1999年出版），丁宏是中国回族学者研究东干族并获得博士学位的第一人，此书是她的博士论文，也是她涉猎中亚东干族研究的第一部著作。这是国内第一部以全方位介绍东干族文化为内容的专著，她在此书第六章《东干文学》的《东干书面文学》一节中，对东干书面文学这样评价，年轻的东干作家们，如亚瑟尔·十娃子……等人在《火星报》上发表作品，这是最早的东干书面文学作品，因此成为东干文学爱好者模仿的模式。（他们）不断探索、改进，努力把自己对生活的感受以简练、明了的语言表达出来。他们几乎都不是专业作家，更没有接受过东干文创作的基本训练，所以早期东干文学作品还很不成熟，语言也略显贫乏，表现为单一化、公式化，无论是诗歌、还是散文或小说，多以直白的语言简单转述事情发生的过程。卫国战争以后，东干文学逐渐完善，其具体表现是创作题材上日益丰富，创作体裁上走向多样化，除诗歌外，出现了小说、散文等文学形式，成长起来了一大批中青年作家和诗人，创作开始向表现生活的深邃性和作品的艺术性方面迈进。……文学评论也开始起步，马凯耶娃对亚瑟尔·十娃子作品予以评议。……作者在此书《东干作家简介》中说，东干最著名的诗人、作家、学者、社会活动家亚瑟尔·十娃子在发展回族文化方面起了巨大的作用，被东干人称作“给苏维埃回族民人文学扎了根的人”。……由于亚瑟尔·十娃子在文化事业上所做出的杰出贡献，他不仅成为东干人民引以自豪的文化战士，也在前苏联各族人民中间享有很高声誉。

拉希德·优素波夫著、丁宏翻译的《中亚东干人》（《回族研究》1996年4期），介绍了中亚东干族政治、农业、经济、文化、体育等各个领域的杰出代表人物。其中说东干文学的主要创作者、东干诗人雅什尔·十娃子，作为诗人、作家、学者及吉尔吉斯斯坦作家协会会长和社会活动家，他的名字不仅为吉尔吉斯人民所熟知，而且也为以前的苏联人民所熟知。他的作品曾被翻译成多种文本，在世界上广为流传[14]。

List of used literature

1. 胡振华：《中亚东干学研究》，中央民族大学出版社2009年版。
2. 海峰：《中亚东干语言研究》，新疆大学出版社2003年版。
3. M·苏三洛著，郝苏民、高永久合译：《中亚东干人的历史与文化》，宁夏人民出版社1996年版。
4. 王国杰：《东干族形成发展史——中亚陕甘回族移民研究》，陕西人民出版社1997年版。
5. 杨峰编译：《盼望》，新疆人民出版社1996年版。
6. 杨峰：《托克马克之恋》，新疆人民出版社2000年版。
7. 杨峰：《文化先驱民族诗魂——纪念中亚著名东干(回)族诗人雅斯尔·十娃子》，《回族研究》1999年1期。
8. 伊玛佐夫著、丁宏译：《亚瑟儿·十娃子的生活与创作》，宁夏人民出版社2001年版。

9. 林涛: 《东干语论稿》, 宁夏人民出版社 2007 年版。
10. 高占福: 《西北穆斯林社会问题研究》, 甘肃民族出版社 1991 年版。
11. 澳大利亚作者斯维特兰娜·达耶尔著、马青译: 《东干人的历史与现状——亚瑟尔·十娃子——一位苏联东干族诗人的生平与创作》绪论, (《回族研究》1994 年第 3 期。
12. 白述礼: 《中亚回族 (东干族) 文学与东干学》, 《伊斯兰文化论丛》宗教文化出版社 1997 年版。
13. 丁宏: 《东干文化研究》, 中央民族大学出版社 1999 年版。
14. 拉希德·优素波夫著、丁宏译: 《中亚东干人》, 《回族研究》1996 年 4 期。

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 339.9: 330.322(510+575.2)

Ma C., Хуан Ц., Ян Й., Дуань С., Мэнь Ц.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ma C., Хуан Ц., Ян Й., Дуань С., Мэнь Ц.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Ma X., Huang J., Yang Y., Duan X., Men Q.

KNU Jusup Balasagyn

**ИНВЕСТИЦИАЛЫК МОДЕЛЬ ЖАНА СТРАТЕГИЯЛЫК ШАЙКЕШТИК:
КЫРГЫЗСТАНДАГЫ КЫТАЙ ТРАНС УЛУТТУК КОРПОРАЦИЯЛАРЫНЫН АР
ТҮРДҮҮ ӨНҮГҮҮ ЖОЛДОРУН ИЗИЛДӨӨ**

**ИНВЕСТИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ:
ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕЙ КИТАЙСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ
КОРПОРАЦИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ**

**INVESTMENT MODEL AND STRATEGIC FIT: A STUDY ON THE DIFFERENTIATED
PATHS OF CHINESE MULTINATIONAL CORPORATIONS IN KYRGYZSTAN**

Кыскача мүнөздөмө: «Бир алкак, бир жол» демилгесинин фонунда Кытайдын Кыргызстанга түз инвестициялары ар түрдүү катышуучуларды жана татаал моделдерди камтыган кеңири спектрди көрсөтөт. Учурдагы изилдөөлөрдө кытай инвестициялары көп учурда бир тектүү көрүнүш катары каралып, алардын ички ар түрдүүлүгүнө жетиштүү көңүл бурулбай келет. Бул болсо инвестициялык жүрүм-турумдун негизинде жаткан стратегиялык логиканы так ачып көрсөтүүнү кыйындатат. Эл аралык өндүрүштүн эклектикалык парадигмасына (OLI) жана стратегиялык менеджмент теориясына таянуу менен, бул эмгекте «фирманын мүнөздөмөлөрү — инвестициялык мотивациялар — моделди тандоо» деген аналитикалык негиз түзүлөт. Энергетика, инфраструктура, соода жана өндүрүш сыяктуу секторлор боюнча көп учурлуу салыштырма изилдөөнүн негизинде бул эмгекте Кытай трансулуттук корпорацияларынын Кыргызстандагы айырмаланган инвестициялык багыттары системалуу түрдө аныкталат. Изилдөөнүн жыйынтыгында менчик формасына, масштабына жана негизги мүмкүнчүлүктөрүнө жараша бул субъекттерди үч түргө бөлүүгө болору аныкталды: «улуттук стратегияга багытталган», «рынок жана ресурстарды издеген» жана «натыйжалуулук менен тармактык өз ара аракеттенүүгө багытталган». Бул үч түр

тишешелүүлүгүнө жараша «саясий жактан интеграцияланган» биргелешкен ишкана моделине, «толук чынжырды көзөмөлдөө» моделине жана «ийкемдүү тармак» моделине туура келет. Бул изилдөө ар кандай инвестициялык моделдер менен корпоративдик глобалдашуу стратегияларынын ортосундагы ички шайкештикти ачып көрсөтөт, Кытай трансулуттук корпорацияларынын чет өлкөлөрдөгү экспансиясындагы мотивацияларын жана жүрүм-турумун түшүнүүнү тереңдетет, ошондой эле кабыл алуучу өлкөлөр үчүн инвестиция тартуунун дифференцияланган саясатын ишке ашырууга теориялык негиз берет.

Аннотация: На фоне инициативы «Один пояс, один путь» прямые китайские инвестиции в Кыргызстане демонстрируют разнообразие участников и сложных моделей. Существующие исследования часто рассматривают китайские инвестиции как однородное образование, упуская из виду присущее им разнообразие, что затрудняет точное выявление стратегической логики, лежащей в основе инвестиционного поведения. Опираясь на парадигму эклектичности международного производства (OLI) и теорию стратегического управления, в данной работе разрабатывается аналитическая модель, охватывающая «характеристики фирмы – инвестиционные мотивы – выбор модели». В рамках сравнительного исследования ряда случаев в таких секторах, как энергетика, инфраструктура, торговля и обрабатывающая промышленность, в данной работе систематически выявляются различные инвестиционные пути китайских транснациональных корпораций в Кыргызстане. В исследовании установлено, что в зависимости от формы собственности, масштаба и основных возможностей эти компании можно разделить на три типа: «ориентированные на национальную стратегию», «ориентированные на рынок и ресурсы» и «ориентированные на эффективность и сетевое взаимодействие». Эти три типа соответствуют, соответственно, модели совместного предприятия с «политической интеграцией», модели с «полным контролем цепочки» и модели с «гибкой сетью». Это исследование раскрывает внутреннюю совместимость различных инвестиционных моделей и различных стратегий корпоративной глобализации, углубляет наше понимание мотивов и поведения китайских транснациональных корпораций при зарубежной экспансии и предоставляет принимающим странам теоретическую основу для реализации дифференцированной политики привлечения инвестиций.

Abstract: Against the backdrop of the Belt and Road Initiative, Chinese direct investment in Kyrgyzstan has exhibited a diverse range of actors and complex models. Existing research often views Chinese investment as a homogeneous entity, overlooking its inherent diversity, making it difficult to accurately reveal the strategic logic underlying investment behavior. Drawing on the international production eclectic paradigm (OLI) and strategic management theory, this paper constructs an analytical framework encompassing "firm characteristics-investment motivations-model selection." Through a multi-case comparative study across sectors such as energy, infrastructure, trade, and manufacturing, this paper systematically identifies the differentiated investment paths of Chinese multinational corporations in Kyrgyzstan. The study finds that, based on ownership, scale, and core capabilities, these entities can be categorized into three types: "national strategy-driven," "market and resource-seeking," and "efficiency and network-seeking." These three types correspond, respectively, to the "politically embedded" joint venture model, the "full-chain control" model, and the "flexible network" model. This study reveals the inherent compatibility between different investment models and various corporate globalization strategies, deepens our understanding of the motivations and behaviors of Chinese multinational corporations in overseas expansion, and provides a theoretical basis for host countries to implement differentiated investment attraction policies.

Негизги сөздөр: Кыргызстан; Бир алкак жана жол демилгеси; инвестициялык модель; стратегиялык адаптация; дифференцияланган жол; трансулуттук корпорациялар.

Ключевые слова: Кыргызстан; инициатива «Один пояс, один путь»; инвестиционная модель; стратегическая адаптация; дифференцированный путь; транснациональные корпорации

Keywords: Kyrgyzstan; Belt and Road Initiative; investment model; strategic adaptation; differentiated path; multinational corporations.

As a key gateway to Central Asia, Kyrgyzstan occupies a crucial position in the development of the Silk Road Economic Belt within the Belt and Road Initiative. In recent years, China has consistently been one of Kyrgyzstan's top sources of investment, rapidly expanding from its early focus on trade and energy to encompass infrastructure, manufacturing, agriculture, and other sectors. This wave of investment has evolved from a single state-owned enterprise to a diverse group encompassing state-owned enterprises, large private enterprises, and small and medium-sized private enterprises.

However, existing research often draws from macro-level national narratives or case studies of single industries, tending to portray "Chinese investment" as a unified phenomenon driven by national strategy. This "homogeneous" perspective fails to explain why, within the same host country environment and the same Belt and Road Initiative policy backdrop, different Chinese companies exhibit significant differences in investment models, ranging from highly controlled sole proprietorships to flexible partnerships and even non-equity arrangements. This differentiation is the result of companies dynamically aligning their unique characteristics and strategic motivations with the locational advantages of host countries [1].

Therefore, the core research question of this article is: What are the fundamental differences in the investment motivations and strategic positioning of different types of Chinese multinational corporations in Kyrgyzstan? How do these differences systematically determine their choice of investment model?

To answer this question, this article will introduce classic international direct investment theory and, combined with the unique characteristics of Chinese multinational corporations, establish a categorical and comparative framework. Through comparative analysis of enterprises across different industries and ownership structures, it aims to reveal the diverse micro-foundations and strategic logic behind Chinese investment in Kyrgyzstan, thereby bridging the gap between macro-narratives and micro-practice.

Theoretical Framework: The Relationship between Firm Characteristics, Investment Motivations, and Model Choice

Modification and Application of the International Production Eclectic Paradigm (OLI Paradigm)

Dunning's OLI paradigm states that enterprises conducting overseas direct investment must possess ownership advantages, location advantages, and internalization advantages. This article argues that when analyzing Chinese investment in Kyrgyzstan, the connotations of three key advantages need to be contextualized:

Ownership Advantage: For Chinese state-owned enterprises, these advantages manifest in capital, technology, state credit, and the ability to undertake national strategic projects; for private enterprises, these advantages may manifest in flexible management, specialized technologies, established trade networks, or cost control capabilities.

Location Advantage: Kyrgyzstan's locational advantages have different implications for different types of enterprises. For resource-based enterprises, these advantages include minerals and energy; for infrastructure companies, they represent market opportunities arising from infrastructure shortages; and for trade companies, they represent Kyrgyzstan's position as a hub for entrepot trade.

Internalization Advantage: This refers to the motivation of enterprises to leverage their ownership advantages through direct investment rather than technology licensing or export. In high-risk, institutionally imperfect markets, controlling key assets and operations (internalization) is crucial for protecting core technologies and ensuring project execution.

Construction of the Analytical Framework: A Taxonomic Perspective Based on the OLI paradigm and in light of the realities of Chinese enterprises, this article proposes a two-dimensional classification framework to distinguish different types of investment entities:

Dimension 1: Core Enterprise Characteristics. These primarily categorize central state-owned enterprises, large private enterprises/local state-owned enterprises, and small and medium-sized private enterprises.

Dimension 2: Core Investment Motives. These primarily categorize investment entities into national strategy execution, strategic asset (resource/market) pursuit, and efficiency and network pursuit.

The intersection of these two dimensions leads to three typical "enterprise-strategy" types, which are expected to correspond to different dominant investment models. The following will provide a comparative case analysis centered around these three ideal types.

Comparative Case Analysis of Differentiated Paths

Type 1: The "Politically Embedded" Joint Venture Model of Nationally Strategic Enterprises

Representative Entities: Large central state-owned enterprises (such as TBEA and China Road and Bridge Corporation).

Strategic Motivation and OLI Advantage Analysis:

Motivation: The core motivation is to serve the national energy security and connectivity strategy and implement specific intergovernmental cooperation framework projects. Profitability is not the sole or primary objective; the projects have significant social benefits and political significance.

OLI Analysis: Its ownership advantages lie in its vast capital, cutting-edge technology, and irreplaceable national credibility; its locational advantage is Kyrgyzstan's geographical hub status within the Belt and Road Initiative and its government's willingness to cooperate; its internalization needs are to ensure the quality, progress, and control of major projects and prevent technology leaks [2].

Leading Investment Model: Politically Embedded Joint Venture

Model Description: This type of enterprise typically establishes a joint venture with the Kyrgyz government or its designated state-owned companies to jointly advance large-scale projects (such as power grid upgrades, trunk roads, and oil and gas exploration). A typical case study: Taking the Datka-Kumin 500 kV transmission and transformation project as an example, the contractor, through deep ties with the State Grid Corporation of Kyrgyzstan, not only successfully obtained the project concession but also leveraged the strengths of local partners in subsequent operations and maintenance, effectively mitigating numerous policy and community risks. This model ties the interests of the company to those of the host country, achieving deep political embedding.

Model characteristics: High resource commitments, shared equity with the Chinese side typically holding a controlling stake, a strong emphasis on high-level political engagement, long project cycles, and significant investment in social responsibility.

Type 2: "Full Industry Chain Control" Model for Market- and Resource-Seeking Enterprises

Representative entities: Large private enterprises and some local state-owned enterprises (such as Jinni Mining and Haiphong Group).

Strategic Motivations and OLI Advantage Analysis:

Motivation: The core motivation is to secure stable mineral resources (such as gold, copper, and antimony) or to capture emerging markets (such as building materials and agriculture). Their strategic orientation is clearly profit-oriented, pursuing global resource allocation.

OLI Analysis: Their ownership advantages are reflected in professional exploration/development technology, strong capital, and efficient operational management capabilities; their valued vocational advantage is Kyrgyzstan's abundant, underdeveloped natural resources and potential market demand; their internalization needs are to ensure a stable resource supply, control core technologies, and maximize profits across the entire industry chain.

Dominant Investment Model: Full Industry Chain Control

Model Description: Companies in this category tend to acquire mining rights or establish production bases through mergers and acquisitions (M&A) or wholly-owned subsidiaries, extending their reach upstream and downstream as much as possible to control key links from production to sales.

Typical Case: Take Zijin Mining's acquisition of the Altynk Left Bank Gold Mine as an example. After acquiring controlling stake through M&A, Zijin Mining not only invested heavily in technological upgrades to increase production capacity but also took full control of operations and management, achieving a high degree of control over core assets. In the building materials sector, a Chinese cement group established a full supply chain from limestone mining to cement production and sales by establishing a wholly-owned subsidiary in Jilin.

Model Characteristics: Striving for a high degree of control, using M&A as the primary means of expansion, focusing on operational efficiency and cost control, and being sensitive to political risk, primarily hedging against it through commercial insurance and refined management.

Type 3: The "Flexible Networking" Model of Efficiency- and Network-Seeking Enterprises

Representative Entities: Small and Medium-Sized Private Enterprises (primarily concentrated in trade, light manufacturing, and services).

Strategic Motivations and OLI Advantage Analysis:

Motivation: The core motivation is to leverage Kyrgyzstan's low factor costs (such as labor), advantageous trade entrepot status (such as membership in the Eurasian Economic Union), and established Chinese business networks to establish a regional production and trade hub.

OLI Analysis: Ownership advantages lie in flexible operating mechanisms, rapid responsiveness to market information, and embedded social networks. Locational advantages prioritize preferential tariffs, easy market access, and existing trade and logistics infrastructure. Internalization requirements are low, with a preference for leveraging market mechanisms [4].

Dominant Investment Model: Flexible Networking

Model Description: This model is highly flexible and encompasses cluster investment (such as the Chinese businesses surrounding the "Moscow Market"), strategic alliances (collaboration with local or Chinese business partners), and non-equity models (such as franchising and management contracts). They pursue control over information and business networks rather than ownership of physical assets.

Typical Case: The Central Asia Fujian Mall in Bishkek, a trading platform co-created by Chinese business capital, has attracted a large number of small and medium-sized businesses, forming a typical "clustering" model. Another Chinese shoemaker has chosen to establish exclusive agency relationships with local distributors, not owning its own factories, and focusing on brand operations and supply chain management.

Model Characteristics: Low resource commitment, high flexibility, heavy reliance on social capital and business networks, easy replication and adaptation, and rapid response to market risks.

Discussion: Causes of Differentiated Paths and the Logic of Strategic Adaptation

The formation of the three differentiated paths described above is rooted in the systematic differences in institutional pressures, resource endowments, and strategic objectives faced by different types of enterprises.

1. Institutional Pressure and Legitimacy: State-owned enterprises face greater pressure for "political legitimacy." Their investment behavior must align with national strategies and withstand stricter scrutiny from host governments. Therefore, a "politically embedded" joint venture model is the optimal strategy for gaining and maintaining legitimacy in host countries. Private enterprises, on the other hand, primarily face pressure to gain market legitimacy, and their model selection focuses more on economic efficiency and risk control.

2. Resource Dependence and Risk Control: For national strategic enterprises, their reliance on political resources necessitates a deeply embedded model. For resource-seeking enterprises, their reliance on scarce natural resources necessitates a high degree of control to ensure supply chain security. For efficiency-seeking enterprises, their reliance on market information necessitates a networked model that is more effective in reducing transaction costs.

3. Strategic Adaptation and Dynamic Evolution: This article's framework demonstrates that there is no "optimal" universal investment model; only models that are most "adapted" to specific enterprise types and their strategic motivations. As enterprises develop and the host country environment changes, their strategic positioning and investment models may also evolve dynamically. For example, a successful trading enterprise may gradually expand into upstream manufacturing, and its model may evolve from "networking" to "solely controlled." [5]

Conclusions and Implications

Research Conclusions

This paper, through a macro-comparative framework, reveals that Chinese investment in Kyrgyzstan is not monolithic but rather driven by three types of corporate actors with distinct strategic motivations and behavioral patterns. These are: state-owned enterprises implementing national strategies and adopting "politically embedded" joint ventures; large private enterprises/local SOEs pursuing markets and resources and adopting a "full-chain control" model; and small and medium-sized private enterprises pursuing efficiency and networks and adopting a "flexible networking" model. These differentiated paths result from rational strategic adaptation driven by the combined influence of corporate characteristics, investment motivations, and the host country's locational advantages.

Theoretical Contributions and Practical Implications

Theoretical Contributions: By incorporating firm heterogeneity into the analysis of Chinese overseas investment, this study dispels the stereotype of "Chinese capital homogeneity" and enriches the application of the OLI paradigm in the context of transitional and developing economies. It provides a clear taxonomic tool that facilitates a more nuanced interpretation of the complex investment phenomena within the context of the Belt and Road Initiative. · **Implications for Businesses:** Before entering similar markets like Kyrgyzstan, Chinese companies must first clarify their strategic positioning and core capabilities, select investment models that align with them, and avoid blind imitation. State-owned enterprises (SOEs) need to excel at political risk management and long-term relationship building; resource-seeking enterprises need to focus on operational efficiency and compliance; and small and medium-sized private enterprises should maximize their flexibility and network advantages.

Implications for Policymakers: For host countries like Kyrgyzstan, this study recommends adopting differentiated investment attraction policies. For national strategic projects, a stable legal and political environment should be provided; for resource development investments, environmental regulations and local content requirements should be strengthened; and for network-based

investments, efforts should be made to improve the business environment and enhance trade facilitation facilities.

Research Deficiencies and Future Prospects

This study primarily relies on qualitative case studies. Future research could conduct quantitative testing using large-sample questionnaire data to further validate the relationship between different models and business performance. Furthermore, while this study focuses on the enterprise side, future research could incorporate the perspectives of local partners, government agencies, and community members in Kyrgyzstan to conduct a more comprehensive study of these interactions [6].

List of used literature

1. Liu Yi. “One Belt and One Road” Investment and Enterprise Internationalization: Opportunities and Challenges in Central Asia. *International Economic Cooperation*, (2018). (5), 45–52.
2. Chen Jiyong and Li Zhuo. “Location Selection and Determinants of China’s Direct Investment in Five Central Asian Countries.” *World Economic Research*, (2016). (7), 78–87.
3. Wang Yongqin and Du Julan. “Model Selection of Overseas Investment of Chinese Enterprises under the One Belt and One Road Initiative: A Perspective of Political and Economic Interaction.” *Management World*, (2018). 34(4), 51–65.
4. Xiao Hongjun and Zhou Jian. “Institutional Differences, Strategic Responses and Control Models of Overseas Subsidiaries of Chinese Multinational Corporations.” *Nankai Management Review*, (2019). 22(3), 123–135.
5. Huang Yiping and Hu Yongtai. “China’s Outward Direct Investment: Characteristics, Motivations and Impacts”. *Journal of Financial Research*, (2017). (5), 1–18.
6. Zheng Jianghuai and Gao Yan. “Political Risks and Countermeasures of Chinese Enterprises’ Investment along the Belt and Road”. *Journal of International Economics and Trade Exploration*, (2020). 36(2), 34–48.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаев Нурбек Жээмбаевич

Ma Ю., Ян Т.

Түндүк-Батыш педагогикалык университети, КЭР

Ma Ю., Ян Т.

Северо-Западный педагогический университет, КНР

Ma Y., Yang T.

North-West normal university, PRC

**ДУНГАН ТИЛИНЕ ТҮРК ТИЛДЕРИНИН ТААСИРИ ЖӨНҮНДӨ КЫСКАЧА
ТАЛКУУ: ЯСЫР ШИВАЗЫ ЖАНА ЭРЛИ ЭРДУ СЫЯКТУУ ДУНГАН
ЖАЗУУЧУЛАРЫНЫН ПОЭЗИЯСЫНДА ЖАНА ЧАКАН ПРОЗАЛЫК
ЧЫГАРМАЛАРЫНДА (АҢГЕМЕЛЕР ЖАНА ПОВЕСТТЕР) УЙГУР ТИЛИНИН
ЛЕКСИКАСЫНЫН МИСАЛЫНДА**

**КРАТКОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НА ДУНГАНСКИЙ
ЯЗЫК - НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА В СТИХАХ И МАЛЫЕ
ПРОЗАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ) ДУНГАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ, ТАКИХ КАК ЯСЫР ШИВАЗЫ И ЭРЛИ ЭРДУ**

**A BRIEF STUDY OF THE INFLUENCE OF TURKIC LANGUAGES ON THE DUNGAN
LANGUAGE: EVIDENCE FROM UYGHUR LEXICAL ELEMENTS IN THE POETRY
AND SHORT PROSE (STORIES AND NOVELLAS) OF DUNGAN WRITERS YASYR
SHIWAZA AND ERLI ERDU**

Кыскача мүнөздөмө: Макалада белгилүү дунган жазуучулары Ясыр Шивазы менен Эрли Эрдунун чыгармаларынын негизинде түрк тилдеринин дунган тилине тийгизген таасири каралат. Изилдөөдө өзгөчө уйгур тилинен кирген лексикалык элементтердин поэзияда, аңгемелерде жана повесттерде колдонулушу талданат. Ошондой эле сөз жасоо өзгөчөлүктөрү, синтаксистик түзүлүштөр, макал-лакаптар жана туруктуу сөз айкаштары аркылуу уйгур тилинин дунган адабий тилине тийгизген таасири каралат. Макалада тилдик байланыштардын натыйжасында пайда болгон өзгөчөлүктөрдүн жазуучулардын көркөм стилин калыптандыруудагы ролу көрсөтүлөт. Борбордук Азия элдеринин маданий жана тилдик байланыштарынын натыйжасында дунган тилинин лексикалык курамы байып, көркөм мүмкүнчүлүктөрү кеңейгендиги белгиленет. Изилдөөнүн жыйынтыктары дунган тилинин тарыхын, анын өнүгүү мыйзам ченемдүүлүктөрүн жана түрк тилдери менен болгон өз ара байланыштарын изилдөөдө маанилүү булак болуп саналат.

Аннотация: В статье рассматривается влияние тюркских языков на дунганский язык на материале произведений выдающихся дунганских писателей Ясыра Шивазы и Эрли Эрду. Особое внимание уделяется анализу уйгурской лексики, использованной в поэтических произведениях, рассказах и повестях авторов. Исследование охватывает вопросы лексических заимствований, словообразовательных моделей, синтаксических конструкций, а также влияние пословиц и устойчивых выражений уйгурского языка на языковую систему дунганской литературы. В работе анализируются особенности функционирования тюркских элементов, их роль в формировании художественного стиля писателей и отражении культурно-языковых контактов народов Центральной Азии. Делается вывод о том, что тюркские языки, прежде всего уйгурский язык, оказали значительное влияние на развитие дунганского языка и способствовали обогащению его лексического и стилистического фонда. Материалы исследования имеют важное значение для изучения истории дунганского языка и межъязыковых контактов.

Abstract: Макалада белгилүү дунган жазуучулары Ясыр Шивазы менен Эрли Эрдунун чыгармаларынын негизинде түрк тилдеринин дунган тилине тийгизген таасири каралат. Изилдөөдө өзгөчө уйгур тилинен кирген лексикалык элементтердин поэзияда, аңгемелерде жана повесттерде колдонулушу талданат. Ошондой эле сөз жасоо өзгөчөлүктөрү, синтаксистик түзүлүштөр, макал-лакаптар жана туруктуу сөз айкаштары аркылуу уйгур тилинин дунган адабий тилине тийгизген таасири каралат. Макалада тилдик байланыштардын натыйжасында пайда болгон өзгөчөлүктөрдүн жазуучулардын көркөм стилин калыптандыруудагы ролу көрсөтүлөт. Борбордук Азия элдеринин маданий жана тилдик байланыштарынын натыйжасында дунган тилинин лексикалык курамы байып, көркөм мүмкүнчүлүктөрү кеңейгендиги белгиленет. Изилдөөнүн жыйынтыктары дунган тилинин тарыхын, анын өнүгүү мыйзам ченемдүүлүктөрүн жана түрк тилдери менен болгон өз ара байланыштарын изилдөөдө маанилүү булак болуп саналат.

Негизги сөздөр: дунган тили; түрк тилдери; уйгур тили; Ясыр Шивазы; Эрли Эрду; лексикалык өздөштүрүүлөр; тил аралык байланыштар; дунган адабияты

Ключевые слова: дунганский язык; тюркские языки; уйгурский язык; Ясыр Шивазы; Эрли Эрду; лексические заимствования; языковые контакты; дунганская литература

Keywords: dungan language; turkic languages; uyghur language; Yasyr Shivaza; Erli Erdu; lexical borrowings; language contacts; dungan literature

Введение

Дунганский язык является одним из своеобразных явлений в языковом пространстве Центральной Азии. Сформировавшись на основе северокитайских диалектов, он на протяжении длительного исторического периода развивался в условиях постоянного взаимодействия с языками народов региона. После переселения дунган в Центральную Азию во второй половине XIX века их язык оказался в тесном контакте с уйгурским, кыргызским, узбекским и татарским языками, что обусловило значительные изменения в его лексическом составе, словообразовательной системе, синтаксисе и фразеологии [1].

Изучение языковых контактов дунганского языка с тюркскими языками представляет значительный интерес для сравнительного языкознания, исторической лингвистики и литературоведения. Вопросы взаимодействия различных языковых систем приобретают особую актуальность в условиях многоязычной и поликультурной среды Центральной Азии. При этом важнейшим источником для исследования процессов языкового взаимодействия выступают произведения дунганских писателей, в которых наиболее полно отражаются особенности национальной языковой картины мира [2].

Особое место в истории дунганской литературы принадлежит Ясыру Шивазы и Эрли Эрду. Творчество этих писателей представляет значительную ценность не только с литературоведческой, но и с лингвистической точки зрения. В их произведениях нашли отражение особенности разговорной речи дунган, элементы народного фольклора, пословицы, поговорки, чэньюй, сехоуэй, а также многочисленные заимствования из тюркских, арабского и персидского языков [3].

Ясыр Шивазы является одним из основоположников современной дунганской литературы. Им были созданы поэтические произведения, рассказы и повести «Белая бабочка», «Яркая звезда», «Пройденный путь», «Судьба Майян», «Сюэ Жэньгуй», «Хорошие друзья», «Мой новый дом», «Встреча» и другие. Не менее значительный вклад в развитие дунганской прозы внес Эрли Эрду, произведения которого отличаются богатством художественного языка и широким использованием элементов народной речи.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения особенностей влияния тюркских языков на дунганский язык, а также недостаточной разработанностью вопросов, связанных с функционированием данных языковых элементов в художественных произведениях дунганских писателей.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей влияния тюркских языков, прежде всего уйгурского языка, на дунганский язык на материале поэзии и малых прозаических произведений Ясыра Шивазы и Эрли Эрду.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- исследовать исторические предпосылки взаимодействия дунганского и тюркских языков;
- проанализировать лексические заимствования тюркского происхождения;
- определить особенности словообразования и синтаксических конструкций, сформировавшихся под влиянием уйгурского языка;
- изучить функционирование пословиц, поговорок, чэньюй и сехоуюй;
- выявить роль арабской и персидской лексики в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду;
- установить особенности индивидуального языкового стиля двух писателей.

В работе использованы сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный и лексико-семантический методы исследования.

1. Историко-культурные предпосылки взаимодействия дунганского и тюркских языков

История формирования современного дунганского языка тесно связана с переселением дунган в Центральную Азию во второй половине XIX века. Оказавшись в новой языковой среде, дунганское население вступило в активные контакты с представителями тюркских народов. Этому способствовали общность хозяйственной деятельности, тесные торгово-экономические связи, сходство традиций и принадлежность большинства населения к исламской цивилизации [1].

Наиболее интенсивные контакты сложились между дунганами и уйгурами. Близость культурных традиций, общие элементы материальной культуры и постоянное взаимодействие в повседневной жизни способствовали проникновению большого количества уйгурских слов в дунганский язык. Впоследствии многие из них стали неотъемлемой частью словарного состава дунганского языка и нашли широкое отражение в произведениях дунганских писателей [2].

Наряду с уйгурским языком определенное влияние на дунганский язык оказали киргизский, узбекский и татарский языки. В результате длительного взаимодействия с тюркоязычным населением Центральной Азии в дунганском языке сформировались специфические особенности, затронувшие различные уровни языковой системы. Изменения коснулись не только лексики, но и словообразования, синтаксиса и фразеологии.

Таким образом, многовековые языковые контакты стали одним из важнейших факторов формирования современного дунганского языка. Их результаты нашли яркое отражение в творчестве Ясыра Шивазы и Эрли Эрду, произведения которых представляют собой ценный материал для изучения процессов взаимодействия различных языковых и культурных традиций [3].

2. Лексические заимствования из уйгурского, киргизского, узбекского и татарского языков в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду

Произведения Ясыра Шивазы и Эрли Эрду представляют собой ценный материал для изучения процессов языкового взаимодействия дунганского языка с тюркскими языками. В

поэзии, рассказах и повестях обоих авторов широко представлены лексические элементы, заимствованные из уйгурского, кыргызского, узбекского и татарского языков. Однако среди всех тюркских языков наиболее значительное влияние на развитие дунганского языка оказал именно уйгурский язык, что объясняется длительными историческими контактами, культурной близостью и общностью религиозных традиций [4].

Ясыр Шивазы и Эрли Эрду родились в селе Александровка Московского района недалеко от Бишкека и внесли значительный вклад в развитие дунганской литературы. Ясыр Шивазы создал множество поэтических произведений и ряд прозаических произведений, среди которых «Белая бабочка», «Яркая звезда», «Пройденный путь», «Судьба Майян», «Сюз Жэньгуй», «Хорошие друзья», «Мой новый дом» и «Встреча». В произведениях писателя встречается большое количество лексических единиц тюркского происхождения. Подобные языковые явления характерны и для творчества Эрли Эрду, в произведениях которого наряду с уйгурскими элементами присутствуют слова, восходящие к древнетюркским корням [5].

Влияние тюркских языков на дунганский язык проявляется прежде всего в лексической системе. Значительная часть заимствований относится к бытовой, хозяйственной, религиозной и культурной сфере. Многие слова настолько глубоко вошли в словарный состав дунганского языка, что воспринимаются носителями как неотъемлемая часть собственной языковой системы.

Анализ произведений Ясыра Шивазы и Эрли Эрду позволяет выделить несколько направлений влияния тюркских языков на дунганскую лексику.

Во-первых, это непосредственные заимствования из уйгурского языка. Подобные слова активно используются в разговорной речи персонажей и способствуют созданию национального колорита художественных произведений. Благодаря использованию подобных элементов писателям удается наиболее полно передать особенности народной речи и реалии повседневной жизни.

Во-вторых, в произведениях обоих авторов встречаются лексические единицы, восходящие к древнетюркским корням. Сохранение подобных слов представляет значительный интерес для исторической лексикологии и свидетельствует о длительности языковых контактов народов Центральной Азии.

Кроме того, в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду встречаются отдельные элементы кыргызского, узбекского и татарского языков. Их использование обусловлено не только языковыми контактами, но и общностью культурных традиций народов региона.

Следует отметить, что заимствованные слова выполняют не только номинативную, но и художественную функцию. Они позволяют писателям создать достоверную языковую среду, подчеркнуть национальную специфику произведений и сохранить особенности живой народной речи. Благодаря этому произведения Ясыра Шивазы и Эрли Эрду представляют собой важный источник для изучения процессов взаимодействия дунганского и тюркских языков.

Таким образом, тюркские заимствования занимают важное место в словарном составе дунганского языка и являются одним из ярких свидетельств многовековых языковых и культурных контактов народов Центральной Азии. Творчество Ясыра Шивазы и Эрли Эрду позволяет проследить особенности функционирования этих элементов и определить их роль в развитии современного дунганского литературного языка.

3. Лексика эпох Сун, Юань, Мин и Цин в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду

Особый интерес представляет лексика, сохранившаяся в дунганском языке со времен китайских династий Сун, Юань, Мин и Цин. Многие архаические слова продолжают функционировать в произведениях дунганских писателей и отражают особенности

исторического развития дунганского языка. Подобные лексические единицы имеют большое значение для изучения истории китайского языка и процессов сохранения архаизмов в дунганской языковой среде [5].

В произведениях Ясыра Шивазы встречается слово «ячуон» (牙床), обозначающее резное ложе или кровать. Данная лексема относится к числу архаизмов, сохранившихся в дунганском языке. Наряду с этим автор использует выражение «жяян-жяжү» (家缘家计), обозначающее домашнее хозяйство, имущество и семейное благополучие.

Особый интерес представляют различия в употреблении отдельных слов двумя авторами. Так, Ясыр Шивазы чаще использует лексемы «щешон» и «щели шонли», тогда как в произведениях Эрли Эрду более распространены формы «щехуань» и «щели хуань». Несмотря на различия в произношении и употреблении, данные слова восходят к общему историческому источнику и отражают особенности развития различных вариантов дунганского языка.

Наличие подобных лексических различий свидетельствует не только о сохранении древних языковых элементов, но и об индивидуальных языковых предпочтениях писателей. Это позволяет говорить о существовании определенных стилевых особенностей в творчестве Ясыра Шивазы и Эрли Эрду, а также о многообразии форм функционирования дунганского языка.

Таким образом, лексика эпох Сун, Юань, Мин и Цин, сохранившаяся в произведениях дунганских писателей, представляет значительный интерес для сравнительно-исторического языкознания и позволяет проследить особенности развития дунганского языка в условиях длительных контактов с другими языками.

4. Влияние уйгурского языка на словообразовательную систему дунганского языка

Наряду с лексическими заимствованиями важное место в процессе взаимодействия дунганского и тюркских языков занимает влияние уйгурского языка на словообразовательную систему. Продолжительное сосуществование дунган с тюркоязычными народами Центральной Азии способствовало не только проникновению отдельных слов, но и усвоению определенных способов образования новых лексических единиц. В результате в дунганском языке сформировались словообразовательные модели, имеющие общие черты с уйгурским языком [6].

Анализ произведений Ясыра Шивазы и Эрли Эрду показывает, что многие заимствованные слова подверглись адаптации в соответствии с фонетическими и грамматическими особенностями дунганского языка. При этом отдельные способы образования слов, характерные для тюркских языков, органично вошли в систему художественной речи и получили широкое распространение в разговорном языке.

Особенно ярко влияние уйгурского языка проявляется в речи персонажей. Оба писателя стремились к максимальной достоверности художественного изображения, поэтому активно использовали элементы живой народной речи, что способствовало сохранению языковых особенностей дунганского народа.

Следует отметить, что процессы словообразования в дунганском языке свидетельствуют не о механическом заимствовании, а о глубоком взаимодействии языковых систем. Подобные явления представляют значительный интерес для контактной лингвистики и позволяют проследить особенности развития дунганского языка в условиях многоязычной среды.

5. Влияние тюркских языков на синтаксические конструкции дунганского языка

Влияние тюркских языков на дунганский язык проявляется не только на уровне лексики и словообразования, но и в синтаксической организации предложений. Исследование произведений Ясыра Шивазы и Эрли Эрду показывает, что в их творчестве встречаются конструкции, построенные по образцу уйгурского языка [7].

Так, в художественных произведениях обоих авторов широко используются выражения, аналогичные следующим:

- «сердце на свое место легло»;
- «с большой радостью встречают»;
- «это дело мне не под силу».

Подобные конструкции характерны для тюркских языков и отражают особенности национального языкового мышления. Использование таких синтаксических моделей позволяет авторам придать художественной речи эмоциональную выразительность и национальный колорит.

В произведениях Эрли Эрду особенно заметно влияние разговорного языка. Писатель стремился воспроизвести живую речь народа, благодаря чему его произведения отличаются естественностью и высокой степенью реалистичности. В свою очередь, Ясыр Шивазы более активно использовал поэтические средства выразительности, что обусловило особую образность его языка.

Таким образом, синтаксические особенности произведений Ясыра Шивазы и Эрли Эрду свидетельствуют о глубоком и многостороннем влиянии тюркских языков на дунганский язык.

6. Пословицы, поговорки, чэньюй и сехоуэй в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду

Одним из наиболее ярких проявлений взаимовлияния языков являются пословицы, поговорки, чэньюй и сехоуэй, широко представленные в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду. Они не только выполняют художественную функцию, но и отражают мировоззрение, нравственные ценности и жизненный опыт дунганского народа [8].

В произведениях Ясыра Шивазы встречается пословица:

«Сан лян сан пын бу жян, жын лян жын йүжянни», что в переводе означает: «Горы с горами не встречаются, человек с человеком встречается».

Данная пословица подчеркивает важность человеческих отношений и взаимной поддержки.

Кроме того, в произведениях писателя встречаются выражения:

- Мананлэнди хуэжи — бый шуку;
- Лочү чы голёни, гын гангар;
- Сан щин, эр йи.

В произведениях Эрли Эрду широко используются следующие пословицы и поговорки:

«Чүмын гуан тянсий, жинмын сы нянсий», что можно перевести как: «Выходя из дома, смотри на небо; входя в дом, смотри на выражение лица хозяина».

Также встречаются выражения:

- Чыли даду, ба фын занхали;
- Чечү понжынди вава дү жучи, щин бу тын;
- Хүжя-хүви.

Использование подобных выражений свидетельствует о тесной связи художественного языка писателей с устным народным творчеством. Пословицы, поговорки и фразеологические единицы позволяют передать национальный характер, особенности мировосприятия и традиционные представления дунганского народа.

Несмотря на наличие общих языковых элементов, каждый из авторов обладает собственными особенностями использования фразеологических средств. Общность пословиц и поговорок отражает единство культурной традиции, тогда как различия в их употреблении свидетельствуют о своеобразии художественного стиля каждого писателя.

Таким образом, произведения Ясыра Шивазы и Эрли Эрду являются важным источником для изучения фразеологического богатства дунганского языка и процессов взаимодействия различных языковых традиций.

7. Арабская и персидская лексика в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду

Помимо тюркских заимствований, важное место в лексической системе дунганского языка занимают арабские и персидские элементы. Их проникновение в язык дунган связано с распространением ислама, а также с длительными культурными и языковыми контактами с мусульманскими народами Центральной Азии. Значительная часть арабской и персидской лексики была воспринята дунганским языком через посредство уйгурского языка и в дальнейшем прочно закрепились в разговорной речи и художественной литературе [9].

Анализ произведений Ясыра Шивазы показывает, что арабизмы и персизмы встречаются в его творчестве сравнительно редко. Однако даже ограниченное использование подобных слов свидетельствует о влиянии исламской культуры и многовековых контактов с народами мусульманского мира. Так, в произведениях писателя встречается слово марни, происходящее от арабского слова «маъна» (معنى), которое употребляется в значении «смысл», «значение», «содержание». Кроме того, встречается слово гунахар, восходящее к персидскому слову «gunāh» (گناه), обозначающему грех, вину или проступок.

В произведениях Эрли Эрду арабская и персидская лексика представлена значительно шире. В рассказах и повестях автора встречаются такие слова, как мэкрухэ (مكروه) — «нежелательное», «предосудительное»; ферзуэ (فريضة) — «обязанность», «предписание»; важыбу (واجب) — «долг», «обязанность»; суннэти (سنة) — «традиция», «сунна»; хараму (حرام) — «запретное», «недозволенное»; гынсү (قصة) — «рассказ», «история», «предание».

Среди персидских заимствований особый интерес представляют слова деву (ديو), обозначающее демона или злого духа, а также пэри (پری), употребляемое в значении «фея», «волшебное существо». Подобные лексемы широко представлены в народном фольклоре и свидетельствуют о сохранении древних культурных традиций.

Наличие арабской и персидской лексики в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду отражает сложный характер формирования дунганского языка и свидетельствует о многообразии культурных влияний, оказавших воздействие на развитие дунганской литературы.

8. Особенности индивидуального языкового стиля Ясыра Шивазы и Эрли Эрду

Несмотря на принадлежность к одной литературной традиции, Ясыр Шивазы и Эрли Эрду обладают ярко выраженными особенностями художественного стиля. Их творчество отражает как общие черты дунганской литературы, так и индивидуальные языковые предпочтения каждого автора [10].

Для произведений Ясыра Шивазы характерно широкое использование народной поэзии, фольклорных образов, архаической лексики, пословиц и поговорок. В его произведениях заметно стремление сохранить традиционные элементы дунганской культуры и народного языка. Писатель чаще использует такие архаические формы, как щешон и щели шонли, что свидетельствует о его приверженности традиционным языковым нормам.

Творчество Эрли Эрду отличается более широким использованием разговорной речи, арабской и персидской лексики, а также религиозной терминологии. В произведениях писателя чаще встречаются формы щехуань и щели хуань, отражающие особенности индивидуального языкового стиля. Для его произведений характерны реалистичность, психологическая глубина и стремление к точному воспроизведению живой народной речи.

Общность языковых элементов, используемых обоими авторами, свидетельствует о принадлежности к единой культурной традиции дунганского народа. Вместе с тем различия в использовании отдельных слов, фразеологических единиц и стилистических средств отражают своеобразие художественного мышления каждого писателя.

Таким образом, творчество Ясыра Шивазы и Эрли Эрду представляет собой уникальный материал для изучения процессов взаимодействия различных языковых и культурных традиций, а также позволяет проследить особенности формирования и развития современного дунганского литературного языка.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что дунганский язык сформировался и развивался в условиях интенсивных языковых контактов с народами Центральной Азии. Наиболее значительное влияние на его развитие оказал уйгурский язык, что нашло отражение в лексике, словообразовании, синтаксисе и фразеологии.

Анализ произведений Ясыра Шивазы и Эрли Эрду показал, что тюркские элементы являются важной составляющей художественного языка дунганской литературы. Наряду с ними существенную роль играют арабские и персидские заимствования, связанные с исламской культурной традицией.

Особый интерес представляют архаические слова, сохранившиеся со времен династий Сун, Юань, Мин и Цин, а также многочисленные пословицы, поговорки, чэньюй и сехоуэй, отражающие богатство и своеобразие дунганского языка.

Общие языковые элементы, присутствующие в произведениях Ясыра Шивазы и Эрли Эрду, свидетельствуют о единстве культурной традиции дунганского народа, тогда как различия в их использовании отражают индивидуальные особенности художественного стиля каждого автора.

Таким образом, влияние тюркских языков на дунганский язык представляет собой сложный и многогранный процесс, результаты которого нашли яркое отражение в произведениях крупнейших представителей дунганской литературы. Изучение данных процессов имеет важное значение для дальнейшего развития контактной лингвистики, сравнительно-исторического языкознания и литературоведения.

List of used literature

1. Макеева Ф.Х. Творчество Ясыра Шивазы. – Фрунзе: Илим, 1974. – 95 с.
2. Дунганская энциклопедия / Под ред. А.А. Джон, М.В. Джумаза, Р.М. Исмаева и др. – Бишкек: Илим, 2009. – 473 с.
3. История киргизской советской литературы. – М.: Наука, 1970. – С. 491–502.
4. Дайер С. Римский-Корсаков. Ясыр Шиваза: жизнь и творчество советского дунганского поэта (Iasyr Shivaza: The Life and Works of a Soviet Dungan Poet). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. – 278 p.
5. Макеева Ф.Х. Развитие дунганского литературоведения. – Фрунзе: Илим, 2001.
6. Чан Вэньчан. Ясыр Шиваза. – Бишкек: Национальная академия наук Кыргызской Республики, 2003.
7. Шиваза Я.Д. Мой новый дом. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969.
8. Шиваза Я.Д. Избранные стихи. – Фрунзе, 1958.
9. Шиваза Я.Д. Голубая река. – Фрунзе, 1940.
10. Шиваза Я.Д. Здравствуй, весна. – Фрунзе, 1966.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Маджун Д.С.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Маджун Д.С.

НАН КР им. Б. Джамгерчинова

Madzhun D

NAS B.Dzhamgerchinov

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2857-2679>

ЯСЫР ШИВАЗА: ӨЗ ЭЛИНИН АГАРТУУЧУСУ ЖАНА РУХАНИЙ БАГЫТ БЕРҮҮЧҮСҮ

ЯСЫР ШИВАЗА: ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ДУХОВНЫЙ ОРИЕНТИР СВОЕГО НАРОДА YASYR SHIVAZA: ENLIGHTENER AND SPIRITUAL GUIDE OF HIS PEOPLE

Кыскача мүнөздөмө: Макалa көрүнүктүү акын, лингвист жана коомдук ишмер, дунган маданиятынын калыптанышына баа жеткис салым кошкон Ясыр Шивазанын өмүрүнө жана көп кырдуу ишмердүүлүгүнө арналган. Автор Шивазанын ролун адабиятчы катары эле эмес, өткөн замандын каада-салттары менен советтик доордун чакырыктарын байланыштырган чыныгы агартуучу катары карайт. Анын жазуу реформасына катышуусуна, улуттук окуу китептерин түзүүсүнө жана адабий тилди калыптандыруусуна өзгөчө көңүл бурулган. Эмгекте Шивазанын Советтер Союзу менен Кытайдын ортосундагы маданий диалогдун «архитектору» катары өзгөчө ролу баса белгиленет. Анын лингвистика жаатындагы илимий изилдөөлөрү дунган сабаттуулугунун негизин түзүү менен чектелбестен, кытай жазуусун реформалоонун дүйнөлүк процесстери (пиньинь) менен да үндөшүп турат. Кытай интеллигенциясы менен болгон чыгармачылык байланыштары жана чыгармаларынын кытай тилине которулушу аркылуу Ясыр Шиваза маданияттардын ажырагыс байланышынын символуна айланып, өз элинин мурасын глобалдык чыгыш таануу мейкиндигине интеграциялай алган. Ясыр Шиваза XX кылымдагы масштабдуу тарыхый өзгөрүүлөрдүн шартында дунгандардын маданий иденттүүлүгүн сактап калууга көмөктөшкөн элдин руханий жол башчысы катары көрсөтүлгөн.

Аннотация: Статья посвящена многогранной деятельности Ясыра Шивазы — выдающегося поэта, лингвиста и общественного деятеля, чей вклад в становление дунганской культуры невозможно переоценить. Автор рассматривает роль Шивазы не только как литератора, но и как подлинного просветителя, ставшего связующим звеном между традициями прошлого и вызовами советской эпохи. Особое внимание уделяется его участию в реформе письменности, создании национальных учебников и формировании литературного языка. В работе подчеркивается уникальная роль Шивазы как «архитектора» культурного диалога между Советским Союзом и Китаем. Его научные изыскания в области лингвистики не только заложили основу дунганской грамотности, но и созвучны мировым процессам реформирования китайской письменности (пиньинь). Благодаря его творческим связям с китайской интеллигенцией и переводам его произведений, Ясыр Шиваза стал символом неразрывной связи культур, сумев интегрировать наследие своего народа в глобальное востоковедческое пространство. Ясыр Шиваза представлен как духовный ориентир народа, чей авторитет помог сохранить культурную идентичность дунган в условиях масштабных исторических перемен XX века.

Abstract: The article is devoted to the multifaceted activities of Yasyr Shivaza, an outstanding poet, linguist, and public figure whose contribution to the formation of Dungan culture is invaluable.

The author examines Shivaza's role not only as a man of letters but as a true enlightener who became a vital link between the traditions of the past and the challenges of the Soviet era. Particular attention is paid to his participation in the reform of writing systems, the creation of national textbooks, and the development of the literary language. The work emphasizes Shivaza's unique role as an "architect" of cultural dialogue between the Soviet Union and China. His linguistic research not only laid the foundation for Dungan literacy but also resonated with global processes of reforming Chinese script (Pinyin). Thanks to his creative ties with the Chinese intelligentsia and the translation of his works into Chinese, Yasyr Shivaza became a symbol of the unbreakable bond between cultures, successfully integrating the heritage of his people into the global space of Oriental studies. Yasyr Shivaza is presented as a spiritual guide for his people, whose authority helped preserve Dungan cultural identity amidst the large-scale historical transformations of the 20th century.

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган адабияты; маданий иденттүүлүк; руханий багыт берүүчү; жазуу реформасы; кирилл жазмасына өткөрүү; улуттук кайра жаралуу; дунган таануу (дунгановедение); совет-кытай мамилелери.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунганская литература; культурная идентичность; духовный ориентир; реформа письменности; кириллизация; национальное возрождение; дунгановедение; советско-китайские отношения.

Keywords: Yasyr Shivaza; Dungan literature; cultural identity; spiritual guide; writing reform; cyrillization; national revival; Dungan studies; Sino-Soviet relations.

Ясыр Шиваза является самым ярким представителем дунганской творческой интеллигенции, благодаря равнодушию и огромной творческой энергии которого, советские дунгане включились в общий процесс культурного строительства вместе со всеми народами СССР. В переломные годы XX века он стал тем мостом, который соединил традиционный уклад дунганского народа с вызовами современности. В переломные моменты истории, когда нации грозила потеря корней и забвение родной речи, он стал тем самым духовным ориентиром, который помог сохранить национальную идентичность.

Шиваза не просто создавал стихи и прозу — он конструировал фундамент современной дунганской культуры. Будучи талантливым лингвистом, общественным деятелем и тонким лириком, он подарил своему народу живое письменное слово, превратив диалекты в полноценный литературный язык. Его жизнь — это история о том, как один человек может стать голосом целого народа, определяя его культурный путь на десятилетия вперед.

1930-е годы стали отправной точкой масштабной борьбы с неграмотностью. Дунганские отделения были открыты при Ташкентском Среднеазиатском государственном университете (САГУ) и Среднеазиатском коммунистическом университете (САКУ), при Ленинградском институте народов Севера им. Н.К. Крупской. В Ленинграде на организованных специально для малочисленных народов Средней Азии и Казахстана четырехгодичных курсах нацменьшинств Советского Востока в эти годы обучалось около 30 дунган. На курсах слушатели получали среднее и неоконченное высшее образование. Преподавали на курсах известные советские ученые, профессора ленинградских институтов, а дунганский язык и грамматику им преподавали синологи А.А. Драгунов и Б.А. Васильев. Десятки дунган учились на рабфаках и в Татарском институте просвещения г. Ташкента, Узбекском политехническом техникуме.

В 20–30-е гг. Ташкент был центром подготовки высоко-квалифицированных специалистов в различных отраслях экономики, науки и образования. Поскольку в других республиках Туркестана еще не были созданы высшие учебные заведения, в Ташкенте готовили национальные кадры для всего среднеазиатского региона и Казахстана. Так, в

Ташкенте учились народный поэт Киргизии Ясыр Шиваза, первый редактор дунганской газеты Джума Абдулин, первый дунганский ученый, кандидат исторических наук Хасан Юсуров, учитель, составитель первого дунганского букваря Якуб Джон, первые учителя и директора школ, публицисты Карим и Азис Маевы, Абдула Мацунов, Хусеин Макеев, Рамазан Магиев, Салир Абдулин, Ушур Лилизо, Хасан Ибрагимов, Бекер Масанов, Исмаил Юсупов, Ахмед Хасанов, Исмаз Шелосанов и др. Обучаясь в различных вузах, дунганские студенты поддерживали дружеские отношения и налаживали творческие контакты, они понимали, что без собственной системы образования народ обречен на культурную изоляцию. Одним из главных направлений «фронта просвещения» было создание письменности. До этого грамотность ограничивалась религиозными школами и арабской графикой («щё жин»). Шиваза видел в латинизации ключ к светскому образованию. Дунганские студенты, воспитанные на лучших образцах русской и татарской классики, создавали литературные кружки, где закладывались основы современного дунганского языкознания. Многие из них, имея за плечами религиозное образование и владея письмом щё жин (на основе арабской графики), активно дискутировали о будущем родного языка. В 1930 году они выпустили первую газету-листовку на латинице — «1 Мая».

В марте 1926 был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦКНТА), который, идя навстречу дунганской общественности, обратился во Всесоюзную Академию наук с просьбой оказать помощь дунганам в составлении своего алфавита. Как отмечает А. Калимов, на это обращение откликнулись ленинградские и московские ученые – профессора Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, В.М. Алексеев, а также А.А. Драгунов, – несмотря на то, что все они не были знакомы с дунганским языком [1, с. 122].

Первый проект дунганского латинизированного алфавита был разработан в 1924 году группой студентов в Ташкенте (Х. Ибрагимов, К. Маев и др.) под влиянием профессора Поливанова. Однако из-за попытки адаптировать фонетику через призму арабского письма проект признали технически несовершенным.

Переломным моментом стал Тюркологический съезд в Баку (1926 г.), запустивший массовую латинизацию в СССР. По просьбе комитета нового алфавита к созданию дунганской письменности подключились крупнейшие ученые Москвы и Ленинграда: академик Л. Щерба, профессора Е. Поливанов, В. Алексеев и А. Драгунов, которые работали в тесном контакте с дунганским студенчеством. В 1927 году Я. Шиваза, Я. Джон, К. Маев вошли в группу ВЦКНТА (Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита). Это было политическое решение: вывести дунганский язык на научный уровень.

После одобрения проекта алфавита на конференции в Баку в 1928 году Якуб Джон составил первый букварь, а Ясыр Шиваза и Керим Маев — слоговую орфографию. Параллельно ученый А. Драгунов разработал правила пунктуации. Итоговый проект алфавита из 25 знаков был утвержден в январе 1928 года.

Учитывая политическую важность создания новой письменности как средства влияния на мировоззрение китайского пролетариата и крестьянства, проживающего в СССР, а также сближения с народами приграничного Китая, Советское правительство уделяло вопросу создания письменности для дунган и китайцев самое серьезное внимание, привлекая к работе лучших в стране высококвалифицированных синологов-лингвистов. Светлана Римская-Корсакова Дайер со слов дунганского поэта Я.Шиваза, отмечает, что в мае 1930 г. в Москве началось движение за латинизацию китайского языка, которое возглавил Ch'u Ch'iu-pai. А. Драгунов также включился в эту работу. Автор отмечает, что, тот факт, что политические сотрудники Академии наук в Москве присоединились к высококвалифицированным лингвистам и синологам из Ленинграда,

ускорил весь процесс латинизации. Б.А. Васильев, который собирал материал о дунганском языке во время экспедиций в Киргизии и Казахстане, летом 1930 г. также присоединился к движению по латинизации, сделав возможным постановку дунганской проблемы как части общей проблемы китайцев в Советском союзе. В 1932 г. Я. Шиваза принимал участие в 10-дневной конференции во Владивостоке по обсуждению вопроса использования латинского алфавита китайцами Советского Союза [2, с. 241-242].

До 1931 г. были выпущены следующие учебники для детей и взрослых на дунганском языке: Букварь для детей Я. Шиваза; Букварь для взрослых К. Маева; Книги для чтения Х. Ибрагимова, Я. Шиваза, К. Маева; три части Арифметического задачника Я. Джона и Ю. Яншансина. Только за три года между 1928–1932 гг. было издано 29 названий учебной литературы общим тиражом 62 тысячи экземпляров. Создание дунганского алфавита привело к росту числа школьников и студентов, желающих получить светское образование, и способствовало творческому подъему национальной интеллигенции. Представитель дунган на совещании, созванном ВЦКНА и АН СССР в Москве в марте 1932 г., говорил о достижениях в области культурной революции среди дунган. Он отметил, что если в Киргизии в 1927/28 гг. у дунган была только одна школа I ступени, в 1928/29 гг. – 2, в 1929/30 гг. – 3, то в 1930/31 гг. – этих школ было уже 6, а через год – 9. И, если в 1927/28 гг. был только один дунганский учитель, в 1929 г. число педагогических и литературных кадров из дунган достигло 5, к 1931 г. – 15, а к 1932 г. – 26, причем, из 16 учителей было 2 женщины. Одновременно росло количество и тираж печатной продукции на дунганском языке. Если в 1929/30 гг. было издано 6 учебников и книг на дунганском языке тиражом 18.000 экземпляров, то уже на следующий год было выпущено 23 издания тиражом 44.500 экземпляров. Планировалось в 1932 г. выпустить 55 книг и учебников на дунганском языке тиражом 33.500 экземпляров. В 1932 г. в 9 школах первой ступени училось 40% дунганских детей [3. Ф. 10, оп. 2, д. 860, л. 7–9].

Начало 1930-х стало временем рождения дунганской художественной литературы. В 1931–1932 годах вышли первые сборники стихов Ясыра Шивазы — «Утренняя звезда» и «Волна революции», а вскоре появились и прозаические произведения: «Детство Исхара» Ю. Яншансина, повести Шивазы, рассказы К. Маева и Ю. Цунвазо. Издательской работой в Киргизском Госиздате тогда руководил поэт Хусе Макеев.

Однако практика показала, что алфавит нуждается в доработке. Для устранения трудностей в марте 1932 года в Москве прошла Всесоюзная конференция по новому алфавиту. В ней участвовали ученые из Ленинграда, представители Наркомпроса Киргизии и дунганские студенты. Конференция утвердила предложенные Институтом востоковедения изменения в орфографии, что помогло систематизировать письменность.

В июле 1932 года во Фрунзе прошла конференция, окончательно утвердившая усовершенствованный латинизированный алфавит и слоговую орфографию. В работе над ними участвовали академик В. Васильев, профессора Е. Поливанов и А. Драгунов, а также национальные лидеры: Я. Шиваза, Ю. Яншансин, Дж. Абдулин и другие.

Новая письменность дала мощный импульс ликвидации неграмотности, а 1930-е годы стали эпохой расцвета дунганской словесности. Огромную роль сыграла пресса. С 1931 года в газете «Сабаттуу бол» появилась дунганская страница «Куэ шызы» («Скорее учись»). В 1932 году начала выходить первая самостоятельная газета «Дун Хуошир» («Искра Востока») под руководством Джумы Абдулина и началось радиовещание на дунганском языке. Этот опыт стал школой для первых дунганских публицистов и окончательно закрепил статус национального языка в печати.

Развитию культуры способствовали тесные связи с киргизской элитой — К. Тыныстановым и А. Токомбаевым. Создание дунганской секции при Союзе писателей Киргизии в 1934 году закрепило профессиональный статус национальных авторов. Творческая интеллигенция того времени не только создавала оригинальные произведения, но и переводила классику, заложив фундамент современной дунганской науки и литературы.

Таким образом, к началу 30-х гг. были созданы предпосылки для преподавания в школах на родном языке в районах компактного проживания дунганского населения. К этому времени были написаны и переведены на дунганский язык учебники по школьным предметам. Работа по созданию и переводу на дунганский язык школьных учебников продолжалась вплоть до 1938 г. Огромная заслуга в просвещении дунганского населения, создании учебников и школьных пособий принадлежит Ясыру Шиваза. Только в 1931–1938 гг. им были написаны и переведены 14 учебников, из них 3 – совместно с К. Маевым, С. Абдулиным и Ю. Яншансином. В числе этих учебников – школьные буквари, книги для чтения за 1–5 классы, арифметика и учебники грамматики и орфографии для школьников и малограмотных взрослых.

Создание письменности имело огромное историческое значение для дунган, позволив им не только развивать свою национальную культуру, но и приобщиться к великому русскому языку и культуре, а через них – к достижениям мировой литературы и культуры.

Объединению разрозненной дунганской творческой интеллигенции и подъему ее профессионального уровня способствовало образование в 1932 г. при Киргосиздате, а также при Союзе писателей (СП) Киргизии дунганских секций. В 1934 г. дунганская секция СП насчитывала три литературных кружка, которые объединяли 35 членов [4]. Я. Шиваза, Ю. Яншансин, К. Маев, Ю. Цунвазо и другие входили в литературную группу, одновременно в области педагогики и публицистики работали А. Мацунов, Я. Джон, Дж. Абдулин, С. Мамезов, Х. Макеев и др. Помимо издания собственных произведений, они занимались переводом на дунганский язык произведений классиков русской и советской литературы, а также книг и брошюр идейно-политического содержания. В этот период большая часть прозы и стихов не только профессиональных литераторов, но и самодеятельных поэтов были пронизаны идейно-политическим содержанием.

Великая Отечественная война стала испытанием на верность Родине. Мужество дунганского народа ярко проявилось на фронтах Великой Отечественной войны. Исключительный героизм в боях на Мамаевом кургане и Сапун-горе проявил командир роты старший лейтенант Мухамет Маликов, отмеченный многими боевыми орденами. В рядах защитников Сталинграда был и Ясыр Шиваза: в качестве политработника он сражался не только оружием, но и словом, поднимая дух солдат своими очерками и стихами, доказывая, что дунганский народ неразрывно связан с судьбой большой страны.

В послевоенные годы отсутствие действующей письменности и утрата читательской аудитории стали серьезным вызовом. Послевоенный кризис письменности вынудил интеллигенцию временно реализовывать свой потенциал в рамках кыргызской культуры, что лишь подчеркнуло важность дальнейшего развития родного языка. Ясыр Шиваза начал писать на кыргызском языке, а ученые Ю. Яншансин и А. Калимов переключились на вопросы кыргызского языкознания. Этот период остро обозначил необходимость возобновления культурно-просветительской работы среди дунган.

Послевоенный период требовал нового политического рывка. В 1946 году в Москве произошла историческая встреча Ясыра Шивазы с Исхаком Раззаковым. Они встретились в Киргизском представительстве в Москве, где Шиваза в то время проходил военную службу в Главном политическом управлении Красной Армии, а Раззаков был председателем Совета

министров Киргизской республики. Этот союз двух патриотов определил вектор развития дунганской культуры на десятилетия вперед. Когда Шиваза вернулся из армии, Раззаков стал первым секретарем ЦК КП Киргизии, и по его указанию, Ясыр Шиваза был назначен секретарем Союза писателей. Очень часто по писательским вопросам или по проблемам дунганской культуры Шиваза обращался к Исхаку Раззаковичу, просил его совета и всегда находил помощь и поддержку. Раззаков, будучи руководителем республики, видел в Шивазе не просто поэта, а лидера, способного вести народ за собой.

Летом 1952 г. собираясь в Москве посетить ЦК КПСС, Шиваза обратился к Раззакову за поддержкой в деле создания дунганской письменности, преподавания родного языка в дунганских школах и выпуске газеты. На что Раззаков ответил: Мы будем очень рады, если эти вопросы решатся положительно, желаю успеха!».

В Москве Я. Шиваза с Абдрахманом Калимовым были на приеме в отделе науки и культуры ЦК КПСС, где обсудили вопросы развития дунганской культуры и создания алфавитного письма. По возвращении, Шивазу вызвали к первому секретарю ЦК КП Киргизии, который поздравил с положительным решением его вопроса и сообщил, что звонили из Москвы, и И. Раззаков поддержал дунган в их стремлении обрести новую письменность. Перед уходом, Раззаков обратился к дунганскому поэту: «Я хочу спросить Вас об одном: Письменность, выпуск газет и книг является желанием только Вашим или всех дунган?». На что Шиваза ответил: «И народ просит, и я прошу». Вот так, при непосредственном содействии Исхака Раззакова дунганский народ получил возможность выработать алфавит, на котором дунгане учились, выпускали учебную, научную, политическую и художественную литературу, газету. Благоприятным фоном для решения вопроса стали дружественные отношения СССР с Китаем.

Этот политический диалог открыл двери для создания современной дунганской письменности в 1953 году, в то время как другие национальные языки были переведены на кириллицу еще в 40-х годах.

В 1952 г. по распоряжению Президиума АН СССР была образована специальная комиссия по созданию нового дунганского алфавита. Председателем комиссии был назначен профессор А.А. Драгунов. В ее работе также принимали участие советские ученые из Москвы и Ленинграда: И.М. Ошанин, Г.П. Сердюченко, А.А. Реформатский, С.Е. Яхонтов, А.Н. Баскаков, а также сотрудники ИЯЛИ Г.Д. Санжеев, Г.Г. Стратанович, Ю. Яншансин, Ю. Цунвазо, А. Калимов и другие. В 1953 г. во Фрунзе была созвана конференция, посвященная вопросам дунганского языкового строительства и языкознания. Организация и проведение данной конференции была возложена на исполняющего обязанности директора ИЯЛИ АН Киргизии М.Я. Сушанло. В работе конференции принимали участие профессора А.А. Реформатский, К.К. Юдахин, И.А. Батманов, директор ИЯЛИ А. Давлеткельдиев, представители дунганской интеллигенции и дунгановеды Г.Г. Стратанович, Ю. Яншансин, Х. Юсуров, Я. Шиваза, Ю. Цунвазо и др. Конференция приняла проект нового алфавита на основе кириллицы, подготовленный профессором А.А. Драгуновым и научным сотрудником Киргизского филиала АН СССР Ю. Яншансином. Это решение ознаменовало новый этап в развитии дунганской письменности и науки.

Принятие новой кириллической письменности в 1950-х годах стало началом мощного культурного возрождения. Это позволило восстановить преподавание родного языка в школах, возобновить радиовещание и создать сектор дунгановедения при Академии наук Киргизской ССР. С первых дней существования сектора стали исследоваться вопросы языка, истории, этнографии и литературы дунганского народа, помимо этого, сотрудники сектора совместно с народным поэтом Киргизии Я. Шиваза и доцентом КГУ Х. Бугазовым начали работу по

составлению учебных программ и разработке пособий по дунганскому языку на основе русской графики. В 1955 г. были составлены следующие учебники: Я. Шиваза “Шызыкуэ” (“Букварь”), Х. Бугазов “Хуэйзу йуан” (“Дунганский язык” для 1–2 кл.), Ю. Яншансин “Хуэйзу йуан” (“Дунганский язык” для 3–4 кл.), Л. Шинло, М. Сушанло “Фуму йуан” (“Родная речь” для 1–2 кл.), Я. Шиваза “Фуму йуан” (“Родная речь” для 4 кл.), что позволило начать обучение родному языку в дунганских школах.

50–70-е годы стали золотым веком дунгановедения. Я. Шиваза совместно с учеными Академии наук (М. Сушанло, Ю. Яншансином, Х. Бугазовым) разработал уникальный комплекс учебников на кириллице: от букварей до пособий по грамматике и «Родной речи». Его борьба с «пережитками» заключалась в замене устаревших методов обучения современными научными стандартами. Он показывал дорогу к свету не через отрицание корней, а через их обогащение мировой наукой.

Решающую роль в этом процессе сыграла поддержка высшего руководства республики: И.Р. Раззаков, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии, лично курировал внедрение нового алфавита и открытие редакции дунганской газеты, которую возглавил Ясыр Шиваза. Дж. Шукуров на постах в Киргосиздате и Академии наук десятилетиями содействовал изданию книг и развитию школьного образования. С. Т. Табышалиев способствовал подготовке новых кадров дунганской интеллигенции в стенах КГУ. Благодаря этому союзу власти, ученых и творческой интеллигенции, дунганская культура получила институциональную опору, а газета под руководством Ясыра Шивазы стала главным центром консолидации народа.

Важным импульсом для возрождения печати стало письмо колхозника Лилизо в газету «Правда» в 1956 году. Его жалоба на отсутствие книг и учебников заставила партийные органы Киргизии отчитаться о проделанной работе. Выяснилось, что к 1956 г. на дунганском языке выпущен “Букварь”, “Грамматика” и “Родная речь” для 1–4 классов. Авторами этих учебников являются дунганские товарищи Шиваза, Яншансин, Шинло, Сушанло, Бугазов, Юсупов и др. Отдельной книгой выпущена повесть Я. Шиваза “Мой новый дом”. Также отмечалось, что в 1956 г. Киргосиздатом выпускаются книги на дунганском языке: “Макар Чудра” М. Горького, “Рассказы о Ленине” А. Кононова, “Шестеро из Алатау” кыргызского писателя Сыдыкбекова и др. Кроме того, начал изучаться вопрос о возможности издания республиканской газеты на дунганском языке» [5. ЦГА ОПД КР. Ф. 56, л. 342]. Письмо простого дунганского труженика Лилизо стало толчком для возобновления работы по изданию литературы и газеты на дунганском языке.

В 1957 году, вернувшись со съезда писателей Китая, Я. Шиваза был вызван в ЦК КП Киргизии, где И. Раззаков сказал ему: Среди дунган, кроме Вас, мы близко никого не знаем. Если Вы согласитесь стать редактором – будем выпускать дунганскую газету, если нет – и газеты не будет» [6]. Так родилась «Сулян хуэйцзу бо», позже переименованная, по предложению Раззакова, в «Шийуэди чи» («Знамя Октября»). Исхак Раззаков по праву считается другом дунганского народа. Несмотря на несправедливые политические обвинения тех лет, его наследие остается живым, а Ясыр Шиваза и вся дунганская интеллигенция всегда вспоминали о нем с глубокой благодарностью и уважением. Как выдающийся государственный деятель, наряду с Ю. Абдрахмановым и Т. Усубалиевым, И. Раззаков заложил фундамент современной кыргызской государственности, науки и образования.

Газета стала больше, чем периодическим изданием. В условиях отсутствия централизованного органа управления нацменьшинствами, редакция под руководством Шивазы взяла на себя функции культурного штаба. Первоначально коллектив сотрудников редакции состоял из лучших представителей творческой интеллигенции первой волны,

которая была представлена такими литераторами, как Я. Шиваза, А. Арбуду, Х. Макеев, Р. Магиев, Н. Мадеюев, Я. Хавазов, А. Биджангуйди, А. Мансурова. Каждый из них внес огромный вклад в развитие дунганской письменности, языка и литературы. Газета не только пропагандировала идеи партии, но и возрождала национальные традиции, становясь площадкой для первой профессиональной прозы и поэзии. Период 50–70-х годов стал временем их творческого расцвета, когда газета была максимально популярна, помогая дунганам сохранять самобытность и одновременно интегрироваться в советское общество.

С 1957 года редакция газеты «Шыйуэди чи» («Знамя Октября») вместе с Отделом дунгановедения, стала главным центром консолидации дунганской диаспоры в СССР. Будучи официальным органом ЦК КП Киргизии, газета строго следовала государственной идеологии, транслируя сообщения ТАСС и освещая руководящую роль партии.

В то же время газета выполняла уникальную этнокультурную миссию. На её страницах фиксировалась жизнь дунганских сел, публиковались произведения национальных писателей, обсуждались обычаи и традиции народа. Для дунганского сообщества газета стала не просто средством пропаганды, а ключевой площадкой сохранения идентичности и развития родного языка вплоть до 1991 года.

Ясыр Шиваза ушел из жизни, оставив после себя не просто книги, а грамотный, образованный и интегрированный в мировое пространство народ. Его жизнь стала уникальным примером того, как один человек, обладая видением и непоколебимой волей, может трансформировать общественное сознание и заложить интеллектуальный фундамент на десятилетия вперед. Его союз с Исхаком Раззаковым остался в истории как пример идеального сотрудничества государственного деятеля и народного лидера.

Его политическая и общественная деятельность никогда не была самоцелью; она служила инструментом для глобальной миссии — просвещения. В тесном союзе с Исхаком Раззаковым Шиваза выстраивал не просто административные структуры, а живую экосистему культуры: школы, где рождались идеи, газеты, ставшие голосом народа, и библиотеки, сохранившие мудрость поколений. Этот дуэт государственного масштаба продемонстрировал, как политическая стратегия в сочетании с глубоким пониманием народной души способна творить историю.

Особое место в его наследии занимает роль «живого моста» между цивилизациями. В эпоху перемен он сумел сохранить и укрепить нити дружбы между Советским Союзом и Китаем, выступая не только как дипломат, но и как ученый-новатор. Его вклад в создание письменности для советских дунган стал филологическим прорывом, предвосхитившим появление современной системы пиньинь. Это был титанический труд по интеграции традиционной культуры в контекст мировой науки.

Литературное творчество Шивазы — его проза и поэзия — сегодня служит культурным кодом, который находит отклик в сердцах читателей по обе стороны границы. Переводы его произведений на китайский язык подтверждают универсальность его таланта и глубину заложенных в них смыслов. Сегодняшние достижения дунгановедения, расцвет национальной культуры и академические успехи народа — всё это плоды тех семян, которые Ясыр Шиваза заботливо высаживал на протяжении всей своей жизни. Он остается в памяти не просто как лидер, а как истинный титан духа, который вывел свой народ из тени к свету мирового прогресса.

Список использованной литературы

1. Калимов А. А.А. Драгунов – основоположник дунганского языкознания / Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М.: Наука, 1980, с. 122.

2. Svetlana Rimsky-Korsakoff Dyer. Yasyr Shivaza: the life and works of a Soviet Dungan poet. Frankfurt am Main – Bern – New York – Paris: Lang, 1991, p. 241–242.

3. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской республики. Ф. 10, оп. 2, д. 860, л. 7–9.

4. Абдулин Д. Дунганская литература к съезду // Советская Киргизия. 1934. 22 июня.

5. ЦГА ОПД КР. Ф.56, оп.5, д.1283, л.342.

6. Шиваза Я. Несколько слов об Исхаке Раззакове (воспоминания) / перевод с дунг. яз // Шыйуди чи. 1988. 8 января. № 3.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 94(575.2)(04)

Маккамбаева К.Ж.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Маккамбаева К.Ж.

НАН им. Б. Жамгерчинова

Makkambaeva K.

NAS B. Dzhamgerchinov

Я. ШИВАЗАНЫН ПОЭЗИЯСЫ КЫРГЫЗСТАНДЫН БААЛУУ АДАБИЙ МУРАСЫ
ПОЭЗИЯ Я. ШИВАЗЫ – ЦЕННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА
THE POETRY OF YA. SHIVAZA IS A VALUABLE LITERARY HERITAGE OF
KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Я. Шивазанын кыргыз тилине которулган поэтикалык мурасы талданат. Изилдөөнүн максаты — акындын чыгармачылыгындагы негизги тематикалык багыттарды: мекен темасын, эмгек философиясын, жакшылык жана бакыт концепциясын, ошондой эле поэтикалык миниатюра принцибин («кичинедең чоңду ачуу») аныктоо жана чечмелөө. Шивазанын поэзиясы кичинекей турмуштук көрүнүштөр аркылуу жалпы адамзаттык жана коомдук маанилерди ачып берүү өзгөчөлүгү менен мүнөздөлөт. Бул анын чыгармачылыгын кыргыз жана көп улуттуу адабий мейкиндикте маанилүү маданий феномен катары кароого негиз берет. Макалада акындын «Инпан», «Партиялык билет», «Кант салынган чай», «Жакшылык», «Бакыт ыры» сыяктуу чыгармалары аркылуу анын мекенге болгон сүйүүсү, элге кызмат кылуу идеясы, эмгекке болгон урмат-сыйы жана адамзаттык гуманисттик көз карашы кеңири талданат. Автор Я. Шивазанын поэзиясында жөнөкөй турмуштук деталдар аркылуу терең философиялык ойлор берилерин белгилейт. Ошондой эле анын чыгармачылыгы кыргыз жана дунган элдеринин маданий байланышын чыңдоодо маанилүү ролду ойногону көрсөтүлөт. Акындын ырлары көп улуттуу коомдогу ынтымакты, руханий баалуулуктарды жана элдердин достугун даңазалаган көркөм мурас катары бааланат. Макалада Я. Шивазанын поэзиясы бүгүнкү күндө дагы өзүнүн көркөм жана тарбиялык маанисин жоготпогону баса белгиленет.

Аннотация: В данной статье анализируется поэтическое наследие Я. Шивазы в переводе на кыргызский язык. Цель исследования — определить и интерпретировать основные тематические направления творчества поэта: тему Родины, философию труда, концепцию добра и счастья, а также принцип поэтической миниатюры («раскрытие большого через малое»). Поэзия Шивазы

характеризуется способностью раскрывать универсальные гуманистические и социальные смыслы через небольшие жизненные наблюдения. Это позволяет рассматривать его творчество как важный культурный феномен в кыргызском и многонациональном литературном пространстве. В статье подробно анализируются произведения поэта «Инпан», «Партийный билет», «Чай с сахаром», «Добро», «Песня счастья» и другие, через которые раскрываются темы любви к Родине, уважения к труду, веры в добро и духовного единства народа. Автор подчёркивает, что Я. Шиваза умел через простые бытовые детали передавать глубокие философские размышления и общечеловеческие ценности. Особое внимание уделяется художественным особенностям его поэзии, символике и образности, а также значению переводов на кыргызский язык для укрепления культурных связей между кыргызским и дунганским народами. Делается вывод о том, что творчество Я. Шивазы является ценным литературным наследием Кыргызстана и важной частью многонациональной культуры страны, сохраняющей свою актуальность и в современную эпоху.

Abstract: This article analyzes the poetic heritage of Ya. Shivaza translated into the Kyrgyz language. The aim of the study is to identify and interpret the main thematic directions in the poet's works: the theme of the Motherland, the philosophy of labor, the concept of goodness and happiness, as well as the principle of poetic miniatures ("revealing the large through the small"). Shivaza's poetry is characterized by its ability to express universal humanistic and social meanings through small everyday observations. This allows his work to be regarded as an important cultural phenomenon within Kyrgyz and multi-ethnic literary space. The article provides a detailed analysis of such poems as "Inpan," "Party Membership Card," "Tea with Sugar," "Kindness," and "Song of Happiness," through which the themes of love for the homeland, respect for labor, belief in kindness, and spiritual unity are revealed. The author emphasizes that Ya. Shivaza skillfully conveyed profound philosophical reflections and universal values through simple everyday details. Particular attention is paid to the artistic features of his poetry, symbolism, imagery, and the importance of translations into the Kyrgyz language for strengthening cultural ties between the Kyrgyz and Dungan peoples. The study concludes that the works of Ya. Shivaza constitute a valuable literary heritage of Kyrgyzstan and an important part of the country's multicultural literary tradition, which continues to maintain its relevance in the modern era.

Негизги сөздөр: Я. Шиваза; дунган поэзиясы; кыргыз тилиндеги котормо; мекен темасы; эмгек философиясы; бакыт концепциясы; поэтикалык миниатюра; символизм; маданий көпүрө; көп улуттуу адабият.

Ключевые слова: Я. Шиваза; дунганская поэзия; перевод на кыргызский язык; тема Родины; философия труда; концепция счастья; поэтическая миниатюра; символизм; культурный мост; многонациональная литература.

Keywords: Ya. Shivaza; Dungan poetry; Kyrgyz translation; theme of the motherland; philosophy of labor; concept of happiness; poetic miniature; symbolism; cultural bridge; multi-ethnic literature.

Ясыр Шиваза дунган улутуна таандык көрүнүктүү акын болуп саналат. Бирок анын калеминен чыккан чыгармалар этникалык чектөө менен чектелбестен, жалпы адамзаттык жана гуманисттик мазмунга ээ. Ал өзүнүн акындык назик сезими жана философиялык тереңдиги менен өз доорунун эмгекчил элин даңктаган, жаңы заманды даңктаган, адамзаттын жакшылыгын жана турмуштун сулуулугун даңктаган.

Шивазанын поэтикалык мурасы Кыргызстандагы көп улуттуу адабияттын маанилүү бөлүгү катары бааланат. Ал маданий диалогду жана тилдер аралык байланыштарды бекемдеген акындардын бири болуп саналат.

Бул макалада Шивазанын чыгармачылыгы төмөнкү төрт багытта талданат: мекен темасы; эмгекчил элдин поэтикалык образы; жакшылык жана бакыт философиясы; поэтикалык миниатюра принциби.

Алгач «Инпан» («Аскер лагерин») аттуу ырдан баштайбыз. «Инпан» деген сөз кытай тилинен келип чыккан. Ал аскерлердин жайгашкан жери, аскерлердин убактылуу турак жайы же кандайдыр бир топтун токтоочу орду деген маанини билдирет. Менимче, ошол учурда дунгандар бул жерди «Инпан» деп аташканда, кытай тилиндеги ушул маанисине таянышкан.

Инпан (Которгон: Т. Үмөталиев) [1]

Инпанда туулганмын, өстүм анда,
Чуркадым безеленип бардык жайда
Инпандын кең талаасын бүт аралап,
Кулпунган тулаңында апа-сапа.
Таманым так салбаган жер жок анда,
Анан кантип сагынбайм, айлам канча.

Музыка уктум Римдин парктарынан,
Муңкантат анын туш-туш жактарынан.
Бирок да кулагыман кете албады,
Инпанда бакалардын чардаганы.

Ай укмуш дейт Парижден чыккан атыр,
Бирок да мен куюндум, жакпайт такыр.
Ал эми Инпандын кир ылайычы,
Аңкыса мурунуман кетпейт жыты.
Шаарлар бар Анкара, Лондон деген,
Шартын көрүп Инпанга теңебегем.

Дунгандар 1877-жылы күзүндө Кытайдан Борбор Азияга биринчи жолу көчүп келишкен. Алгач алар бул жерде убактылуу гана жашайбыз, бир аз убакыттан кийин дүйнө тынч болгондо кайра Кытайга кайтабыз деп ойлошу мүмкүн. Бирок чындыгында дунгандар бул жерде дээрлик жүз элүү жыл жашап, бул жердин түпкү эли болуп калышты. Ал эми Шивазанын жашаган мезгилин гана эсептесек, бул болжол менен жетимиш–сексен жыл. Бул убакыт үч-төрт муунга барабар. Бул аралыкта дунгандар Кыргызстан жерин ата-бабаларынын мекени жана өздөрүнүн өсүп-өнгөн бешиги катары кабыл алышкан. «Инпан» ырында биз акындын мекенге болгон терең сүйүүсүн абдан күчтүү сезебиз. Ал ошол мезгилдеги эң атактуу, эң бай жана эң заманбап шаарлар - Анкара, Париж, Лондон менен салыштырып, Париждин эң мыкты атыры да Инпандын жытын теңей албайт деп айтат. Менин оюмча, бул метафора адам сезиминин эң жогорку чегине жеткен. Биз билебиз, бала эненин курсагында эле энеси менен тыгыз байланышта болот. Эненин жыты, эненин сүтү - бул баланын коопсуздугу жана жашоосунун кепилдиги. Акын бул табигый биологиялык көрүнүштү терең түшүнүп, аны

адамзаттын эң улуу сезимдеринин бири - мекенге болгон сүйүүгө көтөргөн. Мындай салыштыруудан өткөн дагы кандай метафора болушу мүмкүн?

Мекенге болгон сүйүүдөн тышкары, акын өз эли - дунгандарга болгон сүйүүсүн да жазган. Анын «Партиялык билет (№ 419534)» аттуу ыры мага терең таасир калтырды. Эски түзүлүштүн шартында дунган эли абдан оор жашоо кечирген, ал тургай келечекке болгон үмүтү да дээрлик жок болгон. Акындын ою боюнча, дунган эли Лениндин туусу алдында жана Коммунисттик партиянын жетекчилиги менен гана өнүгүп-өсүп, чыныгы заманбап эл боло алат.

419 534 номерлүү партбилет. (Которгон С. Маймылов) [2]

Чынында көргөнүм жок бул билетти,
Өмүргө анын күчү таасир этти.
Ал келди жазгы желче канат керип,
Кубандык, көккө жеттик көңүл эрип.

Биздин бак аны менен кошо келди,
Нур чачкан партиямы көздөр көрдү.
Айылда бир да жан жок сүйүнбөгөн,
Чынында ырыс келди күлүндөгөн.

Жергеме учуп келди ата Ленин,
Бүркүттөй таң калтырып тоонун элин.
Тоо, жердей таштар дагы гүлдөй берди,
Кышта да элестетип жашыл төрдү.
Баары тең кубанычтуу ырын созду,
Ыргалып кызыл желек үнүн кошту:
«Тур, каргыш тамгасы басылган,
Бүт дүйнөдөгү ач кулдар!»

Эсимде али дагы ошол билет,
Нур чачып, жаны бардай ырдайт, күлөт.
Ынтымак Ала-Тоого кошо келди,
Гүлдөтүп, эзелтеден байкуш элди.

Таштай оор туманды ал сүрүп чыкты,
Түбөлүк биздин жерден түрүп чыкты.
Күн чыкты Ала-Тоодон күлүп – жайнап,
Түбөлүк жер кулпунуп, эл да сайрап.

Акын романтик болгон. Балким ал ар бир элдин өнүгүү жолунда көптөгөн кыйынчылыктар жана сыноолор болорун түз айткан эместир. Бирок ал өзүнүн кумарлуу поэтикалык саптары аркылуу дунган элине биз үмүт менен жарык жолдо бара жатабыз деген ойду жеткирген. Кээде элдин шыктануусун ойготуу катуу тарбиялоодон да маанилүү болот. Бул - акын менен саясатчынын айырмасы. Ал доордо Советтер Союзунда ар бир адам, ар бир эл ишеним, шыктануу жана үмүт менен жашаган. Дунган эли да ошол жалындуу жылдарда артта калбай, ошол процесстин ичинде болгон жана мында акындын да салымы чоң.

Шиваза эмгекти жана эмгекчил элди даңктаган, көбүнчө дыйкандар аркылуу сүрөттөгөн. Дунган эли - дыйканчылык менен алектенген эл, аларда жерге жана айыл чарба өсүмдүктөрүнө болгон табигый сүйүү жана терең байкоо бар. Шивазанын көптөгөн ырлары өсүмдүктөргө арналган: кант кызылчасы, күрүч, алма жана башкалар. Бул балким дунган акындарына мүнөздүү өзгөчө жөндөм болушу мүмкүн. Биз билебиз, Чыңгыз Айтматов жаныбарларды - жапайы болобу же үй жаныбарлары болобу - абдан жандуу сүрөттөйт, ал тургай алардын ички сезимдерин да чагылдырат. Бул көчмөн маданияттагы жазуучулардын өзгөчөлүгү. Бирок жаныбарлар болсо тирүү жандыктар, аларга адамдык касиеттерди кошууга болот. Ал эми айыл чарба өсүмдүктөрү - бул өсүмдүктөр, аларда кыймыл да, мимика да, үн да жок. Андай болсо аларды кантип поэзияга айландырса болот? Мен «Шекер кошулган чай» деген ырды ачканда, биринчи эле ушул суроо пайда болду: кант кызылчасын кантип поэтикалык образ кылууга болот? Бирок ырды толугу менен окугандан кийин, мен акындын айыл чарба өсүмдүктөрү тууралуу терең билимин жана анын өтө чебер чыгармачыл ой жүгүртүүсүн көрдүм.

Кант салынган чай. [3]
Стаканга жылт этти кант,
Кар сыяктуу эриди бат.
Чайың болду таттуу балдай,
Таттуу болду ошол замат.

Бактылуу да чайды ичкен,
Кубанат эрдин тийгизген.
Ким ичпесин жыттуу чай,
Жакшынакай идиштен!

Эртең менен тура калып,
Кантты кетип, шекер салып,
Ичебиз чай. Айтчы, моймол,
Кант таттуу неге мынчалык!

Таң атканча узун түндө,
Чал киринет шүүдүрүмгө.
Кызылча өсөт бардык жерде,
Ыкталышып бир-бирине.

Окшоп кетет кызылча,
Туурук бет, калың шалгамга
Анан кайдан жараган бул,
Канттын даамын алганга!

Деди Моймол мындайча,
Аралаш бир аз тамаша:
- Ным алган башта жамгырдан,
Эмчек соргон балача.

Үстүндөгү шүүдүрүмдүн,
Буулантып шоола, тийди күн.
Эркелетти жалыны,

Сиңирип денге ширинин!

Мен акырын жылмайдым:
- Айтканың чын, жыргалым.
Бирок жамгыр таттуу эмес,
Канты жок жана шооланын.

Кызылчага таттууну,
Чекеден аккан тер берген,
Чарчоону билбес эр берген,
Эмгекчи берген, жер берген!

Эригенде кумшекер,
Сен ичкен чайга салынган,
Сергектик андан алынган,
Сезилет сенин каныңдан!

Ич, кемибейт кубатың,
Ич, кубанып турасың.
Андыктан таттуу бул чайды,
Сүйгөнүңө сунасың!

Акын алгач Борбор Азия элдеринин жашоо адатын сүрөттөйт - алар күн сайын таттуу чай ичишет. Анда суроо туулат: кант кайдан пайда болот? Бирөөлөр акынга кант кызылчасынан алынарын айтышат: ал жерге себилет, анан күн нуру тийип, жамгыр менен шүүдүрүм азыктандырат, ошентип кант бере турган кызылча өсөт. Бирок акын кайра сурайт: күндүн нурунда да, жерде да, жамгырда да кант жок эмеспи? Анда таттуу даам кайдан чыгат? Бул - агрономиялык илимий суроо. Эгер акын муну илимий жактан түшүндүрсө, анда бул поэзия болбой калмак. Ошондуктан акын бул суроого мифтик жана романтикалык ыкма менен жооп берет: кант кызылчасына дыйкандардын теринин тамчысы жана оор эмгеги кошулат, ошондуктан редискага окшогон өсүмдүк таттуу болуп калат.

Ошентип, ырдын көркөм мааниси бир заматта жогорулайт. Ал бизге таттуу, бактылуу жашоо тынымсыз эмгектин аркасында гана жараларын, эмгек гана баарын жаратканын айтып турат. Бул ыр акындын дыйкандык мүнөзүн, сүрөтчү катары романтикалуулугун жана философ катары тереңдигин чагылдырат.

Жакшылык жана бакыт - адамзат коомунун негизги умтулуусу. Акын да бул теманы абдан чебер метафоралар аркылуу берген. Жакшылык жөнүндө айтканда, акын көз жашты токтотуп, анын булагын кургатууну кааларын айтат. Ал эми бакыт жөнүндө айтканда, бакыттын булагын тапканын билдирет. Жакшылык жана бакыт - бул өтө чоң тема, бирок акын аны эки кыска ыр менен гана берген: «Жакшылык» жана «Бакыт ыры». Эмне үчүн ал мындай кылган?

Жакшылык (Которгон: С. Тургунбаев) [4]

Көз жашты мен тоскум келет чыпкалап,
Сел болсо ал – сепил болом миң кабат.
Бир да тамчы тамбасын да, акпасын –
Бул турмуштан жоюлсун ал бүт кургап....

Көз жаш тынбай ага берсе булактап,
Башатына чым бастырам бекемдеп,
Көлмө болуп калса эгер – шимирем, -
Анын ордун кубаныч турсун мекендеп.
Кургатамын көз жашты мен, жок кылам –
Жер үстүндө сайран курсун шатчылык.
Көз жаш деген сөздүн өзүн түбөлүк
Алмаштырсын бир алтын сөз – жакшылык.

Бакыт ыры [5]

- Дүйнөдө бакыт-таалай булак деген,
Каалаган жетер болсо жута берген.
Жеталбай аларга мен кайгы жегем, -
Чоң атам так ушинтип какшап келген.

- Бакытка жетиш үчүн азап чегип,
Тоолорду басып өттүм албан-албан.
Койбоду бирок бакыт колун берип, -
Чоң атам так ушинтип кылчу арман.

Бакытты таптым мына суудай тунук,
Жылтырап Волга сымал агып турган.
Ак куудай сүзөм улам колду сунуп,
Дүйнөгө жар саламын чоку, кырдан.

Улуу орус жазуучусу Лев Толстой мындай деген: «Бактылуу үй-бүлөлөр бири-бирине окшош, ал эми ар бир бактысыз үй-бүлө өзүнчө бактысыз». Менимче, бул сөз акындын чыгармачылык ниетин эң жакшы түшүндүрөт. Адамзаттын азабы сансыз түрдүү, аны толук айтып бүтүрүү мүмкүн эмес. Бирок анын көрүнүшү бир гана - көз жаш. Акын мындай дейт: ал көз жаштын булагын токтотууну каалайт, адамзаттын азабын жоготуп, коомду жакшылык жана мээримге толтурууну көздөйт. Бул - чыныгы жакшылык иш.

Бакыт да ар түрдүү болот, бирок анын булагы бир гана. Мурда бакыттын булагы акча деп эсептелчү, бирок бул туура эмес. Анткени коомдо дайыма байлар да, кедейлер да болот. Эгер байлык менен жакырчылыктын ортосундагы айырма өтө чоң болсо, анда мындай коом негизинен бактылуу боло албайт, жана ал коомдогу ар бир адам да чыныгы бакытты сезе албайт.

Анда бакыттын булагы эмне? Чындыгында, акындын түшүнүгүндө бул - коммунисттик коом. Ошондуктан ал бакыттын булагын Волга дарыясынын жээгинен таптым деп айтат. Албетте, бүгүн адамдар муну башкача кабыл алышы мүмкүн, азыр бул маселени талашпайбыз. Бирок Советтер Союзу адамзат коомун түп-тамырынан өзгөрткөнүн танууга болбойт. Ошол жалындуу жылдарда совет элинин жашоо деңгээли, социалдык камсыздоо тез өнүгүп, бардык тармактар гүлдөп-өсүп турган. Адамдар бир жагынан жакшы жашоодон ырахат алып, экинчи жагынан андан да сонун келечекке үмүт кылышкан. Акындын түшүнүгү жана сезими чын жүрөктөн чыккан: ал коммунизмди бакыттын булагы деп терең ишенген. Менимче, акын бизге тартуулаган ошол кооз сүрөттү азыр бузбай туралы. Биз көрүп тургандай, акын жөнөкөй жана кыска саптар менен абдан терең сезимдерди бере алган. Кээде дал ушул кыскалык күч берет.

Шиваза тууралуу айтканда, аны акын деп да, философ деп да айтууга болот. Анткени ал көп учурда турмуштун майда-барат көрүнүштөрүн өтө жогорку деңгээлде кыскартып, андан терең философиялык маани (поэтикалык тил менен берилген ой) чыгара алган. Анын поэзиясында чоң, кеңири баяндоолор дээрлик жок, бирок ал айыл үйүнүн короосундагы гүлдөр сыяктуу - биздин жашоону кооздоп, анын түпкү маңызын ачып берет.

Кытайда мындай макал бар: «Бир жалбырактан күздү таанууга болот» (一叶知秋 (yí yè zhī qiū)). Бул бир жалбыракты көрүп эле, күз келип калганын билсе болот дегенди билдирет. Акын Шиваза дал ушундай жөндөмгө ээ болгон: ал көп учурда өтө кичинекей окуялар же нерселер аркылуу бүт адамзаттын жана коомдун көрүнүшүн чагылдырып, окурманга терең тажрыйба жана пайда берет. Бүгүн биз бул жерде аны эскерүү үчүн чогулдук. Бир жагынан анын чыгармаларын кайрадан эстеп, анын талантына суктанабыз, экинчи жагынан ага болгон терең урмат-сыйыбызды билдиребиз.

Колдонулган адабияттар

1. «Кыргызстан маданияты» гезити, №16,21-апрель, 1967-жыл.
2. «Советтик Кыргызстан» гезити, №227 (12463), 2-октябрь, 1966-жыл.
3. «Советтик Кыргызстан» гезити, №259(11583), 3-ноябрь, 1963-жыл.
4. «Кыргызстан маданияты» гезити, №28 (963), 11-июль, 1985-жыл.
5. Ала-Тоо журналы, № 5, 1966-жыл, 155-бет.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 39(=512.156): 929

Мяо Д.

Борбордук улуттук университети, КЭР

Мяо Д.

Центральный национальный университет, КНР

Miao D.

Central National University, PRC

**ЖАЛПЫ МУРАСТЫН САКЧЫСЫ: ПРОФЕССОР ХУ ЧЖЭНЬХУА ЖАНА ДУНГАН
ТААНУУНУН КЕЛЕЧЕГИ**

**ХРАНИТЕЛЬ ОБЩЕГО НАСЛЕДИЯ: ПРОФЕССОР ХУ ЧЖЭНЬХУА И
ГОРИЗОНТЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ**

**GUARDIAN OF THE COMMON HERITAGE: PROFESSOR HU ZHENHUA AND THE
HORIZONS OF DUNGAN STUDIES**

共同遗产的守护者: 胡振华教授与东干学的发展前景

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада белгилүү кытайлык түрколог, Борбор Азиялык дунган таануунун негиздөөчүлөрүнүн бири болгон профессор Ху Чжэньхуанын илимий жана педагогикалык ишмердүүлүгү кеңири талдоого алынат. Изилдөөдө анын дунган элинин тилин, адабиятын, тарыхын жана маданиятын изилдөөгө кошкон зор салымы, ошондой эле Кытай менен Борбор Азия өлкөлөрүнүн ортосундагы илимий жана маданий байланыштарды өнүктүрүүдөгү орду каралат. Макалада профессордун көп жылдык илимий изилдөөлөрү

дунган таанууну өз алдынча дисциплиналар аралык илимий багыт катары калыптандырууга өбөлгө болгону белгиленет. Өзгөчө анын дунган тилинин жазма системасын, фольклорун, этнографиясын жана тарыхый мурасын изилдөөдөгү эмгектери жогору бааланат. Ошондой эле Ху Чжэньхуанын Борбор Азиядагы дунган коомдору менен болгон түз байланыштары, эл аралык экспедициялары жана илимий алмашууларды уюштуруудагы ишмердүүлүгү кеңири чагылдырылат. Макалада анын жаш окумуштууларды даярдоодогу, аспиранттар менен докторанттарды жетектөөдөгү жана дунган таануу боюнча жаңы муун адистерин тарбиялоодогу ролу өзгөчө баса белгиленет. Автор профессордун эмгектери Кытай, Кыргызстан, Казакстан жана башка өлкөлөрдүн окумуштууларынын ортосундагы гуманитардык кызматташтыкты чыңдоого чоң салым кошконун белгилейт. Изилдөөнүн жыйынтыгында Ху Чжэньхуанын илимий мурасы заманбап түркология, чыгыш таануу жана дунган таануу илимдери үчүн маанилүү экендиги көрсөтүлөт.

Аннотация: В статье подробно рассматривается научная и педагогическая деятельность профессора Ху Чжэньхуа — одного из крупнейших китайских тюркологов и основателей центральноазиатского дунгановедения. Особое внимание уделяется его вкладу в исследование языка, литературы, истории, фольклора и культуры дунганского народа, а также развитию научных и гуманитарных связей между Китаем и странами Центральной Азии. Показано, что многолетняя исследовательская и преподавательская деятельность профессора способствовала формированию дунгановедения как самостоятельной междисциплинарной научной области. В статье анализируются его труды по изучению дунганского языка, письменности, народной культуры и этнической идентичности дунган. Особое место занимает освещение его многолетнего сотрудничества с дунганскими учёными Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, а также организация международных научных обменов и полевых исследований. Автор подчёркивает значительную роль профессора Ху Чжэньхуа в подготовке молодых исследователей, аспирантов и докторантов, занимающихся вопросами дунгановедения и тюркологии. Отмечается, что его научная школа оказала большое влияние на развитие гуманитарных исследований в Китае и Центральной Азии. Кроме того, в статье раскрывается значение его трудов для сохранения культурного наследия дунганского народа и укрепления межкультурного диалога. Делается вывод о том, что научное наследие профессора Ху Чжэньхуа представляет важную ценность для современной востоковедческой и гуманитарной науки.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the scientific and pedagogical activities of Professor Hu Zhenhua, one of the most prominent Chinese Turkologists and founders of Central Asian Dungan studies. Special attention is paid to his contribution to the study of the Dungan language, literature, history, folklore, and culture, as well as to the development of academic and humanitarian relations between China and the countries of Central Asia. It is emphasized that his long-term research and teaching activities played a significant role in shaping Dungan studies as an independent interdisciplinary field of scholarship. The article examines his works on the Dungan language, writing systems, folk culture, and ethnic identity. Particular attention is devoted to his long-standing cooperation with Dungan scholars from Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Uzbekistan, as well as his role in organizing international academic exchanges and field research projects. The author highlights Professor Hu Zhenhua's important contribution to the training of young researchers, graduate students, and doctoral candidates specializing in Dungan studies and Turkology. It is noted that his academic school has had a strong influence on the development of humanities research in both China and Central Asia. In addition, the article discusses the significance of his scholarly works for preserving the cultural heritage of the Dungan people and strengthening intercultural dialogue.

The study concludes that Professor Hu Zhenhua's academic legacy represents an important contribution to contemporary Oriental studies and the humanities.

摘要: 本文详细探讨了胡振华教授——中国著名突厥学家以及中亚东干学奠基人之一——的学术与教育活动。文章特别关注他在东干族语言、文学、历史、民间文学与文化研究领域所作出的重要贡献,以及他在推动中国与中亚国家之间学术和人文交流方面发挥的重要作用。研究表明,胡振华教授长期从事科研与教学工作,为东干学发展成为一门独立的跨学科研究领域奠定了坚实基础。文章分析了他关于东干语、东干文字、民族文化以及东干民族认同等方面的重要研究成果。此外,文章重点介绍了胡振华教授与吉尔吉斯斯坦、哈萨克斯坦和乌兹别克斯坦东干学者之间长期而密切的合作,以及他组织国际学术交流和田野调查研究的实践活动。这些合作不仅促进了东干文化研究的发展,也加强了中国与中亚国家之间的人文联系。作者特别强调了胡振华教授在培养青年学者、研究生和博士生方面的重要贡献。许多从事东干学和突厥学研究的青年研究人员都受到了他的学术思想和科研方法的深刻影响。他所创建的学术体系对中国和中亚地区人文学科的发展产生了广泛影响。同时,文章还揭示了胡振华教授的研究成果在保护东干民族文化遗产以及促进跨文化对话方面的重要意义。研究认为,胡振华教授的学术遗产对于当代东方学与人文学科研究具有重要的理论价值与现实意义。

Негизги сөздөр: Ху Чжэньхуа; дунган таануу; Борбор Азия; түркология; маданияттар аралык байланыштар; дунган маданияты; илимий мурас.

Ключевые слова: Ху Чжэньхуа; дунгановедение; Центральная Азия; тюркология; межкультурные связи; дунганская культура; научное наследие.

Keywords: Hu Zhenhua; Dungan studies; Central Asia; Turkology; intercultural relations; Dungan culture; academic heritage.

关键词: 胡振华; 东干学; 中亚; 突厥学; 跨文化联系; 东干文化; 学术遗产

在美丽的楚河流域等地生活着勤劳、智慧而又明礼诚信、好客厚道的东干人,他们是19世纪下半叶我国西北地区回民起义失败后分三批被迫迁移到中亚去的回族后裔。十月革命后,1924年苏联进行民族识别和民族划界时将其民族名称定为“东干”,但本民族仍自称“回回”或“中原人”。现在居住在哈萨克斯坦共和国的东干人约五万人、吉尔吉斯共和国的有五万多人、乌兹别克斯坦共和国的有四五千人,共有十一万多人。迄今他们仍保持着一百多年前的汉语陕西话和甘肃话、我国西北地区流传的民间文学和民间艺术以及传统的习俗。

对中亚东干人的语言、文学、历史、民俗等进行深入研究的是我国著名的突厥学家、中国柯尔克孜语文专业奠基人、中国第一位中亚东干学研究专家、东干学研究所所长、国务院发展研究中心欧亚社会发展研究所研究员、享受国务院特殊津贴的有突出贡献专家、中央民族大学少数民族语言文学学院教授、博士生导师胡振华先生。几十年来胡振华教授潜心钻研,研究成果举世瞩目。如今,这位年过八旬的老人依然精神矍铄地在自己的教学研究园地乐此不疲地耕耘着,也还依然以高度的责任感在为中国同中亚各国学术文化交流事业不断努力 working。

一、拳拳之心寄东干

东干学是以东干人的语言、文学、艺术、历史、民俗、宗教、经济等方面为研究对象的一门学科。它始于 20 世纪 50 年代上半叶。胡振华教授与中亚的东干族及东干学结下不解之缘，产生不了之情始于 20 世纪 50 年代。

1955 年初，我国从苏联科学院聘请通讯院士、语言学专家 Г.И.谢尔久琴柯教授作为语言学顾问来中国科学院民族研究所和中央民族学院指导少数民族语言文字工作，并在中央民族学院开设语言学研究班，介绍苏联创制文字及建立标准语的经验，并讲授语言学理论及语言研究方法，为当时我国即将进行的大规模少数民族语言调查和为一些民族创制及改革文字的工作做准备。那时刚毕业不久的胡振华因为来中央民族学院以前在山东大学外语系俄罗斯专业学过两年多俄语，学校领导费孝通副院长和马学良主任便决定让他一面在研究班听课，一面每周一次到苏联专家住处听他的个别授课和个别指导，并请王均教授指导胡先生阅读俄文语言学书，以便苏联专家走后能担任他讲授过的课程。胡先生非常珍惜这个难得的学习机会，除了完成给新疆语言专修班讲授语言学课程的任务外，还全力以赴地跟苏联专家和王均先生学习。

苏联专家谢尔久琴柯在讲课中专门讲了苏联的东干族（即中亚的回族）以及东干族的文字。他介绍说，居住在吉尔吉斯苏维埃社会主义共和国、哈萨克苏维埃社会主义共和国的苏联东干人，1928 年以前使用阿拉伯字母，1928 年后使用拉丁化字母，但是在东干文字母本身和音节的正字法等方面都存在着一些缺点。1931 年、1933 年和 1938 年苏联对东干文字母与正字法进行了多次修正。1952 年苏联又为东干人进行了文字改革，用基利尔字母创制了新的东干文。当谢尔久琴柯教授得知胡先生是回族时，进行个别指导时更详细地讲述了他亲自参加制定东干文的经过。当时苏联专家谢尔久琴柯关于东干族和东干文的介绍在中国大学里尚属首次，我国学术界关注研究东干学问题就是从这时开始的，如杜松寿等先生，他把吉尔吉斯斯坦出版的东干语课本都转写成了汉文。就在这一时期，中国社会科学院民族语言研究所的语言学家傅懋勳教授和中央民族学院的历史学家冯家胜教授访问吉尔吉斯斯坦东干地区，他们的访苏介绍，使大家更多地了解到了东干人的生活情况 [1]。

1957 年 6 月初，以东干作家雅斯尔·十娃子为团长的苏联作家代表团应邀在我国乌鲁木齐访问交流，胡先生和新疆财经学院的曼苏尔院长（回族）、中央民族学院维吾尔语专业的赵相如同学（回族）与诗人雅斯尔·十娃子见了面，诗人向胡先生他们更多地介绍了苏联东干族知识分子的情况，并赠送了自己在苏联出版的文学作品及东干小学用的东干语课本。不久，以雅斯尔·十娃子为团长的苏联作家代表团来北京参观访问，胡先生与雅斯尔·十娃子再次在北京见了面。诗人告诉胡先生吉尔吉斯斯坦那边很多人知道他学了吉尔吉斯语，调查过中国的柯尔克孜语，愿与胡先生就此进行交流，诗人还说研究东干历史的东干历史学家穆哈买德·苏尚洛应中国科学院民族语言研究所的邀请要来北京访问交流。胡先生根据诗人介绍的情况写了一篇介绍苏联东干人的文章。这是中国媒体首次介绍东干人的报道。

不久，东干历史学家穆哈买德·苏尚洛来北京进行学术交流，他给胡先生带来了一些吉尔吉斯文和东干文的书籍，还介绍了苏联的东干语言学家阿不都拉合曼·卡里莫夫、杨善兴·优苏波夫和胡赛音·步呷佐夫等学者的情况。在陪同苏尚洛的几天时间里，苏尚洛又给胡先生讲述了苏联东干人的更多情况。回国后，苏尚洛先生向苏联的东干人介绍了他在北京看到和听到的中国回族情况，此后就有更多的东干学者和大学生给胡先生邮寄书报来。胡先生

就靠阅读这些东干文材料，逐渐学会了东干文。从此，胡先生便与东干人结下了不解之缘，产生了不了之情。

20 世纪 60 年代初中苏关系发生剧烈变化，在长达近 20 年的时间里胡先生和苏联东干学者的联系中断了，有关东干学方面的教学和研究工作也受到了一定的影响。1976 年文革结束，我国科学事业迎来了新的春天，少数民族的语言文化事业得到了大好的发展机遇。1979 年——1980 年有关领导让胡先生在中央民族学院负责组织柯尔克孜英雄史诗《玛纳斯》的抢救工作。这项工作告一段落后，胡先生被调到新成立的中央民族学院少数民族文学艺术研究所任少数民族文学教研室主任，在与全国兄弟单位联合举办或参加一些民族文学学术研讨会，以及参加编辑《中国少数民族文学作品选》（五册）和《中国少数民族民间文学》（上、下册）时，胡先生再次接触到中国的回族民间文学。他从甘肃、宁夏、青海、新疆等省、区的西北回族民间文学作品中发现了它们与苏联东干民间文学作品的密切关系。于是胡先生结合当时所作的民族文学研究工作，用汉语转写了一些东干诗歌，受到有关人士的好评。

20 世纪 80 年代，澳大利亚东干学家葛维达女士来北京进行学术交流，她送给胡先生她在台湾出版的有关东干语的研究著作，并介绍了她的研究情况。1983 年春天，胡先生应法中友好协会主席、巴黎第三大学突厥学学院院长、世界著名突厥学家路易巴赞教授，法国柯尔克孜语专家、艾克斯普洛旺斯大学格依玛额教授的邀请赴法国讲学。在法国交流期间，胡先生了解了世界上研究东干学的不少新的信息。

1985 年春天，胡先生应邀赴日本访问交流，在东京胡先生受到了著名语言学家桥本万太郎的热情接待，两位学者就东干学研究进行了广泛深入的交流。在我国文革时期，桥本万太郎曾多次到苏联东干人居住区进行东干语的调查研究，发表了许多关于东干语的文章。

1986 年初，民主德国研究东干语的专家吕恒力先生来中国进行学术交流，途径北京去上海，他在来京前，曾去吉尔吉斯斯坦看望过东干著名诗人雅斯尔·十娃子、历史学家穆哈买德苏尚洛等人，东干学者请吕恒力转告胡先生，吉尔吉斯斯坦科学院正在申办邀请胡振华教授前去交流的相关事宜。出国访问以及与国外研究东干语学者的学术交流等活动，使胡先生开阔了研究视野，得到了更多的新信息。

1989 年春天，应苏联吉尔吉斯斯坦加盟共和国科学院院长土拉尔·考依楚耶夫先生的邀请，胡振华教授和夫人穆淑惠前往莫斯科和中亚等地进行了近三个月的访问交流。在莫斯科，胡先生和夫人去看望了著名的东干语言学家阿不都拉合曼·卡里莫夫，他详细介绍了当年参加创制东干文和编写东干语课本，以及于五十年代到莫斯科进行学术访问的王均先生交流的情况；胡先生的老朋友，苏联著名的汉学家、研究东干民间故事的李福清教授，再次回忆了自己当年深入中亚东干农村调查研究东干民间文学的日子。莫斯科之行后，胡先生又携夫人前往吉尔吉斯斯坦访问，到伏龙芝时正是黎明时刻，人们都还在熟睡，而吉尔吉斯斯坦科学院东干学研究部的全体工作人员和他们的家属天不亮就乘坐着一辆大轿子车前来迎接胡先生和夫人。一见面，他们便紧紧地握手，紧紧地拥抱，就像见到了久别重逢的亲人那样亲！那样高兴！[2]

在伏龙芝，胡振华教授访问了吉尔吉斯苏维埃社会主义共和国科学院、国立大学、女子师范学院、共和国电视台、文学出版社、东干文《十月的旗》报社，以及许许多多地方。他做了不少讲演，每到一处无例外地受到热烈欢迎和热情招待。吉尔吉斯斯坦之行给他留下了深刻的印象。胡教授回国后在国内外刊物上发表了《我们亲眼见到的吉尔吉斯斯坦》、

《吉尔吉斯斯坦科学院》、《苏联吉尔吉斯（柯尔克孜）语方言研究概况》，以及一系列关于东干人生活及其文化的文章，如《苏联回族及其文化》、《今日苏联老回回》、《苏联回族的语言文字》、《苏联回族文学概述》、《苏联回族人的名字》、《苏联知名的回族学者》等等。

1992 年春天，胡振华教授和夫人穆淑惠再次应邀访问了吉尔吉斯斯坦、哈萨克斯坦和乌兹别克斯坦，深入各地东干人乡庄进行田野调查，为在中央民族学院培养研究东干学的人才收集资料。这次访问中胡教授主要与各共和国的东干文化学会、东干协会的领导和知名的东干学者穆哈买德·苏尚洛、依里雅斯·尤素波夫、胡赛因·布呷佐夫、穆哈买德·依玛佐夫、拉什德·巴基劳夫、马乃·萨乌劳夫等学者商量了今后相互交流、共同研究及在中国培养东干学人才的事宜。这一年秋天，胡教授又带着北京市民族工作者代表团再次访问中亚，又与吉尔吉斯斯坦、哈萨克斯坦和乌兹别克斯坦的东干亲人进行了交流。

从 1989 年到现在，胡教授应邀去了十几趟中亚，与东干亲人几乎年年见面，在北京也接待了许多东干亲人，东干人都亲切地称胡先生的家是“中亚东干人在北京的办事处”。几十年来，不管是政府要员、东干学者，还是普通的东干人，他们到北京总是要先去看胡先生，有了困难也总是第一个想到胡先生，因为他们深信，穆哈买德哥和嫂子会竭尽全力帮助他们的。胡振华教授之所以能真心实意地为东干人办实事，是基于他有这样的认识“教学研究写文章是为东干人服务，办实事同样是为东干人服务”。他认为，要从事东干学的研究，就要与东干人真心交往，就要帮助他们解决实际困难。只有这样，才能与东干亲人们的来往越来越密切，也只有与中亚人民来往越来越密切，才能增进中国人民与中亚人民的友谊。

二、甘为人梯终不悔

作为一位人民教师，胡振华教授一直把教学放在第一位，把为国家、为人民培养有用的人才放在首位。执教六十年来，他一直践行着自己的诺言：“培养一名学生胜过自己多出几本书”。他以博大坦荡的胸怀，甘为人梯终不悔！

1992 年以后，我国各地回族学者与中亚东干学者的来往越来越密切，东干人到北京的也越来越多。就在这一年胡振华教授被国务院批准为“享受政府津贴的有贡献的专家”。同年，他还被国务院学位委员会批准为博士生导师。这更增加了胡先生的责任感，他下决心要为我国培养研究中亚的博士，其中包括培养研究东干学的博士和研究国内外回族的外国留学生。胡先生常说“与其自己多出一本东干学方面的书，不如多培养一位研究东干学的年轻人。我应当把我知道的、了解的情况告诉他们，把我手头的资料提供给他们使用，帮助他们做出成绩来。这些青年人将会研究得比我还有水平，比我还有更多的成果。我要像培养我成长的老一辈专家学者一样，像爱护自己的子女那样关心学生们的成长！我下决心争取在我退休之前能带出几位研究东干历史民俗、语言、文学的博士和硕士。这是穆哈买德·苏尚洛通讯院士和无数东干亲人对我的期望和嘱托！这也是国家对我的期望！”

胡先生是这样说的也是这样做的。这些年来，胡教授培养出了研究东干历史文化、东干语言、东干文学的博士以及外交部委培的研究东干人的硕士 [3]。

作为一位人民教师，在执教六十年的教书生涯中，胡教授注重教书育人，胡教授是严师，也是益友。他非常重视对学生道德品质的培养，认为教师的职责是“教人求真”，其中“真”的含义就是要教学生求得真知识、真本领、真道德，要培养老老实实的学风，无论将来当老师还是搞科研，都应努力以高尚的人品，高品味的精品去影响人、教育人。他这样要求

学生，首先这样要求自己。他以高尚的道德情操影响学生，教育学生，从而赢得学生的欢迎和敬重。

在为每一位博士生开课之前，胡先生首先要带领学生恭恭敬敬地到我国民族语言大师马学良先生家，谆谆嘱咐学生要认真地聆听马先生的教导，踏踏实实地过好语言基本功这一关。切忌骄傲自满，固步自封；要尊师重礼，切忌目空一切。

胡教授的一位博士曾这样说过：“胡老师为了帮助研究生完成课题，不仅提供了自己相关的成果和资料，还为我们赴国外实习以获得实际材料做了大量工作。他以“为师者，甘为人梯”的坦荡胸怀，为我们年轻人做出了无私的贡献，树立了榜样”。这位青年的一席话，道出了胡振华先生的思想境界。胡先生不仅注意教好书，而且还非常重视育好人，他以自己的言传身教严格要求学生，他教育学生，要做学问，首先要做一个高尚品德的正派人。凡是当过他学生的，对此都有着深刻的体会和感受。

胡先生一生博学多识，兴趣广泛。纵观他的主要学术成就，无不得益于他广博精深的语言知识。他认为，搞任何学问都必须从掌握语言入门，语言掌握得越好，越便于研究的深入。

无论是学习语言还是研究语言，胡先生都具有很高的语言天赋，又有很深的语言学理论方法的修养，加之他一贯勤奋刻苦，所以在语言文学的教学研究中成绩斐然。他的教学研究以突厥学为中心，涉及广泛的领域，包括语言学、文字学、文化学、艺术学、民族学、宗教学、历史学等。因此，著作甚丰，建树甚多。他对自己的要求非常严格，对学生的要求也同样严格。尤其在语言教学研究的基本功方面，胡教授继承马学良先生一贯倡导并身体力行的“加强语言学基本功的训练”的优良作风，坚持对学生进行过硬的基本功训练。不管是哪个类型的学生，本科生也好，硕士生也好，博士生也好，无论原先学的是什么专业，学过语言学的也好，没有学过语言学的也好，一到胡先生的门下，都必须都重新过语言学基本功训练这一关。

胡教授还经常告戒学生，对于自己学科以外的其他领域，特别是一些新理论和新方法，不能视而不见，墨守成规，而应有选择地、积极地去了解，以打破局限，不断进步，还要向更多的导师们求教。

执教六十年来，胡教授在讲台上辛勤耕耘，先后给国内外各族大专生、本科生、研究生、博士生以及留学生讲授过多门课程：佉语语法、语言学概论、语言学、语言调查、维吾尔语文选、柯尔克孜语基础教程、柯尔克孜语语法、柯汉翻译、柯尔克孜民间文学、西北少数民族文学、回族文化研究、柯尔克孜语言文化、突厥语言学基础、中国伊斯兰教文化、东干研究、撒拉族研究、中亚五国概况、留学生基础汉语等。如今，他已是桃李满天下了。他教过的许多学生都已成为新闻、出版、研究、影视部门及党政机关、学校和文艺团体的骨干和独当一面的人才。许多人都已被评为教授、博导，有的担任要职，还有些人的专著和文章不断问世。

执教六十年来，胡教授不但在中央民族大学承担了培养东干学人才的工作，对校外其他单位东干学研究的同志也给予大力支持。他曾为外校研究东干民歌的博士论文撰写过评审意见，为社会上出版的东干语方面的新书写过书评，并鼓励那些在东干学方面做出了成绩的同志做出更大的贡献。东干学研究有着宽广的领域，需要很多同志共同去做。胡教授说：“发展我国东干学是一项事业，不是个别人少数人可以做好的，要团结大家共同努力，才能做出

一些事情。我作为一个较早接触东干学的人来说，有义务，有责任为我国东干学的发展做出自己的努力”[4]。

三、几番心血结硕果

东晋的名医葛洪曰：“学之广在于不倦，不倦在于固志”。这番话道出了胡教授因有凌云壮志而表现出的那种使人为之敬佩的毅力。正是有这种超强的毅力，胡先生才能在执教 60 年的教学研究生涯中，成绩卓著。60 个春秋，是胡先生矢志民族教育、情系民族教育、辛勤耕耘的 60 年，是胡先生为繁荣和发展柯尔克孜学、中亚东干学、回族学及伊斯兰文化研究毕生奋斗的 60 年，也是胡先生以高度的责任感参加社会活动和进行友好交流的 60 年。

胡振华教授精通柯尔克孜（吉尔吉斯）语、维吾尔语、哈萨克语、土耳其语、乌兹别克语等属于突厥语族的语言，通晓俄罗斯语，借助词典可参考日语、英语有关专业资料。他还能用日语、蒙语、佤语、彝语进行一些一般会话，而且对中亚的东干（回族）语早有深入的研究。他之所以以超人的努力学习了多种语言，是基于对语言重要性的认识。他认为：“做学问最根本的是要占有第一手资料，切忌当二道贩子，而要挖掘第一手资料就需要有语言这个最基本的工具”。再一点就是他认为要学习研究一个民族的语言，必须要热爱这个民族，要为这个民族服务，要服务就必须学好他们的语言。

胡振华教授的实践证明，语言和文字学得多了会使人视野开阔，视野开阔且观察得深入，才能发现新问题，研究新课题。胡振华教授的研究以突厥学为中心，涉及广泛的领域，包括语言学、文字学、文化学、艺术学、民族学、宗教学、历史学等等。对于回族研究，胡振华教授有自己的切入角度。他非常重视语言文学资料在回族研究中的重要地位。他的《回族与文化》一文，就利用了许多回族民间文学资料来论证回族先民曾使用过多种语言的历史事实。他在与人合作整理并出版《高昌馆课》与《高昌馆杂字》时，就对《华夷译语》中的《回回馆译语》产生兴趣，并做了一些搜集、整理工作。1985 年，他应邀赴日本进行学术交流时，专程到京都大学文学部拜访了研究《回回馆译语》的知名专家本田实信教授，以探讨其中的一些问题；1990 年，他再次应邀前往日本，在参观大阪外国语大学图书馆及京都大学文学部资料时，复制了五种版本的《回回馆译语》材料，其中有些版本是我国所没有的，非常珍贵。回国后，他根据日本学者的有关研究及自己对《回回馆译语》的了解，发表了《珍贵的回族文献——回回馆译语》（《中央民族大学学报》，1995 年第 2 期）一文，希望能引起有关方面的注意，以使尽快在我国出版这部对研究回回人的语言、文字、历史诸方面都有重要学术价值的珍贵文献。

胡振华教授还非常注意对国外回族的研究。他认为，回族是国内外民族融合而形成的，在以后的发展过程中，由于种种原因，许多回族移民国外，因此，回族也属于跨界民族。这样，研究回族就不能不注意国外的回族。早在 50 年代，他就与前苏联著名东干诗人雅斯尔·十娃子及吉尔吉斯斯坦东干学家穆哈默德·苏尚洛建立了密切的联系，并开始了对东干人的研究。特别是 1989 年以后，他曾数次应邀前往吉尔吉斯斯坦、哈萨克斯坦和乌兹别克斯坦访问，回国以后，发表了数篇有关东干人生活及其文化的文章，如《苏联回族及其文化》、《今日苏联老回回》、《苏联回族的语言文字》、《苏联回族人的名字》、《苏联知名回族学者》、《中亚的东干族及其语言文字》等。1991 年，胡振华教授去印度尼西亚访问，回国后写了《印度尼西亚访问记》（《新疆回族文学》1992 年第 3 期），文中介绍了印度尼西亚等东南亚国家的回族。在介绍、研究国外回族的同时，他也希望国外能了解中国回族，使回

族学成为一门真正的国际学。他在国外讲学时，经常以回族学为主题。从 1994 年起，他首次以“回族学”名义招收了外国留学生。1996 年 6 月，在日本召开的伊斯兰教文化学术讨论会上，他的学生早乙女晃一在会上发言，介绍了他在中国学习回族学的体会，引起一定反响。为了使人们更全面地了解中国回族，他联系多方面力量，经过几年的奔波，终于在 1993 年出版了由他主编的、囊括了中国所有省、自治区、直辖市以及港、台地区回族历史和现状的《中国回族》。这本书出版以后，受到广泛好评，在我国第二届民族图书评选中获得新闻出版署与国家民委联合颁发的而等奖 [5]。

胡振华教授在中亚东干学研究方面的成绩蜚声海内外，《中亚东干学研究》是其鼎力之作。这是一部比较全面地介绍东干族及东干学研究的著作，是对我国近些年来东干学研究方面的一部总结性著作。

东干族是中亚的回族，他们的根在中国，为了进行比较，这部著作把与东干族和东干语言文学有密切关系的介绍中国回族及中国回族语言文学的有关论文也选编进去了。该著作总结了我国改革开放以来在东干学研究方面的成绩，为我国研究东干学的专家学者构件合作交流平台，有利于提高我国东干学的研究水平；同时也向外国学者介绍了我国东干学的研究情况，有利于加强国内外学者间的合作交流，进一步增进我国各族人民与中亚各国人民的传统友谊。

广博的知识源于不懈的努力，丰硕的科研成果来自于胡振华教授超人的勤奋及追求博学完善的结果，迄今为止，他已经在国内外报刊杂志上发表了二百多篇论文和文章，十几部专著。这些文章、专著独到享盛誉，倾注了他大量的心血 [6]。

作为一位回族学者，胡振华教授还以高度的责任感致力于促进我国学者与中亚东干学者广泛交流的事业中，为了实现穆哈买德·苏尚洛建议我们在中国培养研究东干学人才的美好遗愿，以及顺应“东干学热”的历史发展，在胡先生的积极努力下，在中央民族大学有关领导的大力支持下，1999 年 1 月 15 日成立了东干学研究所，隶属少数民族语言文学学院，由胡振华教授任所长，王振忠任副所长。东干学研究所建立十年以来在国际交流方面协助国家和学校做了一些事情，也进行了一些合作研究工作：向政府反映我们在国外听到的有关东干人的某些要求及建议，例如中亚东干人希望多招收些他们的子女来中国留学，学习汉语及邀请东干人的代表作为海外华人少数民族归国参观团成员回来参观访问；协助政府和学校接待来访的中亚东干学者；向中亚各东干协会或吉尔吉斯斯坦国家科学院东干学分部推荐和介绍要前去留学和访问的学者情况，做些牵线搭桥的工作。我们曾帮助多名博士研究生前往中亚进修或做田野调查，也推荐过一些中国学者或民族工作者前去访问；邀请国外学者来中央民族大学介绍国外研究东干学的情况，例如我们曾邀请日本学者犬塚优司教授来作日本著名语言学家桥本万朗研究东干语情况的讲座；邀请中亚东干学学者来中央民族大学进行共同研究，例如我们邀请了吉尔吉斯共和国科学院东干学分部主任穆哈买德依玛佐夫来校共同编出了《东干语汉语普通话日常用语对照词汇》等；与中国少数民族双语教学研究会合作举行“中亚东干双语国际研讨会”，应邀出席在哈萨克斯坦举行的“东干人语言使用国际研讨会”；向吉尔吉斯共和国科学院撰写评审“通讯院士推荐材料”及“博士论文评审意见”；撰写和发表东干学方面的论文，有些论文被外国学者翻译成外文在国外发表，等等。

非凡的语言才能使胡振华教授在国内外与众多的学者有了一定的联系与交流的机会。在出国讲学、进行学术交流和参加会议中，他不断向国外介绍中国民族语言的研究成果，介

绍中国的民族状况、民族政策及民族地区的新变化，并为中国民族文化和经济的发展铺路搭桥。

从八十年代起，他应邀出访过法国、吉尔吉斯斯坦、日本、土耳其、哈萨克斯坦、乌兹别克斯坦、土库曼斯坦、俄罗斯、印度尼西亚、马来西亚和新加坡等过讲学，参加国际学术会议及学术交流活动，多次以中国少数民族文化交流团负责人或顾问的身份进行文化交流。而且，他在宣传中国民族文化风情，加强与各国人民友谊的同时，还为民族地区文化和经济的发展促成了一些友好合作交流项目。

由于在频繁的国际交往中做了大量工作，结交了许多朋友，人们称赞他是“民间友好使者”。1988年1月20日，土耳其驻华大使举行仪式，代表安卡拉大学文史地学院向他颁发功勋证书，表彰他在土耳其讲学期间为增进两国友好及文化交流作出的贡献。他还被日本岛根大学两度授予客座教授的称号，被日本滨田市聘为“特别市民”，并被我国宁夏对外友协聘为常务理事，被宁夏大学聘为兼职教授，被宁夏社会科学院聘为特邀研究员等等。

由于在教学及学术研究中的突出贡献，他成为新中国培养的、享受国务院颁发特殊津贴的、有突出贡献的民族语言专家和博士生导师。他的名字也被载入国内出版的《当代中国社会科学者大词典》、《中国当代名人录》、《中国民族语言学家》等十多部典籍及美国、英国、土耳其、吉尔吉斯斯坦等国家出版的名人词典或百科全书中。1999年胡振华教授被吉尔吉斯斯坦国家科学院选举为外籍荣誉院士，2002年荣获吉尔吉斯斯坦总统亲自颁发的“玛纳斯”三级勋章，2009年10月被评为“首都教育60周年人物”，2012年6月荣获上海合作组织“丝绸之路人文合作奖”，同年8月被选举为吉尔吉斯钦吉思·艾特马托夫研究院院士[7]。

白头虽老赤心存，心如老骥常千里。而今已进入耄耋之年的胡振华教授总想在有生之年，为国家多培养一些人才，多做一些贡献。我们衷心祝愿胡教授永葆学术青春，以更加丰硕的成果奉献给人民，奉献给祖国！

List of used literature

1. 丁宏. 东干文化研究[M], 北京: 中央民族大学出版社, 1999.
2. 海峰. 中亚东干语言研究[M], 乌鲁木齐: 新疆大学出版社, 2003.
3. 胡振华. 中亚东干语言研究[M], 北京: 中央民族大学出版社, 2009.
4. 林涛. 东干语研究[M], 北京: 民族出版社, 2009.
5. 孙薇. 雅斯尔·十娃子与东干书面文学的兴起[J], 世界文学评论, 2020(01).
6. 杨建军. 东干文创制及其语言文化价值[J], 民族语文, 2015(03).
7. 王国杰. 东干族形成发展史[M], 兰州: 甘肃人民出版社, 1997.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Мяо Ч., Апаева С.Х.

Ж. Баласагын атындагы КУУ

Мяо Ч., Апаева С.Х.¹

КНУ им. Жусупа Баласагына

Miao C., Apaeva S.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5733-9635>¹

КЫТАЙЛЫК ТАРМАКТЫК ТЕРМИНДЕРДИН ПАЙДА БОЛУУ СЕБЕПТЕРИ ЖӨНҮНДӨ

О ПРИЧИНАХ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКИХ СЕТЕВЫХ ТЕРМИНОВ

ON THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF CHINESE NETWORK TERMS

Кыскача мүнөздөмө: Кытай коомунда интернет технологияларынын терең жайылышы менен кытай тилдик кибер-мейкиндикте көптөгөн өзгөчө, жашоого жөндөмдүү интернет терминдери жаралууда. Бул терминдер – тил системасынын жаңы маалымат чөйрөсүнө өзүн-өзү ыңгайлаштыруусунун гана эмес, азыркы Кытайдын коомдук маданияты, топтук психологиясы жана технологиялык өзгөрүүлөрүн чагылдырган көп кырдуу күзгү. Бул макала кытай интернет терминдеринин пайда болуу себептерин системалуу талдап, көп өлчөмдүү түшүндүрмө моделин түзүүгө багытталган. Кытай интернет терминдеринин жаралышы бир эле фактор менен эмес, тилдин ички механизми, тышкы социалдык-маданий күчтөр, жаштар субмаданияты, технологиялык платформалардын форма берүүсү жана психологиялык себептер сыяктуу бир нече факторлордун татаал өз ара аракетинин натыйжасы экени көрсөтүлөт. Тилдин ичинде: кытай тилине таандык сөз түзүү ыкмасы, риторикалык салт жана тил экономикасы принциби негиз болуп берет. Социалдык-маданий деңгээлде: коомдук актуалдуу темалар, маданий трансформация жана глобалдашуу шартындагы тилдик контактылар өсүш үчүн шарт түзөт. Топтук деңгээлде: жаш колдонуучулар терминдерди ойлоп таап, колдонуу аркылуу өзүн идентификациялоо, коомчулукка бөлүнүү жана маданий каршылык көрсөтүү иш-аракетин жүргүзүшөт. Технологиялык деңгээлде: киргизүү ыкмалары, платформа архитектурасы жана алгоритмдик сунуштар терминдердин формасын жана таралуу жолдорун түздөн-түз аныктайт. Психологиялык деңгээлде жөнөкөйлүккө умтулуу, жаңычылдыкка кызыгуу, көпчүлүккө кошулуу жана эмоцияларды билдирүү муктаждыгы интернет-терминдердин жаралышынын жана кеңири жайылышынын ички фактору болуп саналат. Бул беш негизги себепти талдоо аркылуу макала интернет-тилдик көрүнүштөрдү тереңирээк түшүнүүгө көмөк көрсөтүүнү жана санариптик доордогу тилдик пландоо менен жөнгө салуу иштерине илимий негиз берүүнү максат кылат.

Аннотация: С глубоким проникновением интернет-технологий в китайское общество в китайскоязычном киберпространстве возникло множество своеобразных и жизнеспособных интернет-терминов. Эти термины являются не только результатом адаптации языковой системы к новой информационной среде, но и многогранным отражением современной китайской социокультуры, групповой психологии и технологических изменений. Настоящая статья посвящена систематическому анализу причин формирования китайских интернет-терминов и построению многомерной объяснительной модели. Автор отмечает, что возникновение китайских интернет-терминов обусловлено не одним фактором, а сложным взаимодействием внутренних языковых механизмов, внешних социокультурных факторов,

молодежной субкультуры, влияния технологических платформ и психологических причин. На языковом уровне основу составляют характерные для китайского языка способы словообразования, риторические традиции и принцип языковой экономии. На социокультурном уровне важную роль играют актуальные общественные темы, культурные трансформации и языковые контакты в условиях глобализации. На групповом уровне молодые пользователи создают и используют новые термины для самоидентификации, разграничения сообществ и выражения культурного сопротивления. На технологическом уровне способы ввода текста, архитектура платформ и алгоритмические рекомендации напрямую определяют форму и пути распространения терминов. На психологическом уровне стремление к упрощению, новизне, принадлежности к большинству и эмоциональному выражению выступает внутренним фактором создания и популяризации интернет-терминов. Анализируя эти пять ключевых причин, статья стремится углубить понимание интернет-языковых явлений и дать научное основание для языкового планирования и регулирования в цифровую эпоху.

Abstract: With the deep penetration of internet technology in Chinese society, the Chinese-language cyberspace has spawned a large number of distinctive and vibrant online terms. These terms are not merely the result of the linguistic system adapting to a new media environment, but also a multifaceted prism reflecting contemporary China's social culture, collective psychology, and technological transformation. This paper aims to systematically explore the factors behind the formation of Chinese online terminology and construct a multidimensional explanatory framework. It argues that the emergence of Chinese internet terms is not driven by a single force, but is the result of complex interactions among multiple factors: internal linguistic mechanisms, external socio-cultural dynamics, youth subcultural construction, technological platform shaping, and psychological motivations. At the linguistic level, Chinese word-formation rules, rhetorical traditions, and the principle of linguistic economy provide the foundational basis. At the socio-cultural level, social hotspots, cultural shifts, and language contact in the context of globalization create fertile ground for their emergence. At the group level, young netizens create and use terms to construct identity, demarcate communities, and engage in cultural resistance. At the technological level, input methods, platform architectures, and algorithmic recommendation systems directly shape the form and dissemination paths of these terms. At the psychological level, needs for simplicity, novelty, conformity, and emotional release serve as internal drivers for the creation and popularity of these terms. By examining these five major causes, this paper seeks to deepen the understanding of online linguistic phenomena and provide theoretical insights for language planning and governance in the digital age.

Негизги сөздөр: интернет терминдери; тилдик себептер; социалдык-маданий факторлор; жаштар субмаданияты; технологиялык калыптануу; психологиялык мотивдер.

Ключевые слова: интернет-термины; языковые причины; социокультурные факторы; молодёжная субкультура; технологическое формирование; психологические мотивы.

Keywords: internet terms; linguistic causes; sociocultural factors; youth subculture; technological formation; psychological motivations.

Theoretical Framework: A Five-Dimensional Motivational Model for the Formation of Chinese Internet Neologisms

The formation of Chinese internet neologisms is by no means an accidental linguistic variation, but a systematic generative process. This research constructs an integrated theoretical framework containing five core dimensions to reveal the underlying logic behind it.

Intra- and Extra-Linguistic Motivations: The Self-Adaptation and Innovation of the Chinese Language System

The emergence of any new word cannot be separated from its native language system itself. Chinese, as a historical analytic language, its inherent characteristics provide a rich "toolkit" for the creation of internet neologisms.

The productive expansion of word formation methods: The powerful morpheme-root compounding ability of Chinese enables netizens to create new words like building blocks, such as through parody word formation (e.g., generating "杯具" from "悲剧"), lexical functional shift (e.g., "百度一下") and other methods [1].

The widespread use of rhetorical devices: Metaphor and metonymy (e.g., "潜水", "山寨"), hyperbole (e.g., "神仙打架"), irony and other rhetorical techniques are core mechanisms for generating internet neologisms, making their expressions vivid, imaginative and full of emotional color.

The principle of linguistic economy: In the fast-paced environment of instant online communication, efficiency is paramount. Pinyin abbreviations (e.g., "YYDS"), character abbreviations (e.g., "社恐"), fused sounds (e.g., "酱紫") and other forms emerge as needed.

The creative utilization of phonetic resources: The characteristic of many homophones in Chinese provides space for phonetic word creation, such as number language ("520"), homophone words ("鸭梨"), as well as homophone words created to circumvent censorship ("河蟹").

Language is a faithful recorder of social life. The boom of Chinese internet neologisms is closely connected with China's rapid social transformation, cultural diversity, and the wave of globalization.

Catalysis by social hotspots and public events: Many internet neologisms directly originate from or are ignited by specific social hotspot events. For example, "躺平" and "内卷" profoundly reflect the universal anxiety of contemporary young people, recording the collective shift in social mentality.

The rise and stratification of subcultures: The internet has given rise to countless interest-based subcultural circles, such as gaming circles ("GG", "开黑"), fan circles ("塌房", "打 call"), the ACG (anime, comics, games) circle ("萌", "傲娇"). They create and maintain their own "jargon" as group identifiers [2].

Language contact and fusion in the global context: The formation of Chinese internet neologisms continuously involves contact, borrowing, and blending with external languages, such as direct borrowing from English ("APP"), mixing Chinese and English ("我 CPU 你").

The creation and dissemination subjects of internet neologisms are mainly young netizens. For them, language is a tool for constructing identity and expressing attitudes.

Constructing identity and social belonging: Using specific internet neologisms becomes an "insider" code, capable of quickly identifying group members, strengthening internal cohesion and sense of belonging.

Realizing the pleasure of banter and deconstruction: Youth subculture often carries a tone of banter and resistance towards mainstream culture. Through the deconstruction of classical texts and the parody of authoritative discourse (e.g., "官宣"), young netizens gain the pleasure of subverting conventions.

Seeking emotional resonance and collective catharsis: The internet provides a public space for the expression and resonance of individual emotions. Many internet neologisms themselves are highly condensed emotional symbols, such as "emo", "破防了".

Motivations of Technological Shaping: The Reflection of the Reality that The Medium is the Message

Specific technological platforms and tools directly shape the forms and dissemination modes of internet neologisms.

The influence of input methods: The characteristic of Pinyin input methods "finding characters based on sound" directly gives rise to a large number of homophone words and wrong characters, such as "杯具" (悲剧). This can be called "input method-driven word formation."

The constraints of platform architecture and interactive design: Different platforms nurture styles of vastly different terminology. For example, the character limit on Weibo gives rise to highly condensed "golden sentences" and topic tags; short video platforms enable "memes" to spread virally through specific sound effects or video clips.

The amplification effect of algorithmic recommendation mechanisms: Algorithmic recommendations based on user behavior greatly accelerate the popularity and solidification of internet neologisms, forming a "filter bubble" effect, causing their life cycle to exhibit characteristics of fast explosion and fast iteration.

Psychological motivations: The deep-seated drivers of individual expression

The creation and use of internet neologisms are rooted in common, deep-seated psychological needs of humans.

The psychology of seeking novelty and difference: Creating and using novel internet neologisms can satisfy the individual's psychology of being unconventional and showing off.

The psychology of conformity and imitation: To avoid being marginalized in social interactions, individuals tend to learn and use popular terms. This is an important psychological mechanism for the rapid spread of neologisms.

The psychology of stress relief and catharsis: The internet provides a "safety valve" for people. Words like "吐槽", "摆烂" themselves possess the function of emotional catharsis.

The psychology of euphemism and taboo: For sensitive or negative things, internet neologisms provide a more subtle and humorous way of expression, such as using "挂科" instead of "考试不及格" [3].

Practical Verification: Case Analysis of Neologisms under the Multi-Dimensional Motivational Model

The theoretical framework needs to be verified through practical cases. The following combines typical internet neologisms to specifically explain the explanatory power of the five-dimensional motivational model.

Case 1: "内卷" and "躺平"

Social and cultural motivations: These two words accurately capture the universal anxiety and helplessness of young people against the background of intensifying social competition in current society, and are products of a specific social mentality.

Psychological motivations: Reflect the psychological needs of young people to seek emotional resonance (shared sense of exhaustion) and engage in emotional 宣泄 (using "lying flat" as a gesture of non-violent non-cooperation).

Intra-linguistic motivations: Both are inherent Chinese modifier-noun compound words, conforming to Chinese word formation rules, and the word "内卷" itself originates from the popularized transfer of an academic term [4].

Technological shaping motivations: Through extensive discussion on social media platforms and algorithmic recommendations, these two words rapidly spread from academic circles and specific communities to the entire network, becoming public issues.

Subcultural group motivations: Initially popular among groups such as university students and young white-collar workers, becoming symbols for these groups to identify their own situation and construct identity.

Case 2: "YYDS" and "破防了"

Intra-linguistic motivations: "YYDS" is a Pinyin abbreviation, reflecting the principle of linguistic economy; "破防了" is a verb-object structure, derived from the metaphorical transfer of gaming terminology, reflecting the rhetorical mechanism.

Technological shaping motivations: Both highly rely on input methods (Pinyin input) and specific dissemination contexts ("YYDS" originated from live streaming bullet comments, "破防了" originated from bullet comments and short video comments). Their concise forms are very suitable for quick input and dissemination [5].

Psychological motivations: "YYDS" satisfies the psychology of seeking simplicity and conformity; "破防了" precisely serves the psychology of emotional catharsis and seeking resonance, depicting the moment when psychological defenses are broken.

Subcultural group motivations: Both originated from specific subcultural circles (fan circles, gaming circles), and then became common buzzwords through community imitation and cross-circle dissemination.

Case 3: "EMO" and "CPU 你"

Social cultural/Language contact motivations: "EMO" is a directly introduced loanword against the backdrop of globalization; "CPU 你" is a typical mix of Chinese and English, reflecting the depth of language contact.

Psychological motivations: "EMO," with its high generality, satisfies young people's need to quickly express complex, ambiguous negative emotions; "CPU 你" expresses "calculating/manipulating" in a humorous and novel way, satisfying the psychology of seeking novelty and difference.

Technological shaping motivations: In instant messaging and social media, such short, novel expressions are easy to disseminate [6].

Conclusion and Implications

This paper systematically constructs and verifies the "Five-Dimensional Motivational Model" for the formation of Chinese internet neologisms. The research conclusion indicates that the formation of Chinese internet neologisms is a dynamic, diverse, and multi-dimensional complex process. It is the result of the interaction and joint catalysis of the language system in the new media ecology of the internet, with specific social and cultural soil, active youth subcultural groups, shaping technological platforms, and universal human psychological needs.

These five dimensions are not isolated from each other, but are interwoven and mutually reinforcing. For example, a term originating from a subcultural circle (group motivation), because of its concise form (linguistic economy), captures widespread social sentiment (socio-cultural motivation) through algorithmic recommendation (technological motivation), and ultimately satisfies netizens' needs for conformity and catharsis (psychological motivation), thereby triggering popularity.

This research has important implications for language planning in the internet age, intergenerational communication, and content governance in cyberspace. Educators and content managers should understand the complex causes behind internet neologisms, rather than simply negating them, thereby conducting more effective guidance. In the future, with the further development of technologies such as artificial intelligence and the metaverse, the generative mechanisms of Chinese internet neologisms will become more complex. Continuous observation and research in this field will be an academic topic of significant era value [7].

List of used literature

1. Peng, L. (2020). Introduction to Network Communication (5th ed.). Beijing: China Renmin University Press.
2. Li, Y. M. (2020). Internet language and the modernization of language life. Applied Linguistics, (2), 12-20.
3. Tang, Z. Y. (2021). Internet Language and Social Change. Beijing: Social Sciences Academic Press.
4. Diao, M. B. (2022). Research on the dissemination mechanism of network language in the intelligent media era. Journalism & Communication, (3), 45-55.
5. Chen, X. M. (2023). The formation path of network terminology from the perspective of youth subculture. Cultural Studies, (1), 102-112.
6. Wang, L. N. (2024). The influence mechanism of algorithmic recommendation on the popularity of network language. Modern Communication, (2), 88-95.
7. Zhang, W., & Mao, C. (2021). The evolution of Chinese internet language in the age of AI. Language Sciences, 85, 101-112.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 81'44: 811.111: 811.581: 004.738.5

Мяо Ч., Апаева С.Х.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Мяо Ч., Апаева С.Х.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Miao C., Apaeva S.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID <https://orcid.org/0009-0004-5733-9635>¹

АНГЛИС ЖАНА КЫТАЙ ИНТЕРНЕТ ТИЛИНИН ОРТОСУНДАГЫ АЙЫРМАЧЫЛЫКТАРДЫ КОНТРАСТТЫК ЛИНГВИСТИКАЛЫК ИЗИЛДӨӨ

СРАВНИТЕЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ АНГЛИЙСКИМ И КИТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ ИНТЕРНЕТА

A CONTRASTIVE LINGUISTIC STUDY OF THE DIFFERENCES BETWEEN ENGLISH AND CHINESE INTERNET LANGUAGE

Кыскача мүнөздөмө: Интернеттин кеңири жайылышы менен интернет-сленг санарип доорунун эң кеңири таралган тилдик көрүнүштөрүнүн бирине айланып, социалдык маданияттагы жана коомдук психологиядагы айырмачылыктарды чагылдырат. Бул макала кытай жана англис интернет-сленгдеринин ортосундагы айырмачылыктарды системалуу түрдө салыштырып, алардын келип чыгуу себептерин изилдөөгө багытталган. Англис интернет-сленги негизинен сөздөрдү кыскартуу, баш тамгалар аркылуу түзүлгөн кыскартмалар, сөз түркүмүнүн өзгөрүшү жана жазылыштагы өзгөрүүлөр аркылуу калыптанат; ал эми кытай интернет-сленги кытай иероглифтик жазуусунун өзгөчөлүгүнө таянып, омонимия, иероглифтерди ажыратуу жана диалектик алынмалар сыяктуу ыкмалар аркылуу контекстке жараша маанини берет. Маданий жактан англис интернет-сленги глобалдашкан жаштар субмаданиятын, көп түрдүү баалуулуктарды жана индивидуализмди чагылдырса, кытай интернет-сленги жергиликтүү

маданиятка, жарандык жамааттын эркине жана коомдук маанайга басым жасайт. Таралуу механизмдери жагынан кытай интернет-сленгине социалдык платформалардын алгоритмдери жана фанаттык маданият олуттуу таасир этсе, англис интернет-сленги глобалдык платформаларга таянып, аймактар аралык жайылуу өзгөчөлүгүнө ээ болот.

Аннотация: С широким распространением интернета интернет-сленг стал самым популярным языковым символом цифровой эпохи, отражая различия в социальной культуре и общественной психологии. В данной статье систематически сравниваются различия между китайским и английским интернет-сленгом и исследуются их причины. Английский интернет-сленг в основном формируется за счет аббревиатур, инициалов, изменений частей речи и орфографических инноваций; китайский интернет-сленг, с другой стороны, подчеркивает индивидуальность слов, используя омофоны, анализ иероглифов и диалектные заимствования для выражения значения в контексте. В культурном отношении английский интернет-сленг отражает глобализированные молодежные субкультуры, разнообразные ценности и индивидуализм; китайский интернет-сленг, с другой стороны, подчеркивает локальную культуру, коллективную волю граждан и общественные настроения. С точки зрения механизмов распространения, китайский интернет-сленг находится под значительным влиянием алгоритмов социальных платформ и культуры фанатов, в то время как английский интернет-сленг опирается на глобальные платформы и обладает характерной особенностью кросс-регионального распространения.

Abstract: As the Internet becomes ever more ubiquitous, online slang has emerged as the most popular linguistic currency of the digital age, mirroring differences in social culture and collective psychology. This paper offers a systematic comparison between Chinese- and English-language cyberneologisms and explores the drivers behind their divergent trajectories. English net-slang tends to arise through clipping, initialisms, zero-derivation, and orthographic play, whereas Chinese exploits the unique properties of the logographic script, relying on homophony, character-splitting, and dialectal borrowing to convey meaning contextually. Culturally, English cyber-terms foreground global youth subcultures, plural values, and individualist expression, while Chinese counterparts privilege local heritage, the will of the civic collective, and popular sentiment. In terms of dissemination, Chinese online buzzwords are heavily shaped by social-platform algorithms and fandom culture, whereas English net-slang leverages globalized platforms to achieve trans-regional diffusion.

Негизги сөздөр: интернет-сленг; сөз жасоо механизмдери; тилдик белгилер; англис жана кытай тилдерин салыштыруу; таралуу механизмдери.

Ключевые слова: интернет-сленг; словообразовательные механизмы; языковые знаки; сопоставление английского и китайского языков; механизмы распространения.

Keywords: internet slang; word-formation mechanisms; linguistic signs; English–Chinese comparison; dissemination mechanisms.

Theory: The Dual Shaping of Internal Language Structure and External Environment

As a linguistic phenomenon of the digital age, the formation and evolution of internet language follow the objective laws of development. The internal structure of the language system determines the boundaries of possibility for innovation in internet language, while the socio-cultural environment provides the fertile ground for its development. This dialectical unity of internal and external factors collectively shapes the unique forms of Chinese and English internet language.

Internal Causes: Fundamental Differences Rooted in Linguistic Typology

From the perspective of linguistic typology, the alphabetic nature of English and the ideographic nature of Chinese constitute the essential characteristics of the differences in their internet language. This structural difference acts like a genetic code, predetermining the main directions of their variation and innovation.

English: "Rule-based" Innovation in an Alphabetic Writing System

As an alphabetic language, English's writing system strictly follows the "sound-form" correspondence principle. This characteristic makes innovation in English internet language exhibit distinct rule-based features:

- Sound-form association mechanism: Achieves efficiency improvement through systematic changes in spelling, such as "l8r" (later) and "b4" (before) in "phonetic spelling."
- Morphological simplification tendency: As a linear script, innovation is reflected in the reduction of character sequences, such as "acronyms" (LOL, BRB, IMO) and "clipping" (pic, app, admin). This innovation directly serves input efficiency and is a typical manifestation of instrumental rationality. Deep exploitation of grammatical flexibility: The function of "conversion" is utilized to the extreme in the online context. "Google" changing from a proper noun to a verb "to google" (to search), and "ghost" changing from a noun to a verb "to ghost" (to cut off contact abruptly) are efficient expansions based on existing grammatical rules [1].

Chinese: "Resource-based" Innovation in an Ideographic Writing System

Chinese characters are a trinity of sound, form, and meaning, which provides a three-dimensional creative space for Chinese internet language. Its innovation is not a breakthrough of rules but a creative exploitation and reorganization of existing Chinese character "resources," exhibiting a "resource-based" characteristic with far greater flexibility and parataxis than English.

- Comprehensive utilization of three-dimensional resources: Chinese internet language can utilize the three dimensions of Chinese characters simultaneously or selectively.
- Sound resources: "Homophony" is the main method. Digital homophony like "520" (I love you), character homophony like "杯具" (tragedy), and loanword homophony like "狗带" (go die) all connect originally unrelated symbols with new meanings through the bridge of sound.
- Meaning resources: "New meanings for old words" is the best way to carry social trends. "潜水" changing from a sport to online behavior (lurking), and "内卷" changing from an academic term to a description of the state of social competition, are deep excavations and reshaping of the semantic resources of existing vocabulary.

Summary of Internal Causes

It can be seen that the internal structure of language fundamentally dictates the innovative path of internet language. The innovation of English internet language is a rule-dominated simplification of form, while the innovation of Chinese internet language is a resource-driven proliferation of meaning. This is the internal root cause of their different developmental forms.

External Influences: The Functional Shaping of Socio-cultural Context

If language structure determines "how" internet language can innovate, then the socio-cultural context determines "in what way" it tends to be used. External causes act through internal causes, shaping the distinctly different pragmatic functional biases of the two.

English Internet Language: "Efficiency-oriented" and "Universal Identity" in a Global Context

As a global lingua franca, the development of English internet language is deeply influenced by its global dissemination environment.

· Instrumental rationality prioritizing efficiency: In cross-cultural, cross-linguistic international communication, clarity and efficiency are primary needs. This makes the core function of English internet language focus on optimizing information transmission. Rule-based innovations like abbreviations and shortenings are precisely to adapt to the needs of keyboard input and fast reading, reflecting distinct instrumental rationality.

· Constructing a de-territorialized youth identity: In the context of globalization, English internet language becomes a "passport" for global youth subculture. Using words like "Selfie," "YOLO," and "Slay" constructs a youth identity that transcends nation-state boundaries, is universal, and is related to popular culture and digital lifestyle.

Chinese Internet Language: "Meaning Construction" and "Emotional Resonance" in a Localized Context

Chinese internet language is rooted in China's unique socio-cultural soil, and its functions are closely linked to the transformation and changes of contemporary Chinese society.

Decoding and venting of social emotions: In China's high-context, implicit cultural tradition and complex online public opinion environment, internet language becomes an "invisible text" and "safety valve" for social emotions. Through indirect methods like "homophonic puns" (e.g., "蚌埠住了" substituting for "绷不住了" - can't hold on anymore) and "irony" (e.g., "精致穷" - bougie poor), the public can euphemistically express criticism, helplessness, and self-mockery, achieving the decoding and venting of collective emotions.

· Construction and cohesion of collective identity: The power of words such as "打工人" (working class), "尾款人" (final payment people), and "小镇做题家" (small-town swot) lies in their precise capture and naming of the common life experiences of specific social groups. The popularity of these words is not only a linguistic phenomenon but also a social phenomenon. They trigger widespread emotional resonance by constructing an "imagined community," strengthening the identity and solidarity within the group.

Practice: The Concrete Manifestation of Generative Mechanisms and Pragmatic Functions

The differences at the theoretical level ultimately need to be verified and reflected through specific linguistic practices. This section will deeply analyze the specific representations of Chinese and English internet language in terms of generative mechanisms and pragmatic functions.

Practical Comparison of Generative Mechanisms

At the practical level, the differences in the generative mechanisms of Chinese and English internet language are specifically manifested as a series of describable and classifiable creative methods [2].

The "Rule-based" Generative Toolkit of English Internet Language

· Abbreviation Methods:

· Acronyms: Such as LOL (Laughing Out Loud), BRB (Be Right Back), DM (Direct Message). These words often enter spoken language from written language and become fixed vocabulary.

· Clippings: Such as app (application), pic (picture), sec (second). By retaining the core syllables, fast input is achieved.

· Phonetic Spelling Variation:

· Alphanumeric combinations: Such as l8r (later), b4 (before), gr8 (great). Symbol substitution based on phonetic similarity is an efficient coding game.

· Non-standard spelling and repetition: Such as kewl (cool), boi (boy), sooooo good. Aim to simulate the intimacy and exaggerated tone of spoken language, compensating for the lack of paralinguistic features in text communication.

- Conversion:

- Noun to verb: Such as to google (to search using a search engine), to ghost (to suddenly cut off contact), to flex (to show off).

- Other conversions: Such as the adjective random deriving the noun rando (stranger, weird person).

The "Resource-based" Generative Toolkit of Chinese Internet Language

- Homophonic Word Formation:

- Digital homophony: 520 (I love you), 1314 (forever), 555 (crying sound).

- Loanword homophony: 狗带 (go die), 爱豆 (idol), 黑粉 (hater + fan). Achieves localization and recreation of language.

- Semantic Extension:

- Reactivation of old words: 囧 (original meaning 'bright,' internet meaning 'awkward'), 躺平 (original meaning 'lie down,' internet meaning 'passively responding to involution').

- Syntactic Structure Innovation:

- Misuse of the "被" (passive) structure: 被就业 (forcibly employed), 被幸福 (forcibly happy).

Expresses the helplessness and passivity of individuals in the face of powerful forces, with strong ironic meaning [3].

- Expansion of "aspect": 笑死 (perfective aspect, indicating an extreme degree), 哭晕 (perfective aspect, same as above).

Practical Division of Pragmatic Functions

Different generative mechanisms serve different communicative purposes and exhibit distinctly different pragmatic functions in practice.

English Internet Language: Pursuing Efficiency and Building Universal Communities

- Improving cross-cultural communication efficiency: On global social platforms (such as Twitter, Instagram), abbreviations like LOL, OMG, BTW become bridges for quick understanding between speakers of different native languages. Their semantics are direct and highly consensual, effectively reducing communication costs.

- Identifying global interest-based communities: In global games like "League of Legends," GG (Good Game), AFK (Away from Keyboard) are the common language among players. In fandoms, words like Ship (supporting a romantic relationship), Canon (official setting) construct a common discourse system for global fans.

- Shaping a relaxed and personalized online persona: By using non-standard spellings like kewl, awesomesauce, or exaggerated expressions like I'm dead, users inject personality and emotion into the text, shaping the online identity they wish to present [4].

Chinese Internet Language: Encoding Emotions and Recording the Social Scene

- Acting as a "safety valve" for social commentary: In the face of social injustice or negative phenomena, netizens create and use words like "蹲式" (squatting style, referring to inadequate service) and "杠精" (argumentative elite, referring to someone who argues unreasonably) for precise portrayal and criticism. This expression is both sharp and relatively safe.

- Serving as "adhesive" for cohesive collective identity: The word "打工人" (working class), regardless of industry or position, unites the vast number of laborers into a group full of resonance. "尾款人" (final payment people) accurately depicts the collective state after shopping festivals, evoking a knowing smile. These words are markers of identity.

· Setting "thresholds" for cultural understanding: Those who do not understand the background of "凡尔赛" (humblebrag) literature will mistake it for discussing the French palace; those who don't know that "YYDS" (eternal god) originated from esports commentators praising players cannot understand its worshipful sentiment. This high-context characteristic forms unique community boundaries and cultural barriers.

Performing the function of "historiographer" for social records: From "蒜你狠" (garlic you fierce, referring to soaring prices of garlic and mung beans) to "双减" (double reduction policy), internet language has left linguistic imprints on almost every social hot event, becoming a vivid social mentality history written by the people.

Case Reflection: When "GOAT" Meets "YYDS"

A typical comparative case is the English "GOAT" and the Chinese "YYDS." Both mean "the greatest of all time" and express the highest praise.

· GOAT: The generative mechanism is acronym (Greatest of All Time), fully conforming to the path of rule-based innovation in English. Its semantics are clear and direct; once its composition is understood, it can be understood without obstacles, and it is universally used in global sports, music, and other fields, exhibiting an outward-oriented characteristic.

YYDS: The generative mechanism is Pinyin acronym ("永远的神" - eternal god), which itself is an application of Chinese Pinyin rules. However, its understanding originated from the Chinese esports circle, specifically referring to player Uzi, and later generalized to praise anyone or anything. "Outsiders" unfamiliar with this specific cultural background, presenting typical inward-oriented and high-context characteristics [5].

This case vividly reflects the theoretical analysis above: although the two have similar functions, the paths to this function, their cultural load, and their scope of dissemination deeply reflect the fundamental differences in their internal language structure and external cultural context.

This study, through constructing an integrated "theory-practice" framework, has conducted a systematic comparative analysis of Chinese and English internet language, arriving at the following core conclusions:

Firstly, the differences between Chinese and English internet language are a vivid embodiment of the dialectical movement of internal and external causes in the field of language. Internal causes (language structure) are fundamental: The alphabetic nature of English gives rise to an internet language variant characterized by "rule-based" and "efficiency-driven" features, whose core lies in optimizing the mode of information transmission. The ideographic nature of Chinese gives birth to an internet language variant characterized by "resource-based" and "meaning-driven" features, whose core lies in creating new semantics and social identity. External causes (socio-cultural) are conditions: The global context of English biases its internet language functions towards building cross-cultural efficient communication and universal identity, presenting an "outward-oriented" characteristic. The localized social soil of Chinese biases its internet language functions towards encoding complex social emotions and recording local narratives, presenting an "inward-oriented" characteristic.

Secondly, this study confirms and deepens the basic sociolinguistic principle that "language structure influences cultural expression, and cultural needs shape language form." Cyberspace is not a virtual "utopia"; the language variation within it is still strictly constrained by the linguistic rules and social laws of the real world. Chinese and English internet language are not different with versions of the same phenomenon but are two rooted in different linguistic and cultural genes [6].

List of used literature

1. Dong, C., & Ding, Y. (2022). From "Wage Slaves" to "Final Payment People": Collective Memory and Emotional Mobilization in Chinese Internet Buzzwords. *Journalism & Communication Research*, 29(1), 56-75+127.
2. Fang, H., & Yan, Y. (2021). The Generative Logic and Dissemination Mechanism of Internet Language: An Analysis Based on the Characteristics of Chinese. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 43(10), 66-72.
3. Li, W., & Liu, X. (2023). The Communication of "Geng" Culture in Chinese Internet Buzzwords and the Construction of Community Identity. *Chinese Journal of Journalism & Communication*, 45(5), 120-137.
4. McCulloch, G. (2019). *Because Internet: Understanding the New Rules of Language*. Riverhead Books.
5. Squires, L. (2024). Digital Media and the Changing Landscape of Language Variation. *Annual Review of Linguistics*, 10, 397-417.
6. Tagg, C., & Seargeant, P. (2024). The Context of Digital Media and the 'Vernacularization' of English. In *The Routledge Handbook of English Language and Digital Communication* (pp. 45-62). Routledge.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

УДК 347.451: 336.22: 004

Пи Д., Гао Ч., Калдыбай у. М., Ныязкулова Б.К.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Пи Д., Гао Ч., Калдыбай у. М., Ныязкулова Б.К.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Pi D., Gao C., Kaldybay u.M., Nyязkulova B.

KNU Jusup Balasagyn

**САНАРИПТИК ЭКОНОМИКАДА КЕРЕКТӨӨЧҮЛӨРДҮН УКУКТАРЫН КОРГОО
ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК САЛЫК УКУГУН РЕФОРМАЛОО МАСЕЛЕЛЕРИН ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И
РЕФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА В ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

**RESEARCH ON CONSUMER PROTECTION AND INTERNATIONAL TAX LAW
REFORM IN THE DIGITAL ECONOMY**

Кыскача мүнөздөмө: Санариптик экономика дүйнөлүк экономикалык өсүштүн жана түзүмдүк өзгөрүүлөрдүн негизги кыймылдаткыч күчүнө айланды. Санариптик экономиканын эң динамикалуу көрүнүштөрүнүн бири болгон электрондук коммерция салттуу бүтүмдөрдүн мейкиндиктик жана убакыттык чектөөлөрүн жоюп, товарлар менен кызмат көрсөтүүлөрдү жеткирүүнүн глобалдашуусун, ыңгайлуулугун жана натыйжалуулугун камсыз кылды. Ошол эле учурда санариптик экономиканын виртуалдык мүнөзү, тармактар аралык өзгөчөлүгү жана маалыматтарга көз карандылыгы чек аралар аралык электрондук коммерция, платформа экономикасы жана санариптик кызмат көрсөтүүлөр сыяктуу жаңы бизнес-моделдерди жаратуу менен катар, эл аралык салык эрежелерин кайра түзүү жана керектөөчүлөрдүн укуктарын

коргоо сыяктуу эки багыттагы башкаруу маселелерин да пайда кылды. BEPS аракеттер планы жана эки мамычалуу ыкма менен байланышкан эл аралык салык укугундагы ири реформалар көп улуттуу корпорациялар тарабынан салык базасынын эрозиясы жана пайданын башка юрисдикцияларга которулушу, ошондой эле санариптик экономикада салык салуу укуктарын бөлүштүрүүдөгү тең салмаксыздык сыяктуу көйгөйлөрдү чечүүгө багытталган. Ошону менен бирге керектөөчүлөрдүн маалыматтарынын ачыкка чыгышы, жалган жарнама, бүтүмдөрдүн коопсуздугунун жетишсиздиги жана электрондук коммерция чөйрөсүндө сатуудан кийинки укуктарды коргоодогу кыйынчылыктар санариптик экономиканын туруктуу өнүгүшүнө тоскоол болгон негизги факторлордун бири болуп калды. Бул эки багыт тең санариптик экономиканы башкаруу тутумунун маанилүү курамдык бөлүгү болуп саналат. Эл аралык салык укугун реформалоо көп улуттуу электрондук коммерция компанияларынын салыктык жүрүм-турумун жөнгө салуу жана адилеттүү атаандаштыкты камсыз кылуу аркылуу керектөөчүлөрдүн укуктарын коргоонун институционалдык негизин кыйыр түрдө бекемдейт. Ал эми керектөөчүлөрдүн укуктарын коргоо системасын өркүндөтүү санариптик бүтүмдөр чөйрөсүн жакшыртып, эл аралык салык эрежелеринин натыйжалуу ишке ашырылышына өбөлгө түзөт. Натыйжада бул эки багыт адилеттүү, коопсуз жана туруктуу санариптик экономиканын өнүгүү моделин калыптандырууга биргелешип кызмат кылат.

Аннотация: Цифровая экономика стала ключевой движущей силой глобального экономического роста и структурных преобразований. Электронная коммерция, как наиболее динамичное применение цифровой экономики, преодолела пространственные и временные границы традиционных транзакций, обеспечив глобализацию, удобство и эффективность поставок товаров и услуг. В то же время виртуализация, междоменный характер и зависимость от данных в цифровой экономике не только породили новые бизнес-модели, такие как трансграничная электронная коммерция, платформенная экономика и цифровые услуги, но и создали двойные проблемы управления: системную реструктуризацию международных налоговых правил и защиту прав потребителей. Крупные реформы в международном налоговом праве, представленные Планом действий BEPS и двухкомпонентным подходом, направлены на решение таких проблем, как размывание налоговой базы и перемещение прибыли транснациональными корпорациями, а также дисбаланс в распределении прав на налогообложение в цифровой экономике. Однако такие проблемы, как утечка информации о потребителях, ложная реклама, отсутствие безопасности транзакций и трудности с защитой прав послепродажного обслуживания в сценариях электронной коммерции, также стали ключевыми препятствиями, ограничивающими здоровое развитие цифровой экономики. Оба аспекта являются важными компонентами системы управления цифровой экономикой. Реформа международного налогового права косвенно укрепляет институциональную основу защиты потребителей, регулируя налоговое поведение транснациональных компаний электронной коммерции и обеспечивая справедливую рыночную конкуренцию. Совершенствование системы защиты потребителей может очистить среду цифровых транзакций и способствовать внедрению и повышению эффективности международных налоговых правил в сценариях цифровых транзакций. Эти два аспекта работают вместе, формируя справедливую, безопасную и устойчивую модель развития цифровой экономики.

Abstract: The digital economy has become a core driving force for global economic growth and structural transformation. E-commerce, as the most dynamic application of the digital economy, has broken through the spatial and temporal boundaries of traditional transactions, realizing the globalization, convenience, and efficiency of goods and services supply. At the same time, the virtualization, cross-domain nature, and data dependence of the digital economy have not only spawned new business models

such as cross-border e-commerce, platform economy, and digital services, but also brought about the dual governance challenges of systemic restructuring of international tax rules and protection of consumer rights. Major reforms in international tax law, represented by the BEPS Action Plan and the dual-pillar approach, aim to address issues such as tax base erosion and profit shifting by multinational corporations, and the imbalance in the distribution of taxation rights in the digital economy. However, problems such as consumer information leakage, false advertising, lack of transaction security, and difficulties in after-sales rights protection in e-commerce scenarios have also become key bottlenecks restricting the healthy development of the digital economy. Both are important components of the digital economy governance system. International tax law reform indirectly strengthens the institutional foundation for consumer protection by regulating the tax behavior of multinational e-commerce companies and ensuring fair market competition. The improvement of the consumer protection system can purify the digital transaction environment and promote the implementation and effectiveness of international tax rules in digital transaction scenarios.

Негизги сөздөр: санариптик экономика; электрондук коммерция; эл аралык салык укугун реформалоо; эки деңгээлдүү салык системасы; керектөөчүлөрдүн укуктарын коргоо; чек ара аралык электрондук коммерция; салыктык башкаруу; керектөөчүлөрдүн укуктары.

Ключевые слова: цифровая экономика; электронная коммерция; реформа международного налогового права; двухуровневая система налогообложения; защита прав потребителей; трансграничная электронная коммерция; налоговое управление; права потребителей.

Keywords: digital economy; e-commerce; international tax law reform; dual-pillar scheme; consumer protection; cross-border e-commerce; tax governance; consumer rights.

International tax law reform is an inevitable choice to address the challenges of tax governance in the digital economy. Traditional international tax rules established in the 20th century, based on physical presence, are ill-suited to the business models of digital enterprises that can generate cross-border profits without a physical location. Multinational e-commerce giants exploit tax treaty differences, transfer pricing, and registration in low-tax jurisdictions to shift profits, leading to tax base losses, fiscal revenue damage, and disruption of fair competition in global markets. The BEPS Action Plan, promoted by the OECD and G20, establishes the core principle of "value creation location aligning with taxation location" by closing loopholes such as mismatched taxation, abuse of tax treaties, weakening the determination of permanent establishments, and illegal transfer pricing, thus curbing aggressive tax planning by multinational corporations at the institutional level [2, p.3]. The subsequent two-pillar international tax agreement further breaks through the limitations of traditional rules. The first pillar redistributes some taxation rights of large, high-profit multinational corporations to market countries, enabling consumer market countries where cross-border e-commerce platforms are located to obtain reasonable tax returns [4, p.7]. The second pillar sets a global minimum corporate tax rate of 15%, compressing the competitive space of low-tax jurisdictions, preventing countries from falling into vicious tax competition, and stabilizing the global tax order. These changes have not only reshaped the tax costs and business strategies of multinational e-commerce companies, prompting them to shift their focus to technological innovation, service upgrades, and compliant operations, but also provided institutional guarantees for consumers to obtain higher-quality and more stable digital goods and services, preventing companies from neglecting product quality and service levels due to excessive pursuit of tax arbitrage.

The rapid expansion of e-commerce has presented unprecedented challenges to consumer protection, making it a crucial issue in digital economy governance. In cross-border e-commerce

transactions, consumers and businesses are located in different countries or regions, exacerbating information asymmetry. Platform algorithm recommendations, false reviews, and covert bundled sales can easily mislead consumers into making incorrect decisions. Digital transactions rely entirely on networks and data; sensitive consumer data such as personal identity, payment information, and purchase records are collected, stored, and transmitted by platforms and merchants, leading to escalating risks of data leaks, misuse, and illegal transactions, seriously infringing on consumers' privacy and property security. Cross-border transactions also face challenges such as cumbersome procedures, high costs, and unclear jurisdiction in logistics, returns, and after-sales service. Consumers often struggle to protect their rights effectively when encountering product defects, discrepancies between goods and descriptions, or payment failures. Furthermore, some multinational e-commerce companies exploit regulatory blind spots in the digital economy, attracting consumers with low prices and tax exemptions while evading tax obligations and lowering service standards. This harms national tax revenue and exposes consumers to potential risks of unsecured after-sales service and insecure transactions. This demonstrates that the lack of consumer protection in e-commerce not only directly infringes upon individual rights but also disrupts the digital market order, weakens consumer trust in the digital economy, and ultimately affects the effectiveness of international tax law reforms and the sustainable development of the global digital economy.

There is a close intrinsic link between international tax law reform and e-commerce consumer protection; they support and synergistically advance each other. International tax law reform, by regulating the tax compliance behavior of multinational e-commerce companies, enhances their operational transparency and sense of responsibility, forcing them to improve their service systems and ensure transaction security, indirectly strengthening the underlying foundation of consumer protection. The implementation of the lowest global tax rate reduces unfair competition caused by tax differences, encouraging companies to invest resources in areas crucial to consumer interests, such as product quality improvement, data security, and after-sales service, avoiding cost advantages at the expense of consumer rights. The reasonable return of market-based taxation rights allows countries to obtain more fiscal revenue to improve digital infrastructure, strengthen consumer rights protection mechanisms, and enhance market supervision, providing material and institutional support for consumer protection. Simultaneously, a sound consumer protection system promotes the standardized development of the e-commerce market, stabilizes the scale of cross-border transactions and market order, and provides a favorable market environment for the implementation of international tax rules. Effective protection of consumer rights enhances their willingness to consume across borders, expands the digital market, makes the allocation of market-based taxation rights more practical, and makes the implementation of rules such as the lowest global tax rate more operational. Furthermore, the principles of information transparency, fair transactions, and data security emphasized by consumer protection are highly consistent with the international tax law's pursuit of fair taxation, transparent tax administration, and reasonable profit distribution, together forming the core of fairness and justice in digital economy governance.

In the context of digital economic globalization, achieving coordinated governance of international tax law reform and e-commerce consumer protection requires strengthened policy coordination and regulatory cooperation among countries [3, p.6]. In implementing the BEPS Action Plan and the dual-pillar approach, countries should integrate e-commerce tax administration and consumer protection into a unified regulatory framework, clearly defining the tax obligations, information disclosure responsibilities, and consumer rights protection responsibilities of cross-border e-commerce platforms. Platforms should be required to fulfill comprehensive compliance obligations in areas such as tax registration, tax declaration, data compliance, and after-sales rights

protection. Given the unique characteristics of cross-border transactions, a cross-border tax administration and consumer rights protection cooperation mechanism should be established, strengthening information sharing and enforcement collaboration among tax, market supervision, and judicial departments, streamlining cross-border rights protection channels, and reducing the cost of consumer rights protection. Simultaneously, domestic laws and regulations should be improved, aligning with international tax rules and consumer protection standards. Legal responsibilities for data security, false advertising, and unfair trade practices in digital transactions should be clearly defined, enhancing the digitalization of supervision. Big data and artificial intelligence technologies should be utilized to achieve real-time monitoring of cross-border e-commerce transactions, preventing tax evasion and promptly stopping actions that infringe upon consumer rights. Developing countries should actively participate in the formulation of international tax rules and the harmonization of consumer protection standards, improve their own tax collection and administration capabilities and digital supervision levels, avoid being in a passive position in global governance, and formulate tax policies and consumer protection measures that are appropriate to their own stage of e-commerce development, so as to balance tax fairness, market vitality and consumer rights.

International tax law reform and e-commerce consumer protection are two complementary core issues in the governance system of the digital economy [5, p.6]. The implementation of the BEPS Action Plan and the dual-pillar scheme has effectively addressed issues such as tax base erosion by multinational corporations and the imbalance in the distribution of taxation rights in the context of the digital economy, reshaping the global tax fairness order and creating a fair and competitive market environment for the healthy development of e-commerce [6, p.2]. Meanwhile, e-commerce consumer protection focuses on pain points such as information asymmetry, data security, and cross-border rights protection in digital transactions, strengthening the defense line for consumer rights and enhancing the trust and activity of the digital economy.

Therefore, we can conclude the following: International tax law should be continuously reformed to regulate corporate behavior, safeguard fiscal revenue, promote fair competition, and provide institutional and material support for consumer protection. A sound consumer protection system will stabilize market order, expand market size, and promote the implementation and effectiveness of international tax rules.

Countries should strengthen cross-border cooperation in tax administration and consumer rights protection, taking into account tax fairness, market efficiency and consumer rights, and build an international tax law system and consumer protection mechanism that is adapted to the development of the digital economy [7, p.4].

For developing countries, it is necessary to actively integrate into the global governance system while improving their own regulatory capabilities and institutional adaptability, balancing tax sovereignty, investment attraction and consumer protection, promoting the high-quality development of the digital economy within regulations, and enabling international tax law reform and consumer protection to work together to empower inclusive and sustainable global economic growth.

List of used literature

1. OECD. Addressing the Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy - Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two) [R]. Paris: OECD Publishing, 2021.<https://www.oecd.org/tax/beps/pillar-two-model-rules-in-a-nutshell.pdf> OECD
2. Zhu Qing, Yang Ning. Commentary on the OECD's International Tax Reform Plan for the Digitalization of the Economy [J]. // International Taxation, 2020. - P.3-7.

3. Liao Tizhong. Globalization and International Tax Reform [J]. // International Taxation, 2021. - P.3-13.
4. Liu Yideng. Analysis of Consumer Protection Issues and Countermeasures in Cross-border Tax Base Erosion in Digital Trade [J]. // International Law Review, 2023, - P.187-196.
5. Liang Dong. A Standardized Path for the Protection of Consumers' Personal Information in E-commerce: An Empirical Study Based on the Privacy Policies of 12 E-commerce Platforms in 6 Categories [J]. // Journal of Dalian University of Technology (Social Sciences Edition), 2022. - P. 102-112.
6. Luo Jingwei. Challenges and Governance Strategies for Consumer Rights Protection in the Context of the Digital Economy: An Analysis of the Rule-Based Path of Infringing Consumer Rights Using Algorithms [J]. // Price Theory and Practice, 2023. - P. 32-35.
7. Zhang Wei. Exploring New Trends in the Development of International Tax Law in the Digital Economy [J]. // Tax Research, 2020. - P. 56-62.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Калыбаева Алия Абдысатаровна

УДК 811.581

Сейтова Ф.З.

Россия элдер достугу университети, РФ

Сейтова Ф.З.

Российский университет дружбы народов, РФ

Seitova F.

Peoples' Friendship University of Russia, RF

ЯСЫР ШИВАЗА –ДУНГАН ЭЛИНИН ПЕДАГОГУ ЖАНА АГАРТУУЧУСУ

ЯСЫР ШИВАЗА –ПЕДАГОГ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ ДУНГАНСКОГО НАРОДА

YASYR SHIVAZA – PEDAGOGUE AND ENLIGHTENER OF THE DUNGAN PEOPLE

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала дунган элинин көрүнүктүү акыны, жазуучусу жана коомдук ишмери Ясыр Шивазанын педагогикалык жана агартуучулук ишмердүүлүгүнө арналган. Изилдөөдө анын дунган элинин билим берүү системасын өнүктүрүүгө, улуттук жазмасынын калыптанышына жана Борбордук Азиядагы дунгандардын арасында сабаттуулукту жайылтууга кошкон салымы кеңири талдоого алынат. Автор Ясыр Шивазанын дунган жазмасын калыптандырууга катышуусун араб графикасына негизделген, дүйнөдө сяозэцзин деген ат менен белгилүү болгон жана дунгандар арасында щёжин деп аталган жазуудан баштап, кийин латын жана кирилл алфавиттерине өтүү процесси менен байланышта карайт. Макалада Ясыр Шиваза тарабынан түзүлгөн Elif-bie (1931), Ызыкуэ (1935) жана «Шызыкуэ» (1955) сыяктуу окуу куралдарына өзгөчө көңүл бурулуп, алардын башталгыч билим берүүнү өнүктүрүүдө жана дунган элинин сабаттуулук деңгээлин жогорулатууда маанилүү роль ойногону белгиленет. Ошондой эле Ташкенттеги Татар агартуу институтунун дунган интеллигенциясынын жана педагогикалык кадрлардын калыптанышына тийгизген таасири ачып көрсөтүлөт. Автор Ясыр Шивазанын таланттуу акын гана эмес, сабаттуулукка үйрөтүүнү руханий жана маданий баалуулуктарды тарбиялоо менен айкалыштырууга умтулган жаңычыл педагог болгонун баса белгилейт. Изилдөөдө анын методикалык ыкмалары, балдардын психологиясын түшүнүүсү жана окуу материалдарында улуттук-

маданий образдарды колдонуу өзгөчөлүктөрү талданат. Ясыр Шивазанын педагогикалык мурасы бүгүнкү күндө да актуалдуулугун сактап, билим берүү тарыхы, дунган таануу жана тилдерди окутуунун заманбап методикасы үчүн чоң мааниге ээ экени белгиленет. Жыйынтыгында анын агартуучулук жана маданий ишмердүүлүгү дунган элинин маданий иденттүүлүгүн сактоодо жана Борбордук Азиянын көп улуттуу билим берүү мейкиндигин өнүктүрүүдө маанилүү роль ойногону тууралуу корутунду чыгарылат.

Аннотация: Данная статья посвящена педагогической и просветительской деятельности выдающегося дунганского поэта, писателя и общественного деятеля Ясыра Шиваза. В исследовании подробно рассматривается его вклад в развитие системы образования дунганского народа, становление национальной письменности и распространение грамотности среди дунган Центральной Азии. Автор анализирует участие Ясыра Шиваза в формировании дунганской письменности, начиная с арабской графики щёжин, известной в мире как сяоэрцзин, и заканчивая переходом к латинскому и кириллическому алфавитам. Особое внимание уделяется созданным им учебным пособиям — Elif-bie (1931), Ызыкуэ (1935), «Шызыкуэ» (1955), которые сыграли важную роль в развитии начального образования и повышении уровня грамотности дунганского народа. В статье также раскрывается значение Татарского института просвещения в Ташкенте, оказавшего большое влияние на формирование дунганской интеллигенции и педагогических кадров. Автор подчёркивает, что Ясыр Шиваза был не только талантливым поэтом, но и педагогом-новатором, который стремился сочетать обучение грамоте с воспитанием духовных и культурных ценностей. Анализируются его методические подходы, внимание к детской психологии и использование национально-культурных образов в учебных материалах. Отмечается, что педагогическое наследие Ясыра Шиваза сохраняет свою актуальность и сегодня, представляя значительную ценность для истории образования, дунгановедения и современной методики преподавания языков. В заключении делается вывод о том, что деятельность Ясыра Шиваза сыграла важную роль в сохранении культурной идентичности дунганского народа и развитии многонационального образовательного пространства Центральной Азии.

Abstract: This article is devoted to the pedagogical and educational activities of the outstanding Dungan poet, writer, and public figure Yasir Shivaza. The study examines in detail his contribution to the development of the Dungan educational system, the formation of national writing traditions, and the spread of literacy among the Dungan people of Central Asia. The author analyzes Yasir Shivaza's participation in the development of Dungan writing, beginning with the Arabic-based script known as Xiao'erjing or shchejing among the Dungans, and later the transition to the Latin and Cyrillic alphabets. Particular attention is paid to his educational publications, including Elif-bie (1931), Ызыкуэ (1935), and "Shyzikuэ" (1955), which played a major role in the development of primary education and literacy among the Dungan people. The article also highlights the significance of the Tatar Institute of Education in Tashkent, which greatly influenced the formation of the Dungan intelligentsia and pedagogical personnel. The author emphasizes that Yasir Shivaza was not only a talented poet but also an innovative educator who sought to combine literacy instruction with the cultivation of spiritual and cultural values. The study analyzes his methodological approaches, his understanding of children's psychology, and his use of national and cultural imagery in educational materials. It is noted that Yasir Shivaza's pedagogical legacy remains relevant today and represents significant value for the history of education, Dungan studies, and modern language teaching methodology. The article concludes that his educational and cultural activities played an important role in preserving the cultural identity of the Dungan people and in the development of the multicultural educational environment of Central Asia.

Негизги сөздөр: акын; агартуучу; дунган адабияты; поэзия; жазуу.

Ключевые слова: поэт; просветитель; дунганская литература; поэзия; письменность.

Keywords: poet; educator; dungan literature; poetry; writing.

Сегодня, оглядываясь назад, с сожалением смотришь на некоторые моменты, участником которых хотелось бы быть больше всего. Узнать от первых лиц, как они, будучи вдалеке от своей исторической родины, вначале использовали нашу письменность щёжин, известную миру как Xīao'ěrjīng, или сяоэрцзин, какие события подтолкнули их принять все-таки латиницу, хотя до нее стоял вопрос принятия нового алфавита на основе уже известной щёжин и арабской вязи. Еще больше удивляет тот факт, что и официальные представители, включая ректора Б.М. Салиева, а также профессора Е.Д. Поливанова, которые отлично владели арабским и персидским языками, выбрали латиницу, которая впоследствии все-таки показала свою несостоятельность [1, 1], [2, 19], [3, 5]. Многие события и вещи уже не смогут вернуться в том объеме, в котором хотелось бы, но, как сказано, «всему свое время», «все предопределено свыше» и чья эстафета наступит. И, наверное, неудивительно, что на каждом из этих этапов в первых рядах мы видим человека, которому посвящается данная статья, – Ясыра Джумазовича Шиваза, человека, у которого стоит, наверное, поучиться способности быть на высоте и одновременно внизу со всеми. Эта способность, скорее всего, следствие огромного просветительского таланта и большого человеколюбия, которым был одарен Ясыр Шиваз свыше. И сегодня, в день его 120-летия, мы не просто отмечаем день его рождения, а открываем, как в хорошей книге, неосмысленные ранее его страницы.

И в первую очередь нам бы хотелось поговорить о Ясыре Шиваза как о коллеге, педагоге, просветителе дунганского народа, человеке, который пропустил через себя ключевые этапы образования и просвещения дунганского народа, видел его взлеты, его чаяния и падения.

До сегодняшнего дня Ясыр Шиваз больше известен среди дунган, а также за рубежом как писатель и поэт, и мало кто обратил внимание на его большую образовательную и просветительскую работу. Начиная с щёжин, затем латиницы и позднее кириллицы Ясыр Шиваз был в первых рядах становления дунганской письменности, а также автором азбуки и букварей. Жаль, конечно, что мы не имеем чести созерцать того алфавита на арабской вязи, который был разработан группой дунганских студентов в 1924–1930 годах. Каждый этап разработки письменности дунган заканчивался выпуском авторской его азбуки Elif-bie (1931) и букварей Şъъькуэ (1935), «Шызыкуэ» (1955), последнее совместно с Юсупом Яншансином. Конечно, многое от нашего поколения уже сокрыто, как, впрочем, и от старших поколений и поколения самого Ясыра Шиваза. Иногда даже бывает так, что, прожив с человеком бок о бок много лет, многое не знаешь о нем и спустя некоторое время узнаешь о нем больше. Так происходит и с Ясыром Шиваза.

И начнем мы, скорее всего, с Татарского института просвещения, где наряду с другими дунганами обучался и Ясыр Шиваз. Хотя Татарский институт не относился к элитным учебным заведениям России того времени, но один факт того, кто там работал и для кого он был в первую очередь открыт, говорит о многом. Выбор пал на татар, отсюда и название – Татарский институт просвещения. В данном случае это было сделано по нескольким историческим причинам:

- 1) к началу 1920 года у татар уже существовала развитая система школ, медресе, издательства, а также просветительские движения;
- 2) среди мусульман России татары считались одной из наиболее образованных групп;
- 3) татарские просветители, которые были связаны с движением джадидизма, пропагандировали современные школы, изучение светских наук, новые методы обучения;

- 4) языковая и культурная близость с народами региона;
- 5) нехватка местных кадров;
- 6) город Ташкент являлся важным культурным центром.

Мало кто из историков обращался к теме учебных заведений, хотя именно благодаря их образовательной и просветительной политике из стен этих заведений выходили в свет лучшие умы.

Татарский институт просвещения сыграл важнейшую роль в формировании педагогических кадров для татарского народа и других народов Средней Азии. В свою очередь, сам город Ташкент на тот период являлся крупным культурным и образовательным центром Туркестана, где концентрировались новые учебные заведения, издательства и научные учреждения [1, 1].

Первым ректором Татарского института просвещения был Булат Мазитович Салиев, человек широких взглядов и убеждений, который свободно владел несколькими языками, такими как арабский, персидский, турецкий, французский, немецкий и русский, поэтому он был близок дунганским студентам, в арсенале языка которых были арабские и персидские слова. Булат Мазитович Салиев, как и многие ученые-просветители, такие как профессор Е.Д. Поливанов – выдающийся советский лингвист-полиглот, теоретик языкознания, знавший более 35 языков, специализировавшийся во многих языках, включая дунганский, Магаза Лебузович Масанчи – участник революционного движения, Гражданской войны, борец за установление советской власти в Средней Азии, государственный деятель, временно исполняющий обязанности наркома юстиции Узбекской ССР, инициатор открытия в г. Алма-Ате дунганского педучилища имени Бай-Янху, Джума Даутович Абдуллин, редактор первой дунганской газеты «Дунхуошир» («Искра Востока»), многое сделал для дунганского народа, дав образование, воспитание и направление научной работе будущей дунганской интеллигенции.

В числе данной интеллигенции оказался и Ясыр Шиваза, который с юных лет был увлечен поэзией. В Татарский институт просвещения Ясыр Шиваза поступил в 1924 году и окончил его в 1930-м. По-своему интересна и история его поступления в данный институт. Вот так он описал свое пребывание в Татарском институте просвещения: «Многие молодые люди, вероятно, могут подумать, что я поступил в институт точно так же, как поступали они, то есть заполнял какие-то документы, сдавал вступительные экзамены... Ничего подобного. Я приехал в Ташкент, вместе со многими студентами вошел в одну из аудиторий и стал слушать лекцию.

И только через два с лишним года, когда я считал себя уже студентом третьего курса, меня неожиданно вызвали к директору института.

– Каким образом вы попали в наш институт? – сердито спросил он, поправляя большие выпуклые очки.

– Видите ли... Я приехал издалека... Из Пишпека... И я хотел... Я хочу...

Видя мое смущение, директор все понял и улыбнулся одними глазами, но тона не изменил и так же сурово перебил меня.

– Заявление о зачислении подавал? Анкету заполнял?

– Нет, не приходилось, – замялся я. – Никто мне не говорил...

– Значит, приехал и сам себя зачислил? – усмехнулся директор и тут же повысил голос: – Вот вам анкета, вот форма зачисления и справки...

Заполните, заверьте печатью того сельсовета, где вы жили, и через десять дней представьте мне. В противном случае придется вас исключить как человека случайного» [3, 7–8].

Эта история чем-то очень похожа на историю самого ректора Татарского института просвещения Булата Мазитовича Салиева, который сам когда-то выступил в роли «нелегального учителя», обучая детей в кишлаке Джагабайлы под Ташкентом. «Он вступил в конфликт с властями, так как эти школы существовали нелегально – царское правительство преследовало учителей-джадидов. Полиция смогла раскрыть его работу, и под конвоем он был отправлен в Ташкент, где провел пять дней в тюрьме. Заниматься преподаванием ему пришлось нелегально – он обучал детей с чалмой на голове в школе, которая находилась в керосиновой лавке, а дети приходили к нему под видом покупателей керосина» [1, 1].

Есть и другие слова Ясыра Шиваза, к примеру, вот так он описывал свои чувства в стенах Татарского института просвещения: «Студент... Как много тогда значило для меня, простого деревенского паренька, это слово. Я представлял, что студент – человек, не знающий ни трудностей, ни усталости, что постоянное дерзновение и постоянные поиски – это неизменные его спутники. И сам я, обрадованный вестью о предоставлении советским дунганам права иметь свою письменность, дерзал и искал – уже в стенах института я принимал активное участие в разработке письменности для своего народа, используя сначала арабскую, а затем латинскую графику. Там же мы выпускали рукописный журнал «Сюэ-сын» («Студент»)).

И действительно, если посмотреть фильмы тех времен, везде и повсюду царила атмосфера патриотизма, вера в светлое будущее, в социализм и коммунизм. До Октябрьской революции кино было немым, и поэтому основная его функция была развлекательной. С появлением звука кино наряду с функцией развлечения приобрело статус важного инструмента идеологического воздействия на общество.

В СССР кино использовалось для пропаганды: 1) революционных ценностей; 2) коллективизма; 3) совместного честного труда на благо всего общества; 4) борьбы со старым строем, где было неравенство, где одни были богаче других и диктовали свои условия; 5) героизации рабочего класса. Конечно, такое всеобъемлющее влияние не могло не захватить еще такого юного Ясыра Шиваза, а результат его деятельности мы видим и сегодня. Сейчас Ясыра Шиваза знают и в родном его селе, и в странах СНГ, а также в ближнем и дальнем зарубежье.

Осенью 1930 года в городе Фрунзе в качестве учителя родного языка и литературы начал трудовую деятельность Ясыр Шиваз. Вот так он описывал те моменты: «Плохо, совсем плохо было тогда с учебниками на родном языке. Как сейчас помню, был всего-навсего единственный букварь, составленный моим другом Якубом Джоном, да и тот страдал большими изъянами. Пришлось составлять новый, потом приняться за создание грамматики и хрестоматий. Возникали многочисленные споры с такими же, как и я, молодыми лингвистами и литературоведами. И все это происходило не в Академии наук и не в научно-исследовательском институте (их тогда в республике не было), а в той же школе, в которой мы обучали ребят грамоте.

Все это требовало полной отдачи сил, максимума времени, но стихи все же я не прекращал писать».

Сегодня, спустя много времени, мы вновь возвращаемся к мэтру дунганского слова, но уже к той недостаточно освещенной стороне его образовательной и просветительской деятельности – к школьным учебникам нашего неугомонного предшественника педагога-новатора Ясыра Шиваза.

Его учебники – азбука Elif-bie (1931) и буквари Şызькуэ (1935), «Шызыкүэ» (1955) – поистине находка для любого методиста, так как в них они увидят то, что уже давно волновало учителей и преподавателей родных и иностранных языков, а именно: развитие на начальных этапах грамотности навыка говорения – одного из главных показателей знания того или иного языка.

Отправной точкой создания данных азбук и букварей, на наш взгляд, были действующие на то время русские азбуки и буквари, такие как «Родное слово: для детей младшего возраста» К. Ушинского, «Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковно-славянскому чтению и счету» Д.И. Тихомирова, Е.Н. Тихомировой, а также первая, вторая и третья книги «для чтения» С.М. Граменицкого и сопровождающий их сборник для письменных упражнений и правописания. Но наибольшее влияние на внутренний контент первых дунганских азбук и букварей Ясыра Шиваза оказала все-таки методика обучения письму щёжин со всем свойственным ей наполнением. Тот же подход, как при изучении Священного Корана, но с осмысленным содержанием.

Ясыр Шиваза пропустил свои учебники через призму своих знаний и ощущений, свойственных только ему и никому больше. И от этого учебники только выиграли. Возможно, он включил в них те ощущения, которые он, Ясыр Шиваза, испытал сам, будучи ребенком, а теперь во взрослой жизни он просто передал их в своих учебниках. И действительно, как все органично и по-детски мы видим уже в первых уроках – и в главных персонажах, и в образе мамы и кошки, и во всевозможных домашних и рабочих сценах, знакомых дунганским малышам из ближнего круга их жизни. И все это для создания теплой и гармоничной атмосферы и, конечно, для достижения главной цели – овладение начальной грамотой. В подборе рисунков Ясыр Шиваза выступил и как педагог, и одновременно как психолог. Как тонко и точно все у него передано и исполнено на верной ноте.

Сегодня мы уже с уверенностью можем сказать, что в плане образования и просвещения Ясыр Шиваза далеко опередил даже современные методики преподавания языков. Придет время, когда его учебники станут образцами при обучении начальной грамоте для всего мирового образования. То, что сделал Ясыр Шиваза, как, впрочем, и Якуб Джон, Юсуп Яншансин, Арли Арбуду, а позднее Бугаза, Х., Дүваза Б., Сеитова Ф.З., Дыдыху А.Л., Сыва У.Э. все их азбуки и буквари могут пролить новый свет, но уже в глобальном образовании.

Список использованной литературы

1. <https://milliard.tatar/news/bulat-saliev-kak-tatarin-iz-astraxani-stal-osnovopoloznikom-uzbekskoi-istoriceskoi-skoly-7397>
2. Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
3. Ю. Яншансин. Вопросы орфографии дунганского языка. Проект орфографии дунганского языка. Фрунзе. Киргизгосиздат. 1937. С. 5
4. Ясыр Шиваза. Стихи. Перевод с дунганского. Москва. Художественная литература 1976. С. 7-8.
5. Джон Я. Букварь для детей. Фрунзе., Киргизгосиздат, 1929. – 58 с.
6. Şyvaзъ, J. (1931). Elif-bie. Frunze. Кирглавлит № 58. Типография Ц.С.Н.Х. № 1. Зак. № 1485. – 39 с.
7. Şyvaзъ, J. (1935). Şyзъкуэ. Упол. Кирлит. № 105, Киргосиздат № 33 Фрунзе. тип, № 1. Зак. № 222 – 67 с.
8. Шиваза, Я., Яншансин, Ю. (1955). Шызыкуэ (букварь). – Фрунзе. – 116 с.
9. Арбуду, Э. (1979). Шызыкуэ (букварь) Хырхыз Гуйжяди «Мектеп» Жёщүэ Чубан. 1979. – 118 с.
10. Бугаза, Х., Дүваза Б., (1993). Шызыкуэ (букварь). – Алматы: Мектеп. – 119 с.
11. Сеитова Ф.З., Дыдыху А.Л., Сыва У.Э. (2021). Бёфэ Шызыкуэ Азбука-читалочка: Учебно-методическое пособие. – Алматы. – С. 118.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Сун Ц., Сунь Ц., Бянь М., Сяо Ф., Кожомкулова Д.Н.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Сун Ц., Сунь Ц., Бянь М., Сяо Ф., Кожомкулова Д.Н.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Song C., Sun Q., Bian M., Xiao F., Kozhomkulova D.N.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0206-4203>¹

**САНАРИПТИК ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫН НЕГИЗИНДЕ ИШКАНАНЫН
ФИНАНСЫЛЫК МААЛЫМАТТАШТЫРУУ СИСТЕМАСЫН ТҮЗҮҮНҮ ТАЛДОО
(NETEASE КОМПАНИЯСЫНЫН МИСАЛЫНДА)**

**АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ
НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ-НА ПРИМЕРЕ NETEASE
(ПРИМЕНЕНИЕ ПРАКТИКИ)**

**ANALYSIS OF ENTERPRISE FINANCIAL INFORMATIZATION CONSTRUCTION
BASED ON DIGITAL TECHNOLOGIES: A CASE STUDY OF NETEASE (APPLICATION
OF PRACTICE)**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө ишканаларда санариптик технологиялардын негизинде финансылык маалыматташтыруу системасын түзүүнү талдоого арналган жана мисал катары NetEase компаниясынын практикалык тажрыйбасы каралат. Азыркы учурда санариптик трансформация ишканалардын башкаруу системасын түп-тамырынан өзгөртүп, финансылык маалыматтарды иштетүү, талдоо жана колдонуу процесстерин оптималдаштырууга мүмкүнчүлүк берүүдө. Финансылык маалыматташтыруу маалыматтык технологияларды колдонуу аркылуу финансылык башкарууну автоматташтыруу жана анын натыйжалуулугун жогорулатуу процесси катары каралат. Изилдөөдө NetEase компаниясынын финансылык башкаруу системасынын өзгөчөлүктөрү талданып, анын санариптик платформаларды, чоң маалыматтарды жана булут технологияларын колдонуу аркылуу ишке ашырган инновациялык чечимдери каралат. Авторлор компаниянын финансылык маалыматтарды реалдуу убакыт режиминде иштетүү, ресурстарды оптималдуу бөлүштүрүү жана стратегиялык чечимдерди негиздөө мүмкүнчүлүктөрүнө өзгөчө көңүл бурушат. Мындан тышкары, ишканаларда финансылык маалыматташтыруу системасын киргизүүнүн негизги көйгөйлөрү, анын ичинде техникалык инфраструктуранын жетишсиздиги, кадрдык ресурстардын чектелиши жана маалыматтык коопсуздук маселелери талданат. Ошол эле учурда бул көйгөйлөрдү чечүү үчүн санариптик компетенцияларды өнүктүрүү, башкаруу системасын жаңылоо жана инновациялык технологияларды интеграциялоо боюнча сунуштар берилет. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, санариптик технологияларды колдонуу финансылык башкаруунун ачыктыгын, натыйжалуулугун жана туруктуулугун жогорулатып, ишкананын атаандаштык жөндөмдүүлүгүн бекемдейт.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу построения финансовой информатизации предприятия на основе цифровых технологий на примере компании NetEase. В условиях стремительного развития цифровой экономики предприятия сталкиваются с необходимостью модернизации финансовых систем и внедрения инновационных решений для повышения эффективности управления. Финансовая информатизация рассматривается как ключевой инструмент оптимизации процессов обработки, анализа и использования финансовой информации. В работе анализируются особенности финансовой системы компании NetEase,

которая активно внедряет современные цифровые технологии, включая облачные вычисления, большие данные и автоматизированные платформы управления. Особое внимание уделяется способности компании обрабатывать финансовую информацию в режиме реального времени, что способствует повышению точности управленческих решений и эффективности распределения ресурсов. Также в исследовании рассматриваются основные проблемы внедрения финансовой информатизации, такие как недостаточная развитость технической инфраструктуры, дефицит квалифицированных специалистов и риски, связанные с информационной безопасностью. Авторы предлагают комплексный подход к решению этих проблем, включающий развитие цифровых компетенций, модернизацию систем управления и интеграцию инновационных технологий. Результаты исследования подтверждают, что цифровизация финансовых процессов способствует повышению прозрачности, эффективности и устойчивости деятельности предприятия, а также усиливает его конкурентные позиции на рынке.

Abstract: This study focuses on the analysis of enterprise financial informatization based on digital technologies, using NetEase as a practical case study. In the era of rapid digital transformation, companies are increasingly required to modernize their financial management systems by integrating advanced technologies to enhance efficiency and decision-making processes. Financial informatization is defined as the application of information technologies to automate and optimize financial operations. The research examines the financial management system of NetEase, highlighting its use of digital platforms, cloud computing, and big data analytics to improve financial data processing and analysis. Particular attention is given to the company's ability to operate in real-time environments, enabling more accurate decision-making and efficient resource allocation. In addition, the study identifies key challenges in implementing financial informatization, including insufficient technological infrastructure, a lack of skilled personnel, and data security concerns. To address these issues, the paper proposes strategic solutions such as investing in digital competencies, upgrading management systems, and adopting integrated technological frameworks. The findings demonstrate that the implementation of digital technologies significantly improves financial transparency, operational efficiency, and organizational resilience. Moreover, financial informatization enhances the company's competitiveness and supports sustainable development in a dynamic business environment.

Негизги сөздөр: финансылык маалыматташтыруу; санариптик технологиялар; NetEase; чоң маалыматтар; булут технологиялары; автоматташтыруу; финансылык башкаруу.

Ключевые слова: финансовая информатизация; цифровые технологии; NetEase; большие данные; облачные вычисления; автоматизация; финансовое управление.

Keywords: financial informatization; digital technologies; NetEase; big data; cloud computing; automation; financial management.

With the rapid development of emerging technologies such as big data, artificial intelligence, and cloud computing, corporate financial management is transitioning from traditional post-event accounting to real-time decision support. Financial informatization is not only an inevitable choice for upgrading internal management, but also a key support for achieving business-finance integration, risk prevention, and strategic empowerment [1].

As a leading enterprise in China's internet technology industry, NetEase has built a vast commercial ecosystem after more than two decades of development. Its core business segments not only include globally renowned online game development and operations but also cover diversified business areas such as the NetEase Yanxuan e-commerce platform, NetEase Youdao intelligent education, NetEase Cloud Music streaming services, and 163/126 email services. With the continuous expansion of its business landscape, the organizational structure of NetEase Group has become increasingly complex, involving

the coordinated operations of dozens of subsidiaries and business units, with annual financial data reaching the scale of hundreds of billions. To address the financial management challenges brought by diversified operations, NetEase has vigorously promoted the digital transformation strategy in recent years, comprehensively restructuring financial business processes through the introduction of cutting-edge technologies such as cloud computing, big data analysis, and artificial intelligence. Currently, NetEase has successfully implemented innovative applications such as automated expense reimbursement processing, intelligent financial statement generation, and real-time aggregation of financial data across business lines, building an integrated business-finance smart financial platform. It is widely recognized in the industry as a benchmark case of a "digital native enterprise".

(1) Business diversification drives the need for financial system upgrades

NetEase operates multiple subsidiaries, including NetEase Games, NetEase Cloud Music, NetEase Yanxuan, and NetEase Youdao. Each business unit has significant differences in financial processes and data metrics, making it difficult for traditional financial systems to support unified management across businesses and regions [2].

Different business segments exhibit significant disparities in cost accounting, revenue recognition, and budget management. For instance, the accounting treatment for in-game item sales revenue in gaming businesses starkly differs from that for e-commerce platform transaction revenues, making it difficult for traditional decentralized financial systems to achieve standardized data integration. Meanwhile, various business units operate on different versions of financial software, with some subsidiaries still relying on localized financial systems running independently. Cross-departmental data sharing requires manual export and secondary processing, leading to both delayed data and potential inaccuracies due to human operational errors. Additionally, as overseas operations expand, differences in tax policies and accounting standards across countries and regions further complicate financial accounting. The limitations of traditional financial systems in multi-currency settlements and cross-border tax compliance are becoming increasingly apparent, necessitating a unified digital platform for centralized global financial data management and compliance processing [3].

Against the backdrop of NetEase Group's comprehensive implementation of a digital transformation strategy, the role of the finance department has fundamentally evolved, transitioning from a traditional "accounting recorder" to a more strategically significant "value creator." By introducing advanced digital tools and intelligent systems, the NetEase finance team has significantly enhanced the real-time updating capabilities of financial data, precision in accounting, and the effectiveness of visual presentations. These digital transformation initiatives not only optimize internal financial management processes but also serve as a core support point for NetEase to achieve refined operational management and improve decision-making efficiency, providing robust data assurance and decision-making foundations for the realization of the group's overall strategic objectives.

(1)ERP System Implementation: Building an Integrated Business and Finance Platform

NetEase has implemented an ERP system to achieve deep integration of financial and procurement, sales, inventory, human resources, and other business systems, breaking down information silos and improving data consistency and process efficiency.

-System customization and integration services: Based on NetEase's unique business characteristics, the ERP system has undergone comprehensive and in-depth customization. The system seamlessly integrates with existing financial systems, human resources systems, and supply chain management systems. With standardized interface technology and middleware solutions, it ensures real-time data transmission and efficient collaboration of processes between various systems.

-Data migration and business process optimization: During the system deployment period, NetEase redesigned and optimized multiple financial processes. We have focused on improving key

business processes such as expense reimbursement, budget control, and fund payment. By introducing intelligent audit rules and automated processing tools, we have significantly improved the efficiency of financial operations. All processes have been re planned according to international standards, achieving standardization and automated management throughout the entire process [4].

-System training and promotion application strategy: To ensure the smooth implementation of the system, NetEase has developed a phased training plan and support program. Through various methods such as basic operation training, advanced function explanation, and simulated scenario exercises, systematically teach financial personnel and business users in a hierarchical manner. At the same time, a comprehensive on-site support system and rapid response mechanism have been established. Through continuous technical guidance and operational guidance, users are able to proficiently master the system functions, thereby effectively improving the overall utilization rate and application level of the system.

(2)Construction of Financial Sharing Platform: Promoting Intensive Financial Management

The NetEase Financial Sharing Platform is the core carrier of its financial information construction, which optimizes the allocation of financial resources through centralized processing of transactional work such as accounting, settlement, and reporting.

-Intelligent audit mechanism: The platform introduces "digital employee" technology and relies on rule engines and AI models to automatically identify abnormal documents, duplicate reimbursements, illegal payments, and other behaviors, significantly improving audit efficiency.

-Risk warning system: Through real-time linkage of contract, order, and payment data, the platform can monitor risks throughout the entire process before, during, and after the event, and promptly detect issues such as abnormal prepayments from suppliers and duplicate fund payments.

-Business finance integration capability: The shared platform not only processes financial data, but also efficiently links with procurement, contract, and project management systems, achieving a closed-loop management model of "business driven finance and finance feedback business".

(3) Digital Employee Application: Unleashing the Value of Financial Data

At the 2025 NetEase Innovation Enterprise Conference, NetEase Smart released its Financial Data Analysis Digital Employee, marking a new stage in its financial intelligence.

-Automatic report generation: Digital employees can automatically generate financial statements and business analysis reports based on preset templates and data interfaces, reducing manual intervention.

-Intelligent data insights: Through natural language processing and machine learning technologies, digital employees can identify abnormal fluctuations and trend changes in financial data to assist management decision-making.

-Knowledge accumulation and reuse: Digital employees can store structured knowledge such as historical analysis models, budget rules, audit experience, etc., forming an enterprise financial knowledge base and enhancing organizational learning capabilities.

(1) Significant improvement in financial efficiency

Through system automation and process optimization, NetEase's financial processing cycle has been significantly shortened. For example, the approval time for expense reimbursement has been shortened from 3-5 days to within 1 day, and the end of month closing time has been advanced by more than 30%.

(2) Enhanced risk control capability

With the help of intelligent auditing and risk warning mechanisms, NetEase has effectively curbed issues such as duplicate payments, over budget expenditures, and false reimbursements, significantly improving financial compliance.

Financial function transformation and upgrading

Financial personnel are liberated from heavy accounting work and are more involved in high value-added tasks such as budget management, business analysis, and strategic support, promoting the transformation of finance into a "value partner" [5].

(1) Technology driven is the foundation, process reengineering is the key

NetEase's practice has shown that financial informatization is not only about "going to the system", but also about "changing processes". Enterprises should take business process reengineering as a prerequisite and promote the deep integration of systems and businesses.

(2) Data governance is the core, talent transformation is the guarantee

The success of financial informatization relies on high-quality data governance mechanisms and a composite talent team. Enterprises should strengthen the construction of data standardization and promote the development of financial personnel towards dual capabilities of "finance+technology".

(3) Intelligent applications are the trend, and ecological collaboration is the future

With the maturity of technologies such as AI, RPA, and big data, financial intelligence will shift from "tool assisted" to "autonomous decision-making". Enterprises should build an open technology ecosystem and promote the interconnection and interoperability of financial systems with external platforms, industry data, and regulatory systems.

NetEase's financial information construction practice fully reflects the enormous potential of digital technology in promoting enterprise financial transformation. From ERP systems to shared platforms, and then to digital employees, NetEase constantly explores the boundaries of financial management and builds an efficient, intelligent, and compliant modern financial system. In the future, with the continuous evolution of technology, financial informatization will further move towards "financial intelligence" and become the core engine of enterprise digital transformation.

List of used literature

1. NetEase Data Services | The Transformation Journey of Next Generation Financial Sharing from Process Optimization to Data Empowerment 2025-01-21.
2. Zhihu Column NetEase Smart releases CoreAgent intelligent agent platform, launching six major digital employees 2025-05-23.
3. Top Net Looking at the current situation of enterprise digital transformation from the white paper "The Road to Enterprise Digital Upgrade" by NetEase Smart Enterprise 2025-07-01.
4. Jian Daoyun How does NetEase implement ERP? June 14, 2024
5. Jian Daoyun How to operate NetEase ERP 2024-06-13.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаева Ирина Борисовна

Сы Ц.

Ланьчжоу университети, КЭР

Сы Ц.

Ланьчжоуский университет, КНР

Si J.

Lanzhou University, PRC

ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ПОЭЗИЯСЫ ЖАНА ОРУС МАДАНИЯТЫ

ПОЭЗИЯ ЯСЫРА ШИВАЗЫ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

THE POETRY OF YASYR SHIVAZA AND RUSSIAN CULTURE

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала көрүнүктүү дунган акыны, котормочу жана тилчи Ясыр Шивазанын поэзиясы менен орус маданиятынын ортосундагы өз ара байланышты изилдөөгө арналган. Автор акындын чыгармачылыгы кытай жана дунган маданий салттары менен катар орус маданий чөйрөсү менен да тыгыз байланышта калыптанганын белгилейт. Макалада орус маданиятынын Шивазанын поэзиясына тийгизген таасири ачык жана жашыруун деңгээлдерде талдоого алынат. Ачык таасир тилде, поэтикалык образдарда, тематикада жана көркөм формаларда көрүнсө, жашыруун таасир орус адабий агымдарынын, гуманисттик идеяларынын жана көркөм салттарынын таасири аркылуу чагылдырылат. Изилдөөдө орус тилинен кирген сөздөрдүн, советтик коомдук-саясий лексиканын жана революциялык темалардын акындын поэтикалык мурасында кеңири колдонулушу мисалдар аркылуу көрсөтүлөт. Ошондой эле Сергей Есенин, Александр Пушкин, Владимир Маяковский сыяктуу орус акындарынын чыгармачылыгы Ясыр Шивазанын көркөм дүйнөсүнүн калыптанышына олуттуу таасир эткени белгиленет. Макалада Шивазанын поэзиясындагы орус жана Борбор Азия маданиятына байланышкан образдар, тарыхый окуялар жана адабий каармандар кеңири талданат. Автор Ясыр Шиваза орус маданиятынын мыкты салттарын дунган адабиятынын улуттук өзгөчөлүктөрү менен органикалык түрдө айкалыштырып, маданияттар аралык өз ара аракеттенүүнүн уникалдуу көркөм мейкиндигин жараткан деген жыйынтыкка келет. Изилдөө акындын чыгармачылыгы маданий диалогдун жана элдердин достугунун маанилүү мисалы экендигин көрсөтөт.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию взаимосвязи поэзии выдающегося дунганского поэта, переводчика и лингвиста Ясыра Шивазы с русской культурой. Автор подчёркивает, что творчество поэта формировалось не только под влиянием китайской и дунганской культурных традиций, но и в тесной связи с русской культурной средой. В статье рассматриваются как эксплицитные, так и имплицитные формы влияния русской культуры на поэзию Шивазы. Эксплицитное влияние проявляется в языке, поэтических образах, тематике и художественных формах, тогда как имплицитное связано с воздействием русских литературных течений, гуманистических идей и художественных традиций. Автор анализирует использование русских заимствований, советской общественно-политической лексики и революционной тематики в поэтическом наследии Шивазы. Особое внимание уделяется влиянию творчества русских поэтов, таких как Сергей Есенин, Александр Пушкин и Владимир Маяковский, на формирование художественного мира дунганского поэта. В статье подробно рассматриваются русские и центральноазиатские культурные образы, исторические события и литературные персонажи, представленные в поэзии Шивазы. Делается вывод о том, что Ясыр Шиваза сумел органично соединить лучшие традиции русской культуры с национальными особенностями дунганской литературы, создав уникальное художественное пространство межкультурного взаимодействия. Исследование подчёркивает значение творчества поэта как важного примера культурного диалога и дружбы народов.

Abstract: This article is devoted to the study of the relationship between the poetry of the outstanding Dungan poet, translator, and linguist Yasyr Shivaza and Russian culture. The author emphasizes that the poet's creative work was shaped not only by Chinese and Dungan cultural traditions but also in close interaction with the Russian cultural environment. The article examines both explicit and implicit forms of Russian cultural influence on Shivaza's poetry. Explicit influence is reflected in language, poetic imagery, themes, and artistic forms, while implicit influence is associated with Russian literary movements, humanistic ideas, and artistic traditions. The study analyzes the use of Russian borrowings, Soviet socio-political vocabulary, and revolutionary themes in Shivaza's poetic heritage. Particular attention is paid to the influence of Russian poets such as Sergei Yesenin, Alexander Pushkin, and Vladimir Mayakovsky on the formation of the Dungan poet's artistic worldview. The article also explores Russian and Central Asian cultural images, historical events, and literary characters represented in Shivaza's poetry. The author concludes that Yasyr Shivaza successfully combined the best traditions of Russian culture with the national characteristics of Dungan literature, creating a unique artistic space of intercultural interaction. The study highlights the importance of his works as a significant example of cultural dialogue and friendship among peoples.

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган поэзиясы; орус маданияты; маданияттар аралык байланыштар; адабий таасир; поэтикалык образдар; көркөм дискурс; маданий мурас.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунганская поэзия; русская культура; межкультурные взаимодействия; литературное влияние; поэтические образы; художественный дискурс; культурное наследие.

Keywords: Yasýr Shivaza; Dungan poetry; Russian culture; intercultural relations; literary influence; poetic imagery; artistic discourse; cultural heritage.

Ясыр Шиваза — выдающийся дунганский поэт, основоположник дунганской письменной литературы в Центральной Азии, а также известный лингвист и переводчик. После публикации своего первого сборника стихов «Утренняя звезда» в 1931 году, он последовательно выпустил около сорока поэтических сборников, включая «Волны революции» и «Избранные стихи». Его произведения публиковались на русском, киргизском и дунганском языках, а некоторые также были переведены на китайский, английский, французский и многие другие языки. Они стали общим духовным богатством дунганского и киргизского народов, поэтому его называют «народным поэтом Киргизии».

Поэзия Ясыра Шивазы привлекла широкое внимание учёных по всему миру, были опубликованы многочисленные исследовательские монографии и статьи. Изучая исследования творчества Ясыра Шивазы и его произведений, проведённые отечественными и зарубежными учёными, автор обнаружил, что большинство зарубежных исследователей уделяют основное внимание общему анализу и оценке жизненного пути и творчества поэта, в то время как отечественные исследователи сосредотачиваются на раскрытии смыслового содержания его произведений и углублённом изучении их связи с китайской культурой. Как зарубежные, так и отечественные исследователи уделяют мало внимания взаимосвязи поэзии Шивазы с русской культурой. На самом деле, влияние русской культуры на поэзию Шивазы является всесторонним, включая как эксплицитные, поверхностные, так и имплицитные, глубокие аспекты. Поэтому в данной статье предполагается исследовать взаимосвязь его поэтического творчества с русской культурой с трёх сторон: эксплицитное влияние русской культуры на поэзию Ясыра Шивазы, имплицитное влияние русской культуры на его поэзию, а также русские мотивы в творчестве Ясыра Шивазы. Это позволит восполнить пробелы в современных исследованиях.

I. Эксплицитное влияние русской культуры на поэзию Ясыра Шивазы

Живя в регионе Центральной Азии, где русская культура являлась доминирующей, Ясыр Шиваза, сохраняя верность национальным корням в своём творчестве, неизбежно впитал в себя элементы русской культуры. Как отмечал Чингиз Айтматов: «У каждой современной

советской литературы два истока: один — собственная национальная традиция, другой — традиция русской культуры» [1]. Эксплицитное, поверхностное влияние русской культуры на поэзию Ясыра Шивазы проявляется на различных уровнях: в языке, образах, тематике и форме его стихотворений. Русская культура стала одним из важнейших культурных кодов в творчестве поэта.

1. Влияние русского языка на поэзию Ясыра Шивазы

Дунганский литературный язык представляет собой северо-западный диалект китайского языка, записанный славянской азбукой. Если дунганский язык как родной язык дунганцев играет неоценимую роль в сохранении традиционной дунганской культуры и укреплении национального самосознания, то русский язык служит для дунганцев важным инструментом культурного обмена, развития национальной культуры и повышения уровня развития нации. Влияние русского языка на дунганцев проявляется не только в его функции как средства общения, но и в заимствованиях из русского языка в дунганский. Среди заимствований в дунганском языке наибольшую долю составляют русские заимствования [2]. Эти заимствования являются важным фактором, формирующим облик дунганского языка как языка с «иностранными гостями», и заметной особенностью, отличающей дунганский язык от современных шэньси-ганьсуских диалектов [3]. Поэтический язык Ясыра Шивазы также обладает этой особенностью, например, использование таких слов, как Москва, Гитлер, Ленин, Вьетнам, фашист, Аврора и др.; а также заимствование русской лексики для обозначения новых явлений, таких как клуб, комбайн, трактор, колхоз, комсомол, телевизор, транзистор и др. В поэзии Ясыра Шивазы также встречаются слова, калькированные с русского языка, например, детский дом, детский сад, Великая Отечественная война, выйти в свет и т.д. Из этого видно глубокое влияние русского языка и образа мышления на поэта. Использование русского языка значительно обогатило словарный состав поэзии Шивазы, усилило выразительные возможности его стихов, наполнив их духом времени и жизненным дыханием. Например, в поэме «У нас в Иньпане» поэт описывает мощь электростанции: «Дуэшо жуэ та зўдини. Тади лилён, / Комбайн е зуди́ни, лян чуан йиён. / Ба вим та е жёдини, мыйзы та ён, / трактор та е ёдини, лян жын йиён.» [4, 401]. В каждой строке используется русское слово, что делает стих легкочитаемым, ритмичным и придаёт его поэзии ярко выраженный колорит иной культуры.

2. Влияние русских поэтических образов на поэзию Ясыра Шивазы

В поэзии Ясыра Шивазы присутствует множество китайских культурных образов. Например, в стихотворении «Я размышляю» встречаются такие образы, как Млечный Путь (Тяньхэ) и Матушка-царица Запада (Ванмунян). Однако, поскольку поэт жил в Центральной Азии, природные и культурные образы этого региона, а также России, также занимают значительное место в его творчестве. Так, в стихотворении «Герой» упоминаются бойцы с берегов Днепра (Украина), из Алма-Аты и из Рязани — родины Есенина, что передает природные образы и культурную атмосферу Центральной Азии и России.

Сергей Есенин — один из любимых поэтов Шивазы. Образы есенинской поэзии в основном черпаются из природы и его родного края: небо, луна, звезды, деревня, поля, собака, береза, соловей и другие. Поэтические образы Шивазы также сосредоточены на прекрасной родной земле: солнце, луна, звезды, Тянь-Шань, река Чу, соловей, тополь. С одной стороны, оба поэта выходцы из крестьянских семей и питают глубокие чувства к родной земле и природе. С другой стороны, прослеживается заимствование Шивазой художественных приемов Есенина, что особенно ярко проявляется в стихотворении «Береза». В нем описывается береза у родника: «её дом в Рязани», но ветер забросил её на родину поэта в Центральной Азии. Здесь Рязань прямо указывает на родину Есенина, а сама береза является одним из центральных образов его творчества.

3. Влияние русских поэтических тематик на поэзию Ясыра Шивазы

Многие произведения Ясыра Шивазы посвящены коренным изменениям в жизни дунганского народа, вызванным Октябрьской революцией. Стихотворение «Песня о судьбе»

можно назвать воплощением судьбы и жизни трех поколений дунган: «мой дед», живший в цинском Китае, «мой отец» в эпоху царской России и «я», живущий в советском социалистическом государстве. В определенном смысле это «эпос» о дунганском народе с глубоким историческим содержанием. Кроме того, он написал такие произведения, как «Красный Октябрь», «Революция», «Защита революции» и «Я жду», отражающие страдания народа в прошлом и радость после освобождения.

Шиваза также посвятил множество стихов Ленину. В раннем произведении «Песня о Ленине» он называет его «светом мира». После 1936 года творчество поэта вступило в период зрелости. В это время главной темой становится социалистическое строительство и образы «новых дунган», создающих новый строй, что отражено в поэмах «Ван», «Дунгане», «У нас в Иньпане». Последняя живописует трудовые будни советских дунган и воспекает колоссальные перемены в социалистическом селе, передавая гордость автора за принадлежность к единой советской семье. Стихотворение «Древо жизни» также воспекает счастливую жизнь народа. Подобных произведений в его творчестве бесчисленное множество, и они составляют основу его поэтического наследия.

4. Влияние русских поэтических форм на поэзию Ясыра Шивазы

В области поэтической формы Ясыр Шиваза экспериментировал с различными структурами: семисловным стихом, фольклорным стилем, «лесенкой» и свободным стихом. Однако наиболее характерной и часто используемой формой стал его авторский стиль «семь-четыре», также называемый «стилем Шивазы» [5]. Стоит отметить, что «стихотворная лесенка» была заимствована Маяковским у французского футуриста Гийома Аполлинера и адаптирована в новую советскую поэтическую форму. Она отличается четкой структурой, коротким ритмом, чеканной рифмой и энергичной мелодикой. Обладая мощной силой призыва и агитации, эта форма идеально подходила для выражения пафоса революции и строительства, оказав огромное влияние на советское общество. Шиваза использовал «лесенку» в своих ранних произведениях, например, в стихотворении «Красивый цветок» (Щюлю хуар), что наглядно демонстрирует глубокое влияние советского поэтического искусства на его творчество.

Сыхур гуэли,
Фи тонли,
Йинщён е бу жянли.
Щинжун цонли,
Лян хунли,
Дамын дони нанли [6, 167].

II. Имплицитное влияние русской культуры на поэзию Ясыра Шивазы

Влияние русской культуры на творчество Ясыра Шивазы проявляется как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях. Имплицитное проявляется главным образом в русских литературных течениях, литературных концепциях и традициях, а также в духе русской культуры. Как отметила исследователь дунганской культуры Дин Хун: «В силу долговременного политического доминирования русских в Центральной Азии и их богатых культурных традиций, дунганцы в значительной степени испытали влияние русской культуры. Это влияние проявляется не только в использовании языка, но и в сферах материальной и духовной культуры» [7].

1. Влияние советских общественных и литературных течений на поэзию Ясыра Шивазы

После Октябрьской революции в СССР дунганская нация, как одна из народностей многонационального советского государства, вместе с другими народами освободилась от господства царской России и встала на путь социализма, внедрив общественную собственность и участвуя в строительстве социалистического государства. В этот период воспевание пролетарской революции, свергнувшей старый мир, и отражение новой жизни, нового духа после революции стали новым требованием эпохи к литературе. Поэтическое

творчество Шивазы отвечало этому требованию времени. В стихотворении «Киргизстан» он пишет: «Чын бый нянжя Ала-Тоо / Мо жян тээн, / Хи йүн яди шынхуали, / Жын тэ нежон. / ... / Кэсы Шыйүэ долэли. / Да хун тээн / Ба Ала-Тоо жо хунли, / Лян жян йиён, / Тясан хуэли, ю минли, / Вугынцыр чон.» [6,20]. Кроме того, стихотворения, такие как «Девушка-всадница», «У нас в Иньпане», «Девушка Ма сбежала» и другие, отражают радость простых людей после освобождения, формируя образы нового человека новой эпохи.

В период Великой Отечественной войны народы Советского Союза прошли суровые испытания антифашистской войны, заплатив огромную цену. Перед лицом жестокой войны патриотизм, героизм и национальное единство стали главными темами литературного творчества всех народов СССР. Шиваза, работая военным корреспондентом, также отправился на фронт. Он создал множество лирических стихотворений, поднимающих боевой дух, и воспел образы героев, сражавшихся насмерть за защиту Родины. Такие его произведения, как «Солдат революции», «Богатырь Тянь-шаня», «Смерть героя», «Победа», «Фашистам» и другие, также проникнуты духом патриотизма и героизма.

2. Влияние русских литературных концепций и традиций на поэзию Ясыра Шивазы

Гражданская лирика является выдающейся традицией русской поэзии, проходящей нитью сквозь творчество Державина, Радищева, Пушкина, Рылеева, Некрасова и Маяковского. Под этим влиянием Шиваза создал значительный пласт гражданской лирики. Прежде всего, это выражается в его любви к Родине как советского гражданина, что отражено в произведениях «Как родная мать», «Моя республика» и «Я не могу уйти». Во-вторых, его гражданская позиция проявляется в заботе о судьбе своего народа, как в стихах «Потомкам», «Песня о судьбе» и «Ты — учитель».

Другая важная традиция русской литературы — опора на народную культуру. Пушкин заимствовал и перерабатывал фольклорные сюжеты (например, «Сказка о рыбаке и рыбке»), Есенин черпал вдохновение в народных истоках, а Горький призывал брать темы из народной жизни. Эти традиции глубоко повлияли на Шивазу: его поэзия тесно связана с фольклором как по содержанию, так и по форме. Произведения «Сказка в зеленой сливе», «Жестокое сердце — убыток», «Поющее сердце» и «Увядший цветок» напрямую основаны на народных преданиях. Кроме того, в стихах «Ивовая ветвь» и «Моя сосна» используются дунганские народные обычаи, что подчеркивает его приверженность национальным корням.

3. Влияние гуманистического духа русской культуры по отношению к участи низов общества на поэзию Ясыра Шивазы

Гуманизм является ядром русского национального духа, определяющим моральные суждения и ценностные ориентиры. Русские классики видели в нем душу литературы, а советские писатели XX века — центральную концепцию творчества. Эстетик А. Буров подчеркивал: «Искусство немыслимо без гуманизма, без любви к человеку. Гуманизм — это живая вода высокого искусства, условие его существования. Для истинного художника гуманизм является подлинной профессиональной чертой его характера» [8].

Шиваза создал цикл произведений о Великой Отечественной войне, где патриотизм неразрывно связан с глубоким гуманизмом. В стихотворении «Это и есть война» описывается дуэль двух солдат: один погибает, оставляя в поле новую могилу, но поэт сострадает его семье — молодой вдове и ребенку, который тщетно ждет отца: «Жяни цифур дындини / Лян хуар йиён, / Чынха нянчин гуафули, / Та тэ нежон. / Данпа щё хэр кўдини / – Ама, ни фэ, / Дуэхур вэ да хуэйлэни, / Та кэ бо вэ?» [4, 64] Для выжившего солдата финал не менее трагичен: завтра он может разделить ту же участь, оставив свою жену в вечных слезах. Подобный гуманистический пафос пронизывает также произведения «Я тоже солдат», «России не нужна война», «Песня жены» и «Смерть героя».

III. Русский комплекс в творчестве Ясыра Шивазы

Термин «комплекс» часто используется в различных контекстах. В психоаналитической теории Фрейда он обозначает желания, эмоции или идеи, которые вытеснены сознанием, но

сохраняются в подсознании, будучи сосредоточенными вокруг инстинктивных импульсов. Позже Юнг использовал понятие «комплекс» для описания скопления идей, сопровождающихся сильными эмоциями и поведением. В последние годы это понятие вошло в повседневный язык в более широком, обобщённом значении. В данной статье под «русским комплексом» подразумевается глубоко укоренённая в душе писателя привязанность к русской культуре, любовь к русской земле и российскому национальному государству, что в его произведениях проявляется в описании русских народных обычаев, а также в частом обращении к русским персонажам и событиям.

1. Привязанность к русской культуре

Для поколения Ясыра Шивазы русская культура была не просто увлечением, но также ценностной ориентацией и духовным стремлением. По словам Макеевой, ещё во время учёбы в Ташкентском педагогическом институте Шиваза горячо увлекался русской классической поэзией, участвовал в литературном кружке при институте, занимался редактированием рукописного журнала «Студент», где публиковал свои произведения. Он также переводил на дунганский язык стихи Пушкина, Маяковского, Некрасова и других поэтов. Шиваза глубоко почитал Пушкина, о чём он написал в своём сборнике стихов «Голубая река»: «И ныне мой народ безвестный / Узнал тебя, певец чудесный, / И он родным тебя зовет» [9]. Он многократно упоминал Пушкина в своих стихах. Например, в стихотворении «Я пою во все времена года»: «Вэ е бу зын Москву / – Пушкинди чын. / Вэ е бу кан да чонзы / Зущён Пушкин. / Е бу жё сый нянгэ вэ, / Ба вэ жищён. / Вэ е бу дон йиняр / Бянчын тун щён.» [4, 184]. Его стихотворение «Анчар» написано в подражание одноимённому произведению Пушкина. В 1937 году, к 100-летию со дня смерти Пушкина, поэт перевёл и издал на дунганском языке сборник его стихов. Шиваза унаследовал поэтический дух Пушкина, и в его стихах мы чувствуем такое же воспевание истины, добра и красоты, такое же оптимистичное и любовное отношение к жизни.

2. Любовь к земле Центральной Азии и России

Ясыр Шиваза всю свою жизнь воспевал тему любви к народу и родине, просвещения, прекрасным чувствам и искренней любви, возвышении добра и красоты и осуждении зла и лжи [10]. Его любовь к Родине и родной земле проявляется не только в тоске по исторической родине — Китаю, но и в глубокой привязанности к земле Центральной Азии и России, где он родился и жил. В стихотворении «Моя республика» он называет Казахстан «матерью-родиной»; в «Моей деревне» поэт называет Сяохулу — деревню мусульман Центральной Азии — «матерью-родиной». Кроме того, во многих его стихотворениях, таких как «Иньпань», «Я не могу уйти», «Река Чу», «Небо Тянь-Шаня», «Киргизия», «Мое Иссык-Куль», он выражает любовь к этой плодородной земле Центральной Азии, которая его воспитала. Например, в стихотворении «Иньпань» он пишет: «В Иньпане родился я, вырос я там. / Мальчонкой я бегать любил босиком, / Как ветер носясь по полям и лугам. / Как мне не скучать по Иньпане моем?» [11]

В стихотворении «Москве» Ясыр Шиваза выразил свою неотъемлемую привязанность к российской земле. После окончания Великой Отечественной войны он служил в Москве год и глубоко полюбил этот древний и прекрасный город. Это стихотворение — настоящее отражение его российской связи.

3. Российский комплекс также проявляется в описании русских фольклорных сюжетов и повторном изображении русских персонажей и событий в его произведениях.

Фольклор — это историческое накопление основной культуры народа, которое наиболее всего отражает культурную психологию нации. Стихотворение Шивазы «Рубашка удачи — старинное слово русского народа» описывает русское поверье: «Чуанди хансар ёнхади, / Вэ тинди дуэ. / Жыгэ чё хуа вурсуди / Сый мэ тингуэ / Гуонсы хансар йүнчи да / Е бу жяндян. / Сый дан ёнха чуан хансар, / Йүнчи щён сан» [4, 232].

В русской культуре считается, что родиться «в рубашке» — знак удачи на всю жизнь; того, кто чудом избежал беды, называют «родившимся в рубашке». Использование русского фольклора в поэзии Ясыра Шивазы свидетельствует о его глубоком знании русской культуры.

Русские личности также регулярно появляются на страницах его произведений. В стихотворениях «Ты летишь на Луну» и «Мне крупно повезло» упоминаются «Юрий» и «Гагарин», а в стихотворении «Художница» описывается школьница, которая, хотя у нее еще «желтизна на губах не сошла», сумела «нарисовать Валодю как живого». Под именем «Валодя» подразумевается В. И. Ленин; портрет Ленина упоминается и в произведении «Следы». В поэме «У нас в Иньпане» изображена счастливая жизнь дунган при советском строе: в селах появились электростанции, больницы, клубы и комбайны; в домах стоят телефоны и книжные шкафы с романом М. Горького «Мать», а из радиоприемников звучит Москва. Сама материальная и духовная жизнь дунган пропитана русско-советской культурной атмосферой. Наконец, отголоски русской истории звучат в стихах «Мой адрес» и «Гул», где упоминаются крейсер «Аврора» и Петроград.

В целом чтобы литература вступила на путь здорового развития, необходимо впитывать передовую культуру и одновременно раскрывать превосходные культурные традиции своего народа. Ясыр Шиваза, придерживаясь позиции равенства национальных культур и стремясь к открытому обмену и духу равноправного диалога, активно впитывал эссенцию русской культуры и культур окружающих народов для обогащения и развития литературы собственного народа. Как отмечает исследователь дунганской литературы профессор Чан Вэньчан: «Будучи представителем литературы этнического меньшинства бывшего Советского Союза, Шиваза, несомненно, находился под сильным влиянием доминирующей русской литературы; с другой стороны, поэт стремился сохранить уникальный культурный код своего собственного народа» [12]. Благодаря этому его поэзия не только глубоко любима дунганскими читателями, но и пользуется большой популярностью среди русских и киргизских читателей; его называют певцом дружбы и братской сплочённости народов СССР. Его стихи не только принесли ему самому огромную славу, но и завоевали высокую репутацию для дунганской литературы и даже для всей мировой литературы на китайском языке, обладая важной литературной ценностью и значением в истории литературы.

Список использованной литературы

1. 陈学讯, 编译. 艾特玛托夫论少数民族文化 [J]. 民族文学研究, 1986(05): 84–88.
2. 丁宏. 试论东干人语言使用特点——兼论东干语与东干文化传承 [J]. 民族研究, 1998(04): 40–48.
3. 海峰. 中亚东干语言研究 [M]. 乌鲁木齐: 新疆大学出版社, 2003: 148.
4. Ясыр Шывазы. Вугынцыр [M]. Бишкек: Илим, 2006.
5. 常文昌, 常立霓. 世界华语诗苑中的奇葩——中亚东干诗人雅斯尔·十娃子论 [J]. 兰州大学学报(社会科学版), 2006(02): 60–64.
6. Ясыр Шывазы. Чунтянди Йин [M]. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
7. 丁宏. 从东干人反观回族的文化认同 [J]. 中央民族大学学报(哲学社会科学版), 2005(04): 47–52.
8. 阿·布罗夫. 艺术的审美本质 [M] / 高叔眉, 冯申, 译. 上海: 上海译文出版社, 1985: 143.
9. Макеева Ф. Х. Становление и развитие дунганской советской литературы [M]. Фрунзе: Кыргызстан, 1984: 48.
10. 杨峰. 文化先驱 民族诗魂——纪念中亚著名东干(回)族诗人雅斯尔·十娃子 [J]. 回族研究, 1999(01): 70–73.
11. Ясыр Шиваза. Лунные строки [M]. Бишкек: Илим, 2006: 187.
12. 常文昌. 亚斯尔·十娃子的创作个性与文化资源 [J]. 中央民族大学学报(哲学社会科学版), 2009(02): 126–131.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Сяо Ц., Тэн Л., У Сэнь., Хань В., Мукамбаева И.Б.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Сяо Ц., Тэн Л., У Сэнь., Хань В., Мукамбаева И.Б.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Xiao J., Teng L., Wu S., Han W., Mukambaeva I.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9323-3756>¹

ГЛОБАЛДЫК СООДА ЭРЕЖЕЛЕРИНИН ӨЗГӨРҮҮ ШАРТЫНДА УЛУТТУК ЭКОНОМИКАЛЫК БАШКАРУУ ҮЧҮН ЖАҢЫ ЧАКЫРЫКТАР

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРАВИЛ ГЛОБАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ

NEW CHALLENGES FOR NATIONAL ECONOMIC GOVERNANCE UNDER THE RECONSTRUCTION OF GLOBAL TRADE RULES

Кыскача мүнөздөмө: Глобалдык экономикалык интеграция үстүртөн интеграциядан терең интеграцияга өтүү менен олуттуу өзгөрүүлөрдү баштан кечирүүдө. ДСУга негизделген салттуу көп тараптуу соода системасынын таасири төмөндөп, анын ордун ири аймактык соода келишимдери (мисалы, СРТРП жана USMCA), плурилатералдык макулдашуулар жана «клубдук модель» менен мүнөздөлгөн жаңы эрежелер тармагы ээлөөдө. Бул макалада соода эрежелеринин парадигмасындагы ушул фундаменталдуу өзгөрүү талданып, дүйнө жүзүндөгү экономикалык саясатты аныктоочу тараптарга коюлуп жаткан жаңы талаптар системалуу түрдө түшүндүрүлөт. Макалада эрежелерди кайра түзүүнүн өзөгү чек арадагы тарифтерди төмөндөтүүдөн чек арадан кийинки ички жөнгө салууну координациялоого өткөнү, ал эми маселелердин чөйрөсү санариптик соода, мамлекеттик ишканалар жана эмгек чөйрөсү сыяктуу жаңы тармактарга чейин кеңейгени белгиленет. Мындай шартта саясатты иштеп чыгуучулар макростратегиядан тартып практикалык ишке ашырууга чейин комплекстүү кыйынчылыктарга туш болушууда. Алар улуттук кызыкчылыктарды коргоо жана барган сайын татаалдашып, бөлүнүп-жарылган глобалдык экономикада өнүгүү мүмкүнчүлүктөрүн табуу үчүн башкаруу концепцияларын, институционалдык потенциалды, билим түзүмдөрүн жана тобокелдиктерди башкаруу ыкмаларын системалуу түрдө кайра карап чыгышы зарыл.

Аннотация: Глобальная экономическая интеграция переживает глубокую трансформацию, переходя от поверхностной к глубокой интеграции. Традиционная многосторонняя торговая система, основанная на ВТО, приходит в упадок, уступая место новой системе правил, характеризующейся масштабными региональными торговыми соглашениями (такими как СРТРП и USMCA), многосторонними соглашениями и «клубной моделью». В данной статье анализируется этот фундаментальный сдвиг в парадигме торговых правил и систематически излагаются новые требования, которые он предъявляет к лицам, определяющим экономическую политику во всем мире. В статье утверждается, что ядро реструктуризации правил сместилось со снижения тарифов на границе к координации внутреннего регулирования за пределами границы, при этом сфера охвата вопросов расширяется на такие новые области, как цифровая торговля, государственные предприятия и сфера труда. В этом контексте политики сталкиваются с комплексными проблемами, охватывающими как макростратегию, так и микрореализацию. Им необходимо срочно систематически перестраивать концепции управления, институциональный потенциал,

структуры знаний и управление рисками для защиты национальных интересов и поиска возможностей развития в условиях все более сложной и фрагментированной мировой экономики.

Abstract: Global economic integration is undergoing a profound transformation from shallow to deep integration. The traditional multilateral trading system, centered around the WTO, is declining, replaced by a new network of rules characterized by large-scale regional trade agreements (such as the CPTPP and the USMCA), plurilateral agreements, and a "club model." This article analyzes this fundamental shift in the trade rules paradigm and systematically expounds on the new requirements it imposes on economic policymakers worldwide. The article argues that the core of rule restructuring has shifted from tariff reductions at the border to domestic regulatory coordination behind the border, with the scope of issues expanding to emerging areas such as digital trade, state-owned enterprises, and the labor environment. Against this backdrop, policymakers face comprehensive challenges from macro-strategy to micro-implementation. They urgently need to systematically reshape governance concepts, institutional capacity, knowledge structures, and risk management to safeguard national interests and seek development opportunities in an increasingly complex and fragmented global economy.

Негизги сөздөр: глобалдык экономикалык интеграция; соода эрежелерин кайра куруу; көп тараптуу соода келишимдери; экономикалык башкаруу; саясатчылар.

Ключевые слова: глобальная экономическая интеграция; реконструкция правил торговли; многосторонние торговые соглашения; экономическое управление; политики.

Keywords: global economic integration; reconstruction of trade rules; multilateral trade agreements; economic governance; policymakers.

Over the past three decades, the driving forces and manifestations of global economic integration have undergone fundamental changes. The multilateral trading system established after World War II, centered around the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) and its successor, the World Trade Organization (WTO), successfully promoted a significant reduction in global tariffs and addressed trade barriers at borders. However, in the 21st century, particularly following the 2008 global financial crisis and recent geopolitical tensions, the limitations of this system have become increasingly apparent. The stalemate in the Doha Round negotiations, the deepening development of global value chains, the burgeoning digital technology revolution, and the urgency of sustainable development have all spurred a process of restructuring global trade rules. This process is not a simple tinkering with the existing system, but rather a "quiet revolution" involving regulatory paradigms, governance structures, and the boundaries of issues. This article will examine the core characteristics of this evolving rule-making process and delve into the systemic new demands it places on the capacity of national economic policymakers [1].

The current restructuring of trade rules exhibits distinct characteristics from the old paradigm, primarily reflected in the following three aspects:

1. From "multilateralism" to the coexistence of "regionalization and plurilateral": The WTO's "package commitment" decision-making model is inefficient due to its large membership and diverse interests. It has been replaced by more flexible Regional Trade Agreements (RTAs) and plurilateral agreements. Large regional agreements such as the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP), the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), and the United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA) are becoming experimental grounds for the formulation of "new trade rules for the 21st century." Through the "pioneer club" model, these

agreements set high-standard rule templates, creating de facto regulatory spillovers and pressure on non-member countries.

2. From "border measures" to a deepening of "behind-the-border rules":

Traditional trade negotiations centered on border measures such as tariffs and quotas. The new rules focus on coordinating domestic regulations, standards, and policies—the "behind-the-border" issues. These include, but are not limited to, competition policy (especially for state-owned enterprises), intellectual property protection, national treatment before investment establishment, labor standards, environmental protection, and transparency in government procurement. This means that trade agreements are evolving from mere "trade tools" to "institutional integrators" that profoundly shape the domestic economic governance structures of the contracting parties [3, p. 679].

The new rules system has significantly expanded the boundaries of "trade."

Digital Trade:

Cross-border data flows, data localization, source code protection, and non-discriminatory treatment of digital products have become core negotiating topics, directly related to national digital sovereignty and industrial development.

Sustainable Development:

Environmental protection (such as climate change and biodiversity) and labor rights (such as freedom of association and collective bargaining) are linked to trade and strengthened through dedicated chapters and dispute settlement mechanisms, making trade policy a lever for advancing social policy goals.

Industrial Policy and Security:

Rules are beginning to cover sensitive areas such as industrial subsidies and forced technology transfer, and are increasingly introducing "national security exceptions," reflecting the tension between economic efficiency and national security [2, p. 19].

Faced with the fundamental shift in the rule's paradigm described above, economic policymakers from all countries must transcend traditional trade negotiation thinking and achieve a comprehensive capacity upgrade.

1.Strategic Requirements:

From "Rule Takers" to "Rule Shapers"

In a fragmented rules system, passive adaptation means marginalization. Policymakers must possess:

Forward-looking agenda-setting capabilities:

They need to accurately assess global economic and technological trends, identify areas that may become future regulatory focal points (such as artificial intelligence governance and carbon neutrality trade standards), and proactively develop domestic policies and conduct pilot projects to accumulate leverage and practical experience for future international negotiations.

Proactive coalition-building capabilities:

On emerging issues, policymakers need to be adept at identifying communities of interest and building flexible and adaptable coalitions. For example, in e-commerce negotiations, like-minded countries can jointly propose initiatives to influence the text of multilateral agreements [4].

The wisdom to balance openness and autonomy:

Deep integration means ceding some policy space. Policymakers must strike a difficult and precise balance between further integration into the global economy and safeguarding core economic sovereignty (such as data security and the protection of key industries). They must avoid undermining a country's long-term interests through excessive openness or being excluded from the mainstream rules system through overprotection.

2. Institutional and Governance Requirements:

Build a governance system featuring "horizontal coordination" and "whole-of-government participation."

Traditionally, trade policy was led by the Ministry of Commerce or the Ministry of Trade, but new rules involve multiple departments, including finance, industry, environment, labor, and digital services. Therefore:

· Breaking Down Departmental Barriers:

A high-level, cross-departmental, and permanent coordination mechanism must be established to ensure a unified and coherent domestic regulatory stance in trade negotiations and policymaking. For example, rules on cross-border data flows require the joint participation of the Ministry of Trade, the Ministry of Industry and Information Technology, the Ministry of Cyberspace Administration, and the Ministry of National Security.

Improving Regulatory Coherence:

Policymakers need to systematically review and assess the gaps between domestic laws and regulations and high-standard international rules and systematically implement reforms and alignment to reduce future international compliance costs and enhance the international appeal of their domestic business environment [1].

· Strengthening local government enforcement:

Many trade agreement commitments (such as government procurement and environmental standards) ultimately require implementation by local governments. Central policymakers must establish effective transmission and oversight mechanisms to ensure the consistent implementation of international commitments at all levels of domestic government.

3. Knowledge and expertise requirements:

From "trade experts" to "comprehensive experts"

The complexity of new issues requires policymakers to possess an interdisciplinary background.

Mastering cutting-edge technologies:

Officials responsible for digital trade need to understand the fundamental principles of data governance, algorithms, and the platform economy; officials responsible for environmental issues need to be familiar with carbon accounting and green technology standards.

Proficient in law and economics:

The negotiation texts for the new rules are highly legalistic and involve complex economic analysis (such as the distortionary effects of subsidies on competition). Policymakers need to possess both the ability to interpret complex legal texts and conduct economic impact assessments.

· Data-driven decision-making capabilities:

When assessing the impact of agreements, we can no longer rely solely on empirical evidence. Instead, we need to use quantitative tools such as big data and computable general equilibrium (CGE) models to accurately simulate the impact of tariff and rule changes on different industries, employment, and welfare.

4. Risk Management Requirements:

Managing "rule fragmentation" and "geoeconomics" risks

The new regulatory system also introduces new uncertainties.

Addressing overlapping and conflicting rules:

A country may be a member of multiple RTAs simultaneously, and the rules of these agreements may differ, creating a "spaghetti bowl" effect. Policymakers need to develop the ability to help businesses, especially small and medium-sized enterprises, understand and utilize the preferential rules of different agreements and provide effective compliance guidance.

Building economic resilience:

The increasing risk of geopolitical conflict and supply chain disruptions requires policymakers to prioritize "economic security" and "supply chain resilience." This includes promoting supply chain diversification, strengthening stockpiles of critical supplies, and developing alternative supply chain networks. However, this may conflict with the efficiency goals of trade liberalization and requires a delicate balance (World Trade Organization, 2021). Leverage Dispute Settlement Mechanisms: Dispute settlement mechanisms in new agreements are often more complex and powerful. Policymakers must not only design favorable mechanisms during negotiations but also cultivate legal teams that are proficient in utilizing these mechanisms to resolve trade frictions [5].

The restructuring of global trade rules is a profound systemic change, marking the beginning of an era of greater complexity, diversity, and uncertainty in global economic governance. For economic policymakers worldwide, this is no longer a simple market access negotiation; it is a comprehensive competition over national governance models, industrial development paths, and future competitiveness. Only by fundamentally renewing concepts, rebuilding capabilities, and reforming systems—achieving a strategic shift from reactive response to proactive planning—can we seize opportunities and mitigate risks in this unprecedented transformation, fostering a favorable international environment for the sustainable development of our economies. Future economic competition will largely be a competition of institutions and rule-making capabilities.

List of used literature

1. Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Harvard University Press.
2. Evenett, S. J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the Global Financial Crisis. *Journal of International Business Policy*, 2(1), 9-36.
3. Hoekman, B. M., & Mavroidis, P. C. (2015). WTO 2.0: Governance and the Rule of Law in the Global Trading System. *Journal of International Economic Law*, 18(4), 679-699.
4. Rodrik, D. (2018). *Straight talk on trade: Ideas for a sane world economy*. Princeton University Press.
5. World Trade Organization. (2021). *World Trade Report 2021: Economic resilience and trade*. WTO Publications.

Рецензент: PhD Имашова Айсулу Абдыкуловна

Тумонбаева А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Тумонбаева А.А.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Tumonbaeva A.A.

KNU Jusup Balasagyn

**ШАНХАЙ КЫЗМАТТАШТЫК УЮМУ ӨЛКӨЛӨРҮНДӨ БИЛИМ БЕРҮҮНҮН
САНАРИПТЕШТИРҮҮ: ОКУТУУНУН САПАТЫН ЖОГОРУЛАТУУҮҮЧҮН ЖАҢЫ
МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨР**

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ШОС: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ**

**DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE SCO COUNTRIES: NEW
OPPORTUNITIES FOR ENHANCING THE QUALITY OF LEARNING**

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Шанхай кызматташтык уюмуна (ШКУ) мүчө өлкөлөрдөгү билим берүүнү санариптештирүүнүн өзгөчөлүктөрү окуунун сапатын жогорулатуунун маанилүү фактору катары каралат. Дистанциялык окутуу, билим берүү платформалары жана жасалма интеллектти колдонуу сыяктуу санариптик технологияларды киргизүүнүн негизги багыттары талдоого алынат. Санариптик трансформациянын артыкчылыктарына өзгөчө көңүл бурулуп, ошондой эле санариптик теңсиздик жана билимди өздөштүрүүнүн тереңдигинин төмөндөшү сыяктуу тобокелдиктер менен кыйынчылыктар каралат. ШКУ өлкөлөрүнүн билим берүү системаларына санариптик технологияларды киргизүүдө комплекстүү жана тең салмактуу мамиленин зарылдыгы жөнүндө жыйынтык чыгарылат.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности цифровизации образования в странах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как важнейшего фактора повышения качества обучения. Анализируются ключевые направления внедрения цифровых технологий, включая дистанционное обучение, образовательные платформы и использование искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется преимуществам цифровой трансформации, а также сопутствующим рискам и вызовам, таким как цифровое неравенство и снижение глубины усвоения знаний. Делается вывод о необходимости комплексного и сбалансированного подхода к внедрению цифровых технологий в образовательные системы стран ШОС.

Abstract: The article examines the features of the digitalization of education in the countries of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) as a key factor in improving the quality of education. It analyzes the main directions of digital technology implementation, including distance learning, educational platforms, and the use of artificial intelligence. Particular attention is paid to the advantages of digital transformation, as well as the associated risks and challenges, such as digital inequality and the decline in the depth of knowledge acquisition. The article concludes that a comprehensive and balanced approach to the integration of digital technologies into the educational systems of SCO countries is necessary.

Негизги сөздөр: билим берүүнү санариптештирүү; ШКУ; дистанциялык окутуу; санариптик билим берүү чөйрөсү; жасалма интеллект; билим сапаты.

Ключевые слова: цифровизация образования; ШОС; дистанционное обучение; цифровая образовательная среда; искусственный интеллект; качество образования.

Keywords: digitalization of education; SCO; distance learning; digital educational environment; artificial intelligence; quality of education.

Азыркы коомдун өнүгүү этабы адам жашоосунун бардык тармактарына санариптик технологиялардын активдүү киргизилиши менен мүнөздөлөт. Мындай шартта стратегиялык мааниге ээ болгон билим берүү системасы олуттуу өзгөрүүлөргө дуушар болууда. Шанхай кызматташтык уюмуна (ШКУ) мүчө өлкөлөрдө санариптештирүү билим берүү системаларын модернизациялоонун артыкчылыктуу багыты катары каралат.

Изилдөөнүн актуалдуулугу жаңы типтеги адистерди даярдоо зарылдыгы менен шартталат: алар кесиптик билимдерден тышкары, өнүккөн санариптик сабаттуулукка, маалымат менен иштөө көндүмдөрүнө жана санариптик чөйрөдө өз алдынча билим алууга жөндөмдүү болушу керек. Макаланын максаты — ШКУ өлкөлөрүндө санариптик технологиялардын билим сапатына тийгизген таасирин талдоо, ошондой эле алардын мүмкүнчүлүктөрүн жана кошо жүргөн көйгөйлөрдү аныктоо [4].

Билим берүүнү санариптештирүү — бул билим берүү мекемелеринин окуу, илимий жана башкаруу ишмердүүлүгүнө маалыматтык-коммуникациялык технологияларды киргизүүнүн комплекстүү процесси. ШКУ өлкөлөрүндө, анын ичинде Кытай, Россия, Казакстан жана Кыргызстанда билим берүүнү санариптик трансформациялоо боюнча улуттук программалар ишке ашырылууда.

Окутууну башкаруу системаларын, электрондук ресурстарды, онлайн-платформаларды, видеобайланыш кызматтарын жана булут технологияларын камтыган санариптик билим берүү чөйрөсү түзүлүүдө. Бул чөйрө билим берүүнүн үзгүлтүксүздүгүн, окуучулардын мобилдүүлүгүн жана билим алуу траекторияларынын вариативдүүлүгүн камсыз кылат.

Санариптештирүүнүн негизги багыттарынын бири — дистанциялык окутуу. Ал ШКУга мүчө өлкөлөрдүн алыскы аймактары үчүн өзгөчө маанилүү болуп, окуучуларга географиялык жайгашуусуна карабастан билим алууга мүмкүнчүлүк берет. Онлайн-курстар, вебинарлар, видеолекциялар жана интерактивдүү тапшырмалар билим берүүдө өз ара аракеттенүүнүн жаңы моделин түзөт. Дистанциялык окутуунун маанилүү артыкчылыгы — анын ийкемдүүлүгү: окуучулар окуу материалын өз ыргагында өздөштүрө алышат. Мындай окутуунун натыйжалуулугу көбүнчө санариптик дидактиканын сапатына жана методикалык камсыздоонун деңгээлине көз каранды [1].

Билим берүү платформалары жана электрондук ресурстар санариптик билим берүү процессинде системаны түзүүчү ролду аткарат. Алар окуу материалдарына жеткиликтүүлүктү камсыз кылып, билим берүү процессинин катышуучуларынын ортосундагы байланышты колдойт, ошондой эле окуу жыйынтыктарын көзөмөлдөө жана баалоо мүмкүнчүлүгүн берет.

Электрондук ресурстарды, мисалы, видеоматериалдарды, анимацияларды, инфографиканы жана үч өлчөмдүү моделдерди колдонуу көрнөктүүлүктү жогорулатууга жана татаал темаларды жакшыраак өздөштүрүүгө өбөлгө түзөт. Виртуалдык лабораториялар реалдуу шартта жүргүзүү кыйын болгон процесстерди моделдөөгө мүмкүндүк берет, бул өзгөчө техникалык жана табигый илимдер үчүн маанилүү.

Жасалма интеллект технологияларын киргизүү билим сапатын жогорулатуу үчүн жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачат. Интеллектуалдык системалар окуучулардын окуу активдүүлүгүн талдап, билимдеги боштуктарды аныктап, жекелештирилген сунуштарды түзө алат.

Шанхай кызматташтык уюмуна мүчө өлкөлөрдө билим берүүнү санариптештирүүнүн азыркы этабы жасалма интеллект технологияларын активдүү киргизүү менен мүнөздөлөт. Бул технологиялар окуу сапатын жогорулатуу үчүн принципиалдуу жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачат. Интеллектуалдык системаларды колдонуу билим берүүнүн мазмунун да, окутуу ыкмаларын да өзгөртүп, ийкемдүү, ыңгайлашкан жана жекелештирилген билим берүү моделдерине өтүүнү камсыз кылат.

Жасалма интеллекттин негизги артыкчылыктарынын бири — окутууну жекелештирүү мүмкүнчүлүгү. Интеллектуалдык алгоритмдер окуучулардын окуу активдүүлүгүн, даярдык деңгээлин, материалды өздөштүрүү темпин жана жеке өзгөчөлүктөрүн талдайт. Мунун негизинде ыңгайлашкан билим берүү траекториялары түзүлөт. Бул ар бир студенттин билим алуу муктаждыктарын эске алууга, билимди терең өздөштүрүүнү жогорулатууга жана академиялык жетишпестик деңгээлин төмөндөтүүгө шарт түзөт.

Жасалма интеллекттин олуттуу потенциалы билим берүү процесстерин автоматташтырууда да көрүнөт. ЖИге негизделген системалар төмөнкүлөрдү аткара алат:

- тесттик жана жазуу иштерин текшерүү;
- дароо кайтарым байланыш берүү;
- академиялык жыйынтыктарды божомолдоо;
- окуучулардын артта калуу тобокелдиктерин аныктоо.

Шанхай кызматташтык уюмуна мүчө өлкөлөрдүн шартында бул өзгөчө маанилүү, анткени ал окутуучулардын жүгүн оптималдаштырууга жана билим берүү процессин башкаруунун натыйжалуулугун жогорулатууга мүмкүндүк берет.

Перспективдүү багыттардын бири — чоң маалыматтарды талдоо технологияларын интеграциялаган интеллектуалдык билим берүү платформаларын өнүктүрүүдө жасалма интеллектти колдонуу. Мындай системалар билим берүү жыйынтыктарын так диагности-калоону камсыз кылат жана окуучулардын санариптик профилдерин түзүүгө өбөлгө болот. Бул билим жетишкендиктерин божомолдоого жана окуу процессин реалдуу убакыт режиминде жөнгө салууга мүмкүндүк берген предиктивдик аналитиканы киргизүүгө негиз түзөт.

Мындан тышкары, жасалма интеллект ШКУга мүчө өлкөлөрдө академиялык мобилдүүлүктүн мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтет. Автоматташтырылган котормо системалары, интеллектуалдык жардамчылар жана санариптик ассистенттер тил тоскоолдуктарын азайтып, студенттердин эл аралык билим берүү программаларына катышуусун жеңилдетет. Бул бирдиктүү билим берүү мейкиндигин түзүүгө жана маданияттар аралык өз ара аракеттенүүнү күчөтүүгө шарт түзөт.

Ошол эле учурда жасалма интеллектти киргизүү бир катар олуттуу тобокелдиктер жана чектөөлөр менен коштолот. Негизги көйгөйлөрдүн бири — окуучулардын өз алдынча ой жүгүртүүсүнүн төмөндөшү коркунучу. Интеллектуалдык системаларга ашыкча таянуу технологияларга көз карандылыктын пайда болушуна жана маалыматты сынчыл талдоо жөндөмүнүн төмөндөшүнө алып келиши мүмкүн.

Маанилүү чакырыктардын бири — жасалма интеллектти колдонуудагы этикалык жана укуктук маселелер. Жеке маалыматтарды коргоо, алгоритмдердин ачыктыгы жана билимди автоматташтырылган баалоодо дискриминацияга жол бербөө маселелери курч турат. ШКУга мүчө өлкөлөрдүн билим берүү системаларында бул маселелер бирдиктүү нормативдик ыкмаларды жана жөнгө салуу механизмдерин иштеп чыгууну талап кылат.

Кошумча тобокелдик катары санариптик теңсиздик саналат, анткени жасалма интеллекттин заманбап технологияларына жеткиликтүүлүк өлкөлөр жана аймактар боюнча бирдей эмес. Бул билим сапатындагы ажырымды күчөтүп, айрым окуучулар топторунун

мүмкүнчүлүктөрүн чектеши мүмкүн.

Ошондой эле педагогдордун санариптик компетенттүүлүгүнүн жетишсиздиги факторун эске алуу зарыл. Жасалма интеллектти натыйжалуу колдонуу үчүн техникалык инфраструктурадан тышкары, бул технологияларды окуу процессине интеграциялай алган жогорку деңгээлдеги мугалимдердин даярдыгы талап кылынат.

Андыктан жасалма интеллект Шанхай кызматташтык уюмуна мүчө өлкөлөрдө билим сапатын жогорулатуунун кубаттуу куралы болуп саналат. Ал окутууну жекелештирүүнү, билим берүү процесстерин автоматташтырууну жана аналитикалык инструменттерди өнүктүрүүнү камсыз кылат. Ошол эле учурда аны киргизүү педагогикалык, этикалык жана социалдык тобокелдиктерди эске алган тең салмактуу мамилени талап кылат. Жасалма интеллектти натыйжалуу колдонуу ШКУга мүчө өлкөлөрдүн билим берүү системаларынын инновациялар менен билим берүүнүн фундаменталдык принциптеринин ортосундагы тең салмакты камсыз кылуу жөндөмүнө жараша болот.

Ыңгайлашкан окутуу окуучулардын даярдык деңгээлин, материалды өздөштүрүү темпин жана жеке өзгөчөлүктөрүн эске алуу менен жекелештирилген билим берүү траекторияларын түзүүгө мүмкүндүк берет. Бул билимди терең өздөштүрүүгө жана академиялык жетишпестик деңгээлин төмөндөтүүгө жардам берет.

Санариптик технологиялардын окуучулардын мотивациясына таасири. Санариптик билим берүү чөйрөсү окуучулардын мотивациясына олуттуу таасир этет. Интерактивдүү технологияларды, геймификация элементтерин, рейтингдерди жана жетишкендиктерди колдонуу окуу процессине катышууну жогорулатат. Онлайн-коммуникация биргелешкен ишке, долбоордук ишмердүүлүккө жана илимий талкууларга кенири мүмкүнчүлүк түзүп, кызматташтыкка негизделген окутуу маданиятын калыптандырат.

Билим берүүнү санариптештирүүнүн көйгөйлөрү жана тобокелдиктери. Ачык көрүнүп турган артыкчылыктарга карабастан, билим берүүнү санариптештирүү бир катар олуттуу көйгөйлөр менен коштолот. Негизгилеринин бири — технологияларга жана интернет ресурстарына жеткиликтүүлүктөгү айырмачылыктар менен байланышкан санариптик теңсиздик. Башка тобокелдиктерге маалыматтык ашыкча жүктөм, билимди үстүртөн өздөштүрүү коркунучу, ошондой эле жандуу баарлашуунун чектелиши кирет. Бул өз кезегинде коммуникациялык көндүмдөрдүн өнүгүшүнө терс таасирин тийгизиши мүмкүн. Мындан тышкары, педагогдордун санариптик компетенттүүлүгүнүн жетишсиздиги маселеси дагы актуалдуу бойдон калууда [2].

Окутуучунун ролунун трансформациясы. Санариптештирүү шартында окутуучунун кесиптик ролу өзгөрөт. Ал билимдин жалгыз булагы болуудан калып, насаатчы, тьютор жана билим берүү процессинин модератору катары иш алып барат. Педагогикалык дизайнга, санариптик контентти иштеп чыгууга жана заманбап билим берүү технологияларын өздөштүрүүгө болгон талап күчөйт.

Ошентип, Шанхай кызматташтык уюмуна мүчө өлкөлөрдө билим берүүнү санариптештирүү окуу сапатына комплекстүү таасир тийгизет. Ал билим берүү ресурстарына жеткиликтүүлүктү кеңейтүүгө, окутуунун ийкемдүү формаларын өнүктүрүүгө жана билим берүү траекторияларын жекелештирүүгө өбөлгө түзөт. Ошол эле учурда санариптик технологияларды натыйжалуу колдонуу учурдагы чакырыктарды жеңүүнү талап кылат, анын ичинде санариптик теңсиздикти азайтуу жана педагогдордун квалификациясын жогорулатуу өзгөчө мааниге ээ. Келечектеги өнүгүү ШКУ алкагында инновациялык технологияларды андан ары киргизүү жана эл аралык кызматташтыкты тереңдетүү менен байланыштуу.

Колдонулган адабияттар

1. Иванов И.И. Билим берүүнү санариптештирүү: теориясы жана практикасы. – Москва: Илим, 2022.
2. Каулбекова Р.А., Шаршенбек А. кызы. Шанхай кызматташтык уюмуна мүчө мамлекеттердин маданият жана билим берүү тармагындагы кызматташуусу // Евразия мейкиндигинде этномаданияттарды өнүктүрүү жана социалдык интеграция. – 2021. – 2-том. – № 10. – 131–136-бб.
3. Петрова А.В. Санариптик трансформация шарттарындагы аралыктан окутуу. – Санкт-Петербург, 2023.
4. OECD. Санариптик доордогу билим берүү. – Париж, 2021.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Апаева С.Х.

УДК 821.512.156.09: 81'373.612.2

Хаваза Ф.Н.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Хаваза Ф.Н.

НАН им. Б. Джамгерчинова

Khavaza F.

NAS B. Dzhamgerchinov

ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ИДИОСТИЛИНДЕГИ МЕТАФОРА: ТҮЗҮМДҮК-СЕМАНТИКАЛЫК ТАЛДОО

МЕТАФОРА В ИДИОСТИЛЕ ЯСЫРА ШИВАЗА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

METAPHOR IN THE IDIOSTYLE OF YASYR SHIVAZA: STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада көрүнүктүү дунган акыны жана жазуучусу Ясыр Шивазанын идиостилиндеги метафоранын иштөө өзгөчөлүктөрү кеңири каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу көркөм тилдин улуттук-өзгөчө компоненттерин, образдуулуктун когнитивдик механизмдерин, ошондой эле автордук стилди түзүүдө жана көркөм текстти окурман тарабынан кабыл алууда метафоранын ролун изилдөөгө болгон кызыгуунун өсүшү менен шартталган. Иштин максаты — Ясыр Шивазанын чыгармаларындагы метафоралардын түзүмдүк-семантикалык, прагматикалык жана функционалдык мүнөздөмөлөрүн аныктоо, алардын вариативдүүлүгүн байкоо жана автордун өзгөчө көркөм дүйнөсүн калыптандыруудагы ордун ачып берүү. Методологиялык негиз катары стилистикалык, контексттик жана когнитивдик талдоо ыкмаларын камтыган комплекстүү мамиле колдонулат. Бул метафораларды лексика-семантикалык өзгөчөлүктөрүнөн тартып текстти уюштуруудагы жана образдарды түзүүдөгү ролуна чейин ар түрдүү деңгээлдерде изилдөөгө мүмкүндүк берет. Изилдөөнүн жүрүшүндө метафоралык моделдердин негизги түрлөрү, алардын функциялары жана чыгармаларды көркөм кабыл алууга, ошондой эле жеке автордук стилди калыптандырууга тийгизген таасири аныкталат. Өзгөчө көңүл метафоранын дунган адабиятынын маданий-этникалык өзгөчөлүктөрү, улуттук салттары жана элдин тарыхый тажрыйбасы менен болгон байланышына бурулат. Табият, социалдык турмуш, тарыхый эс

тутум, адамдын ички дүйнөсү жана руханий баалуулуктар менен байланышкан метафоралар, ошондой эле алардын маданий кодду берүүдө аткарган ролу талдоого алынат. Изилдөө Ясыр Шивазанын поэзиясындагы метафоралар текстти көркөм кооздоочу каражат гана болбостон, когнитивдик, экспрессивдик жана концептуалдык функцияларды да аткарып, чыгармалардын терең эмоционалдык жана философиялык контекстин түзөрүн көрсөтөт. Изилдөөнүн жыйынтыктары Ясыр Шивазанын идиостилинин өзгөчөлүгүн, анын көркөм артыкчылыктарын жана экспрессивдик ыкмаларын тактоого мүмкүндүк берет, ошондой эле көркөм дискурстун негизги элементи катары метафора жөнүндөгү түшүнүктөрдү кеңейтет. Мындан тышкары, бул эмгек улуттук адабият контекстинде метафоралык түзүмдөрдү изилдөөнүн маанисин баса белгилеп, автордун тилдик жана маданий өз алдынчалыгын түшүнүүгө өбөлгө түзөт жана азыркы дунган таануу менен стилистика илимине баалуу салым болуп саналат.

Аннотация: В статье подробно рассматриваются особенности функционирования метафоры в идиостиле выдающегося дунганского поэта и писателя Ясыра Шиваза. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению национально-специфических компонентов художественного языка, когнитивных механизмов образности, а также роли метафоры в создании авторского стиля и восприятии художественного текста читателем. Цель работы — выявить структурно-семантические, прагматические и функциональные характеристики метафор в произведениях Ясыра Шиваза, проследить их вариативность и понять, каким образом они способствуют формированию уникального художественного мира автора. В качестве методологической основы используются комплексные подходы, включая стилистический, контекстуальный и когнитивный анализ, что позволяет исследовать метафоры на разных уровнях: от лексико-семантических особенностей до их роли в организации текста и построении образов. В ходе исследования определяются основные типы метафорических моделей, их функции и влияние на художественное восприятие произведений, а также на формирование индивидуально-авторского стиля. Особое внимание уделяется взаимосвязи метафоры с культурно-этническими особенностями дунганской литературы, национальными традициями и историческим опытом народа. Анализируются метафоры, отражающие природные, социальные, исторические и духовные аспекты жизни, а также их роль в передаче культурного кода. Исследование показывает, что метафоры в поэзии Шиваза не только украшают текст, но и выполняют когнитивные, экспрессивные и концептуальные функции, формируя глубокий эмоциональный и философский контекст произведений. Результаты работы позволяют более точно определить специфику идиостиля Ясыра Шиваза, его художественные предпочтения и выразительные приёмы, а также расширяют представления о метафоре как ключевом элементе художественного дискурса. Более того, исследование подчеркивает значимость изучения метафорических структур в контексте национальной литературы для понимания языковой и культурной самобытности автора, что делает данный труд ценным вкладом в современную дунгановедческую и стилистическую науку.

Abstract: The article examines in detail the features of metaphor functioning in the idiostyle of the outstanding Dungan poet and writer Yasyr Shivaza. The relevance of the study is determined by the growing scholarly interest in the national-specific components of literary language, the cognitive mechanisms of imagery, and the role of metaphor in shaping an author's artistic worldview. In modern linguistics and literary studies, metaphor is considered not only as a stylistic device but also as an important means of conceptualizing reality and expressing cultural values. In this regard, the study of metaphorical structures in the works of Yasyr Shivaza is of particular importance for understanding the linguistic and cultural specificity of Dungan literature. The aim of the research is

to identify the structural-semantic, functional, and expressive characteristics of metaphors used in the author's works and to determine their role in the formation of his individual authorial style. The methodological framework of the study includes stylistic, contextual, and cognitive analysis, which makes it possible to examine metaphors at lexical, semantic, and conceptual levels. During the research, the main types of metaphorical models are identified, including metaphors connected with nature, labor, historical memory, emotional states, and spiritual values. Particular attention is paid to the relationship between metaphor and the cultural and ethnic features of Dungan literature, as well as to the influence of traditional Eastern imagery and folklore elements on the poet's artistic language. The study demonstrates that metaphors in Yasyr Shivaza's works perform not only decorative and expressive functions but also cognitive and philosophical ones, helping to create a multidimensional artistic picture of the world. The results of the research contribute to a deeper understanding of the idiosyncrasy of Yasyr Shivaza, reveal the uniqueness of his poetic language, and expand the view of metaphor as a key element of artistic discourse and cultural identity in Dungan literature.

Негизги сөздөр: метафора; идиостиль; стилистика; көркөм дискурс; Ясыр Шиваза; дунган адабияты; когнитивдик талдоо; образдуулук.

Ключевые слова: метафора; идиостиль; стилистика; художественный дискурс; Ясыр Шиваза; дунганская литература; когнитивный анализ; образность.

Keywords: metaphor; idiosyncrasy; stylistics; artistic discourse; Yasyr Shivaza; Dungan literature; cognitive analysis; imagery.

Творчество дунганского поэта и писателя Ясыра Шиваза представляет значительный интерес для современного литературоведения и лингвостилистики в связи с его ярко выраженной индивидуально-авторской манерой и своеобразием художественного языка. Особую роль в формировании идиостиля автора играет метафора как один из ключевых механизмов создания образности и репрезентации авторской картины мира.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к проблемам идиостиля, а также необходимостью изучения национально-культурной специфики художественного дискурса в малоисследованных литературных традициях, к числу которых относится дунганская литература. Несмотря на наличие отдельных работ, посвящённых творчеству Ясыра Шиваза, системный анализ метафорики его произведений остаётся недостаточно разработанным.

Цель работы заключается в выявлении структурно-семантических и функциональных особенностей метафоры в произведениях автора. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе метафоры как системообразующего элемента идиостиля Ясыра Шиваза. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах по стилистике, литературоведению и теории художественного текста.

В идиостиле Ясыра Шиваза метафора выступает как один из ключевых механизмов смыслообразования, способствующий созданию уникальной образной системы произведений. Несмотря на значительное количество научных работ, посвящённых изучению метафоры, интерес к данному феномену не ослабевает, что обусловлено многообразием подходов к её классификации. В частности, метафоры рассматриваются с точки зрения их функциональных типов, характера семантических преобразований, способов реализации компаративного элемента, а также с позиций когнитивного и диахронического анализа. В рамках настоящего исследования особое внимание уделяется структурно-семантическим особенностям метафоры в идиостиле Я. Шиваза, что позволяет выявить закономерности её функционирования и определить её роль в формировании авторской картины мира.

Общеизвестно, что метафора является одной из наиболее распространённых фигур художественной речи и важнейшим средством выразительности в литературном тексте. Н.Д. Арутюновой принадлежит общепринятое для отечественной теории метафоры определение понятия «метафора»: «Метафора (от греч. *metaphora*) — троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1. 296]. И «цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике» [1, 97]. В её основе лежит перенос свойств, признаков и качеств с одного явления на другое, что обеспечивает образность и многослойность художественного высказывания. Посредством метафоры автор получает возможность не только конкретизировать абстрактные представления, но и передавать сложные эмоционально-психологические состояния, включая внутренний мир человека, его чувства и переживания. Особую значимость метафора приобретает в рамках идиостиля писателя, поскольку отражает специфику его художественного мышления и индивидуально-авторское восприятие действительности.

В языке художественных произведений Ясыра Шиваза встречаются лексические метафоры эстетического значения и речевые метафоры. Наиболее характерными являются речевые метафоры, что обусловлено самим жанром художественной литературы. В отдельных литературных жанрах метафоры представляют собой продуктивные стилистические средства. Семантико-стилистические свойства метафоры выявляются в процессе анализа особенностей их употребления в зависимости от жанра. В дунганском языке метафоры наиболее широко распространены в поэзии, в лирических произведениях. Но метафора нашла достаточно широкое применение и в художественной прозе. Главная стилистическая функция метафор — это создание образности речи. В дунганской художественной речи метафора играет главную роль в создании конкретности, выразительного описания, живости речевых средств и исключении тавтологии.

В художественной прозе Я. Шиваза на метафоре строится содержание, держится мысль, идея, характер и чувство прозы. Благодаря образным словам и выражениям все это приобретает форму искусства, ведь метафора есть словесный образ, который активно участвует в художественном оформлении чувств, мыслей, характеров, изображаемых в произведении. Поэтическая мысль, чувство находятся в деталях, основу которых составляют предметы, различные явления жизни, особенности природы, оказывающие эмоциональное воздействие на человека. Именно на эти особенности и опирается художественное изображение этих предметов и явлений. Наиболее выразительные словесные образы, как известно, возникают при передаче указанных сторон с помощью метафоры. Метафоризация является одним из значимых явлений в художественном оформлении чувств и мыслей, ведь при метафорической передаче новых мыслей и чувств повышается художественный уровень произведения. Характерные стороны большинства явлений окружающего мира, множества понятий не поддаются прямому ощущению, что характерно для черт человеческого духа, который имеет большое значение для поэтического творчества. С целью создания определенного образа чаще всего писатели и обращаются к метафорам. Я. Шиваза, опираясь на собственный опыт и ассоциации, по-своему образно именует предметы, понятия и явления. Писатель, благодаря метафорам как образно-выразительным средствам поэтического языка, дает новые названия вещам, понятиям, образно изображает детали, в результате чего реальная действительность находит свою новую жизнь, новую истину и новое выражение. Метафора является своего рода продуктом образа и чувств, ведь интенсивное чувство порождает

метафору. Она является выразителем индивидуальных ощущений, образных названий предметов и понятий, которые составляют детали того или иного чувства, выступая неотъемлемой частью творчества писателя.

Произведения Ясыра Шиваза обладают высокой образностью, основным источником индивидуальных метафор. Они отражают детали жизни, являются носителями эстетического значения. Индивидуальное словотворчество писателей объясняется тем, что индивидуальные метафоры переходят в разряд традиционных. Но множество метафор, которые обнаруживаются в контексте метафорических словосочетаний, предложений, авторских текстов, не переходят в разряд традиционных метафор в силу своей индивидуальности. Особенностью таких метафор является то, что поэтические метафоры, которые возникают в творческом процессе как отражение сознания поэта, остаются в текстах художественных произведений. Они редко употребляются в устной речи. Ясыр Шиваза, будучи тонким знатоком внутреннего мира своих героев, умело использует метафорические слова и выражения. Образность его повестей и романов достигается уместным метафорическим использованием слова. Например, хуонмир жуэзы — букв. «блестящий жёлтый стол», лян шыту йиён дедо вэди щиннили — букв. «как камень упал в сердце», ханнан гуоньи — букв. «невозможно тяжелая жизнь», шыви жын — букв. «крепкий человек», лян янжир бонзы йиён ляндо йиданиди чу мимо — букв. «сросшиеся, густые брови, как крылья ласточки» и др. [3, 3-5]. В своих произведениях автор использует метафоры при описании явлений природы, ее особенностей: Суйжан го вэдини еба, вэ канди тади нянлуй, зулян бый йу йиён, вонха додини. — «Но я видел, что слезы текли по ее щекам, как дождь по стеклу». Тянь жуэдини, зулян чили хуонфынди йиён тяншон худини. Хун хуэян, зулян йүнцэ йиён, жинжин подини. Хуэзыр беди, зулян щүэхуар йиён, вон диха луэдини. — «Небо горело. И гудело оно, будто поднялся сильный ураган. Пламя клубилось, как тучи. С треском падали на землю искры и таяли, как снежинки...» [4, 7]. В его художественных текстах встречаются антропоморфные, анимальные метафоры, например: лян дожонди гунжи йиён та тёдо вэ гынчян — «как драчливый петух, он задорно подпрыгнул ко мне»..., ...зулян мор йиён, чинчир зуди лэ — «легко, словно кошка он подошел»..., ...зулян лэгуазы йиён, мэ бэзы — «мне показалось, что у него нет шеи, как у лягушки», лян жипи йиёнди, тади лян йүщин хуонди жынху дали — «его лицо было такое желтое, как кожа курицы» [4, 12-13].

Я. Шиваза был прекрасным знатоком родного фольклора и мастерски использует народные пословицы, поговорки, удачные выражения и сравнения в своих произведениях. Например: Шыншон чуанди суэсуэр, дўзы кэсы гуэгуэр — «Хотя на теле и лохмотья, животы наши были, как барабаны». Вэ дансы гуазы, ни зусы шозы — «Если я бестолковый, то ты совсем сумасшедший». Кэсы йи бу та цуэли, бый бу нянбушон. — «Если ошибешься на первом шагу, то и сотней шагов ошибку не исправишь» [4, 38].

Писатель часто использует индивидуальные, традиционные и лексические метафоры, имеющие эстетическое значение. Индивидуальные метафоры: «Чунтян, ви до жыгэ Йинпан щёнжунниди сыхур, вэмузы щёнцо кудэрлэ — «Весной, когда мы только пришли в это село Инпань, нас принимали почтительно, будто мы были амулетом с ароматными травами». Зулян жуанли жунди йиён, лю фусозы жанли хун сыйли. Жэту зулян дуанзы йиён хунлонлонди да быйбонгэ чўлэли. Вэ бусўщинзали — «Зеленые вершины деревьев порозовели. Красным шелком увиделось мне солнце, поднимавшееся для меня с севера. И я сильно удивился» [4, 17]. Традиционные метафоры: Жянжян хийинзы халэли. Жин фын гуади хуон фуер пялалади вонха луэдини. Лойуанни хуалалади тонди Чюлихэди щёншын, гу нёди шынчи тэ сынзадихын. — «Постепенно темнело. От сильного ветра густо падали желтые листья. Слышался далекий шум реки Чу, злобно лаяли собаки» [4, 8]. Использование традиционных метафор в творчестве

писателя является частым явлением. Он постоянно обращается к образным описаниям, где участвуют и метафоры. Традиционные метафоры позволяют более четко выявить творческие способности писателя. А лексические метафоры способствуют достижению высокого уровня эстетического значения.: Бый тэёнди — «Таскала солнце на спине», т.е. работала под солнцем. Зулян динзы дуйдо гоншонди йиён, вэ канди лопэр донвэр ванхали — «Будто гвоздь, уткнувшийся в железо, старуха сразу согнулась» [4, 18]. Как показывают примеры, писатель в своих произведениях использует все виды эстетических метафор. Метафора у Я. Шиваза — излюбленное выразительное средство. Он часто обращается к метафорическим фразеологическим и паремиологическим единицам с переносным значением, которые способствуют созданию в его прозе экспрессии. Например, Вэди чи да линхуэни вончү мотуэли — «Мое зло, как пар, выходило из-за пазухи». Хуэчэ фидилэ, зандо хуэчэчоншонди сыхур, хунлонлонди тэён жён яли сан. Сан жэзы зэ хи гэлэзыни вэли йи хушонди вэ, чон чүли йи ку чи, лян мор йиён, манмар людо чуонзы гынчан канниса, фусозы хуонди зулян модан йиён. Да хушонди жүнмый зохуашон, зулян дунфон фали быйди йиён, вэди щин донвэр кэли зэмусы хўтер йиён, гыншон Фатима фишон зули. — «Солнце только что закатилось, поезд остановился у перрона. Целый день я прятался в темном углу вагона. Подошел к окну и увидел, как розовели деревья. От этой красоты в сердце моем стало светло, словно в поле утром на рассвете. И думы мои бабочками улетели к Фатиме» [4, 48]. Особенностью метафорики Ясыра Шиваза является высокая степень синкретизма, при которой в одном образе могут сочетаться несколько семантических планов: эмоциональный, визуальный и культурный. Это свидетельствует о сложной организации его идиостиля и высокой степени метафоризации художественного мышления.

Благодаря умению использовать художественно-выразительные средства, в том числе и метафоры, ему удалось раскрыть психологию своих персонажей. Как отмечает В.Н. Телия, «значение метафоры в способности служить средством создания языковой картины мира изначально в высказываниях о нём, а затем в тезаурусе носителей языка (личностном или нормативно-санкционированном), всегда служащем не только хранилищем самих этих вербализованных средств, но и их ассоциативных потенций» [5, 182].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что метафора в идиостиле Ясыра Шиваза выполняет комплексную функцию, объединяя в себе когнитивный, эстетический и культурно-репрезентативный аспекты. Она выступает не только средством художественной выразительности, но и инструментом концептуализации мира, отражающим особенности национального сознания. Системный характер метафорики автора проявляется в устойчивости образных моделей, их повторяемости и вариативности в различных контекстах. Это позволяет говорить о метафоре как о структурообразующем элементе идиостиля Ясыра Шиваза.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 598 с. С. 296.)
2. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1990. 110 с.
3. Я. Шиваза «Пройденный путь». г.Ф., 1959. 121 с.
4. Я. Шиваза «Мой новый дом». Изд-во «Кыргызстан» Ф., 1969. 157с.
5. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, 1988.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Хоу Ю., Мэн М.

Түндүк-Батыш педагогикалык университети, КЭР

Хоу Ю., Мэн М.

Северо-Западный педагогический университет, КНР

Hou Y., Meng M.

North-West normal university, PRC

**БОРБОР АЗИЯДАГЫ КЫТАЙ ТЕКТҮҮ СТУДЕНТТЕРДИН ОРТО ДЕНГЭЭЛДЕГИ
КЫТАЙ ТИЛИНДЕГИ ТЕКСТТЕРИНДЕ ЛЕКСИКАЛЫК БАЙЛАНЫШ
КАРАЖАТТАРЫН ИЗИЛДӨӨ**

**АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА
СРЕДНЕМ УРОВНЕ ВЛАДЕНИЯ КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ**

**AN INVESTIGATION OF LEXICAL COHESION IN INTERMEDIATE-LEVEL CHINESE
DISCOURSE BY THE ETHNIC CHINESE STUDENTS FROM CENTRAL ASIA**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө Борбор Азиядагы кытай улутундагы студенттердин кытай тилиндеги орто деңгээлдеги жазма тексттеринде лексикалык байланыш каражаттарын колдонуу өзгөчөлүктөрүн талдоого арналган. Изилдөө авторлор тарабынан топтолгон студенттердин жазма иштеринин материалдарына негизделип, тексттеги лексикалык байланыштын негизги түрлөрү — сөздөрдүн кайталанышы жана маанилик жактан байланышкан сөздөрдүн колдонулушу аркылуу жүргүзүлөт. Изилдөөнүн жүрүшүндө студенттердин жазма иштеринде кездешкен негизги каталар системалуу түрдө талданып, алардын себептери аныкталат. Жыйынтыктар көрсөткөндөй, каталардын көбү сөздөрдү ашыкча кайталоо, жалпылоочу сөздөрдү туура эмес колдонуу, синонимдерди орунсуз пайдалануу жана лексикалык байланыштардын логикалык ырааттуулугун бузуу менен байланыштуу. Ошондой эле антонимдерди, жалпылоочу жана түрдүк маанидеги сөздөрдү, ошондой эле өз ара байланышкан лексикалык бирдиктерди туура эмес колдонуу тексттин жалпы байланыштуулугун төмөндөтөт. Бул көйгөйлөр студенттердин лексикалык системаны жетиштүү деңгээлде өздөштүрбөгөнүн жана семантикалык байланыштарды түзүүдө кыйынчылыктарга туш болуп жатканын көрсөтөт. Изилдөөнүн практикалык мааниси кытай тилин окутууда тексттик деңгээлдеги көндүмдөрдү өнүктүрүүгө багытталган сунуштарды иштеп чыгууда турат. Айрыкча лексикалык байланыш каражаттарын максаттуу окутуунун, каталарды талдоонун жана жазма кеп көндүмдөрүн системалуу өнүктүрүүнүн зарылдыгы белгиленет. Бул изилдөө кытай тилин чет тили катары окутуу методикасын өркүндөтүүгө жана студенттердин жазма кеп компетенциясын жогорулатууга маанилүү салым кошот.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию лексической связности в письменной речи китайских студентов центральноазиатского происхождения на среднем уровне владения китайским языком. Исследование основано на анализе корпуса письменных работ, составленного авторами, и направлено на выявление особенностей использования средств лексической связности, таких как повтор и совместная встречаемость. В ходе исследования проводится систематический анализ типичных ошибок, допускаемых студентами при построении связного текста. Результаты показывают, что наиболее распространёнными являются ошибки, связанные с избыточным повтором слов, неправильным использованием синонимов, нарушением логических

связей в лексических цепочках, а также некорректным употреблением родо-видовых отношений. Также выявлены проблемы в использовании антонимов, последовательных и дополняющих лексических единиц, что негативно влияет на целостность текста. Полученные данные свидетельствуют о недостаточной сформированности навыков текстовой организации и владения лексическими средствами связности. Это указывает на необходимость более целенаправленного обучения дискурсивным навыкам и развитию языковой компетенции на уровне текста. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию методики преподавания китайского языка, включая использование корпусного анализа, систематизацию ошибок и внедрение специальных упражнений для развития связной письменной речи. Таким образом, исследование вносит вклад в развитие теории и практики преподавания китайского языка как иностранного и способствует повышению уровня письменной коммуникации студентов.

Abstract: This study investigates lexical cohesion in the written Chinese discourse of ethnic Chinese students from Central Asia at the intermediate proficiency level. The research is based on a self-compiled learner corpus and focuses on the use of key lexical cohesive devices, particularly repetition and co-occurrence. The study provides a systematic analysis of common errors made by students when constructing coherent written texts. The findings reveal that the most frequent issues include excessive repetition of lexical items, inappropriate use of synonyms, improper handling of superordinate and hyponym relationships, and disruptions in lexical chains. In addition, errors in the use of antonyms, sequence expressions, and complementary lexical items were identified, all of which negatively affect textual coherence. These results indicate that students face significant challenges in mastering lexical cohesion and constructing logically organized discourse. The problems highlight gaps in lexical knowledge, semantic understanding, and discourse-level competence. The practical significance of the study lies in its pedagogical implications. It offers recommendations for improving Chinese language teaching by incorporating targeted instruction on lexical cohesion, systematic error analysis, and the use of corpus-based teaching methods. Emphasis is placed on developing students' ability to produce coherent and logically structured written discourse. Overall, the study contributes to both theoretical and practical aspects of teaching Chinese as a foreign language and provides valuable insights into enhancing learners' writing competence.

Негизги сөздөр: Борбор Азиядагы кытай тектүү студенттер; орто деңгээлдеги кытай тилиндеги жазуу; лексикалык байланыш; каталар.

Ключевые слова: китайские студенты центральноазиатского происхождения; письменная речь на среднем уровне китайского языка; лексическая связность; ошибки.

Keywords: ethnic Chinese students from Central Asia; Chinese writing at the intermediate level; lexical cohesion; error analysis.

Fu Huimin and Zhan Ju (2018) point out that the basic unit of language is discourse, which is a complete unit of meaning. The discourse is usually defined as a unit of language that is larger than a sentence and has coherent meaning, sometimes referred to as an utterance or text. Textual cohesion refers to the use of various linguistic devices to achieve internal coherence within a text, thereby ensuring the smooth transmission of information. In the process of acquiring Chinese, the Ethnic Chinese students from Central Asia exhibit different types of cohesive errors at the discourse level. Based on a self-compiled learner corpus, this paper systematically investigates the characteristics and error patterns of lexical cohesion in the intermediate-level written Chinese discourse of these students [1].

Manifestations of lexical cohesion errors

Following Halliday (1976) and Huang Guowen (1988), lexical cohesion is generally divided into two major categories: repetition and co-occurrence. Repetition includes four types—exact word repetition, synonym repetition, superordinate/hyponym repetition, and general word repetition—while co-occurrence covers relations such as antonym, complementary, sequence words, and lexical chains co-occurrence. Table 1 presents the distribution of errors in the use of lexical cohesive devices in the written Chinese of the Ethnic Chinese students from Central Asia [2].

Table 1. Distribution of lexical cohesion errors in intermediate Chinese writing

Category	Error type	Error count	Subcategory percentage (%)	Percentage within category (%)
repetition	Exact word repetition	138	54	40
	Synonym repetition	45	18	13
	Superordinate/hyponym repetition	10	4	3
	General word repetition	63	24	18
	Subtotal	256	100	74
co-occurrence	antonym co-occurrence	15	17	5
	Complementary co-occurrence	8	9	2
	Sequence word co-occurrence	18	21	5
	Lexical chain co-occurrence	47	53	14
	Subtotal	88	100	26
Total	—	344	—	100

As shown in Table 1, The Ethnic Chinese Students from Central Asia of the error rate for repetition is higher than that for co-occurrence. Among all individual error types, the four most frequent are, in descending order: exact word repetition>general word repetition>lexical chain co-occurrence>synonym repetition [3].

Repetition

Lexical repetition refers to the repetition of the exact word, synonym, superordinate word, hyponym word and generalization word of a word in a discourse to achieve the purpose of cohesion. It is an important lexical phenomenon in Chinese discourse construction. There are four kinds of errors in vocabulary repetition of the Ethnic Chinese students from Central Asia. There are four kinds of errors in lexical repetition of the Ethnic Chinese students from Central Asia [4].

Errors in exact word repetition

Chen Hongyu (2014) notes two main types of errors in exact word repetition: repeats a lexical item that should be omitted; the learner fails to use exact repetition where it would be appropriate, instead adopting another cohesive device or no cohesive device at all. In our corpus, both types of errors are attested among the learners [5].

Ex.1: 有一次我去朋友家看电影。我们看了一部美国的电影。看每部电影我找到了一个规律，如果电影里有学校，就会有警告牌。如果电影里没有警告牌，那电影里不会有大学。警告牌是美国电影的标志 [6]。

In Ex.1, the noun “电影” is excessively repeated; the fifth and sixth occurrences can both be omitted without affecting comprehension. Jiang Ping (2004) points out that when a referent that has already been introduced in the preceding discourse is mentioned again, its linguistic expression may, where appropriate, be omitted, which is called zero anaphora.

Ex.2: 一位老人走过来说: “如果你想吃到免费的饭, 过来跟我走, 只要照看好我和我的亲人, 你就能吃到免费的饭。” 结果我的朋友答应了那位老头子。

Ex. 2 is characterized by a limited use of exact repetition. The term “老人” is a neutral word used to describe older people objectively. Whereas “老头子” has a strong colloquial color and a slight derogatory meaning. Therefore, we should continue to use the term “老人” to refer to it [7].

Errors in the Repetition of Synonymous Items

Synonym's repetition refers to the repetition of different words with the same or similar meanings in different forms in a text, thus achieving cohesion and coherence in the text. The Ethnic Chinese students from Central Asia often use synonyms in parallel because they cannot distinguish them, which leads to redundant semantic expression [8].

Ex.3: 她尽管吃惊地看着他, 想拒绝他的邀请, 但是然而出于礼貌, 答应一块儿去喝咖啡。

In Ex.3, both “但是” and “然而” are conjunctions indicating an adversative relation. Since they perform the same discourse function, one of them should be deleted to avoid redundant repetition.

Errors in the Repetition of Superordinate and Hyponym Items

Pan Junlin (2019) points out that superordinate/hyponym repetition refers to the repetition of superordinate words with general meanings and hyponyms indicating specific directions in different forms in a text, so as to realize cohesion and coherence of the text. In Chinese discourse cohesion, superordinate/subordinate word repetition error refers to the improper use of superordinate and subordinate words in discourse, resulting in unclear logic, semantic repetition or lack of concreteness.

Ex.4: 不要浪费食物, 尤其是水和电。

In this sentence, the intended hyponym of “食物” should be specific types of food, rather than “水、电”. As Yang Rong (2017) notes, hyponym relations in Russian vocabulary are often signaled through affixes or compounds, hierarchical boundaries are relatively clear. Russian students are used to judging hierarchical relationships through word changes. Whereas in Chinese such relations are largely determined by contextual convention and lack overt morphological marking. This easily leads to errors in the use of superordinate-hyponym pairs among learners [9].

Errors in the Repetition of General Word Repetition

Lv Yulin (2016) points out that general word is typically used to summarize specific objects or concepts, and their repetition helps readers better grasp the overall theme of a text. However, due to inappropriate use of such general words, the Ethnic Chinese students from Central Asia sometimes produce semantic deviations that undermine discursive coherence.

Ex.5: 我在生活当中遇到过、体验过各种的“爱情”。在童年的时候受到父母的照顾, 父母一直培养我到成年。第一次喜欢异性, 与好朋友们互相照顾, 都是属于爱情。

In Ex.5, various types of affective relationships are involved, but the Ethnic Chinese students from Central Asia indiscriminately subsumes them all under the general term “爱情”, which constitutes an erroneous use and repetition of a general word. The first occurrence of “爱情” should be replaced by the broader term “情感”, and the subsequent sentences may be revised as follows: “在

童年的时候，我受到父母的照顾，父母一直培养我到成年，这是亲情。第一次喜欢异性，是爱情。与好朋友们互相照顾，是友情。”

Co-occurrence

Co-occurrence refers to the tendency of words to co-occur in a text. Liu Ping (2013) notes that certain lexical items are related to one another in terms of meaning, grammar, and other dimensions, and that their co-occurrence in discourse can create cohesion, thereby forming an integrated semantic whole. Liu Haiming (2023) points out that such co-occurrences can be fixed or relatively flexible, but usually conform to language users' expressive habits and semantic logic. There are four types of co-occurrence errors of the Ethnic Chinese students from Central Asia: antonym co-occurrence, complementary co-occurrence, sequence co-occurrence and lexical chain co-occurrence [10].

Errors in antonym co-occurrence

Bi Yiqing and Xie Yajun (2008) point out that in Chinese discourse cohesion, the co-occurrence of antonyms refers to the simultaneous occurrence of words with opposite or opposite meanings in a certain context. Through this antonym contrast, the logical relationship and semantic connection of the discourse can be constructed, and the discourse can form a sharp contrast in contrast, thus connecting the previous and subsequent meanings to achieve the purpose of discourse coherence. The Ethnic Chinese students from Central Asia use antonyms improperly, which results in antonym co-occurrence errors.

Ex.6: 代沟让他们在许多事情上总免不了发生争执。女孩喜欢现代音乐，而爷爷则偏爱老歌。每当他们讨论音乐时，总是难以说服对方。

In Ex.6, “现代音乐” and “老歌” do not constitute a strict antonym pair. Expressions such as “现代音乐” and “传统音乐” would form a clearer and more systematic contrast in terms of antonym co-occurrence [11].

Errors in Complementary co-occurrence

Complementary co-occurrence refers to the simultaneous appearance of two or more lexical items whose meanings supplement each other and jointly constitute a complete semantic category, thereby contributing to textual coherence. Wang Jinquan (2002) points out that such complementary lexical items stand in an either-or relation, they are mutually exclusive yet mutually defining. When the Ethnic Chinese students from the Central Asia have an insufficient grasp of these complementary relations, the coherence of their discourse is often compromised.

Ex.7: 穿的时候父亲看到了，然后叫孩子来给他解释，为什么男生不能穿女的东西。孩子明白了，再也不穿女的东西。

In Ex.7, the pair “男生” and “女的” is used. As an absolute antonym pair in a complementary relationship, it would be more appropriate and coherent to replace “男生” with “男的”.

Errors in Sequence co-occurrence

Huang Jianping (2006) points out that the co-occurrence of a series of lexical items exhibiting sequential features—such as precedence, logical order, or temporal order—can give a text a clear sense of structure and progression. In the discourse, the Ethnic Chinese students from the Central Asia have the errors of cohesion caused by improper sequence, hierarchy or logical relation.

Ex.8: 在拼多多买衣服的人，只有两种。第一个是很仔细的人，他们在意质量和样子……另外一种人他们不在意质量，因为如果他们喜欢样子就会买。

In Ex.8, two types of people who buy clothes on Pinduoduo are introduced, one pays attention to quality, the other pays attention to appearance, but in the paragraph, it misuses “第一个” to

introduce people who pay attention to quality. “第一个” is incorrectly used instead of “第一种”. The expression “第一种” typically collocates with nouns denoting categories, attributes, and other abstract concepts. Prominent is an attribute or characteristic of a category within a different classification. In this sentence, it means category, so it is used to express “第一种人” and “另外一种人” [12].

Errors in Lexical-Chain co-occurrence

Li Linhong (2022) points out that, within a discourse, lexical items are often related to one another and appear in a cohesive manner, thereby forming a semantic chain that contributes to textual cohesion. Because the Ethnic Chinese students from Central Asia do not always have a firm grasp of semantic relations and logical sequencing among lexical items, they are prone to misusing words that are related to the topic, which in turn leads to incoherent discourse [13].

Ex.9: 我们的夜生活很好，在我们的城市夜里能出来很多年轻人，夜晚他们常常去酒吧或者 KTV，谁去酒吧他们去喝酒、跳舞聊聊天儿，在 KTV 人们去唱歌，聊天，喝酒，但是，不是每个人都能夜晚去喝酒干不好的事情，有些人还会去网吧打游戏。我们的夜生活在我们的城市非常丰富多彩。

This paragraph is organized around the theme “夜生活很好”，but the description shifts abruptly from activities in bars and KTV to the sentence “但是，不是每个人都能夜晚去喝酒干不好的事情”，resulting in strained cohesion. The preceding discourse consistently presents diverse and largely positive aspects of nightlife, yet a vague and negative statement is suddenly inserted. This disrupts the expected development of the lexical chain that should highlight the richness and positivity of nightlife, and introduces semantic and attitudinal inconsistency into the chain. A possible revision is: 我们的夜生活很丰富。在我们的城市，晚上有很多年轻人出来活动。他们常常去酒吧或者 KTV，可以喝酒、跳舞、聊天。不过，并不是所有人都会去喝酒或者跳舞，有些人还会去网吧打游戏。总之，我们的城市夜生活非常丰富多彩。

Conclusion

Drawing on a systematic analysis of written corpora produced by the Ethnic Chinese students from Central Asian at the intermediate level, this study has identified the overall patterns in their use of lexical cohesive devices in Chinese discourse writing, as well as the major types of typical errors. Among these, the error rate for repetition is higher than that for co-occurrence. Errors involving the exact word repetition is particularly frequent, suggesting that the learners have not yet developed stable and natural strategies for achieving cohesion at the discourse level. At the same time, the use of other repetition-based devices—such as general word, synonyms, as well as superordinate–hyponym—also commonly exhibits problems of vagueness, semantic redundancy, and unclear logical relations. These issues point to weaknesses in learners’ lexical system building and in their control of semantic relations [14].

List of used literature

1. Bi Yiqing, Xie Yajun. The Co-occurrence of Antonyms in the Chinese Language and Its Motivations[J]. Journal of Mudanjiang Normal University (social Sciences Edition) ,2008, (6): 88-90.
2. Chen Hongyu. A Study on the Errors in Methods of Reproducing Chinese Discourse by Thai Students at Intermediate and Advanced Levels[J]. Journal of Chifeng University (Philosophy and Social Chinese Science Edition) ,2014, (5): 141-143.

3. Fu Huimin, Zhan Ju. Chinese Text Studies: Review, Reflection and Prospect [J]. Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition), 2018, (05): 125-131.DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.2018.05.019.
4. Halliday, M.A.K.&Hasan,R.Cohesion in English[M].London: longman,1976 .
5. Huang Guowen. Summary of Discourse Analysis [M]. Hunan Education Press, Changsha, 1988.
6. Huang Jianping, Liu Anhong. Lexical co-occurrence of EST Discourse[J]. Journal of Chongqing University of Arts and Sciences (Social Sciences Edition), 2006, (3): 50-53.
7. Jiang Ping. Cases of Zero Anaphora in Chinese[J]. Chinese Language Learning ,2004(3): 23-28
8. Liu Ping, Zhao Lei, Li Si. Acquisition of discourse cohesion lexical means by beginner Chinese learners who are native French speakers[J]. Anhui Literature (Second Half of the Month), 2013, (9): 141-142.
9. Liu Haiming. A Study of discourse cohesion among Indonesia intermediate and advanced Chinese learner [D]. Guangxi University for Nationalities,2023.
10. Lv Yu-lin. Lexical Cohesion in English Text[J]. Journal of Shaoguan University ,2016, (9): 75-79.
11. Pan Junlin. Study on Textual Cohesive Biased Errors of Indonesian Students Based on HSK Corpus[D]. Tianjin University ,2019.
12. Li Linhong. The Function of Lexical Chains in English Speech Discourse: A Textual Analysis of 'Give Me Liberty or Give Me Death'[J]. Overseas English, 2022, (5): 80-82.
13. Wang Jinquan. Lexical co-occurrence and lexical cohesion[J]. Journal of Beijing International Studies University ,2002(2): 16-18.
14. Yang Rong. Russian Compound Structure Parsing and Memory[J]. Education and Teaching Forum, 2017, (3): 212-214.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Ху В., Хуан Ц., Хуан Ц., Хуан Ц., Тыналиев К.К.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ху В., Хуан Ц., Хуан Ц., Хуан Ц., Тыналиев К.К.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Hu W., Huang J., Huang J., Huang J., Tynaliyev K.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1678-5012>¹

**КРИЗИСТИК КЫРДААЛДАРДА ДОЛБООРДУК ТОПТУН
КОММУНИКАЦИЯСЫНЫН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУНА ЖЕТЕКЧИЛИК
СТИЛДЕРИНИН ТААСИРИН ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА НА
ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЫ В КРИЗИСНЫХ
СИТУАЦИЯХ**

**RESEARCH ON THE IMPACT OF DIFFERENT LEADERSHIP STYLES ON CRISIS
COMMUNICATION EFFECTIVENESS IN PROJECT TEAMS**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө кризистик кырдаалдарда долбоордук команданын коммуникациясынын натыйжалуулугуна ар кандай лидерлик стилдеринин таасирин талдоого арналган. Азыркы учурда долбоорлор татаал жана динамикалуу шарттарда ишке ашырылып жаткандыктан, кризистик кырдаалдар команданын өз ара аракеттенүүсүнө олуттуу таасирин тийгизет. Мындай шартта жетекчинин лидерлик стили коммуникациянын сапатын, маалыматтын тактыгын жана команданын ынтымагын аныктаган негизги факторлордун бири болуп саналат. Изилдөөдө авторитардык, демократиялык, либералдык жана трансформациялык лидерлик стилдеринин өзгөчөлүктөрү кеңири каралып, алардын кризистик кырдаалдардагы ролу талданат. Авторитардык стиль ыкчам чечим кабыл алууга жана оперативдүүлүктү жогорулатууга мүмкүндүк берсе, демократиялык стиль маалыматтын сапатын жана команда мүчөлөрүнүн катышуусун күчөтөт. Либералдык стиль чыгармачылыкты жана инновациялык ой жүгүртүүнү өнүктүрсө, трансформациялык стиль мотивацияны, тартылууну жана команданын биримдигин бекемдейт. Ошол эле учурда лидерлик стилинин конкреттүү кризистик кырдаалга туура келбеши, кызматкерлердин жетекчилик стилдерин кабыл алуусундагы когнитивдик бурмалоолор жана коммуникациялык муктаждыктардын ар түрдүүлүгү сыяктуу көйгөйлөр аныкталат. Бул көйгөйлөрдү чечүү үчүн лидерлик стилдерин динамикалык түрдө ыңгайлаштыруу, окутуу программаларын өткөрүү жана башкаруунун гибридик моделдерин колдонуу сунушталат. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, лидерлик стилдерин туура жана ийкемдүү колдонуу кризистик кырдаалдарда команданын коммуникациясын жакшыртып, белгисиздик шарттарында долбоорлордун ийгиликтүү ишке ашырылышына өбөлгө түзөт.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу влияния различных стилей руководства на эффективность коммуникации проектной команды в кризисных ситуациях. В современных условиях реализации проектов, характеризующихся высокой степенью неопределенности и динамичности, кризисные ситуации оказывают существенное влияние на взаимодействие внутри команды. В этой связи стиль руководства становится одним из ключевых факторов, определяющих качество коммуникации, точность передачи информации и уровень командной сплоченности. В работе подробно рассмотрены четыре основных стиля руководства: авторитарный, демократический, либеральный и трансформационный.

Установлено, что авторитарный стиль способствует быстрому принятию решений и повышению оперативности, демократический — улучшает качество информации и вовлеченность участников, либеральный — стимулирует креативность, а трансформационный — усиливает мотивацию и командный дух. Также выявлены основные проблемы, влияющие на эффективность коммуникации, включая несоответствие стиля руководства конкретной кризисной ситуации, когнитивные искажения восприятия стилей со стороны сотрудников и разнообразие коммуникационных потребностей. Для их преодоления предложены практические рекомендации, такие как внедрение динамической адаптации лидерских стилей, проведение обучающих программ и использование гибридных моделей управления. Результаты исследования показывают, что грамотное применение различных стилей руководства позволяет значительно повысить эффективность коммуникации и обеспечить успешную реализацию проектов в условиях кризиса.

Abstract: This study examines the impact of different leadership styles on the effectiveness of communication within project teams in crisis situations. In today's complex and dynamic project environments, crisis situations significantly affect team interaction, decision-making processes, and overall project outcomes. Therefore, leadership style plays a critical role in shaping communication quality, information accuracy, and team cohesion. The research focuses on four major leadership styles: authoritarian, democratic, laissez-faire, and transformational. The findings indicate that the authoritarian style enhances decision-making speed and operational efficiency, while the democratic style improves information quality and team participation. The laissez-faire style encourages creativity and innovation, whereas the transformational style strengthens motivation, engagement, and team unity. The study also identifies several key challenges affecting communication effectiveness, including the mismatch between leadership style and crisis context, cognitive biases among team members, and the complexity of communication needs. To address these challenges, the authors propose practical strategies such as dynamic adjustment of leadership styles, leadership training programs, and the adoption of hybrid leadership approaches. The results demonstrate that the effective and flexible use of leadership styles significantly improves crisis communication and contributes to the successful implementation of projects under uncertain conditions.

Негизги сөздөр: лидерлик стилдери; долбоордук команда; кризистик коммуникация; байланыш натыйжалуулугу; долбоорду башкаруу; кризистик башкаруу; уюштуруучулук жүрүм-турум.

Ключевые слова: стиль руководства; проектная команда; кризисная коммуникация; эффективность коммуникации; управление проектами; антикризисное управление; организационное поведение.

Keywords: leadership styles; project team; crisis communication; communication effectiveness; project management; crisis management; organizational behavior.

Project teams often fall into chaos in crisis situations, and as the core of the team, a leader's leadership style has a significant impact on the effectiveness of crisis communication. This study focuses on authoritarian, democratic, laissez-faire, and transformational leadership styles, exploring their unique effects on multiple dimensions such as communication efficiency, information accuracy, and team morale in project teams under crisis conditions. By combining theoretical analysis with empirical research, it reveals the intrinsic mechanisms linking different leadership styles to team communication effectiveness, providing project managers with theoretical basis and practical guidance for selecting appropriate leadership styles in different crisis scenarios. The aim is to enrich the application boundaries of leadership style and crisis communication theories in the field of project management, enabling leaders to flexibly

switch leadership styles according to team characteristics and crisis types, optimize team crisis communication effectiveness, and ensure smooth project progression [1].

Authoritarian leadership style has significant advantages in crisis situations, as it can quickly centralize power, make decisive decisions, and rapidly assign tasks. This efficiency-oriented style enables the team to respond to crises in the shortest possible time, greatly improving communication efficiency and avoiding confusion. For example, during an urgent technical crisis, the leader promptly issues directives, ensuring that the team immediately engages in crisis management, reducing intermediate steps in information transmission, and enhancing the directness and speed of communication. However, the negative impacts of this style should not be overlooked. Authoritarian leaders often ignore team members' opinions and suppress their initiative, which can limit the accuracy of information. Team members may feel neglected due to a lack of opportunities to express themselves, thereby affecting morale and cohesion. In the long term, this style may weaken team autonomy and innovation, leading members to become overly reliant on leadership decisions and struggle to develop independent thinking and proactive coping abilities in crises [2].

The democratic leadership style encourages extensive participation and expression of opinions by team members, which helps improve the accuracy and comprehensiveness of information. Through brainstorming and collective input, leaders can develop more comprehensive and scientific crisis response plans. At the same time, this style enhances team members' sense of responsibility and belonging, boosting team cohesion and making members more united and collaborative during a crisis. However, the decision-making process of the democratic style is relatively time-consuming, which may delay decision-making in time-sensitive crisis situations. For example, during the handling of sudden crises, excessive consultation may lead to delays in information transmission, affecting the timeliness of communication. In addition, frequent consultations and discussions may increase communication costs, making it difficult for the team to quickly reach consensus and take action during a crisis [3].

A laissez-faire leadership style grants team members a high degree of autonomy, stimulating individual innovative thinking and creativity. In complex crises, this style helps teams explore diverse solutions. However, this style lacks unified coordination and direction, which can lead to scattered team communication, fragmented information, and members acting independently without collaboration. Under this style, team members may feel confused due to a lack of clear leadership instructions, making effective communication difficult to ensure. The absence of a unified course of action can hinder the team's ability to work together in a crisis, affecting the overall crisis response capability [4].

Transformational leadership style inspires team members' potential, boosts morale, and strengthens their sense of identification and mission with the project by portraying an inspiring vision. This style can effectively unite people and enhance team cohesion during crises. At the same time, it emphasizes personalized care, improving members' engagement and loyalty, making communication more compelling and influential. However, transformational leadership also has potential drawbacks. If the vision depicted by the leader is too far from reality, members may develop distrust, undermining communication effectiveness. Additionally, over-reliance on the leader's personal charisma may lead the team to become overly dependent on the leader, weakening the team's autonomy and independence [5, p.189].

In the ever-changing and complex scenarios of project crises, a single leadership style is often difficult to fully adapt to throughout the process. Leaders generally tend to rely on their preferred leadership style to address different crisis situations, and this inertia can lead to serious communication and decision-making problems. For example, in a technical failure crisis where information is urgent and the team lacks experience, a democratic leadership style overly emphasizes team consultation and member participation. Although this can enhance the sense of involvement and

responsibility among team members, the lengthy consultation process may delay critical decisions, causing the crisis to worsen. Conversely, in a project delay crisis where team motivation is low, an authoritative leadership style can quickly issue directives and push the project forward. However, high-pressure commands and lack of communication may intensify resistance among team members, reducing overall team morale and cohesion. This misalignment between leadership style and crisis situation not only affects the speed of crisis response but may also diminish team members' trust in the leader, further weakening the team's execution capability.

Team members have rigid perceptions of leadership styles. This cognitive bias may lead to misunderstandings of the leader's intentions, weakening the effectiveness of crisis communication. Some members view authoritarian leadership as dictatorship, believing that the leader does not value team opinions and only focuses on results, which generates resistance to instructions and significantly reduces execution. Other members perceive laissez-faire leadership as indulgence, thinking that the leader lacks guidance, causing team members to act independently during crises, lacking a unified direction, and leading to a fragmented team cohesion. This cognitive bias not only affects team members' ability to follow the leader's instructions but may also create communication barriers within the team, hindering the effective flow of information and team collaboration.

Crisis communication needs are complex and diverse due to differences in team composition, crisis types, and project stages. Technical crises require precise transmission of professional information to ensure that team members have a clear understanding of the issues and accurate response measures; interpersonal crises, on the other hand, require attention to emotional comfort and relationship repair, helping team members relieve stress and rebuild trust. Different project stages also demand varying focuses and frequencies of communication. For example, in the early stages of a project, crisis communication should concentrate on goal setting and responsibility allocation to ensure team members understand the direction; while in the execution phase, communication should focus on progress synchronization and problem-solving, adjusting strategies promptly to address sudden incidents. However, existing leadership styles are insufficient in aligning with the diversity of crisis communication needs, lacking flexible adjustment and precise response mechanisms, making it difficult to meet the varied demands of teams in different crisis situations. This misalignment between communication needs and leadership styles makes it challenging for teams to form unified intent and coordinated action during crises, severely affecting the overall effectiveness of crisis response.

Leaders urgently need to accurately grasp the type of crisis, the team's state, and the project stage. They must flexibly switch leadership styles in a timely manner based on the urgency, complexity, and professionalism required in communication. In an urgent technical crisis, it is imperative to decisively adopt an authoritarian style to make quick decisions and assign specific individuals to handle key tasks, ensuring a rapid response at the onset of the crisis. At this stage, decisive decision-making by the leader can provide the team with direction and prevent getting lost in the confusion of the crisis. As the crisis eases, it is appropriate to shift to a democratic style, gather team feedback, and optimize solutions. This transition can fully mobilize the team members' enthusiasm and creativity, enabling them to contribute wisdom and effort to resolve the crisis. During the recovery phase, applying a transformational style to motivate the team, rebuild confidence, and steer the project back on track is essential. By portraying a positive vision for the future, leaders can inspire team members' enthusiasm and drive, helping them quickly regain their footing after the crisis and dedicate themselves to the subsequent phases of the project [6, p. 153].

It is of crucial significance to tailor leadership style awareness training courses for leaders and team members. Leaders can leverage self-awareness tools and feedback mechanisms to deeply explore the strengths and limitations of their own leadership styles. Through professional assessments

and team feedback, leaders can clearly understand the applicability and shortcomings of their leadership styles in different crisis situations. On this basis, they can make targeted improvements to enhance the flexibility and adaptability of their style transitions. Team members, on the other hand, can gain a deep understanding of the positive roles and applicable scenarios of different leadership styles in crisis situations through style interpretation workshops and simulation exercises. This training can eliminate team members' fixed perceptions and biases toward different leadership styles, helping them recognize that each leadership style has its unique value and suitable context.

Leaders should actively explore the integration of the strengths of various leadership styles, carefully crafting a hybrid leadership approach to meet the diverse needs of crisis communication. In the early stages of a crisis, decisiveness from an authoritarian style can be organically combined with team participation from a democratic style, quickly formulating a framework plan while also soliciting broad input from the team to refine and improve it. This hybrid model ensures a rapid response in the initial phase of a crisis while fully incorporating the wisdom of team members, enhancing the scientific validity and feasibility of decisions. During crisis management, a skillful integration of transformational leadership's inspirational vision with laissez-faire leadership's allowance for innovation is essential. Leaders can motivate members through the articulation of grand objectives, while granting them sufficient autonomy to explore solutions. This approach stimulates innovative thinking among team members while maintaining aligned actions under a shared vision. By complementing each other's strengths, this method comprehensively meets the diverse demands of crisis communication, significantly enhancing the team's adaptability and effectiveness in crises, allowing them to handle complex crisis situations with greater composure [7, p. 6].

This study provides an in-depth analysis of the impact of different leadership styles on project team crisis communication effectiveness, revealing the complex mechanisms involved and proposing targeted optimization strategies. Leaders should accurately align their leadership styles with crisis situations and establish dynamic adjustment mechanisms; address team members' cognitive biases through cognitive training; and create a hybrid leadership style collaboration model to comprehensively meet the needs of crisis communication. This study offers a new perspective and practical guidance for the field of project management, but due to limitations in sample and methodology, future research can expand the scope, integrate emerging technologies, and continue to deepen the exploration of the relationship between leadership styles and crisis communication.

List of used literature

1. Huang Chuanhui, Wang Fang, Wang Xinning, et al. Research on Crisis Communication Strategies of Leading Cadres [C] Decision and Information Magazine, School of Economics and Management, Peking University. Proceedings of the 'Decision Forum—Innovation and Analysis of Public Policy Academic Seminar' (Volume I). Beijing Yanqing District Party School, 2016: 189-190.
2. Cui Xiaoming. Research on the Influence Mechanism of Crisis Leadership on Crisis Management Performance [D]. Fudan University, 2014.
3. Trends and Countermeasures: A Chaotic Philosophy Analysis of Public Crisis and Its Management [J]. Li Xiaomin; Hu Xiangming. Qiuxun, 2013(08).
4. Li Guangyu. Research on Communication Strategies of Managers at Company R [D]. Heilongjiang University, 2023.
5. Huang Chuanhui, Wang Fang, Wang Xinning, et al. Research on Crisis Communication Strategies of Leading Cadres [C] // Decision and Information Magazine, School of Economics and Management, Peking University. Proceedings of the 'Decision Forum—Innovation and Analysis of Public Policy Academic Seminar' (Volume I). Beijing Yanqing District Party School, 2016: 189-190.

6. Zhang Zhihong, Liu Yonglei. Leadership is Communication [J]. Century Bridge, 2008, (01): 153-154.

7. Liu Yonglei, Li Xu. Strategies and Skills of Leadership Communication [J]. Management and Technology of Small and Medium-Sized Enterprises (First Half of the Month), 2008, (01): 6-8.

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Кожомкулова Динар Ниязбековна

УДК 821.581-1+82(=512.156)+930.85

Ху Ч.

Борбордук улуттук университети, КЭР

Ху Ч.

Центральный национальный университет, КНР

Hu Z.

Central National University, PRC

**ОРТО АЗИЯДАГЫ ДУНГАН ЖАЗМА АДАБИЯТЫНЫН НЕГИЗДӨӨЧҮСҮ ЯСЫР
ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАНДЫГЫНЫН 120 ЖЫЛДЫГЫНА АРНАЛАТ**

**К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКА ДУНГАНСКОЙ
ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЯСЫРА ШИВАЗА**

**COMMEMORATING THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YASYR
SHIVAZA, THE FOUNDER OF DUNGAN WRITTEN LITERATURE IN CENTRAL ASIA**

纪念中亚东干书面文学奠基人亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала Орто Азиядагы дунган жазма адабиятынын негиздөөчүсү Ясыр Шивазанын туулгандыгынын 120 жылдыгына арналган. Макалада белгилүү кытайлык окумуштуу, дунган таануучу жана түрколог профессор Ху Чжэньхуанын дунган эли, дунган таануу илими жана Ясыр Шиваза тууралуу эскерүүлөрү менен илимий байкоолору чагылдырылат. Автор өзүнүн 1950–2000-жылдар аралыгындагы Кытай, Кыргызстан жана Казакстан окумуштуулары менен болгон илимий байланыштарын, дунган тилин, адабиятын жана маданиятын изилдөө тарыхын кеңири баяндайт. Макалада дунган таануунун Кытайдагы өнүгүү этаптары, советтик жана кытайлык окумуштуулардын кызматташтыгы, ошондой эле Борбордук Азиядагы дунган калкынын тарыхы, тили жана маданий мурасы тууралуу маалыматтар берилет. Өзгөчө көңүл Ясыр Шивазанын дунган жазма адабиятынын калыптанышындагы ролуна, анын чыгармачылыгынын улуттук аң-сезимди жана тарыхый эстутумду сактоодогу маанисине бурулат. Автор дунган таануу боюнча эл аралык илимий кызматташтыктын өнүгүшүн, Борбордук улуттар университетинде Дунган таануу институтунун түзүлүшүн жана жаш окумуштууларды даярдоонун маанисин белгилейт. Макалада дунган тилинин, фольклорунун, адабиятынын жана музыкалык маданиятынын илимий изилдениши тууралуу да кеңири сөз болот. Изилдөөнүн жыйынтыгында Ясыр Шивазанын мурасы Кытай менен Борбор Азия элдеринин ортосундагы маданий көпүрө катары бааланат жана дунган таанууну өнүктүрүүнүн келечектеги багыттары көрсөтүлөт.

Аннотация: Статья посвящена 120-летию со дня рождения основоположника дунганской письменной литературы Центральной Азии Ясыра Шиваза. В работе представлены воспоминания, научные наблюдения и аналитические размышления известного китайского учёного, тюрколога

и дунгановеда профессора Ху Чжэньхуа о развитии дунгановедения, истории изучения дунганского народа и роли Ясыра Шиваза в формировании национальной литературы и культурного самосознания дунган. Автор подробно описывает научные контакты между китайскими и советскими исследователями, начавшиеся в 1950-е годы, а также собственный опыт общения с дунганскими писателями, историками и лингвистами Центральной Азии. Особое внимание уделяется сотрудничеству с известными дунганскими учёными — Мухамедом Сушанло, Абдурахманом Каримовым, Яншансином Юсуповым и другими исследователями. В статье раскрываются этапы становления дунгановедения в Китае, развитие международных научных связей, организация полевых исследований в Кыргызстане и Казахстане, а также создание Института дунгановедения при Центральном университете национальностей Китая. Автор рассматривает проблемы изучения дунганского языка, письменности, фольклора, литературы и этнографии. Анализируется значение творчества Ясыра Шиваза для сохранения исторической памяти, языка и культурной идентичности дунганского народа. В статье подчёркивается, что дунгановедение стало важным междисциплинарным направлением, объединяющим исследования в области истории, литературы, языкознания, этнологии и межкультурной коммуникации. Делается вывод о значимости международного научного сотрудничества для дальнейшего развития исследований дунганского народа и укрепления гуманитарных связей между Китаем и странами Центральной Азии.

Abstract: This article is dedicated to the 120th anniversary of the birth of Yasyr Shivaza, the founder of Dungan written literature in Central Asia. The paper presents memoirs, scholarly observations, and analytical reflections of the renowned Chinese scholar, Turkologist, and Dungan studies expert Professor Hu Zhenhua concerning the development of Dungan studies, the history of research on the Dungan people, and the role of Yasyr Shivaza in shaping national literature and cultural identity. The author provides a detailed account of academic contacts between Chinese and Soviet researchers that began in the 1950s, as well as his personal interactions with Dungan writers, historians, and linguists from Central Asia. Particular attention is paid to cooperation with prominent Dungan scholars such as Mukhamed Sushanlo, Abdurakhman Karimov, Yangshanxin Yusupov, and other researchers. The article examines the stages of the development of Dungan studies in China, the strengthening of international academic cooperation, field research conducted in Kyrgyzstan and Kazakhstan, and the establishment of the Institute of Dungan Studies at the Minzu University of China. The author discusses issues related to the study of the Dungan language, writing system, folklore, literature, and ethnography. The significance of Yasyr Shivaza's creative work for preserving historical memory, language, and cultural identity of the Dungan people is analyzed. The article emphasizes that Dungan studies has become an important interdisciplinary field integrating history, linguistics, literary studies, ethnology, and intercultural communication. The study concludes that international scholarly cooperation plays a crucial role in the further development of Dungan studies and in strengthening humanitarian ties between China and the countries of Central Asia.

摘要: 本文纪念中亚东干书面文学奠基人亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年。文章汇集了中国著名学者、突厥学家和东干学家胡振华教授关于东干学发展、东干民族研究历史以及亚瑟尔·希瓦扎在东干民族文学和文化认同形成过程中所发挥作用的回忆、学术观察与理论思考。作者详细介绍了 20 世纪 50 年代以来中国与苏联学者之间建立的学术联系, 以及自己与中亚东干作家、历史学家和语言学家交流合作的亲身经历。文章特别强调了与著名东干学者穆罕默德·苏善洛、阿卜杜拉赫曼·卡里莫夫、杨尚新·尤苏波夫等人的长期合作关系。文中还系统阐述了中国东干学的发展历程, 包括国际学术合作的扩大、在吉尔吉斯斯坦和哈萨克斯坦开

展的田野调查研究，以及中国中央民族大学东干学研究机构建立。作者重点讨论了东干语、东干文字、民间文学、民族文学以及民族志研究中的相关问题。文章深入分析了亚瑟尔·希瓦扎创作对于保存东干民族历史记忆、语言传统和文化认同的重要意义。作者指出，东干学已经发展成为一个涵盖历史学、文学、语言学、民族学以及跨文化交流研究等领域的重要跨学科研究方向。最后，文章强调国际学术合作对于进一步推动东干民族研究、加强中国与中亚国家之间人文交流与文化联系具有重要意义。

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган таануу; дунган адабияты; дунган тили; дунган эли; Борбор Азия; маданий мурас; улуттук иденттүүлүк; Кытай, илимий кызматташтык, фольклор, жазма адабият.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунгановедение; дунганская литература; дунганский язык; дунганский народ; Центральная Азия; культурное наследие; национальная идентичность; Китай; научное сотрудничество; фольклор; письменная литература.

Keywords: Yasyr Shivaza; Dungan studies; Dungan literature; Dungan language; Dungan people; Central Asia; cultural heritage; national identity; China; academic cooperation; folklore; written literature.

关键词: 亚瑟尔·希瓦扎; 东干学; 东干文学; 东干语; 东干民族; 中亚; 文化遗产; 民族认同; 中国; 学术合作; 民间文学; 书面文学

雅斯尔·十娃子是中亚东干书面文学奠基人，也是引导我在中国学习和研究东干学的领路人。今年是他诞辰 120 周年，引起了我对他的怀念和对中亚东干族及东干学的回忆。

1957 年 6 月初，我们中央民族学院参加新疆民族语言调查工作的师生在新疆经过一年的调查即将返回北京的时候，正遇上以东干作家雅斯尔·十娃子为团长的苏联作家代表团。他们应我国邀请在乌鲁木齐访问交流，我和新疆财经学院的曼苏尔院长（回族）、中央民族学院维吾尔语专业的赵相如同学（回族）与诗人雅斯尔·十娃子见了面，他向我们更多的介绍了苏联东干知识分子的情况，并赠送给我们苏联出版的他的文学作品及东干小学用的东干语课本。过了没有多少天，以雅斯尔·十娃子为团长的苏联作家代表团来到北京参观访问，

我们参加民族语言调查的中央民族学院师生也回到了北京。在北京我们再次见面。他告诉我吉尔吉斯斯坦那边很多人知道我学了吉尔吉斯语，调查了中国的柯尔克孜语，愿与我交流，他还说研究东干历史的东干历史学家穆哈买德·苏尚洛应中国科学院民族语言研究所的邀请要来北京访问交流。我根据他介绍的情况写了一篇介绍苏联东干人的文章，这可能是我国最先在媒体上对中亚东干人的报道 [1]。□

过了不久，的确历史学家穆哈买德·苏尚洛到北京了。他说他是为撰写博士学位论文来请教北京师范大学回族著名历史学家白寿彝教授、北京大学回族著名阿拉伯语专家马坚教授和来搜集有关中国回族历史资料的。他给我又带来了一些吉尔吉斯文和东干文的书籍，还向我介绍了苏联的东干语言学家阿不都拉合曼·卡里莫夫、杨善兴·优苏波夫和胡赛音·布呷佐夫等学者的简况。根据白先生的安排，让中央民族学院历史系的回族教师马寿千和我陪同穆哈买德·苏尚洛先生去各个图书馆和书店借阅图书和购买资料。在陪同穆哈买德·苏尚洛的日子里，他又给我更多地讲了苏联东干人的情况。当时的中共中央统战部副部长、中国回民文化促进会会长刘格平同志接见了。他回国后，向苏联的东干人介绍了他在北京看到和听到的中国回族情况，也就有更多的东干学者和大学生给我邮寄书报来。我就靠阅读这些东干文材

料，逐渐地学会了东干文。这种交流一直延续到上一世纪的 60 年代初中苏关系发生剧烈变化时为止。这一个时期，我主要是初步接触了个别东干学者和收集了一些东干文资料，为以后与东干学者交流和学习东干学打下了一些基础。□

从中苏两国关系不正常一直到文革结束，在长达近 20 年的时间里我们和苏联东干学者的联系中断了，我们也没有进行东干学方面的教学和研究工作。

1979—1980 年领导上让我在北京中央民族学院负责组织柯尔克孜族英雄史诗《玛纳斯》的抢救工作，告一段落后我被调到新成立的中央民族学院少数民族文学艺术研究所任少数民族文学研究室主任，在与全国兄弟单位联合举办或参加一些民族文学方面的学术研讨会，以及参加编辑《中国少数民族文学作品选》（五册）和《中国少数民族民间文学》（上、下两册）时，我再次接触到中国的回族民间文学。我从甘、宁、青、新等省、区的西北回族民间文学作品中看到了它们与苏联东干学者送给我的东干民间文学作品的密切关系。就在这以后不久，澳大利亚东干学专家葛维达女士来到北京，她送给了她在台湾出版的有关东干语的研究著作，并向我介绍了她的研究情况。她走后，结合我当时的民族文学工作，我用汉语方块字把一些东干诗歌练习着转写了出来，我想做一点苏联东干民歌与我国西北回族民歌的比较研究，但因学院里又恢复开办了柯尔克孜语专业的班，我的专业是柯尔克孜语，我的主要精力应当放在柯尔克孜族语的教学研究上，就没有能把苏联东干民歌与中国西北回族民歌的比较研究深入进行下去。直到今天仍是一件憾事！[2]□

1983 年春天，我应法中友好协会主席、巴黎第三大学突厥学学院院长、世界著名突厥学家路易·巴赞教授和法国柯尔克孜语专家、艾克斯·普洛旺斯大学格·依玛额教授的邀请赴法国讲学，在法国我了解了世界上研究东干学的不少新的信息。我知道了除苏联外，在德国、日本、澳大利亚、奥地利等国都有学者研究东干学。出国开阔了我的视野，得到了更新的信息，对一个好学的人来说，这是非常重要的！1985 年春天，我应邀赴日本访问交流，在东京我受到了著名语言学家桥本万太郎的热情接待，并请我吃了午饭。他是在我国文革时期多次深入前苏联东干地区进行东干语调查研究过的一位学者，他发表了许多关于东干语的文章。

1986 年初，民主德国研究东干语的专家吕恒力先生来我国出差，他路过北京去上海。他在来京前，曾去吉尔吉斯斯坦看望过东干著名诗人雅斯尔·十娃子、历史学家穆哈买德·苏尚洛等人，他们一起合了影。雅斯尔·十娃子、穆哈买德·苏尚洛托吕恒力把合影捎给了我，并让他转告我吉尔吉斯斯坦国家科学院正在申办邀请我前去访问交流的事。□

1986 年我国教委根据土耳其教育部转来的安卡拉大学的邀请，派我作为中土恢复邦交后派出的第一位中国教授前去长期讲学，我从北京是乘火车经莫斯科前去土耳其的。在莫斯科我没有来得及看望过去在北京中央民族学院教过我的苏联突厥语言学专家捷尼舍夫教授，但却托人转达了我的问候，并告诉他我在土耳其讲学一年。1987 年春天，我在安卡拉大学收到了吉尔吉斯斯坦东干学者的来信，说吉尔吉斯斯坦科学院已办好了邀请我的手续，让我在回国途中仍从莫斯科走，可从莫斯科去伏龙芝，再回北京。但 1987 年夏天因中央民族学院有事催我回国时，我是乘巴基斯坦航空公司的班机经大马士革、卡拉奇回北京的。我没有能经莫斯科去伏龙芝与吉尔吉斯斯坦的东干学者们交流 [3]。□

我回到学校后，我自己单独及与别的先生合作先后招收了“伊斯兰文化”和“回族史”硕士研究生。我给他们讲的主要是回族的语言文学和伊斯兰文化方面的课，在授课中也联系到国外，简要介绍了东干人的历史、语言及文化概况。1988 年夏天，在我们带着研究生麻秀荣去

东北地区进行回族情况调查期间，接到家里转来的穆哈买德·苏尚洛写给我的信，告诉我雅斯尔·十娃子不久前因病去世了。我非常难过，立即从齐齐哈尔发了一封唁电表示哀悼，并写了一篇纪念他的文章发表在《新疆回族文学》上。我为1987年从土耳其回国时未能去伏龙芝看望他而深感后悔。□

1989年春天，我和我夫人穆淑惠应苏联吉尔吉斯加盟共和国国家科学院院长土拉尔·考依楚耶夫的邀请在中亚和莫斯科等地进行了近三个月的访问交流。在莫斯科，我们去看望了著名的东干语言学家阿不都拉合曼·卡里莫夫，他向我们详细介绍了当年他参加创制东干文和编写东干语课本，以及他于五十年代与到莫斯科进行学术访问的王均先生交流的情况；我们还在我们的住处——东干族青年学者冬腊儿的家中宴请了曾研究过东干民间故事的苏联著名汉学家、我们的老朋友李福清教授，他再次向我们回忆起了他当年深入中亚东干农村调查研究东干民间文学的日子。

我还清楚记得，在我们到达吉尔吉斯斯坦首都伏龙芝时正是黎明时刻，可是吉尔吉斯斯坦科学院东干学研究部的全体工作人员和他们的家属在天还不亮就乘坐着一辆大轿子车来迎接我们。我们一见面，便紧紧地握手，紧紧地拥抱，我们互道：“萨拉木(色兰)”。他们是100多年前被迫离开祖国迁移到中亚的回族后裔，我多么盼望能有一天与他们相聚啊！我和穆哈买德·苏尚洛已有30年未见面了！在伏龙芝我们住在穆哈买德·苏尚洛家中[4]。吃早饭的时候，穆哈买德·苏尚洛夫妇与我们商定了在中亚活动的大致日程和要共同研究的事情。我们早饭后立即去看望了诗人雅斯尔·十娃子的家属，并到郊外骚葫芦东干村雅斯尔·十娃子的坟墓前诵经、接“都瓦”（祈祷）悼念。第二天上午，穆哈买德·苏尚洛在吉尔吉斯斯坦国家科学院东干学分部的办公室里举行了一个欢迎会，我讲了中国的回族及研究情况，他介绍了科学院及东干学分部的工作和与各国交流的情况。他说中苏关系正在迅速改善，他很希望苏联的东干族学者能尽快应邀访问中国，也希望有更多的中国回族学者到中亚访问。他希望两国的学者应当成为构架两个国家友好的桥梁！他又详细地询问了中国回族学者的情况，并让我提个名单供他们邀请时参考。事后，我们商定了先请去访问苏联的中国学者和民族工作者的名单。由于我们是中苏关系解冻后第一批来访的中国客人，在中亚我们到处受到东干人的热烈欢迎和热情接待，我们应邀访问过吉尔吉斯斯坦和哈萨克斯坦的不少农庄，在城市里也去了不少东干人的家里做客，我们拜访了苏联东干人协会，我们与西北回族农民起义的领袖人物的后代、与马三成乡集体农庄的女领导人、与在菜市场里卖菜的妇女、与大、中、小学的教师学生、与医院里的医务人员、与作家诗人和演员等方方面面的东干人都进行了采访交谈，我们还参观了城乡的学校、幼儿园和历史博物馆。我们直接地从他们的嘴里听到了他们讲述的东干人迁移史、实地了解了他们保持的宗教习俗、语言文化和较富裕的生活，也得到了他们赠送的一些东干文的书籍、报刊和唱片、照片，其中有东干历史、东干语俄语词典、东干民间文学方面的书和东干民俗方面的论文资料。这次中亚东干地区的田野调查收获是很大的！我们认为更重要的是掀开了中国学者和苏联中亚东干学者交流的新一页，为中国回族与中亚东干族人民之间的联系架设了一座桥梁！也为我在中央民族学院培养研究东干学的人才加重了责任感和承担的勇气！□

回到北京后，我立即向白寿彝转教授转达了苏联东干人民对他的真挚问候和盛情邀请，白先生说因上了年纪不便再出国，要尽快地邀请穆哈买德·苏尚洛教授前来中国访问。我又向国家民委领导反映了白先生的意见，建议由国家民委邀请穆哈买德·苏尚洛教授前来中国访问。

同时，我抓紧时间撰写了好几篇介绍苏联东干人概况、东干语言文字、东干文学、东干人知名学者、东干人名等方面的文章，后来陆续发表在《宁夏社会科学通讯》、《宁夏大学学报》、《中央民族大学学报》及《语言与翻译》等刊物上。这些文章的发表较全面地向国内读者介绍了苏联中亚东干人的情况，吸引了不少人的关注，国内许多回族学者和民族工作者纷纷向我打听东干人的详细情况，并希望我为他们和他们的单位牵线搭桥，建立交流联系 [5]。

1998年2月22日穆哈买德·苏尚洛通讯院士因心脏病突发逝世，无论从哪方面讲，都是一个重大损失！我们闻讯后非常悲痛。他转赠给我的纪念马三成·马呷孜先烈的那块手表也成了我纪念穆哈买德·苏尚洛的遗物了！ [6]

1999年3月30日，吉尔吉斯共和国国家科学院经过对科研成果等材料的评审，通过投票选举我为外籍的荣誉院士。我们驻吉尔吉斯共和国大使馆接到吉方照会，让通知我于8月10日前去比什凯克领取院士证书。国家民委领导按照我大使馆的要求让我和夫人按时动身前去领院士证书。8月10日上午，吉尔吉斯共和国国家科学院隆重举行了颁发院士证书的仪式。仪式后，科学院东干学分部的全体人员和来自各单位的东干亲人再次举行了祝贺会，祝贺我也为中亚的东干人赢得了荣誉。祝贺会后，我在穆哈买德·依玛佐夫和冬腊儿等人的陪同下赶赴农村穆哈买德·苏尚洛的坟墓前接“都瓦”悼念这位相识了近50年的良师益友。2000年，2001年，2002年，2003年，我多次应邀赴吉尔吉斯斯坦开会或作为中国代表团成员前去比什凯克，我都抽空去穆哈买德·苏尚洛的遗孀阿依霞嫂子的住处看望，并追思穆哈买德·苏尚洛为中苏、中吉友好事业所做出的贡献。2002年5月，我是去接受吉尔吉斯共和国总统颁发“玛纳斯”三级功勋勋章前往比什开克的。

为了适应我国学者与中亚东干学者交流形势的发展，为了实现穆哈买德·苏尚洛建议我们在中国培养研究东干学人才的美好遗愿，在我国国内兴起了“东干学热”的情况下，中央民族大学于1999年1月15日发布了《民大（科）字（1999）4号中央民族大学文件》，决定建立东干学研究所，辖属少数民族语言文学学院，由胡振华任所长，王振忠任副所长。东干学研究所建立以来主要是在国际交流方面协助国家和学校做了一些事情，也进行了一些合作研究工作：

1. 向政府反映我们在国外听到的有关东干人的某些要求及建议，例如中亚东干人希望多招收些他们的子女来中国留学，学习汉语及邀请东干人的代表作为海外华人少数民族归国参观团成员回来参观访问。我们过去反映的意见后来都一一得到实现。

2. 协助政府和学校接待来访的中亚东干学者。我们所曾参与过许多次这种接待工作。

3. 向中亚各东干协会或吉尔吉斯斯坦国家科学院东干学分部推荐和介绍要前去留学和访问的学者情况，做些牵线搭桥的工作。我们曾帮助多名博士研究生前去进修或田野调查，我们也推荐过一些中国学者或民族工作者前去访问。

4. 邀请外国学者来中央民族大学介绍国外研究东干学的情况，例如我们曾邀请日本学者犬塚优司教授来作介绍日本著名语言学家桥本万郎研究东干语情况的讲座。

5. 邀请中亚东干学学者来中央民族大学进行共同研究，例如我们邀请了吉尔吉斯共和国科学院东干学分部主任穆哈买德依玛佐夫来校共同编出了《东干语汉语普通话日常用语对照词汇》等。

6. 与中国少数民族双语教学研究会合作举行“中亚东干双语国际研讨会”，应邀出席在哈萨克斯坦举行的“东干人语言使用国际研讨会”及在国内外举行的东干学研讨会。

7. 向吉尔吉斯共和国科学院撰写评审“通讯院士推荐材料”及“博士论文评审意见”，我们都按照吉尔吉斯共和国科学院提出的要求认真提供了 [7]。

8. 在吉尔吉斯科学院提出精简机构时，曾想取消东干学分部（研究所一级）的机构，我们闻讯后向科学院领导提出宜继续保留东干学分部的建议，结果被采纳，现该分部定名为“东干学-汉学研究中心”。

9. 撰写和发表东干学方面的论文，有些论文被外国学者翻译成了外文在国外发表。

近几年来，我国有好些学者发表了不少介绍东干族风土人情的文章，也有些专家发表了一些颇有价值的研究东干族的专著和论文，郝苏民教授和高永久教授翻译出版了著名东干学家穆哈买德·苏尚洛的著作——《中亚东干人的历史与文化》，王国杰教授出版了《东干族形成发展史》、丁宏教授出版了《东干文化研究》（我指导的博士论文）和《亚瑟尔·十娃子——生活与创作》、杨峰同志出版了《盼望——苏联东干族作家小说散文选》和《托克玛克之恋》，海峰博士出版了《中亚东干语言研究》（我指导的博士论文）、林涛教授等出版了《中亚东干语研究》、《中亚回族陕西话研究》、《中亚回族的口歌和口溜儿》、《中亚回族诗歌小说选译》以及用汉字转写出的《雪花》、《骚葫芦白雨下的呢》等文学作品，赵塔里木教授深入调查研究了东干族的民间音乐，赵杰教授在《回族解读》一书中也介绍了中亚的回族，马幼平副教授还写出了《中亚东干族文学研究》（我指导的博士论文）。孙大鹏写出了《吉尔吉斯斯坦的东干人》（我指导的硕士论文）。还有更多的青年学者，准备前去中亚地区进行东干族东干语方面的田野调查，或正在撰写有关研究东干族东干语的论文及著作。我祝他们成功！

东干学研究所自成立以来工作成果显著，2002 年获中央民族大学科研处荣誉证书；作者 2003 年获吉尔吉斯国际科学院东干学分部荣誉证书，后获东干协会奖章。相关工作被《今日丝路》《丝路新观察》《中国》《人民网》等海内外媒体报道。目前，所长职务已移交苗东霞教授，东干学研究事业持续推进 [8]。

由于年龄的关系，我不能前去出席纪念雅斯尔·十娃子的活动，也不能看望他的亲属和其他东干亲人，感到非常遗憾！就让我发去这篇文章表达我对雅斯尔·十娃子的怀念吧！

List of used literature

1. 胡振华，《中亚东干学研究》[M]，民族出版社，2009 年。
2. 穆哈买德·苏尚洛，《中亚东干人的历史与文化》[M]，郝苏民，高永久译。银川：宁夏人民出版社，1996 年。
3. 王国杰，《东干族形成发展史》[M]，兰州：甘肃民族出版社，1997 年。
4. 丁宏，《东干文化研究》[M]，北京：中央民族大学出版社，1999 年。
5. 林涛，《中亚东干语研究》[M]，银川：宁夏人民出版社，2008 年。
6. 海峰，《中亚东干语言研究》[M]，乌鲁木齐：新疆大学出版社，2003 年。
7. 苗东霞，《中亚东干人的双语教学模式》[J]，民族教育研究，2008 年第 6 期。
8. 海淑英，《中亚吉尔吉斯族语言文化研究》[M]，北京，民族出版社，2015 年。

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Шисыр Исхар Сувазович

Хуан Ц., Цинь Ц., Чжан Ц, Ван Ч., Назарматова Б.М.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Хуан Ц., Цинь Ц., Чжан Ц, Ван Ч., Назарматова Б.М.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Huang J., Qin J., Zhang Z., Wang C., Nazarmatova B.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7809-3177>¹

**САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ШАРТЫНДАГЫ КЫТАЙ ӨНДҮРҮШ
ТАРМАГЫНЫН БИЗНЕС МОДЕЛДЕРИНИН ИННОВАЦИЯЛАРЫ ЖАНА
ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ
КИТАЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

**RESEARCH ON BUSINESS MODEL INNOVATION AND TRANSFORMATION OF
CHINA'S MANUFACTURING INDUSTRY IN THE DIGITAL ECONOMY**

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө санариптик экономика шартында Кытайдын өндүрүш секторунда бизнес-моделдердин инновациясы жана трансформациясы маселелерине арналган. Азыркы учурда чоң көлөмдөгү маалыматтар, жасалма интеллект жана булут технологиялары сыяктуу санариптик технологиялардын тездик менен өнүгүшү өндүрүш тармагына олуттуу таасирин тийгизүүдө. Бул өзгөрүүлөр салттуу өндүрүш моделдерин кайра карап чыгууга жана жаңы, ийкемдүү, инновациялык бизнес-моделдерди калыптандырууга өбөлгө түзүүдө. Изилдөөдө Кытайдын өндүрүш секторундагы санариптик трансформациянын негизги багыттары талданып, анын ишканалардын инновациялык мүмкүнчүлүктөрүн жогорулатуудагы ролу каралат. Авторлор өндүрүш процесстерин автоматташтыруу, маалыматтарга негизделген башкарууну киргизүү жана интеллектуалдык өндүрүш системаларын колдонуу аркылуу ишканалардын натыйжалуулугу жогорулап жатканын белгилешет. Ошондой эле изилдөөдө бизнес-моделдердин трансформациясы ишканалардын атаандаштык жөндөмдүүлүгүн жогорулатууга, чыгымдарды азайтууга жана кардарлардын муктаждыктарына ылайыкташуу мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтүүгө өбөлгө түзүүчү фактор катары каралат. Ошол эле учурда санариптик трансформация процессинде пайда болгон көйгөйлөр, анын ичинде технологиялык инфраструктуранын жетишсиздиги, квалификациялуу кадрлардын тартыштыгы жана маалыматтык коопсуздук маселелери талданат. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, инновациялык бизнес-моделдерди киргизүү өндүрүш секторунун атаандаштык жөндөмдүүлүгүн жогорулатууга, анын туруктуу өнүгүшүнө жана Кытайдын дүйнөлүк экономикадагы позициясын бекемдөөгө өбөлгө түзөт.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу инноваций и трансформации бизнес-моделей китайского производственного сектора в условиях цифровой экономики. В современных условиях стремительного развития цифровых технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект и облачные вычисления, производственные предприятия сталкиваются с необходимостью адаптации к новым требованиям рынка и внедрения инновационных решений. В работе рассматриваются ключевые направления цифровой трансформации в промышленности Китая, включая автоматизацию производственных процессов, внедрение интеллектуальных систем управления и использование данных для повышения эффективности. Особое внимание уделяется трансформации бизнес-моделей как

важному фактору повышения конкурентоспособности предприятий, оптимизации затрат и улучшения качества продукции. Также в исследовании анализируются основные вызовы, возникающие в процессе цифровой трансформации, такие как недостаточная развитость технологической инфраструктуры, дефицит квалифицированных кадров и риски, связанные с информационной безопасностью. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к решению данных проблем, включающего развитие инновационной среды и совершенствование управленческих механизмов. Результаты исследования показывают, что внедрение инновационных бизнес-моделей способствует устойчивому развитию производственного сектора и укреплению позиций Китая в глобальной экономике.

Abstract: This study examines innovation and business model transformation in China's manufacturing sector within the context of the digital economy. With the rapid advancement of digital technologies such as big data, artificial intelligence, and cloud computing, manufacturing enterprises are increasingly required to adapt their operations and adopt innovative approaches to remain competitive. The paper analyzes key directions of digital transformation in China's industrial sector, including production automation, the implementation of intelligent management systems, and data-driven decision-making. Special attention is given to the transformation of business models as a critical factor in enhancing competitiveness, reducing costs, and improving product quality. The study also identifies major challenges associated with digital transformation, including insufficient technological infrastructure, a shortage of skilled professionals, and concerns related to data security. To address these issues, the authors emphasize the importance of an integrated approach that combines technological innovation with effective management practices. The findings demonstrate that the adoption of innovative business models significantly contributes to the sustainable development of the manufacturing sector and strengthens China's position in the global economy.

Негизги сөздөр: санариптик экономика; өндүрүш сектору; бизнес-модель; инновация; санариптик трансформация; Кытай; акылдуу өндүрүш.

Ключевые слова: цифровая экономика; производственный сектор; бизнес-модель; инновации; цифровая трансформация; Китай; умное производство.

Keywords: digital economy; manufacturing sector; business model; innovation; digital transformation; China; smart manufacturing.

The global economy is undergoing a digital transformation that is reshaping industries, markets, and business models. Nowhere is this more evident than in China, where the digital economy has become a central pillar of national development strategy. According to the China Digital Economy Development Report (2023), China's digital economy reached 50.2 trillion yuan in 2022, accounting for 41.5% of the country's GDP. Within this transformation, the manufacturing sector—historically the backbone of China's economic growth—is experiencing a paradigm shift [1, p.172].

Traditionally, Chinese manufacturing was characterized by low-cost labor, mass production, and export-oriented growth. However, rising labor costs, environmental pressures, and global competition have rendered this model unsustainable. In response, the Chinese government has launched a series of initiatives, including “Made in China 2025” and the “Digital China” strategy, aimed at fostering innovation, digitalization, and high-quality development.

This paper aims to explore how Chinese manufacturing enterprises are innovating their business models in the context of the digital economy. It examines the types of innovations, their drivers, implementation challenges, and future prospects. The study adopts a multi-method approach,

including comparative analysis, case studies, and secondary data analysis, to provide a comprehensive understanding of this transformation.

The concept of business model innovation has been extensively studied in the context of digital transformation. Chesbrough (2010) defines business model innovation as the process of creating, delivering, and capturing value in new ways. Zott and Amit (2013) emphasize the importance of aligning business models with strategic objectives and technological capabilities.

In the context of manufacturing, digital technologies such as the Internet of Things (IoT), artificial intelligence (AI), big data, and cloud computing are enabling new forms of value creation. McAfee and Brynjolfsson (2017) argue that these technologies are not just tools but foundational elements that redefine how businesses operate.

Recent studies have focused on the role of platforms, ecosystems, and data-driven models in transforming traditional industries. Liu and Li (2022) highlight how Chinese manufacturing firms are leveraging digital platforms to enhance supply chain efficiency and customer engagement. Parker et al. (2016) discusses the rise of platform economies and their implications for industrial organization [2, p.1019].

Despite the growing body of literature, there is a lack of comprehensive studies that specifically focus on the transformation of China's manufacturing sector within the digital economy. This paper seeks to fill that gap by providing an in-depth analysis of business model innovations and their implications.

China's digital economy is characterized by rapid expansion, technological advancement, and deep integration with traditional industries. The manufacturing sector, in particular, has benefited from digital infrastructure investments, policy support, and innovation ecosystems.

Since 2012, China's digital economy has grown at an average annual rate of over 15%, significantly outpacing GDP growth. In 2022, the digital economy contributed over 41% of national GDP, with manufacturing accounting for a significant share. The Ministry of Industry and Information Technology (MIIT) reports that over 300,000 manufacturing enterprises have initiated digital transformation projects [3, p.45].

China has built the world's largest 5G network, with over 2.8 million base stations and 95% fiber broadband penetration. Industrial internet platforms such as Haier's COSMO Plat, Huawei's Fusion Plant, and Alibaba's Xunxi have connected millions of devices and enterprises, enabling real-time data sharing and intelligent decision-making.

The Chinese government has placed digital transformation at the core of its industrial policy. The "14th Five-Year Plan" emphasizes the development of "smart manufacturing," "green manufacturing," and "digital supply chains." Financial incentives, tax breaks, and R&D subsidies are provided to encourage innovation and technology adoption.

Digital technologies are being integrated into various manufacturing subsectors, including automotive, electronics, textiles, and machinery. For instance, in the automotive industry, companies like BYD and Geely are using digital twins and AI to optimize production lines and improve product quality.

Chinese manufacturing firms are experimenting with a variety of business model innovations. These can be categorized into five main types:

Smart manufacturing involves the integration of AI, IoT, robotics, and big data to create autonomous and adaptive production systems. These models enable real-time monitoring, predictive maintenance, and mass customization [4, p.123].

Case Study: Siemens' digital factory in Chengdu uses digital twins to simulate production processes, reducing design-to-market time by 30%. The factory integrates ERP, MES, and PLM systems to create a seamless data flow across the value chain.

Manufacturing platforms connect suppliers, producers, and customers in a shared digital ecosystem. These platforms facilitate resource sharing, collaborative design, and on-demand production.

Case Study: Alibaba's Xunxi Platform provides SMEs with access to cloud-based manufacturing services, including AI-driven design, sourcing, and logistics. Over 10,000 factories have joined the platform, reducing production costs by an average of 20%.

C2M reverses the traditional supply chain by allowing consumers to directly influence product design and production. This model reduces inventory, enhances customer satisfaction, and enables personalization.

Case Study: Pinduoduo's "New Brand Initiative" partners with manufacturers to co-develop products based on consumer data. Brands like "Nanjing Silks" have achieved over 100 million RMB in sales within months of launch.

Servitization involves shifting from selling products to offering integrated solutions and services. This model increases customer retention and creates recurring revenue streams.

Case Study: XCMG, a leading construction machinery manufacturer, offers "machinery-as-a-service," including leasing, maintenance, and remote monitoring. This has increased customer loyalty and opened new markets in Southeast Asia.

Digital technologies support sustainable manufacturing by enabling waste tracking, product lifecycle management, and recycling.

Case Study: JD.com's reverse logistics system collects returned or end-of-life products for refurbishing or recycling. In 2022, the platform processed over 15 million items, reducing carbon emissions by an estimated 200,000 tons [5, p.15].

Technologies such as AI, 5G, and cloud computing provide the foundation for digital transformation. They enable real-time data processing, intelligent automation, and seamless connectivity.

Government policies, including subsidies, tax incentives, and regulatory sandboxes, encourage firms to adopt digital technologies and experiment with new business models.

Consumers are increasingly demanding personalized, high-quality, and sustainable products. This pushes manufacturers to adopt flexible and customer-centric models.

To remain competitive in global markets, Chinese manufacturers must innovate continuously. Digital transformation is seen as a key differentiator.

Both public and private capital are flowing into digital manufacturing. Venture capital, government funds, and industrial internet platforms provide financial and technical support.

SMEs often lack the financial and technical resources to adopt digital technologies, widening the gap between large and small enterprises.

Increased connectivity exposes firms to cyber threats. Data breaches, IP theft, and industrial espionage are major concerns.

There is a significant shortage of skilled workers in AI, data science, and automation. Educational institutions are struggling to keep pace with industry needs [6, p.89].

Digital transformation requires substantial upfront investment in hardware, software, and training, which can be prohibitive for smaller firms.

Evolving regulations around data ownership, cross-border data flows, and AI ethics create compliance challenges and legal risks.

Expand 5G, industrial internet, and cloud computing access to rural and underdeveloped regions to ensure inclusive growth.

Provide targeted subsidies, training programs, and access to public digital platforms to help SMEs adopt new technologies.

Encourage collaboration between universities, vocational schools, and enterprises to develop interdisciplinary talent in digital manufacturing.

Establish clear regulations on data ownership, privacy, and security to build trust and facilitate data sharing across ecosystems.

Incentivize circular economy practices, energy-efficient technologies, and sustainable supply chains through tax breaks and green finance.

The digital economy is fundamentally transforming China's manufacturing sector. From smart factories to C2M platforms, business model innovations are enabling firms to become more efficient, customer-centric, and sustainable. However, challenges such as the digital divide, talent shortages, and regulatory uncertainty must be addressed through coordinated policy efforts. With the right strategies, China can evolve from a manufacturing giant to a digitally empowered industrial leader, setting a global benchmark for the future of manufacturing [7, p.56].

List of used literature

1. Teece D J. Business models, business strategy and innovation[J]. Long Range Planning, 2010: 172-194.
2. Zott C, Amit R. The business model: recent developments and future research[J]. Journal of Management, 2011: 1019-1042.
3. Parker G, Van Alstyne M, Choudary S P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy—And How to Make Them Work for You[B]. W. W. Norton & Company, 2016: 45-78.
4. McAfee A, Brynjolfsson E. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future[B]. W. W. Norton & Company, 2017: 123-150.
5. China Internet Network Information Center. Statistical Report on China's Internet Development[R]. CNNIC, 2023: 15-32.
6. Chesbrough H. Open Business Models: How to Thrive in the New Innovation Landscape[B]. Harvard Business Press, 2006: 89-105.
7. Osterwalder A, Pigneur Y. Business Model Generation: A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers[B]. John Wiley & Sons, 2010: 56-71.

Рецензент: PhD Имашова Айсулу Абдыкуловна

Хуэй Ц.

Нинся университети, КЭР

Хуэй Ц.

Университет Нинся, КНР

Hui J.

Ningxia University, PRC

**КЫРГЫЗСТАНДЫН ЭЛ АКЫНЫНЫН «КЫТАЙ СЕЗИМДЕРИ» — ЯСЫР
ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАН КҮНҮНҮН 120 ЖЫЛДЫГЫНА КАРАТА
«КИТАЙСКИЕ ЧУВСТВА» НАРОДНОГО ПОЭТА КЫРГЫЗСТАНА — К 120-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯСЫРА ШИВАЗА**

**“CHINESE SENTIMENTS” OF THE PEOPLE'S POET OF KYRGYZSTAN — ON THE
OCCASION OF THE 120TH ANNIVERSARY OF YASYR SHIVAZA'S BIRTH**

吉尔吉斯斯坦人民诗人的“中国情怀”——纪念亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала Кыргызстандын эл акыны Ясыр Шивазанын чыгармачылыгындагы «кытай сезимдери» темасын талдоого арналган. Автор акындын чыгармаларында элдик аң-сезим менен лириканын айкалышы өзгөчө орун ээлерин белгилейт. Ясыр Шивазанын тарыхый ата-мекен темасына арналган чыгармаларында терең кытай маданий жана руханий таасирлер байкалат. Бул сезимдер акындын чыгармаларында эки формада чагылдырылат: имплициттик (жашыруун) жана эксплициттик (ачык). Макалада кытай элдик уламыштарына негизделген чыгармалар аркылуу кытай сезимдеринин жашыруун формасы, ал эми лирикалык чыгармалар аркылуу түздөн-түз берилген формасы кеңири талданат. Ошондой эле, автор Ясыр Шивазанын чыгармаларында тарыхый ата-мекен түшүнүгү географиялык кайтуу эмес, руханий жана маданий идентификация катары түшүндүрүлөрүн көрсөтөт. Изилдөөдө акындын чыгармаларындагы символдор, образдар жана маданий коддор терең талдоого алынат. Айрыкча, кытай маданиятына таандык фольклордук элементтердин жана тилдик өзгөчөлүктөрдүн ролу белгиленет. Бул макала дунган адабиятынын калыптанышындагы Ясыр Шивазанын ордун жана анын чыгармачылыгындагы кытай маданиятынын таасирин ачып көрсөтөт. Изилдөө маданияттар аралык байланыштарды жана тарыхый эс тутумду изилдөөдө маанилүү илимий салым кошот.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу феномена «китайских чувств» в творчестве народного поэта Кыргызстана Ясыра Шиваза. Автор рассматривает особенности художественного стиля поэта, в котором органично сочетаются элементы народного сознания и лирической выразительности. Особое внимание уделяется произведениям, посвящённым теме исторической родины, где ярко проявляется так называемый «китайский комплекс». В работе выделяются два основных способа выражения китайских чувств: имплицитный, характерный для произведений, основанных на китайских народных преданиях, и эксплицитный, проявляющийся в лирических текстах. Подчеркивается, что обращение к теме исторической родины у Шиваза не связано с физическим возвращением, а отражает глубокую культурную и идентификационную связь с историческим прошлым. Автор анализирует художественные средства, используемые поэтом, включая символику, образную систему и культурные коды, восходящие к китайской традиции. Отмечается значительная роль

фольклорных мотивов и языковых особенностей, способствующих формированию уникального художественного пространства произведений. Исследование подчеркивает вклад Ясыра Шиваза в развитие дунганской литературы и раскрывает влияние китайской культуры на его творчество. Работа имеет важное значение для изучения межкультурных связей, исторической памяти и национальной идентичности.

Abstract: This article examines the phenomenon of “Chinese sentiments” in the works of Yasyr Shivaza, a People’s Poet of Kyrgyzstan. The study focuses on the distinctive features of Shivaza’s creative style, which represents a synthesis of folk consciousness and lyrical expression. Particular attention is paid to his works dedicated to the theme of the ancestral homeland, where profound “Chinese sentiments” are strongly manifested. The paper identifies two primary modes of expressing these sentiments: implicit expression, typically found in works based on Chinese folk legends, and explicit expression, characteristic of lyrical compositions. It is emphasized that the concept of returning to the ancestral homeland in Shivaza’s works should not be understood in a geographical sense, but rather as a symbolic and cultural identification with historical roots. The study further explores the artistic devices employed by the poet, including symbolic imagery, narrative structures, and cultural codes rooted in Chinese traditions. Special emphasis is placed on the role of folklore elements and linguistic features that contribute to the construction of a unique poetic discourse. The findings highlight Shivaza’s significant contribution to the development of Dungan literature and demonstrate the deep influence of Chinese cultural heritage on his creative work. The research offers valuable insights into intercultural dialogue, historical memory, and identity formation in literary studies.

摘要: 本文旨在分析吉尔吉斯斯坦人民诗人亚瑟尔·希瓦扎创作中的“中国情怀”现象。作者探讨了诗人艺术风格的特点，在其作品中，民间意识元素与抒情表达实现了有机融合。文章特别关注以“历史故乡”为主题的作品，其中鲜明地体现出所谓的“中国情结”。研究指出，希瓦扎作品中的“中国情怀”主要通过两种方式得以表达：一种是隐性的表达方式，主要体现在以中国民间传说和传统故事为基础的作品中；另一种则是显性的表达方式，更多出现在抒情诗歌之中。文章强调，希瓦扎对于历史故乡主题的关注，并不意味着现实意义上的回归愿望，而是体现了他对民族历史、文化根源以及身份认同的深层精神联系。作者详细分析了诗人在创作中所运用的艺术手法，包括象征体系、意象结构以及源自中国传统文化的文化符号。同时，研究还指出，民间文学元素和语言特色在构建其独特艺术空间方面发挥了重要作用。作品中的许多文化意象、叙事方式和审美特征，都与中国传统文化存在密切联系。文章认为，亚瑟尔·希瓦扎不仅为东干文学的发展作出了重要贡献，也通过自身创作展现了中国文化对东干民族文学形成与发展的深远影响。该研究对于理解中亚地区的跨文化联系、历史记忆以及民族认同问题具有重要的学术价值。

Негизги сөздөр: Ясыр Шиваза; дунган адабияты; кытай тематикасы; кытай сезимдери (кытай комплекси); поэзия.

Ключевые слова: Ясыр Шиваза; дунганская литература; китайская тематика; китайские чувства (китайский комплекс); поэзия.

Keywords: Yasyr Shivaza; Dungan literature; chinese themes; chinese sentiments (chinese complex); poetry.

关键词: 亚瑟尔·希瓦扎; 东干文学; 中国题材; 中国情怀 (中国情结); 诗歌.

亚瑟儿·十娃子（1906-1988）是吉尔吉斯斯坦“人民诗人”，东干文学的开创者、语言学家、翻译家、社会活动家，是一位多方面的文化人士。他对东干文学的发展做出了巨大贡献，产生了深远影响。他的创作风格总体上表现的是一种民间意识和抒情性相统一的格调，题材上涉及东干人生活的方方面面，体裁上兼及诗歌、小说、戏剧、散文。著名的东干文学评论家苏尚洛这样评价他在东干文学史上的意义：“十娃子·亚瑟儿是吉尔吉斯斯坦作家语言里头有名的诗人，是给中亚东干民人的文学扎里根的人，连他的名字中亚东干民人能说自己的文学发展。”[1] 他一生用东干文、俄文和吉尔吉斯文创作了 40 部作品。代表作品包括诗歌《中国》《春天的音》《挑拣下的作品》《东干族》，小说《买燕的命运》《走过的路》《白蝴蝶》，戏剧《长城》等。其中，涉及中国题材的作品有《中国》《我爱唱的》《上海的买卖》《送丈夫——中国的红军歌》《长城》《中国风光》《在亲家》《新华的声》《给陕西的信》《我爷的城》《新华的声》《汉字》《给屈原诗人》《宁夏姑娘》《在伊犁》《给萧三》等。

十娃子的中国题材作品，以朴实无华、热情洋溢的文字，采用直接描写与间接描写相结合的艺术手法，表达对“中国的牵挂”[2]，“对祖辈的故乡和中国人民的深厚情感”³，书写了浓浓的“中国乡情”⁴。十娃子在自己的作品中处处表达着对中华文化的高度认同和由衷向往，散发出与中国陕甘宁文化的血肉亲情。在他的作品中，一代代东干人总是把陕西省叫做“我爷的省”，把汉族叫做“老舅家的人”，把陕甘宁方言叫做“亲娘语言”，表现出离乡不移志，移土不离根的情怀。这种执着守护历史故国文化的真情，流露出对中华大地的认同感，表明把中国当成了永远的家和根，是十娃子思念故土、向往中国的情感写照。

文学是文化的重要组成部分，十娃子的中国题材作品是东干文化的重要组成部分；十娃子的文学作品是运用清朝末年的西北方言创作的，其中蕴含的中国情结就是一种必然现象。十娃子借助文学作品抒发的中国情怀，是通过隐在式显现和直抒胸臆两种途径得以实现的[3]。

十娃子从中国民间传说中取材，间接表达传承中华文化的特点和眷恋中华故土的情怀，其表达的中国情结具有隐在式特点。例如歌剧《长城》就取材于广泛流传于中国民间传说《孟姜女哭长城》。歌剧的人物设置以范郎和孟姜女为原型，歌剧的背景叙述借助“秦始皇”“阎王”等名称予以呈示，歌剧的结局以男主人公远赴边塞修筑长城、被活埋于长城收尾。这样的戏剧内容与形式，在突出中国民间传说悲剧氛围的同时，也带给读者一股浓郁的中国文化信息。歌剧《长城》在借鉴中国民间传说的同时，还通过民间谚语、俗语的运用，体现华裔特征，如“养儿养成房”“养女养陪房”这句俗语，以“成房”与“陪房”形成对比，表达中国传统文化中男女差别的观念。整体上所表现的中国情结，是通过作家的视角对《孟姜女哭长城》凄切哀怨的艺术形式予以肯定的途径来实现的[4]。

除了借用民间传说这种文学形式传承中国文化资源外，十娃子还利用与中国相关的文学意象以及人物称谓来书写热爱故土之情。从文学意象来看，十娃子的诗歌意象大致可分为自然意象、植物意象和鸟类意象，这三类诗歌意象中具有中国地域特色的意象是黄河、白杨树。这说明十娃子的诗歌意象具有传承中国文化的鲜明特色和书写中国情结的特殊意义。当然，除了具有中国特色的意象，另有一些非中国特色的自然意象也具有思念历史故国，书写中国情结的主旨意蕴。例如《我的月亮》所表达的就是这种感情。诗歌采用拟人的艺术手法书写，叙写月亮的温柔美丽和天真可爱的自然属性，呈现出一幅月游人间的动人画面，抒发

了心中的喜爱之情，既与歌颂美丽的大自然主题有关，又与远离中国故土借咏月以思乡的游子情怀有关。从人物称谓来看，不管是《长城》中的“奴家”，还是《青梅里边的古今儿》中的“员外”，抑或是称医生为“先生”、父亲为“老子”等，都是十娃子诗歌创作传承中国文化和书写中国故乡情怀的生动体现。

总体上看，亚瑟儿·十娃子的“书面文学本身就是大量采用中国西北方言，再加上中国特色的民间传说和民间谚语的采用，不仅使东干书面文学呈现出鲜明的中国特色，而且使之颇具中国西北回族民间原汁原味的生活气息”[5]，从而间接表达了眷恋中国故土的情怀。

十娃子在中国题材作品中直接表达恋华之情，主要是借助抒情诗的创作直抒胸臆。1937年出版的以《中国》命名的抒情诗集就直接抒发了他对遥远故土的惦念。在《我爷的城》中这样写道：“雪也落到头上里，/我爷孽障。/眼睫毛毛上也落上哩，/一层毒霜。/心中不定，肯念过：/我的银川。/哈巴还等我的呢，/老娘一般，/百年之前离别里，/我连银川。/我也没说，你好在，/没说再见……/把我，哈吧忘掉里，/那个大城。/单怕那塔儿也没剩下/认得的人。/雪也落到头上里，我爷孽障。/眼睫毛上也落里一层毒霜。”[6]这首抒情诗是十娃子在20世纪30年代创作的，诗歌巧设“我爷”“老娘”“银川”等意象，采用回环复沓的形式，抒发了雪染鬓发的“我爷”——从中国迁居中亚的第一代东干人对中国感情的难以割舍；诗中的“老娘”意象正是祖国母亲的象征，而“银川”意象则是历史故国——中国的缩影，借诗歌意象“我爷”对故土的思恋，表达作者本人的中国情结[7]。

十娃子作品中直接书写的中国情结是通过民俗意蕴的借用，传统文化心理特点的再现和思念故国的情怀三个层面予以展开的。民俗意蕴的借用所表现的中国情结在《柳树枝》一诗中得到了具体体现。《柳树枝》叙述的是恋爱中的一对东干男女青年因为对民族风俗的误会而暂时分手，但最终获得幸福结局的故事。小伙子 and 所爱的姑娘告别，向她最后一次要石榴花，但这位姑娘却送的是柳树枝，后来小伙子从东干老人那里得知“柳”即“留”之意，柳树枝象征的是纯洁无暇的爱情，于是“亲自到姑娘的树园，/折一枝柳树枝”⁷回赠于她。诗歌中人物心理的微妙变化，故事情节的跌宕起伏，都是借助中国民俗的化用来实现创作主旨的，即作者从历史故国民俗文化这一独特视角切入，从蕴含的诸如“好事多磨”“不经风雨怎能看见彩虹”等哲理意蕴中，阐释“中国文化符码——折柳送别，恋恋不舍”⁸的东方式爱情模式，从而凸显了他作品中浓郁的中国情结。

传统文化心理特点所表现的中国情结，是通过“恋土”心理和儒家伦理观念叙述方式予以展开的。诗歌《在伊犁》和小说《妯娌》就是这种叙述的典范，通过“蒜味”“汗味”等诗歌意象的设置，可以看作是作者内心深处积淀的中国农民式“恋土”心理的文学表达；借助“妯娌”为继承遗产而争斗不休，以及“公公”“婆婆”表现的宽宏大量气度所显示的人物形象特点，实际上是作者围绕“孝”“面子”与大家庭的“和”等儒家文化而设置的故事情节特点，反映了中国农民式伦理观念对作者叙述特点的影响印迹[8]。

借助传统文化心理搭建东干文学叙事框架、编织东干文学故事情节，是东干文学常见的结构模式，但如何揭示这种模式的外在成因及其与中国情结之间的内在联系，却是运思行文的难点。对此，十娃子选取两个切入视角，其一选取最能表现东干文学的特殊意象——“蒜味”，并与中国农民式“留土”心理建立联系；其二选取最能表现东干文学特殊题材“妯娌”关系，并与儒家的“面子”“家庭和睦”等文化形态建立起相互联系。由于这种特殊意象和特殊

题材的特殊规定性，使他们在逻辑关系上更容易和作品主旨——中国情结形成彼此间的相互联系，从而揭示了传统文化心理描写与表达中国情结的内在联系。

思念故国的情怀是受中国文化影响而产生的情感结果，是通过诗集《中国》的书写予以展开的。不管是《唱银川》所寄寓的对故土“银川”的深情，还是《给陕西的信》中因“陕西解放”而产生的由衷喜悦，抑或是《宁夏姑娘》中对“宁夏姑娘”的礼赞，都是作者恋华之情的直接表白和东干文学与中国文化水乳交融关系的直接书写。

纵观十娃子作品的中国情结书写，在他近半个世纪的文学创作中是一以贯之的，不管是借助民间文学间接抒发的中国情怀，还是运用书面文学直接表露的中国情结，都集中体现了中国文化对他的文学创作的深刻影响。十娃子受中国文化影响而产生的中国情结书写，总体上表达的是“一种故国身份定位，而并非地理意义上的家园回归。”[9]

List of used literature

1. М.Сўшонло. Совет жун-янди выншүә. Фрунзе, 1957. С.24.
2. 黄威风.天山外的乡音 ——论雅斯尔·十娃子诗歌中的中国情结[J].四川职业技术学院学报 2010 年, 第 3 期。
3. 胡振华.中亚东干学研究[M].中央民族大学出版社, 2009 年, 第 169 页。
4. 林涛.伟大诗人的中国乡情——纪念亚瑟儿·十娃子诞辰 100 周年[J].西北第二民族学院学报(哲学社会科学版), 2006 年, 第 3 期。
5. 杨建军.中亚东干文学与中国文化[J].中央民族大学学报, 2008 年, 第 4 期。
6. 伊玛佐夫编著, 丁宏编译.亚瑟儿·十娃子生活与创作[M].宁夏人民出版社, 2001 年, 第 161-162 页。
7. 伊玛佐夫.中亚回族著名诗人亚瑟儿·十娃子精选诗集[Z].林涛、崔凤英编译。2015 年, 第 37 页。
8. 常文昌、常立霓.世界华语诗苑的奇葩——中亚东干诗人十娃子与十四儿的诗[M].黄河出版传媒集团阳光出版社, 2014 年, 第 153 页。
9. 姚晓萍.“离而不散”的文化追忆——东干文学的民族志书写[J].浙江社会科学,2022 年, 第 12 期。

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Апаева Софья Хусеиновна

Цюй И., Чжан Ю., Чжао Ч., Чжоу Л., Тыналиев К.К.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Цюй И., Чжан Ю., Чжао Ч., Чжоу Л., Тыналиев К.К.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Qu Y., Zhang Y., Zhao Z., Zhou L., Tynaliyev K.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1678-5012>¹

САНАРИПТИК ЭКОНОМИКАНЫН ИШ МЕНЕН КАМСЫЗ КЫЛУУГА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ: МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨРҮ, КӨЙГӨЙЛӨРҮ ЖАНА ЧЕЧҮҮ ЖОЛДОРУ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ЗАНЯТОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON EMPLOYMENT: OPPORTUNITIES, CHALLENGES AND SOLUTIONS

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө санариптик экономиканын калкты иш менен камсыз кылууга тийгизген таасирин талдоого арналган. Азыркы учурда санариптик технологиялардын ыкчам өнүгүшү эмгек рыногунда автоматташтыруу, жасалма интеллектти киргизүү жана санариптик платформалардын кеңири жайылышы менен байланышкан олуттуу өзгөрүүлөрдү жаратууда. Бул процесстер бир эле учурда жаңы мүмкүнчүлүктөрдү ачып, олуттуу чакырыктарды да пайда кылууда. Изилдөөдө санариптик экономиканын негизги мүмкүнчүлүктөрү, анын ичинде жаңы жумуш орундарын түзүү, аралыктан иштөөнү өнүктүрүү жана инновациялык активдүүлүктү жогорулатуу каралат. Ошол эле учурда салттуу жумуш орундардын кыскарышы, квалификациялардын эмгек рыногунун талаптарына шайкеш келбеши жана социалдык теңсиздиктин күчөшү сыяктуу негизги көйгөйлөр талданат. Өзгөчө көңүл жаңы шарттарга ыңгайлашууга багытталган чечимдерди иштеп чыгууга бурулат. Алардын катарына билим берүү системасын модернизациялоо, санариптик көндүмдөрдү өнүктүрүү, кадрларды кайра даярдоо программаларын киргизүү жана иш менен камсыз кылуу жаатындагы мамлекеттик саясатты өркүндөтүү кирет. Авторлор мамлекет, бизнес жана билим берүү мекемелеринин ортосунда тыгыз өз ара аракеттенүүнүн зарылдыгын баса белгилешет. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, санариптик экономика иш менен камсыз кылууга эки жактуу таасир тийгизет: бир жагынан, ал экономикалык өсүшкө жана жаңы мүмкүнчүлүктөрдүн түзүлүшүнө өбөлгө түзсө, экинчи жагынан, эмгек рыногунда түзүмдүк тең салмаксыздыктарды күчөтөт. Бул процесстерди натыйжалуу башкаруу туруктуу өнүгүүнүн негизги шарты болуп саналат.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу влияния цифровой экономики на занятость населения. В условиях стремительного развития цифровых технологий происходят значительные изменения на рынке труда, связанные с автоматизацией, внедрением искусственного интеллекта и распространением цифровых платформ. Эти процессы одновременно создают новые возможности и порождают серьезные вызовы. В работе рассматриваются ключевые возможности цифровой экономики, включая создание новых рабочих мест, развитие удаленной занятости и повышение инновационной активности. В то же время анализируются основные проблемы, такие как сокращение традиционных рабочих мест, несоответствие квалификаций требованиям рынка труда и усиление социального неравенства. Особое внимание уделяется разработке решений, направленных на адаптацию к новым условиям. Среди них — модернизация системы образования, развитие цифровых

навыков, внедрение программ переподготовки кадров и совершенствование государственной политики в сфере занятости. Авторы подчеркивают необходимость тесного взаимодействия между государством, бизнесом и образовательными учреждениями. Результаты исследования показывают, что цифровая экономика оказывает двойственное влияние на занятость: с одной стороны, она способствует экономическому росту и созданию новых возможностей, с другой — усиливает структурные дисбалансы на рынке труда. Эффективное управление этими процессами является ключевым условием устойчивого развития.

Abstract: This study examines the impact of the digital economy on employment, highlighting both the opportunities and challenges it creates. The rapid advancement of digital technologies, including automation, artificial intelligence, and digital platforms, has significantly transformed labor markets worldwide. These changes have led to the emergence of new forms of employment while simultaneously disrupting traditional job structures. The paper explores the key opportunities associated with the digital economy, such as the creation of new jobs, the expansion of remote work, and the promotion of innovation. At the same time, it identifies major challenges, including job displacement, skills mismatch, and increasing social inequality. These issues require comprehensive and adaptive policy responses. Particular attention is given to potential solutions aimed at mitigating negative effects and maximizing the benefits of digital transformation. These include the modernization of education systems, the development of digital competencies, the implementation of reskilling and upskilling programs, and the enhancement of labor market policies. The study emphasizes the importance of collaboration between governments, businesses, and educational institutions in addressing these challenges. The findings suggest that the digital economy has a dual impact on employment. While it drives economic growth and creates new opportunities, it also introduces structural imbalances that must be carefully managed. Effective governance and strategic planning are essential to ensure inclusive and sustainable development in the digital era.

Негизги сөздөр: санариптик экономика; эмгек рыногу; иш менен камсыз кылуу; автоматташтыруу; жасалма интеллект; санариптик трансформация; кадрларды кайра даярдоо.

Ключевые слова: цифровая экономика; занятость; рынок труда; автоматизация; искусственный интеллект; цифровая трансформация; переподготовка кадров.

Keywords: digital economy; employment; labor market; automation; artificial intelligence; digital transformation; reskilling.

С начала XXI века волна цифровой экономики, движущей силой которой выступает новое поколение информационных технологий, включая большие данные, искусственный интеллект, облачные вычисления и Интернет вещей, охватила весь мир и оказала глубокое влияние на структуру мировой экономики и жизнь общества. Согласно «Белой книге по глобальной цифровой экономике» (2023), опубликованной Китайской академией информационно-коммуникационных технологий, масштабы мировой цифровой экономики продолжают расширяться, а темпы её развития в Китае особенно высоки. Доля цифровой экономики в ВВП страны превысила 40 %, что делает её одним из ключевых факторов устойчивого экономического роста и структурной трансформации. В этих условиях занятость населения как основа благосостояния общества и важный источник экономического развития, а также её взаимосвязь с цифровой экономикой и тенденции дальнейшей эволюции закономерно оказались в центре внимания научного сообщества и разработчиков государственной политики.

Цифровая экономика представляет собой не отдельный сектор экономики, а совокупность видов экономической деятельности, в которых данные выступают ключевым

фактором производства, современные информационные сети служат важнейшей инфраструктурной основой, а эффективное использование информационно-коммуникационных технологий является движущей силой повышения производительности и оптимизации экономической структуры [1]. Благодаря коммерциализации данных, цифровизации традиционных отраслей экономики и развитию цифровой индустрии она существенно изменила традиционные производственные процессы и бизнес-модели, оказывая всестороннее влияние на структуру спроса и предложения, формы занятости и трудовые отношения на рынке труда [1].

Данное влияние носит двойственный характер. С одной стороны, стремительное развитие платформенной экономики и гибких форм занятости способствовало появлению большого числа новых профессий, таких как водители такси онлайн-платформ, курьеры служб доставки, ведущие прямых трансляций в электронной коммерции, специалисты по искусственному интеллекту и аналитики больших данных. Это свидетельствует о высокой способности цифровой экономики создавать новые рабочие места.

С другой стороны, такие явления, как автоматизация производства и алгоритмизация управления трудовыми процессами, вызывают серьёзную обеспокоенность в связи с возможным ростом технологической безработицы, поляризацией занятости и усилением неравенства доходов. Для такой страны, как Китай, находящейся на этапе структурной трансформации экономики и обладающей крупнейшими в мире трудовыми ресурсами, влияние цифровой экономики на занятость приобретает особую актуальность. Масштабы китайского рынка, развитая цифровая инфраструктура и особенности государственной политики создают уникальные условия для изучения и понимания данного глобального явления. Развитие цифровой экономики приводит к формированию новых отраслей и бизнес-моделей, которые одновременно создают новые возможности и порождают новые вызовы для рынка труда.

Исходя из вышеизложенного, данная статья направлена на поиск ответов на следующие ключевые вопросы. Во-первых, каким образом цифровая экономика влияет на занятость населения. Во-вторых, какие возможности и вызовы для рынка труда создаёт цифровая экономика в условиях Китая. В-третьих, каким образом государство, предприятия, работники и другие заинтересованные стороны могут совместно сформировать устойчивую экосистему рынка труда, способную эффективно адаптироваться к процессам цифровой трансформации, обеспечивая инклюзивный экономический рост и всеобщее благосостояние. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию влияния цифровой экономики на занятость населения и развитие рынка труда.

Вопрос о влиянии технологического прогресса на занятость на протяжении длительного времени остается предметом научных дискуссий. Начиная с «машинного вопроса» эпохи промышленной революции и заканчивая современными дебатами о рисках, связанных с развитием искусственного интеллекта, центральное место в этих дискуссиях занимают проблемы технологической безработицы и механизмов её компенсации. В своей известной работе «Экономические возможности наших внуков» Дж. М. Кейнс (1930) впервые сформулировал понятие «технологической безработицы», определив её как ситуацию, при которой темпы высвобождения рабочей силы вследствие технологического прогресса опережают темпы создания новых рабочих мест [2]. В противоположность этому Й. Шумпетер (1942) в рамках теории «созидательного разрушения» рассматривал технологические инновации как процесс, который не только вытесняет устаревшие технологии, отрасли и рабочие места, но и способствует возникновению новых продуктов, рынков и организационных форм, создавая тем самым новые возможности для занятости [3].

Применительно к цифровой экономике существующие исследования можно условно разделить на три основных направления.

Многочисленные исследования подтверждают способность цифровой экономики создавать новые рабочие места. Так, D. Autor (2015) отмечает, что автоматизация действительно замещает часть рутинных операций, однако одновременно дополняет нерутинные когнитивные и социальные виды деятельности, способствуя формированию спроса на новые профессии и компетенции [4]. Исследователи выделяют несколько основных механизмов создания занятости.

Прямое создание рабочих мест. Развитие цифровых отраслей, включая производство электронного оборудования, программного обеспечения и предоставление информационно-технологических услуг, непосредственно способствует росту числа высококвалифицированных рабочих мест.

Косвенное создание занятости. Платформенная экономика снижает транзакционные издержки, обеспечивает более эффективное взаимодействие между спросом и предложением и формирует значительное количество рабочих мест в сфере электронной коммерции, доставки, фриланса, совместного потребления и других цифровых сервисов.

Эффект повышения эффективности. Цифровизация традиционных отраслей способствует росту производительности труда и снижению издержек, что в перспективе может стимулировать расширение рынков и увеличение спроса на рабочую силу.

Вместе с тем пессимистический подход также имеет серьёзное теоретическое и эмпирическое обоснование. Согласно исследованиям D. Acemoglu и P. Restrepo (2019), автоматизация вызывает так называемый «эффект вытеснения», когда машины и алгоритмы заменяют работников при выполнении задач, которые могут быть автоматизированы с меньшими затратами. Наибольшему риску подвержены профессии, связанные с выполнением стандартных и повторяющихся операций. Этот процесс способствует поляризации занятости: возрастает спрос на высококвалифицированных специалистов и низкоквалифицированных работников сферы услуг, тогда как потребность в работниках средней квалификации постепенно сокращается. В результате рынок труда приобретает U-образную структуру, что рассматривается как одна из причин роста неравенства доходов в последние десятилетия.

Цифровая экономика также способствует распространению новых форм занятости, включая платформенную занятость и гиг-экономику. G. Standing (2016) характеризует формирующуюся социальную группу термином «прекариат». Несмотря на определённую гибкость и автономию труда, представители этой группы нередко сталкиваются с отсутствием достаточных социальных гарантий, нестабильностью занятости, высокой изменчивостью доходов и ограниченными возможностями профессионального роста [5]. Подобные нестандартные формы трудовых отношений создают серьёзные вызовы для традиционных систем трудового права и социальной защиты, ориентированных преимущественно на постоянную занятость по трудовому договору.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что существующие исследования сформировали прочную теоретическую базу для изучения влияния цифровой экономики на занятость. Однако большинство работ сосредоточено на отдельных аспектах данной проблемы — создании рабочих мест, вытеснении работников или трансформации структуры занятости. Комплексные исследования, рассматривающие все эти механизмы в рамках единой аналитической модели, встречаются сравнительно редко. В связи с этим в данной статье предпринимается попытка сформировать целостную аналитическую модель «создание — шок

— адаптация», основанную на существующих научных подходах и современных тенденциях развития цифровой экономики Китая.

Влияние цифровой экономики на занятость не сводится к простому увеличению или сокращению числа рабочих мест. Оно реализуется через сложную систему взаимосвязанных механизмов, анализ которых позволяет глубже понять современные изменения на рынке труда.

Механизм формирования новых видов занятости. Это наиболее очевидный способ создания рабочих мест в цифровой экономике. Цифровые платформы электронной коммерции, социальных сетей и онлайн-сервисов объединяют миллионы пользователей при минимальных транзакционных издержках, формируя новые бизнес-модели и профессиональные роли. Развитие электронной коммерции способствовало появлению таких профессий, как менеджеры интернет-магазинов, специалисты по продвижению товаров, создатели цифрового контента, операторы коротких видеоплатформ и координаторы онлайн-продаж. В индустрии цифрового контента возникли новые виды занятости, включая блогеров, подкастеров, стримеров и специалистов по игровым сервисам. Благодаря высокой гибкости и доступности данные формы занятости становятся важным инструментом вовлечения различных категорий населения в экономическую деятельность.

Механизм оптимизации структуры занятости. Цифровая экономика способствует переходу от индустриальной модели развития к экономике знаний и услуг. В результате значительно возрастает спрос на специалистов в области анализа данных, разработки алгоритмов, облачных вычислений, кибербезопасности и цифрового управления. Одновременно интеграция цифровых технологий в традиционные отрасли экономики формирует спрос на специалистов, сочетающих профессиональные отраслевые знания с цифровыми компетенциями, что способствует повышению общего уровня квалификации рабочей силы [6].

Механизм трансформации форм занятости. Благодаря развитию цифровых технологий дистанционная работа, распределённое взаимодействие команд и проектная занятость становятся обычной практикой. Это снижает значение географических ограничений и обеспечивает более эффективное распределение трудовых ресурсов. С одной стороны, такие изменения повышают гибкость деятельности организаций и производительность труда. С другой стороны, они расширяют возможности трудоустройства для людей с ограниченными возможностями здоровья, жителей удалённых регионов и лиц, совмещающих профессиональную деятельность с семейными обязанностями, тем самым способствуя повышению инклюзивности рынка труда [6].

Механизм технологического вытеснения рабочей силы. Этот механизм вызывает наибольшие дискуссии. Промышленные роботы постепенно заменяют работников на производственных линиях, программные решения класса RPA автоматизируют рутинные операции в сфере финансов, управления персоналом и административной деятельности, а интеллектуальные системы обслуживания клиентов сокращают потребность в операторах колл-центров. Кроме того, генеративный искусственный интеллект начинает оказывать влияние на такие сферы, как программирование, дизайн и создание контента. Наиболее уязвимыми оказываются рабочие места, связанные с выполнением стандартизированных и повторяющихся задач.

Механизм несоответствия квалификаций требованиям цифровой экономики. Темпы развития цифровых технологий значительно опережают скорость адаптации трудовых ресурсов. В результате возникает разрыв между компетенциями работников традиционных отраслей и

навыками, необходимыми в цифровой экономике, включая цифровую грамотность, анализ данных, алгоритмическое мышление и способность к сетевому взаимодействию. Такое несоответствие приводит к парадоксальной ситуации, когда дефицит квалифицированных кадров сочетается с трудностями трудоустройства значительной части населения. Именно данный структурный дисбаланс становится одной из ключевых проблем современного рынка труда.

Механизм поляризации доходов. Данный механизм тесно связан с феноменом поляризации занятости. С одной стороны, высококвалифицированные специалисты получают значительные преимущества на рынке труда благодаря уникальным профессиональным компетенциям, инновационному потенциалу и способности решать сложные задачи. С другой стороны, значительная часть работников средней квалификации, рабочие места которых подверглись автоматизации, вынуждена переходить в сегмент низкоквалифицированной занятости, что усиливает конкуренцию на рынке труда и оказывает давление на уровень заработной платы. В результате разрыв в доходах между различными группами работников увеличивается, что может способствовать усилению социального неравенства и возникновению социальных противоречий.

Платформенная экономика как стабилизатор занятости. В Китае платформенная экономика стала одним из важнейших каналов создания рабочих мест и поддержания занятости населения, особенно в периоды экономической нестабильности. По данным Государственного статистического управления КНР и крупнейших цифровых платформ, к концу 2023 года численность работников, занятых в гибких формах занятости, превысила 200 млн человек, значительная часть которых связана с платформенной экономикой [7]. Курьеры служб доставки, водители онлайн-такси и другие представители платформенной занятости сыграли важную роль в трудоустройстве работников, высвобожденных из традиционных отраслей экономики, особенно в период пандемии, выступая своеобразным механизмом социальной стабилизации.

Цифровые технологии как фактор развития предпринимательства. Развитие цифровых технологий существенно снизило барьеры для начала предпринимательской деятельности. Использование крупных цифровых платформ, таких как Taobao, Pinduoduo, Douyin и WeChat, позволяет малым предприятиям и индивидуальным предпринимателям выходить на национальные и международные рынки с относительно низкими затратами. Это способствует распространению инновационной активности, развитию малого бизнеса и формированию благоприятной предпринимательской среды, что становится важным источником создания новых рабочих мест.

Промышленная модернизация и привлечение талантов. Активное развитие Китая в таких высокотехнологичных сферах, как искусственный интеллект, сети 5G, производство новых энергетических транспортных средств и цифровая экономика, способствует созданию большого количества высококвалифицированных рабочих мест. Одновременно усиливается привлекательность Китая для высококвалифицированных специалистов и выпускников зарубежных университетов. Возвращение специалистов и приток талантов создают благоприятные условия для дальнейшего развития инновационной экономики и укрепления позиций страны в глобальных цепочках создания стоимости.

Рост рисков структурной безработицы. Несмотря на положительные эффекты цифровизации, сохраняется риск структурной безработицы. Работники традиционных отраслей промышленности, торговли и сферы услуг всё чаще сталкиваются с последствиями автоматизации и цифровой трансформации. В силу возрастных особенностей, уровня образования и ограниченных возможностей профессиональной переподготовки многие из них

испытывают трудности при переходе в новые отрасли экономики. Это повышает риск длительной безработицы, занятости низкого качества и формирования новых социально уязвимых групп населения.

Проблема защиты трудовых прав работников. По мере развития платформенной экономики всё более актуальной становится проблема защиты трудовых прав и социальных гарантий работников. Стремясь к максимальной эффективности и оптимизации распределения ресурсов, алгоритмы цифровых платформ могут усиливать контроль над трудовой деятельностью работников. В результате курьеры, водители онлайн-платформ и другие категории платформенных работников нередко сталкиваются с высокой интенсивностью труда, жёсткими требованиями к производительности и повышенными рисками для здоровья и безопасности.

Более серьёзной проблемой является то, что отношения между цифровыми платформами и работниками часто оформляются как гражданско-правовое сотрудничество, а не как трудовые отношения. Вследствие этого многие работники оказываются вне системы социальной защиты, включая страхование от несчастных случаев на производстве, страхование по безработице и другие виды социального обеспечения. Недостаточная защищённость в вопросах оплаты труда, продолжительности рабочего времени и охраны труда вызывает серьёзную обеспокоенность в отношении качества занятости.

Столкнувшись с возможностями и вызовами цифровой экономики, государство, бизнес, работники и институты гражданского общества должны совместно участвовать в формировании эффективной системы управления рынком труда.

Совершенствование нормативно-правовой базы. Необходимо ускорить совершенствование трудового законодательства и нормативных актов, регулирующих новые формы занятости. Особое внимание следует уделить определению правового статуса платформенных работников, установлению минимальных трудовых стандартов, а также регулированию вопросов охраны труда и социальной защиты. Перспективным направлением является разработка промежуточных правовых форм занятости, сочетающих элементы трудовых и гражданско-правовых отношений.

Формирование системы непрерывного профессионального обучения. Государство должно играть ведущую роль в развитии системы непрерывного образования и повышения квалификации. Для этого необходимо объединить усилия органов власти, предприятий, образовательных организаций и центров профессиональной подготовки. Особое внимание следует уделять работникам традиционных отраслей, трудовым мигрантам и другим категориям населения, наиболее уязвимым в условиях цифровой трансформации. Важным направлением является развитие программ обучения цифровым компетенциям, переподготовки кадров и повышения квалификации на протяжении всей трудовой деятельности человека. Введение системы профессиональных сертификатов и их интеграция с образовательными квалификациями позволит стимулировать непрерывное профессиональное развитие работников.

Совершенствование системы социальной защиты. Необходимо разработать механизмы социального обеспечения, учитывающие особенности гибких форм занятости и платформенного труда. Следует постепенно снижать зависимость доступа к социальным гарантиям от наличия традиционного трудового договора. Особое значение имеет развитие механизмов страхования профессиональных рисков, внедрение гибких форм участия в системе социального страхования и предоставление государственной поддержки низкодоходным категориям платформенных работников. Реализация данных мер позволит

обеспечить более широкий охват населения системой социальной защиты и повысить устойчивость рынка труда в условиях цифровой экономики [4].

Реализация стратегии сбалансированного регионального цифрового развития. С помощью таких инструментов, как межбюджетные трансферты, налоговые льготы и меры промышленной политики, необходимо стимулировать развитие цифровой инфраструктуры, центров обработки данных и вычислительных платформ в центральных и западных регионах страны, а также в сельской местности. Особое внимание следует уделять поддержке региональных направлений цифровой экономики, включая умное сельское хозяйство, сельский туризм и электронную коммерцию. Это позволит использовать цифровые технологии в качестве инструмента сокращения региональных диспропорций и содействия сбалансированному развитию территорий.

Увеличение инвестиций в человеческий капитал. Предприятия должны рассматривать персонал как один из важнейших стратегических ресурсов. Для этого необходимо регулярно проводить оценку профессиональных компетенций сотрудников, анализировать потребности в обучении и создавать условия для непрерывного развития цифровых навыков. Инвестиции в человеческий капитал должны стать неотъемлемой частью долгосрочной стратегии развития бизнеса и способствовать совместному росту эффективности предприятий и профессионального потенциала работников.

Внедрение принципов этичного алгоритмического управления. Цифровые платформы должны учитывать этические аспекты при разработке и использовании алгоритмов. Для этого целесообразно создавать специализированные комитеты по этике алгоритмов и регулярно оценивать влияние алгоритмических решений на условия труда работников. Необходимо совершенствовать системы распределения заказов, обеспечивать справедливые критерии оценки труда, гарантировать достаточное время для отдыха и поддерживать разумный уровень доходов работников. Важным элементом также является создание эффективных механизмов обратной связи, рассмотрения жалоб и защиты прав работников.

Развитие новых моделей трудовых отношений. Предприятиям рекомендуется активно участвовать в диалоге с государственными органами, профсоюзами и представителями работников для поиска более гибких моделей занятости. Перспективными являются модели, сочетающие гибкость платформенной занятости с базовыми социальными гарантиями, включая гарантированный минимальный доход и частичное социальное страхование для работников, осуществляющих долгосрочное сотрудничество с цифровыми платформами. Это позволит сформировать устойчивую и социально ответственную экосистему платформенной экономики.

Формирование культуры непрерывного обучения. В условиях стремительного обновления технологий работники должны осознавать необходимость постоянного профессионального развития. Для этого следует активно использовать возможности массовых открытых онлайн-курсов (МООСs), дистанционного обучения, корпоративных образовательных программ и других форм повышения квалификации. Особое значение приобретает развитие цифровой грамотности, критического мышления, креативности и других универсальных компетенций наряду с профессиональными навыками.

Развитие навыков карьерного планирования. В современных условиях приоритетом становится не стабильность одного рабочего места, а устойчивость профессиональной карьеры и способность адаптироваться к изменениям рынка труда. Работникам необходимо постоянно отслеживать тенденции развития отраслей, анализировать перспективы профессионального роста, своевременно корректировать карьерные планы и

осваивать новые направления деятельности. Такой подход способствует повышению мобильности рабочей силы и конкурентоспособности специалистов в цифровой экономике.

Роль общественных организаций и профессиональных объединений.

Профсоюзные организации должны ускорить процессы реформирования и адаптации к новым условиям рынка труда, разрабатывать эффективные механизмы представительства интересов работников новых форм занятости и предоставлять им консультационную, образовательную и правозащитную поддержку [6]. Профессиональные и отраслевые ассоциации, в свою очередь, должны участвовать в разработке стандартов деятельности и профессиональной этики, способствующих устойчивому развитию цифровой экономики.

Формирование рационального общественного восприятия цифровой трансформации. Средства массовой информации должны объективно и всесторонне освещать как преимущества, так и риски цифровой экономики. Важно избегать как распространения чрезмерных опасений относительно массовой безработицы, так и неоправданного оптимизма, игнорирующего существующие проблемы. Необходимо последовательно продвигать идеи непрерывного образования, профессионального развития и адаптации к технологическим изменениям, формируя общественную культуру, поддерживающую инновации, предпринимательство и профессиональную мобильность.

В данной статье проведён системный анализ многоаспектного влияния цифровой экономики на рынок труда. Результаты исследования показывают, что воздействие цифровой экономики на занятость нельзя свести исключительно к созданию или сокращению рабочих мест. Речь идёт о сложной трансформации, охватывающей технологические, экономические, социальные и институциональные процессы. В этом смысле современные изменения подтверждают актуальность концепции «созидательного разрушения», предложенной Й. Шумпетером. Благодаря формированию новых видов экономической деятельности, модернизации структуры занятости и развитию инновационных форм труда цифровая экономика создаёт новые возможности для занятости и способствует более эффективному распределению ресурсов [7]. Одновременно она порождает серьёзные вызовы, связанные с автоматизацией труда, несоответствием квалификаций требованиям рынка и усилением социально-экономического неравенства.

Для Китая, находящегося на этапе высококачественного развития экономики, ключевым условием успешной адаптации к цифровой трансформации является переход от использования преимуществ численности трудовых ресурсов к развитию человеческого капитала и повышению качества рабочей силы. Приоритетом государственной политики должно стать не сдерживание технологического прогресса, а создание условий для повышения устойчивости, мобильности и инклюзивности рынка труда посредством совершенствования институтов, развития системы профессионального обучения, укрепления социальной защиты и эффективного взаимодействия всех участников социально-экономического развития. Государство должно формировать стратегические ориентиры, бизнес — создавать условия для инновационного развития и качественной занятости, работники — активно повышать свою квалификацию и адаптироваться к новым требованиям, а общество — поддерживать процессы модернизации и социального развития.

Только создание многоуровневой, согласованной и гибкой системы управления позволит максимально реализовать потенциал цифровой экономики в сфере занятости, одновременно минимизируя её возможные негативные последствия. Это обеспечит более высокий уровень занятости населения, повышение качества рабочих мест, устойчивое социально-экономическое развитие и будет способствовать достижению целей всеобщего благосостояния.

Список использованной литературы

1. Акемоглу Д., Рестрепо П. Автоматизация и новые задачи: как технологии замещают и восстанавливают труд // Журнал экономических перспектив. 2019. Т. 33, № 2. С. 3–30.
2. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2016.
3. Де Стефано В. Подъем «рабочей силы по требованию»: почасовая работа, краудсорсинг и защита труда в «экономике гигов». Женева: Международное бюро труда, 2016.
4. Китайская академия информационно-коммуникационных технологий. Белая книга по глобальной цифровой экономике. 2023.
5. Цай Юн. Как использовать новый потенциал занятости в эпоху цифровой экономики // Социальное обеспечение людских ресурсов Китая. 2021. № 7. С. 25–27.
6. Ци Пейдун, Сяо Сюй. Изменения в корпоративном управлении в эпоху цифровой экономики // Управляющий мир. 2020. Т. 36, № 6. С. 135–152.
7. Чжан Чэвэй, Чжао Вэнь. Влияние развития платформенной экономики на трудовые отношения и меры политического реагирования // Университетский журнал Китайской академии общественных наук. 2021. Т. 41, № 3. С. 32–44.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаева Ирина Борисовна

УДК 339.5: 004.738.5(510+575.2)

Чжоу Я., Чжэн В., Юй С., Ян Ц., Назарматова Б.М.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Чжоу Я., Чжэн В., Юй С., Ян Ц., Назарматова Б.М.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Zhou Y., Zheng W., Yu X., Yang Z., Nazarmatova B.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7809-3177>¹

**КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН ОРТОСУНДАГЫ ТРАНСЧЕК АРАЛЫК
ЭЛЕКТРОНДУК КОММЕРЦИЯНЫН ӨНҮГҮҮ МОДЕЛИН ТАЛДОО: ЖАҢЫ
ЖИБЕК ЖОЛУ ХАБЫНЫН АЛКАГЫНДАГЫ МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨР ЖАНА
ПРАКТИКА**

**АНАЛИЗ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ
КОММЕРЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И КЫРГЫЗСТАНОМ: ВОЗМОЖНОСТИ И
ПРАКТИКА В РАМКАХ НОВОГО ХАБА ШЕЛКОВОГО ПУТИ**

**ANALYSIS OF CROSS-BORDER E-COMMERCE DEVELOPMENT MODELS
BETWEEN**

**CHINA AND KYRGYZSTAN: OPPORTUNITIES AND PRACTICES UNDER THE NEW
SILK ROAD HUB**

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала жаңы Жибек жолу хабын калыптандыруу контекстинде Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы трансчек аралык электрондук коммерциянын өнүгүү моделин талдоого арналган. Глобалдашуу жана дүйнөлүк экономиканын санариптешүүсү шартында трансчек аралык электрондук коммерция эл аралык сооданы кеңейтүүнүн жана өлкөлөр ортосундагы экономикалык кызматташууну чыңдоонун

маанилүү куралына айланууда. Изилдөөдө электрондук коммерцияны өнүктүрүүнүн негизги багыттары, анын ичинде санариптик инфраструктура, логистикалык системалар, төлөм механизмдери жана институционалдык колдоо каралат. Өзгөчө көңүл «Бир алкак, бир жол» демилгесине бурулат, анткени бул демилге транспорттук коридорлорду өнүктүрүүгө, соода жол-жоболорун жөнөкөйлөтүүгө жана Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы инвестициялык кызматташууну активдештирүүгө өбөлгө түзөт. Авторлор интернет-платформалардын өсүшү, логистикалык борборлордун өнүгүшү жана сатуу рынокторунун кеңейиши сыяктуу мүмкүнчүлүктөрдү талдайт. Ошол эле учурда инфраструктуранын жетишсиз өнүгүшү, бажылык жөнгө салуудагы тоскоолдуктар жана ченемдик-укуктук базадагы айырмачылыктар сыяктуу негизги көйгөйлөр белгиленет. Макалада трансчек аралык соода механизмдерин өркүндөтүүгө, санариптик платформаларды өнүктүрүүгө жана институционалдык өз ара аракеттенүүнү күчөтүүгө багытталган практикалык сунуштар берилет. Изилдөөнүн жыйынтыгы трансчек аралык электрондук коммерцияны өнүктүрүү Кыргызстанда экономикалык өсүштү стимулдаштыруу жана өлкөнү глобалдык соода процесстерине интеграциялоо үчүн олуттуу мүмкүнчүлүккө ээ экенин көрсөтөт.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу модели развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Кыргызстаном в контексте формирования нового хаба Шелкового пути. В условиях глобализации и цифровизации мировой экономики трансграничная электронная коммерция становится важным инструментом расширения международной торговли и укрепления экономического сотрудничества между странами. В работе рассматриваются ключевые направления развития электронной коммерции, включая цифровую инфраструктуру, логистические системы, платежные механизмы и институциональную поддержку. Особое внимание уделяется инициативе «Пояс и путь», которая способствует развитию транспортных коридоров, упрощению торговых процедур и активизации инвестиционного сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном. Авторы анализируют существующие возможности, такие как рост интернет-платформ, развитие логистических центров и расширение рынков сбыта. Вместе с тем выявляются и основные проблемы, включая недостаточную развитость инфраструктуры, барьеры в таможенном регулировании и различия в нормативно-правовой базе. В статье предлагаются практические рекомендации, направленные на совершенствование механизмов трансграничной торговли, развитие цифровых платформ и укрепление институционального взаимодействия. Результаты исследования показывают, что развитие трансграничной электронной коммерции имеет значительный потенциал для стимулирования экономического роста и интеграции Кыргызстана в глобальные торговые процессы.

Abstract: This article analyzes the development model of cross-border e-commerce between China and Kyrgyzstan within the framework of the emerging Silk Road hub. In the context of globalization and the rapid digitalization of the global economy, cross-border e-commerce has become a crucial driver of international trade expansion and economic cooperation between countries. It enables businesses to access new markets, reduce transaction costs, and improve efficiency through digital platforms. The study examines the key components of cross-border e-commerce development, including digital infrastructure, logistics systems, payment mechanisms, and institutional support. Particular attention is paid to the Belt and Road Initiative, which plays a significant role in enhancing connectivity, developing transport corridors, simplifying trade procedures, and strengthening investment cooperation between China and Kyrgyzstan. The authors identify major opportunities such as the rapid growth of online platforms, the establishment of logistics hubs, and the expansion of market access for small and medium-sized enterprises. At the same time, the study highlights key

challenges, including underdeveloped infrastructure, regulatory barriers, customs complexities, and differences in legal frameworks between the two countries. The paper proposes practical recommendations aimed at improving cross-border trade mechanisms, promoting digital platform development, and enhancing institutional cooperation. The findings indicate that cross-border e-commerce has strong potential to stimulate economic growth, support regional integration, and strengthen Kyrgyzstan's position in the global trade system.

Негизги сөздөр: трансчек аралык электрондук коммерция; Кытай; Кыргызстан; Жибек жолу; «Бир алкак, бир жол» демилгеси; санариптик экономика; логистика; эл аралык соода.

Ключевые слова: трансграничная электронная коммерция; Китай; Кыргызстан; Шелковый путь; инициатива «Пояс и путь»; цифровая экономика; логистика; международная торговля.

Keywords: cross-border e-commerce; China; Kyrgyzstan; Silk Road; Belt and Road Initiative; digital economy; logistics; international trade.

(1) Research Background. As the core hub of the Belt and Road, Central Asia has become a new growth pole for global cross-border e-commerce in recent years. With a population of 7 million, a per capita GDP of \$2,500 in 2024 (an 85% increase from 2022), and a high internet penetration rate, Kyrgyzstan's e-commerce market has grown from \$120 million in 2020 to \$870 million in 2024, and is expected to exceed \$600 million by 2028. Bilateral trade between China and Kyrgyzstan is highly complementary, with China's industrial manufactured goods such as machinery and home appliances matching Kyrgyzstan's mineral products and agricultural products in supply and demand, laying the foundation for the development of cross-border e-commerce.

(2) Research Significance. With the fierce competition in Southeast Asia and the rising barriers in European and American markets, China-Kyrgyzstan cross-border e-commerce has become a new choice for Chinese foreign trade enterprises to "go global". Analyzing its development model can help tap the potential of the Central Asian market, provide practical guidance for enterprise layout, and enrich the theoretical and case studies of "Belt and Road" digital trade cooperation [1].

(1) Core Development Foundation

1. Policy Coordination: China's "Silk Road E-commerce" support program provides up to 500,000 yuan in subsidies for live streaming base construction. China and Kyrgyzstan have initiated negotiations on a service trade and investment agreement, combined with policy dividends such as tax reductions and customs facilitation, to establish institutional safeguards.

2. Facility upgrades: The temporary opening of the Biedeli Port enables 7-day delivery of Yiwu small commodities to Bishkek, while the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway is advancing the optimization of the cross-border transport network. Digital facilities such as Huawei's "Tianshan Cloud Warehouse" are enhancing logistics efficiency.

3. Demand upgrade: Young people in Kyrgyzstan have driven a 30% surge in demand for categories such as smartphones and smart homes, and China products have reached a penetration rate of 27% in the local retail market [2, p.45].

(2) Market Operation

Characteristics-Product Structure: China's exports are dominated by electromechanical products (Xiaomi mobile phones account for 43.26% of the market), household goods, and photovoltaic equipment, while Jifang's exports are concentrated in mineral products, agricultural products, and other resource-based categories, showing prominent complementarity.

-Platform landscape: A collaborative model of "international giants + local leaders" has been formed, with Ozon Global connecting over 2.5 million China products, Uzum Market consolidating its local position with tens of millions of monthly active users, and Pinduoduo Temu expanding the market through localized live streaming bases [3].

-Business models: The B2C model has seen rapid growth driven by consumption upgrades, while B2B platforms like eWorldTrade continue to connect enterprises across borders. New formats such as live-streaming sales have achieved single-session sales exceeding \$200,000.

3. Analysis of Core Development Models for China-Kyrgyzstan Cross-border E-commerce

(1) Framework: A Four-in-One Synergistic System. The China-Kyrgyzstan cross-border e-commerce sector has established a 'four-in-one' development model, guided by policies, supported by logistics, driven by technology, and facilitated by platforms. Each component mutually reinforces the others to form a closed-loop ecosystem.

(2) Key Operational Mechanisms

1. Policy Empowerment Mechanism Relying on the Belt and Road Initiative and the China-Kyrgyzstan Free Trade Agreement, it achieves "two-way policy dividends": Chinese enterprises can enjoy preferential policies such as a 15% corporate income tax reduction and zero tariffs on auto parts exports; Kyrgyzstan leverages Chinese technology and capital to improve digital infrastructure, creating a synergistic effect of policies. Chinese enterprises collaborate with the National Academy of Sciences of Kyrgyzstan to establish research institutions, anticipating policy adjustments such as data localization in advance, thereby reducing compliance risks.

2. Platform linkage mechanism-Cross-border platform expansion: Alibaba International Station helped enterprises such as Hunan Zhongji achieve 90% of their own-brand exports, while Ozon Global optimized air and sea freight costs, resulting in a 2.2-fold year-on-year surge in revenue for China sellers. -Localization initiatives: Temu established a 'Central Asia Live Streaming Hub' in Bishkek, training local influencers to promote products in Kyrgyz; TikTok introduced a live streaming interface featuring elements from the epic 'Manas', resulting in a 35% increase in user retention.

3. The logistics support mechanism establishes a three-dimensional system of "dedicated logistics + overseas warehouses + digital dispatching": companies such as Erba Supply Chain have built a China-Kyrgyzstan dedicated network, while J&T Express's "Central Asia Express" system achieves end-to-end delivery for "China-Kyrgyzstan-Russia" orders, reducing logistics costs by 40%; overseas warehouses improve delivery efficiency through temporary storage and diversion, and Huawei's AI dispatching system compresses logistics time from 7 days to 36 hours.

4. Technology-Driven Mechanism: Digital technologies permeate the entire industrial chain. Intelligent translation systems overcome language barriers, AI-powered avatars enable multilingual live streaming, IoT technology optimizes overseas warehouse inventory management, and mobile payment adoption enhances transaction convenience. Through localized technological upgrades, LONGi Green Energy achieves 18% higher photovoltaic power generation than competitors, establishing a technological competitive edge [4, p.12].

4. Challenges in the operation of the model

1. Policy and compliance risks: The policies and regulations of China-Kyrgyzstan cross-border e-commerce are not yet perfect, and there are institutional differences in the areas of cross-border data flow and tax collection and administration. Some local platforms lose orders due to the compatibility of payment systems.

2. Logistics bottleneck constraints: The complex geographical environment leads to high cross-border transportation costs, insufficient delivery coverage in some remote areas, and low logistics informatization leads to poor information transmission.

3. Talent and ecological shortcomings: Kyrgyzstan lacks professionals in cross-border e-commerce operations and digital marketing, and its local e-commerce enterprises are small in scale and lag behind China's competitors in automation.

4. Optimization Path and Development Outlook

1. Model Optimization Strategy

(1) Deepening policy coordination: Promoting the signing of the China-Kyrgyzstan cross-border e-commerce special agreement, establishing a unified customs clearance standard and tax collection and administration system, and setting up a policy interpretation and compliance service platform [5].

(2) Improve the logistics ecosystem: Accelerate the construction of the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway and optimize the multimodal transport network of "railway + road + air"; promote the "Tianshan Cloud Warehouse" model and build a cross-border logistics information sharing platform.

(3) Cultivate local capabilities: Cultivate multilingual e-commerce talents through "school-enterprise cooperation", support local platforms to access international payment systems, and encourage Chinese enterprises to export technology to enhance the digital level of local enterprises.

(4) Expand cooperation areas: Expand cross-border trade in fresh products and other categories by relying on the China-Kyrgyzstan Agricultural Products Processing Consortium model; promote the overseas expansion of competitive manufacturing industries such as photovoltaic equipment and vending machines through e-commerce channels.

2. Development Outlook

China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway and the improvement of digital infrastructure, Kyrgyzstan's e-commerce market is projected to exceed \$600 million by 2028, with cross-border e-commerce between China and Kyrgyzstan continuing to grow in its share of bilateral trade. The region is poised to establish a development pattern characterized by "deep integration of digital technologies, bidirectional expansion of industrial chains, and broad participation of SMEs," positioning itself as a benchmark model for cross-border e-commerce cooperation in Central Asia.

In the context of the rapid development of the digital economy, cross-border e-commerce between China and Kyrgyzstan is becoming an increasingly important driver of bilateral economic cooperation within the framework of the Belt and Road Initiative. Central Asia, as a key region of this initiative, has emerged as a new growth pole for global digital trade, with Kyrgyzstan demonstrating particularly dynamic development in its e-commerce sector [6].

A critical factor contributing to this development is the strong complementarity between the economies of the two countries. China exports a wide range of industrial goods, including machinery, electronics, and consumer products, while Kyrgyzstan supplies agricultural and mineral resources. This mutually beneficial trade structure provides a solid foundation for the expansion of cross-border e-commerce and the formation of efficient supply chains.

Institutional support also plays a vital role. Government initiatives aimed at promoting "Silk Road e-commerce," along with ongoing negotiations on trade and investment agreements, contribute to the establishment of a favorable regulatory environment. At the same time, infrastructure development continues to advance, including improvements in transport corridors, railway connectivity, and logistics networks, as well as the integration of digital technologies to enhance

operational efficiency [7].

The evolution of the market is closely linked to the rapid growth of digital platforms. International and regional e-commerce platforms facilitate market access for enterprises, reduce transaction costs, and improve transparency. Technological innovation, including artificial intelligence, digital payment systems, and automated logistics solutions, further strengthens the competitiveness of cross-border trade.

Despite significant progress, several challenges remain, including regulatory inconsistencies, logistical constraints, and a shortage of skilled professionals in digital commerce. Addressing these issues requires a coordinated approach involving policy harmonization, investment in human capital, and the development of a comprehensive digital ecosystem.

In the long term, cross-border e-commerce between China and Kyrgyzstan holds substantial growth potential and is expected to become a key component of regional economic integration, contributing to sustainable development and the creation of a modern, innovation-driven trade model [8].

List of used literature

1. Abdurayeva, A. Research on the Construction Path of the China-Kyrgyzstan Digital Trade Corridor. Bishkek: Kyrgyz National University Press. (2023).
2. Li Ming, "Research on the Policy Synergy Mechanism of the Belt and Road" Cross-border E-commerce. International Trade Issues, (2022). (5),45-54.
3. World Bank. Central Asia Digital Economy Development Report: Cross-border E-commerce. Washington: World Bank Group (2023).
4. Zhang Wei. Optimization and Cost-Benefit Analysis of China-Kyrgyzstan Logistics Corridor. Logistics Technology, 43(3),12-19 (2024).
5. Kyrgyz National Statistical Committee. Statistical Yearbook of E-commerce Development 2020-2024. Bishkek: Kyrgyz National Statistical Committee Publishing House, 2024.
6. Huawei Technologies Co., Ltd. Tianshan Cloud Warehouse Digital Logistics White Paper. Shenzhen: Huawei Technologies Co., Ltd., 2023.
7. Smith, J. Cross-border E-commerce in Central Asia: Opportunities and Challenges. London: Routledge. (2023)
8. China Ministry of Commerce. Progress Report on the China-Kyrgyzstan Service Trade and Investment Agreement Negotiations. Beijing: China Business Press. (2023)

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Суранаев Туратбек Джамалбекович

Чэнь С., Ван Х., Ли И, Ли Л., Калдыбай у. М.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Чэнь С., Ван Х., Ли И, Ли Л., Калдыбай у. М.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Chen S., Wang H., Li Y, Li L., Kaldybay u. M.

KNU Jusup Balasagyn

**КЫРГЫЗСТАНДЫН АКЫРКЫ 40 ЖЫЛДАГЫ ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮСҮ:
ТРАНСФОРМАЦИЯНЫН, СЫНООЛОРДУН ЖАНА ТУРУКТУУЛУКТУН ТАТААЛ
ЖОЛУ**

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСТАНА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 40 ЛЕТ:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ, ПОТЯСЕНИЙ И УСТОЙЧИВОСТИ**

**KYRGYZSTAN'S ECONOMIC DEVELOPMENT TRENDS IN THE PAST 40 YEARS: A
DIFFICULT JOURNEY OF TRANSFORMATION, TURBULENCE, AND RESILIENCE**

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кыргызстандын 1985-жылдан 2025-жылга чейинки болжол менен 40 жылдык экономикалык өнүгүү процесси системалуу түрдө каралат. Макроэкономикалык көрсөткүчтөрдү, түзүмдүк өзгөрүүлөрдү, тышкы таасирлерди (Советтик Союздун ыдырашы, саясий олку-солкулуктар жана дүйнөлүк кризистер), саясаттын эволюциясын жана социалдык кесепеттерди талдоо аркылуу Кыргызстандын экономикалык өнүгүүсүнүн негизги өзгөчөлүктөрү жана терең көйгөйлөрү аныкталат. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, Кыргызстан советтик пландуу экономикадан рыноктук экономикага өтүүнүн татаал жолун басып өткөн. Институционалдык өнүгүүдө жана айрым тармактарда белгилүү бир прогресске жетишилгенине карабастан, экономикалык өсүш саясий туруксуздук, күчтүү тышкы көз карандылык, айрыкча акча которууларга жана алтынга көз карандылык, мамлекеттик башкаруунун алсыздыгы жана инфраструктуранын жетишсиздиги сыяктуу факторлор менен чектелип, туруксуз мүнөзгө ээ болгон. Акыркы жылдары Кыргызстан Евразия экономикалык биримдигине интеграциялануу жана Кытайдын «Бир алкак, бир жол» демилгеси менен байланышкан шартта өнүгүүнүн жаңы кыймылдаткычтарын издеп келет. Бирок түзүмдүк реформаларды жүргүзүү жана экономикалык туруктуулукту чыңдоо келечектеги негизги артыкчылыктар бойдон калууда. Бул макаланын максаты — өткөөл экономикага ээ чакан өлкөлөрдүн өнүгүү мыйзам ченемдүүлүктөрүн түшүнүүгө жана аймактык кызматташтык саясатын иштеп чыгууга илимий негиз берүү.

Аннотация: В данной статье систематически рассматривается экономическое развитие Кыргызстана за приблизительно 40 лет, с 1985 года (ключевой этап в начале советских реформ) по 2025 год. Анализ макроэкономических показателей, структурной трансформации, внешних шоков (распад Советского Союза, политические потрясения и мировой кризис), эволюции политики и социальных последствий позволяет выявить основные характеристики и глубинные проблемы экономического развития Кыргызстана. В исследовании установлено, что Кыргызстан пережил сложный переход от плановой экономики советских времен к рыночной. Несмотря на достигнутый прогресс в институциональном развитии и некоторых областях, экономический рост был нестабильным и неустойчивым, сдерживаемым политической нестабильностью, сильной внешней зависимостью (особенно от денежных переводов и золота), слабым государственным управлением и неадекватной инфраструктурой. В последние годы Кыргызстан искал новые драйверы развития, обусловленные интеграцией в

Евразийский экономический союз и китайским проектом «Один пояс, один путь». Однако структурные реформы и укрепление экономической устойчивости остаются ключевыми приоритетами. Целью данной статьи является предоставление научных идей для понимания моделей развития малых стран с переходной экономикой и разработки политики регионального сотрудничества.

Abstract: This article systematically reviews the economic development process of Kyrgyzstan from 1985 (a key milestone in the launch of Soviet reforms) to approximately 40 years in 2025. By analyzing macroeconomic indicators, structural transformation, external shocks (such as the collapse of the Soviet Union, political turmoil, and global crises), policy evolution, and social impact, the core characteristics and deep-seated challenges of its economic development are revealed. Research has found that Kyrgyzstan experienced a difficult transition from a planned economy in the Soviet Union to a market economy. Although progress has been made in institutional construction and some areas, it is limited by factors such as political instability, strong external dependence (especially on remittances and gold), weak governance capacity, and insufficient infrastructure, resulting in severe fluctuations in economic growth and weak sustainability. In recent years, under the dual background of integrating into the Eurasian Economic Union and docking with China's "the Belt and Road" initiative, the country has sought new impetus for development, but structural reform and improving economic resilience are still key to the future. This article aims to provide academic insights into the development patterns of small transition economies and the formulation of regional cooperation policies.

Негизги сөздөр: Кыргызстан; экономикалык өнүгүү; экономикалык трансформация; постсоветтик мейкиндик; Борбордук Азия экономикасы; акча которууларга көз карандылык; ресурстук каргыш; саясий туруксуздук; Евразия экономикалык биримдиги; Бир алкак, бир жол демилгеси.

Ключевые слова: Кыргызстан; экономическое развитие; экономическая трансформация; постсоветское пространство; экономика Центральной Азии; зависимость от денежных переводов; ресурсное проклятие; политическая нестабильность; Евразийский экономический союз; инициатива Один пояс, один путь.

Keywords: Kyrgyzstan; economic development; economic transformation; post-Soviet space; Central Asian economy; dependence on remittances; resource curse; political instability; Eurasian Economic Union; Belt and Road Initiative.

Кыргызстан — небольшая горная страна Центральной Азии с относительно ограниченными ресурсами, представляющая собой интересный пример самостоятельного пути экономического развития после обретения независимости. После распада Советского Союза в 1991 году Кыргызстан пережил радикальные экономические преобразования, глубокие политические и социальные потрясения, а также многочисленные внутренние и внешние вызовы. Экономическая траектория страны за последние десятилетия отражает не только её уникальные национальные особенности, но и общие проблемы и противоречия, характерные для государств с переходной экономикой на постсоветском пространстве. Систематическое изучение экономического развития Кыргызстана в этот период имеет важное теоретическое и практическое значение для понимания моделей развития переходных экономик, оценки эффективности экономической политики, прогнозирования будущих тенденций и углубления регионального экономического сотрудничества. В данной статье, начиная с реформ М.С. Горбачёва в поздний советский период, рассматриваются ключевые

этапы, движущие факторы, структурные изменения и современные проблемы экономического развития Кыргызстана [1].

Экономическая стагнация и структурные дисбалансы. Несмотря на то, что Кыргызстан входил в состав единой советской плановой экономики, уже в эпоху позднего Брежнева в экономике республики начали проявляться признаки стагнации. Такие проблемы, как неэффективность командно-административной системы, монопрофильная структура промышленности (чрезмерная зависимость от сельского хозяйства и животноводства, а также от отраслей первичной переработки в рамках союзного разделения труда, включая производство строительных материалов и отдельные виды лёгкой промышленности), а также технологическая отсталость становились всё более очевидными. Темпы экономического роста замедлялись, а дефицит потребительских товаров усиливался.

Влияние горбачёвских реформ («Перестройка и новое мышление»). Политика перестройки была направлена на внедрение отдельных рыночных элементов (в частности, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и легализацию кооперативной деятельности), а также на реализацию принципов гласности и открытости. Однако в Кыргызстане данные реформы не принесли ожидаемых результатов и в ряде случаев даже усугубили существующие экономические проблемы. Ослабление централизованного управления при отсутствии полноценно функционирующих рыночных механизмов привело к нарушениям хозяйственных связей, сбоям в цепочках поставок и усилению инфляционного давления.

Формирование национального экономического самосознания и стремление к независимости. Экономические трудности и неравномерное распределение ресурсов внутри Союза способствовали усилению стремления к экономической самостоятельности среди кыргызской элиты и населения в целом, заложив основу для проведения рыночных реформ после обретения независимости. Данный этап ознаменовал начало последующей радикальной трансформации, которая существенно ослабила экономический фундамент страны [2].

Реализация «шоковой терапии». После обретения независимости под влиянием рекомендаций западных советников и международных финансовых организаций (МВФ и Всемирного банка) Кыргызстан стал одной из наиболее активных стран Центральной Азии и СНГ в проведении политики «шоковой терапии». Основными направлениями реформ стали масштабная приватизация («ваучерная приватизация»), всеобщая либерализация цен, проведение жёсткой бюджетной политики, введение национальной валюты — сома, её последующая значительная девальвация, а также либерализация внешней торговли.

Экономический коллапс и социальные издержки. Радикальные реформы привели к серьёзным социально-экономическим последствиям.

Глубокая рецессия. В период с 1991 по 1995 год объём ВВП сократился примерно на 50 %, что значительно превысило масштабы экономического спада в других странах Центральной Азии. Промышленное производство резко сократилось, а инвестиционная активность существенно снизилась.

Гиперинфляция. В 1992–1993 годах уровень инфляции достиг четырёхзначных значений, а максимальный годовой показатель превысил 1200 %. В результате были практически обесценены сбережения населения, а реальные доходы граждан значительно сократились.

Социальный кризис. Существенно вырос уровень безработицы, а доля населения, находящегося за чертой бедности, приблизилась к 50 %. На фоне финансового кризиса

значительно ослабили системы социальной защиты населения, ухудшилось качество здравоохранения и образования. Одновременно усилилось социальное неравенство.

Деиндустриализация. Промышленная система, основанная на межреспубликанских производственных связях бывшего Советского Союза, фактически распалась и не была своевременно восстановлена, что привело к значительному снижению роли промышленности в национальной экономике.

Ореол «пионера реформ» и суровая реальность. Несмотря на значительные объёмы международной помощи и частичное списание внешней задолженности, а также репутацию «островка демократии» в Центральной Азии, население столкнулось с серьёзными социально-экономическими трудностями переходного периода. Накопление общественного недовольства стало одним из факторов последующей политической нестабильности.

Первоначальная макроэкономическая стабилизация. К 1996 году удалось взять под контроль гиперинфляцию, снизив её до двузначных показателей, а курс национальной валюты относительно стабилизировался. После достижения минимального уровня в 1996 году экономика начала постепенно восстанавливаться. Темпы роста ВВП составляли в среднем 3–5 % в год, однако восстановление происходило с очень низкой стартовой базы [3].

Структурная перестройка и «золотая лихорадка». На данном этапе экономическая структура страны претерпела значительные изменения.

Восстановление роли сельского хозяйства. Сельское хозяйство вновь стало ключевым сектором занятости и обеспечения населения средствами к существованию, формируя около 35–40 % ВВП страны. Однако в отрасли преобладали мелкие фермерские хозяйства с относительно низкой производительностью.

Расширение сферы услуг. В условиях либерализации торговли быстрыми темпами развивались розничная и оптовая торговля, включая рэкспортные операции. Развитие золотодобывающей промышленности. В 1997 году началась промышленная эксплуатация крупнейшего золотого месторождения Кумтор, разрабатываемого канадской компанией Centerra Gold. В короткие сроки рудник стал одним из ключевых факторов экономического роста, обеспечивая около 10 % ВВП страны, до 40 % промышленного производства и значительную часть экспортных поступлений и бюджетных доходов. Это привело к формированию высокой зависимости экономики от золотодобывающего сектора.

Рост значения денежных переводов. По мере увеличения масштабов трудовой миграции, прежде всего в Россию и Казахстан, денежные переводы трудовых мигрантов стали важным источником поступления иностранной валюты и значимым элементом доходов населения.

Проблемы государственного управления и ограничения экономического роста. Качество экономического роста сдерживалось рядом системных факторов.

Коррупция. Высокий уровень коррупции в сфере приватизации, распределения ресурсов и административного управления негативно влиял на результаты экономических реформ.

Неблагоприятный инвестиционный климат. Недостаточное верховенство закона, политическая нестабильность и бюрократические барьеры ограничивали приток внутренних и иностранных инвестиций, за исключением ресурсного сектора.

Изношенность инфраструктуры. Инфраструктурные объекты, унаследованные от советского периода, постепенно приходили в упадок, тогда как объём новых инвестиций оставался недостаточным.

Слабость финансовой системы. Банковский сектор оставался сравнительно небольшим и недостаточно развитым, что ограничивало возможности финансирования предпринимательской деятельности [4].

Политические революции и их экономические последствия («Тюльпановая революция» 2005 года и события 2010 года). Эти масштабные политические потрясения привели не только к человеческим жертвам и социальному расколу, но и оказали непосредственное негативное воздействие на экономику страны.

Краткосрочный экономический ущерб. В годы политических кризисов темпы роста ВВП резко снижались или становились отрицательными. Так, в 2010 году экономика сократилась на 0,5 %.

Снижение инвестиционного доверия. Усилились опасения отечественных и зарубежных инвесторов относительно политической стабильности и гарантий защиты собственности, что привело к сокращению инвестиционной активности.

Рост государственного долга. Для стабилизации социально-экономической ситуации и поддержки экономики государство было вынуждено привлекать дополнительные заёмные средства, что привело к увеличению государственного долга.

Глобальный финансовый кризис (2008–2009 гг.). Экономика Кыргызстана, в значительной степени зависящая от денежных переводов трудовых мигрантов (составлявших около 30 % ВВП) и экспорта золота и сельскохозяйственной продукции, серьёзно пострадала от последствий мирового финансового кризиса.

Сокращение денежных переводов. Экономический спад в основных странах трудовой миграции, прежде всего в России, привёл к снижению занятости и доходов кыргызстанских трудовых мигрантов, что обусловило существенное сокращение объёмов денежных переводов в страну.

Снижение экспорта. Падение мирового спроса и снижение цен на сырьевые товары негативно сказались на объёмах кыргызстанского экспорта.

Замедление экономического роста. Темпы роста ВВП снизились с 7,6 % в 2008 году до 2,3 % в 2009 году.

Вступление в Евразийский экономический союз (2015 г.). Основными целями вступления Кыргызстана в ЕАЭС являлись расширение доступа к российскому рынку, получение дополнительных инвестиционных возможностей и укрепление экономического сотрудничества в рамках интеграционного объединения. Последствия данного шага носили неоднозначный характер.

Положительные аспекты. Увеличились объёмы экспорта в Россию, прежде всего сельскохозяйственной продукции; расширились возможности трудовой миграции и денежных переводов; Кыргызстан получил поддержку в виде списания части задолженности и реализации программ развития.

Негативные аспекты. Положительный эффект интеграции оказался ограниченным вследствие экономических трудностей самой России. Усилилась зависимость Кыргызстана от российской экономики, что повысило уязвимость страны к внешним шокам, включая последствия валютного кризиса в России в 2014–2015 годах. Кроме того, возникли определённые сложности в торгово-экономических отношениях со странами, не входящими в ЕАЭС, в частности с Китаем.

Спор вокруг золотого рудника Кумтор и финансовое давление (середина — конец 2010-х гг.). В течение длительного времени между правительством Кыргызстана и компанией Centerra Gold сохранялись разногласия по вопросам прав на разработку месторождения и

экологической безопасности. Данные споры периодически создавали риски для стабильного функционирования одного из ключевых предприятий страны, оказывая влияние на инвестиционный климат и доходы государственного бюджета [5].

Влияние пандемии COVID-19 (2020 г.). Пандемия оказала существенное негативное воздействие на экономику Кыргызстана.

Сокращение денежных переводов. Введение ограничительных мер и ухудшение эпидемиологической ситуации в России привели к снижению занятости трудовых мигрантов и уменьшению объёмов денежных переводов.

Снижение деловой активности. Ограничительные меры внутри страны негативно сказались на экономической деятельности, особенно в сфере услуг, торговли и малого предпринимательства.

Увеличение бюджетного дефицита. Расходы государства на профилактические меры, здравоохранение и поддержку населения в период пандемии существенно возросли, что привело к увеличению бюджетного дефицита.

Сокращение ВВП. В 2020 году ВВП Кыргызстана сократился примерно на 8,6 %, что стало одним из наиболее серьёзных экономических спадов за последние годы.

Политические изменения 2020 года. Спорные парламентские выборы в октябре 2020 года спровоцировали массовые протесты и смену власти, что вновь усилило политическую неопределённость и осложнило процесс восстановления экономики.

Сложное восстановление после пандемии. В 2021–2023 годах экономика начала постепенно восстанавливаться. Рост поддерживался прежде всего стабильной добычей золота, денежными переводами трудовых мигрантов, увеличением спроса на рабочую силу из стран Центральной Азии на российском рынке труда после начала российско-украинского конфликта, а также относительно мягкой налогово-бюджетной политикой. Вместе с тем фундаментальные основы экономического роста оставались хрупкими, а инфляционное давление сохранялось на повышенном уровне вследствие глобальной инфляции и обесценения национальной валюты.

Чрезмерная зависимость экономики. Зависимость от золотодобывающего сектора, денежных переводов трудовых мигрантов и сельского хозяйства принципиально не изменилась. При этом экономика остаётся уязвимой к колебаниям мировых цен на золото, изменениям экономической и миграционной политики России, последствиям российско-украинского конфликта, а также погодным и климатическим факторам.

Моноотраслевая специализация и низкий уровень индустриализации. В стране отсутствует достаточно конкурентоспособная обрабатывающая промышленность, а экспортная структура по-прежнему ориентирована преимущественно на сырьевые товары, включая золото, сельскохозяйственную продукцию и минеральные ресурсы. Это повышает уязвимость экономики к колебаниям мировых цен на сырьевые товары.

Недостаточный уровень инвестиций. Низкий уровень внутренних сбережений и сохраняющиеся проблемы деловой среды затрудняют привлечение качественных и диверсифицированных иностранных инвестиций. Несмотря на прекращение публикации рейтинга Doing Business Всемирного банка после 2020 года, исторически позиции Кыргызстана в данном рейтинге оставались невысокими [6, p. 145].

Инфраструктурные ограничения. Дефицит электроэнергии в зимний период, высокие транспортные издержки, обусловленные горным рельефом страны, а также изношенность ирригационных систем серьёзно ограничивают возможности устойчивого экономического развития.

Государственное управление и коррупция. Коррупция остаётся одной из устойчивых системных проблем, а недостаточная независимость судебной системы и административная неэффективность создают серьёзные препятствия для экономического развития и обеспечения социального равенства.

Фискальная хрупкость. Несмотря на то, что бремя государственного долга, составляющего около 60 % ВВП, было снижено после реструктуризации, возможности увеличения бюджетных доходов остаются ограниченными. При этом расходы на социальное обеспечение, субсидии на энергоносители и другие обязательства находятся под значительным давлением, что усиливает зависимость страны от внешней помощи.

Человеческие ресурсы и бедность. Страна сталкивается с оттоком квалифицированных кадров, а качество образования нуждается в дальнейшем повышении. Несмотря на снижение уровня бедности по сравнению с пиковыми показателями раннего переходного периода, значительная часть населения остаётся социально уязвимой и подверженной риску повторного обеднения.

Внешние возможности и стратегический выбор.

Углубление интеграции в Евразийский экономический союз. Кыргызстану важно продолжать использовать возможности доступа к рынкам и инвестициям в рамках ЕАЭС, одновременно учитывая риски чрезмерной зависимости от России.

Сопряжение с инициативой «Один пояс, один путь». Кыргызстан является важным узлом в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Продвижение крупных инфраструктурных проектов, включая железную дорогу Китай — Кыргызстан — Узбекистан, способно существенно улучшить транспортно-логистические условия, укрепить региональную связанность, а также привлечь транзитную торговлю и инвестиции. Укрепление сотрудничества с Китаем в сферах торговли, производственных мощностей и сельского хозяйства является одним из перспективных направлений.

Диверсификация международного сотрудничества. Расширение сотрудничества с Европейским союзом, США, Турцией, странами Персидского залива и другими партнёрами может способствовать увеличению внешнеэкономических возможностей Кыргызстана.

Обобщая экономическое развитие Кыргызстана за последние десятилетия, можно отметить, что его траектория характеризуется поступательным движением, сопровождавшимся серьёзными потрясениями.

1. Цикл глубокой рецессии, нестабильного восстановления и частых колебаний. От постсоветского экономического спада до медленного и неустойчивого восстановления, а также повторяющихся кризисов, вызванных политическими потрясениями и внешними шоками, включая мировой финансовый кризис, пандемию COVID-19 и последствия российско-украинского конфликта, — всё это составляет одну из ключевых характеристик экономического развития Кыргызстана. Политическая нестабильность остаётся одним из основных внутренних препятствий для устойчивого экономического роста страны.

2. Незавершённая структурная трансформация. Несмотря на формирование основ рыночной экономики, структурная трансформация страны остаётся незавершённой. Экономика чрезмерно зависит от нескольких нестабильных секторов — золотодобычи, денежных переводов трудовых мигрантов и сельского хозяйства. Это препятствует формированию диверсифицированной и устойчивой современной промышленной системы. После деиндустриализации обрабатывающая промышленность не смогла эффективно восстановиться.

3. Двойственный характер внешней зависимости. Международная помощь, денежные переводы трудовых мигрантов и иностранные инвестиции, направляемые преимущественно в ресурсные сектора, являются важными факторами выживания и развития экономики Кыргызстана. Вместе с тем они повышают чувствительность страны к внешним рынкам и политическим решениям других государств, ограничивая степень экономической самостоятельности. Особенно глубокой остаётся зависимость от России в сфере трудовой миграции, энергетики и торговли, что формирует концентрированные внешние риски.

4. Ограниченный потенциал государственного управления как основное узкое место развития. Устойчивая коррупция, слабое верховенство закона, неэффективность государственного управления и политическая нестабильность являются глубинными факторами, препятствующими притоку инвестиций, искажающими распределение ресурсов, подрывающими социальное равенство и ограничивающими долгосрочное развитие страны.

5. Социальная устойчивость населения и сохраняющиеся трудности жизнеобеспечения. Население Кыргызстана демонстрирует высокую адаптивность к повторяющимся кризисам, во многом благодаря денежным переводам трудовых мигрантов и сохранению элементов натурального хозяйства. Однако общий уровень жизни повышается медленно, бедность и неравенство остаются серьёзными проблемами, а потенциал человеческих ресурсов реализуется не в полной мере [7].

Заглядывая вперёд, можно отметить, что перспективы экономического развития Кыргызстана по-прежнему связаны как с серьёзными вызовами, так и с новыми возможностями. К числу ключевых направлений дальнейшего развития можно отнести следующие.

Обеспечение политической стабильности и реформирование государственного управления. Политическая стабильность и повышение качества государственного управления являются необходимыми условиями устойчивого развития. Это требует формирования более эффективных институциональных механизмов, укрепления верховенства закона, системной борьбы с коррупцией, а также повышения предсказуемости и результативности государственной политики [8].

Продвижение глубоких структурных реформ. Необходимо улучшать деловую среду и стимулировать частные инвестиции, особенно в несырьевые сектора экономики; увеличивать вложения в инфраструктуру, включая транспорт, энергетику, водное хозяйство и цифровые технологии; развивать отрасли, обладающие сравнительными преимуществами и конкурентным потенциалом, такие как чистая энергетика, туризм, переработка сельскохозяйственной продукции и логистические услуги; а также повышать качество образования и профессиональной подготовки.

Снижение внешней зависимости и содействие диверсификации. Необходимо уменьшать уязвимость экономики, связанную с зависимостью от одного источника доходов, прежде всего денежных переводов, и одного ключевого рынка — России. При этом важно активно использовать возможности Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь» для расширения торгово-экономического сотрудничества и привлечения диверсифицированных инвестиций. Особое значение имеет содействие реализации крупных инфраструктурных проектов, направленных на развитие региональной связанности, включая железную дорогу Китай — Кыргызстан — Узбекистан.

Формирование социально инклюзивного развития. Важными направлениями дальнейшего развития являются повышение эффективности и доступности государственных

услуг, совершенствование системы социальной защиты, сокращение бедности и неравенства, а также сохранение и эффективное использование человеческого потенциала [9].

Путь экономической трансформации и развития Кыргызстана ещё далёк от завершения. Способность страны преодолеть серьёзные проблемы государственного управления, эффективно использовать возможности, обусловленные её географическим положением, в том числе за счёт более глубокой интеграции в региональные связи, и обеспечить устойчивый и инклюзивный экономический рост имеет решающее значение не только для благополучия населения Кыргызстана, но и для стабильности и развития всего Центральноазиатского региона. Следующее десятилетие станет критически важным для способности Кыргызстана выйти из порочного круга нестабильности и экономической уязвимости [10].

Список использованной литературы

1. Помфрет Р. Центральноазиатские экономики в XXI веке: прокладывание новой Шёлковой дороги. — Принстон: Princeton University Press, 2019.
2. Всемирный банк. Экономическое обновление Кыргызской Республики: отчёты разных лет. — Вашингтон: Всемирный банк.
3. Международный валютный фонд. Кыргызская Республика: отчёты о консультациях по статье IV. — Вашингтон: МВФ.
4. Азиатский банк развития. Азиатский прогноз развития: Кыргызская Республика. — Манила: АБР.
5. Международная кризисная группа. Отчёты о Кыргызстане: политические кризисы, социальные и межэтнические напряжения. — Брюссель: International Crisis Group.
6. Хамидов А. Рабочая миграция и денежные переводы в Кыргызстане: тенденции, последствия и политические меры // Central Asian Affairs. — 2020. — Vol. 7, № 2. — С. 145–168.
7. Энвалл Й., Ларуэль М. Кыргызстан за пределами «острова демократии» и «разлагающегося государства»: социальные и политические изменения в постсоветском обществе. — Lanham: Lexington Books, 2015.
8. Министерство коммерции КНР. Руководство по иностранным инвестициям и сотрудничеству: Кыргызстан. — Пекин: Министерство коммерции КНР.
9. Евразийский банк развития. Аналитические публикации о Кыргызстане и интеграции в Евразийском экономическом союзе. — Алматы: ЕАБР.
10. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Официальные статистические данные Кыргызской Республики. — Бишкек.

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Кожомкулова Динар Ниязбековна

Чэнь С., Сунь Ц., Чжан Ц. Ян Ц.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Чэнь С., Сунь Ц., Чжан Ц. Ян Ц.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Chen S., Sun Q., Zhang Z. Yang Q

KNU Jusup Balasagyn

**ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКА: КЫТАЙДАГЫ САЛТТУУ БИЗНЕС-МОДЕЛДЕРГЕ
ТААСИРИ ЖАНА ИННОВАЦИЯЛЫК ӨНҮГҮҮ ИЗИЛДӨӨЛӨРҮ**

**ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКА: ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ
КИТАЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ**

**IMPACT OF INTERNET ECONOMY ON CHINA'S TRADITIONAL BUSINESS MODELS
AND RESEARCH ON INNOVATIONS**

Кыскача мүнөздөмө: Санариптик технологиялардын тездик менен өнүгүшү Кытайда интернетке негизделген экономикалык ишмердүүлүктүн кеңейишине шарт түзүп, экономика менен коомдун бардык тармактарында олуттуу өзгөрүүлөрдү пайда кылды. Бул процесс салттуу бизнес-моделдердин кайра каралышына жана инновациялык өнүгүүнүн ар түрдүү багыттарынын калыптанышына алып келүүдө. Бул макалада Кытай рыногу мисал катары каралып, типтүү ишканалардын тажрыйбаларынын негизинде интернетке негизделген экономикалык ишмердүүлүктүн салттуу бизнес-моделдерге тийгизген таасири рыноктун түзүмү, операциялык чыгымдар жана маалыматтык механизмдер сыяктуу үч негизги багыт боюнча талданат. Ошондой эле салттуу ишканалардын инновациялык практикасы каналдардын интеграциясы жана диверсификациясы, өндүрүш моделдеринин өзгөрүшү, өнөр жай экосистемасынын өнүгүшү жана маркетинг системасынын жаңыланышы сыяктуу төрт негизги аспект аркылуу каралат. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, интернетке негизделген экономикалык ишмердүүлүк салттуу бизнес-моделдерди жокко чыгарбайт, тескерисинче, аларды санариптештирүү, интеллектуалдаштыруу жана экологиялаштыруу багытында өзгөртүүнүн негизги кыймылдаткыч күчү болуп саналат. Салттуу ишканалар өзгөрүүлөрдү активдүү кабыл алып, өз бизнес-логикасын кайра түзүү аркылуу гана туруктуу өнүгүүгө жетише алышат.

Аннотация: С развитием цифровых технологий интернет-экономика глубоко проникла во все сферы экономики и общества Китая, оказав системное влияние на традиционные бизнес-модели и создав разнообразные возможности для инновационного развития. В данной работе на примере китайского рынка и с учетом типичных случаев предприятий анализируется влияние интернет-экономики на традиционные бизнес-модели с трех основных аспектов: структуры рынка, операционных издержек и информационных механизмов. Кроме того, рассматриваются инновационные практики традиционных предприятий в четырех направлениях: интеграция и диверсификация каналов, трансформация производственных моделей, развитие промышленной экосистемы и модернизация маркетинговой системы. Результаты исследования показывают, что интернет-экономика не разрушает традиционные бизнес-модели, а выступает важнейшим фактором их трансформации в направлении цифровизации, интеллектуализации и экологизации. Традиционные предприятия могут достичь устойчивого развития только путем активного принятия изменений и реконструкции собственной бизнес-логики.

Abstract: With the rapid development of digital technologies, the Internet economy has deeply penetrated all sectors of China's economy and society, exerting a systemic influence on traditional business models and creating diverse opportunities for innovation. Taking the Chinese market and typical enterprise cases as examples, this study analyzes the impact of the Internet economy on traditional business models from three major perspectives: market structure, operating costs, and information mechanisms. Furthermore, the innovative practices of traditional enterprises are examined from four dimensions, including channel integration and diversification, transformation of production models, development of industrial ecosystems, and modernization of marketing systems. The findings indicate that the Internet economy does not eliminate traditional business models; rather, it acts as a key driving force behind their transformation toward digitalization, intelligence, and sustainability. Traditional enterprises can achieve sustainable development only by actively embracing change and reconstructing their business logic.

Негизги сөздөр: интернетке негизделген экономикалык ишмердүүлүк; салттуу бизнес-моделдер; таасир; инновациялар; Кытай рыногу.

Ключевые слова: интернет-экономика; традиционные бизнес-модели; влияние; инновации; китайский рынок

Keywords: Internet economy; traditional business models; impact; innovation; Chinese market

Since the 21st century, China's Internet economy has experienced leapfrog development from "tool application" to "ecological reconstruction". According to data from the China Internet Network Information Center (CNNIC), by the end of 2024, the number of Internet users in China had reached 1.179 billion, with an Internet penetration rate exceeding 84%, and online retail sales accounting for over 35% of the total retail sales of consumer goods. Against this backdrop, the traditional business model centered on "offline-dominated, information-closed, and large-scale production" is facing unprecedented challenges, while also embracing a historic opportunity to achieve transformation and upgrading through digital technology. This paper focuses on the interactive relationship between the Internet economy and China's traditional business models, analyzes the specific manifestations of the impact and the practical paths of innovation, and provides List of used literature for the digital transformation of traditional enterprises [1].

The Impact of Internet Economy on China's Traditional Business Models

The Internet economy, characterized by "connection, transparency, and efficiency", has broken the temporal and spatial constraints and information barriers of traditional business models. Its impact is mainly reflected in the following three aspects:

Market Structure Reconstruction: Offline Traffic Diversion and Weakened Traditional Channel Advantages

In the traditional business model, industries such as retail, catering, and services are highly dependent on the traffic logic of "offline stores + geographical location", and consumers' purchasing behavior is restricted by physical distance. However, the Internet economy has built an online market where "transactions can be conducted anytime and anywhere" through e-commerce platforms (such as Taobao and JD.com) and local life platforms (such as Meituan and Ele.me), directly diverting the core offline customer flow. Taking the retail industry as an example, from 2010 to 2024, the growth rate of China's physical retail sales dropped from 18.5% to 4.2%, while the growth rate of online retail sales remained above 10% for a long time; some traditional department stores (such as Wanda Department Store and Parkson) had to close inefficient stores due to declining customer flow. The core of this impact lies in: the Internet has reconstructed the relationship between "people, goods, and

venues", and consumers have shifted from "passively visiting stores" to "actively accessing the Internet", breaking the monopoly position of traditional enterprises in channels.

Cost Structure Imbalance: High Traditional Operating Costs and Compressed Profit Margins

The costs of the traditional business model are mainly concentrated on "physical assets + labor". For example, the rent of retail enterprises can account for 15%-25% of their revenue, and the labor cost of catering enterprises accounts for more than 30%. In contrast, Internet enterprises rely on online platforms, do not need to bear high rents, and reduce labor costs through automated systems (such as intelligent customer service and large data inventory management), forming a "low-cost competitive advantage". For instance, the markup rate of traditional clothing brands is usually 5-10 times (covering stores, warehousing, distributors and other links), while Internet clothing brands (such as Nanjiren and UR) can reduce the markup rate to 2-3 times through "online direct sales + OEM production", directly impacting the price system of traditional brands. This cost imbalance has led some traditional enterprises to fall into the dilemma of "no customer flow without price reduction and no profit with price reduction".

Information Mechanism Subversion: Disappearance of Information Asymmetry and Failure of Traditional Pricing Logic

In the traditional business model, merchants grasp the pricing initiative by virtue of "information monopoly"—consumers find it difficult to obtain information such as product costs and competitor prices, and can only passively accept the prices quoted by merchants. However, the Internet has realized complete information transparency through "price comparison tools (such as Etao and Manmanbuy), user reviews (such as Dianping and Taobao reviews), and transparent supply chains (such as Pinduoduo's agricultural land cloud grouping)": consumers can compare the prices and quality of dozens of brands with one click, and even trace the source of product production. Taking the home appliance industry as an example, in the past, when consumers bought air conditioners, it was difficult to know the cost difference of compressors of different brands, but now they can easily obtain information such as "energy efficiency level, core components, and user failure rate" through the Internet, and the model of traditional merchants obtaining high profits through "information gap" has completely failed.

Innovative Practices of China's Traditional Business Models Driven by the Internet Economy

Faced with the impact, China's traditional enterprises have not been passively eliminated, but have actively integrated into the Internet economy, exploring innovative paths from four dimensions: channels, production, ecology, and marketing, and forming a transformation model with Chinese characteristics [2].

Channel Innovation: From "Offline-only" to "Online-offline Integration (O2O)"

Traditional enterprises no longer regard online as a "competitor", but reconstruct channel value through the O2O model of "online traffic acquisition + offline experience". A typical case is Suning: in 2013, Suning transformed from a "traditional home appliance chain" to "smart retail integrating online and offline". On the one hand, it built the Suning.com online platform; on the other hand, it transformed offline stores into "experience centers + pickup points + after-sales service stations"—consumers can compare prices and place orders online, experience products (such as home appliance trials) in offline stores, or choose "online ordering and in-store pickup", solving the pain points of "insufficient online shopping experience" and "high offline shopping prices". By the end of 2024, the proportion of online traffic acquisition in Suning's offline stores had reached 40%, and the O2O model had driven the revenue growth rate to rebound to 8.5%. Similar practices include Gome's "Home · Life" strategy and Walmart's "JD Daojia + offline store" linkage, all of which prove that "online-offline integration" is a way to break the deadlock for traditional retail.

Production Innovation: From "Large-scale Standardization" to "Personalized Customization"

Internet big data technology enables traditional enterprises to accurately capture consumer needs, shifting from "production-oriented sales" to "sales-oriented production" and realizing personalized customization. Taking Haier as an example, the "Cosmoplat Industrial Internet Platform" built by Haier connects more than 2,000 suppliers, over 1.5 million sets of equipment, and hundreds of millions of users. Users can directly participate in product design (such as the size, function, and color of refrigerators) through the platform, and the platform then converts the needs into production instructions to realize flexible production of "user ordering - factory production - on-demand delivery". Data shows that the proportion of Haier's customized home appliance orders increased from 12% in 2018 to 35% in 2024, inventory turnover rate increased by 50%, and product satisfaction reached 98%. In addition, "Biyao Mall" in the clothing industry and "尚品宅配 (Shangpin Home Delivery)" in the furniture industry have all broken the dilemma of "large-scale production and high inventory backlog" in traditional manufacturing through personalized customization.

Ecological Innovation: From "Single Product" to "Platform-based Ecological Construction"

Traditional enterprises are no longer limited to "selling products", but integrate upstream and downstream resources by building Internet platforms, construct industrial ecology, and realize the transformation from "product providers" to "ecological service providers". A typical case is Meituan: Meituan was initially a traditional group-buying enterprise, and later integrated "catering merchants, riders, consumers, and supply chains" relying on the Internet platform, forming a local life ecology covering "takeaway, in-store consumption, hotel and tourism, and fresh retail"—it not only provides one-stop services for consumers, but also provides value-added services such as "digital operation (such as Meituan cash register), supply chain finance (such as Meituan Business Loan), and marketing promotion" for catering merchants. By the end of 2024, the Meituan platform had connected more than 9 million merchants, over 6 million riders, and served more than 600 million users, upgrading from a "takeaway platform" to a "local life ecological service provider". Similar cases include JD's "supply chain finance + e-commerce + logistics" ecology and Cainiao Network's "logistics collaboration platform", all of which have achieved an upgrade from "single-point competition" to "system competition" through ecological construction [3].

Marketing Innovation: From "Broad-brush Marketing" to "Digital Precision Marketing"

The marketing of the traditional business model mainly relies on "TV advertisements, outdoor advertisements, and leaflets", which are high-cost and difficult to measure the effect, belonging to "broad-brush marketing". However, the Internet economy enables marketing to achieve "precision reach and traceable effect" through "big data + social media". Taking the cosmetics brand Pechoin as an example, it abandoned the traditional "TV advertisement bombing" and instead carried out marketing through platforms such as Douyin, Xiaohongshu, and Taobao Live: through big data analysis of the interest tags of target users (females aged 20-35, such as "ingredient-focused" and "domestic product preference"), it launched "KOL review" content on Xiaohongshu, carried out "live streaming with goods + coupon distribution" on Douyin, and pushed personalized products on Taobao through the "thousand people, thousand faces" algorithm. In 2024, Pechoin's digital marketing investment accounted for 70% of the total, and the marketing conversion rate increased to 15%, far exceeding the 3%-5% conversion rate of traditional advertisements. In addition, Li-Ning's "Guochao content marketing" and Wanglaoji's "social media topic marketing" all prove that digital marketing is a core means for traditional brands to reach young consumers.

Conclusions and Implications

The impact of the Internet economy on China's traditional business models is essentially the "reconstruction of the business logic of industrial civilization by digital civilization", rather than a simple "replacement". From a practical perspective, those traditional enterprises that have successfully transformed have all realized the "combination of Internet technology and their own core advantages"—Suning relies on its offline store advantages to develop O2O, Haier relies on its manufacturing advantages to build the industrial Internet, and Meituan relies on local merchant resources to build an ecological platform.

For traditional enterprises, there are three innovative implications under the Internet economy: first, break the "offline thinking stereotype" and regard the Internet as a "tool to improve efficiency" rather than an "enemy"; second, focus on "user needs", accurately capture needs through big data, and shift from "selling products" to "providing solutions"; third, reconstruct "core competitiveness", shifting from "channel advantages and cost advantages" to "digital capabilities and ecological collaboration capabilities".

In the future, with the development of technologies such as 5G, artificial intelligence, and metaverse, the Internet economy will further deepen the transformation of traditional business models. Only by continuously embracing changes and iterating innovations can China's traditional enterprises remain invincible in the digital economy era [4].

List of used literature

1. China Internet Network Information Center. The 53rd Statistical Report on China's Internet Development [R]. 2024.
2. Alibaba Research Institute. Internet + Traditional Industries: Integration and Innovation [M]. Beijing: China Machine Press, 2022.
3. Wu Xiaobo. Turbulent Forty Years: A History of Chinese Enterprise Transformation [M]. Beijing: CITIC Press, 2023.
4. Haier Group. White Paper on Cosmoplat Industrial Internet Platform [R]. 2024.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Адамкулова Чинара Усенбековна

Чэнь Х., Чжан Ю., Апаева (Хочиева) С.Х., Калыбаева А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Чэнь Х., Чжан Ю., Апаева (Хочиева) С.Х.,¹ Калыбаева А.А.²

КНУ имени Жусупа Баласагына

Chen H., Zhang Y., Apaeva (Khochieva) S., Kalybaeva A.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8794-2560>¹

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3747-7800>²

**ЭЛ АРАЛЫК КОММЕРЦИЯЛЫК АРБИТРАЖ МЕНЕН ЭЛ АРАЛЫК СООДА
КЕЛИШИМДЕРИНИН ӨЗ АРА АРАКЕТТЕНУУ МЕХАНИЗМИН ГЛОБАЛДАШУУ
ЖАНА САНАРИПТЕШТИРҮҮ ШАРТЫНДА ИЗИЛДӨӨ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ
МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ АРБИТРАЖЕМ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ
ТОРГОВЫМИ КОНТРАКТАМИ**

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

**A STUDY ON THE INTERACTION MECHANISM BETWEEN INTERNATIONAL
COMMERCIAL ARBITRATION AND INTERNATIONAL TRADE CONTRACTS FROM
THE PERSPECTIVE OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION**

Кыскача мүнөздөмө: Дүйнөлүк экономикалык интеграциянын тереңдешинин шартында эл аралык соода ишмердүүлүгү барган сайын көбөйүп, чек аралар аралык келишимдик мамилелер барган сайын татаалдашып баратат. Эл аралык коммерциялык арбитраж, эл аралык соода талаш-тартыштарын чечүүнүн маанилүү механизми катары, эл аралык соода келишимдери системасы менен тыгыз интерактивдүү мамиле түзгөн. Бул макала эл аралык коммерциялык арбитраждын укуктук негиздери жана эл аралык соода келишимдик мамилелеринин ченемдик системасы менен башталат, келишим системасындагы арбитраждык келишимдердин абалын талдайт, арбитраждык жол-жоболордун жана чечимдердин аткарылышынын эл аралык соода тартибине тийгизген таасирин изилдейт жана санариптик өнүгүү тенденцияларын эске алуу менен эл аралык арбитраж менен электрондук келишимдердин интеграциясын талдайт. Макалада эл аралык коммерциялык арбитраж эл аралык сооданын туруктуулугун жана укуктук унификацияны камсыз кылууда негизги ролду ойной тургандыгы, бирок эрежелерди шайкеш келтирүү жана технологиялык колдонуу жаатында дагы эле өркүндөтүүлөр талап кылынары айтылат.

Аннотация: На фоне углубления глобальной экономической интеграции международная торговая деятельность становится всё более интенсивной, а трансграничные договорные отношения — всё более сложными. Международный коммерческий арбитраж как важный механизм разрешения международных торговых споров тесно взаимодействует с системой международных торговых договоров. В данной статье на основе анализа правовых основ международного коммерческого арбитража и нормативной системы международных торговых договорных отношений рассматривается место арбитражных соглашений в договорной системе, исследуется влияние арбитражных процедур и исполнения арбитражных решений на международный торговый порядок, а также анализируется интеграция международного арбитража и электронных договоров с учётом тенденций цифрового развития. В статье подчёркивается, что международный коммерческий арбитраж играет

ключевую роль в обеспечении стабильности международной торговли и правовой унификации, однако дальнейшего совершенствования требуют вопросы гармонизации правил и применения современных технологий.

Abstract: Against the backdrop of deepening global economic integration, international trade activities are becoming increasingly frequent, and cross-border contractual relationships are becoming increasingly complex. International commercial arbitration, as an important mechanism for resolving international trade disputes, has formed a close interactive relationship with the international trade contract system. This article starts with the legal basis of international commercial arbitration and the normative system of international trade contractual relationships, analyzes the status of arbitration agreements within the contract system, explores the impact of arbitration procedures and the enforcement of awards on the international trade order, and analyzes the integration of international arbitration and electronic contracts in light of digital development trends. The article argues that international commercial arbitration plays a core role in promoting international trade stability and legal uniformity, but further improvements are still needed in rule harmonization and technological application.

Негизги сөздөр: Эл аралык коммерциялык арбитраж; эл аралык соода келишимдери; арбитраждык келишимдер; арбитраждык чечимдерди аткаруу; Нью-Йорк конвенциясы; укуктук унификация; чек аралар аралык талаш-тартыштарды чечүү; электрондук келишимдер; санариптик арбитраж; тараптардын автономиясы.

Ключевые слова: Международный коммерческий арбитраж; международные торговые контракты; арбитражные соглашения; исполнение арбитражных решений; Нью-Йоркская конвенция; правовое единообразие; трансграничное разрешение споров; электронные контракты; цифровой арбитраж; автономия сторон.

Keywords: International commercial arbitration; international trade contracts; arbitration agreements; enforcement of arbitral awards; New York Convention; legal uniformity; cross-border dispute resolution; electronic contracts; digital arbitration; party autonomy.

International commercial arbitration refers to a dispute resolution method in which parties submit commercial disputes involving foreign elements to an arbitral tribunal composed of independent third parties for adjudication based on an arbitration agreement reached in advance or afterward. Its scope of application mainly covers multiple fields such as international sales of goods, cross-border investment, international engineering contracting, technology transfer, and trade in services [1.p.5]. With the continuous advancement of global economic integration, transnational business activities are becoming increasingly frequent, and legal conflicts and dispute types are showing a diversified trend. International commercial arbitration, due to its flexibility and professionalism, has gradually become one of the mainstream mechanisms for resolving international commercial disputes.

From an institutional perspective, international commercial arbitration is a typical alternative dispute resolution mechanism. Its emergence and development stemmed from parties' response to the inefficiency of traditional national court litigation procedures and the difficulties of cross-border enforcement. In international trade practice, due to significant differences in legal systems among countries, parties often prefer a neutral, efficient, and predictable dispute resolution method, and arbitration precisely meets this need. Therefore, in the vast majority of international trade contracts, arbitration clauses have become standard provisions, and their status is even considered an important component of the contract performance guarantee mechanism.

In terms of legal nature, international commercial arbitration has both contractual and judicial attributes. On the one hand, the initiation of arbitration depends entirely on the arbitration agreement

between the parties, reflecting the principle of private autonomy and the spirit of freedom of contract. The parties can decide on their own whether to submit to arbitration, choose the arbitration institution, arbitrators and applicable legal rules. This high degree of autonomy makes the arbitration system more flexible and adaptable. On the other hand, once the arbitration award is made, it is legally binding on the parties. Its effect is equivalent to a court judgment in most jurisdictions and can be recognized and enforced in many countries through international conventions [2.p.5]. This judicial characteristic makes arbitration not only a contractual arrangement, but also a dispute resolution mechanism supported by public power.

Meanwhile, confidentiality is also a significant advantage of international commercial arbitration. Unlike publicly heard court proceedings, arbitration is typically conducted behind closed doors, which is particularly important for international transactions involving trade secrets or sensitive information. In the context of increasingly close cooperation among multinational corporations, confidentiality not only helps protect corporate interests but also contributes to maintaining stable business relationships.

As a mature cross-border dispute resolution mechanism, international commercial arbitration relies on a series of basic principles for its operation. These principles not only constitute the core framework of the arbitration system, but also directly affect the fairness and efficiency of the arbitration procedure. Overall, the basic principles of international commercial arbitration mainly include the principle of party autonomy, the principle of independence and neutrality of the arbitral tribunal, the principle of finality of the award, and the principle of limited judicial intervention, etc. [3.p.6]

First, the principle of party autonomy is the most fundamental principle in international commercial arbitration. This principle emphasizes that parties have the right to independently decide whether to submit a dispute to arbitration and can freely choose key matters such as the arbitration institution, arbitrators, place of arbitration, and applicable law. This high degree of autonomy allows the arbitration system to adapt to the diverse needs of different countries and business contexts. In international trade practice, parties typically pre-agree on dispute resolution methods through arbitration clauses in contracts, thereby avoiding jurisdictional conflicts and procedural uncertainties when disputes arise. Therefore, the principle of party autonomy can be considered the foundation for the widespread application of the international arbitration system.

Secondly, the principles of independence and neutrality of the arbitral tribunal are crucial to ensuring the impartiality of arbitration. Arbitrators must remain independent in performing their duties, free from the influence of any party, and should avoid any conflict of interest. This principle requires arbitrators to disclose their appointment and maintain objectivity throughout the proceedings. Compared to judges of national courts, arbitrators are usually jointly selected by the parties. This mechanism, to some extent, enhances the parties' trust in the award, but also places higher demands on the professional ethics of the arbitrators.

Finally, procedural flexibility is also a key characteristic of international commercial arbitration. Arbitration proceedings can be adjusted according to the complexity of the case, for example, by employing simplified procedures, document review, or online hearings. This flexibility allows arbitration to more efficiently adapt to the needs of modern international commercial disputes.

The effective operation of the international commercial arbitration system is inseparable from a unified and stable international legal framework, and the international convention system is the core component of this framework. Among many international legal documents, the 1958 Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (The New York Convention) is generally regarded as the cornerstone of the development of the international commercial arbitration system. By establishing the basic rules for the mutual recognition and enforcement of foreign arbitral

awards among contracting states, the Convention provides institutional guarantees for the cross-border circulation of international arbitral awards [4.p.12]. To date, the New York Convention has been adopted by the vast majority of countries in the world, and its wide scope of application makes it one of the most influential legal documents in the field of international arbitration.

In terms of content, the New York Convention establishes the fundamental principle of "recognition as the rule, refusal as the exception." Courts of contracting states, when reviewing foreign arbitral awards, should, in principle, recognize and enforce them, and may refuse enforcement only in extremely limited circumstances, such as when the arbitration agreement is invalid, the parties have not received proper notification, the arbitration proceedings have seriously violated due process, or the content of the award violates national public policy. This system, which strictly limits the grounds for refusal to enforce, effectively prevents countries from arbitrarily denying arbitral awards based on domestic law, thereby enhancing the stability and predictability of the international arbitration system.

The UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration provides a unified model for legislation in various countries. This model law establishes unified standards in terms of the validity of arbitration agreements, arbitration procedures and court support, and has been widely adopted or referenced [5.p.14].

International trade contracts refer to contractual relationships with foreign elements entered into between parties located in different countries or regions for the exchange of goods, services, or other commercial benefits. Compared with general domestic contracts, international trade contracts not only involve the arrangement of rights and obligations between the parties, but are also influenced by the legal systems of different countries, international conventions, and international trade practices. Therefore, their legal attributes exhibit significant trans jurisdictional nature and complexity, making them an important component of the international commercial law system.

From a conceptual perspective, the core of international trade contracts lies in the combination of "cross-border" and "commercial" nature. On the one hand, the parties involved are from different countries, or the place of performance or the location of the subject matter of the contract has foreign elements, giving the contract an international character. On the other hand, the contract aims at profit-making transactions, reflecting typical commercial attributes. In practice, international trade contracts are widely found in areas such as the sale of goods, international transportation, technology licensing, engineering contracting, and service outsourcing. They are diverse in form and complex in content, placing higher demands on the application of law and dispute resolution mechanisms.

In terms of characteristics, international trade contracts are first and foremost characterized by significant legal conflict. Because contractual relationships span multiple legal jurisdictions, the legal provisions of different countries regarding contract formation, effectiveness, performance, and liability for breach of contract may differ, thus raising issues of applicable law. Parties typically need to reconcile these differences by selecting applicable law clauses or dispute resolution clauses to mitigate the risks arising from legal uncertainty. This legal conflict is also a key reason for the widespread application of private international law rules in the field of international trade.

Secondly, international trade contracts are inherently risky and uncertain. Cross-border transactions involve various factors such as transportation risks, exchange rate fluctuations, changes in the political environment, and adjustments in trade policies, all of which can affect contract performance. Therefore, parties typically allocate potential risks in advance by including price clauses, force majeure clauses, and risk transfer clauses in the contract. This risk control mechanism centered on contractual clauses is one of the key characteristics that distinguishes international trade contracts from general civil contracts.

Finally, international trade contracts also exhibit a strong practical and business efficiency orientation. In international trade activities, parties are more concerned with the smooth progress of transactions and risk control; therefore, contract terms are often highly practical. For example, by clearly defining delivery methods, payment terms, and liabilities for breach of contract, parties can reduce the likelihood of disputes to some extent. This efficiency-oriented institutional design makes international trade contracts highly adaptable to global business activities.

The legal sources of international trade contracts mainly include international conventions, international customs and domestic laws. Among them, the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods has played an important role in unifying the rules of international sales of goods [6.p.17].

International trade contracts mainly include contracts for the sale of goods, engineering contracts, and service trade contracts. These contracts typically include arbitration clauses to ensure that disputes can be resolved through arbitration mechanisms.

An arbitration agreement is the core of the international commercial arbitration system, and its validity directly affects whether arbitration proceedings can be initiated smoothly. A valid arbitration agreement typically needs to meet the requirements of clarity, legality, and enforceability.

Arbitration clauses are often present as standard clauses in international trade contracts, reflecting the parties' pre-arrangement of dispute resolution methods [7.p.18].

International arbitration proceedings typically consist of three main stages: the formation of the arbitral tribunal, the hearing of the case, and the rendering of an award. First, the parties select arbitrators to form the arbitral tribunal according to the arbitration agreement; second, the proceedings are conducted through written submissions and hearings; and finally, the arbitral tribunal renders a binding award.

Compared to litigation, arbitration proceedings are more flexible and can be adjusted to suit the needs of the case. For example, the parties can agree on a simplified procedure or online hearings to improve efficiency.

With the development of economic globalization, international trade laws are gradually becoming more unified. For example, the widespread application of the CISG [6.p.17] Model Law globally helps to reduce legal conflicts and improve transaction efficiency [8.p.12].

The development of digital technology is profoundly changing international trade and arbitration practices. The widespread use of electronic contracts makes transactions more convenient, but it also places new demands on the rules of evidence.

Furthermore, online arbitration is gaining popularity, providing a more efficient way to resolve cross-border disputes. However, digital arbitration also faces issues related to data security and the application of law.

As a result of the research conducted, they came to the following conclusions: In recent years, China has continuously improved its international arbitration system, such as by establishing an international commercial court and promoting the internationalization of arbitration institutions. These measures have enhanced China's influence in international commercial dispute resolution. At the same time, the increasing demand for international arbitration from Chinese enterprises as they "go global" has also driven the further development of arbitration practice.

In the context of globalization and digitalization, the international arbitration system still needs further optimization, including strengthening rule harmonization, improving enforcement mechanisms, and promoting the application of technology. By continuously improving the international arbitration system, we can better safeguard international trade order and promote the stable development of the global economy.

List of used literature

- 1 Gary B. Born, International Commercial Arbitration, Kluwer Law International, 2021. - p.85-90.
- 2 Redfern A., Hunter M., Law and Practice of International Commercial Arbitration, Oxford University Press, 2015. - p.45-50.
- 3 Han Depei, Private International Law, Higher Education Press, 2014. - p.210-215.
- 4 Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958).
- 5 UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (1985, amended 2006).
- 6 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG).
- 7 Wang Liming, Research on Contract Law, Renmin University of China Press, 2018. - p.18-25.
- 8 Zhang Weiping, Research on International Commercial Arbitration System, Legal Publishing House, 2020. - p.12-19.

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Бейшеева Анара Асанбековна

УДК 398.21/22 (=951.1) (574/575)

Шисыр И.С.

Б. Жамгерчинов атындагы УИА

Шисыр И.С.

НАН имени Б. Джамгерчинова

Shisyr I.

NAS B. Dzhamgerchinov

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7955-6886>

Я. ШИВАЗЫНЫН «ТАҢ ЖЫЛДЫЗЫ» ПОВЕСТИНДЕ ЧЫНДЫКТЫ РЕАЛИСТИК ЧАГЫЛДЫРУУНУН КӨРКӨМ АЧКЫЧЫН ИЗИЛДӨӨ

ПОИСК ХУДОЖЕСТВЕННОГО КЛЮЧА К РЕАЛИСТИЧЕСКОМУ РАСКРЫТИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ Я.ШИВАЗЫ «УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА»

SEARCH FOR AN ARTISTIC KEY TO THE REALISTIC DISCLOSURE OF REALITY IN THE STORY "MORN-ING STAR" BY Y. SHIVAZA

Кыскача мүнөздөмө: Я. Шиваздын XX кылымдын экинчи жарымында жазылган «Таң жылдызы» повестинин негизги аспекти – Кыргызстандын конкреттүү-тарыхый шартынын негизинде улуттук өзгөчөлүктөргө ээ жаңы типтеги адамды жаратуу болуп саналат. Чыгармада салттуу баалуулуктар жалпы адамзаттык маданияттын призмасы аркылуу чагылдырылып, улуттук жана интернационалдыктын диалектикалык биримдигин түзөт. Я. Шиваздын повестинде татаал адам тагдыры жана жашоодо өз ордун издөө байкалат; «жан дүйнөсүнүн жарыгын» туруктуу дүйнө таанымга айландыруу процесси изилденет; айыл чарбасын жамаатташтыруу фонунда инсандын социалдык, руханий жана адеп-ахлактык өнүгүүсүнүн тирүү тарыхы чагылдырылат. Повесттин ийгилиги калыптанып жаткан жаңы социалдык типтин өзгөчөлүктөрүн камтыган көркөм образды жараткандыгы менен шартталгандыгы баса белгиленет. Чыгарма доордун актуалдуу процесстерин чагылдырып,

окурмандарга каармандын жанындагы жана түшүнүктүү адамды көрүүгө мүмкүнчүлүк бергендиктен, кеңири окурмандардын кызыгуусун жараткан.

Аннотация: Ключевой аспект повести «Утренняя звезда» Я.Шиваза, созданной во второй половине XX века, – создание нового типа человека с национальными чертами на основе конкретно-исторической обстановки Кыргызстана. В произведении преломляются традиционные ценности через призму общечеловеческой культуры, что формирует диалектическое единство национального и интернационального. В повести Я.Шиваза прослеживается сложная человеческая судьба и поиск своего места в жизни; исследуется процесс преобразования «душевного света» в устойчивое мировоззрение; запечатлена живая история социального, духовного и нравственного развития личности на фоне коллективизации сельского хозяйства. Подчеркивается, что успех повести обусловлен созданием художественного образа, воплощающего черты формирующегося нового социального типа. Произведение вызвало широкий читательский интерес, поскольку отразило актуальные процессы эпохи и позволило читателям увидеть в герое близкого и понятного человека.

Abstract: The key aspect of Y. Shivaz's novel "The Morning Star," written in the second half of the 20th century, is the creation of a new type of person with national characteristics based on the specific historical context of Kyrgyzstan. The novel reflects traditional values through the lens of universal culture, creating a dialectical unity of the national and the international. The novel by Y. Shivaz traces the complex human destiny and the search for one's place in life; it explores the process of transforming "soul light" into a stable worldview; and it captures the vivid story of the social, spiritual, and moral development of an individual against the backdrop of agricultural collectivization. The novel's success is attributed to the creation of an artistic character that embodies the traits of a new social type that was emerging. The novel garnered widespread attention from readers as it reflected the contemporary processes of the era and allowed readers to relate to the character as a relatable and understandable individual.

Негизги сөздөр: социалдык чындык; кыргыз адабияты; дунган прозасы; повесть; көркөм образ.

Ключевые слова: социальная действительность; кыргызская литература; дунганская проза; по-весть; художественный образ.

Keywords: social reality; Kyrgyz literature; Dungan prose; novella; artistic image.

В 60-х годах XX века, в тесной связи с литературами всех народов Кыргызстана, дунганская проза неизменно служила своеобразным «разведчиком» новых путей в будущее. Она сознательно принимала на себя ответственность за устройство социальной жизни, старалась раскрыть основной смысл жизни, уловить ритм «скоростного времени» (В. Кожевников).

А так как носителем этого ритма выступает человек, то в поиске художественного ключа к реалистическому раскрытию действительности писатели приходят к анализу духовного, эстетического и социального развития современника, к выявлению типических черт его нравственного и общественного потенциала.

Новый тип человека с национальными чертами создавался ими исходя не из абстрактных критериев, а из конкретно-исторической обстановки, а потому и был понятен и близок каждому в нашей многонациональной республике. Теперь «это национальное имеет принципиально другой смысл, чем это было в прошлом, ибо традиционное преломлено через призму общечеловеческой культуры, и, естественно, уже в себе носит яркие черты

интернациональности. Отсюда и вытекает закономерность диалектического единства национального и интернационального» [2, с.61].

Дунганская проза того периода, тесно связанная с литературами всех народов Кыргызстана, брала на себя ответственность за осмысление устройства социальной жизни, «выполняла особую функцию «разведчика» новых путей развития. Так, в повести «Утренняя звезда» Я. Шиваза повествует о сложной человеческой судьбе, о поиске человеком своего места в жизни. В ней писатель вглядывается в глубину человеческой души, в которой чувствует едва заметные движения, слабое мерцание пробуждения, и стремится проследить, как этот душевный свет превращается в сильный и яркий поток, преодолевающий множество преград. Художник исследует рождение потока душевного света, исследует процесс преобразования душевного света в мировоззрение.

В повести «Утренняя звезда» запечатлена живая история социального, духовного и нравственного развития самого двигателя материального мира на фоне коллективизации сельского хозяйства. Здесь нет ничего странного в том, что повесть вызвала читательский интерес. В свое время известный советский литературовед Тимофеева В.В. писала: «Широкий общественный резонанс приобретали и приобретают, прежде всего, такие художественные образы, в которых наиболее выпукло приступают черты формирующегося в обществе нового социального типа» [5, с.4].

Тема повести «Утренняя звезда» Я. Шивазы – укрепление колхозного строительства. – Конфликт – новые отношения между советскими людьми. Колхозники у Я. Шивазы это уже не просто надеющиеся на коллективное хозяйство вчерашние обездоленные крестьяне, а сознательные члены сельскохозяйственной кооперации.

Писатель решает совершенно новые идейно-эстетические задачи. Сознание людей стало немного выше, чем во вчерашнем дне. Литературный образ, как отражение возросшего сознания, предстает перед нами в более ярком свете. За время, которое отделяет Мусу – героя «Утренней звезды» от Мэян – героини «Судьбы Мэянзы», Эдизы – героя «Пройденного пути», Босана – героя «Здравствуй, весна», Мусы – героя «Моего нового дома» Я.Шивазы, произошли большие общественные сдвиги.

Перед нами предстает довольно неординарный герой, который не перестает видеть себя как бы со стороны, всматривается в себя, анализирует, исследует и оценивает каждый свой поступок, стремясь к нравственному самосовершенствованию. Он постоянно мучается мыслью: «Я все время делаю и говорю не то, что мне на самом деле хочется».

Муса оканчивает Политехнический институт. Его избирают председателем колхоза. Но он мечтал поехать в Москву и учиться дальше. «Да, в Москву. Сколько времени я мечтал о Москве. Сколько красивых планов составил с Аминэ. Сколько дней ждали этой счастливой минуты» [1, с.18]. На первый взгляд, герой кажется совершенно бесхарактерным человеком, но на самом деле это не так. Муса все время мечется не от бесхарактерности, а чтобы найти нужный вариант, учесть все стороны действительности.

Его все время мучает вопрос взаимоотношений с колхозниками. Это в буквальном смысле преследует героя на протяжении всей повести: «Муса, эту проблему ты должен обязательно решить...». Муса пытается разобраться в психологии колхозников: «Мне кажется, колхозники должны быть прежде всего сознательными творцами, должны любить свою работу. Только в этом случае труд будет в радость» [1, с. 26]. Он понимает, каким бы хорошим ни был руководитель, если он пренебрегает реальными обстоятельствами, его ждет неудача.

Такая неудача постигла Салира, бывшего председателя колхоза, чьи действия, направленные на укрепление колхозного строя, не соответствовали реальному положению. И

между Салиром и колхозниками, в конце концов, встало недоверие. Салир, например, не вникает в причины, почему колхозники не выходят на работу. По его словам, «матушка лень всему причина», а потому «надо заставить силой» и «не попугивать ни в коем случае нельзя».

Взаимоотношения у Мусы и Салира с колхозниками носят абсолютно противоположный характер. Для Салира колхозники – «механизмы» большой машины под названием «колхоз». Для Мусы же – это живые люди, творцы этой большой машины. Вот Муса осматривает колхозные поля: «Сколько людей работают. Неужели все из боязни работают? Ни за что не поверю. Неправильно. Салир совершенно неправ» [1, с. 32].

Человек трудится не только на себя, но и на всех. Вот что пытается разъяснить колхозникам Муса. Только так можно добиться успеха. Характерен разговор Мусы с Оме:

«- Ты завтра не хочешь выйти на работу?

- Выйду, председатель, обязательно выйду. Завтра я выполню тебе норму за два дня.

- Мне? – спросил Муса. – За сколько же я тебя нанял?

- Нет, я ошибся, председатель, нам, нашему колхозу.

- Вот так надо говорить. Колхоз существует для тебя, для меня и для других, поэтому не слуги мы с тобой, а хозяева ...» [1, с. 32].

Так возникает острый конфликт между собственнической крестьянской психологией и новым социальным укладом жизни, между мелкокрестьянскими понятиями и подлинно новым принципом работы, основанным на доверии к людям, на стремлении пробудить их социальную активность, на умении мыслить не только в масштабе своего колхоза, но и в масштабе целой страны. Мелкокрестьянские понятия чаще всего выступают как консервативные нравственные традиции, обычаи и нравы, преодоление которых представляет собой сложный, трудный и небезболезненный процесс.

В таком конфликте – в борьбе с антиобщественными явлениями, поступками и действиями – происходит формирование нового типа личности, становление и развитие ее социальной активности. «Человек осознает себя в своей практической деятельности, изменяя внешний предмет». Именно в такой деятельности, в борьбе Муса открывает глаза колхозникам и вместе с тем понимает многое сам. И в этом обоюдном воспитании в преображенном колхозном обществе постепенно формируется новый принцип работы.

В скором времени перед нами предстает уже не сомневающийся постоянно в своих действиях и решениях человек, а настоящий хозяин земли. Вот Муса возвращается в село по берегу реки: «Ширина этой реки будет как минимум двенадцать метров. Да ... какую электростанцию можно построить! А земля? Сколько гектаров хорошей пойменной земли бездействует. От берега реки до самой воды будет самое меньшее пятьдесят метров в ширину. А в длину, от хлопкового поля до самой железной дороги, чуть ли не десять километров. С водой как удобно. Закинуть в воду несколько камней, и она сама побежит по полю... Говорят рис негде выращивать. А это что?» [1, с.28].

Такая новаторская черта героя, как активность, не может быть понята без учета тех социальных изменений, которые обусловили творческий характер всех форм жизнедеятельности современного человека. Муса относится как раз к тому поколению людей, у которых само сознание выдвинуло новое понятие собственности.

Повествование в «Утренней звезде» ведется то от первого, то от третьего лица, а порою голос героя и третьего лица сливаются. В этом случае повествование переходит в форму своеобразного психологического анализа, который как раз и дает движение сюжету, определяет композицию и уточняет стиль. Часто перед нами появляется что-то похожее на поток сознания.

Форма повествования, избранная художником, позволяет герою свободно перемещаться в пространстве. Муса представляет себя то в парке у Политехнического института, то на Красной площади в Москве и т. д. И тем не менее его мысли очень цельны, внутренне монологичны, придают всему произведению логическую слитность. Это, пожалуй, не поток сознания, а, скорее всего, поток осознания. Хотя он, как и всякий поток сознания, включает в себя элементы как подсознательного, так и сознательного начала: интуицию, догадки, постоянное уточнение собственных убеждений новыми фактами памяти.

На протяжении всей повести довольно отчетливо слышится голос автора, который звучит синхронно с голосом повествователя от третьего лица. В каждом произведении образ автора — это своеобразная внутренняя сила, наполняющая произведение жизнью. Советский литературовед Е. Сидоров считал: «Образ автора» следует трактовать как художественный образ, объединяющий все прямые и косвенные проявления в произведении отношения писателя к изображаемым героям и событиям» [4, с. 25].

Именно объединяющий, но ни в коем случае не ведущий по отношению к героям. Как писал К. Федин: «Герои слагают сюжет, а не подчиняются ему — вот основа, на которой зиждется художественное произведение» [6, с. 394]. Сама жизнь ведет героев. Художник может только вносить поправки в поведение героя и наполнять его тем идейным содержанием, которое необходимо для раскрытия темы. Художественный образ есть воссозданный тип социальной жизни и поэтому ни в коем случае не должен отступать от самой жизни. А жизнь очень противоречива, следовательно, противоречиво и реальное отношение в сознании человека.

Герой «Утренней звезды» в целом положителен, но не лишен недостатков. Он хочет учиться в аспирантуре, но сам остается в колхозе («Какой злой дух пригнал меня сюда?»). Он хочет душевно поговорить с колхозниками, но сам набрасывается на них с упреками («Неужели я такой жестокий? Нет! Это не жестокость»). Он любит Аминэ, но не хочет признаться в этом даже самому себе («...Учится в столице! Нашла чем гордиться. Все это, девочка, небольшой аванс...»).

«Человек — такая же тайна, — говорит Никитин, герой романа «Берег» Ю. Бондарева, — как мироздание» [3, с. 335]. Человек в динамическом единстве несет в себе все — от физиологического раздражения до высшей духовной деятельности — и непрерывно отзывается на все возбудители. Естественно, что противоречия в этом единстве неизбежны и необъяснимы. Именно этим обусловлена необходимость анализа, исследования человека со всеми его противоречиями, определяемыми в основном средой, в которой он существует. Такой глубокий анализ психологии человека, изменения его мировоззрения, становления его как личности в новой социальной действительности и был задачей Я. Шиваза в повести «Утренняя звезда».

Список использованной литературы

1. Шиваза Я. Белая бабочка. — Ф.: Главполитиздат, 1968. — 76 с. (дунг. яз.).
2. Асаналиев К. А. Открытие человека современности. — Фрунзе: Кыргызстан, 1968. — 150 с.
3. Бондарев Ю. Берег. — М., 1975.
4. Сидоров Е. Ю. Время, писатель, стиль: О прозе и критике наших дней. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Советский писатель, 1983. — 320 с.
5. Тимофеева В. В. Личность, общество, литература // Советская литература и новый человек. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. — С. 3–23.
6. Федин К. А. Писатель. Искусство. Время. — 4-е изд. — М.: Советский писатель, 1980. — 592 с.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Апаева Софья Хусеиновна

Эрыслан кызы А., Мустаева Ч.Б., Кубанычбекова Г.К.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Эрыслан кызы А., Мустаева Ч.Б., Кубанычбекова Г.К.

КНУ имени Жусупа Баласагына

Eryslan k. A., Mustaeva C., Kubanuchbekova G.

KNU Jusup Balasagyn

**ШКУНУН УНИВЕРСИТЕТТЕРИНИН ОРТОСУНДАГЫ ӨЗ АРА БАЙЛАНЫШТЫ
ЧЫНДООДО ИЛИМ ЖАНА БИЛИМ ТИЛДЕРИ КАТАРЫ ОРУС ЖАНА КЫТАЙ
ТИЛДЕРИНИН РОЛУ**

**РОЛЬ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ЯЗЫКОВ НАУКИ И
ОБРАЗОВАНИЯ В УКРЕПЛЕНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗОВ ШОС
THE ROLE OF RUSSIAN AND CHINESE AS LANGUAGES OF SCIENCE AND
EDUCATION IN STRENGTHENING INTERACTIONS BETWEEN SCO UNIVERSITIES**

Кыскача мүнөздөмө: Шанхай кызматташтык уюмунун алкагында туруктуу илимий-билим берүү байланыштарынын калыптанышы академиялык өз ара аракеттенүүдө тилдик фактордун ролунун күчөшү менен коштолууда. Университеттер аралык кызматташуунун кеңейиши илимий билимге, билим берүү ресурстарына жана билимди өткөрүп берүү механизмдерине жеткиликтүүлүктү камсыз кылган тилдердин маанисин жогорулатууда. Изилдөөнүн максаты — ШКУга мүчө өлкөлөрдүн университеттик мейкиндигинде орус жана кытай тилдеринин илимий коммуникациянын жана билим берүү өз ара аракеттенүүсүнүн куралы катары аткарган ролун аныктоо. Изилдөөдө салыштырма талдоо, илимий басылмаларды жалпылоо жана биргелешкен академиялык демилгелерге катышкан университеттердин билим берүү практикаларын талдоо ыкмалары колдонулган. Өзгөчө көңүл тил саясатына, академиялык мобилдүүлүккө жана университеттер аралык программаларды ишке ашыруу формаларына бурулган. Изилдөөнүн жыйынтыгы көрсөткөндөй, орус тили постсоветтик мейкиндикте академиялык ортомчулуктун тили катары өз функциясын сактап, билим берүү программаларына, илимий басылмаларга жана биргелешкен долбоорлорго жеткиликтүүлүктү камсыз кылат. Аны колдонуу академиялык демилгелерди координациялоого, бирдиктүү илимий дискурсту калыптандырууга жана аймактагы университеттер ортосундагы изилдөө байланыштарын өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт. Ошол эле учурда кытай тилинин ролу билим берүү экспортунун кеңейиши, эл аралык студенттик мобилдүүлүктүн өсүшү жана илимий-технологиялык кызматташтыктын өнүгүшү менен байланыштуу күчөп жатат. Студенттердин билим берүү траекторияларына кытай тилинин киргизилиши академиялык мобилдүүлүктү кеңейтүүгө, билимди өткөрүп берүү механизмдерин өркүндөтүүгө жана дүйнөлүк изилдөө тармактарына интеграцияланууга шарт түзөт. Эки тилдин өз ара аракеттенүүсү эки тилдүү илимий-билим берүү мейкиндигинин моделин калыптандырат: анда орус тили аймактык интеграциянын функциясын аткаrsa, кытай тили жаңы илимий жана технологиялык ресурстарга чыгууга мүмкүнчүлүк берет. Изилдөөнүн практикалык мааниси алынган натыйжаларды көп тилдүү даярдоону өнүктүрүүгө жана ШКУ алкагындагы университеттер аралык кызматташууну чындоого багытталган билим берүү программаларын иштеп чыгууда пайдалануу мүмкүнчүлүгү менен аныкталат.

Аннотация: Формирование устойчивых научно-образовательных связей в рамках Шанхайской организации сотрудничества сопровождается усилением роли языкового фактора в

академическом взаимодействии. В условиях расширения межвузовского сотрудничества возрастает значение языков, обеспечивающих доступ к научному знанию, образовательным ресурсам и механизмам передачи знаний. Цель работы заключается в выявлении роли русского и китайского языков как инструментов научной коммуникации и образовательного взаимодействия в университетском пространстве стран ШОС. В исследовании применены методы сравнительного анализа, обобщения научных публикаций, а также анализа образовательных практик университетов, участвующих в совместных академических инициативах. Особое внимание уделено языковой политике, академической мобильности и формам реализации межвузовских программ. Установлено, что русский язык сохраняет функцию языка академического посредничества в постсоветском пространстве и обеспечивает доступ к образовательным программам, научным публикациям и совместным проектам. Его использование способствует координации академических инициатив, формированию единого научного дискурса и развитию исследовательских связей между университетами региона. Параллельно усиливается роль китайского языка, что связано с расширением образовательного экспорта, ростом международной студенческой мобильности и развитием научно-технологического сотрудничества. Выявлено, что включение китайского языка в образовательные траектории студентов способствует расширению академической мобильности, совершенствованию механизмов передачи знаний и интеграции в глобальные исследовательские сети. Взаимодействие двух языков формирует модель двуязычного научно-образовательного пространства, в которой русский язык выполняет функцию региональной интеграции, а китайский язык обеспечивает выход на новые научные и технологические ресурсы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке образовательных программ, направленных на развитие многоязычной подготовки и укрепление межвузовского сотрудничества в рамках ШОС.

Abstract: The development of sustainable academic cooperation within the Shanghai Cooperation Organization is increasingly influenced by linguistic factors that shape access to scientific knowledge, educational resources, and mechanisms of knowledge transfer. The aim of this study is to determine the role of the Russian and Chinese languages as tools for scientific communication and educational interaction within the university space of SCO countries. The study is based on comparative analysis, synthesis of academic publications, and examination of educational practices implemented in universities participating in joint academic initiatives. Particular attention is given to language policy, academic mobility, and forms of interuniversity program implementation. The findings demonstrate that the Russian language maintains its function as a medium of academic interaction in the post-Soviet space, providing access to educational programs, research publications, and collaborative projects. Its use supports the coordination of academic initiatives, contributes to the formation of a unified scientific discourse, and promotes the development of research ties among universities in the region. At the same time, the role of the Chinese language is strengthening due to the expansion of educational export, the growth of international student mobility, and the development of scientific and technological cooperation. The integration of Chinese into students' educational trajectories contributes to expanding academic mobility, improving mechanisms of knowledge transfer, and facilitating participation in global research networks. The interaction between the two languages forms a model of a bilingual academic environment in which Russian supports regional integration, while Chinese provides access to emerging scientific and technological resources. The practical significance of the study lies in the application of its results to the design of multilingual educational programs and the strengthening of interuniversity cooperation within the SCO framework.

Негизги сөздөр: билим берүү тармагындагы тил саясаты; академиялык мобилдүүлүк; илимий коммуникация; университеттер аралык кызматташтык; көп тилдүү билим берүү; билим берүү интеграциясы; лингвистикалык ресурстар.

Ключевые слова: языковая политика в образовании; академическая мобильность; научная коммуникация; межвузовское сотрудничество; многоязычное образование; образовательная интеграция; лингвистические ресурсы.

Keywords: language policy in education; academic mobility; scientific communication; interuniversity cooperation; multilingual education; educational integration; linguistic resources.

Введение. Рост межвузовского взаимодействия в пространстве стран Шанхайской организации сотрудничества сопровождается усилением роли языков как инструментов научной коммуникации и образовательной интеграции. Расширение академической мобильности, развитие совместных образовательных программ и увеличение объёма международных публикаций формируют новые требования к языковому обеспечению научной деятельности. В этих условиях особое значение приобретают языки, обеспечивающие доступ к научным знаниям, образовательным ресурсам и исследовательским сетям.

В последние годы в научной литературе активно рассматриваются процессы интернационализации высшего образования, трансформации языковой политики университетов и развития многоязычной академической среды [1; 18; 23]. Исследователи отмечают, что языки выступают не только средством коммуникации, но и важным ресурсом академической мобильности, научного обмена и международного сотрудничества [3; 24].

В пространстве ШОС особое значение имеют русский и китайский языки. Русский язык сохраняет функции академического посредничества в постсоветском пространстве, обеспечивая преемственность научных традиций, доступ к образовательным ресурсам и координацию совместных проектов [29]. Китайский язык, в свою очередь, усиливает свои позиции в связи с ростом образовательного экспорта Китая, расширением программ обучения и увеличением числа иностранных студентов в китайских университетах [30; 31].

Несмотря на наличие исследований, посвящённых языковой политике, академической мобильности и интернационализации высшего образования, роль русского и китайского языков в укреплении взаимодействия вузов ШОС изучена недостаточно комплексно. В большинстве работ данные языки рассматриваются изолированно либо в рамках отдельных региональных процессов. В связи с этим актуальным является анализ их взаимодополняющих функций в научно-образовательном пространстве стран ШОС.

Цель исследования заключается в выявлении роли русского и китайского языков как языков науки и образования в укреплении взаимодействия вузов стран ШОС.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

1. проанализировать современные тенденции языковой политики в высшем образовании;
2. определить функции русского и китайского языков в научной коммуникации;
3. выявить их влияние на академическую мобильность и межвузовское сотрудничество в рамках ШОС.

Обзор литературы. Современные исследования в области международного образования демонстрируют устойчивый интерес к проблемам языкового обеспечения научной коммуникации и межвузовского взаимодействия. В работах Ф. Альтбаха, Х. де Вита, Дж. Найт и С. Маргинсона интернационализация высшего образования рассматривается как процесс, связанный с расширением академической мобильности, транснациональных

образовательных связей и повышением конкурентоспособности университетов. В данном контексте язык выступает одним из ключевых условий включения университетов в международное научно-образовательное пространство.

Отдельное направление исследований посвящено языкам научной коммуникации. У. Аммон анализирует распределение языков в научной сфере и подчёркивает, что их значение определяется не только глобальными, но и региональными факторами [3]. С. Монтгомери связывает использование языков науки с доступом к публикациям, исследовательским ресурсам и возможностями участия в международных научных сетях. В работах Д. Кристала и Д. Грэддола подчёркивается усиление многоязычия как устойчивой тенденции развития образования и науки.

Китайский язык в последние годы становится объектом активного научного анализа. Исследователи связывают рост его значения с интернационализацией китайского высшего образования, развитием образовательного экспорта и усилением научно-технологического потенциала Китая [30; 31]. В работах, посвящённых языковой политике китайских университетов, подчёркивается, что китайский язык всё чаще рассматривается как инструмент академического обмена, образовательной мобильности и интеграции иностранных студентов в научную среду.

Региональный аспект представлен исследованиями, посвящёнными Центральной Азии и постсоветскому пространству. В них отмечается, что русский язык продолжает выполнять функции средства академической коммуникации, обеспечивая доступ к образовательным программам, научным публикациям и межвузовским проектам [2; 19; 29]. Его устойчивое присутствие в образовательной среде связано с историческими, институциональными и научными связями между университетами региона.

Анализ литературы показывает, что существующие исследования раскрывают отдельные аспекты языковой политики, академической мобильности и международного сотрудничества. Однако комплексное рассмотрение русского и китайского языков как взаимодополняющих инструментов научно-образовательного взаимодействия в рамках ШОС представлено ограниченно. Это определяет научную значимость настоящего исследования.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили сравнительный анализ, обобщение научных публикаций и анализ образовательных практик университетов, участвующих в международных академических инициативах. Сравнительный подход позволил определить сходства и различия в функциях русского и китайского языков в образовательном пространстве стран ШОС.

Анализ научной литературы был направлен на выявление основных подходов к изучению языковой политики, академической мобильности, многоязычного образования и научной коммуникации. Обобщение образовательных практик позволило определить, каким образом русский и китайский языки используются в межвузовских программах, исследовательских проектах и академическом обмене.

Использование указанных методов позволило выявить функциональное распределение языков в научно-образовательной среде и определить их значение для развития интеграционных процессов в рамках ШОС.

Результаты и обсуждение. Проведённый анализ показал, что в образовательном пространстве стран ШОС формируется модель функционального распределения языков, в которой русский и китайский языки выполняют различные, но взаимодополняющие роли. Русский язык сохраняет значение средства академической коммуникации в постсоветском пространстве, тогда как китайский язык усиливает свои позиции как инструмент научного, образовательного и технологического взаимодействия [20; 29; 31].

Установлено, что русский язык широко используется в совместных образовательных программах, научных публикациях и межвузовских проектах. Его применение способствует сохранению научных традиций, координации академических инициатив и развитию исследовательских связей между университетами региона [2; 19; 29]. В странах Центральной Азии русский язык продолжает выполнять интеграционную функцию, обеспечивая доступ к образовательным ресурсам и поддерживая устойчивость научной коммуникации.

В то же время наблюдается усиление роли китайского языка, что связано с интернационализацией китайского высшего образования, развитием образовательного экспорта, ростом числа иностранных студентов в китайских университетах и расширением научно-технологического сотрудничества [22; 30; 31]. Рост научно-технологического потенциала Китая способствует повышению значения китайского языка как инструмента доступа к современным научным ресурсам и международным исследовательским проектам [20; 26].

Результаты исследования свидетельствуют о формировании двуязычной модели научно-образовательного взаимодействия, в которой русский язык обеспечивает региональную интеграцию и обмен знаниями, а китайский язык способствует расширению международных научных контактов и доступу к новым технологиям. Такое распределение языковых функций соответствует современным тенденциям интернационализации высшего образования и развития многоязычной академической среды [1; 17; 23].

Анализ также показал, что развитие академической мобильности сопровождается ростом языкового разнообразия и повышением требований к языковой подготовке студентов и преподавателей. Использование нескольких языков способствует повышению качества научной коммуникации, расширению исследовательских сетей и укреплению сотрудничества между университетами [6; 11; 17; 23].

Особое значение данные процессы имеют для Кыргызской Республики. В системе высшего образования страны русский язык продолжает использоваться как один из основных языков академической коммуникации, тогда как интерес к изучению китайского языка возрастает вследствие расширения экономического, образовательного и научно-технологического сотрудничества с Китаем. Расширение программ академического обмена и увеличение числа совместных образовательных проектов способствуют формированию многоязычной образовательной среды, ориентированной на сочетание региональной интеграции и глобальной академической мобильности [19; 30; 31].

Полученные результаты согласуются с современными представлениями о развитии многоязычного образования и интернационализации высшей школы. Исследователи отмечают, что использование нескольких языков способствует повышению конкурентоспособности университетов, расширению международных связей и увеличению участия в научных проектах [4; 8; 11]. В этих условиях языковая гибкость становится одним из факторов устойчивого развития университетов и их интеграции в глобальное научно-образовательное пространство [1; 18; 23].

Таким образом, формирование многоязычной образовательной среды выступает одним из важнейших факторов развития межвузовского взаимодействия и интеграции университетов стран ШОС в мировое научно-образовательное пространство.

Выводы. Проведённое исследование позволило установить, что в научно-образовательном пространстве стран ШОС формируется устойчивая модель взаимодействия, основанная на функциональном распределении ролей между русским и китайским языками.

Установлено, что русский язык сохраняет значение средства региональной академической коммуникации и обеспечивает преемственность научных и образовательных

процессов. Китайский язык, в свою очередь, усиливает свои позиции как инструмент международного научного и технологического взаимодействия, расширяя доступ к образовательным и исследовательским ресурсам [20; 29; 31].

Выявлено, что сочетание русского и китайского языков способствует развитию многоязычной образовательной среды, расширению академической мобильности и укреплению межвузовского сотрудничества. Двухязычная модель взаимодействия обеспечивает интеграцию университетов в региональные и глобальные научные сети, что соответствует современным тенденциям интернационализации высшего образования [1; 17; 23; 32].

Особое значение данные процессы имеют для Кыргызской Республики, где сочетание русского и китайского языков способствует расширению международных образовательных связей и повышению участия университетов в научных проектах [19; 30].

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития многоязычной языковой политики университетов и интеграции русского и китайского языков в образовательные программы. Реализация данного подхода будет способствовать повышению качества научной коммуникации, укреплению международного сотрудничества и развитию единого научно-образовательного пространства стран ШОС.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния языковой подготовки на результаты академической мобильности, а также с количественной оценкой воздействия языкового фактора на эффективность научного сотрудничества и публикационной активности университетов.

Список использованной литературы

1. Альтбах, Ф. Дж. и де Вит, Х. (2021). Интернационализация в высшем образовании: глобальные тенденции. *Международное высшее образование*, 105, 3–5. <https://doi.org/10.6017/ihe.2021.105.15379>
2. Ульрих Аммон «Доминирование английского языка как языка науки: влияние на другие языки и языковые сообщества». <https://doi.org/10.1515/9783110869484>
3. Yang, R. (2022). Интернационализация высшего образования в Китае. *Глобализация, общества и образование*, 20(2), 159–172. <https://doi.org/10.1080/14767724.2021.1899088>
4. Wang, Y. (2022). Трансграничное образование в Китае. *Рубежи образования в Китае (или «Вестник образования в Китае»)*, 17(1), 45–62. <https://doi.org/10.1007/s11516-022-0003-1>
5. Wang, J. (2025). Политика в области обучения русскому языку в современной России. *Китайский журнал славистических исследований*, 5(2), 291–321. <https://doi.org/10.1515/cjss-2025-0018>
6. Chen, J. (2023). Academic mobility and knowledge exchange. *Higher Education Policy*, 36(2), 201–220. <https://doi.org/10.1057/s41307-022-00277-0>
7. Knight, J. (2021). Concepts, rationales, and interpretive frameworks in internationalization. *Journal of Studies in International Education*, 25(2), 123–139. <https://doi.org/10.1177/1028315321990427>
8. Marginson, S. (2022). Global trends in higher education. *Higher Education*, 84(1), 1–18. <https://doi.org/10.1007/s10734-021-00765-8>
9. Montgomery, S. (2021). *Does science need a global language?* University of Chicago Press.
10. Кристал, Д. (2021). *Будущее мировых языков*. Издательство Кембриджского университета
11. Graddol, D. (2022). *Global language trends*. British Council.
12. Li, X. (2023). «Языковая политика и глобализация в Китае», 22(3), 345–362. <https://doi.org/10.1007/s10993-022-09645-3>

13. Zhao, S. (2022). Языковая политика в высшем образовании. Журнал многоязычного и поликультурного развития. 43(5), 412–427. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1858303>
14. С. Гао (X. Gao) Applied Linguistics Review (2021) Язык и идентичность в глобальном образовании, году, 12(4), 567–589. <https://doi.org/10.1515/applirev-2020-0045>
15. Hu, G. (2021). Multilingualism in Chinese higher education. Language Teaching, 54(3), 326–339. <https://doi.org/10.1017/S0261444820000382>
16. Pan, L. (2023). Chinese language global expansion. Asia Pacific Education Review, 24(2), 215–230. <https://doi.org/10.1007/s12564-022-09745-3>
17. Liu, Y. (2023). «Китайский язык в глобальной академической коммуникации». Asian Education and Development Studies, 12(3), 388–402. <https://doi.org/10.1108/AEDS-2022-0123>
18. С. Кунанбаева (2021) «Многоязычное образование в Центральной Азии», 6(1), 15–27.
19. Ахметова Г. (2022). Языковая политика в постсоветском образовании. Eurasian Journal of Applied Linguistics, 8(2), 89–104. <https://doi.org/10.32601/ejal.911522>
20. Де Вит, Х. и Альтбах, Ф. (2021). Политика интернационализации.
21. Wang, J. (2025). Политика в области обучения русскому языку в современной России. Китайский журнал славистических исследований, 5(2), 291–321. <https://doi.org/10.1515/cjss-2025-0018>
22. Chen, X. (2022). Internationalization of Chinese universities. Higher Education Research & Development, 41(3), 789–803. <https://doi.org/10.1080/07294360.2020.1865285>
23. Graddol, D. (2022). Global language trends. British Council.
24. Knight, J. (2021). Concepts, rationales, and interpretive frameworks in internationalization. Journal of Studies in International Education, 25(2), 123–139. <https://doi.org/10.1177/1028315321990427>
25. Де Вит, Х. и Альтбах, Ф. (2021). Политика интернационализации.
26. OECD. (2022). Education at a glance. <https://www.oecd.org/education>
27. Бейкер, У. (2021). Английский язык как лингва франка и межкультурная коммуникация.
5. Болтон, К., & Бота, В. (2021). Английский язык в Китае, 40(3), 343–358. <https://doi.org/10.1111/weng.12531>
28. Jenkins, J. (2021). English as a lingua franca. Routledge.
29. Kirkpatrick, A. (2021). English as a lingua franca in Asia. Multilingual Matters.
30. Сыздыкбаева, А. и др. (2025). Обучение китайскому языку: библиометрическое картирование. Евразийский журнал прикладной лингвистики, 11(1), 229–241. <https://doi.org/10.32601/ejal.11119>
31. Liu, J. (2022). Language and globalization in China. Language Teaching Research, 26(4), 567–584. <https://doi.org/10.1177/13621688211053362>
32. Jatobá, J. R. (2024). «Перспективы и тенденции в политике преподавания иностранных языков в Китае», 26(3).

Рецензент: PhD доктор Токсоналиева А.М.

Ян Й., Ян Ц., Лэй Ц., Имашова А.А.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Ян Й., Ян Ц., Лэй Ц., Имашова А.А.¹

КНУ имени Жусупа Баласагына

Yang Y., Yang Q., Lei J., Imashova A.

KNU Jusup Balasagyn

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4468-1176>¹

КЫТАЙДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮСҮНӨ УРБАНИЗАЦИЯНЫН ТААСИРИ БОЮНЧА ТЕРЕҢ ИЗИЛДӨӨ ОТЧЁТУ

УГЛУБЛЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТЧЕТ О ВЛИЯНИИ УРБАНИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ

STUDY ON THE IMPACT OF URBANIZATION ON CHINA'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө Кытайдагы урбанизация процессинин экономикалык өнүгүүгө тийгизген таасирин терең талдоого арналган. Акыркы ондогон жылдарда Кытай дүйнөдөгү эң тез урбанизацияланган өлкөлөрдүн бири болуп, шаар калкынын үлүшү олуттуу деңгээлде өстү. Бул процесс экономикалык өсүштү тездетип, өндүрүштүн жана кызмат көрсөтүү чөйрөсүнүн өнүгүшүнө чоң түрткү берди. Изилдөөдө урбанизациянын негизги факторлору, анын ичинде калктын миграциясы, инфраструктуранын өнүгүшү, индустриализация жана инвестициялардын агымы талданат. Авторлор урбанизациянын экономикалык активдүүлүктү жогорулатуудагы, эмгек өндүрүмдүүлүгүн арттыруудагы жана ички рынокту кеңейтүүдөгү ролун белгилешет. Ошол эле учурда шаарлардын өсүшү инновацияларды өнүктүрүүгө жана жаңы технологияларды жайылтууга шарт түзөт. Мындан тышкары, изилдөөдө урбанизациянын терс жактары да каралат. Аларга аймактар аралык теңсиздиктин күчөшү, экологиялык көйгөйлөр, турак жай жетишсиздиги жана социалдык инфраструктурага түшкөн жүктүн көбөйүшү кирет. Бул маселелерди чечүү үчүн мамлекеттик саясатты өркүндөтүү жана туруктуу шаардык өнүгүү стратегияларын ишке ашыруу зарылдыгы белгиленет. Жыйынтыгында, урбанизация Кытайдын экономикалык өсүшүнүн маанилүү кыймылдаткычы болуп саналганы менен, анын туруктуу жана тең салмактуу өнүгүүсү үчүн комплекстүү чаралар талап кылынат.

Аннотация: Данное исследование посвящено углублённому анализу влияния урбанизации на экономическое развитие Китая. За последние десятилетия Китай пережил масштабный процесс урбанизации, сопровождающийся значительным ростом доли городского населения. Этот процесс стал одним из ключевых факторов ускоренного экономического роста страны. В работе рассматриваются основные драйверы урбанизации, включая миграцию населения, развитие инфраструктуры, индустриализацию и инвестиционные потоки. Подчеркивается, что урбанизация способствует повышению производительности труда, расширению внутреннего рынка и усилению инновационной активности. Развитие городов создает благоприятные условия для внедрения новых технологий и формирования современных экономических кластеров. Вместе с тем анализируются и негативные последствия урбанизации, такие как усиление регионального неравенства, экологические проблемы, перегрузка городской инфраструктуры и рост социальных диспропорций. В статье отмечается необходимость разработки сбалансированной государственной политики, направленной на устойчивое развитие городов и улучшение качества жизни населения. Результаты исследования показывают, что урбанизация является

мощным фактором экономического развития Китая, однако её дальнейшее развитие должно сопровождаться эффективным управлением и учетом социальных и экологических аспектов.

Abstract: This study provides an in-depth analysis of the impact of urbanization on China's economic development. Over the past decades, China has experienced one of the fastest urbanization processes in the world, with a significant increase in the share of the urban population. This transformation has become a key driver of the country's rapid economic growth. The paper examines the main drivers of urbanization, including population migration, infrastructure development, industrialization, and capital investment flows. It highlights that urbanization contributes to increased labor productivity, expansion of the domestic market, and enhancement of innovation capacity. Urban development creates favorable conditions for the adoption of new technologies and the formation of modern economic clusters. At the same time, the study addresses the negative aspects of urbanization, such as regional inequality, environmental challenges, overburdened urban infrastructure, and growing social disparities. The authors emphasize the need for balanced public policies aimed at sustainable urban development and improved quality of life. The findings suggest that urbanization remains a powerful engine of economic development in China; however, its future progress requires effective governance and careful consideration of social and environmental sustainability.

Негизги сөздөр: урбанизация; экономикалык өнүгүү; Кытай; шаарлар; инфраструктура; индустриализация; туруктуу өнүгүү.

Ключевые слова: урбанизация; экономическое развитие; Китай; города; инфраструктура; индустриализация; устойчивое развитие.

Keywords: urbanization; economic development; China; cities; infrastructure; industrialization; sustainable development.

Urbanization is an inevitable path of modernization, a key solution to issues concerning agriculture, rural areas and farmers, a strong support for promoting coordinated regional development, and an important driver for expanding domestic demand and advancing industrial upgrading. Currently, China's urbanization is in a critical stage of transitioning from rapid growth to steady development, with urban development shifting from large-scale incremental expansion to stock optimization and quality improvement. By the end of 2024, China's permanent urban residents reached 943.5 million, with an urbanization rate of 67.00 %, up 0.84 percentage points from the previous year [1, p.139].

Compared with international experiences, China's urbanization process is unique. Despite the continuous increase in the urbanization rate, it still lags behind the international average. Different from the Western "development first, governance later" urbanization model, China adheres to a people-centered new-type urbanization path with Chinese characteristics, emphasizing urban-rural overall planning, integration, urban-industrial interaction, intensive development, ecological livability and harmonious progress.

Studying the impact of urbanization on China's economic development holds great theoretical and practical significance. Especially in the new development stage, exploring how to rely on high-quality urbanization to boost high-quality economic development and achieve common prosperity in the urbanization process is an important issue requiring in-depth discussion.

This study aims to systematically analyze the multi-dimensional impact mechanism of urbanization on China's economic development, focusing on the following aspects:

1. Sort out the theoretical basis and transmission mechanism of urbanization's impact on economic development, especially the action path under China's specific institutional environment.
2. Based on the latest empirical results, analyze the contribution of urbanization to China's economic growth and its changing trends, particularly new characteristics since 2020.

3. Deeply explore the multi-dimensional impact of urbanization on economic development through factor allocation, industrial structure and spatial spillover effects.

4. Analyze the differentiated performance of urbanization in eastern, central and western China and its varying impacts on economic development.

5. Combine the country's latest urbanization strategies to put forward targeted policy recommendations.

The theoretical basis of urbanization's impact on economic development can be traced back to several classical economic theories, which provide an important analytical framework for understanding the economic effects of urbanization.

- Lewis Dual Economic Model: Points out that developing countries have a dual structure between traditional agricultural sectors and modern industrial sectors. The agricultural sector has a large surplus labor force, while the industrial sector has high productivity and wage levels. The transfer of rural surplus labor to urban industrial sectors not only improves overall economic productivity but also promotes industrialization and urbanization. In China's practice, over 550 million people migrated from rural to urban areas between 1978 and 2016, raising the urbanization rate from 18% to 57% [2, p.483].

- Rosenstein-Rodan's "Big Push" Theory: Emphasizes the complementarity of infrastructure and industrial investment, arguing that large-scale investment can break through the low-level equilibrium trap of development. This theory has been innovatively applied in China's land-driven development model. Studies show that China's land subsidy policy has promoted structural transformation by reducing the fixed costs of industrialization, making China's industrial GDP 40% higher than that of other regions globally.

- Hirschman's Unbalanced Growth Theory: Suggests that developing countries should prioritize industries with strong backward and forward linkages to drive overall economic growth through industrial linkage effects. The practice of China's state-owned enterprise reform has verified the applicability of this theory. It is found that industrial linkage plays an important role in China's economic growth, and the development of industries with strong linkages can generate significant driving effects.

- New Economic Geography Theory (Krugman): Emphasizes the role of spatial agglomeration in economic growth. It holds that high urban population density promotes knowledge spillover, technological innovation and specialized division of labor, thereby improving productivity. New studies show that there is a positive feedback cycle between urbanization and innovation: when rural workers migrate to cities, urbanization drives technological change and productivity growth, and urban density facilitates knowledge exchange and innovation [3, p.52].

China's urbanization process has distinct institutional characteristics, and the application of classical theories in China needs to consider the special institutional environment.

The theoretical basis of urbanization with Chinese characteristics is reflected in multiple aspects:

1. The "3633" theoretical framework: Refers to the synergy of three subjects (families, enterprises, municipal governments), six elements (population, human capital, material capital, land, institutions, technology) and three fields (competition and cooperation, learning and innovation, production and consumption).

2. Path characteristics: Include the coordinated development of urbanization, industrialization and modernization, the combination of centralized and decentralized urbanization, and the coordinated development of large, medium and small cities and towns.

Key institutional factors:

- Household Registration System: Initially restricted population mobility but has been gradually relaxed (e.g., 2024 policy to cancel settlement restrictions for cities with <3 million permanent urban residents), weakening its inhibitory effect on urbanization.

- Land System: Through public ownership and land finance, it has provided funds for urban construction but also brought challenges such as unsustainable development. From the 1990s to the late 2000s, urban growth relied on manufacturing and real estate investment; since 2010, it has been accompanied by financial investment cycles led by national financial institutions.

China's urbanization process can be divided into three key stages, each with unique driving mechanisms and characteristics:

- Slow Development Stage (1949-1978): Constrained by the planned economy, the urbanization rate rose slowly from 10.64% (1949) to 17.92% (1978). Key features included government-led driving mechanisms, low absorption capacity for non-agricultural labor, and non-commodity economy-oriented urban operation.

- Rapid Expansion Stage (1979-2011): Driven by economic system reform, the urbanization rate exceeded 30% in the mid-1990s and 50% in 2011 (a historic turning point in social structure). Large-scale rural-to-urban migration and rapid land urbanization were the main drivers.

- Quality-Oriented Stage (2012-Present): Marked by the 2012 Central Economic Work Conference's proposal of an "intensive, intelligent, green and low-carbon" new-type urbanization path. The 2014 "New Urbanization Plan (2014-2020)" officially shifted the focus from speed to quality, emphasizing people-centered development.

Since 2020, China's urbanization has shown new trends amid the post-epidemic era and new development pattern:

1. Steady Urbanization Rate Growth with Slowing Momentum: By 2024, the urbanization rate reached 67.00% (up 0.84 percentage points year-on-year). It is expected to reach ~71.0% by 2030, with the urban population increasing by ~130 million compared to 2020.

2. New Population Mobility Patterns: Population continues to concentrate in southern and eastern regions (2010-2020 average annual increase: 6.55 million in the south vs. 1.146 million in the north) and core cities (e.g., Shenzhen, Chengdu, Guangzhou with >550,000 annual permanent resident growth).

3. Urban Agglomerations as Core Carriers: 19 planned urban agglomerations now accommodate >70% of the national population, contribute >80% of GDP, and account for ~90% of large-scale industrial enterprises. The Yangtze River Delta and Pearl River Delta have an average annual permanent resident increase of >1.8 million.

4. Integration of New Quality Productive Forces: The 2025 Government Work Report links new-type urbanization with strategic emerging industries (e.g., artificial intelligence, biotechnology), positioning cities as key carriers for cultivating new quality productive forces.

- Methodological Evolution: From early ordinary least squares (OLS) regression to modern spatial econometric models, panel data models (fixed/random effects, GMM), and time-series dynamic analysis (cointegration test, impulse response function). Causal inference methods (e.g., synthetic difference-in-differences, SDID) have been introduced to improve result accuracy.

- Data Sources: Include government statistics (national economic accounting, population surveys), "China Urban Statistical Yearbook" (1985-present, covering 656 cities), and commercial databases (Wind, CEIC) for policy analysis and urban planning.

1. Contribution to Economic Growth: The contribution rate of urbanization to economic growth rose from 7.15% (1978) to 15.86% (2019) but slowed to 8.14% (2019) due to real estate transformation and unsustainable land finance [4, p.202].

2. Long-Term Equilibrium Relationship: Co-integration tests confirm economic development drives urbanization, while urbanization has a positive but statistically insignificant feedback effect on economic growth (impulse response shows stable but weak impact).

3. Regional Differences: Urbanization drives both long-term and short-term economic growth in eastern China; in central, western and northeastern regions, it only has long-term driving effects.

4. Industrial Structure Upgrading: New-type urbanization, industrial structure and economic growth form a mutually promoting cycle. The coupling coordination degree (2020: primary coordinated level) shows a "eastern > central > northeastern > western" pattern.

- Urbanization Rate Gaps: 2023 rates: eastern (72.6%), central (71.7%), western (59.9%), northeastern (69.3%). Over the past decade, the western region had the fastest growth (13.8 percentage points) but remains lagging.

- Urban Density Differences: Eastern (53.91/10,000 km²) > central (21.80/10,000 km²) > western (15.43/10,000 km²), reflecting economic development disparities.

- Development Models: Eastern regions have small urban-rural gaps and early infrastructure upgrades; central and western regions rely on land finance and public resource concentration (e.g., education) to drive urbanization.

- Yangtze River Delta: 2018-2024 average annual GDP growth (5.58%) outpaced the national average (0.27 percentage points), contributing ~26% of national economic growth. It has 26 national-level industrial clusters (e.g., large aircraft) and accounts for 36.5% of national imports and exports.

- Pearl River Delta: Leads in innovation-driven development. The Shenzhen metropolitan area transfers manufacturing links to surrounding cities, optimizing regional industrial division and resource allocation [5, p.48].

1. Optimize Factor Allocation: Activate the Core Driving Force for High-Quality Development

Take market-oriented reform of factors as the core focus to break down institutional and mechanism barriers that restrict the free flow of key factors such as labor, capital, and technology. For the labor factor, it is necessary to improve the mechanism linking the household registration system with public services, promote the smooth inter-provincial transfer of social security, and ensure that migrant workers and their families have equal access to public services like education, healthcare, and housing. Regarding the capital factor, guide financial institutions to increase credit support for the real economy, especially for technology-based small and medium-sized enterprises, while expanding direct financing channels and encouraging venture capital and equity investment to tilt toward strategic emerging fields. In terms of the technology factor, build a more comprehensive system for the creation, protection, and application of intellectual property rights, establish a punitive compensation system for intellectual property infringement, and stimulate the innovation vitality of enterprises. In addition, continue to increase public investment in education and healthcare, optimize the spatial layout of high-quality educational and medical resources, and build a regional highland for attracting talents by establishing high-level institutions and introducing top-tier medical teams, so as to provide intellectual support for the optimal allocation of factors.

2. Promote Industrial Upgrading: Build a Modern Industrial System

Formulate differentiated industrial development policies based on the resource endowments, industrial foundations, and regional advantages of different areas to avoid homogeneous industrial competition among regions. In terms of industrial layout, take the industrial chain as a link to promote the clustered development of upstream and downstream enterprises and build industrial clusters with distinct characteristics and complete supporting facilities. For example, in areas with a solid manufacturing foundation, focus on developing high-end equipment manufacturing clusters; in regions with a sound digital economy foundation, cultivate industrial clusters integrating the digital industry with the real economy. At the same time, accelerate the transformation and upgrading of traditional industries, and promote the transformation of traditional industries such as iron and steel, chemicals, and textiles toward greenization, intelligence, and high-endization through technological transformation, equipment renewal, and model innovation. In this process, it is necessary to simultaneously strengthen the cultivation of emerging industries such as new energy, artificial intelligence, biomedicine, and quantum technology, set up special industrial funds, build industry-

university-research collaborative innovation platforms, accelerate the transformation of scientific and technological achievements, and seize the commanding heights of future industrial development [6].

3. Narrow Regional Gaps: Promote Coordinated and Balanced Regional Development

Focus on the unbalanced development between the eastern, central, and western regions of China, and further increase policy support and resource inclination toward the central and western regions. In terms of financial support, improve the central government's transfer payment system to local governments, with a focus on tilting toward underdeveloped areas in the central and western regions, old revolutionary base areas, and border areas, to help them make up for shortcomings in infrastructure and public services. In terms of industrial cooperation, promote the establishment of an industrial transfer docking mechanism between the eastern and central-western regions, encourage the orderly transfer of labor-intensive and resource-processing industries from the east to the central and western regions, and at the same time guide the central and western regions to develop characteristic industries based on local resources, forming an industrial pattern where the east, central, and west regions complement each other's advantages and develop in a differentiated manner. In addition, strengthen the coordination and linkage within urban agglomerations, establish an inter-regional coordinated development mechanism, and make overall plans for the construction of infrastructure such as transportation, energy, and environmental protection to realize the co-construction and sharing of public services. In the process of policy implementation, it is necessary to fully consider the development stage and actual needs of different regions, resolutely avoid the "one-size-fits-all" policy model, and ensure that policies are implemented accurately and effectively [7].

1. Research on the Integration Path of New-Quality Productive Forces and Urbanization

With the rapid development of new-quality productive forces such as digital technology, artificial intelligence, and green energy, their integration with the urbanization process has become a key issue in promoting high-quality urban development. Future research can focus on exploring how digital transformation reshapes urban spatial structure and governance models. For example, study how smart city platforms improve the efficiency of urban traffic management, environmental monitoring, and public service provision through data sharing and collaborative scheduling; analyze the application scenarios and practical effects of artificial intelligence technology in urban planning, community governance, and emergency response, as well as potential issues such as data security and ethical standards. At the same time, in-depth research should be conducted on the mechanism by which strategic emerging industries improve the quality of the urban economy, exploring how industries such as new energy and biomedicine drive the upgrading of the urban industrial structure through industrial agglomeration effects, and how they create high-quality jobs and increase the income level of urban residents, thereby realizing the transformation of urbanization from "scale expansion" to "quality improvement".

2. Research on the Urbanization Development Mechanism for Common Prosperity

Common prosperity is an important feature of Chinese-style modernization, and urbanization, as a key engine for promoting economic development and social progress, plays a crucial role in narrowing the gaps between urban and rural areas, regions, and incomes. Future research can focus on inclusive urbanization, with an emphasis on analyzing how to promote the extension and coverage of high-quality urban public services to rural areas by improving the institutional mechanism for integrated urban-rural development. For example, study the construction models of urban-rural education alliances and medical consortia, and explore the path for rural residents to enjoy equal rights with urban residents in employment, elderly care, and housing. At the same time, in-depth research should be carried out on the income distribution adjustment mechanism in the process of urbanization, exploring how to narrow the income gap between different groups within cities by improving the skill level of workers, perfecting the minimum wage standard, and improving the social security system; analyze the impact of differences in urbanization development between regions on

the regional income gap, and explore ways to promote the balanced development of residents' income levels between regions by optimizing the layout of the urban system and strengthening inter-regional industrial cooperation [8, p.45].

3. Research on Resilient City Construction Under Climate Change and Public Health Risks

Currently, extreme weather events caused by global climate change (such as heavy rains, high temperatures, and typhoons) and public health emergencies (such as the COVID-19 pandemic) have put forward higher requirements for the stability of urban infrastructure and the emergency management capabilities of cities. Future research can focus on improving the resilience of urban infrastructure, with key research on the risk-resistant design and emergency repair technologies of critical infrastructure such as transportation, energy, water conservancy, and communications. For example, analyze how to improve the ability of infrastructure to respond to extreme weather by optimizing the urban road network structure, building distributed energy systems, and improving urban flood control and drainage projects; explore how to use big data and the Internet of Things to build a real-time monitoring and early warning system for infrastructure, so as to achieve early detection and disposal of risks. At the same time, in-depth research should be conducted on the construction and improvement of the urban public health emergency management system, analyzing the coordination mechanism of urban medical resource scheduling, material reserve supply, and community prevention and control management under public health emergencies, and exploring how to improve the city's rapid response capability and comprehensive disposal capability in response to public health risks through inter-departmental and inter-regional cooperation, so as to provide theoretical support and practical reference for the construction of safe and sustainable resilient cities [9, p.23].

List of used literature

1. Lewis, W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour[J]. The Manchester School, 1954, 22(2): 139-191.
2. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography[J]. Journal of Political Economy, 1991, 99(3): 483-499.
3. Hirschman, A. O. The Strategy of Economic Development[M]. New Haven: Yale University Press, 1958.
4. Rosenstein-Rodan, P. Notes on the Theory of the "Big Push"[J]. The Economic Journal, 1943, 53(210/211): 202-211.
5. Theurillat, T. Urban Growth from Manufacturing to Financialization: The Case of China's Contemporary Urban (re)Development[R]. ResearchGate, 2020.
6. 国家统计局. China Statistical Yearbook 2024[M]. Beijing: China Statistics Press, 2024.
7. 国务院. Five-Year Action Plan for Deepening the Implementation of the People-Centered New Urbanization Strategy[Z]. 2024.
8. 李文. China's Urbanization Path[J]. National History Research, 2025(10): 45-58.
9. 陆铭. The Laws of Urbanization and Necessary Measures for China's Urbanization[J]. Economic Research Journal, 2024(5): 23-37.

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Мукамбаева Ирина Борисовна

Сведения об авторах

1. **Адамкулова Ч.У.** – Доктор экономических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
2. **Апаев Э.Х.** – Докторант 1 курса Школы докторантуры Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
3. **Апаева С.Х.** – Кандидат филологических наук, доцент образовательной программы Китайский язык и литература Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
4. **Апаева (Хочиева) С.Х.** – Старший преподаватель образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
5. **Асанбекова С.К.** – Преподаватель кафедры "Перевод и переводоведение" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
6. **Асхатова А.А.** – Магистрант факультета русской и славянской филологии КНУ им. Ж. Баласагына
7. **Бай С.** – Заместитель председателя Комитета по обучению и исследованию литературы и истории Народного политического консультативного совета Нинся-Хуэйского автономного района, Китайская Народная Республика
8. **Бактыбек к. А.** – PhD Доктор, преподаватель образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
9. **Бейшеева А.А.** – Кандидат юридических наук, доцент образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
10. **Бейшенбек С.** – Преподаватель кафедры "Перевод и переводоведение" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
11. **Би Г.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
12. **Бокоев Ж.А.** – Доктор юридических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
13. **Бянь М.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

- [illegible]

29. **Джон А.А.** – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика
30. **Ду П.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
31. **Дуань С.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
32. **Дюшенбиев С.У.** – Старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика
33. **Жао Л.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
34. **Имашова А.А.** – Старший преподаватель образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
35. **Ин Ч.** – Профессор Института международного культурного обмена Синьцзянского педагогического университета г. Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика
36. **Калдыбай у. М.** – Кандидат юридических наук, доцент образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
37. **Калыбаева А.А.** – Доктор юридических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
38. **Касымова М.М.** – Научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика
39. **Кожомкулова Д.Н.** – Кандидат экономических наук, доцент образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
40. **Кубанычбек к. Ж.** – Преподаватель кафедры "Перевод и переводоведение" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
41. **Кубанычбекова Г.К.** – Преподаватель образовательной программы "Китайский язык и литература" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
42. **Кудаяров К.А.** – Кандидат исторических наук, и.о. доцента Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева, Научный сотрудник Института научной

информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Бишкек, Кыргызская Республика

43. **Куракеева Б.А.** – Старший преподаватель кафедры "Перевод и переводоведение" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

44. **Ли И.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

45. **Ли Л.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

46. **Ли М.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

47. **Ли П.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

48. **Ли Ш.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

49. **Ли Э.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

50. **Лэй Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

51. **Лю Г.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

52. **Лю Л.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

53. **Лю Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

54. **Лю Ч.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

55. **Лю Я.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

56. **Ма Л.** – Преподаватель по государственному управлению Факультет государственного управления Северо-Западного педагогического университета, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика

57. **Ма П.** – сотрудник Академии общественных наук Нинся-Хуэйского автономного района Китайская Народная Республика

58. **Ма С.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

59. **Ма Ю.** – внештатный профессор Института международного культурного обмена Северо-Западного педагогического университета, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика

60. **Маджун Д.С.** – Кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

61. **Маккамбаева К.Ж.** – Научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

62. **Мамбетакунов Э.М.** – Доктор педагогических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

63. **Мукамбаев Н.Ж.** – Доктор экономических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

64. **Мукамбаева И.Б.** – Доктор экономических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

65. **Мустаева Ч.Б.** – Преподаватель образовательной программы "Китайский язык и литература" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

66. **Мэн М.** – Магистрант Института международного культурного обмена Северо-Западного педагогического университета, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика

67. **Мэнь Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

68. **Мяо Д.** – профессор, Институт языков и литературы национальных меньшинств Центральный национальный университет, Китайская Народная Республика

69. **Мяо Ч.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

70. **Назарматова Б.М.** – Кандидат экономических наук, доцент образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

71. **Ныязкулова Б.К.** – Старший преподаватель образовательной программы китаеведение Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

72. **Пи Д.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

73. **Рыскулова Б.А.** – Кандидат филологических наук, доцент, кафедра Перевод и переводоведение Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

74. **Сейтова Ф.З.** – Кандидат филологических наук, Докторант кафедры социальной педагогики, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

75. **Сун Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

76. **Сунь Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

77. **Суранаев Т.Дж.** – Доктор экономических наук, профессор образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

78. **Сы Ц.** – Доктор филологических наук, профессор, Ланьчжоуский университет, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика

79. **Сяо Ф.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

80. **Сяо Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

81. **Тумонбаева А.А.** – Старший преподаватель образовательной программы "Китаеведение" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

82. **Тыналиев К.К.** – Доктор PhD, доцент образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

83. **Тэн Л.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

84. **У Сэнь** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

85. **Хавазы Ф.Н.** – Кандидат филологических наук, Старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

86. **Хань В.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

87. **Хоу Ю.** – доцент Института международного культурного обмена Северо-Западного педагогического университета, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика

88. **Ху В.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

89. **Ху Ч.** – Профессор Центрального университета национальностей Китая, г. Пекин, Китайская Народная Республика

90. **Хуан Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

91. **Хуан Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

92. **Хуан Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

93. **Хуан Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

94. **Хуэй Ц.** – Профессор, факультет филологии Университет Нинся, г. Иньчуань, Автономный район Нинся-Хуэй, Китайская Народная Республика

95. **Цзинь И.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

96. **Цинь Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

97. **Цюй И.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

98. **Чжан Ф.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

99. **Чжан Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

100. **Чжан Ю.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

101. **Чжан Ю.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

102. **Чжао Ч.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

103. **Чжоу Л.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
104. **Чжоу Я.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
105. **Чжэн В.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
106. **Чэнь С.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
107. **Чэнь Х.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
108. **Шисыр И.С.** – Доктор филологических наук, отдел востоковедения Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика
109. **Эрыслан к. А.** – Преподаватель образовательной программы "Китайский язык и литература" Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
110. **Юй С.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
111. **Ян Й.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
112. **Ян Т.** – Профессор филологического факультета Северо-Западного педагогического университета, г. Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская Народная Республика
113. **Ян Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика
114. **Ян Ц.** – Магистрант образовательной программы магистратуры и PhD докторантуры Кыргызско-китайского исследовательского института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

СОДЕРЖАНИЕ

Асанбекова С.К.	7
ШАНХАЙ КЫЗМАТТАШТЫК УЮМУНУН БОРБОРДУК АЗИЯДА ЖАНА	
КЫРГЫЗСТАНДА КООПСУЗДУКТУ ЖАНА ТУРУКТУУЛУКТУ	
КАМСЫЗДООДОГУ РОЛУ	7
РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В	
ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ	
АЗИИ И В КЫРГЫЗСТАНЕ	7
THE ROLE OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN	
ENSURING SECURITY AND STABILITY IN CENTRAL ASIA AND	
KYRGYZSTAN	7
Бай С.	16
АКЫНДЫН ЧЫГАРМАЧЫЛЫГЫНДАГЫ ЭНЕНИН ОБРАЗЫ: ЯСЫР	
ШИВАЗЫНЫН ЭНЕГЕ АРНАЛГАН ЫРЛАРЫНА ТАЛДОО	16
ОБРАЗ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА: АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ	
ЯСЫРА ШИВАЗЫ, ПОСВЯЩЕННЫХ МАТЕРИ	16
THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE POET'S WORK: AN ANALYSIS OF	
YASYR SHIVAZA'S POEMS DEDICATED TO THE MOTHER	16
诗人创作中的母亲形象——亚瑟尔·希瓦扎母亲题材诗歌分析	16
Бейшенбек С.	21
ШКУ АЛКАГЫНДАГЫ БИЛИМ БЕРҮҮ ЖАНА МАДАНИЙ	
КОММУНИКАЦИЯ ПЛАТФОРМАЛАРЫНДА СҮЙЛӨӨ ЭТИКЕТИ ЖАНА	
ИНСАНДЫК ИДЕНТТҮҮЛҮКТҮН КАЛЫПТАНУУ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ:	
КЫТАЙ–КЫРГЫЗСТАН МИСАЛЫНДА	21
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА И	
ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И	
КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПЛАТФОРМАХ В РАМКАХ	
ШОС: НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И КЫРГЫЗСТАНА	21
POLITE LANGUAGE AND IDENTITY CONSTRUCTION ON EDUCATIONAL	
AND CULTURAL COMMUNICATION PLATFORMS UNDER THE SCO: THE	
CASE OF CHINA AND KYRGYZSTAN	21
上合组织背景下教育与文化传播平台中的礼仪语言与身份建构研究——以中国和吉	
尔吉斯斯坦为例	21
Би Г., Ван Б., Ван И, Ван И., Адамкулова Ч.У.¹	30
КЫТАЙДЫН ЖАШЫЛ ЭКОНОМИКА ДОЛБООРЛОРУН	
БАШКАРУУСУНУН ИЙГИЛИК ФАКТОРЛОРУН ТАЛДОО: САЯСАТКА,	
РЫНОККО ЖАНА ТЕХНОЛОГИЯГА НЕГИЗДЕЛГЕН СИНЕРГЕТИКАЛЫК	
КӨЗ КАРАШ	30
АНАЛИЗ ФАКТОРОВ УСПЕХА В УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТАМИ «ЗЕЛЕННОЙ»	
ЭКОНОМИКИ КИТАЯ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОЛИТИКЕ,	
РЫНКУ И ТЕХНОЛОГИЯМ	30
ANALYZING THE SUCCESS FACTORS OF GREEN ECONOMY PROJECT	
MANAGEMENT IN CHINA: A POLICY, MARKET, AND TECHNOLOGY	
COORDINATION PERSPECTIVE	30

Ван Б., Ли И., Сяо Ф., Цюй И., Мамбетакунов Э.М.	37
ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН ЛОГИСТИКАЛЫК ТАРМАКТЫН ЖУМУШ	
МЕНЕН КАМСЫЗ КЫЛУУ СТРУКТУРАСЫНА ТААСИРИ ЖӨНҮНДӨ	
ЭМПИРИКАЛЫК ИЗИЛДӨӨ	37
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО	
ИНТЕЛЛЕКТА НА СТРУКТУРУ ЗАНЯТОСТИ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ	
ОТРАСЛИ	37
AN EMPIRICAL STUDY ON THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	
ON THE EMPLOYMENT STRUCTURE OF THE LOGISTICS INDUSTRY	37
Ван И., Ли Л., Сяо Ц., Чжан Ю., Мамбетакунов Э.М.	42
ӨНҮГҮП КЕЛЕ ЖАТКАН ЭКОНОМИКАСЫ БАР ӨЛКӨЛӨРДӨ	
ВАЛЮТАЛЫК-ҚАРЖЫЛЫК КЫЗМАТТАШУУНУН МЕХАНИЗМДЕРИН	
ИЗИЛДӨӨ: МОТИВАЦИЯСЫ, ЫКМАЛАРЫ ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК	
ЭКОНОМИКАЛЫК КЕСЕПЕТТЕРИ	42
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОГО	
СОТРУДНИЧЕСТВА В СТРАНАХ С РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКОЙ:	
МОТИВАЦИЯ, ПОДХОДЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ	
ПОСЛЕДСТВИЯ	42
RESEARCH ON MONETARY AND FINANCIAL COOPERATION	
MECHANISMS IN EMERGING ECONOMIES: MOTIVATIONS, PATHWAYS	
AND INTERNATIONAL ECONOMIC EFFECTS	42
Ван И., Ли М., Тэн Л., Чжао Ч., Кожомкулова Д.Н.	49
КРИЗИС ДОЛБООРЛОРУН БАШКАРУУДАГЫ САНАРИПТИК БУЗУУ:	
КУРАЛДАРДЫ КЕҢЕЙТҮҮ ЖАНА ТЕХНИКАЛЫК КОЛДОО	
СТРАТЕГИЯЛАРЫ БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ	49
ЦИФРОВОЙ ПРОРЫВ В УПРАВЛЕНИИ КРИЗИСНЫМИ ПРОЕКТАМИ:	
ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	
ИНСТРУМЕНТОВ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ	49
DIGITAL BREAKTHROUGH IN CRISIS PROJECT MANAGEMENT: A STUDY	
ON TOOL EMPOWERMENT AND TECHNOLOGY SUPPORT STRATEGIES	49
Ван К., Ван Т., Цзинь И., Бокоев Ж.А.	56
КУРАЛДУУ ЖАҢЖАЛДАРДА КОРГОО ЖАНА КОЛДОНУЛУУЧУ УКУК	56
ЗАЩИТА И ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ	56
PROTECTION AND LAW APPLICABLE IN ARMED CONFLICT	56
Ван Л., Ванг С., Гао Ч., Гуань В., Адамкулова Ч.У.	61
ТАРТЫЛГАН ЧӨЙРӨДӨГҮ КРИЗИСТИК ДОЛБООРЛОРДУН ҚАРЖЫЛЫК	
АЧЫЛЫШЫ: ЧЫГЫМДАРДЫ ОПТИМАЛДАШТЫРУУ ЖАНА БЮДЖЕТТИ	
КАЙРА БӨЛҮШТҮРҮҮ СТРАТЕГИЯЛАРЫ	61
ФИНАНСОВЫЙ ПРОРЫВ КРИЗИСНЫХ ПРОЕКТОВ В ДЕФИЦИТНОЙ	
СРЕДЕ: СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАТРАТ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ	
БЮДЖЕТА	61
FINANCIAL BREAKTHROUGH OF CRISIS PROJECTS IN SCARCE	
ENVIRONMENT: COST OPTIMIZATION AND BUDGET REALLOCATION	
STRATEGY	61

Ван Л., Ли П., У Сэнь., Чжоу Л., Бактыбек к.А.	66
САНАРИПТИК ТРАНСФОРМАЦИЯ ШАРТЫНДА КЫТАЙДА ЖУМУШЧУ КҮЧТҮН КВАЛИФИКАЦИЯСЫН ЖОГОРУЛАТУУНУН АКТУАЛДУУЛУГУН ИЗИЛДӨӨ	66
ИССЛЕДОВАНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В КИТАЕ НА ФОНЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	66
RESEARCH ON THE URGENCY OF UPGRADING CHINESE LABOR SKILLS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION	66
Ванг С., Ли Ш., Хань В., Чжоу Я., Бактыбек к.А.	72
ШААРДЫК ЖАНА АЙЫЛДЫК КИРЕШЕЛЕРДИН АЙЫРМАСЫН ИЗИЛДӨӨДӨ ИРИ МААЛЫМАТТАР ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН КОЛДОНУУНУН МЕТОДОЛОГИЯЛЫК ИННОВАЦИЯЛАРЫ ЖАНА ЧЕКТӨӨЛӨРҮ	72
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗРЫВА В ДОХОДАХ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ	72
METHODOLOGICAL INNOVATION AND APPLICATION LIMITATIONS OF BIG DATA TECHNOLOGY IN THE STUDY OF URBAN AND RURAL INCOME GAP	72
Ван Х., Би Г., Бянь М., Ван Ч., Суранаев Т.Дж.	77
КЫТАЙДЫН КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ТҮЗДӨН-ТҮЗ ИНВЕСТИЦИЯЛАРЫ: УЧУРДАГЫ АБАЛ ЖАНА ТЕНДЕНЦИЯЛАР	77
ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В КЫРГЫЗСТАН: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ	77
CHINA'S FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN KYRGYZSTAN: CURRENT STATUS AND TRENDS	77
Гао Ч., Ли Э., Ху В., Чжэн В., Бейшеева А.А.	82
ИРИ МААЛЫМАТТАР ДООРУНДА ИШКАНАЛАРДЫН ФИНАНСЫЛЫК БАШКАРУУСУН ТРАНСФОРМАЦИЯЛООНУН ЖАНА ИННОВАЦИЯЛЫК ӨНҮКТҮРҮҮНҮН ЖОЛДОРУН ИЗИЛДӨӨ	82
ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ ФИНАНСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ	82
RESEARCH ON THE TRANSFORMATION AND INNOVATION PATH OF CORPORATE FINANCIAL MANAGEMENT IN THE ERA OF BIG DATA	82
Гуань В., Лю Л., Хуан Ц., Юй С., Мукамбаев Н.Ж.	89
АКЧА-КРЕДИТТИК САЯСАТТЫН КӨП ӨЛЧӨМДҮҮ ЧӨЙРӨДӨГҮ КОЛДОНМО СТРАТЕГИЯСЫ ЖАНА ИШКЕРДҮҮ ӨНҮГҮҮСҮ	89
ПРИКЛАДНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЕНЕЖНО- КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В МНОГОМЕРНОЙ СРЕДЕ	89
PRACTICAL STRATEGIES AND EVOLUTION OF MONETARY POLICY IN A MULTIDIMENSIONAL ENVIRONMENT	89
Гэн Ю., Ду П., Дуань С., Жао Л., Имашова А.А.	97

САНАРИПТИК ТРАНСФОРМАЦИЯ ШАРТЫНДА КРИЗИСТИК ӨЗГӨРҮҮЛӨРДҮ БАШКАРУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУН ЖОГОРУЛАТУУ ЖОЛДОРУН ИЗИЛДӨӨ	97
ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	97
RESEARCH ON THE PATHS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF CRISIS CHANGE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION	97
Гэн Ю., Лю Ц., Хуан Ц., Ян Ц., Ду П.....	103
КЫТАЙДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮСҮНДӨГҮ КИРЕШЕ ДИСБАЛАНСЫНЫН СТРУКТУРАЛЫК ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯСЫ ЖАНА МЕЙКИНДИКТИК ТЕҢСИЗДИГИ: КӨП ӨЛЧӨМДҮҮ ТАЛДОО	103
СТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДИСБАЛАНС: МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДИСБАЛАНСА ДОХОДОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ	103
STRUCTURAL DIFFERENTIATION AND SPATIAL IMBALANCE: A MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF INCOME INEQUALITY IN CHINA'S ECONOMIC DEVELOPMENT.....	103
Давузова С.Р.....	108
ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ПОЭЗИЯСЫНДАГЫ КЫТАЙДЫН ОБРАЗЫ: ДУНГАНДАРДЫН ЭС ТУТУМУ ЖАНА ИДЕНТТҮҮЛҮГҮ	108
ОБРАЗ КИТАЯ В ПОЭЗИИ ЯСЫРА ШИВАЗА: ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ДУНГАН.....	108
THE IMAGE OF CHINA IN THE POETRY OF YASYR SHIVAZA: DUNGAN MEMORY AND IDENTITY	108
Джон А.А.....	114
АКЫН ЖАНА ПЕДАГОГ ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАН КҮНҮНҮН 120 ЖЫЛДЫГЫ.....	114
120-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА И ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЯСЫРА ШИВАЗА.....	114
THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YASIR SHIVAZA, POET AND EDUCATOR.....	114
Дюшенбиев С.У.	119
КЫРГЫЗСТАНДЫН АЙЫЛДЫК ЖАЛПЫ БИЛИМ БЕРҮҮЧҮ МЕКТЕПТЕРИНЕ МУГАЛИМДЕРДИ ДАЯРДОО ЖАНА АЛАРДЫН ИШМЕРДҮҮЛҮГҮ (1970-1980-ЖЖ. ТАЖРЫЙБАСЫНАН)	119
ПОДГОТОВКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СЕЛЬСКИХ.....	119
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ КЫРГЫЗСТАНА (ИЗ ОПЫТА 1970- 1980 ГГ.).....	119
TRAINING AND ACTIVITIES OF TEACHING STAFF IN RURAL.....	119
COMPREHENSIVE SCHOOLS IN KYRGYZSTAN (BASED ON EXPERIENCE FROM THE 1970S–1980S)	119

Жао Л., Сун Ц., Цинь Ц, Лэй Ц., Хуан Ц.	129
САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ШАРТЫНДА БИЛИМ БЕРҮҮГӨ	
ИНВЕСТИЦИЯЛАРДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮГӨ ТИЙГИЗГЕН	
ТААСИРИН ТАЛДОО — КЫТАЙ МИСАЛЫНДА	129
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОБРАЗОВАНИЕ НА	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	
— НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ	129
ANALYSIS OF THE IMPACT OF EDUCATIONAL INVESTMENT ON	
ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL	
ECONOMY — A CASE STUDY OF CHINA	129
Ин Ч., Ван С.	134
ЯСЫР ШИВАЗАНЫН АДАБИЙ МУРАСЫ: МАДАНИЙ КОДДОН БИЛИМ	
БЕРҮҮ ПРАКТИКАЛАРЫНА ЧЕЙИН	134
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЯСЫРА ШИВАЗА: ОТ КУЛЬТУРНОГО КОДА	
К ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ	134
THE LITERARY HERITAGE OF YASYR SHIVAZA: FROM CULTURAL CODE	
TO EDUCATIONAL PRACTICES	134
亚瑟尔·希瓦扎的文学遗产: 从文化符号到教育实践	134
Касымова М.М.	141
КЫТАЙ ЭЛ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ХУЭЙ ЭЛИНИН ТАМАКТАНУУ	
МАДАНИЯТЫ	141
КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ НАРОДА ХУЭЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ	
РЕСПУБЛИКИ	141
THE FOOD CULTURE OF THE HUI PEOPLE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC	
OF CHINA	141
Кубанычбек кызы Ж.	147
ЖОГОРКУ БИЛИМ БЕРҮҮНҮ САНАРИПТЕШТИРҮҮНҮН АДистерди	
ДАЯРДООНУН САПАТЫНА ТААСИРИ (КЫРГЫЗСТАНДЫН	
МИСАЛЫНДА)	147
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА	
КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ	
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)	147
DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION AND ITS IMPACT ON THE	
QUALITY OF SPECIALIST TRAINING: THE CASE OF KYRGYZSTAN	147
Кудаяров К.А.	153
КЫРГЫЗ-КЫТАЙ ЭКСПЕРТТИК КЫЗМАТТАШУУСУ: ПОТЕНЦИАЛЫ	
ЖАНА ТОСКООЛДУКТАРЫ	153
КЫРГЫЗСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:	
ПОТЕНЦИАЛ И БАРЬЕРЫ	153
KYRGYZ-CHINESE EXPERT COOPERATION: POTENTIAL AND BARRIERS	153
Куракеева Б.А., Асхатова А.А.	158
ГЛОБАЛДАШУУ ШАРТТАРЫНДА ОНЛАЙН-БИЛИМ БЕРҮҮ:	
ЖЕТКИЛИКТҮҮЛҮК, САПАТ ЖАНА НАТЫЙЖАЛУУЛҮК	158

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДОСТУПНОСТЬ, КАЧЕСТВО И ЭФФЕКТИВНОСТЬ	158
ONLINE EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ACCESSIBILITY, QUALITY, AND EFFICIENCY	158
Ли М., Ли П., Ли Ш, Ли Э., Суранаев Т.Дж.....	162
ЖАҢЫ ДООРДО WINSHARE КОМПАНИЯСЫНЫН БИЗНЕС ӨНҮКТҮРҮҮ СТРАТЕГИЯСЫ	162
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА WINSHARE В НОВУЮ ЭПОХУ	162
WINSHARE’S BUSINESS DEVELOPMENT STRATEGY IN THE NEW ERA.....	162
Лю Г., Ван Ш., Чжан Ф., Апаев Э.Х., Бокоев Ж.А.....	171
АДАМ УКУКТАРЫ БОЮНЧА ЭЛ АРАЛЫК УКУКТУН ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК КЫЛМЫШ-ЖАЗА СОТ АДИЛЕТТИГИНИН ПРАКТИКАДАГЫ КӨЙГӨЙЛӨРҮН ИЗИЛДӨӨ	171
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ НА ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ.....	171
EXPLORATION OF PRACTICAL ISSUES IN INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW AND INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE	171
Лю Л., Лю Ц., Ма С., Мэнь Ц., Мукамбаева И.Б.	177
СООДА ЧЫР-ЧАТАКТАРЫ ЖАНА КЫТАЙ ЭКСПОРТТУК ИШКАНАЛАРЫНЫН ТУРУКТУУЛУГУ: РЫНОК, КАМСЫЗДОО ЧЫНЖЫРЧАСЫ ЖАНА КОМПЛАЕНС СТРАТЕГИЯЛАРЫНЫН НЕГИЗИНДЕГИ КОМПЛЕКСТҮҮ ТАЛДОО	177
ТОРГОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ КИТАЙСКИХ ЭКСПОРТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ РЫНКА, ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК И КОМПЛАЕНС-СТРАТЕГИЙ.....	177
TRADE CONFLICTS AND THE RESILIENCE OF CHINESE EXPORT ENTERPRISES: AN INTEGRATED ANALYSIS BASED ON MARKET, SUPPLY CHAIN, AND COMPLIANCE STRATEGIES.....	177
Лю Ч., Апаев Э.Х., Рыскулова Б.А., Калыбаева А.А.	182
ЭЛ АРАЛЫК УКУК БОЮНЧА СОЦИАЛДЫК ТАРМАКТАРДЫ ЖӨНГӨ САЛУУДАГЫ ПЛАТФОРМАНЫН ЖООПКЕРЧИЛИГИ МАСЕЛЕЛЕРИ.....	182
ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЛАТФОРМ В РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ.....	182
PLATFORM LIABILITY ISSUES IN SOCIAL NETWORK REGULATION UNDER INTERNATIONAL LAW	182
Лю Я., Бейшеева А.А.	187
КОРРУПЦИЯГА КАРШЫ ЭЛ АРАЛЫК МЕХАНИЗМДЕРДИ ӨНҮКТҮРҮҮ ЖАНА ӨРКҮНДӨТҮҮ	187
РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ	187
DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF INTERNATIONAL ANTI- CORRUPTION MECHANISM.....	187
Ма Л.	192

«САЯСАТ ТААНУУНУН НЕГИЗДЕРИ» САБАГЫНДА КАТЫШУУЧУЛУККА НЕГИЗДЕЛГЕН КЕЙС-ОКУТУУ МЕТОДУН ИЗИЛДӨӨ	192
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДА ПАРТИСИПАТИВНОГО КЕЙС-ОБУЧЕНИЯ В КУРСЕ «ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИИ»	192
RESEARCH ON THE PARTICIPATORY CASE TEACHING METHOD IN THE “PRINCIPLES OF POLITICAL SCIENCE”	192
Ма П.	199
ЯСЫР ШИВАЗАГА АРНАЛГАН АЗЫРКЫ КЫТАЙДАГЫ ИЗИЛДӨӨЛӨРГӨ СЕРЕП — ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАНДЫГЫНЫН 120 ЖЫЛДЫГЫНА КАРАТА	199
ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ, ПОСВЯЩЁННЫХ ЯСЫРУ ШИВАЗА — КО 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯСЫРА ШИВАЗА... ..	199
AN OVERVIEW OF CONTEMPORARY CHINESE RESEARCH DEDICATED TO YASYR SHIVAZA — ON THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YASYR SHIVAZA	199
纪念亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年——中国当代关于亚瑟尔·希瓦扎研究的综述	199
Ма С., Хуан Ц., Ян Й., Дуань С., Мэнь Ц.	206
ИНВЕСТИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕЙ КИТАЙСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ	206
INVESTMENT MODEL AND STRATEGIC FIT: A STUDY ON THE DIFFERENTIATED PATHS OF CHINESE MULTINATIONAL CORPORATIONS IN KYRGYZSTAN	206
Ма Ю., Ян Т.	213
ДУНГАН ТИЛИНЕ ТҮРК ТИЛДЕРИНИН ТААСИРИ ЖӨНҮНДӨ КЫСКАЧА ТАЛКУУ: ЯСЫР ШИВАЗЫ ЖАНА ЭРЛИ ЭРДУ СЫЯКТУУ ДУНГАН ЖАЗУУЧУЛАРЫНЫН ПОЭЗИЯСЫНДА ЖАНА ЧАКАН ПРОЗАЛЫК ЧЫГАРМАЛАРЫНДА (АҢГЕМЕЛЕР ЖАНА ПОВЕСТТЕР) УЙГУР ТИЛИНИН ЛЕКСИКАСЫНЫН МИСАЛЫНДА	213
КРАТКОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НА ДУНГАНСКИЙ ЯЗЫК - НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА В СТИХАХ И МАЛЫЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ) ДУНГАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ТАКИХ КАК ЯСЫР ШИВАЗЫ И ЭРЛИ ЭРДУ	213
A BRIEF STUDY OF THE INFLUENCE OF TURKIC LANGUAGES ON THE DUNGAN LANGUAGE: EVIDENCE FROM UYGHUR LEXICAL ELEMENTS IN THE POETRY AND SHORT PROSE (STORIES AND NOVELLAS) OF DUNGAN WRITERS YASYR SHIVAZA AND ERLI ERDU	213
Маджун Д.С.	221
ЯСЫР ШИВАЗА: ӨЗ ЭЛИНИН АГАРТУУЧУСУ ЖАНА РУХАНИЙ БАГЫТ БЕРҮҮЧҮСҮ	221

ЯСЫР ШИВАЗА: ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ДУХОВНЫЙ ОРИЕНТИР СВОЕГО НАРОДА.....	221
YASYR SHIVAZA: ENLIGHTER AND SPIRITUAL GUIDE OF HIS PEOPLE	221
Маккамбаева К.Ж.....	229
Я. ШИВАЗАНЫН ПОЭЗИЯСЫ КЫРГЫЗСТАНДЫН БААЛУУ АДАБИЙ МУРАСЫ	229
ПОЭЗИЯ Я. ШИВАЗЫ – ЦЕННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА.....	229
THE POETRY OF YA. SHIVAZA IS A VALUABLE LITERARY HERITAGE OF KYRGYZSTAN.....	229
Мяо Д.....	236
ЖАЛПЫ МУРАСТЫН САКЧЫСЫ: ПРОФЕССОР ХУ ЧЖЭНЬХУА ЖАНА ДУНГАН ТААНУУНУН КЕЛЕЧЕГИ.....	236
ХРАНИТЕЛЬ ОБЩЕГО НАСЛЕДИЯ: ПРОФЕССОР ХУ ЧЖЭНЬХУА И ГОРИЗОНТЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ	236
GUARDIAN OF THE COMMON HERITAGE: PROFESSOR HU ZHENHUA AND THE HORIZONS OF DUNGAN STUDIES.....	236
共同遗产的守护者: 胡振华教授与东干学的发展前景.....	236
Мяо Ч., Апаева С.Х.....	246
КЫТАЙЛЫК ТАРМАКТЫК ТЕРМИНДЕРДИН ПАЙДА БОЛУУ СЕБЕПТЕРИ ЖӨНҮНДӨ	246
О ПРИЧИНАХ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКИХ СЕТЕВЫХ ТЕРМИНОВ.....	246
ON THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF CHINESE NETWORK TERMS	246
Мяо Ч., Апаева С.Х.....	251
АНГЛИС ЖАНА КЫТАЙ ИНТЕРНЕТ ТИЛИНИН ОРТОСУНДАГЫ АЙЫРМАЧЫЛЫКТАРДЫ КОНТРАСТТЫК ЛИНГВИСТИКАЛЫК ИЗИЛДӨӨ.....	251
СРАВНИТЕЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ АНГЛИЙСКИМ И КИТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ ИНТЕРНЕТА	251
A CONTRASTIVE LINGUISTIC STUDY OF THE DIFFERENCES BETWEEN ENGLISH AND CHINESE INTERNET LANGUAGE	251
Пи Д., Гао Ч., Калдыбай у. М., Ныязкулова Б.К.	257
САНАРИПТИК ЭКОНОМИКАДА КЕРЕКТӨӨЧҮЛӨРДҮН УКУКТАРЫН КОРГОО ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК САЛЫК УКУГУН РЕФОРМАЛОО МАСЕЛЕЛЕРИН ИЗИЛДӨӨ	257
ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И РЕФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	257
RESEARCH ON CONSUMER PROTECTION AND INTERNATIONAL TAX LAW REFORM IN THE DIGITAL ECONOMY.....	257
Сейтова Ф.З.....	262
ЯСЫР ШИВАЗА –ДУНГАН ЭЛИНИН ПЕДАГОГУ ЖАНА АГАРТУУЧУСУ	262
ЯСЫР ШИВАЗА –ПЕДАГОГ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ ДУНГАНСКОГО НАРОДА	262

YASYR SHIVAZA – PEDAGOGUE AND ENLIGHTENER OF THE DUNGAN PEOPLE	262
Сун Ц., Сунь Ц., Бянь М., Сяо Ф., Кожомкулова Д.Н.	268
САНАРИПТИК ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫН НЕГИЗИНДЕ ИШКАНАНЫН ФИНАНСЫЛЫК МААЛЫМАТТАШТЫРУУ СИСТЕМАСЫН ТҮЗҮҮНҮ ТАЛДОО (NETEASE КОМПАНИЯСЫНЫН МИСАЛЫНДА)	268
АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ-НА ПРИМЕРЕ NETEASE (ПРИМЕНЕНИЕ ПРАКТИКИ)	268
ANALYSIS OF ENTERPRISE FINANCIAL INFORMATIZATION CONSTRUCTION BASED ON DIGITAL TECHNOLOGIES: A CASE STUDY OF NETEASE (APPLICATION OF PRACTICE)	268
Сы Ц.	273
ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ПОЭЗИЯСЫ ЖАНА ОРУС МАДАНИЯТЫ	273
ПОЭЗИЯ ЯСЫРА ШИВАЗЫ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА	273
THE POETRY OF YASYR SHIVAZA AND RUSSIAN CULTURE	273
Сяо Ц., Тэн Л., У Сэнь., Хань В., Мукамбаева И.Б.	280
ГЛОБАЛДЫК СООДА ЭРЕЖЕЛЕРИНИН ӨЗГӨРҮҮ ШАРТЫНДА УЛУТТУК ЭКОНОМИКАЛЫК БАШКАРУУ ҮЧҮН ЖАҢЫ ЧАКЫРЫКТАР	280
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРАВИЛ ГЛОБАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ	280
NEW CHALLENGES FOR NATIONAL ECONOMIC GOVERNANCE UNDER THE RECONSTRUCTION OF GLOBAL TRADE RULES	280
Тумонбаева А.А.	285
ШАНХАЙ КЫЗМАТТАШТЫК УЮМУ ӨЛКӨЛӨРҮНДӨ БИЛИМ БЕРҮҮНҮН САНАРИПТЕШТИРҮҮ: ОКУТУУНУН САПАТЫН ЖОГОРУЛАТУУ ҮЧҮН ЖАҢЫ МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨР	285
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ШОС: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ	285
DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE SCO COUNTRIES: NEW OPPORTUNITIES FOR ENHANCING THE QUALITY OF LEARNING	285
Хаваза Ф.Н.	289
ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ИДИОСТИЛИНДЕГИ МЕТАФОРА: ТҮЗҮМДҮК- СЕМАНТИКАЛЫК ТАЛДОО	289
МЕТАФОРА В ИДИОСТИЛЕ ЯСЫРА ШИВАЗА: СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	289
Хоу Ю., Мэн М.	295
БОРБОР АЗИЯДАГЫ КЫТАЙ ТЕКТҮҮ СТУДЕНТТЕРДИН ОРТО ДЕНГЭЭЛДЕГИ КЫТАЙ ТИЛИНДЕГИ ТЕКСТТЕРИНДЕ ЛЕКСИКАЛЫК БАЙЛАНЫШ КАРАЖАТТАРЫН ИЗИЛДӨӨ	295
АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО	

ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА СРЕДНЕМ УРОВНЕ ВЛАДЕНИЯ КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ	295
AN INVESTIGATION OF LEXICAL COHESION IN INTERMEDIATE-LEVEL CHINESE DISCOURSE BY THE ETHNIC CHINESE STUDENTS FROM CENTRAL ASIA.....	295
Ху В., Хуан Ц., Хуан Ц., Хуан Ц., Тыналиев К.К.....	302
КРИЗИСТИК КЫРДААЛДАРДА ДОЛБООРДУК ТОПТУН КОММУНИКАЦИЯСЫНЫН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУНА ЖЕТЕКЧИЛИК СТИЛДЕРИНИН ТААСИРИН ИЗИЛДӨӨ.....	302
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЫ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ.....	302
RESEARCH ON THE IMPACT OF DIFFERENT LEADERSHIP STYLES ON CRISIS COMMUNICATION EFFECTIVENESS IN PROJECT TEAMS	302
Ху Ч.....	307
ОРТО АЗИЯДАГЫ ДУНГАН ЖАЗМА АДАБИЯТЫНЫН НЕГИЗДӨӨЧҮСҮ ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАНДЫГЫНЫН 120 ЖЫЛДЫГЫНА АРНАЛАТ	307
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКА ДУНГАНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЯСЫРА ШИВАЗА	307
COMMEMORATING THE 120TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YASYR SHIVAZA, THE FOUNDER OF DUNGAN WRITTEN LITERATURE IN CENTRAL ASIA.....	307
纪念中亚东干书面文学奠基人亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年.....	307
Хуан Ц., Цинь Ц., Чжан Ц, Ван Ч., Назарматова Б.М.....	314
САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ШАРТЫНДАГЫ КЫТАЙ ӨНДҮРҮШ ТАРМАГЫНЫН БИЗНЕС МОДЕЛДЕРИНИН ИННОВАЦИЯЛАРЫ ЖАНА ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ.....	314
ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ И ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	314
RESEARCH ON BUSINESS MODEL INNOVATION AND TRANSFORMATION OF CHINA’S MANUFACTURING INDUSTRY IN THE DIGITAL ECONOMY	314
Хуэй Ц.....	319
КЫРГЫЗСТАНДЫН ЭЛ АКЫНЫНЫН «КЫТАЙ СЕЗИМДЕРИ» — ЯСЫР ШИВАЗАНЫН ТУУЛГАН КҮНҮНҮН 120 ЖЫЛДЫГЫНА КАРАТА	319
«КИТАЙСКИЕ ЧУВСТВА» НАРОДНОГО ПОЭТА КЫРГЫЗСТАНА — К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯСЫРА ШИВАЗА	319
“CHINESE SENTIMENTS” OF THE PEOPLE’S POET OF KYRGYZSTAN — ON THE OCCASION OF THE 120TH ANNIVERSARY OF YASYR SHIVAZA’S BIRTH	319
吉尔吉斯斯坦人民诗人的“中国情怀”——纪念亚瑟尔·希瓦扎诞辰 120 周年.....	319
Цюй И., Чжан Ю., Чжао Ч., Чжоу Л., Тыналиев К.К.	324

САНАРИПТИК ЭКОНОМИКАНЫН ИШ МЕНЕН КАМСЫЗ КЫЛУУГА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ: МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨРҮ, КӨЙГӨЙЛӨРҮ ЖАНА ЧЕЧҮҮ ЖОЛДОРУ	324
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ЗАНЯТОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	324
THE IMPACT OF THE DIGITAL ECONOMY ON EMPLOYMENT: OPPORTUNITIES, CHALLENGES AND SOLUTIONS	324
Чжоу Я., Чжэн В., Юй С., Ян Ц., Назарматова Б.М.	333
КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН ОРТОСУНДАГЫ ТРАНСЧЕК АРАЛЫК ЭЛЕКТРОНДУК КОММЕРЦИЯНЫН ӨНҮГҮҮ МОДЕЛИН ТАЛДОО: ЖАҢЫ ЖИБЕК ЖОЛУ ХАБЫНЫН АЛКАГЫНДАГЫ МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨР ЖАНА ПРАКТИКА	333
АНАЛИЗ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И КЫРГЫЗСТАНОМ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАКТИКА В РАМКАХ НОВОГО ХАБА ШЕЛКОВОГО ПУТИ	333
ANALYSIS OF CROSS-BORDER E-COMMERCE DEVELOPMENT MODELS BETWEEN.....	333
CHINA AND KYRGYZSTAN: OPPORTUNITIES AND PRACTICES UNDER THE NEW SILK ROAD HUB	333
Чэнь С., Ван Х., Ли И, Ли Л., Калдыбай у. М.	339
КЫРГЫЗСТАНДЫН АКЫРКЫ 40 ЖЫЛДАГЫ ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНҮГҮҮСҮ: ТРАНСФОРМАЦИЯНЫН, СЫНООЛОРДУН ЖАНА ТУРУКТУУЛУКТУН ТАТААЛ ЖОЛУ	339
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСТАНА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 40 ЛЕТ:	339
ТРУДНЫЙ ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ, ПОТЯСЕНИЙ И УСТОЙЧИВОСТИ	339
KYRGYZSTAN'S ECONOMIC DEVELOPMENT TRENDS IN THE PAST 40 YEARS: A DIFFICULT JOURNEY OF TRANSFORMATION, TURBULENCE, AND RESILIENCE.....	339
Чэнь С., Сунь Ц., Чжан Ц. Ян Ц.	348
ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКА: КЫТАЙДАГЫ САЛТТУУ БИЗНЕС- МОДЕЛДЕРГЕ ТААСИРИ ЖАНА ИННОВАЦИЯЛЫК ӨНҮГҮҮ ИЗИЛДӨӨЛӨРҮ	348
ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКА: ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННЫЕ БИЗНЕС- МОДЕЛИ КИТАЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ.....	348
IMPACT OF INTERNET ECONOMY ON CHINA'S TRADITIONAL BUSINESS MODELS AND RESEARCH ON INNOVATIONS	348
Чэнь Х., Чжан Ю., Апаева (Хочиева) С.Х., Калыбаева А.А.	353
ЭЛ АРАЛЫК КОММЕРЦИЯЛЫК АРБИТРАЖ МЕНЕН ЭЛ АРАЛЫК СООДА КЕЛИШИМДЕРИНИН ӨЗ АРА АРАКЕТТЕНҮҮ МЕХАНИЗМИН ГЛОБАЛДАШУУ ЖАНА САНАРИПТЕШТИРҮҮ ШАРТЫНДА ИЗИЛДӨӨ	353
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ АРБИТРАЖЕМ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ ТОРГОВЫМИ КОНТРАКТАМИ.....	353
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ	353

A STUDY ON THE INTERACTION MECHANISM BETWEEN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION AND INTERNATIONAL TRADE CONTRACTS FROM THE PERSPECTIVE OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION	353
Шисыр И.С.....	358
Я. ШИВАЗЫНЫН «ТАҢ ЖЫЛДЫЗЫ» ПОВЕСТИНДЕ ЧЫНДЫКТЫ РЕАЛИСТТИК ЧАГЫЛДЫРУУНУН КӨРКӨМ АЧКЫЧЫН ИЗИЛДӨӨ	358
ПОИСК ХУДОЖЕСТВЕННОГО КЛЮЧА К РЕАЛИСТИЧЕСКОМУ РАСКРЫТИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ Я.ШИВАЗЫ «УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА»	358
SEARCH FOR AN ARTISTIC KEY TO THE REALISTIC DISCLOSURE OF REALITY IN THE STORY "MORN-ING STAR" BY Y. SHIVAZA.....	358
Эрыслан кызы А., Мустаева Ч.Б., Кубанычбекова Г.К.....	363
ШКУНУН УНИВЕРСИТЕТТЕРИНИН ОРТОСУНДАГЫ ӨЗ АРА БАЙЛАНЫШТЫ ЧЫНДООДО ИЛИМ ЖАНА БИЛИМ ТИЛДЕРИ КАТАРЫ ОРУС ЖАНА КЫТАЙ ТИЛДЕРИНИН РОЛУ	363
РОЛЬ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ЯЗЫКОВ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В УКРЕПЛЕНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗОВ ШОС	363
THE ROLE OF RUSSIAN AND CHINESE AS LANGUAGES OF SCIENCE AND EDUCATION IN STRENGTHENING INTERACTIONS BETWEEN SCO UNIVERSITIES	363
Ян Й., Ян Ц., Лэй Ц., Имашова А.А.....	370
КЫТАЙДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ӨНУГҮҮСҮНӨ УРБАНИЗАЦИЯНЫН ТААСИРИ БОЮНЧА ТЕРЕҢ ИЗИЛДӨӨ ОТЧЁТУ	370
УГЛУБЛЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТЧЕТ О ВЛИЯНИИ УРБАНИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ	370
STUDY ON THE IMPACT OF URBANIZATION ON CHINA'S ECONOMIC DEVELOPMENT.....	370
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	377

**ВЕСТНИК
КЫРГЫЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«25 ЛЕТ ШОС – СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ИМЯ СОЗИДАНИЯ И ПРОГРЕССА»**

Формат 60x84/8. Объем 50,0 п. л.
Бумага офсет., тираж 100 экз.

Типография КНУ им. Ж. Баласагына
г. Бишкек, пр. Манаса, 101